

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2015 № 2 (62) Т. 2

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Бабиц М. – д-р юр. наук, проф. Бания-Лукского университета (Бания Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Welttrends» (Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Бибилло В. Н. – д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гудов А. М. – д-р физ.-мат. наук, доц., КемГУ (Кемерово, Россия).
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).
Исмаилов З. Р. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИУХМ СО РАН (Кемерово, Россия).
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Ключко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Черненко Т. Г. – д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2015 № 2 (62) Vol. 2

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).
Z. R. Ismagilov – Dr. of Chemistry, Prof., Institute of Coal Chemistry and Materials Chemistry at the Siberian Branch of RAS (Kemerovo, Russia).
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
A. V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 7 **Босов Д. В.** Отечественный мейнстрим-кинематограф и студенческая молодежь
- 12 **Волкова О. А., Гребеникова Ю. А.** Система социальной защиты населения региона на основе межсекторного социального партнерства: модели взаимодействия
- 18 **Вольхина В. А., Ивлев С. В.** Специфика политико-административного управления в субъектах РФ (на примере Кемеровской области)
- 23 **Горелкин А. В.** Молодежь как субъект обеспечения устойчивого развития российского общества и национальной безопасности России
- 27 **Григорьева Е. В.** Социальная политика государства в сфере семьи: основные направления и механизмы реализации (на примере Кемеровской области)
- 33 **Желтов В. В., Желтов М. В.** Алжир: реформирование как проявление арабской весны
- 39 **Зуйкова Н. И.** Социальный механизм реализации права на образование детей в условиях ограничения свободы
- 47 **Ивлев С. В., Вольхина В. А.** Субституционализация политических процессов в условиях современной России
- 51 **Иуков Е. А.** Концепт «страна-изгой» и угроза мировой изоляции для России
- 56 **Козырева А. А.** Почему социальные сети являются инструментом политической власти?
- 60 **Кисляков М. М.** Региональный политический маркетинг как объект научных исследований
- 64 **Логунова Л. Ю.** Гуманистически-смысловой подход в микросоциологии
- 69 **Макарова О. А.** Общественно-политическое участие населения на муниципальном уровне
- 72 **Матафонова Ю. А.** Политическая стабильность и политическая устойчивость в контексте федеративной системы
- 76 **Омеличкин О. В.** Гражданская культура России: проблемы формирования
- 81 **Погулич О. В.** Институциональный дизайн антикоррупционной политики в субъектах Байкальского региона Российской Федерации
- 85 **Пузырев К. С.** Региональный сепаратизм в современной Европе: истоки и особенности проявления
- 89 **Чирун С. Н.** Институциональные модели и актуальные формы современного молодежного парламентаризма на примере России

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 7 **D. V. Bosov.** Russian mainstream cinema and student-age youth
- 12 **O. A. Volkova, Yu. A. Grebenikova.** Regional system of social protection of population on the basis of inter-sectoral social partnership: models of interaction
- 18 **V. A. Volkhina, S. V. Ivlev.** The specificity of the political and administrative management in the regions of the Russian Federation (the example of Kemerovo region)
- 23 **A. V. Gorelkin.** Youth as a subject of sustainable development of the Russian society and national security of Russia
- 27 **E. V. Grigorieva.** The social policy of the state in regard to the family: guidelines and mechanisms for implementation (the example of Kemerovo region)
- 33 **V. V. Zheltov, M. V. Zheltov.** Algeria: reforms as a consequence of the Arab Spring
- 39 **N. I. Zuikova.** Social mechanism of implementation of the right to education for children in detention
- 47 **S. V. Ivlev, V. A. Volkhina.** Substitutionalization of political processes in contemporary Russia
- 51 **E. A. Iukov.** The concept of "rogue state" and a threat of global insulation for Russia
- 56 **A. A. Kozyreva.** Why are social networks a tool of political power?
- 60 **M. M. Kislyakov.** Regional political marketing as an object of scientific research
- 64 **L. Yu. Logunova.** Humanistic sense approach in microsociology
- 69 **O. A. Makarova.** Public and political popular participation at the municipal level
- 72 **Yu. A. Matafonova.** Political stability and political sustainability in the federative system
- 76 **O. V. Omelichkin.** Civic culture of Russia: the problems of formation
- 81 **O. V. Pogulich.** Institutional design of the anti-corruption policy in the subjects of the Baikal region of the Russian Federation
- 85 **K. S. Puzyrev.** Regional secessionism in modern Europe: origins and features of manifestations
- 89 **S. N. Chirun.** Institutional models and current forms of modern youth parliament: the example of Russia

- 94 **Шапкина Е. В.** Интернет в системе средств массовой информации и особенности его восприятия в общественном сознании
- 99 **Шиллер В. В.** Конфессиональная политика и процессы межконфессионального взаимодействия в Кузбассе в конце XX – начале XXI вв.
- 105 **Шпак Л. Л., Головацкий Е. В.** Маргинальное политическое сознание и поведение – проблема социологического анализа

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 111 **Балаян Э. Ю.** Конституционно-правовые аспекты защиты прав человека в контексте функций современного государства
- 119 **Бляхман Б. Я.** Юридическое образование в Кузбассе: 40 лет юридическому факультету КемГУ
- 123 **Бляхман Б. Я., Гаврилов С. О.** Перспективы развития юридического образования в Кемеровской области
- 126 **Бобринев Р. В., Червинский А. С.** Использование в уголовном судопроизводстве права на назначение и производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела
- 131 **Вернов А. С., Гаврилов С. О.** Кадровый состав органов прокурорского надзора Западной Сибири в 1920-е гг.
- 136 **Волчек В. А., Гаврилов С. О., Серафимович А. Е.** Прокуратура Западной Сибири и проблема общего надзора в 1850 – 1890-х гг.
- 140 **Гаврилова А. В.** Уголовное судопроизводство в рамках Екатерининской судебной системы в Тобольской губернии
- 144 **Гаврилова А. В., Серафимович А. Е.** Система прокурорского надзора в дореформенной Сибири XVIII – XIX вв.
- 147 **Гулиева Н. Б., Черненко Т. Г.** Некоторые проблемы квалификации неуважения к суду
- 150 **Драпезо Р. Г., Сергеев О. Д.** Сбор первоначальной информации при осмотре места происшествия и трупа (на примере нарушений правил безопасности при ведении горных работ и убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления)
- 159 **Дружинина Ю. Ф.** Единый недвижимый комплекс – возврат к старым идеям
- 162 **Желтов М. В., Леонов А. С.** Конституционное регулирование права собственности в странах Южной Америки
- 166 **Казьмин В. Н., Казьмина М. В.** Борьба с инакомыслием в России в 60 – 80-е гг. XX века
- 170 **Кондратьев М. В., Драпезо Р. Г.** Об актуальности оперативно-розыскной деятельности на современном этапе развития государства
- 176 **Леонова Т. Ю.** Федеральные государственные образовательные стандарты в сфере юриспруденции как гарантия права на высшее юридическое образование

- 94 **E. V. Shapkina.** The Internet in the mass media system and specifics of its perception in the public mind
- 99 **V. V. Shiller.** Confessional policies and processes of inter-confessional interaction in Kuzbass in the late 20th – early 21st centuries
- 105 **L. L. Shpak, E. V. Golovatsky.** Marginal consciousness and behaviour as an object of sociological analysis

JURISPRUDENCE

- 111 **E. Yu. Balayan.** Constitutional and legal facets of human rights protection within the framework of the modern state functions
- 119 **B. Ya. Blyakhman.** Legal education in Kuzbass: 40 years' anniversary of the Faculty of Law of Kemerovo State University
- 123 **B. Ya. Blyakhman, S. O. Gavrilov.** Prospects of development of legal education in Kemerovo region
- 126 **R. V. Bobrinev, A. S. Chervinskiy.** The criminal proceedings use of the right to the appointment and conduct of a forensic examination before the initiation of criminal proceedings
- 131 **A. S. Vernov, S. O. Gavrilov.** The staff of public prosecution agencies in Western Siberia in the 1920s
- 136 **V. A. Volchek, S. O. Gavrilov, A. E. Serafimovich.** Public Prosecution in Western Siberia and the problem of general supervision in the second half of the 19th century
- 140 **A. V. Gavrilova.** Criminal proceedings courts in Tobolsk Province formed during the reign of Catherine II
- 144 **A. V. Gavrilova, A. E. Serafimovich.** The system of public prosecutions in the pre-reform Siberia in the 18th – 19th centuries
- 147 **N. B. Gulyeva, T. G. Chernenko.** Some problems of qualification of contempt of the court
- 150 **R. G. Drapezo, O. D. Sergeev.** Collection of primary information at crime scene and corpse examination (the example of violations of safety rules at mountain works and murders where fire acts as the tool (method) of concealing the crime)
- 159 **Yu. F. Druzhinina.** The consolidated complex of immovable property – a return to the old ideas
- 162 **M. V. Zheltov, A. S. Leonov.** Constitutional regulation of property rights in the countries of South America
- 166 **V. N. Kazmin, M. V. Kazmina.** The fight against dissent in Russia in the 1960s – 1980s
- 170 **M. V. Kondratiev, R. G. Drapezo.** On the relevance of operational investigative activity at the present stage of the state development
- 176 **T. Yu. Leonova.** Federal State Educational Standards in Law as a guarantee of the right to higher legal education

181 <i>Лисина Н. Л.</i> Иные, кроме собственности, виды прав на земельные участки в свете изменений Земельного кодекса Российской Федерации 188 <i>Наумов А. А.</i> Проблемы разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ 193 <i>Новиков Е. Е.</i> Теоретико-практические вопросы развития процесса размещения осужденных в исправительных учреждениях 196 <i>Петракова Л. В., Гааг И. А.</i> К вопросу о едином следственном комитете в Российской Федерации 200 <i>Попова Т. Ю.</i> Изменение баланса полномочий прокурора и руководителя следственного органа 203 <i>Терентьева В. А.</i> Условно-досрочное освобождение от наказания по УК РСФСР 1960 г. и УК Российской Федерации 1996 г. Сравнительно-правовой анализ 207 <i>Терентьева В. А., Наумова Е. Г.</i> Криминологическая характеристика личности несовершеннолетних, освобождаемых от наказания 211 <i>Трезубов Е. С.</i> К вопросу о правовой природе обеспечительных обязательств 215 <i>Федотов А. Ф.</i> Понятие государственного аудита 219 <i>Федотов А. Ф., Федотова В. А.</i> Законодательное закрепление необходимости формирования целевых денежных фондов хозяйствующими субъектами 223 <i>Хорошилова О. С.</i> Классификация составов преступлений по моменту окончания преступления 227 <i>Черненко Т. Г.</i> Квалификация преступлений в зависимости от формы соучастия в преступлении 232 <i>Этина Т. С.</i> Внепроцессуальные обращения к суду: вопросы правовой регламентации 237 <i>Юркевич Н. А.</i> Особенности судебно-ревизионной формы предания обвиняемого суду 241 Правила для авторов журнала 243 Подписка на «Вестник КемГУ»	181 <i>N. L. Lisina.</i> Non-property types of land rights in the light of the Land Code of the Russian Federation 188 <i>A. A. Naumov.</i> Problems of differentiation of offenses under Articles 143 and 216 of the Criminal Code of the Russian Federation 193 <i>E. E. Novikov.</i> Theoretical and practical issues for developing the process of placing convicts in prison 196 <i>L. V. Petrakova, I. A. Gaag.</i> To the question of uniqueness of the Investigative Committee of the Russian Federation 200 <i>T. Yu. Popova.</i> Change of balance of plenary powers of the public prosecutor and the leader of investigative agency 203 <i>V. A. Terentieva.</i> Conditional early release from punishment under the Criminal Code of the USSR of 1960 and the Criminal Code of the Russian Federation of 1996. Comparative legal analysis 207 <i>V. A. Terentieva, E. G. Naumova.</i> Criminological characteristics of the personality of juveniles exempted from criminal punishment 211 <i>E. S. Trezubov.</i> To the question of the legal nature of security obligations 215 <i>A. F. Fedotov.</i> The concept of state audit 219 <i>A. F. Fedotov, V. A. Fedotova.</i> Legal recognition of the necessity of forming target funds of economic entities 223 <i>O. S. Khoroshilova.</i> The corpus delicti classification by the moment of crime completion 227 <i>T. G. Chernenko.</i> Qualification of crimes depending on the form of complicity in the crime 232 <i>T. S. Etina.</i> Extra-processual recourses to court: questions of legal regulation 237 <i>N. A. Yurkevich.</i> Features of court revision procedure of bringing the accused to the court 241 Information and instructions for authors 243 Subscribe to Bulletin of KemSU

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.74

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ МЭЙНСТРИМ-КИНЕМАТОГРАФ
И СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ*Д. В. Босов*

RUSSIAN MAINSTREAM CINEMA AND STUDENT-AGE YOUTH

D. V. Bosov

В данной статье рассматриваются предпочтения студенческой молодежи в выборе продукции отечественного мейнстрим-кинематографа как агента и фактора социализации, его героев и антигероев, ценностно-смысловое содержание и культурные константы в формировании особого типа личности – массового человека. Автор полагает, что необходимы практики и меры противодействия негативным последствиям влияния мейнстрим-кинематографа, а также обучение дешифровке внутреннего содержания его продукции для студенческой молодежи, находящейся в процессе личностного становления.

The paper discusses the students' preferences in choosing the products of Russian mainstream cinema as an agent and factor of socialization, representing its heroes and anti-heroes, axiological content and cultural constants in the formation of a special type of personality – the mass person. The author believes that the practice and measures of counteraction to negative consequences of the mainstream cinema influence are important, and that the student-age youth who are undergoing the process of personality formation should be trained to decode the underlying content in the mainstream cinema production.

Ключевые слова: мейнстрим-кинематограф, студенчество, социализация, герои фильма, антигерои кино, культурные константы, массовый человек, антиценности, экшн, триллер, мелодрама, комедия.

Keywords: mainstream cinema, students, socialization, film characters, anti-cinema, cultural constants, mass people, antivalues, action, thriller, melodrama, comedy.

В современной студенческой среде распространяется феномен «массовый человек». Это представляет опасность, ведь студент – будущий профессионал, претендующий на лучшие места в обществе. Молодой человек идентифицирует себя с героями мейнстрим-кинематографа. Так отбрасывается интеллектуальное наследие культуры, развиваются зависимость от коллективного мнения, невежество и необразованность – следствие сознательного самоограничения. В конце концов, происходит обеднение духовных потребностей и интересов молодежи, преобладание материальных ценностей над духовными.

Проникновение и распространение массового человека в студенческой среде ведёт к вымиранию интеллигенции в российском обществе и к неизбежному её превращению в узкоспециализированных интеллектуалов, не способных свободно оперировать знанием, выходящим за пределы их специализации.

Цель работы – выявить предпочтения студентов в области отечественного мейнстрим-кинематографа.

Эмпирическая база исследования представлена:

1. Материалами статистических сборников федерального и регионального уровней, социологических исследований, характеризующих кинопредпочтения молодежи, в том числе студенческой, степень распространения продукции массовой культуры, в частности кинофильмов.

2. Результатами авторского социологического исследования, направленного на изучение кинопредпочтений студенческой молодежи в области мейнстрим-кинематографа, проведенного в октябре – декабре 2014 года в вузах Белгородской области. В исследовании использован анкетный опрос студентов очного обучения всех курсов университетов региона (N = 840) по гнездовой выборке, а также результатами экспертного опроса 2014 года (N = 35) преподавателей по культурологии, теории и истории искусств, социологии и работников кинотеатров Белгородской области.

3. Результатами аналогичных исследований, проводимых в нашей стране.

Аудитория указала 103 любимых отечественных фильма, и большинство из них довольно известны. Согласно социологическим исследованиям, которые проводились социологами НИИ киноискусства на Белгородчине в 1998 – 1999 гг., посещаемость кинотеатров области во время показа отечественных фильмов варьировалась от 10 до 40 % при прокате до 45 кинолент (данные за девять месяцев). В 1998 году, следуя данным тех же исследований, достаточно высокий зрительский интерес в белгородских кинотеатрах имели 20 отечественных кинокартин, среди которых оказались также и выявленные диссертационным исследованием («Брат», «Любить по-русски-2» и «Принцесса на бобах» – 25 %) [5, с. 459].

Подобные кинопроизведения содержат различные образцы поведения, отображающие реалии российского общества 90-х годов XX века.

Экспертами среди отечественных кинолент, предпочитаемых студентами, в основном были названы фильмы, снятые в нынешнем веке, отличающиеся зрелищностью, динамизмом сюжета («экшн») и сопровождаемых широкими рекламными кампаниями. Среди них фильмы Тимура Бекмамбетова «Ночной дозор», «Дневной дозор», «Особо опасен», «Елки», «Елки 2» и «Елки 3». Также студенческая молодежь, по результатам экспертного опроса, предпочитает смотреть комедийные киносериалы «Универ», «Интерны», «Реальные пацаны». Положительной тенденцией является то, что, по мнению экспертов, многим студентам понравился фильм «Легенда № 17», который можно отнести к у уровню мид-культуры, и который способствует формированию социально нормативных качеств у зрителей, и прежде всего качеств нравственных, таких, как честь, ответственность за других, командный дух.

Уже первые десять любимых киногероев, представленных общей аудиторией, демонстрируют превалирование преступников (Саша Белый, Трус, Былалый, Пчела и Космос), которые никак не относятся к героям, скорее к отрицательным персонажам. Главные герои постсоветских сериалов – бизнесмены и бандиты (Шаталин, Белый, Пчела, Фил, Космос), но и те и другие – явные носители и трансляторы потребительских ценностей.

Аудитории также было предложено назвать любимых героев отечественных фильмов, и она указала 62 персонажа. Аудитория представила 25 героев и героинь советского и 37 героев и героинь российского кино. Этот факт свидетельствует о сложных взаимоотношениях советской и постсоветской российской массовых культур, с небольшим отрывом друг от друга занимающих информационное пространство, в котором пребывает современная массовая аудитория. На 44 мужских персонажа приходится 18 женских, почти демонстрируя соотношение 1:2.

Эксперты указали на то, что любимыми героями для студентов являются герои кинолент как советских, так и постсоветских времен.

Общая аудитория продемонстрировала иерархию любимых отечественных киногероев, указав на 62 любимого героя и героиню отечественного кино 17 персонажей, являющихся представителями делинквентного поведения или инновационного, согласно типологии социального действия Р. Мертон, что почти составляет соотношение 1:4.

Особенно, в первую очередь здесь отличается первая десятка любимых героев и героинь: на 10 любимых отечественных героев приходится 6 делинквентов, причем 4 из них оказываются представителями постсоветского российского кинематографа. Все делинквенты – герои, героинь среди них нет. Если на 26 советских любимых героев и героинь кино приходится 11 делинквентов, тем самым, соотношение 1:4 сменяется соотношением 1:3. Представители делинквентного поведения не только увеличились в коли-

честве среди новых киногероев, наполняя постсоветское российское кино. Таким образом, в сознание современной молодежи транслируются деконструктивистские образы, которые ценности превращают в антиценности, и наоборот. Так, современный мейнстрим-кинематограф сегодня сотворил из мошенника и авантюриста истинного героя нашего времени [13, с. 120]. Помимо этого значительную роль в апологии и идеализации мошенников и преступников играет и современный мейнстрим-кинематограф, продукция которого сегодня в изобилии транслируется на различных экранах.

В качестве любимых отечественных героев и героинь кино как студенческая аудитория, так и эксперты в ходе опроса, отобрали почти всех главных персонажей бандитской киносаги «Бригада». Подобные результаты опроса схожи с итогами исследования, проводимого среди школьного контингента в г. Краснодар. В ходе данного исследования, говоря о фильмах и киногероях, более трети школьников (38 %) не смогли назвать любимый фильм/киногероя. Еще 42 % указали на зарубежные фильмы/героев, преимущественно жанра «экшн», триллеры и мелодрамы. Абсолютными лидерами рейтинга киногероев стали герои сериала «Бригада» – бандиты, показанные в сериале в весьма привлекательном свете [18].

В действительности, среди героев и героинь кино чаще всего и фигурируют люди известности и денежных профессий. Банкиры, адвокаты, финансисты, детективы, звезды шоу-бизнеса, проститутки, гонимые, наемные убийцы, бандиты и др. – все, кто как-то связан с социальным институтом «деньги». Богатство представлено как институциональная цель, причем в западном и постсоветском кино массовой культуры в качестве средств его достижения выступает либо конформность, либо инновация. Согласно исследованиям ценностных установок белгородской молодежи на 2008 г., 33 % опрошенных представили богатство в качестве основной цели и приоритета [15, с. 68 – 169].

Далее, из 63 героев и героинь 19 принадлежали сериалам, что составляет соотношение более чем 1:3. Причем героев из советских сериалов представлено лишь 2 – Семен («Вечный зов») и Штирлиц («17 мгновений весны»), остальные 17 героев и героинь кино имеют отношение к постсоветским российским сериалам.

При рассмотрении представленных ответов обнаруживается, что целый ряд указанных персонажей по характерам своих действий имеют отношение к отрицательным героям (антигероям), а не к положительным. Выясняется, что каждый 6 из любимых героев является антигероем.

Усваивая поведенческие стандарты доминирующих социальных отношений, молодой человек может определить границы своей внешней идентификации лишь в рамках массовой культуры, унифицирующей его духовные потребности, выводя их в основном в рекреативную сферу. Подобная внешняя идентификация носит конформистский характер и формирует установку на квазипотребление духовных

ценностей. Внешняя идентификация не всегда переходит во внутреннюю, то есть в самоидентификацию, обретение индивидом осознанных убеждений и ценностных ориентации, определяющих его социальную роль.

Студенческая молодежь – фактор общественного прогресса. Судьба будущего российского общества будет зависеть от таких людей, и от того с какими культурными образцами они себя отождествляют. Если подобные люди будут воспитаны на делинквентных ценностях и нормах, то и само общество, и государство впоследствии их разделит. Экономический фактор – стержень и сущностная основа мейнстрим-кинематографа, где все рассматривается с позиции экономической стоимости. Американизация российской массовой культуры приводит к несомненному распространению «экономикоцентричной» рыночной психологии и заставляет трактовать культуру как сферу развлечений, досуга или в качестве экономической сферы [14].

Далее общая аудитория указала нелюбимых героев и героинь отечественного кино. Аудитория не в состоянии отличить героев от антигероев, представляя последних в качестве первых (Саша Белый, Антибиотик, Космос, Пила, Прохор, Ошпаренный). Большинство нелюбимых отечественных киногероев являются антигероями. Аналитики современного российского кино отмечали отсутствие героя и героини как таковых в положительном смысле в современном отечественном киноискусстве, в особенности в кинопродукции индустрии.

В ответах экспертов о нелюбимых студенческих героях отечественного кино преобладали Штирлиц и Саша Белый. В экспертных оценках также преобладали данные герои.

В ответах студенческой аудитории выявляются представители советской киногероики, указанные гендерными аудиториями в качестве нелюбимых киногероев, что демонстрирует ценностный сдвиг в массовом сознании общества, особенно молодежи. Мужчины показали в данном списке таких героев как Штирлиц и дед Мазай, женщины – таких героев как Володя («Место встречи изменить нельзя»), Сармат и Чебурашка. Постсоветская героика кинопродукции России становится иной. В ней фактически подвергаются стигматизации и вытеснению ценности служения Отчизне, патриотизм, следования идеалам. Современная киногероика отбрасывает целый ряд ценностей, связанных с представлением о добре, взаимопомощи, сопереживании, альтруизме и т. п. По этой причине стигматизации подвергаются персонажи, которые являются носителями данных ценностей как аутсайдеры, не обладающие конкурентоспособностью [6, с. 16 – 17].

Среди нелюбимых антигероев больше оказалось постсоветских российских, нежели советских (7:3).

Налицо непринятие фигуры ученого и его деятельности, которая не ставит во главу угла стремление к материальному благосостоянию или жажду успеха. Общее информационное ядро в обществе потребления – целостная система коммуникации – раз-

влечения – управления, является структурированной по социально значимым векторам, которые отражают обычно приоритетные ценности общества и власти [9, с. 468].

Тем самым распространение массового человека в высшей школе является очевидным фактом. Следовательно, у молодежи формируются новые ценностные установки – оценки человека не по его делам и творческим достижениям, а по счету в банке. В рамках такой системы ценностей бесполезны знания и самообразование, если они не приносят обогащения. И знания девальвируются в приемы получения практических навыков [7, с. 174].

Далее общей аудитории было предложено выявить основные качества любимых и нелюбимых героев и антигероев кино для того, чтобы выяснить критерии, по которым респонденты выделяют и оценивают данных персонажей. В результате респонденты указали 78 качеств любимых киногероев, 20 качеств нелюбимых киногероев, 60 качеств любимых антигероев кино и 56 качеств нелюбимых антигероев кино.

В списке указанных основных качеств любимых киногероев общая аудитория расположила 78 качеств.

Выбор любимых героев и героинь кино в совокупности с представленными их основными качествами расходятся по целому ряду пунктов и показателей. «Доброта» в качестве критерия оценки таких любимых персонажей как Антон Городецкий, Балбес, Кот, Бывалый и др. демонстрирует некогерентность мышления реципиентов кинопродукции. В данном ряду оказались несомненные антигерои (Саша Белый, Фил, Вампир, Космос).

Из 64 отечественных киногероев и киногероинь критерию «доброта» не соответствуют 12 персонажей, а также 8 оказываются в пограничной зоне. Обнаруживается одна из существеннейших проблем современного российского кино, созданного индустрией культуры – невнятность идеологического послания с дискредитацией общества, государства и закона, а также сомнительной легитимации действий героя или героини [8, с. 165].

А. Менегетти, изучая соотношение сферы бессознательного и реальности, создаваемой кино, рассматривал голливудскую индустрию культуры как базирующуюся на трех китах: Бог, Нация, семья. Подобные базисные элементы существенно отражают ценности среднего класса [11, с. 149].

Современное российское кино не содержит подобных детерминант, осуществляющими социализацию и интеграцию индивидов. Согласно контент-анализу 32 отечественных фильмов в репертуаре 2004 – 2005 гг., которые проводились социологами НИИ киноискусства в указанные годы, киногерой 75 % отечественных фильмов не имеет семьи, в 12 % фильмов семья у главного героя создается или разрушается и только в 9 % картин удается его увидеть в семейной обстановке. Крепость семейных ценностей в таких фильмах относительна: нередко российское кино, исключая мелодрамы, демонстрирует их явный крах [12, с. 54 – 55].

Это подтверждают социологические исследования, проводимые в нашей стране. Так, уменьшение браков происходило с начала 1990-х гг. Так, если в 1980 г. было заключено 10,6 браков на тыс. населения, в 1990 г. – 8,9, в 1996 г. – 5,9, в 2000 г. – 6,2, то в 2006 г. – 7,8 [17, с. 169 – 170].

Данная тенденция нашла свое подтверждение в исследовании семейных ценностных установок и мотивов брачного поведения, проведенном в 2008 г. в Иркутске. В ходе него было выяснено, что желание узаконить отношения является ведущим мотивом лишь для 4,5 % ответивших. Показательно, что небольшое значение для вступающих в брак имеют все виды формализации брачных отношений, абсолютное большинство (71,1 %) ответивших считает, что главное в браке – это «быть вместе». Регистрацию брака считают важной 11,4 %, заключение брачного контракта – 4,1 %, венчание в церкви – 3,71 % [10, с. 53 – 55].

Данное обстоятельство негативно влияет на демографическую ситуацию, так как обычно «Семейные традиции иметь много детей в семье» как положительный мотив репродуктивного поведения, нацеленного на многодетность, выражен сильнее у лиц, предпочитающих зарегистрированный брак [1, с. 157].

Кроме того, «для современной молодежи брак – это уже не обязательно отношения «на всю жизнь». В исследовании студентов было выявлено, что 58 % девушек и 54 % юношей считают, что в брак можно вступать несколько раз, а причиной развода может стать просто «угасание чувств» [4, с. 191].

Каждый третий ребенок сегодня рожден вне брака. При этом большинство таких детей имеют обоих родителей [16, с. 43 – 44]. Есть сведения, что в Москве таких браков 40 %, во многих европейских столицах эта цифра доходит до 70 %. В 1999 году вне зарегистрированного брака родилось 339283 младенца, их доля, в общем числе родившихся составила 27,93 % (в 1994 году – 19,58 %) [3, с. 96].

Выводы, сделанные нами в ходе авторского социологического исследования коррелируют с результатами социологических исследований, проводимых в нашей стране и посвященных изучению ценностных установок и ориентаций молодежи.

Так, в ходе исследования в ВГПУ (Волгоград, 2007 год), носящего локальный характер, в ходе которого было опрошено 180 учащихся в возрасте от 16 до 19 лет, почти 80 % респондентов указали, что основной целью жизни является обеспечение материального благополучия, причем 40 % опрошенных в качестве жизненного идеала называют возможность «жить беззаботно, развлекаться». Среди устремлений молодых преобладает желание «иметь хорошее здоровье» (83 %), «делать всегда то, что хочется» (71 %), «быть очень хорошо материально обеспеченным» (59 %).

В выборе подростками жизненных занятий ныне доминируют такие, как «бизнесмен», «коммерсант»; среди престижных профессий называются «новый русский» и «крутой» (!) [2, с. 165 – 166].

Таким образом, анализ кинопредпочтений студенчества показал интерес к особому ценностному

комплексу (консюмеризм, жажда наживы, социальный расизм, делинквентное поведение, товарный фетишизм, неоязычество, культ телесного). В духе ломброзианства стигматизируются труд, наука и сама фигура ученого, что в изобилии содержится в продукции постсоветского мейнстрим-кинематографа, популярной среди молодежи. Глобализационные тенденции создают законченное антикультурное образование. В нем преобладают в качестве героев представители криминального мира и люди лишь биологически функциональны. Государство, общество и законы не имеют значения.

Складывается особая социально-психологическая атмосфера в современном российском обществе. Это атмосфера отсутствия сострадания к слабым, выживания сильнейшего, неприятия солидарности, гуманизма, эмпатии, деградации и деморализации общества, культ силы и жажда денег вкупе с безнравственностью, эгоизмом и крайним индивидуализмом. И мейнстрим-кинематограф является одним из главных трансляторов подобных псевдоценностей.

Сегодня студенческая молодежь сформирована посредством продукции массовой культуры. Ее авангардом выступает мейнстрим-кинематограф. Поэтому необходимы практики и меры противодействия негативным последствиям влияния мейнстрим-кинематографа, а также обучение дешифровке внутреннего содержания его продукции для студенческой молодежи, находящейся в процессе личностного становления.

В целом, большая часть респондентов обладают кинопредпочтениями, представленными постсоветским российским кинематографом, который в своей деятельности преимущественно адаптирует голливудские стратегии и практики. Небольшая продолжительность, доступность для восприятия и простота – важные факторы популярности фильма в молодежной студенческой среде. При этом наибольшей актуальностью данный фактор обладает относительно младшей возрастной группы респондентов.

В сложившихся условиях совершенно необходимо обучение молодежи дешифровке посланий, заключенных в оболочке продукции мейнстрим-кинематографа. Требуется создание системы ДКИ (досуговых клубов по интересам), которые помогали бы студенческой молодежи разбираться в кинопродукции и ее контекстах, внедрение в вузы основ медиаобразования и медиаграмотности, продвижение спецкурсов, посвященных анализу современной массовой культуры в целом и мейнстрим-кинематографа в частности.

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Волкова О. А. Особенности формирования профессиональной идентичности молодежи в регионах // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 301. С. 165 – 166.
3. Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социс. 1995. № 10. С. 95 – 99.
4. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.
5. Жабский М. И. Социокультурная драма кинематографа. Аналитическая летопись (1969 – 2005 гг.). М.: Канон, Реабилитация, 2009. 496 с.
6. Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии». – Белгород.: КОНСТАНТА, 2008. 87 с.
7. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Едиториал. УРСС, 2005. 352 с.
8. Костина А. В., Гудима Т. М. Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального. М.: ЛКИ, 2007. 240 с.
9. Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2007. 512 с.
10. Куренной В. В. Философия фильма: упражнения в анализе. М.: НЛЮ, 2009. 232 с.
11. Лубашова Н. И. Из истории социологии кино // Социс. 2011. № 4. С. 146 – 149.
12. Массовая культура / К. З. Акопян, А. В. Захаров, С. Я. Кагарлицкая [и др.]. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. 304 с.
13. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социс. 1992. № 3. С. 118 – 124.
14. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения // GKS.RU: официальный сайт Федеральной государственной службы статистики. 2009. Режим доступа: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b08-11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-01.htm>
15. Почепцов Г. Г. Пропаганда и контрпропаганда. М.: Центр, 2004. 256 с.
16. Сазонова Е. С., Волкова О. А. Социальная реклама как инструмент продвижения традиционных семейных ценностей в России // Вестник Волгоградского государственного университета. (Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии). 2014. № 5. С. 43 – 59.
17. Социология молодежи / под ред. д-ра социол. наук, проф., чл.-кор. РАН В. Н. Кузнецова. М.: Гардарики, 2005. 335 с.
18. Хагуров Т. А. Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2007. 43 с.

Информация об авторе:

Босов Дмитрий Вячеславович – соискатель кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Российская Федерация, dimabw@mail.ru.

Dmitry V. Bosov – post-graduate student at the Department of Social Work, Belgorod State National Research University.

(Научный руководитель: Волкова Ольга Александровна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Российская Федерация, Volkova_oa@bsu.edu.ru).

Research advisor: Olga A. Volkova – Doctor of Sociology, Full Professor, Head of the Department of Social Work, Belgorod State National Research University).

Статья поступила в редколлегию 30.04.2015 г.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ МЕЖСЕКТОРНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О. А. Волкова, Ю. А. Гребеникова

REGIONAL SYSTEM OF SOCIAL PROTECTION OF POPULATION ON THE BASIS OF INTER-SECTORAL SOCIAL PARTNERSHIP: MODELS OF INTERACTION

O. A. Volkova, Yu. A. Grebenikova

В статье освещаются различные подходы к интерпретации понятия «межсекторное социальное партнерство», раскрывается специфика и описываются различные модели данного вида социального взаимодействия в рамках функционирования и развития системы социальной защиты населения региона.

The paper highlights the different approaches to the interpretation of the concept of «cross-sectoral social partnership», shows the specifics and describes various models of this type of social interaction within the framework of functioning and development of the system of social protection in the region.

Ключевые слова: система социальной защиты населения, социальное партнерство, межсекторное социальное партнерство, социальное взаимодействие, социальный диалог.

Keywords: system of social protection of population, social partnership, inter-sectoral social partnership, social interaction, social dialogue.

В современном гражданском обществе система социальной защиты населения является не только неотъемлемой его частью, но и призвана обеспечивать долговременную защищенность населения и гарантии гражданам прав на определенный уровень материального дохода в случае временной нетрудоспособности, инвалидности, безработицы, а также по достижении пенсионного возраста. Сегодня можно говорить о том, что только интеграция и координация усилий в сфере проводимой в стране в целом, и ее регионах в частности, экономической и социальной политики, способны сформировать эффективную систему социальной защиты населения.

Недостатки существующей системы социальной защиты населения РФ как социального государства влияют на уровень и качество предоставляемых услуг в сфере социальной защиты населения в регионах. Однако при осуществлении модернизации системы социальной защиты населения также важно учитывать все объективные и субъективные факторы, знать специфику и региональные особенности субъектов Российской Федерации.

Вследствие усилий государственных структур и его социальной политики, ориентированной на активизацию и усиление взаимодействия власти и общества, с одной стороны, и встречной инициативы со стороны субъектов гражданского общества в лице некоммерческих организаций и бизнес-структур, как наиболее активных представителей и выразителей социальных потребностей всего социума, с другой стороны, а также благодаря вкладу научного сообщества, обобщающего практический опыт и разрабатывающего основы теоретических знаний, появился инновационный, но уже в значительной степени сформировавшийся к сегодняшнему времени феномен – межсекторное социальное партнерство как способ включения наиболее активных и социально ответственных представителей гражданского общества в процессы общественного управления.

В становление и развитие самой идеи социального партнерства значительный вклад внес Алексис де Токвиль (французский философ, социолог и политический деятель). Его работа «Демократия в Америке» стала, своего рода образцом анализа общественно-политической и культурной сферы жизнедеятельности американского общества. Наиболее значимый вклад А. Токвиля, с точки зрения исследуемого нами вопроса, заключается в выявлении сущности взаимодействия государства и социума (который представлен в работах А. Токвиля различного рода ассоциациями и объединениями) на основе передачи первыми определенных функций власти местным сообществам: «Правительство могло бы возложить на себя обязанности некоторых самых крупных американских ассоциаций, и в отдельных штатах такая попытка уже предпринималась. Однако какая политическая власть когда-либо станет способной достаточно эффективно справляться со всей той массой бесчисленных мелких дел, которая ежедневно выполняется американскими гражданами с помощью союзов и объединений?» [9].

Т. Парсонс в своих работах говорит о том, что субъекты, цели, средства и нормы действия выступают в качестве основных единиц социального действия [4].

Н. Смелзер интерпретирует культурную подсистему социального действия, выделяя в ней следующие компоненты: доминантные цели (или ценности); регулирующие правила (или нормы), функция которых состоит в управлении процессами достижения поставленных целей; индивидуальную устремленность на достижение целей (мотивацию), а также ситуационные условия, которые используются в качестве средств достижения целей.

Сформировавшись изначально в рамках трудовой сферы, сегодня социальное партнерство вышло далеко за пределы отношений, возникающих между работодателем и работниками, уверенно вплетаясь в ткань взаимоотношений самых разных социальных субъек-

тов, общностей, групп, предполагая межсекторный характер взаимодействий.

Возрастает значение взаимодействий в рамках межсекторного социального партнерства в сфере обеспечения политической и социальной стабильности, формировании и развитии новых цивилизованных отношений, возникающих в гражданском обществе.

Значительный вклад в изучение вопросов в области межсекторного партнерства внес Питер Драк, который «разделил» общество на три сектора: государственный, частный или бизнес-сектор и некоммерческий или социальный сектор. В рамках разработанной трехсекторной модели он говорит о том, что государственный сектор призван обеспечивать общественное согласие, разрабатывать и издавать законодательные акты и реализовывать их, распределять материальные (в том числе и финансовые) ресурсы. Задача коммерческого сектора состоит в создании богатства и материальных благ, обеспечении продуктами и услугами членов общества. Целью деятельности некоммерческого сектора Питер Драк считает стремление изменить человеческую жизнь. Он считает, что сегодня не верно смотреть на государство в лице правительства как на единственный субъект решения социально-экономических проблем общества, поскольку решение социально-экономических проблем должно достигаться путем консолидации усилий всех трех секторов социума, каждому из которых отведена своя роль, при этом наиболее эффективные стратегии возможны лишь при скоординированности действий [6].

Известная американская публицистка С. Ваддок рассматривает социальное партнерство как взаимные обязательства корпорации (группы корпораций) взаимодействовать со структурами из различных секторов экономики (как государственного, так и гражданского (некоммерческого)). Здесь социальное партнерство предполагает обязательное объединение временных и трудовых ресурсов всех участников партнерских отношений. Люди работают в кооперации для того, чтобы решать общезначимые проблемы. Проблема частично может быть определена как социальная, тогда ее успешное решение выгодно субъектам партнерских отношений. Социальное партнерство ориентировано на решение тех проблем, которые простираются вне организационных границ и традиционных целей и лежат в пределах области традиционной государственной политики, в том числе и в социальной сфере. Очевидно, что такая консолидация усилий требует активного, а не пассивного участия всех сторон. С. Ваддок считает, что «участники должны сделать ресурсное обязательство, которое больше чем просто денежно-кредитные отношения» [5].

Сегодня главная задача межсекторного социального партнерства состоит в формировании и налаживании конструктивного взаимодействия между тремя секторами, представленными на общественной арене государства, региона, города или иной территории, — государственными структурами, бизнес-структурами (коммерческими предприятиями), а также некоммерческими организациями и объединениями. Очевидно, что представители каждого сектора изначально наделены разными возможностями и ресурсами, необхо-

димыми для участия в решении социальных проблем. Также се они имеют различные представления о самой природе проблем, возникающих в социуме. Но при этом, несмотря на все различия и связанные с ними противоречия, взаимодействие и эффективное сотрудничество всех трех субъектов межсекторного социального партнерства необходимо, поскольку ни государство, ни коммерческие структуры, ни граждане в лице общественных организаций и объединений не могут «в одиночку» преодолеть социальную несправедливость и возникающие в связи с этим социальные конфликты [10].

Таким образом, если рассматривать суть межсекторного социального партнерства в системе социальной защиты населения, то становится очевидным, что только взаимодействие представителей государственной власти и служб системы социальной защиты населения с деятельностью некоммерческих организаций, внедрение инновационных методов работы в сфере социальной защиты населения позволят государству проводить эффективную социальную политику, целью которой является достижение достойного уровня и качества жизни граждан.

Наиболее удачное схематичное отображение межсекторного социального партнерства, которое отражает и специфику действий и взаимодействий в системе социальной защиты населения, представлено В. Н. Якимцом (рис. 1).

Рис. 1. Пространство трехсекторного социального партнерства

Очевидно, что кроме пространства трехсекторного социального партнерства существует три типа двухсекторального взаимодействия: государство — некоммерческий сектор, бизнес — государство, бизнес — некоммерческий сектор. Эти пространства существенно отличаются друг от друга по ряду параметров, при этом для любого из указанных типов взаимодействия свойственно наличие одних и тех же функциональных полей в многомерной вариации которых формируется и реализуется тот или иной вариант межсекторного социального партнерства (рис. 2).

Наиболее успешная и эффективная модель социального партнерства в системе социальной защиты населения региона предполагает участие в треуголь-

нике социального партнерства государственного сектора, который включает в себя администрации регионального и муниципального уровней, Управления социальной защиты населения регионального, муниципального и местного уровней, а также социальные службы и учреждения для населения; сектор НКО представлен общественными организациями и

объединениями, защищающими интересы различных категорий населения (дети, молодежь, лица с ограниченными возможностями, мигранты и вынужденные переселенцы, жертвы насилия и др.); третий сектор – коммерческие организации, промышленные предприятия, индивидуальные предприниматели) (рис. 3).

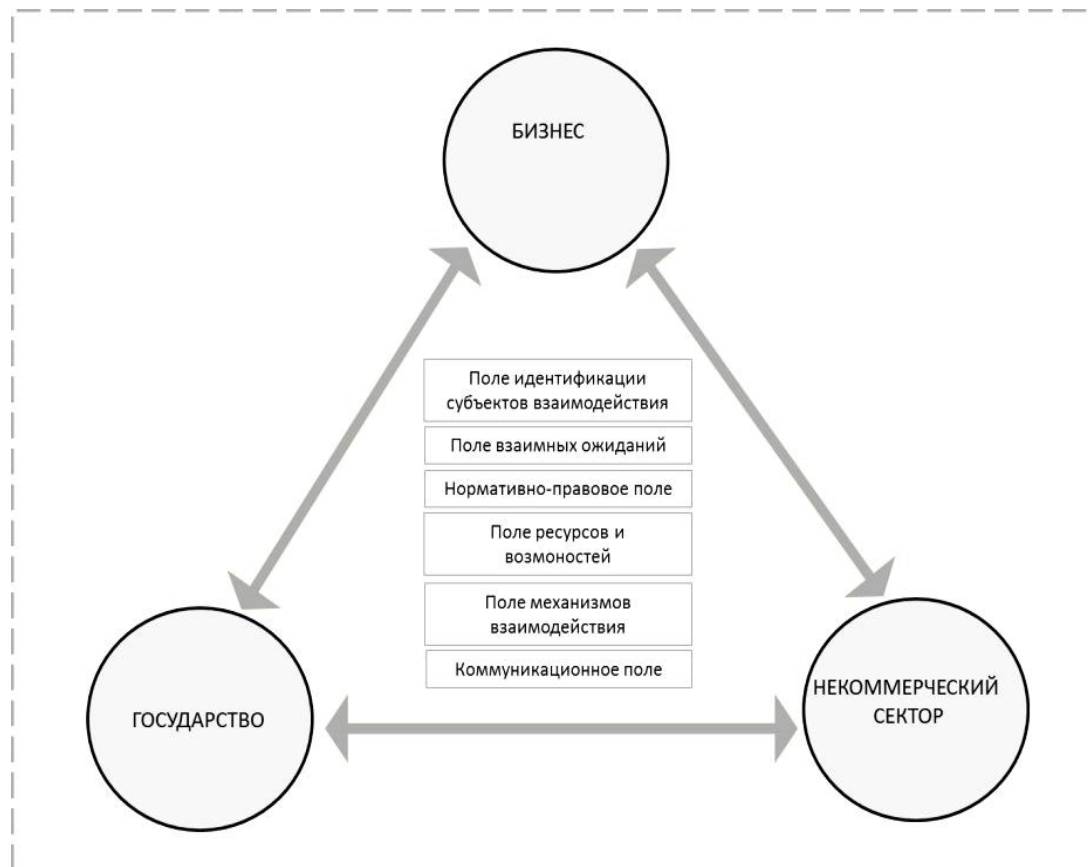

Рис. 2. Поля в пространстве межсекторного социального партнерства

Развитие институтов так называемого частно-государственного партнерства в России в последние годы является очевидным. Социальная ответственность бизнеса постепенно перерастает в частно-государственное партнерство, общественные организации становятся все более полноценными участниками политической, культурной и социальной жизни общества, активными субъектами управления социальной сферой.

Межсекторное социальное партнерство в рамках данной модели – это не только и не столько механизм перераспределения ресурсов для решения социальных проблем. Объектом общей ответственности оказываются не только социальные проблемы сами по себе, но и способы их решения. Это гражданские действия, предполагающие общественную инициативу, действия в рамках гражданского общества [12].

Межсекторное социальное партнерство заявляет о себе как эффективный способ формирования развитой системы социальной защиты населения на основе расширения гражданской поддержки целей и действий государственной власти, социальной консолидации. Сегодня идеи и цели межсекторного социального партнерства близки и востребованы среди широких

слоев населения, поскольку в их основе лежит необходимость объединения власти с обществом, формирование созидательного общества социальной справедливости, объединения материального с духовным [8].

Успешность взаимоотношений в рамках межсекторного социального партнерства определяется рядом условий. При этом есть обязательные условия, без которых данное взаимодействие просто неэффективно. Так, например, одним из важнейших участников треугольника межсекторного социального партнерства является институт гражданского общества, который мы рассматриваем как совокупность добровольных общественных объединений и организаций, профессиональных союзов, благотворительных организаций, общественных движений и др.

В реалиях современной жизни, когда формирование российского гражданского общества постепенно переходит в следующую фазу своего развития, активно идет процесс осознания гражданами демократических ценностей, и формируется в общественном сознании понимание того, что именно представители общества должны взять на себя ответственность за решение большинства социально значимых задач и

проблем. В связи с этим особую роль в социуме приобретают некоммерческие общественные организации, которые в силу своих программных и уставных положений ориентированы на решение практически всего спектра существующих социальных проблем.

Они призваны не только заниматься вопросами социальной защиты населения, но и взять на себя ответственность за реализацию целого комплекса социально значимых проблем.

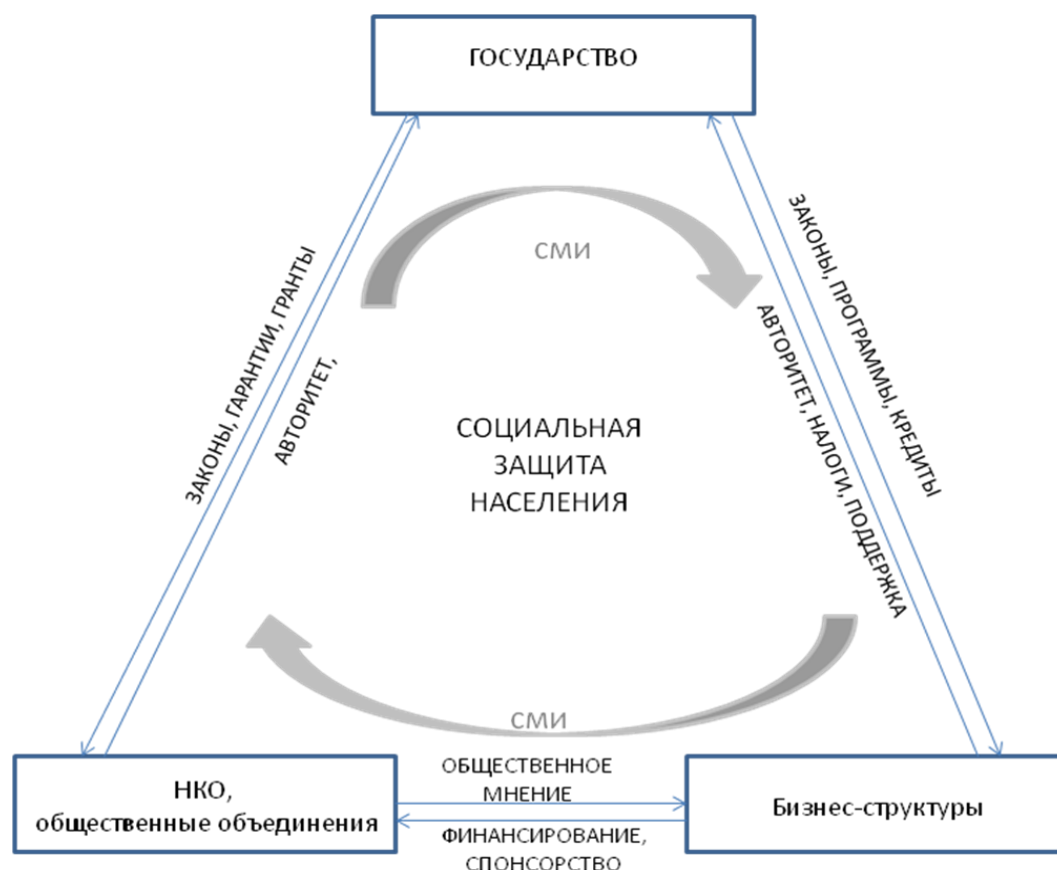

Рис. 3. Модель социальной защиты населения на основе социального партнерства

При этом общественные организации, даже располагая необходимым опытом работы и консолидируя усилия квалифицированных специалистов в различных сферах социальной жизни, не в силах реализовывать свои непосредственные функции с высоким социальным эффектом. Прежде всего, этот факт объясняется нехваткой финансовых и иных материальных средств и ресурсов (здесь следует отметить тот факт, что по действующему законодательству РФ некоммерческие организации не имеют поддержки со стороны федерального и муниципального бюджетов), недостаточной развитостью информационно-технической базы и системы поддержки со стороны всего социума в целом. Вследствие этого сегодня российские общественные организации часто осуществляют свою деятельность за счет средств, предоставляемых зарубежными фондами (но и таких организаций в стране не так много, но и они страдают от нехватки необходимых ресурсов). Между тем, некоммерческие организации способны разрешать проблемы социального характера гораздо эффективнее, чем многие специализированные федеральные, региональные или муниципальные структуры.

Анализ опыта работы некоммерческих организаций за рубежом свидетельствует о том, что им просто

необходимо налаживать тесные контакты с региональными и местными властями, и уже при поддержке административного ресурса реализовывать комплекс мер, направленный на решение наиболее социально значимых и внутриорганизационных проблем. Суть такого рода взаимодействия предполагает выработку особой специфической технологии, в основу которой заложен «социальный диалог», необходимый для совместной реализации существующих в обществе социально значимых проблем и вопросов. Такого рода взаимодействие «выгодно» каждой стороне в отдельности и всем субъектам гражданского общества в целом.

При этом «социальный диалог» понимается как процесс поиска государством или государственной организацией одного или двух социальных партнеров (в роли которых могут выступить некоммерческие организации) с целью эффективного разрешения какой-либо социальной проблемы [8].

Механизм межсекторного социального партнерства, консолидирующего государство, предпринимателей и общество вокруг целей социальной защиты населения выглядит следующим образом:

– по отношению к обществу государство в лице органов федеральной, региональной и местной вла-

сти, государственных служб и иных структур берет на себя осознанную ответственность за обеспечение и соблюдение социальных гарантий, получая взамен общественную поддержку и легитимность действующей власти;

- по отношению к представителям бизнес-структур государство создает и обеспечивает соблюдение гарантий прав собственности, благоприятные условия для создания и развития малого и среднего бизнеса, поддержку отечественных коммерческих организаций на международной арене, получая взамен поддержку национального капитала, а также соблюдение установленных государством законов и норм;

- баланс между социумом и капиталом строится на основе принципа социально ответственного поведения представителей коммерческого сектора в обмен на поддержку его интересов, целей и действий со стороны всего общества [12].

Задача государства заключается в создании правовых и экономических стимулов для развития этой деятельности. Задача профессиональных союзов и общественных организаций и объединений – вовлекать капитал в решение насущных социальных проблем и информировать государство о состоянии сотрудничества по вопросам социальной защиты.

Некоммерческие организации занимаются выявлением наиболее острых проблем, нуждающихся граждан, занимаются информированием населения о реализуемых социальных проектах и приоритетных направлениях деятельности, занимаются привлечением внимания общественности к актуальным социальным проблемам, занимаются сотрудничеством со средствами массовой информации, которые также выступают в роли ресурса, выполняющего не только информационную функцию, но и значительно степени влияющего на формирование положительного имиджа межсекторного социального партнерства в целом. Одной из главных целей НКО при такой организации деятельности является социальная инициатива, а также помощь в проведении мероприятий в рамках сотрудничества, координация деятельности всех субъектов взаимодействия, своего рода посредничество между государством и бизнесом.

Современное восприятие роли капитала в структуре межсекторного социального партнерства не сводится к благотворительности. Участие представителей коммерческого сектора в решении актуальных социальных проблем в настоящее время регулируется экономической целесообразностью такого рода затрат. При этом предприниматели извлекают и личную прибыль, инвестируя в человеческий капитал [5].

Бизнес берет на себя основную часть материальных расходов, необходимых на реализацию мероприятий в рамках межсекторного социального партнерства в системе социальной защиты населения, располагая при этом определенными послаблениями в сфере налоговой политики со стороны представителей региональной власти.

Недостаточная активность бизнеса в настоящее время обусловлена не только несовершенством нормативно-правовой базы, но и недостатком информации, что подчеркивает важную роль средств массовой информации при организации и проведении акций, ме-

роприятий, реализации социальных программ, основанных на партнерстве.

При данном типе взаимодействия региональная власть и субъекты региональной системы социальной защиты населения берут на себя функции координаторской деятельности, а также формируют необходимую нормативно-правовую базу для успешного сотрудничества и социального взаимодействия.

Исходя из вышесказанного, можно выделить основные направления межсекторного социального партнерства в сфере социальной защиты населения:

- содействие социальному, культурному, духовному и физическому развитию граждан;

- поддержка малого предпринимательства как условие обеспечения занятости населения;

- создание условий для более полного участия граждан в социально-экономической, политической и культурной жизни общества;

- появление новых возможностей для человека в выборе своего профессионального и жизненного пути, достижении желаемого социального статуса и успеха;

- эффективная реализация инновационного потенциала населения в интересах не только развития самих граждан, но и общественного развития.

Партнерство коммерческих предприятий и общественных организаций подразумевает появление новых возможностей в сфере реализации следующих направлений развития социально-экономической активности населения, которые позволяют решить множество актуальных социальных проблем:

- развитие сектора индивидуального предпринимательства;

- профессиональная ориентация, овладение дополнительными профессиональными навыками, построение карьеры;

- развитие социальной инициативы и добровольчества.

Становится очевидным, что налаживание партнерских отношений государственных структур с общественно-гражданскими и общественно-политическими формированиями в сфере социального управления позволяет власти не только эффективно решать широкий спектр социальных проблем, но и направлено на снижение социальной напряженности как в государстве в целом, так и на уровне регионов и муниципалитетов, в частности. Значимым представляется и то, что применение технологий межсекторного социального партнерства в сфере социальной защиты населения способно снизить финансовые затраты посредством:

- развития механизмов оказания адресной социальной помощи нуждающимся категориям населения;

- ухода некоммерческих организаций и объединений с позиций просителей, их перехода на самообеспечение за счет предоставления гражданам социальных услуг различного типа;

- передачи третьему сектору ряда административных функций посредством конкурсных механизмов социального и муниципального заказов;

- привлечения в регион (район, город, округ, муниципальное образование) посредством создания си-

лами некоммерческого сектора социально значимых программ и проектов, доноров и инвесторов, дополнительных финансовых ресурсов из бюджетов федеральных программ, а также от зарубежных и отечественных благотворительных и грантовых Фондов;

– эффективного использования потенциала волонтерской деятельности и ресурсов благотворительности [7].

В качестве результата обращения к дополнительным финансовым и организационным ресурсам возможен уход от существующего сегодня общественно-стереотипа, в рамках которого экономика рассматривается исключительно как доходная часть бюджета, а социальная сфера – как расходная его составляющая. При этом формируется и новое рерриториально-образования как сферы не только «социально-ориентированной» или «реальной» экономики, но и целостной – «социальной экономики», что, в свою

очередь, способно устранить снисходительно-патрулирующее отношение представителей государственной власти к широким слоям населения, мобилизовать активность граждан в направлении развития своей территории; а также раскрыть и активизировать возможности человеческого потенциала для решения социально значимых проблем.

Формирование взаимодействия государственных структур, некоммерческих организаций и бизнес-структур на основе данной модели нацелено на создание интегрированной модели социальной защиты населения в регионе (государство – НКО – бизнес) и включает в себя комплексные меры по социальной защите населения. Такая форма взаимодействия призвана не только повысить спектр и качество оказываемых услуг населению, но и сделать партнерские отношения нормой общественной жизни.

Литература

1. Автономова А. С. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России. М.: Российский благотворительный фонд НАН, 2003. С. 31.
2. Башмаков В. И. Социальное партнерство в России: пути становления // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10. С. 60 – 70.
3. Грищенко Ю. И. Межсекторное социальное партнерство: НКО, государство, бизнес // Некоммерческие организации в России. 2014. № 5. С. 39 – 44.
4. Ковалев А. Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии. М., 1973. С. 245 – 249.
5. Михеев В. А. Основы социального партнерства: теория и политика. М.: Экзамен, 2001. С. 38.
6. Михеев В. А. Многосторонние партнерства: определение, принципы, типология, процесс осуществления // Информационное общество. 2005. № 3. С. 18 – 25.
7. Рябухина Г. А. Социальная политика как партнерская ответственность государства и общества // Вестн. Моск. ун-та. (Серия 21: Управление (государство и общество)). 2011. № 4. С. 38 – 46.
8. Садков В. Г., Кузнецова О. Б., Старикова Л. И. Становление, проблемы и повышение общественно-экономической эффективности института социального партнерства в регионах России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 5. С. 7 – 16.
9. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 379 – 380.
10. Хананашвили Н. Л. Межсекторные взаимодействия: методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры. М.: Российский благотворительный фонд НАН, 2002. С. 13.
11. Христофоров А. В. Социальное партнерство как фактор взаимодействия государства и малого бизнеса // Соц.-гуман. знания. 2013. № 3. С. 213 – 217.
12. Якимец В. Н. Социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М., 2004. С. 459.

Информация об авторах:

Волкова Ольга Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Volkova_oa@bsu.edu.ru.

Olga A. Volkova – Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social Work, Belgorod State National Research University.

Гребеникова Юлия Александровна – ассистент кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Grebenikova@bsu.edu.ru.

Yulya A. Grebenikova – Assistant Lecturer at the Department of Social Work, Belgorod State National Research University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2015 г.

**СПЕЦИФИКА ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ РФ
(на примере Кемеровской области)
В. А. Вольхина, С. В. Ивлев**

**THE SPECIFICITY OF THE POLITICAL AND ADMINISTRATIVE MANAGEMENT
IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION
(the example of Kemerovo region)
V. A. Volkhina, S. V. Ivlev**

Проблема взаимодействия власти и общества – ключевая в процессе государственного строительства. В современных условиях на фоне расслоения общества, появления многообразия форм собственности, формирования многопартийной системы, возрастает значимость анализа отношений между исполнительными структурами власти и обществом. Нельзя проводить реформы в стране в интересах населения, когда власть оторвана от общества, а общество, в свою очередь, не имеет возможности влиять на формирование государственной политики. Цель данной статьи – показать возможности воздействия политико-административного управления на процесс реформирования общества, а также выявление значимости главы субъекта Федерации на данные процессы. Полученные результаты исследования могут быть использованы в процессе государственного управления на уровне конкретного субъекта Федерации. Таким образом, политологическое исследование политико-административного управления в субъектах РФ может способствовать выявлению основных угроз стабильности и выделению приоритетных направлений дальнейшего развития регионов.

The problem of interaction between government and society is key in the process of state-building. In modern conditions of background society stratification, the emergence of different forms of ownership, the creation of a multiparty system, the importance of the analysis of the relations between the executive authorities and the society increases. It is impossible to carry out reforms in the country in the interests of the population when the power is cut off from the society, and the society, in turn, is unable to influence the formation of public policy. The purpose of this paper is to show the possible effects of political and administrative control on the process of reforming society, and identifying the influence of the head of the subject of the Federation on these processes. The obtained results can be used in the governance process at the regional level. Thus, the study of the political and administrative management in the RF subjects can contribute to the identification of the main threats to the stability and the allocation of priority directions of the further development of the regions.

Ключевые слова: губернатор, власть, рейтинги, политико-административное управление, Кемеровская область, гражданское общество.

Keywords: governor, power, ratings, political and administrative management, Kemerovo region, civil society.

Реформирование российского общества, его экономической, социальной и политической систем поставило множество проблем. Центральная из них – проблема государственного управления. Переход к рыночной экономике, становление новых политических и государственно-правовых институтов, обеспечение правопорядка и законности, утверждение нового федерализма, защиты прав и свобод человека во многом зависят от состояния государственной власти, ее демократизма и эффективности. В связи с этим актуальным является анализ процесса политико-административного управления в системе государственной власти.

Обратимся непосредственно к определению исследуемого предмета. Политико-административное управление – это «деятельность государственных публичных институтов власти и управления по выполнению функций государства в рамках, определяемых формальными и неформальными нормами, отношениями, связями и протекающая во взаимодействии органов исполнительной власти с политическим руководством, между собой, а так же со структурами гражданского общества» [2, с. 243]. Процесс работы исполнительной власти зависит от тех связей и взаимоотношений, которые складываются, во-первых,

между элементами системы государственного управления; во-вторых, внутри самой структуры исполнительной власти, между ее политическим и административным компонентами; в-третьих, между государством и обществом, поскольку значимость государственного управления измеряется, прежде всего, поддержкой граждан или отсутствием таковой. Отсюда следует, что политико-административное управление рассматривается как «важная функция исполнительной власти, не только исполняющей законы, проводящей в жизнь волю правящих сил, но и принимающей участие в разработке политики, выступающей в качестве главного посредника интеракции государства и общества, а также, в определенных случаях, в роли влиятельного политического актора» [6, с. 147].

Конфигурация политико-административного управления имеет следующую структуру:

- 1) публичные институты управления федерально-го, регионального и муниципального уровней;
- 2) межсекторные отношения;
- 3) политико-административное взаимодействие органов исполнительной власти с обществом.

На позитивную деятельность структуры политико-административной системы оказывает влияние ряд факторов: легитимность правовой базы, учет социо-

культурных особенностей страны, производственное обеспечение, степень его соответствия внешней среде, а также социально-экономическое и политическое развитие. К особенностям управления в субъектах РФ относятся: «двухуровневый характер субъектов управления (федеральный и региональный); самостоятельность управленческого регионального влияния с точки зрения высшего должностного лица субъекта РФ, функционирование органов трех ветвей власти на региональном уровне; исторические, конкурирующие условия субъектов РФ [16, с. 95]. Однако влияние данных факторов опосредованно зависит и от других процессов. Так, например, по мнению С. В. Бирюкова, «ограничение автономии региональных элит и более активное вовлечение последних в общедоверительные политические сети еще вовсе не означает увеличение шансов на социально-экономическую модернизацию и политическую демократизацию регионов России. Таким образом, «эффекты вертикали», помноженные на влияние сохраняющихся на местах «латентных» клиентарных механизмов, не способствуют активизации и консолидации независимых гражданских и политических акторов [3, с. 40]».

Реализация государственной политики, являясь одной из важных функций политико-административной деятельности, выражается в достижении поставленных целей усилиями всех слоев общества при главенствующей роли исполнительной власти. Механизм реализации включает нормативно-правовые, организационные, экономические средства и методы воздействия на управляемый объект и предполагает выработку соответствующих решений, создание управленческих структур, наличие необходимых ресурсов.

Процесс трансформации политики в сложную коммуникационную систему связан с формированием публичных институтов и синхронизацией устойчивости государства, прежде всего в субъектах РФ. В настоящий период существуют свои особенности в реализации института губернаторства в России. В соответствии со ст. 66 п. 2. Конституции РФ, принятой 12.12.1993 г., основным законом области, края, города федерального значения, автономной области, автономного округа является Устав, который вторым после Конституции РФ определяет статус данных субъектов. В Кемеровской области основным законом является Устав Кемеровской области (принят Законодательным Собранием Кемеровской области 9 апреля 1997 г. № 45) (с изменениями и дополнениями), обладающий высшей юридической силой по отношению к правовым актам области и имеющий прямое действие на всей территории области. Именно Уставом закреплены полномочия главы региона. В соответствии со ст. 45 гл. 5 Устава Кемеровской области высшим должностным лицом и главой высшего исполнительного органа государственной власти Кемеровской области является губернатор [19].

По мнению Полномочного представителя Президента РФ в СФО Н. Рогожкина, долгосрочное поступательное социально-экономическое развитие невозможно без роста гражданской активности, развития всестороннего диалога общества и органов власти: «Власть и гражданское общество... должны находиться в конструктивном диалоге, сообща решать

задачи, стоящие перед обществом и страной» [9]. Данный диалог должен обеспечивать оперативное и полное информирование населения о положении дел в органах власти и осуществлять постоянное изучение общественного мнения с целью повышения эффективности работы органов власти.

В работу пресс-служб внедряются новации отечественной и зарубежной практики управления, усовершенствуются схемы взаимодействия органов управления с населением. Каждое структурное подразделение администрации Кемеровской области имеет свою пресс-службу. Наибольшей популярностью среди сайтов органов власти Кемеровской области пользуется интернет-приемная губернатора, значительно облегчающая диалог между обществом и региональной властью. К компетенциям Главного управления Кемеровской области по работе со СМИ относятся: разработка и проведение единой информационной политики для создания положительного имиджа в глазах населения, создание и изучение общественного мнения через СМИ при принятии тех или иных решений, конкретных действий исполнительной власти; информационное обеспечение деятельности Губернатора КО, структур администраций, способствующее формированию у населения представления о работе исполнительной власти; подготовка материалов для публикации в СМИ для информирования населения о текущей деятельности АКО, об экономической и политической ситуации, о культурной жизни; разработка целевых региональных программ по улучшению деятельности СМИ, по техническому перевооружению, оказанию финансовой помощи СМИ с целью улучшения информированности населения [8].

Информационно-аналитическая система «Медиа-логия» опубликовала данные медиарейтингов губернаторов за 2012 – февраль 2015 гг. (таблица). Основой для построения рейтингов является МедиаИндекс «Медиаологии». МедиаИндекс разработан специалистами компании «Медиаология» совместно с учеными-математиками и аналитиками масс-медиа для оценки информационной ситуации, сложившейся вокруг изучаемой персоны. При расчете МедиаИндекса учитывается несколько параметров в рамках каждого сообщения с упоминанием персоны, в т. ч.: влияние источника информации (в основе параметра – цитируемость издания в других СМИ); характер упоминания персоны в сообщении (позитивный, негативный, нейтральный); роль персоны в сообщении (главная, эпизодическая); наличие прямой или косвенной речи, относящейся к персоне или к представителю. Система оценивает общий уровень благоприятствования информационной среды за определенный период времени, суммируя единичные индексы всех сообщений с упоминанием персоны. Рейтинги построены на основе базы СМИ системы «Медиаология», которая включает на данный момент более 22000 источников: ТВ, радио, газеты, журналы, информационные агентства, интернет-СМИ.

**Динамика изменений позиций главы Кемеровской области А. Тулеева
в медиа-рейтинге губернаторов РФ (2012 – февраль 2015 гг.)**

<i>Период</i>	<i>2012 г.</i>	<i>2013 г.</i>	<i>2014 г.</i>	<i>Январь, 2015 г.</i>	<i>Февраль, 2015 г.</i>
Количество сообщений	15812	21402	21625	1287	2060
Медиа-индекс	7334,32	16088,78	31582,52	2539,02	3250,57
Позиции среди глав регионов Сибирского ФО (12 регионов)	3 место	3 место	4 место	4 место	4 место
Позиции среди глав регионов РФ (83 региона, с 2014 г. – 85 регионов)	29 место	25 место	28 место	29 место	27 место

В таблице представлена динамика изменений позиций главы Кемеровской области в медиарейтинге губернаторов РФ (на основе итоговых медиарейтингов 2012 – 2014 гг. и медиарейтингов губернаторов за январь-февраль 2015 года. При составлении таблицы использовались данные, опубликованные на сайте Информационно-аналитической системы «Медиа-логия» [13]. Основой для построения рейтинга был МедиаИндекс и, чем выше его, тем более позитивно и выгодно представлена персона в материалах СМИ, тем лучше влияние СМИ на его репутацию. Рост МедиаИндекса А. Тулеева в 4,3 раза за 2 последних года (в 2012 г. – 7334,32, в 2014 г. – 31582,52) позволяет достаточно высоко оценить качественное состояние информационного поля, формируемого СМИ вокруг губернатора и отметить высокий уровень медиа-репутацию данного политика. Данные показатели свидетельствуют о росте легитимности губернатора в Кемеровской области.

На протяжении 2012 – 2013 гг. А. Тулеев занимал 3 место в медиарейтинге среди глав регионов Сибирского ФО (в 2012 г. – лидерами стали губернатор Иркутской области С. Ерошенко, глава Бурятии В. Наговицын и губернатор Кемеровской области А. Тулеев; в 2013 г. – губернатор Алтайского края А. Карлин, глава Забайкальского края К. Ильковский и глава Кемеровской области А. Тулеев). В период 2014 – февраль 2015 г. – занимал 4 место (в 2014 г. – губернатор Новосибирской области В. Городецкий, глава Алтайского края А. Карлин, губернатор Красноярского края В. Толоконский, губернатор Кемеровской области А. Тулеев; в январе 2015 г. – губернатор Иркутской области С. Ерошенко, губернатор Новосибирской области В. Городецкий, губернатор Омской области В. Назаров, губернатор Кемеровской области А. Тулеев; в феврале 2015 г. – губернатор Иркутской области С. Ерошенко, глава Алтайского края А. Карлин, губернатор Омской области В. Назаровна, губернатор Кемеровской области А. Тулеев).

В контексте модернизации исполнительной власти в настоящее время становятся актуальными такие проекты, как государственная программа РФ «Информационное общество (2011 – 2020 гг.)», «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика», «Улучшение демографической ситуации в Кемеровской области на 2011 – 2015 гг.», «Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г.».

Эксперты Фонда «Петербургская политика», начиная с ноября 2012г, ежемесячно проводят исследования уровня социально-политической устойчивости регионов РФ по десятибалльной шкале, где десять – максимальная оценка, единица – минимальная. Регионы делятся на четыре категории по степени социально-политической устойчивости и сортируются по динамике рейтинга за последний месяц [7]. По данным первого выпуска от 6.11.2012 г. – Кемеровская область вошла в число регионов с максимальной устойчивостью (8.5 баллов); в период декабрь 2012 – апрель 2013 г. – регион с высокой устойчивостью (7.7 – 7.7 – 7.8 – 7.7 – 7.9 баллов); май – сентябрь 2013 г. – регион с максимальной устойчивостью (8.0 – 8.1 – 8.0 – 8.0 – 8.0 балла); октябрь 2014 – январь 2015 г. – регион с высокой устойчивостью (7.9 – 7.9 – 7.8 – 7.9 баллов). В феврале 2015 г. Кемеровская область вошла в число регионов с максимальной устойчивостью, возглавив данный список – 8.1 балла, что привело, по мнению экспертов Фонда «Петербургская политика», к увеличению шансов на сохранение в должности губернатора Кемеровской области А. Тулеева [4].

По степени социально-политической устойчивости среди регионов РФ, в период с ноября 2012 г. по февраль 2015 г., Кемеровская область относится к группе регионов с высоким уровнем социально-политической устойчивости, периодически (на 4 – 5 месяцев) переходя в группу регионов с максимальной социально-политической устойчивостью

Областной центр Кузбасса – Кемерово был включен в первую десятку рейтинга городов РФ с благоприятным бизнес-климатом, составленного журналом Forbes (8 место на конец 2013 г.) [17]. В 2013 г. в угольную отрасль Кемеровской области было инвестировано 65 млрд рублей (в 2014 г. – почти 50 млрд рублей) и создано 2,7 тыс. рабочих мест (в 2014 г. – 1,9 тыс. рабочих мест в угольной промышленности и 1,13 тыс. рабочих мест в нефтегазовом секторе). По данным информационного портала Кемеровской области, к концу 2014 г. валовый региональный продукт составил 695 млрд рублей. В 2014 г. в кузбасской промышленности был реализован ряд прорывных проектов: начало работы самого большого в мире самосвала БелАЗ-75710 грузоподъемностью 450 т. на разрезе «Черниговец», пуск рельсобалочного производства в Новокузнецке, введение в эксплуатацию новой шахты «Карагайлинская» (г. Киселевск, октябрь 2014 г.) и разреза «Тайбинский» (14.11.2014 г.), открытие трех нефтеперерабатывающих заводов

(крупнейший в Сибири Яйский НПЗ и двух заводов в Анжеро-Судженске общей проектной мощностью по переработке 9 млн т. сырой нефти в год. По итогам 2014 г. кузбасские угольщики добыли более 200 млн т. топлива [5].

По мнению А. Тулеева, рейтинги стало не только новомодным явлением, но и полезным, в какой-то степени это ориентир: «Конечно, рейтинги – рейтингами, главное это дело. В реальности судят-то по делам... Самое главное, несмотря на экономические сложности, мы сохранили все основные меры социальной поддержки, все льготы для наших ветеранов, инвалидов, участников Великой Отечественной войны, детей, молодежи, многодетных и малообеспеченных семей: кузбасские пенсии, бесплатные продуктовые наборы, бесплатный проезд, бесплатные путевки в санатории и здравницы, компенсации за услуги ЖКХ, губернаторские стипендии, и многое другое...» [12].

Центр информационных коммуникаций «Рейтинг» опубликовал новое масштабное исследование в рамках проекта «Народный рейтинг», посвященное положению дел в субъектах РФ и оценке эффективности глав регионов. При составлении «Рейтинга губернаторов» использовались материалы открытых источников, данные государственных органов учета и статистики. При этом главное внимание специалисты ЦИК «Рейтинг» уделили учету мнений региональных и федеральных экспертов. По данным «Рейтинга губернаторов», впервые опубликованным в апреле 2014 г. губернатор Кемеровской области занимает 6 место [10], в августе 2014 г. – 10 место, в октябре 2014 г. – 8 место, в декабре 2014 г. – 7 место.

По мнению П. Салина, директора Центра политических исследований Финансового университета при правительстве РФ, А. Тулеев является практически последним губернатором-долгожителем, дошедшим до нас из ельцинской эпохи: «Однако такое долгожительство – не результат случайного стечения обстоятельств, а следствие действительно незаменимости губернатора для Москвы. Аман Тулеев... по-прежнему активен, пытаясь не реагировать на вызовы, а просчитать их и попытаться предупредить... Любой региональный чиновник, который избавляет Москву от существующей или потенциальной головной боли, очень Москвой ценится. Особенно в таком проблемном регионе, как шахтерское Кемерово... Аман Тулеев мог бы рассчитывать на пролонгацию полномочий практически при любой власти» [11].

По мнению А. Коновалова, известного в Кузбассе эксперта, профессора кафедры политических наук КемГУ, губернатор, исходя из своего политического опыта, чувствует политическую повестку, знает, как расставить приоритеты в региональной и внешней политике [1].

По мнению политолога К. Калачева, А. Тулеев является одним из трех наиболее популярных глав регионов РФ. Эксперт отмечал, что рейтинг губернатора Кемеровской области – около 80 %. Ведущие эксперты и политологи России полагают, что Тулеев является наиболее удачной кандидатурой для поста губернатора Кузбасса, и что он еще длительный срок

будет работать в регионе. По мнению аналитиков, работа Тулеева не только полностью одобряется федеральным центром, но и высоко оценена местным населением [18].

Фондом развития гражданского общества (ФРГО) в течение 2014 г. были подготовлены 7 выпусков Рейтинга эффективности губернаторов. При составлении Рейтинга эффективности губернатора использовались данные Фонда «Общественное мнение», Федеральной службы государственной статистики РФ, Национальной службы мониторинга, показатели социального самочувствия регионов России, а также оценки федеральных и региональных экспертов. В итоговом выпуске за 2014 г. ФРГО, главным фактором которого явилась оценка респондентами состояния дел в экономике, А. Тулеев вошел в «десятку лидеров» (3 – 4 место), а также в группу стабильно успешных наряду с президентом Татарстана Р. Миннихановым [15]. По результатам 8 выпуска рейтинга от 10.02.2015 г. А. Тулеев также вошел в первую десятку (8 – 9 место). Незначительное понижение в рейтинге обусловлено нарастающей в регионе неопределенности в части перспектив развития добывающих и перерабатывающих предприятий в условиях экономического кризиса [14].

Таким образом, спецификой политико-административного управления Кемеровской области являются: высокий уровень взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной властями региона; высокий уровень социально-экономической устойчивости, авторитарная модель регионального развития, отмеченная высоким уровнем легитимности губернаторской власти. К задачам долгосрочного экономического и социального развития Кемеровской области относятся: обеспечение стабильного роста в базовом секторе экономики; диверсификация экономики; создание новых видов экономической деятельности; сохранение постоянного населения, повышение качества его жизни, развитие человеческого капитала; комплексное развитие инфраструктуры; решение экологических проблем; привлечение инвестиций национального бизнеса и государственное финансирование перспективного развития. Именно губернатор как ключевое звено в политико-административном управлении несет главную ответственность за управление субъектом РФ и взаимодействие с обществом. Главными угрозами стабильности практически всех регионов РФ являются: высокий уровень безработицы, убыточность предприятий и высокий уровень смертности населения. Приоритетным направлением деятельности всех органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях должно стать обеспечение внутренней безопасности.

Литература

1. Аман Тулеев занял второе место в рейтинге эффективных губернаторов // Аргументы и факты. 09.04.2014. Режим доступа: <http://www.aif.ru/politics> (дата обращения: 17.03 2015).
2. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб: БГТУ, 2003. С. 243.
3. Бирюков С. В. Всепроникающая клиентела. О некоторых особенностях региональных политических режимов в современной России // Свободная мысль. 2012. № 7. С. 40.
4. Васильева Н. Эксперты признали Кузбасс регионом с максимальной устойчивостью // Медиа-Кузбасс. Новости. Политика. 11.03.2015 г. Режим доступа: <http://mediakuzbass.ru/news/politics/67486.html#/news-text> (дата обращения: 17.03 2015).
5. К концу 2014 года валовый региональный продукт (объем всех произведенных в Кузбассе продукции и услуг за минусом материальных затрат) составит 695 млрд рублей // АКО. Новости. Экономика. 21.11.2014. Режим доступа: <http://kemoblast.ru/news/e-konomika/2014/11/21/k-kontsu-2014-goda-valovyy-regionalnyj-produkt-obem-vseh-proizvedennyh-v-kuzbasse-produktsii-i-uslug-za-minusom> (дата обращения: 16.03 2015).
6. Комаровский В., Сморгунюва Л. Политико-административное управление. М.: РАГС, 2004. 496 с.
7. Краткое описание Рейтинга. Рейтинг Фонда «Петербургская политика» за март 2013 года // Петербургская политика. Режим доступа: <http://www.fpp.spb.ru/fpp-rating-6.php> (дата обращения: 17.03 2015).
8. Направления деятельности // АКО. Главное управление по работе со СМИ. Режим доступа: <http://ako.ru/-official/strukt/USMI/pologen.asp?n=2&ns=10> (дата обращения: 15.03 2015).
9. Новости палаты 06.02.2015 // Общественная палата Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.opko42.ru/index.php/news/2899-06-02-2015> (дата обращения: 17.03 2015).
10. Регионы России: Рейтинг власти. 14.04.2014 // Народный рейтинг. Режим доступа: <http://russia-rating.ru/info/906> (дата обращения: 17.03 2015).
11. Регионы России: Рейтинг губернаторов (Октябрь, 2014) // Народный рейтинг. Режим доступа: <http://russia-rating.ru/info/3939.html> (дата обращения: 17.03 2015).
12. Регионы России: Рейтинг губернаторов (Декабрь, 2014) // Народный рейтинг. Рубрика «Открытая трибуна». Аман Тулеев. 15.01.2015. Режим доступ: <http://russia-rating.ru/info/4385.html> (дата обращения: 17.03.2015).
13. Рейтинг губернаторов-2012 // Информационно-аналитическая система «Медialogия». Режим доступа: <http://www.mlg.ru/company/pr/2297/> (дата обращения: 17.03 2015).
14. Рейтинг эффективности губернаторов // Фонд развития гражданского общества. Восьмой выпуск. 10.02.2015. Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/73> (дата обращения: 15.03 2015).
15. Рейтинг эффективности губернаторов // Фонд развития гражданского общества. Седьмой (итоговый за 2014 год) выпуск. Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/72> (дата обращения: 16.03 2015).
16. Рюмкина А., Новикова А. Политико-административное управление в субъектах РФ // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6. С. 95. Режим доступа: www.rae.ru/meo/?section=content-&op=show_article&article_id=5215 (дата обращения: 19.03.2015).
17. ТОП городов для ведения бизнеса: рейтинг Forbes // BizTrading. Режим доступа: http://www.biztrading.ru/business-blog/post_150.html (дата обращения: 15.03 2015).
18. Тулеев теряет позиции в провластном рейтинге // Век. Политика. 02.06.2014. Режим доступа: <http://wek.ru/tuleev-teryet-pozicii-v-provlastnom-rejtinge> (дата обращения: 17.03 2015).
19. Устав Кемеровской области (с изменениями на 4.02.2014 г.) // Техэкспер. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/990101856>

Информация об авторах:

Вольхина Вероника Александровна – старший преподаватель кафедры политических наук КемГУ, vervola@mail.ru, 8-950-578-70-13.

Veronika A. Volkhina – Senior Lecturer at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

Ивлев Сергей Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии Кемеровского технологического института пищевой промышленности (университет) (КемТИПП), ivlev-sv@mail.ru.

Sergey V. Ivlev – Candidate of Political Science, Assistant Professor at the Department of Philosophy and Politology, Kemerovo Technological Institute of Food Industry (University).

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

УДК 323.2

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

А. В. Горелкин

YOUTH AS A SUBJECT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SOCIETY AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

A. V. Gorelkin

В статье рассматриваются основные подходы к политическим изменениям современности. Дается политологическая характеристика понятия «устойчивое развитие». Аргументируется значение перехода к устойчивому развитию в контексте обеспечения национальной безопасности транзитных обществ. Раскрывается роль современной российской молодежи как субъекта обеспечения устойчивого развития и национальной безопасности России.

The paper examines the main approaches to the political changes of our time. The political characteristics of the concept of «sustainable development» is given. The meaning of transition to sustainable development in the context of national security of the transit companies is substantiated. The role of modern Russian youth as a subject of sustainable development and national security of Russia is revealed.

Ключевые слова: политические изменения, устойчивое развитие, политическая стабильность, национальная безопасность, молодежь.

Keywords: political change, sustainable development, political stability, national security, youth.

Изменения, происходящие настоящее время в постмодернистском обществе, затрагивают имеющиеся социальные, экономические и политические отношения. Трансформация политических отношений собственно и представляет собой политические изменения, которые в этой связи определяются как «трансформация политических институтов, связанная со сдвигами в балансе социальных акторов, с изменением их потенциалов и позиционной расстановки политических сил» [4, с. 188]. Данное определение, трактующее политические изменения как специфический вид социальных изменений, интерпретирует их как преобразования, связанные с переменами властной регуляции общества и, соответственно, со сменой институциональных структур или же их качественной трансформацией, обусловленной, в свою очередь, социально-экономическими, культурными, ценностными переменами в обществе.

Политические изменения детально рассматриваются в рамках целого ряда политологических и социологических теорий, в частности, в теориях модернизации, демократизации, политического транзита, «социологии революции» и т. д. Среди концепций, раскрывающих конкретный механизм политических изменений, в настоящее время можно выделить два основных теоретико-методологических подхода. Согласно первой, «контекстуалистской» точке зрения, политические изменения связаны с нарушением баланса между политической системой и ее внешним «социальным контекстом» – меняющейся окружающей социальной средой. В данном случае в качестве детерминант политических изменений рассматриваются социально-экономические или социокультурные трансформации как общества в целом, так и отдельных влиятельных социальных групп, групп интересов, элит и т. д. Так, С. Липсет показывает зависимость характера и скорости демократических преобразований от изменения конкретных социально-экономических показателей [11], Р. Инглхарт – от переориентации массового сознания на постматериалистические ценности [6]. Другой подход в качестве причин политических изменений рассматривает

смену характера институционального взаимодействия. Соответственно, в рамках такого «институционалистского» подхода большее значение придается не самим социально-экономическим переменам, а характеру реакции на них институциональных механизмов, их способности поддерживать стабильность в изменяющихся условиях. В частности, С. Хантингтон полагает, что успешность и быстрота социально-политических изменений зависят от соответствия уровня и темпов политической институционализации происходящим социально-экономическим изменениям (индустриализации, урбанизации, росту социальной мобилизации и политического участия и пр.), т. е. от степени развития и «адаптивности» политических институтов [18]. Описанные подходы, по нашему мнению, по существу не противоречат друг другу, являясь в значительной степени взаимодополняющими, и описывают разные элементы одного и того же механизма, обеспечивающего комплекс взаимосвязанных политико-институциональных изменений.

Очевидно, что политические изменения могут при этом иметь различный характер. Трансформация социально-политического порядка может происходить как линейно, поступательно, так и нелинейно, со временными остановками или даже периодами обратного развития, «отката». Кроме того, динамика политических изменений может быть как плавной, медленной, практически незаметной, так и крайне резкой, «взрывной», революционной. Соответственно, можно выделить два противоположных варианта политических изменений – революционные (кризисные) и эволюционные (стабильные, устойчивые). Если первый вариант подразумевает дестабилизирующие или даже регрессивные изменения, то второй – прогрессивные, поступательные, собственно и определяемые как развитие. По словам А. А. Дегтярева, сохранение равновесия политической системы, обеспечиваемое ее устойчивостью, и кризисное нарушение равновесия, связанное с неустойчивостью ее институтов, образуют два «полюса» в «энергетике» политического процесса, задающие векторы его изменений [4, с. 201].

Таким образом, темп и характер политических изменений детерминированы таким параметром политической системы, как ее устойчивость. Ф. Р. Азашикова анализирует понятие «устойчивость» в одном ряду с такими категориями, как «надежность» и «сохранность». Устойчивость рассматривается ей в аспекте недопущения разрушения, распада системы, в плане обеспечения удержания достигнутого уровня ее основных параметров [2]. С категорией «устойчивость» ассоциируется также и такое понятие как «стабильность», однако, по мнению ряда политологов, они не являются полностью синонимичными. В отечественной политической науке сегодня принята трактовка политической стабильности как определенного состояния [7]. В этой связи в контексте нашей работы категорию «стабильность» мы рассматриваем как относительно более узкое понятие, отражающее текущее состояние политической системы. А под устойчивостью мы, напротив, понимаем относительно продолжительный по времени уровень равновесия между основными социально-политическими акторами, необходимый для поддержания целостности и системной организованности определенного политического порядка. То есть стабильность или нестабильность можно интерпретировать как ситуативный показатель равновесия политических сил, а устойчивость либо неустойчивость – как сущностную характеристику политической системы, отражающую ее способность к поддержанию стабильности при воздействии внешних и внутренних дестабилизирующих факторов.

Стабильность в той или иной степени ассоциируется также с неизменностью, постоянностью, фактически граничащей с отсутствием политической динамики, а устойчивость – со способностью обеспечить возможность целенаправленных эволюционных изменений политической системы, т. е. придать ей «адаптивный», динамический характер. Устойчивость такой динамической системы, в соответствии с современными теориями развития, определяется одновременным влиянием двух полярных тенденций – «отрицательной», связанной с воспроизводством и сохранением «старых» системных качеств, и «положительной», обеспечивающей возможность адаптации к «новым» условиям, изменениям внешней среды. Такая «динамическая устойчивость» развития служит для различных обществ идеальной моделью, дающей возможность эффективно преодолевать кризисы развития и решать социальные проблемы [8]. Это определяет важное место концепции динамической устойчивости среди современных теорий социально-политических изменений.

Проблема достижения динамической устойчивости политической системы становится особенно актуальной вследствие изменения характера и масштаба вызовов человечеству в постмодернистском обществе. Как известно, к отличительным характеристикам общества постмодерна относятся глобализация культуры и образа жизни, чрезвычайная мобильность, крайнее непостоянство, ускоряющаяся изменчивость. Способствующие росту благосостояния процессы модернизации и глобализации, по словам С. А. Панкратова, наряду с положительными изменениями привнесли и целый комплекс проблем планетарного характера, связанных с направленностью современного человека на максимальное получение прибыли без

учета возобновляемости ресурсов, и проявляющихся в несбалансированности развития регионов, государств и народов [14]. Все эти тенденции вполне закономерны и обусловлены глобальными проблемами человечества, такими как перенаселение, климатические изменения, «побочные эффекты» развития информационного общества и т. п., с необходимостью решения которых сегодня сталкиваются все социальные и политические институты.

При этом, как отмечает Р. Инглхарт, серьезные изменения коснулись и самой политической сферы постмодернистского общества, в которой, в частности, отмечается тенденция последовательного снижения уважения к власти и государственному управлению, сопряженная с ростом акцента на политическом участии граждан и их самовыражении, что, наряду с развитием демократии, осложняет положение правящих элит. Одновременно, характерная для общества постмодерна обстановка быстрых перемен и неуверенности в завтрашнем дне является питательной средой для ксенофобии. По его словам, эти и другие подобные изменения «травмирующим образом действовали на традиционные политические механизмы индустриального общества, которые почти повсеместно разладились» [6]. Соответственно, отмечаемое сегодня многими авторами нарушение равновесия экологических, экономических и социальных систем закономерно проявляется и снижением политической устойчивости.

Осознавая значимость происходящих изменений, человеческое общество к концу XX века пришло к пониманию необходимости перехода с традиционного, естественно-исторического вектора развития на новый, проектируемый и политически управляемый путь, учитывающий весь комплекс сложных и взаимосвязанных экологических, экономических и социальных факторов. В качестве ответной реакции общества на вызовы глобальных противоречий С. А. Панкратовым рассматриваются идея и принцип «устойчивого развития», которое проявляется в переориентации на сбалансированное, управляемое развитие, протекающее в условиях гармоничного взаимодействия человечества и окружающей среды. С. А. Рябкова в аналогичном ключе также отмечает, что важнейшим политическим фактором, определившим становление концепции устойчивого развития, выступил ярко проявившийся во второй половине XX века феномен нестабильности, ставший следствием объективных процессов глобализации [16, с. 12]. В этой связи переход к принципам устойчивого развития рассматривается ей и как особый метод социальной инженерии (в попперовской интерпретации этого понятия). По словам С. А. Степанова, концепция устойчивого развития фактически представляет собой новое мировоззрение, новую философию и практическую «экополитологию», подразумевающую политические действия по предотвращению отрицательных последствий глобализации и кризисных катаклизмов [17].

В качестве общепризнанной идеологии концепция устойчивого развития общества была официально утверждена на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. Как отмечает В. К. Левашов, общее осознание глобальных опасностей, которые грозят прекратить развитие мировой цивилиза-

ции, впервые поставило в повестку дня разработку международной программы изменения характера развития нашей цивилизации, в которой, «по существу, речь идет об изменении способа мышления и жизне-существования на планете всего человечества» [10]. С принятием идеологии устойчивого развития сегодня обоснованно связывается надежда на то, что человеческое общество, оказавшись на переломном этапе своей истории, в своеобразной точке бифуркации, сможет выйти на качественно иной вектор цивилизационного процесса.

Современная концепция устойчивого развития, наряду с традиционно выделяемыми экологическими, экономическими и социальными аспектами, имеет и очевидную политическую составляющую. В этой связи, как отмечает А. А. Дегтярев, доктрина устойчивого развития в последние годы приобрела значительное распространение и в политологии [4, с. 201]. Теоретическими предпосылками этой доктрины послужили, в частности, концепции политической стабильности, определяющие ее через понятие «устойчивость» и, соответственно, связывающие политическую стабильность с развитием общества. При такой, более широкой трактовке политическая стабильность понимается не только как текущее состояние равновесия политической системы, но и как способность сохранять ее устойчивость при осуществляющихся изменениях. Так, в определении М. А. Василюка политическая стабильность – это «устойчивое состояние общества, позволяющее ему эффективно функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних воздействий, сохраняя при этом свою структуру и способность контролировать процесс общественных перемен. <...> В таком понимании стабильность воспринимается как важнейший механизм жизнеобеспечения и развития общественной системы» [3, с. 217 – 218]. Можно выделить несколько подобных трактовок политической стабильности, сближающих ее интерпретацию с понятием «устойчивое развитие», используемым в современной политической науке: это политическая стабильность как способность государства сохранять устойчивость в ситуации различных внутренних и внешних угроз; как проявление адаптационных возможностей социальной системы; как эффективное институциональное и социальное развитие.

Как самостоятельная категория «устойчивое развитие» сегодня используется в политической науке в нескольких аспектах. В зарубежной политологии проблема устойчивого развития рассматривается, прежде всего, в контексте современных политических изменений, политической модернизации, демократизации и демократического транзита, «консолидации демократии» и т. п. В отечественной политической науке устойчивое развитие анализируется в близком ключе как одна из наиболее важных функций государства, как задача социально-политического управления. При этом, как обоснованно отмечается в исследовании С. А. Панкратова, общим моментом для большинства исследований является анализ перехода России на путь устойчивого развития через призму концепции национальной безопасности [14]. Таким образом, в современной политической науке общий ракурс рассмотрения доктрины устойчивого развития связан с фокусировкой внимания на проблеме взаимосвязи

перехода к устойчивому развитию с задачами обеспечения национальной безопасности в транзитных обществах, в том числе и в России.

Как справедливо указывает В. В. Крицких, концепция устойчивого развития общества, приобретая значительное распространение в современной политической науке, в настоящее время «трактруется как политическая стратегия, реализация которой направлена на решение наиболее сложных рисков и негативных тенденций, основными из которых являются «экологический кредитный кризис», снижение темпов экономического развития, многочисленные очаги социально-политической напряженности, этнополитические локальные конфликты. Решение этих проблем требует целенаправленных объединенных усилий со стороны различных политических сил. Приоритетной задачей современного государства в этой ситуации становится устойчивое безопасное развитие через достижение экологического равновесия, создание «нересурсной экономики», обеспечение этнополитической стабильности» [9]. Очевидно, что успешная реализация этой стратегии может быть обеспечена при участии не только государственных, но и общественных институтов.

Важное место среди субъектов обеспечения устойчивости развития общества и, соответственно, его безопасности, занимает такая социальная группа, как молодежь. Значимость молодежи как в поддержании стабильности, так и в развитии социума связана с особым, двойственным характером ее социального положения, определяющимся ролью одновременно объекта и субъекта социальных отношений. С одной стороны, молодежь в процессе социализации усваивает нормы и ценности старших поколений, и, тем самым, обеспечивает сохранение и воспроизводство существующей социальной системы. С другой стороны, молодежь выступает самостоятельным и активным субъектом социального развития, общественного прогресса, выполняя инновационную функцию в процессе ювентизации. В этой связи В. В. Павловский видит общую цель новой интегративной науки о молодежи – ювентологии в «интегративном анализе общих закономерностей становления и развития людей молодого возраста, их определенных возрастных популяций», а также в «проверке и исследовании на практике полученных позитивных результатов, способствующих реализации концепции устойчивого развития мира, созданию социально справедливого общества» [13, с. 74].

В то же время, способность современной российской молодежи выполнять функцию по обеспечению устойчивого развития многими авторами ставится под сомнение. Как справедливо указывают С. А. Пфетцер, А. А. Зеленин и М. С. Яницкий, «сегодня молодежь не является гарантом устойчивого социального развития общества в полном смысле этого слова. При этом особую значимость и актуальность этот вопрос приобретает сегодня в обществах, характеризующихся серьезными социальными изменениями» [15, с. 13]. Закономерно в этой связи, что основной акцент в современных отечественных исследованиях, посвященных данной проблеме, делается на прикладных аспектах – прежде всего, на разработке технологий вовлечения молодежи в различные формы социальной ак-

тивности, способствующие переходу России и ее регионов к безопасному, управляемому развитию, устойчивому к факторам и рискам глобальных изменений современности.

Во многих публикациях в данном контексте аргументируется значимость поддержки становления просоциальной системы ценностей молодежи, технологий повышения значимости гражданско-патриотических ценностей, ценностей семьи, образования и самореализации, толерантности и т. д., то есть ценностей, по своей направленности противоположных экстремистской идеологии [5; 12; 19]. В частности, С. А. Пфетцер, А. А. Зеленин и М. С. Яницкий в своем исследовании демонстрируют значимость создания условий повышения уровня ценностного развития молодежи для обеспечения стабильности развития общества посредством специально организованной системы социальной и воспитательной работы [15]. Поддержка ценностного развития молодежи, в свою

очередь, способствует ответственному выполнению ей функций самостоятельного субъекта социально-политических отношений, росту ее неинституционализированной, добровольной социальной и политической активности. Как отмечают в этой связи Е. С. Азарова и М. С. Яницкий, актуальность добровольческого движения для современной России обусловлена, в частности тем, что изменения, происходящие в постмодернистском обществе, привели к изменению социальных отношений под влиянием новых потребностей и новых ценностей, в которых творческий ресурс молодежи осознается в качестве основного ресурса общественного развития [1]. Таким образом, поддержка становления просоциальной системы ценностей современной российской молодежи и вовлечение ее в просоциальные формы социально-политической активности выступают одним из значимых факторов устойчивого развития российского общества и, тем самым, обеспечения национальной безопасности России.

Литература

1. Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120 – 125.
2. Азашикова Ф. Р. Основы стратегии устойчивого социально-экономического развития региона // Вестник Адыгейского государственного университета. (Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология). 2012. № 1. С. 196 – 201.
3. Василик М. А. Политология: учебник. М.: Гардарики, 2005. 588 с.
4. Дегтярев А. А. Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998. 239 с.
5. Зеленин А. А. Молодежная политика Российской Федерации: инновационные технологии обеспечения и механизмы реализации. М.: Российские университеты; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 290 с.
6. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6 – 32.
7. Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В. Политология: учебник. М.: Юрист, 2002. 511 с.
8. Касти Дж. Большие системы. Связность, сложность и катастрофы. М.: Мир, 1982. 216 с.
9. Крицких В. В. Безопасность как фактор устойчивого развития российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2011. 24 с.
10. Левашов В. К. Глобализация и социальная безопасность // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 19 – 28.
11. Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 203 – 219.
12. Организация работы с молодежью: междисциплинарная интеграция теории и технологий / под ред. А. А. Зеленина, М. С. Яницкого. Кемерово: КемГУ, 2012. 328 с.
13. Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. М.: Академический проект, 2001. 304 с.
14. Панкратов С. А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: теоретический аспект: дис. ... д-ра полит. наук. Волгоград, 2006. 395 с.
15. Пфетцер С. А., Зеленин А. А., Яницкий М. С. Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 143 с.
16. Рябкова С. А. Теоретико-политологическое обоснование стратегии устойчивого развития в контексте глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 26 с.
17. Степанов С. А. Глобализация. Устойчивое развитие. Образование // Концептуальные основы экологического образования в высшей школе для устойчивого развития. М.: Изд-во МНЭПУ, 2009. 286 с.
18. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
19. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19. С. 82 – 97.

Информация об авторе:

Горелкин Антон Вадимович – начальник главного управления по работе со СМИ Администрации Кемеровской области, anton.gorelkin@gmail.com.

Anton V. Gorelkin – Head of the Chief Division for work with mass media of the Administration of Kemerovo Region.

Статья поступила в редколлегию 10.03.2015 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ СЕМЬИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ (на примере Кемеровской области)

Е. В. Григорьева

THE SOCIAL POLICY OF THE STATE IN REGARD TO THE FAMILY: GUIDELINES AND MECHANISMS FOR IMPLEMENTATION (the example of Kemerovo region)

E. V. Grigorieva

В статье рассматриваются основные направления реализации социальной политики в сфере семьи в Российской Федерации, в качестве конкретного примера рассматривается Кемеровская область. В качестве основных направлений реализации социальной политики в сфере семьи рассматриваются способы решения жилищного вопроса, организация деятельности дошкольных учреждений, социальная поддержка многодетных семей, уровень заработной платы в регионе и его соотношение с основными необходимыми расходами семьи.

The paper discusses the main directions of the social policy in regard to the family in the Russian Federation, Kemerovo region is considered as a particular example. The key areas of implementation of the social policy in regard to the family are considered to be: ways to solve the housing problem, the organization of activities of preschool institutions, social support for large families, wage level in the region and its ratio with the basic needs of the family expenses.

Ключевые слова: социальная политика, семья, социальные проекты, социальные льготы, молодая семья, многодетная семья.

Keywords: social policy, family, social projects, social benefits, young family, large family.

Социальная политика – одно из важнейших направлений политики, составная часть внутренней политики государства. Она призвана обеспечить расширенное воспроизводство населения, гармонизацию общественных отношений и политическую стабильность в обществе.

Это достигается поддержанием баланса между денежными доходами населения и товарными ресурсами, созданием условий для решения жилищной проблемы, удовлетворением спроса населения на количество и качество товаров и услуг, созданием базы для укрепления здоровья населения, роста его духовности, образованности и культуры. Социальная политика реализуется через различные государственные решения и социальные программы.

Одним из приоритетных направлений реализации социальной политики в Российской Федерации является политика в сфере семьи.

Для анализа особенностей региональной политики в сфере семьи необходимо определить актуальность и значимость ее реализации для конкретного региона, а также государства в целом. Для этого необходимо определить особенности семьи как социального института, а также основные направления реализации политики в сфере семьи, способствующие его сохранению и развитию.

Изучение семьи как социального института, основных проблем, возникающих в процессе его становления и развития, а также поиск путей их решения является актуальным направлением в современной науке, т. к., по мнению ряда исследователей, семья является основой любого общества и, соответственно, важным фактором, обеспечивающим его стабильность и воспроизводство.

Автор многочисленных работ по "Социологии семьи" А. И. Антонов в своих исследованиях указывает на то, что семья образует базовое предусловие функционирования социума, обеспечивая физическое и социокультурное замещение поколений, посредством рождения детей и поддержания существования

всех членов семьи. Без воспроизводства социализации потомства невозможно восполнение иных социальных институтов. Также автор делает вывод о том, что исследование проблем семьи носит комплексный характер, при проведении которого следует учитывать физиологические и психологические взаимоотношения в рамках семьи, культурные нормы и ценности, экономические условия рынка, демографические изменения, особенностям функционирования государственных институтов армии, а также специфику исторических трансформаций общества [3].

Российский социолог А. Г. Харчев в своих исследованиях пишет о том, что структура и форма семьи, характер отношений внутри нее исторически изменчивы, поэтому и сама семья является исторически изменчивой социальной группой. Также он указывает на то, что социологическая дефиниция семьи указывает на ее биологическую, биосоциальную и экономическую основу [22].

Согласно классификации А. Г. Вишневского, семья выполняет ряд функций: экономическая (получение средств к существованию для семьи); демографическая (обеспечение воспроизводства населения); социально-культурная (социализация личности и социальный контроль над поведением человека); социально-психологическая (реализация индивидуальных потребностей и стремлений человека, снятие эмоционального напряжения) [24; 15].

В. А. Козлов выделяет следующие основные проблемы в реализации современной российской семьей своих функций, так как на их решение и должна быть направлена социальная политика:

1. Демографические проблемы. Очень низкая рождаемость и низкая продолжительность жизни ведет к провалам семьи в выполнении воспроизводственной функции и к естественной убыли населения. Также существует проблема старения населения, связанная с длительным периодом низкой рождаемости. При этом следует учитывать, что современная российская семья отошла от патриархальной многопоколенной семьи с

традиционными ценностями, поэтому не может осуществлять функции социального контроля.

2. Проблемы социально-экономического положения семей. Среди общих для всех категорий семей проблем можно выделить несколько основных. Во-первых, состояние рынка труда и поотраслевая сегрегация заработной платы, что приводит к бедности трудоспособного населения, занятого в определенных отраслях. Во-вторых, недостаточные меры государственной поддержки незанятых категорий населения. В-третьих, распространение неденежной бедности, которая ограничивает доступ населения к жилью, а также социально значимым благам, важным для нормального функционирования семьи (образованию, здравоохранению) [11; 9].

Н. Ю. Егорова, Л. И. Сизова в качестве основных проблем, с которыми сталкивается современная семья, называют демографические, экономические, социальные и политические. Также они указывают на то, что забота о благополучии семьи способна принести различные выгоды: рост трудоспособности, повышение материального благосостояния, совершенствование процесса социализации подрастающего поколения [8, с. 97].

Проанализировав различные исследования в области семьи, можно сделать вывод о том, что большинство авторов выделяют следующие проблемы, с которыми сталкивается семья в ходе реализации своих функций: демографические, экономические, социально-культурные, психологические.

На современном этапе развития общества, когда семья выступает в качестве открытой системы, ее проблемы могут быть решены посредством осуществления комплексных мер государственной политики. Цель государственной семейной политики должна заключаться в устранении провалов в выполнении семьей своих функций. В российских условиях разнообразия проблем семьи в различных субъектах федерации и неоднородного социально-экономического развития регионов важен региональный аспект социальной политики [11; 10].

Под семейной политикой подразумевается комплекс мер, направленных на поддержку и защиту семьи и создание оптимальных условий для выполнения семьей своих функций [11, с. 11].

Ж. В. Чернова выделяет два подхода к определению термина социальная политика. Первый (широкий) подход подразумевает рассмотрение семейного законодательства во взаимосвязи с социальной политикой государства. Второй (узкий) подход сосредоточен преимущественно на денежных выплатах (пособия многодетным семьям, социальные льготы, оплачиваемый декретный отпуск и т. д.) [23; 13].

Политика в сфере семьи всегда органичная составная часть социальной политики. Государственная политика в сфере семьи является составной частью социальной политики Российской Федерации и представляет собой целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового характера, направленных на жизнеобеспечение семьи в соответствии с общепринятыми социальными нормами и стандартами, а также медицинскими нормативами.

17 февраля 2014 года в городе Череповце Президент Российской Федерации В. В. Путин провел заседание президиума Государственного совета «О государственной политике в сфере семьи, материнства и детства». Согласно заявлению В. В. Путина на заседании совета, создание условий для роста рождаемости, охрана материнства и детства, укрепление института семьи являются приоритетными социальными задачами в России. Также в ходе своего обращения он отметил, что основной задачей государства в области политики в сфере семьи является создание условий для устойчивого семейного благополучия, которое зависит от различных факторов: доходов семьи, жилищных условий, доступности качества медицинских и образовательных услуг, физического и нравственно-го здоровья детей и взрослых и т. д. [14].

В качестве основных направлений реализации политики в сфере семьи были указаны: решение жилищной проблемы, повышение доходов семей с детьми, создание новых рабочих мест, увеличение количества детских дошкольных учреждений, социальная поддержка семей с детьми, помощь многодетным семьям, ликвидацию беспризорности [14].

Региональная политика в сфере семьи обеспечивает установленные на федеральном уровне государственные гарантии в отношении семьи, защищает ее права и интересы, создает условия для нормального функционирования в условиях переходного периода, усиливает «семейный аспект» в деятельности всех органов власти.

Несмотря на то, что многие социальные проекты продвигаются на федеральном уровне, их непосредственная и адресная реализация осуществляется органами власти на региональном уровне, поэтому важно понять, как осуществляется реализация социальной политики в регионе и соответствует ли федеральным приоритетам

Рассмотрим особенности реализации указанных приоритетных направлений государственной политики в сфере семьи в регионе на примере Кемеровской области.

За последнее десятилетие в Кемеровской области реализовывалось множество социальных проектов, направленных на стабилизацию и развитие института семьи. В данных социальных проектах поднимаются проблемы защиты семьи и детей, образования и популяризации здорового образа жизни.

Проблемы семьи являются составной частью социальных проблем государства, а следовательно, важнейшим показателем развития страны.

Решения, принимаемые в сфере политики в области семьи, оказывают влияние на реализацию политики в других сферах (демографическая, экономическая, жилищно-коммунальная, образовательная).

Одним из важных направлений реализации политики в сфере семьи является организация дошкольного образования детей.

В октябре 2008 года было издано распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области "Об организации семейных групп", являющихся структурными подразделениями муниципальных дошкольных образовательных учреждений Кемеровской области в качестве одной из перспективных форм дошкольного образования. Согласно распоряжению,

Управлением образования на основании письменного заявления от кандидата; акта обследования жилищно-бытовых, социальных условий жизни и психологического климата в семье кандидата с положительным заключением принимается решение об открытии семейной группы.

При открытии такой семейной группы мама становится воспитателем, она принимается по трудовой книжке в ближайший детский сад с заработной платой в размере 5000 рублей. Также семья получает 70 рублей в день на питание каждого ребенка. В месяц это составляет 1540 рублей из расчета пятидневной рабочей недели. Например, семья с тремя детьми получает 10000 рублей в месяц [19].

Реализация подобного рода проектов является актуальной для региона, т. к. в связи с ростом рождаемости в течение последнего десятилетия возникла необходимость в увеличении количества детских садов.

В качестве варианта решения проблемы доступности детских дошкольных учреждений политической партией "Единая Россия", был предложен проект «Детские сады – детям». Данный проект является актуальным в современной России в связи с большим дефицитом мест в детских садах, необходимостью возобновления трудовой деятельности молодыми матерями, а также в связи со сравнительно низкими заработными платами работников дошкольных учреждений. Проект начал действовать с 15 июля 2010 года. Целью проекта является создание социальных и инфраструктурных условий для улучшения качества жизни семей, повышения уровня рождаемости. В качестве основных задач проекта называются обеспечение стопроцентной доступности детских дошкольных учреждений, ликвидация очередей в детские сады к 2016 году, создание дополнительных рабочих мест в сфере дошкольного образования и воспитания [15].

В бюджетном послании 2012 года Губернатор Кемеровской области поставил задачу ликвидировать очередность в детские сады к 2014 году.

Согласно информации администрации области, решение проблемы по устройству детей в детские дошкольные учреждения стоит в Кузбассе на особом контроле. Начиная с 2011 года, в Кузбассе построен и реконструирован 91 детский сад на 10 тыс. 140 мест.

В Кемеровской области в течение 2014 года построено 12 новых детских садов, а также реконструировано и капитально отремонтировано 17 детских садов. Пять детских садов на 500 мест были сданы после реконструкции в городе Белово и новый детский сад на 190 мест открыт в городе Полысаево. В целом, на строительство и оснащение шести садиков израсходовано 324 млн рублей.

По результатам анализа реализации данного проекта сообщается, что за два года очередность детей в возрасте с 3 до 7 лет в Кузбассе сократилась более чем в 13 раз, а в 27 территориях она полностью ликвидирована. Вместе с тем, рождаемость растет: за последние шесть лет рождаемость в Кемеровской области увеличилась на 22 %. Только в 2013 году на свет появилось 37 тыс. 600 детей [15].

При этом следует отметить тот факт, что в официальных источниках не практически отсутствует статистика за последние годы о количестве мест в детских садах, нет информации для сравнения цифр

прошлых лет и текущего года. Поэтому одной из важных проблем при обеспечении доступности дошкольного образования, является повышение уровня "прозрачности" организации данной сферы социальной политики, увеличение количества информации о происходящих изменениях.

Еще одной актуальной проблемой для региона, является обеспечение населения, в том числе молодых семей доступным жильем.

В 1994 году с целью обеспечения социальных гарантий в области жилищных прав слабо защищенных слоев населения администрацией Кемеровской области была создана некоммерческая организация «Фонд жилищного строительства Кемеровской области». Основной деятельностью данной организации является предоставление гражданам льготных бюджетных займов и социальных выплат для приобретения или строительства жилья [2].

Льготные бюджетные займы предоставляются гражданам только один раз, имеющим в соответствии с Законом право на их получение, для приобретения в собственность жилых помещений, расположенных на территории Кемеровской области, на которой находится место жительства граждан. Льготные бюджетные займы выдаются на срок до 20 лет (в зависимости от возраста заявителя), с первоначальным взносом (не менее 10 % от стоимости приобретаемого жилья) или без первоначального взноса с процентной ставкой от 0 % до 5 % годовых (в зависимости от категории населения).

Согласно информации администрации Кемеровской области, за период работы фонда путем льготных бюджетных займов и социальных выплат улучшили жилищные условия более 20 тысяч семей [2].

В 2005 году в Российской Федерации был внедрен национальный проект «Доступное и комфортное жилье гражданам России», целью которого является комплексное решение проблемы перехода к устойчивому функционированию и развитию жилищной сферы, обеспечивающем доступность жилья для граждан, безопасность и комфортность проживания в нем [6].

Согласно данным департамента строительства Кемеровской области, за время действия проекта через «Фонд развития жилищного строительства Кемеровской области» заключено 842 договора займа на приобретение и строительства жилья на сумму 1361,4 млн рублей (в том числе 1208,47 млн рублей – из средств областного бюджета), из них 699 договоров займа с молодыми семьями на сумму 1149,71 млн рублей (1001, 21 млн рублей – из средств областного бюджета) [6].

Официальные данные о реализации проекта сообщаются только в период с 2005 года до 2013 года, с этого момента формально национальный проект не отменен, но конкретные планы по его дальнейшей реализации в официальных СМИ отсутствуют.

В качестве еще одного направления деятельности, способствующего увеличению доступности жилья, в 2003 году было принято решение о создании ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию Кемеровской области», основной целью деятельности которого является предоставление возможности любой платежеспособной категории граждан улучшать жилищные условия с оплатой приобретаемого жилья в рассрочку.

Молодым семьям с детьми предоставляются вычеты из процентной ставки по специальным ипотечным программам (таблица 1), а также применение платежных каникул при рождении ребенка. Воспользоваться данной программой может молодая семья, имеющая одного и более детей. Возраст хотя бы одного из родителей не должен превышать 35 лет.

Процентная ставка по программе снижается при заключении договора займа в случае приобретения

жилья семьей, в которой на момент заключения договора есть несовершеннолетние дети: на 0,25 процентных пункта, если в семье один несовершеннолетний ребенок, на 0,5 процентных пункта – если в семье два несовершеннолетних ребенка и более. В приведенной ниже таблице указаны условия предоставления ипотечного займа молодым семьям [1].

Таблица 1

**Условия кредитования по федеральной ипотечной программе
(ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию Кемеровской области»)**

<i>Вид кредита</i>	<i>Размер первого взноса % от стоимости жилья</i>	<i>Величина процентных ставок, %</i>	<i>Примечание</i>
Стандартный	30	11,4 – 12,25	Кредит предоставляется для приобретения жилья на вторичном рынке недвижимости
Стандарт «Доступный»	10 – 29	12 – 13,4	Кредит предполагает получение займа с минимальным – 10 % первоначальным взносом без оформления дополнительных страховок
Стандарт «ДДУ»	30	11,4 – 12,25	Кредит предоставляется для приобретения квартиры в строящемся доме по договору Долевого участия в строительстве или Договору Уступки прав требования
Материнский капитал	10	11,5 – 12	Кредит предназначен для приобретения квартиры с использованием средств материнского капитала
Социальная ипотека: квартира	Не менее 20 % от стоимости жилья	от 12,84 %	Кредит предоставляется на приобретение квартир, построенных в рамках реализации программы «Жилье для российской семьи»

В настоящее время на территории Российской Федерации (в том числе Кемеровской области) реализуется программа «Жилье для российской семьи». Основные цели программы: поддержка отдельных категорий граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, увеличение объема строящегося жилья, повышение доступности жилья за счет снижения средней стоимости одного квадратного метра жилья. Целевая группа – граждане в возрасте 25 – 40 лет, относящиеся к одной из установленных категорий, имеющие постоянную занятость, нуждающиеся в улучшении жилищных условий. Совокупные доходы граждан и проживающих с ними членов семьи должны позволять приобретение жилья экономического класса, в том числе с помощью ипотечного кредита [10].

В 2011 году в Кемеровской области начала действовать программа «Молодая семья», позволяющая молодым семьям приобрести или построить собственное жилье, опираясь на сорокапроцентную социальную субсидию от стоимости недвижимости, выделенную из федерального бюджета. Эта программа позволяет оформить льготную ипотеку с минимальным первоначальным взносом и заниженной процентной ставкой. Участвовать в программе могут лица, проживающие в Кемеровской области в возрасте до 35 лет, нуждающиеся в улучшении условий проживания и имеющие доход не менее 22000 рублей на семью [7].

Рассмотрим условия предоставления ипотечного кредита, предлагаемые наиболее известными банками в Кемеровской области, которые не предусматривают льготного кредитования (таблица 2).

Таблица 2

**Условия предоставления ипотечного кредита
банками Кемеровской области**

<i>Название банка</i>	<i>Размер первого взноса % от стоимости жилья</i>	<i>Величина процентных ставок, %</i>
Сбербанк	от 20	от 14
ВТБ 24	от 10	от 15
Банк Москвы	от 30	от 12,75
МДМ	от 30	от 15
Уралсиб	от 50	от 16

Следует отметить, что в ряде банков имеются предложения по ипотечному кредитованию для молодых семей, но они, скорее, являются маркетинговым ходом и по факту практически не отличаются от стандартных предложений.

Если сравнивать условия, предлагаемые различными социальными программами с коммерческими предложениями банков, можно увидеть различие в размерах процентных ставок и первоначальных взносов. Следует отметить, что в последние годы цены на квартиры растут гораздо быстрее, чем вводятся новые социальные программы.

В качестве примера приведем среднюю стоимость одного квадратного метра жилья на вторичном рынке города Кемерово в 2014 и 2015 году, согласно информации сайтов агентств недвижимости.

В течение 2014 года примерная стоимость одного квадратного метра жилья на вторичном рынке составляла 35 – 45 тысяч рублей (в зависимости от района и количества комнат).

По состоянию на 22.02.2015 г. средняя стоимость одного квадратного метра составила 57 тысяч рублей [16].

Поэтому для дальнейшего развития данного направления политики в сфере семьи, необходимо развивать внедрение новых социальных проектов по повышению доступности жилья, т. к. коммерческие условия, предлагаемые банками, зачастую являются неподъемными для большинства семей, особенно молодых.

Для многодетной семьи ипотека является льготной подпрограммой. Одним из проблемных моментов при получении многодетной семьей льготной ипотеки является первоначальный взнос, который составляет 30 % от рыночной стоимости жилья (при учете количества членов семьи и общей площади приобретаемой квартиры, стоимость такого жилья весьма значительная). Нередко эти так необходимые 30 % найти семье практически невозможно.

Несмотря на наличие большого количества социальных программ и проектов, если средняя заработная плата населения в регионе меньше оговоренной в условиях ипотечного кредитования, возникает проблема эффективности их реализации.

Таким образом, размер средней заработной платы в регионе – следующий аспект, который мы рассмотрим в данной статье.

Согласно данным Кемеровостата, среднемесячная заработная плата в Кемеровской области с января по ноябрь 2014 года составила 26,2 тысячи рублей. По сравнению с аналогичным периодом 2013 года эта сумма выросла на 1,4 тысячи рублей [20].

Прожиточный минимум в Кемеровской области по итогам 1 квартала 2014 года составлял 7535 руб. [14].

При этом одновременно с ростом средней заработной платы, растут и цены на товары и услуги.

По данным Кемеровостата, потребительские цены в Кемеровской области выросли на 11,9 % за 2014 г. Стоимость продовольственных товаров в декабре увеличилась на 3,2 % (с начала 2014 года – на 15,1 %), цены на услуги в регионе выросли на 4,2 процента (с начала 2014 года – на 11,4 %). Непродовольственные товары в декабре 2014 года подорожали на 2,8 процента (с начала 2014 года – на 8,9 %) [20].

Исходя из приведенных выше цифр, можно сделать вывод о том, что, несмотря на увеличение заработной платы, доходы граждан существенно не меняются, т. к. одновременно с этим увеличиваются их расходы, в связи с увеличением цен на различные товары и услуги. Это еще раз доказывает факт, что социальная поддержка семей (особенно молодых и многодетных), является необходимой.

Еще одно важное направление политики в сфере семьи – социальная поддержка многодетных семей.

Согласно закону Кемеровской области № 123 – ОЗ "О мерах социальной поддержки многодетных семей в Кемеровской области (от 14.11.2005 года), многодетная семья – это семья, имеющая в своем со-

ставе трех и более детей в возрасте до 18 лет, в том числе усыновленных и приемных [19].

Многодетным семьям в Кемеровской области ежемесячно выплачивается 1000 рублей.

Многодетным семьям, среднедушевой доход которых не превышает прожиточного минимума на душу населения, в Кемеровской области предоставляются следующие меры социальной поддержки:

- бесплатная выдача лекарств для детей до 6 лет;
- бесплатный проезд для обучающихся в государственных и муниципальных образовательных организаций на всех видах городского транспорта общего пользования;
- снижение оплаты коммунальных услуг на 30 %;
- снижение на 30 % стоимости топлива населению, проживающему в домах без центрального отопления;
- ежеквартальная денежная выплата в размере от 500 до 1000 рублей, в зависимости от количества детей;
- областной материнский капитал;
- ежемесячная денежная выплата при рождении третьего ребенка или последующих детей и т. д. [19].

Из данного перечня предоставляемых льгот необходимо особо отметить выплату материнского капитала, предназначенного на оплату жилья или образование ребенка, являющимися наиболее сложными пунктами для самостоятельного осуществления многодетными семьями. Поэтому дальнейшее сохранение процедуры выплаты материнского капитала является особенно важным направлением в политики в сфере семьи.

Согласно заявлению Президента Российской Федерации В. В. Путина, создание условий для роста рождаемости, охрана материнства и детства и укрепление института семьи являются приоритетными социальными задачами в России [14].

Поэтому федеральным и региональным органам власти следует уделять первоочередное внимание реализации политики в сфере семьи. Из приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что семье в современных условиях необходима поддержка государства. Это касается, прежде всего, обеспечение жильем. Если сопоставить средний уровень доходов семьи с ростом цен на жилье, мы увидим, что для большинства семей самостоятельное решение этой проблемы является очень сложным. Поэтому на федеральном и региональном уровне необходимо дальнейшее развитие различных социальных программ, предоставляющих различные льготы при приобретении жилья.

Еще одним важным направлением политики в сфере семьи является организация дошкольного образования. Особенно актуальной является проблема строительства и доступности детских садов. С этим напрямую связана проблема повышения доходов семьи и возможностью для матерей быстрее возобновить трудовую деятельность. Проблема повышения доходов семьи также является актуальной, т. к. настоящее время у большинства семей имеются ипотечные и потребительские кредиты, а также происходит рост цен на товары и услуги.

Большим достижением политики в сфере семьи является «Материнский капитал», который направлен на решение вопросов улучшения жилищных вопросов

и доступности образования для семей с двумя и более детьми. Поэтому необходима дальнейшая реализация этого, безусловно, важного социального проекта.

Важную роль в достижении успехов в политике в сфере семьи играют различные социальные проекты, направленные на укрепление семьи, социальную поддержку отдельных категорий граждан.

В заключении можно сделать вывод о том, что руководство Российской Федерации в последнее время стало подчеркивать важность укрепления института семьи, проведения эффективной социальной политики

в сфере семьи как на федеральном, так и региональном уровнях.

Это подтверждают заявления, сделанные Владимиром Владимировичем Путиным на упоминавшемся заседании президиума Государственного Совета в городе Череповце, демонстрирующие конструктивность проводимой и предлагаемой в дальнейшем государственной политики в сфере семьи. Это, в свою очередь, указывает на перспективы дальнейшего развития России как социального государства.

Литература

1. Агентство по ипотечному жилищному кредитованию Кемеровской области. Режим доступа: <http://aigk-ko.ru/> (дата обращения: 21.02.2015).
2. Администрация Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.ako.ru/> (дата обращения: 24.02.2015).
3. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи: учебник. М.: Изд-во МГУ, 1996.
4. Банк Москвы. Режим доступа: <http://www.bm.ru/> (дата обращения: 24.02.2015).
5. ВТБ 24. Режим доступа: <http://www.vtb24.ru/> (дата обращения: 24.02.2015).
6. Департамент строительства Кемеровской области. Режим доступа: <http://dsko.ru/> (дата обращения: 21.02.2015).
7. Департамент образования и науки Кемеровской области. Режим доступа: <http://xn42-6kcadhwnl3cfdx.xn--p1ai/> (дата обращения: 21.02.2015).
8. Егорова Н. Ю., Сизова Л. И. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной // Социологические исследования. М., 2014. № 4. С. 97 – 102.
9. Информационный портал программы «Молодая семья». Режим доступа: <http://www.programma-molodaya-semya.ru/> (дата обращения: 21.02.2015).
10. Информационный сайт программы «Жилье для российской семьи». Режим доступа: <http://xn---7sbaks7aamikcgn.xn--p1a> (дата обращения: 21.02.2015).
11. Козлов В. А. Институциональный подход к разработке семейной политики. М.: Институт экономики, 2010.
12. Козлов В. А. Семейная политика в Российской Федерации: уровни ответственности, реализации и финансирования: дис. ... канд. экон. наук. М.: МГУ, 2011. 162 с.
13. МДМ банк. Режим доступа: <http://www.mdm.ru/> (дата обращения: 24.02.2015).
14. Президент России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 24.02.2015).
15. Проект партии «Единая Россия» «Детские сады – детям». Режим доступа: <http://erdetsad.ru/> (дата обращения: 21.02.2015).
16. Недвижимость Кемеровской области. Режим доступа: <http://ndv42.ru/kemerovo/price/region/sale/-vtorichka/> (дата обращения: 21.02.2015).
17. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 18.04.2014 г. № 163 "Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения Кемеровской области за первый квартал 2014 года". Режим доступа: <http://www.kuzbass85.ru/> (дата обращения: 21.02.2015).
18. «Сбербанк России». Режим доступа: <http://www.sberbank.ru/>
19. Совет народных депутатов Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.sndko.ru/> (дата обращения: 21.02.2015).
20. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области: сайт. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 24.02.2015).
21. «Уралсиб» – коммерческий банк. Режим доступа: <http://www.bankuralsib.ru> (дата обращения: 24.02.2015).
22. Харчев А. Г. Современная семья и ее проблемы. Социально-демографическое исследование. М, 1978. Режим доступа: <http://magref.ru/sovremennaya-rossiyskaya-semya-i-ee-problemyi/>
23. Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб: Норма, 2008.
24. Эволюция семьи и семейная политика в СССР / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Наука, 1992.

Информация об авторе:

Григорьева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры политических наук КемГУ, lgy-kem@mail.ru.
Elena V. Grigorieva – Senior Lecturer at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

АЛЖИР: РЕФОРМИРОВАНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

В. В. Желтов, М. В. Желтов

ALGERIA: REFORMS AS A CONSEQUENCE OF THE ARAB SPRING

V. V. Zheltov, M. V. Zheltov

Протестные движения Арабской весны не обошли стороной и Алжир, хотя протесты имели некоторую специфику, связанную, в частности, с особенностями общественно-политического развития этой страны. Относительно невысокая мобилизация населения в последние годы во многом объясняется последствиями гражданской войны в 1990-е гг. и опасениями повторения «черного десятилетия». Сказалась также гибкая политика властей, связанная с проведением глубоких социально-экономических и политических реформ, позволивших снизить недовольство населения условиями своей жизни.

Protest movements of the Arab Spring did not bypass Algeria, although protests there had some specifics related, in particular, to the features of the socio-political development of the country. Relatively low mobilization of the population in recent years is largely due to the effects of the civil war in the 1990s and fears of a repeat of the “black decade”. Another reason was the flexible government policies introducing deep socio-economic and political reforms that allowed reducing the population’s discontent with their lives.

Ключевые слова: Арабская весна, революция, демократия, реформа политическая, гражданская война, протестные действия, манифестация, выборы, избиратели.

Keywords: Arab Spring, revolution, democracy, political reform, civil war, protest actions, rallies, elections, voters.

Последние два-три десятилетия в Алжире отмечены глубокими политическими изменениями, вызванными к жизни непростым, противоречивым и даже драматическим в отдельные периоды характером развития страны. Начало этим изменениям было положено в конце 1980-х гг., когда политическое руководство Алжира отказалось от дальнейшего проведения политики социалистической ориентации и приступило к проведению широкой демократизации всей жизни страны.

Результаты этого не замедлили себя ждать. По уровню и масштабам политических свобод Алжир в начале 1990-х гг. не имел аналогов в Арабском мире. В Алжире были устранены чрезвычайные суды государственной безопасности, рассматривавшие ранее дела политического характера. В 1989 г. была принята новая конституция и необходимые законодательные акты для создания в стране двухпалатного парламента. Были созданы условия для формирования в стране многопартийной системы. Законодательно были введены альтернативные выборы на всех уровнях власти. В апреле 1990 г. был принят новый закон о средствах массовой информации, в результате чего уже к концу 1991 г. в Алжире появилось 169 новых газет и журналов [1].

О радикальном изменении характера политической жизни в начале 1990-х гг. свидетельствует тот факт, что леворадикальная, берберская и исламистская оппозиция, находившаяся ранее в полулегальном положении, получила право на участие в общественно-политической жизни в полном объеме. Пребывавшие в эмиграции оппозиционные лидеры, в том числе А. Бен Белла [*Примечание авторов:* Ахмед бен Белла (1918 – 2012) – первый президент Алжира (1963 – 1965), часто рассматриваемый как «отец алжирской нации»], смогли вернуться в Алжир и продолжить свою политическую деятельность.

Глубокие демократические преобразования в Алжире проводились на фоне ухудшения социально-экономической ситуации: росли цены, прогрессировала инфляция, возрастала доля безработных (20 %) в составе трудоспособного населения, снижался жизненный уровень большинства населения, обострялся жилищный кризис. Это не могло не вести к усилению социальной напряженности. Эта напряженность усиливалась под воздействием отказа властей от социалистической ориентации в развитии страны.

На волне демократизации в Алжире получило широкое распространение массовое исламистское движение в лице Исламского фронта спасения (ИФС) [*Примечание авторов:* Исламский фронт спасения – исламистская политическая партия в Алжире, созданная в 1989 г.], который в начале 1990-х гг. насчитывал в своих рядах до 3 млн членов. О масштабах влияния исламистов наглядно свидетельствовали результаты муниципальных и парламентских выборов, состоявшихся в 1990 – 1991 гг.: за кандидатов ИФС проголосовало почти 50 % избирателей [7]. Успеху исламистов способствовала позиция тогдашнего президента Шадли Бенджадида [*Примечание авторов:* Шадли Бенджедид (1929 – 2012) – алжирский государственный и политический деятель, президент Алжира с 1979 по 1992 год. Был отстранен от власти в результате военного переворота в начале гражданской войны в Алжире. Его иногда называют «алжирским Горбачевым»], который пытался, на основе привлечения на свою сторону исламистов, противостоять традиционно сильному политическому влиянию армии в стране. Этот маневр Бенджадиду не удался. В январе 1992 г. он был вынужден уйти в отставку по ультимативному требованию армейского командования.

Далее военные пошли на силовое прерывание второго тура парламентских выборов, в которых, наверняка, победа досталась бы исламистам, что привело бы к провозглашению Алжира исламской респуб-

ликой. На высший государственный пост военными был определен Мохаммед Будиаф [*Примечание авторов*: Мухаммед Будиаф (1919 – 1992) – алжирский политический лидер. Один из основателей Фронта национального освобождения, с 1954 года лидер восстания. С 1956 по 1962 гг. находился во французском плену. После поражения французов вернулся в Алжир, был арестован, затем эмигрировал в Марокко. В 1992 году после военного путча ему было предложено стать президентом Высшего Государственного Совета. Пытался начать борьбу с коррупцией, в которой были замешаны лидеры хунты. Застрелен собственным телохранителем во время выступления в городе Аннаба, транслировавшемся национальным телевидением]. Вслед за этим были проведены многочисленные аресты членов и активистов ИФС, а 4 марта 1992 г. Фронт был распущен.

Оставшиеся на свободе активисты перешли к подпольным партизанским действиям, ведя боевые действия против сил безопасности и армии. Как и во время войны за независимость (1954 – 1962), партизаны ушли из городов и сел в горы на Севере Алжира. Одновременно в стране появились исламистские вооруженные группы, которые действовали в городах.

Действия военных, как потом это подтвердят многочисленные факты, привели к радикализации исламистского движения, экстремистские силы которого развязали многолетнее вооруженное противостояние с властями. Это противостояние охватило период с 1992 по 2000 гг. Причем уже летом 1992 г. исламисты начали вести боевые вылазки не только против военных подразделений и сил безопасности, но и против гражданских лиц. Так, 26 августа 1992 г. было совершено нападение на аэропорт Алжира, которое привело к 9 смертям, а 128 человек были ранены [5, с. 43 – 49].

В январе 1993 г. по инициативе одного из бывших членов ИФС была сформирована Вооруженная исламистская группа (ВИГ), о позиции которой свидетельствует следующее заявление: «Мы отказываемся от религии демократии. Мы утверждаем, что политический плюрализм равноценен смуте (Fitna)» [7, с. 54].

Гражданская война в Алжире была беспощадной и вошла в историю страны под общим названием «черное десятилетие». Оно стоило алжирскому народу более 200000 жизней, около 2 млн человек стали внутренними беженцами, еще два миллиона стали косвенными и прямыми пострадавшими. Материальные потери страны исчислялись миллиардами долларов. Это противостояние привело к началу гражданской войны и превратило Алжир в один из очагов радикального исламизма, борьба с которым продолжается до сих пор [2, с. 22 – 23].

На пути преодоления последствий гражданской войны

В 1999 г. президентом Алжира был избран А. Бутефлика, перед которым встал целый ряд неотложных задач, ждущих своего решения. Но среди них, вне всякого сомнения, стояла задача, с одной стороны, подавления радикального исламизма, а с другой – восстановления гражданского согласия в стране.

Важным шагом на пути решения таких задач стало принятие закона об амнистии исламистов, добровольно прекративших вооруженную борьбу. В 2005 г. на общенациональном референдуме была одобрена «Хартия мира и национального примирения народов Алжира» [3]. Хартия призывала граждан страны к мирной жизни, включая и тех из них, кто был вовлечен в деятельность экстремистских группировок.

Первостепенное внимание руководство Алжира уделяло вопросам экономического развития как необходимого условия улучшения условий жизни рядовых алжирцев. При этом, вне всякого сомнения, учитывался тот факт, что Алжир является самодостаточной страной, наделенной многочисленными природными ресурсами. Страна обладает значительными запасами нефти и газа, железной руды, ртути и рядом других полезных ископаемых. Не удивительно, что в 2000-е гг. алжирская экономика показала достаточно стабильный рост валового внутреннего продукта – в пределах 4 – 6 % в год. Правда, в 2008 – 2010 гг. эти темпы несколько снизились, в чем сказалось влияние мирового финансово-экономического кризиса. В то же время по поводу влияния кризиса на алжирскую экономику министр финансов заявил, что кризис «напрямую не затронул Алжир. Благодаря созданным стабилизационным механизмам (в частности, специальному Фонду регулирования доходов, где аккумулированы доходы от экспорта нефти и газа в размере около 48 млрд евро на конец 2010 г. и Резервному валютному фонду, имеющему 121 млрд евро) Алжир не будет испытывать каких-либо трудностей при финансировании плана социально-экономического развития на 2009 – 2014 гг.» [2, с. 25].

Несмотря на несомненные успехи в решении задач развития экономики, в Алжире до сегодняшнего дня сохраняется немало проблем. Прежде всего, речь идет о высокой безработице, особенно среди молодежи. Несмотря на существенное снижение безработицы по сравнению с 1999 г. (тогда она составляла около 29 %), тем не менее, в 2008 г. она достигала 12,8 %. Но это – показатель в среднем по стране, а в некоторых регионах безработица и сегодня достигает 50 %.

Не менее остро стоит жилищная проблема. Во многих городах жилищно-коммунальное хозяйство находится в кризисном состоянии. Ниже уровня бедности (доход менее 2 долларов США в день) по официальным данным в настоящее время проживет 15 % населения (по другим данным этот показатель составляет 23 %). За последние годы наблюдается определенный рост преступности. С особой тревогой в алжирском обществе говорят о том, что в некоторых районах страны криминальные банды смыкаются с радикальными исламистскими группировками.

Тем не менее, несмотря на наличие сложных проблем, внутренняя ситуация в Алжире к моменту начала Арабской весны значительно стабилизировалась по сравнению с концом 1990-х – началом 2000-х гг. Однако революция в Тунисе и последовавший затем подъем протестных движения в ряде других стран, казалось, должны были взорвать ситуацию и в Алжире. Тем более что многие причины, вызвавшие массовые протестные действия в других арабских странах, были присущи и Алжиру. Речь идет о коррупции, не-

потизме [Примечание авторов: Непотизм [лат. *peros* (*nepotis*) внук, племянник]:

1) раздача римскими папами доходных должностей, высших званий, земель своим родственникам для укрепления собственной власти;

2) служебное покровительство родственникам и своим людям; кумовство, социально-экономическое неравенство, практике ограничения свобод, нерешенности жилищной проблемы, неэффективном управлении страной. Социальные болезни в конце первого десятилетия текущего столетия давали о себе знать во всех слоях алжирского общества, и особенно среди молодежи.

Вопреки ожиданиям, в Алжире массовых протестных действий, которые угрожали бы стабильности в стране, не было предпринято. И это радикально отличало ситуацию в стране от ряда других стран (Тунис, Бахрейн, Египет, Кувейт, Ливия, Йемен и Сирия), где массовые народные выступления подрывали устойчивость политических режимов и привели к свержению некоторых из правителей в этих странах.

Арабская весна со всей остротой поставила вопрос о судьбах политических режимов в большинстве стран Северной Африки и Ближнего Востока. Перед властителями арабского мира встал со всей остротой вопрос: или прибегнуть к репрессиям для сохранения своей власти, как это произошло в Бахрейне, или согласиться на глубокое реформирование общества в соответствии с требованиями народных движений.

Своеобразным лозунгом режима, повторяемым *ad nauseam* (дословно – «до тошноты», по существу – «до отвращения») – латинская сентенция, которая используется для описания аргумента, который длится слишком долго (подробно, навязчиво, однообразно) – образно, вплоть до возникновения «тошноты», означает, что все, кто были причастны к постоянному и однообразному «потоку» пафоса, устали от этого – прим. автора), стало утверждение, что Алжир являет собой «исключение» в региональном политическом пейзаже. И относительная стабильность режима в последние годы подтверждает это утверждение. Однако это только внешняя сторона политического режима. Трудно не согласиться с теми из аналитиков, которые утверждают, что политическая элита страны своевременно осознала, что если не предпринять необходимые меры, рано или поздно, взрыв народного недовольства может произойти и в Алжире. И потому власти Алжира пошли на проведение определенных политических преобразований, которые, с одной стороны, учитывали бы нарастающие требования демократических изменений, а с другой – обеспечивали бы политическую стабильность.

Накануне Арабской весны, в апреле 2009 г. в Алжире состоялись президентские выборы. Им предшествовало принятие двух поправок к Конституции, наиважнейшей из которых было снятие ограничений на избрание на президентский пост не более, чем на два срока. Это открыло возможность для А. Бутефлики бороться за пост президента в третий раз, т. е. на срок с 2009 по 2014 гг., и это несмотря на проблемы с состоянием здоровья и скромные успехи в его деятельности по руководству страной.

Как отмечают французские исследователи, президентские выборы 2009 г. являются дополнительным подтверждением стремления властей Алжира сохранить статус кво в стране. Но ведь именно иммобилизм властей был одной из причин протестов, охвативших в последние годы целый ряд арабских стран, где геронтократы (перен. наличие среди высших руководителей государства большого числа лиц преклонного возраста – прим. автора) у власти сохраняли всеми силами сложившийся порядок вещей [4, 140].

Протестные движения в Алжире

Как мы уже отмечали, явление Арабской весны на Севере Африки как бы обошло стороной Алжир. Но это вовсе не означает, что политическая жизнь страны находится в состоянии покоя. Забастовки на местах и национального измерения, манифестации, бунты на протяжении ряда лет являются привычными явлениями непростого политического пейзажа Алжира. Достаточно сказать о том, что только в 2010 г. аналитики насчитали около 10000 протестных действий в этой стране.

Нужно сказать, что протестные действия в Алжире, как правило, связаны с самыми простыми и неотложными проблемами, с которыми сталкивается население страны. В их числе – высокая стоимость жизни, плохие жилищные условия, трудности в трудоустройстве и получении возможности иметь достойную работу. Нередко причиной протестных действий становятся вопросы, связанные с поведением властей различных уровней. Речь в данном случае идет о высокомерном и даже презрительном отношении начальников всех мастей к простым труженикам.

Волнения и манифестации с начала 2011 г., проходившие в Алжире, были вызваны к жизни социально-экономической мотивацией в большей мере, чем некими артикулированными политическими требованиями. Однако уже в конце января 2011 г. не без влияния Тунисской революции заявила о себе Национальная координация перемен и демократии (НСБД), которая представляла собой оппозиционное движение, выступившее против высокой стоимости жизни. Эта Координация объединила различные оппозиционные группы: автономные союзы, организации, защищающие права человека, среди них алжирская Лига по защите прав человека, студенческие и молодежные объединения, профсоюзы, безработные, юристы, учителя, коллективы граждан, интеллектуальные деятели и политические партии.

Координация призвана была стать открытым и демократическим пространством для всех мужчин и женщин, которые стремятся к реальному изменению положения дел в стране. Координация не считала себя с самого начала представителем всего населения, она стремилась выразить интересы только той части общества, которая стремится к построению автономного гражданского общества.

НСБД, добиваясь демократизации режима, выдвигала следующие требования:

- отменить чрезвычайное положение, введенное 19 лет назад;
- устранить ограничения в действии средств массовой информации;

– освободить из-под стражи заключенных, из числа участников манифестаций.

Инициаторы создания НСБД стремились объединить всю «демократическую оппозицию» и все силы, поддерживающие идею осуществления изменений в стране с тем, чтобы вывести Алжир на просторы развития и ликвидировать ограничения для утверждения «пространства свободы». НСБД призвал алжирцев провести массовую манифестацию 12 февраля 2011 г. Однако эта акция не состоялась, т. к. манифестанты столкнулись с противодействием мощных сил полиции.

Неспособность организовать массовые действия протеста привела к тому, что внутри НСБД уже через месяц после своего создания произошел раскол. Появились две группы: НСБД/политические партии и НСБД/организации гражданского общества. НСБД/политические партии видела свою задачу в том, чтобы продолжать протестные действия, несмотря на противодействие правительства. После целого ряда неудачных попыток проведения разного рода протестов, 23 июня 2011 г. это крыло НСБД приняло решение о прекращении своих действий.

Нужно сказать, что протестные действия в Алжире наглядно продемонстрировали отсутствие соответствующей координации требований социально-экономических и требований политических. И это объясняет во многом неэффективность протестных действий в Алжире. Эти действия не обрели подлинной массовости. Не было в этих действиях единства. И потому не возникло массового движения, выступающего за реформирование общества.

Сказанное – только одна сторона проблемы. Думается, не меньшее значение играет и то, что большинство алжирцев до сих пор испытывают опасения самого факта создания мощного протестного движения, нацеленного на свержение ныне действующего политического режима, что могло бы привести к событиям «черного десятилетия». Эти опасения усиливались кровавыми событиями в Ливии, которые, как известно, привели к падению режима М. Каддафи, а также гражданской войной в Сирии, которая длится уже три года в этой стране.

Существование того, что многие журналисты и исследователи определили как «алжирская исключительность», объясняется и тем, что оппозиция в Алжире, как мы уже отмечали, является недостаточно сильной и разделенной, а главное – она не смогла наладить устойчивых связей с населением страны. А потому и не может пока превратиться в реальную политическую силу страны. Получается так, что население наблюдает факт существования оппозиции только в период избирательных кампаний. Полагать, что алжирская оппозиция способна включиться в явление, которое мир называет «Арабская весна», по мнению аналитиков, «является в современных условиях отдаленной мечтой, или, точнее, быть может, – химерой» [7, с. 142].

Было бы неверно, говоря о протестных движениях в Алжире, недооценивать противодействие им со стороны властей. Это противодействие представляет собой существенный фактор ограничения возмож-

ностей формирования масштабного протестного движения. Власть, в частности, извлекает немалую выгоду из разделенности социально-экономических и политических требований, что в немалой степени содействует тому, что в стране, несмотря на существование определенного недовольства населения проводимой политикой, удается сохранять авторитарный режим. И еще. Отсутствие координации деятельности различных разрозненных групп оппозиции облегчает властям решение задачи – достаточно адекватно отвечать на их требования, с одной стороны, конкретными мерами умиротворения, а с другой – использованием силы.

Для практической реализации того, что мы только что назвали мерами умиротворения, власти Алжира используют немалые доходы от нефтедобычи. Наличие доходов от нефти позволяет проводить линию на повышение зарплат, субсидировать основные продовольственные товары, финансировать вопросы борьбы с безработицей. На это правительство Алжира направляет до четверти всех публичных расходов, что, к слову сказать, не может не вызывать известного удовлетворения сил оппозиции.

Помимо мер по перераспределению доходов, как было отмечено выше, алжирские власти в случае необходимости прибегают к использованию силы. Так, против манифестантов 12 февраля 2011 г., которых насчитывалось до 5 тысяч человек, было брошено примерно 30000 полицейских. Отметим при этом, что, проводя линию на использование возможностей силового воздействия на манифестантов, власти одновременно идут и на некоторые уступки.

Меры реформирования

Оппозиция и представители структур, защищающих права человека, настойчиво добивались отмены чрезвычайного положения, введенного в Алжире в 1992 г. Чрезвычайное положение, по убеждению оппозиции, все эти годы служило основой для ограничения, а то и для устранения гражданских свобод. Это требование обрело повышенную актуальность на фоне развернувшейся в начале 2011 г. на Севере Африки Арабской весны.

Требование отмены чрезвычайного положения стало общим местом выступлений оппозиции в начале 2011 г. Это не осталось незамеченным алжирскими властями. Уже 22 февраля 2011 г. правительство Алжира приняло текст проекта закона, который отменял чрезвычайное положение в стране.

Официальное объявление о необходимости принятия такого документа вызвало неоднозначную реакцию различных политических сил. Прежде всего, обеспокоенность исходила от военных Алжира, которые использовали ранее чрезвычайное положение для борьбы с силами террора. Однако, как показало последующее развитие событий, армии была предоставлена свобода рук в ее борьбе с террористами. Более того, остался в силе декрет о правилах осуществления чрезвычайного положения, принятых в июне 2001 г., которые никогда не публиковались. Согласно данному декрету, в столице страны

полностью запрещалось проведение манифестаций, что активно использовалось силами порядка все годы, последовавшие после начала революции в Тунисе.

Как заявил в марте 2011 г. президент Алжира А. Бутефлика, отмена чрезвычайного положения «открыло бы новую страницу глобальных реформ..., которые не могут быть успешными без проведения политических реформ» [7]. В марте же король Алжира внес предложения по сути политических реформ. Так, предлагалось внести некоторые изменения в Основной закон страны. Они включали в себя меры по повышению роли выборов, политических партий и ассоциаций. Вносились предложения и по расширению прав женщин в публичной жизни. Президент сообщил также о создании Национальной консультативной комиссии по политическим реформам (НККПР), которая была призвана осуществить сбор предложений по реформированию политической системы как от отдельных граждан страны, так и от разного рода организаций и движений. В течение месяца НККПР провела консультации и получила предложения от более, чем 200 политических партий, профсоюзов и организаций гражданского общества [8].

Политические партии, которые вошли в Президентский альянс [*Примечание авторов:* Президентский альянс является собранием алжирских политических партий, созданный 16 февраля 2004 с главной целью для реализации программы Президента Республики А. Бутефлики], поддержали инициативу А. Бутефлики. Большинство тех, кто принял участие в указанных консультациях, подчеркивали необходимость изменения Конституции, рассматривая этот факт как «прелюдию для утверждения демократии и свободы» в стране. Они высказывались за ограничение в исполнении функций президента двумя мандатами. Некоторые участники и консультаций предлагали утвердить временное правительство и созвать конституционное собрание для правового обеспечения хода реформ. Это предложение (забегая в нашем изложении вперед) было отвергнуто властями.

Чуть позднее, в апреле 2011 г. руководством Алжира было принято решение о создании Национальной консультативной комиссии по политическим реформам (НККПР), которая была призвана собрать предложения от различных политических и социальных сил алжирского общества по вопросам политических преобразований в стране. Во главе Комиссии был утвержден А. Бенсалах [*Примечание авторов:* Абделькадер Бенсалах (1941 г. рожд.) – президент Совета нации с 2002 года, он был переизбран на свой пост 9 января 2013], сопредседателями данной комиссии стали М. Туати [*Примечание авторов:* Мохаммед Туати (1937 г. рожд.) – высокопоставленный офицер и политик, советник президента страны] и М. Али Бугази [*Примечание авторов:* Мохаммед Али Бугази – советник президента Алжира]. В течение месяца НККПР получила немало число предложений от политических партий, профсоюзов и разного рода организаций гражданского общества Алжира.

Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство тех, кто принял участие в работе указанной комиссии, внося свои предложения,

были единодушны в том, что инициатива президента страны давно назрела и призвана открыть путь для дальнейшего развития демократии и расширения прав и свобод граждан. Создание НККПР и стремление осуществить политические преобразования в стране можно рассматривать и как проявление гибкости властей, и как стремления ответить на пожелания граждан.

В ходе работы НККПР выявились и существенные разногласия. Некоторые политические партии и многие структуры гражданского общества отказались от сотрудничества с НККПР. Отказались от участия в работе с НККПР целый ряд видных общественных и политических деятелей. В их числе – бывшие президенты страны: Ш. Бенджедид, Али Кафи и Л. Зеруаль, а также бывшие главы правительства: М. Сифи, М. Хамруш, А. Бенбитур, Али Бенфлис.

Для критики действий пропрезидентских сил в области политического реформирования, как показало последующее развитие событий, было немало оснований: глубинных преобразований не произошло. И это во многом было закономерным. Дело не только в том, что власти стремились принять такие изменения, которые не наносили бы ущерба для их дальнейшего существования. Сказалось и то, что партии, которые принимали участие в работе НККПР, отстаивали свои узкопартийные интересы, чаще всего. Показательна в этом отношении идея введения 33-процентной квоты для женщин в выборных органах власти как «критического меньшинства». По настоянию Фронта национального освобождения (партия нынешнего президента Алжира) и Национального демократического объединения, тесно связанного с властью, было принято решение о пропорциональном представительстве женщин только в округах.

Эти и другие факты реально подтверждают опасения некоторых аналитиков в том, что реформирование в Алжире будет «сведено к абсурдной ситуации: будут заменены не пользующиеся уважением одни законы другими, которые также не получают уважения» [5].

Полномочия НККПР завершились 21 июня 2011 г. Предложения комиссии были переданы президенту Бутефлике. В сентябре того же года они были рассмотрены на заседании Совета министров, а потом обсуждены и приняты обеими палатами парламента. Это означало, что в Алжире была принята новая редакция закона о выборах, статусе политических партий, месте женщины в выборных органах власти [Изначально в проекте соответствующего закона предлагалось введение квоты в 33 % для женщин в составе депутатского корпуса. Это было, по сути, революционным предложением, если учесть, что в нижней палате парламента действовавшего тогда состава было 7,7 %, а в верхней палате – 5 % женщин]. В целях дальнейшего развития демократии расширение получили права разного рода ассоциаций, органов местного самоуправления и СМИ.

Реформа 2011 г. тем не менее привела к некоторым изменениям в политической жизни Алжира. Как было нами уже отмечено, открылись возможности для создания новых политических партий, а

также было увеличено число мест в парламенте – с 389 до 482.

Данное решение, что бы ни говорили официальные лица, было вызвано к жизни под влиянием Арабской весны, особенно если учесть тот факт, что с 1999 г. в Алжире категорически было запрещено создавать новые политические партии. А потребность в этом в обществе существовала. Это подтверждается тем, что в марте 2012 г. в Алжире было зарегистрировано 21 партия, а общая их численность достигла 43. Нужно учесть, что фрагментация политического поля Алжира, которая неизбежно происходит при увеличении числа политических игроков (в данном случае – партий) играет на руку власти.

Данное решение преследует, помимо прочего, основную цель – добиться повышения избирательной активности граждан. Статистика свидетельствует, что, например в мае 2007 г., к избирательным урнам в Алжире пришли только 37,67 % избирателей. Этот показатель рассматривается властями Алжира как недостаточный для убедительной легитимации политического режима.

Политические и правовые реформы алжирские власти дополнили мерами социально-экономического

характера. С 1 января 2012 г. минимальная гарантированная заработная плата увеличена до 18 тыс. алжирских динаров в месяц (примерно до 175 евро). В период с 2008 по 2012 гг. зарплата госслужащих также была увеличена в два раза [6, с. 35 – 36].

В тот момент, когда пишутся эти строки, трудно предсказывать возможное развитие событий в Алжире. Впрочем, авторы данной статьи не ставили перед собой такой задачи. Одно можно сказать со всей определенностью – многое в Алжире уже сегодня зависит от политической воли и результатов осуществления социально-экономического курса, которым идет истеблишмент и руководство Алжира не без влияния Арабской весны.

Насколько эффективной была деятельность власти по предупреждению массовых антиправительственных выступлений граждан страны? Ответ на этот вопрос может дать только время. Одно можно сказать со всей определенностью: политика президента А. Бутефлики и правительства страны в целом обеспечила известную политическую стабильность в Алжире. Более того, на выборах в апреле 2014 г. А. Бутефлика, несмотря на проблемы со здоровьем, в четвертый раз был избран президентом Алжира.

Литература

1. Долгов Б. В. Исламистский вызов и алжирское общество. М., 2004;
2. Долгов Б. В. Алжирский опыт Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М., 2013.
3. Хартия мира и национального примирения народов Алжира 2005 (Утверждена на референдуме в Алжире 29 сентября 2005 г.). Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=505> /1/07/2012 (дата обращения: 10.03.2015).
4. Aghrout A., Zoubir Y. H. Algérie: des réformes politiques éluder le «printemps arabe» // Alternative sud. Vol. 19-2012/2/ Le «printemps arabe»: un premier bilan. Point de vue du Sud coordonnées par Bichara Khader.
5. Charef A. Par où commencer la réforme? // Le quotidien d'Oran. 28 avril. 2011.
6. Guidère M. Le choc des révolutions arabes. De l'Algérie au Yémen, 22 pays sous tension. Paris, 2012.
7. L'Expression. 20 mars. 2011.
8. Ouazani C. Algérie: dans les coulisses du dialogue national. Режим доступа: <http://www.jeuneafrique.com/-Article/ARTJAJA2631p048-049.xml0/> 26/ 06/ 2011 (дата обращения: 10.03.2015).
9. Willis M. The Islamist Challenge in Algeria. A Political History. New York, 1996.

Информация об авторах:

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии КемГУ, 8(384-2)54-49-33, vjeltov@kemsu.ru.

Viktor V. Zheltov – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Political Science and Sociology, Kemerovo State University.

Желтов Максим Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и административного права КемГУ, riupark@mail.ru.

Maxim V. Zheltov – Doctor of Sociology, Professor at the Department of Public and Administrative Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

УДК 316.4.062

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Н. И. Зуйкова

SOCIAL MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO EDUCATION FOR CHILDREN IN DETENTION

N. I. Zuikova

В работе представлено действие социального механизма реализации права на образование детей, находящихся в условиях ограничения свободы.

Эмпирический анализ реализации права на образование детей в институциональных условиях специального образовательного учреждения закрытого типа основан на данных, полученных лично автором. В 2013 году методом интервью опрошен 21 учащийся (выборка сплошная) Краевого государственного казенного специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа «Алтайская краевая специальная общеобразовательная школа закрытого типа», 7 родителей учащихся (выборка случайная), проведен экспертный опрос 11 экспертов из числа специалистов органов управления образованием, правоохранительных органов, образовательного учреждения, методом индивидуального анкетирования опрошены 22 педагога (выборка сплошная).

Анализ собранных эмпирических данных показал, что государственные органы как субъекты права на образование используют все элементы социального механизма реализации права на образование детей, находящихся в условиях ограничения свободы – исполнение, соблюдение, использование и применение.

Сделанные выводы могут быть применены участниками образовательного процесса при построении и реализации моделей социализации личности в специальном образовательном учреждении; при разработке и внедрении социальных технологий с целью социализации несовершеннолетних, находящихся в группе риска.

The paper discusses the work of the social mechanism of implementation of the right to education for children in detention.

Empirical analysis of the implementation of the right to education for children in the institutional terms of special educational institutions of closed type is based on the data obtained by the author personally. In 2013, the author interviewed 21 students (continuous sampling) of the Regional state special educational institution of closed type "Altai regional special boarding school of closed type", 7 parents of students (random sampling); a survey of 11 experts of from a number of educational authorities, law enforcement agencies, educational institutions was conducted, 22 teachers (continuous sampling) were asked to fulfil questionnaires.

The analysis of the collected empirical data showed that public authorities as subjects of the right to education use all of the elements of the social mechanism of implementation of the right to education for children in detention: execution, compliance, utilization, and application.

The findings can be applied by the participants of the educational process when building and implementing models of socialization in a special educational institutions; they can be used during the development and implementation of social technologies with the aim of socialization of juveniles at risk.

Ключевые слова: социальный механизм, реализация права на образование, дети, находящиеся в условиях ограничения свободы.

Keywords: social mechanism, implementation of the right to education, children in detention.

Реализация права на образование детей имеет первостепенное значение поскольку, во-первых, право на образование гарантировано государством, а во-вторых, данная гарантия подкреплена обязанностью обеспечения получения основного общего образования [2].

Очевидно, что существуют группы детей и молодежи, отличающиеся не только возрастом, местом проживания, но и особенностями образовательных потребностей и условиями их реализации. Специфика групп одаренных детей, детей с ограниченными возможностями здоровья, детей, совершивших правонарушения, детей, находящихся длительное время в условиях стационара в медицинских учреждениях, в местах лишения свободы существенно влияет на процесс обучения. Следовательно, от социального института образования требуется гибкость в обеспечении

реализации права на образование различных категорий детей.

Одной из групп «особенных» детей являются несовершеннолетние, совершившие общественно-опасные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности. В силу возрастных, социальных, психологических и криминологических особенностей они нуждаются в специальных условиях обучения и воспитания. Не будучи субъектами преступления, они остаются субъектами права на образование, а потому реализация ими права на образование обязательна.

В контексте настоящего исследования, под детьми, находящимися в условиях ограничения свободы, следует понимать социальную группу обучающихся в специальной общеобразовательной школе закрытого типа.

Под реализацией права на образование нами понимается структурированный процесс воплощения субъектом права предписаний, состоящий из четырех элементов:

- исполнение (активное поведение субъекта – осуществление возложенных на него обязанностей);
- соблюдение (пассивное поведение субъекта – воздержание от совершения запрещенных правом деяний);
- использование (непосредственно исполнение предписаний посредством активного и пассивного поведения применительно к ситуации);
- применение (осуществляемое государством правовое регулирование правоотношений) [1, с. 239 – 241].

Социальный механизм реализации права на образование представляет собой комплексный процесс взаимодействия субъектов права на образование, предоставляющий социальным субъектам – индивидам, социальным общностям, государственным органам возможность обеспечивать наличие, доступность,

приемлемость и адаптируемость образования, продуктом которого является достижение ими объектов этого права.

В отечественной социологии образования отсутствуют специальные социологические исследования социального механизма реализации права на образование детей в условиях ограничения свободы. Такого рода исследования актуальны в современном российском регионе потому, что, например, в Алтайском крае количество таких детей за десять лет возросло более чем вдвое – с 409 – в 2002 г. до 902 – в 2012 г. [5].

В результате теоретического анализа исследуемой проблемы нами выявлено, что все субъекты права на образование специфическим образом используют каждый элемент социального механизма реализации права на образование. Соотношение элементов социального механизма реализации права на образование с характеристикой действий субъектов права на образование приведены в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение элементов социального механизма реализации права на образование с характерными действиями субъектов права на образование

<i>Элементы социального механизма</i>	<i>Характерные действия субъекта</i>	<i>Характерные действия субъектов права на образование</i>		
		<i>индивид – обучающийся</i>	<i>социальная общность – педагогический коллектив</i>	<i>государственные органы</i>
Исполнение	осуществление обязанностей	получение и обеспечение получения образования	трудовая деятельность	создание образовательной инфраструктуры
Соблюдение	воздержание от совершения запрещенных деяний	следование правилам поведения учреждения	следование правилам внутреннего трудового распорядка	следование нормам международного права
Использование	осуществление возможностей, вытекающих из нормативных дозволений	включенность в образовательный процесс; получение доп. образования	следование должностным инструкциям	осуществление контроля
Применение	регулирование поведения	регулирование поведения	регулирование поведения учащихся	нормотворчество; формирование административной и судебной практики

Анализ таблицы 1 свидетельствует о полисубъектности права на образование и определяющей, системообразующей роли государственных органов в осуществлении социального механизма реализации права на образование. Для характеристики участия государственных органов в реализации права на образование с целью обеспечения социальных функций образования в отношении детей, находящихся в условиях ограничения свободы, нами определено соотношение содержания социальных функций образования [3, с. 256 – 260] и элементов социального механизма реализации права на образование. Результаты теоретического анализа приведены в таблице 2.

Выявленное соотношение позволяет на эмпирическом уровне определить специфику включения госу-

дарственных органов в социальный механизм реализации права на образование детей, находящихся в условиях ограничения свободы. В 2013 году методом интервью опрошен 21 учащийся (выборка сплошная) Краевого государственного казенного специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа «Алтайская краевая специальная общеобразовательная школа закрытого типа», 7 родителей учащихся (выборка случайная), проведен экспертный опрос 11 экспертов из числа специалистов органов управления образованием, правоохранительных органов, образовательного учреждения, методом индивидуально-анкетирования опрошены 22 педагога (выборка сплошная).

Соотношение социальных функций образования и элементов социального механизма реализации права на образование, используемых государственными органами

Функции образования	Элементы социального механизма реализации права на образование			
	исполнение	соблюдение	использование	применение
Гомогенизация общества через организацию социализации индивидов	создание инфраструктуры	следование нормам международного права	государственный контроль за порядком помещения в учреждение, организацией деятельности учреждения	принятие нормативных правовых актов (образцов поведения)
Формирование и воспроизводство образовательных общностей	создание условий для организации образовательного процесса	следование нормам международного права	государственный контроль за организацией образовательного процесса	принятие нормативных правовых актов (ФГОС)
Активизация социальных перемещений	создание условий для получения воспитания	следование нормам международного права	государственный контроль за процессом воспитания и достижением воспитанником новых статусов	принятие нормативных правовых актов (образцов законопослушного поведения)
Социальная селекция	создание условий для специального обучения	следование нормам международного права	государственный контроль за качеством образования	принятие нормативных правовых актов (критериев спецобучения)
Воспроизводство социальных групп и слоев, обусловленных наличием образовательных сертификатов	создание условий для выдачи документов об образовании	следование нормам международного права	государственный контроль при выдаче документа об образовании	принятие нормативных правовых актов (о статусности документов об образовании)
Замещение родителей, социальная поддержка учащихся	создание условий для предоставления социальной поддержки	следование нормам международного права	государственный контроль за осуществлением социальной поддержки учащихся	принятие нормативных правовых актов (оснований для социальной поддержки)

Наиболее содержательно роль государственных органов в обеспечении права на образование детей, находящихся в условиях ограничения свободы, проявляется в таком элементе социального механизма реализации права на образование, как исполнение.

В рамках этого содержанием их деятельности для достижения функции образования *гомогенизация общества через организацию социализации индивидов* является создание образовательной инфраструктуры. Включенное наблюдение и анализ социальных документов показали, что наличие надлежаще оборудованных учебно-административного, спального, хозяйственно-производственного корпусов Алтайской краевой специальной общеобразовательной школы закрытого типа, стадиона с малыми архитектурными формами, позволяют организовать образовательный процесс, обеспечить соответствующий возрасту детей режим труда и отдыха.

Формирование и воспроизводство образовательных общностей предполагает создание условий для

организации образовательного процесса. Анализ статистических данных показал, что деятельность учреждения востребована, отвечает его целям, о чем свидетельствует ежегодное поступление учащихся для обучения, сведения о движении которых приведены на рис. 1.

В 2002 году в учреждении обучалось 100 детей, в 2003 г. – 90, в 2004 г. – 83, в 2005 г. – 104, в 2006 г. – 97, в 2007 г. – 93, в 2008 г. – 80, в 2009 г. – 71, в 2010 г. – 68, в 2011 г. – 51, в 2012 г. – 31. С 2005 года наблюдается снижение количества учащихся. На 01.03.2013 в учреждении проживает и обучается 21 подросток [4]. Уменьшение контингента учащихся обусловлено созданием в соседних регионах (Республика Алтай, Красноярский край) подобных учреждений (классов в имеющихся учреждениях) и, соответственно, помещением детей в «местные» учреждения, а также снижением количества судебных актов о помещении детей в специальное образовательное учреждение закрытого типа.

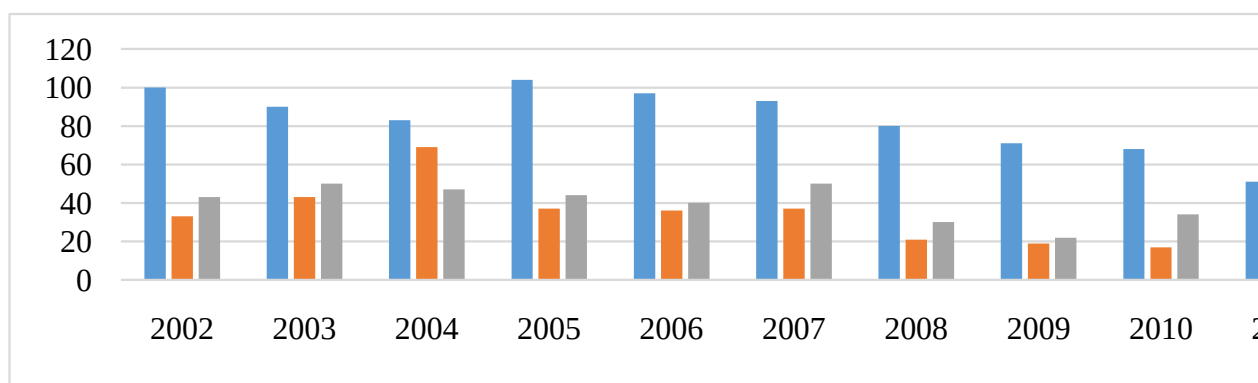

Рис. 1. Движение воспитанников

Вместе с тем, статистические данные правоохранительных органов свидетельствуют о том, что в Алтайском крае количество детей, совершивших общественно-опасные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности не снижается. Так, в 2002 году таких детей было – 409, в 2003 г. – 474, в 2004 г. – 489, в 2005 г. – 323, в 2006 г. – 533, в 2007 г.

– 516, в 2008 г. – 1040, в 2009 г. – 884, в 2010 г. – 903, в 2011 г. – 898, в 2012 г. – 902 [5]. На рисунке 2 представлено соотношение количества детей, совершивших общественно-опасные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом РФ до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности с количеством детей, помещенных в учреждение.

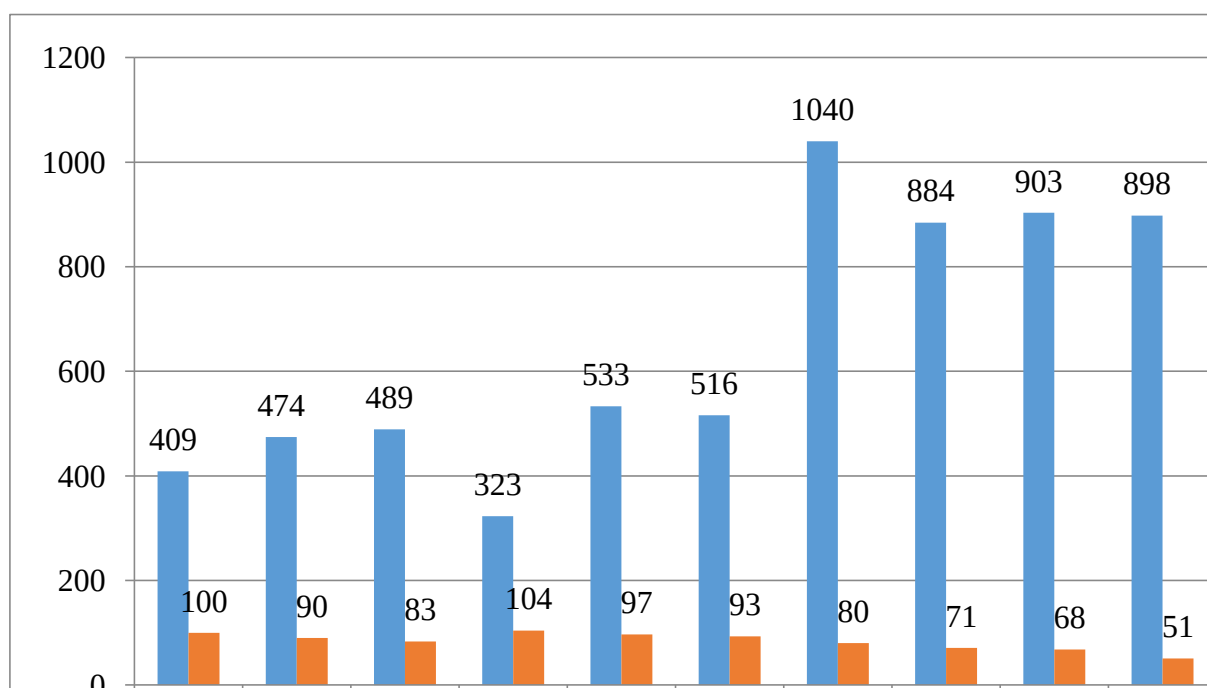

Рис. 2. Соотношение количества лиц, совершивших общественно-опасные деяния с количеством детей, помещенных в учреждение

Данные свидетельствуют, что только 24 % несовершеннолетних, совершивших общественно-опасные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности, помещены в спецучреждение в 2002 году, в 2003 – 18,9 %, в 2004 г. – 16,9 %, в 2005 г. – 32,2 %, в 2006 г. – 18,2 %, в 2007 г. – 18 %, в 2008 г. – 7,6 %, в 2009 г. – 8,4 %, в 2010 г. – 7,5 %, в 2011 г. – 5,6 %, в 2012 г. – 3,4 % [4; 5]. Снижение количества учащихся в учреждении при очевидной потребности, свидетельствует о том, что ресурс специального образовательного учреждения за-

крытого типа, рассчитанного на 120 мест, используется не в полном объеме.

Таким образом, эта функция образования в учреждении выполняется в полной мере, однако социальным механизмом реализации права на образование охвачены не все нуждающиеся дети.

Функция образования – активизация социальных перемещений проявляется в создании государственными органами условий для получения воспитания и, как следствие, достижения воспитанниками новых статусов. В массовом образовательном учреждении перемещения могут быть осуществлены путем полу-

чения профессионального образования, переезда в иной населенный пункт, перевода в иное образовательное учреждение в пределах одного населенного пункта, формирования брачных установок личности. В образовательном учреждении закрытого типа эти направления социальных перемещений не могут быть обеспечены. Основным видом социальной мобильности в этом случае является социальное перемещение

от «индивида-правонарушителя» к «законопослушному индивиду».

В результате анализа статистических данных о судьбе выпускников установлено, что основная масса продолжает обучение в учреждениях образования после окончания срока реабилитации. На рис. 3 представлены данные об образовательном пути выпускников учреждения.

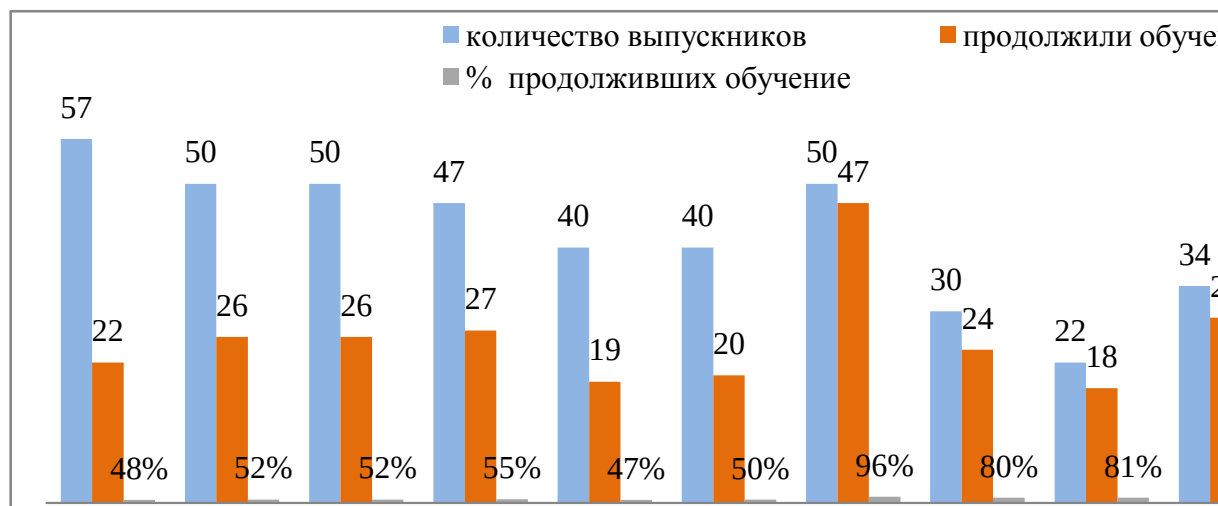

Рис. 3. Доля выпускников, продолживших обучение

Так, из 57 выпускников 2002 года, обучение в образовательных учреждениях продолжили 22 (48 %), из 50 в 2003 и 2004 годах – 26 (52 %), из 47 – в 2005 г. – 27 (55,3 %), из 40 в 2006 году – 19 (47,5 %), из 40 в 2007 году – 20 (50 %), из 50 в 2008 году – 47 (96 %), из 30 – в 2009 году – 24 (80 %), из 22 – в 2010 году – 18 (81,1 %), из 34 в 2011 году – 29 (85,2 %), из 28 в 2012 году – 23 (82 %). Весь исследуемый период отмечается положительная динамика, а с 2008 года более 80 % выпускников спецучреждения получают обучение в массовых образовательных организациях [4].

Эмпирический анализ выполнения функции образования – активизация социальных перемещений – свидетельствует о том, в условиях специального образовательного учреждения она исполняется в специфическом виде. Приведенные данные свидетельствуют, что с 2008 года более 80 % учащихся переведены их статуса «индивид-правонарушитель» в статус «законопослушный индивид», что дает автору возможность утверждать, что именно на этот вид социальной мобильности ориентировано учреждение, и в этом отношении социальный механизм реализации права на образование действует успешно.

Функция образования *социальная селекция* проявляется в создании условий для специального обучения – коррекционного, компенсирующего, интегрированного.

Специальным учебно-воспитательным учреждением закрытого типа реализуются различные образовательные программы – начального общего, основного общего образования, образовательные программы специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждений для обучающихся с ограниченными воз-

можностями здоровья VII и VIII видов. Классы интегрированного обучения формируются с 2005 года, исходя из рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии. В 2012 – 2013 учебном году по программе VIII вида обучалось 38 % учащихся. По результатам диагностики организуются индивидуальные и групповые коррекционно-развивающие занятия. Учитывая организацию интегрированного образования, можно сделать вывод о реализации государственными органами анализируемой социальной функции образования в должной степени.

Функция образования – *воспроизводство социальных групп и слоев, обусловленных наличием образовательных сертификатов* выражается в создании условий для выдачи документов об образовании.

Уровень образования обучающихся воспитанников ограничивается следующими образовательными степенями: начальное общее образование, основное общее образование; для выбывших – незаконченное основное общее образование, основное общее образование, незаконченное среднее (полное) общее образование, среднее (полное) общее образование.

Согласно статистическим данным [4], с 2002 по 2007 гг. все учащиеся обучались на ступени начального общего образования, в 2008, 2010 и 2011 гг. – на ступени основного общего образования. В 2009 и 2012 гг. обучение осуществлялось по программам начального общего и основного общего образования.

К выпуску из учреждения воспитанники, как правило, имеют незаконченное основное общее и основное общее образование. Исключение составил 2004 г., где 91 % выпускников получили незаконченное среднее (полное) общее образование, а также 2006 г., где из 72,5 % выбывших получили среднее (полное) об-

щее образование и 27,5 % – незаконченное начальное профессиональное образование [4]. При выпуске из учреждения воспитанникам, прошедшим государственную (итоговую) аттестацию, выдаются документы об образовании, не завершившим обучение выдается справка установленного образца.

Общая тенденция такова, что период обучения воспитанников объективно влияет на их возможность получения какого-либо образовательного сертификата – время, определенное к отбытию в учреждение, не позволяет закончить обучение соответствующей ступени. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что данная функция реализуется учреждением в редуцированном виде, специфичность ее реализации обусловлена ограниченностью срока, определенного судом для реабилитации подростков. Вместе с тем учитывая, что большинство детей продолжают обучение, следует отметить, что учреждением создаются предпосылки для реального пополнения социальной группы имеющих основное общее образование.

Функция образования *замещение родителей и социальная поддержка учащихся*, осуществляемая государственными органами, выражается в создании условий для предоставления учащимся социальной поддержки.

Экспертный опрос и анализ документов показали, что в учреждении эта работа ведется систематически – в необходимых случаях определяется правовой статус ребенка, поступившего в учреждение, оформляются пенсии, паспорта, регистрация по месту пребывания, взыскиваются алименты с родителей, подросток ставится на воинский учет и снимается с него, обеспечивается представление интересов несовершеннолетнего в суде, а также помощь при прохождении медико-социальной экспертизы, осуществляется связь с родственниками и пр. В отношении детей-сирот и детей, утративших родительское попечение, учреждение выполняет функции опекуна (попечителя).

Важным фактором организации социальной поддержки воспитанников является учет их семейного положения.

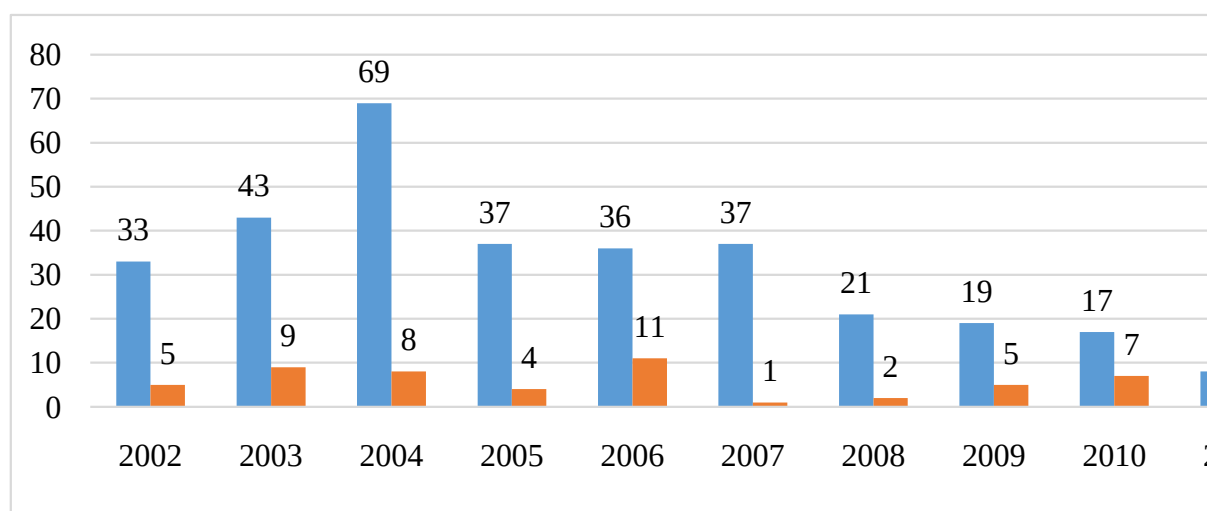

Рис. 4. Количество воспитанников, прибывших из учреждений общественного воспитания

Ежегодно в учреждение помещались дети-сироты и дети, утратившие родительское попечение. Наибольшее их количество отмечено в 2006 г. – 30,5 % (11 из 36 прибывших), в 2011 г. – 37,5 % (3 из 8) и в 2012 г. – 30 % (3 из 10) (рис. 4) [4]. Приведенные данные не позволяют выявить каких-либо закономерностей, но свидетельствуют о том, что маргинализация присуща как несовершеннолетним, проживающим в семьях, так и в учреждениях общественного воспитания, где воспитание – задача профессионального коллектива.

Следует отметить системность вовлечения родителей в процесс образования детей, находящихся в условиях ограничения свободы. Автором проведено включенное наблюдение и интервью родителей на родительском собрании, проведенном в специальном образовательном учреждении закрытого типа в марте 2013 г., темой которого стала «Социализация и адаптация ребенка к самостоятельной жизни после выпуска из спецшколы», где присутствовали 14 человек (мамы, папы, бабушки 8 учащихся), 7 из которых (ро-

дители и законные представители 5 детей) согласились на интервью с использованием диктофона. Все согласившиеся участвовать в исследовании сошлись во мнении о том, что в учреждении сформирована система опеки над их детьми. Опека осуществляется всеми сотрудниками учреждения, что было прокомментировано фразами: «коллектив хороший», «понравилось общение, внимание (со стороны сотрудников школы – прим. автора)», «учителя и воспитатели – добрые».

Социальная поддержка тем более важна, поскольку экспертный опрос специалистов Главного управления образования и молодежной политики Алтайского края, органов местного самоуправления Алтайского края, правоохранительных органов – краевого и районного подразделения по делам несовершеннолетних органов полиции, членов педагогического коллектива образовательного учреждения выявил тревожные тенденции. По мнению экспертов, у детей, поступающих в спецучреждение «конфликт с родителями, обществом», «много детей без присмотра»,

а обучение детей данной категории возможно в массовых школах только в том случае, *«если родители могут оказать положительное влияние и могут обеспечить его обучение в массовой школе»*, вместе с тем, *«в социализации, помимо школы необходимо участие семьи»*.

Таким образом, функция «замещение родителей и социальная поддержка учащихся» выполняется в полной мере. Ее специфичность – в необходимости замещения родителей при их наличии, чего, как правило, не происходит в массовых образовательных учреждениях, где родители и иные законные представители сами обеспечивают охрану прав и интересов своих детей.

При анализе реализации государственными органами права на образование детей, находящихся в условиях ограничения свободы, существенным является то, что для осуществления такого элемента социального механизма реализации права на образование, как *соблюдение*, необходимо следование нормам международного права. Предположение автора о соблюдении учреждением норм международных документов в области охраны детства и в сфере образования подтверждено в ходе экспертного опроса, участники которого отметили, что *«образовательный процесс обязателен для успешной социализации и развития несовершеннолетних»*, а также *«во исполнение ст. 28 Конвенции о правах ребенка, статьи 43 Конституции Российской Федерации, закона «Об образовании в Российской Федерации»»*.

Показателем проявления такого элемента социального механизма реализации права на образование, как *использование* при осуществлении социальных функций образования является государственный контроль.

В процессе обеспечения гомогенизации общества через организованную социализацию индивидов осуществляется контроль за порядком помещения в учреждение со стороны органов прокуратуры; за организацией деятельности учреждения – со стороны органов государственной статистики и контрольно-надзорных органов. С целью выполнения социальной функции образования – формирование и воспроизводство образовательных общностей – обеспечивается контроль за организацией образовательного процесса со стороны органов управления образованием. Решая задачу активизации социальных перемещений, контролируется процесс воспитания и достижения воспитанником новых статусов со стороны администрации учреждения, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В процессе обеспечения социальной селекции контролю подлежит качество образования со стороны администрации учреждения и органов управления образованием. Воспроизводство социальных групп и слоев, принадлежность к которым обусловлена образовательными сертификатами, документами об образовании контролируется органами управления образованием. Решая задачи замещения родителей и социальной поддержки учащихся, контроль осуществляется органами опеки и попечительства и органами управления образованием.

При принятии нормативных правовых актов, формировании административной и судебной практи-

ки задействован такой элемент социального механизма реализации права на образование, как *применение*.

Для реализации социальной функции образования – гомогенизация общества через организацию социализации индивидов, создаются образцы поведения, регулирующие деятельность учреждения, порядок приема в него детей, зафиксированные в Уставе учреждения (п. 4.1., 4.2. и п. 7.1, 7.2 соответственно) и соответствующие законодательству Российской Федерации в сфере образования и профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Формированию и воспроизводству образовательных общностей способствует создание государственных образовательных стандартов – совокупности основных требований, обязательных к реализации, а также принятие локальных актов – Устава, учебного плана, разрабатываемого и утверждаемого в соответствии с базисным учебным планом и расписанием занятий. Для достижения функции образования – активизация социальных перемещений создаются образцы законопослушного поведения учащихся, зафиксированные, в частности, в Положении о дисциплинарной практике, разработанной в учреждении. С целью выполнения функции социальной селекции определяются критерии специального обучения, правовой основой которых являются Положения учреждения о классах компенсирующего обучения и об интегрированном обучении детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных классах. При воспроизводстве социальных групп и слоев, принадлежность к которым обусловлена образовательными сертификатами субъекты образования опираются на критерии статусности документов об образовании, изложенные в законодательстве об образовании Российской Федерации. Осуществление функции образования – замещение родителей и социальная поддержка учащихся обеспечивается созданием нормативных правовых актов об основаниях и мерах социальной поддержки. Правовое регулирование включает нормы федерального законодательства, регулирующие обеспечение мерами социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и осуществление попечительства над детьми, находящимися в учреждениях государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Проведенный анализ статистических и эмпирических данных позволяет сделать выводы о том, что участие государственных органов в социальном механизме реализации права на образование детей, находящихся в условиях специального образовательного учреждения закрытого типа, является результативным в полной мере в отношении социальных функций образования: гомогенизация общества через организацию социализации индивидов; формирование и воспроизводство образовательных общностей; воспроизводство социальных групп и слоев, обусловленных наличием образовательных сертификатов. В отношении этих функций деятельность специального образовательного учреждения закрытого типа практически не отличается от массовой школы.

Иные функции образования реализуются специфическим образом, их содержание обусловлено особенностями контингента обучающихся и направлено

на успешную социализацию детей в институциональных условиях образовательного учреждения закрытого типа. Активизация социальных перемещений характеризуется одним видом социальной мобильности – учащиеся утрачивают статус «индивид-правонарушитель» и приобретают статус «законопослушный индивид». Социальная селекция проявляется в дифференциации воспитанников на основе психолого-медико-педагогических показаний и обеспечение им равных возможностей обучения в одном образовательном учреждении. Замещение родителей и социальная поддержка учащихся обусловлены необходимостью замещения родителей при их наличии, чего, как правило, не происходит в массовых образовательных учреждениях.

Таким образом, государственные органы как субъекты права на образование используют все элементы социального механизма реализации права на образование детей, находящихся в условиях ограни-

чения свободы – исполнение, соблюдение, использование и применение.

Проведенный теоретический и эмпирический анализ показывает, что ресурс регионального специального образовательного учреждения закрытого типа необходим и достаточен для реализации права на образование детей, находящихся в условиях ограничения свободы, но в современных условиях востребован не в полном объеме. Прежде всего, недостаточно используется элемент социального механизма – применение при формировании практики помещения несовершеннолетних в учреждение, результативно обеспечивающее реализацию их права на образование.

Полученные нами результаты и выводы могут быть применены на практике участниками образовательного процесса при построении и реализации моделей социализации личности в специальном образовательном учреждении; при разработке и внедрении социальных технологий с целью социализации несовершеннолетних, находящихся в группе риска.

Литература

1. Зуйкова Н. И. К характеристике социологического содержания понятия «реализация права на образование» // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2/2(74). С. 239 – 241.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=89
3. Осипов А. М. Социология образования: очерки теории. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 504 с.
4. Сведения о деятельности учебно-воспитательного учреждения закрытого типа для детей и подростков с девиантным поведением: форма СУ-1, утверждена приказом Министерства образования России от 25.08.1998 № 2222
5. Форма статистической отчетности «Несовершеннолетние», приложение к приказу Министра внутренних дел Российской Федерации № 57 от 30.01.2014.

Информация об авторе:

Зуйкова Наталья Ивановна – аспирант Алтайского государственного педагогического университета (АлтГПУ), руководитель аппарата Уполномоченного по правам человека в Алтайском крае, доцент кафедры государственного, муниципального и корпоративного управления Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул, 8(385-2)66-71-55, ZujkovaN@yandex.ru.

Natalia I. Zuikova – post-graduate student at Altai State Pedagogical University, Chief of staff of the Commissioner for human rights in the Altai region, Assistant Professor at the Department of State, Municipal and Corporate Governance, Altai State Agrarian University.

(Научный руководитель: Матвеева Наталья Александровна – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, matveeva_n_a@mail.ru.

Research advisor: Natalia A. Matveeva – Doctor of Sociology, Professor, Vice-Rector of Altai State Pedagogical University).

Статья поступила в редколлегию 05.03.2015 г.

СУБСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. В. Ивлев, В. А. Вольхина

SUBSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY RUSSIA

S. V. Ivlev, V. A. Volkhina

Политологические исследования трансформации последних двух десятилетий значительно способствовали пониманию причин, форм развития и результатов процессов демократизации и консолидации демократической политической системы. В то же время они до сих пор не смогли осмыслить характеристики большого числа новых демократий, которые оказались в серой зоне между консолидированными, либеральными конституционно-правовыми демократиями и открытой автократией. Целью данной статьи является рассмотрение субститутов как элемента формирования современной политической системы России. В результате, можно сделать вывод, что возникновение нелиберальной демократии отчасти объясняется вытеснением формальных институтов конституционно-правового государства и их заменой неформальными правилами и институтами.

Politological researches of the transformation in the past two decades significantly contributed to the understanding of causes, forms of development and results of the processes of democratization and consolidation of the democratic political system. At the same time, researchers have not yet comprehended the characteristics of a considerable number of new democracies which found themselves in the gray zone between consolidated, liberal and constitutional democracies and public autocracy. This paper aims at examining the substitutes as an element of formation of the modern political system of Russia. As a result this brings us to the conclusion that the emergence of illiberal democracy can partially be explained by displacement of formal institutes of the constitutional state and its replacement with informal rules and institutes.

Ключевые слова: субститут, власть, политическая система общества, государство, политический режим, клиентелизм.

Keywords: substitute, power, political system of society, state, political regime, clientelism.

Современную российскую политическую систему политологи часто критикуют за слабость и декоративность многих политических институтов, что, как следствие, сказывается на уровне их поддержки со стороны населения. Динамика уровня поддержки гражданами РФ институтов общества и власти за последние пару лет позволяет выделить нам вполне логичную закономерность – обладателями самого высокого уровня поддержки в российском обществе продолжают оставаться Президент, Председатель Правительства, в меньшей степени, силовые структуры и церковь, в то время как институты представительства интересов граждан – Парламент и политические партии, стабильно занимают последние позиции [2]. Соответственно, чем ниже уровень социальной поддержки института, тем труднее ему конвертировать собственный ресурс в легитимность.

Сегодня проблема становления так называемых псевдодемократий или дефектных демократий в посткоммунистических странах, в том числе и в России, является самостоятельной отраслью научных исследований, целью которых является попытка дифференцировать либеральные демократии западного образца от новообразованных [3, с. 261 – 274]. Однако в аспекте заявленной темы исследования нам куда интереснее не столько причины «дефектности» этих институтов, сколько то, каким образом политическая система продолжает относительно стабильно функционировать и самовоспроизводиться с течением времени, несмотря на собственные дисфункции.

Подобную ситуацию можно описать с точки зрения концепции политических субститутов. Ее содер-

жание сводится к нескольким основополагающим тезисам:

- во-первых, официальные политические институты слабы и не в состоянии справляться со своими функциями;

- во-вторых, на фоне слабости официальных институтов возникают альтернативные структуры или так называемые политические субституты, которые берут на себя часть функций первых;

- в-третьих, субституты постепенно перетягивают на себя все большее количество функций официальных институтов, и со временем полностью их замещают;

- в-четвертых, до этого момента субституты являются полуформальными организациями, зачастую не способными играть самостоятельную роль.

Ключевой проблемой политических субститутов является то, что их деятельность зачастую не контролируется какими-либо нормативно-правовыми актами в связи с их «полуофициальным» положением. Так же отличительной чертой субститутов является отсутствие как таковых властных полномочий. Подобную ситуацию весьма наглядно репрезентирует институт Полпредов Президента РФ, который с одной стороны является проводником интересов непосредственно президента в регионах, с другой стороны, их функции не определены Конституцией или любыми другими нормативно-правовыми актами, кроме указного права, а без самого Президента институт Полпредов теряет какую бы то ни было значимость. Соответственно, собственные источники легитимности ограничены. Помимо заявленных выше Полпредов в число

политических субститутов в России можно отнести так же Общественную Палату, созданную на фоне падения уровня доверия к представительной власти, Государственный совет и Консультативные советы при Президенте, во многом выполняющие законодательные функции, Общественные приемные, ставшие актуальными на фоне все большего ослабления СМИ и все меньшего уровня публичности власти [5].

Учитывая специфику рассматриваемого феномена субституционализации (в определенной степени клиентелизм) политической системы, мы предлагаем рассматривать субституты как неотъемлемую часть любой политической системы. Мы считаем, что появление субститутов является своеобразной реакцией на дисфункциональность системы и попытки восстановить ее целостность. Таким образом, с точки системного анализа, субституты органично включены в институциональный дизайн, что позволяет нам определенным образом модернизировать модель политической системы, предложенную Д. Истоном.

Классическая модель предполагает, что политическая система является саморегулирующимся политическим организмом, способным активно реагировать на поступающие из окружающей среды импульсы. Движения в соответствии с принципом «стимул-реакция» осуществляются посредством входов и выходов: по средством входов в политическую систему поступают требования и информация о лояльности или отсутствии поддержки со стороны граждан, а посредством выходов реализуется продукты внутренней деятельности политической системы, представленные конкретными политическими действиями и решениями. Алгоритм носит циклический характер, что обуславливается механизмом обратной связи. При этом сама политическая система выступает в качестве «черного ящика», по причине действия всего комплекса политических мероприятий без конкретного знания о внутренней структуре или специфики функционирования конкретных элементов непосредственно политической системы [1, с. 637 – 640].

Вопреки распространенным заблуждениям, представленная концепция получила определение «черного ящика» только благодаря стараниям критиков, но не собственно теоретическим воззрениям Д. Истона. Несомненно, причиной всех вышеперечисленных недостатков, в большей степени, является стремление Д. Истона к универсализму в отношении рассматриваемого феномена. И собственно политическая система, рассматриваемая исследователем с точки зрения структуралистского подхода, представлена именно как целостная совокупность институтов без дифференциации по функциям. В этой связи, возможность модернизации представленной концепции видится нам уместной.

В заявленную классическую концепцию мы предлагаем внести ряд дополнений в соответствии с рассматриваемым феноменом субституционализации политической системы. Помимо основных компонентов (окружающая среда, входы, выходы, политическая система, обратная связь), предлагается внести внутрь политической системы собственно субституциональную структуру.

В то время как собственно политическая система является внешним организационным единством, внешняя рамка которого представлена совокупностью публичных институтов, выполняющих различные функции в системе распределения ролей, соответствующей для наличного институционального дизайна, субституциональная структура является внутренней рамкой. Она является своеобразным внутренним отражением или фото-негативом политической системы, в том смысле, она находится в своеобразной обратной пропорциональной зависимости от внешней структуры. Чем сильнее официальный институт и чем большим уровнем легитимности он обладает, тем слабее будет замещающий субститут (или будет вовсе отсутствовать). Субституциональная структура так же имеет собственные входы, через которые будут проходить все те же требования из внешней среды в случае, если официальные институты окажутся не в состоянии сами с ними справиться, и выходы, через которые будут реализовываться все те же политические решения и действия, при условии некомпетентности реальных институтов. Субституты, занимающие промежуточное положение в этой системе и будучи зачастую вне нормативного регулирования, не нуждаются в поддержке, в отличие от официальных институтов политической системы, в связи с чем, обладают низким уровнем легитимности.

Понятие «субститут» пришло в политическую науку из экономики, где под «товарами-субститутами» подразумеваются товары заменители, обладающие сходными свойствами и качествами со своим аналогом. Американский политолог Генри Хейл в работе «Why Not Parties in Russia?» переносит эту концепцию на политическую жизнь общества и пытается описать механизмы становления партийных систем с точки зрения законов макроэкономики, сравнивая последние с процессами становления новых рынков.

Рассуждая о партиях как об «экономических институтах», Г. Хейл описывает их как организации, создаваемые политическими «авантюристами – предпринимателями», которые предлагают кандидатам свои ресурсы (в числе которых мы можем выделить административные, финансовые, идеологические и т. д.) для достижения собственных целей, под которыми в демократическом строе понимается борьба за голоса, поддержку со избирателей, легитимация в глазах все тех же избирателей потенциального политического курса и последующее избрание. Иными словами, Г. Хейл описывает классическую концепцию рынка со своим спросом со стороны населения и предложением, которое способны удовлетворить политические партии. Как и на любом свободном рынке, здесь присутствует своя «невидимая рука», которая отбрасывает одни партии на задворки, а другим позволяет оставаться конкурентоспособными в течение продолжительного периода времени. Однако, переходя от общих концепций к конкретным тезисам, Г. Хейл заявляет, что в России, спустя уже 15 лет демократических реформ и преобразований по-прежнему нет политических партий [8, р. 310].

Становление российской партийной системы, проходившее на фоне иллюзорного многообразия

«политических организаций» (на момент парламентских выборов 1995 года количество политических партий и блоков превышал отметку в 40 единиц), которые в общей массе не могли быть каким-либо образом дифференцированы избирателями по идеологическому спектру, связано в большей степени не с межпартийной борьбой, а с конкуренцией со стороны альтернативных институтов.

В числе таковых, альтернативных институтов, мы можем выделить в первую очередь региональные группы давления. Либерализация режима, политика перестройки и возвращение института частной собственности в значительной мере способствовали легализации теневого капитала и активов региональных элит, которые к этому времени уже давно выступали в качестве «теневых» собственников. В результате этих процессов формируются мощные региональные группы, способные дать отпор дезорганизованному центру, обладая при этом достаточными административными и финансовыми ресурсами, для того что бы вести собственную политическую игру. Эта тенденция еще больше укрепились в ходе предвыборной гонки 1996 г., когда Б. Ельцин был вынужден прибегнуть к различным мерам для обеспечения необходимого количества голосов в регионах, в том числе и к уступкам, перед лицом нависшей угрозы – возможности попасть в ряды политических аутсайдеров на фоне низкого уровня легитимности в глазах населения [7]. Соответственно, на этом этапе актуализируется вопрос о более эффективной расстановке приоритетов между Государственной Думой с одной стороны, и преуспевающими региональными политическими организациями с другой, которые успешно справляются с такими функциями, как представительство интересов различных социальных групп, осуществление прямой и обратной связи между властью и обществом, инкорпорация в элиту. Соответственно, выбор, сделанный в пользу последних, не мог не сказаться на общем уровне легитимности федеральной законодательной власти.

Вторым субститутутом, оказавшим влияние на оформление российского парламентаризма, становятся общероссийские холдинги и финансово-промышленные группы, над которыми стоят «олигархи», обладающие все теми же необходимыми ресурсами, для оказания всесторонней поддержки будущим парламентариям. Таким образом, рынок изменяется – появляется новое предложение в лице политических субститутов, а спрос на парламентаризм падает.

Политические субституты *de facto* присущи любой политической системе, и по все видимости, мы можем дифференцировать такие системы только по их удельному весу и той роли, которая на них возлагается в рамках конкретной системы. Институциональный дизайн российской политической системы на момент правления Б. Ельцина может быть охарактеризован как система 1.0, ставшая своеобразным циклом, включившим в себя вполне конкретные этапы. Этот цикл получил свое окончательное завершение к 2003 г., когда бренд «Единая Россия» завоевал лидирующие позиции на политическом рынке. Иными словами мы имели возможность наблюдать все ключевые стадии эволюции политической системы, а в

конкретном рассматриваемом случае – партийной: процесс, начавшийся тотальным ослаблением позиций парламентаризма как некой абстрактной единой политической организации, продолжается кристаллизацией и последующим усилением роли субститутов, с их последующим слиянием с системой официальных институтов, и выхода системы на новый виток развития, вместе с которым возродились идеи парламентаризма. Несмотря на тот факт, что замены официальных институтов не произошло, политическая система вошла в новый цикл, который является ничем иным, как доказательством способности системы к самовоспроизводству, и, следовательно, доказательством ее права на существование. И именно в этой связи актуализируется вопрос о дальнейших путях развития политической системы.

Институциональный дизайн, созданный за время правления В. В. Путина, логично будет обозначить как систему 2.0, так как она на порядок выше с точки зрения обозначенных выше параметров: удельный вес субститутов в политической системе и их роль. Так, например, если в 90-е годы мы могли говорить о наличии, по крайней мере, двух явных субститутов – региональные политические организации элит и крупный бизнес (олигархи), то в системе 2.0 их количество возросло до как минимум до десятка. В их число мы можем отнести уже озвученные Государственный совет и отраслевые Консультативные советы при Президенте, Общественные приемные, Общественную Палату, а так же Совет законодателей, Совет Безопасности, Государственные корпорации, Совет по национальным проектам, массовые социологические опросы и также Администрацию президента [4].

Итогом партстроительства на начало 2000-х становится оформление так называемого «управляемого парламентаризма», посредством инкорпорирования региональных политических организаций и крупных финансовых структур в систему власти, что, несомненно, не может не сказываться на функциях центрального представительного органа – Парламента.

По мнению Н. Петрова, появление субститутов в политической системе России не есть результат ее закономерного развития, а есть следствие форсирования естественного порядка вещей. Описывая динамику политической системы РФ, он говорит о гипертрофированной роли института Президента в системе политической власти. В результате экспансии его власти, происходит ослабление официальных институтов, после чего создаются субституты с целью исправить сложившуюся ситуацию. Более того – субституционализация, считает он – всегда есть опрощение политической системы, и может оказывать только негативное воздействие на систему в целом [4]. Мы в свою очередь будем настаивать на том, что формирование субститутов не является негативной тенденцией, однако мы можем говорить о некой их специфике в современной России.

Несомненно, первое, о чем стоит упомянуть, касаясь вопроса о специфике российских субститутов образца 2000-х – это непосредственная подотчетность и зависимость перед Президентом, или, другими словами – их предельная персонификация. А это в очередной раз актуализирует вопрос об ответственности,

которая, в конечном счете, ложится на плечи действующего главы государства [6, с. 46]. Одним из наиболее вероятных вариантов развития событий может стать эскалирующий конфликт двух систем – институциональной и субституциональной. В отличие от системы 1.0, в случае потенциального конфликта, конвергенция этих систем невозможна – так например региональные политические организации оказываются гораздо более самостоятельными в вопросах собственной компетенции, чем действующие Общественная палата и Отраслевые консультационные советы при Президенте РФ. Более того, выбор в пользу одной из систем посредством легитимной реализации народного суверенитета опять же не столь очевиден и прост как в 90-е годы, что вызвано, с одной стороны отсутствием нормативной базы регулирующей деятельность субститутов, и низкий уровень легитимности официальных институтов с другой.

Вторая особенность российской субституциональной системы – ее подвешенное состояние. Несомненно, в первую очередь оно вызвано собственно особым положением субститута в политической системе, что, однако не столь важно в рамках рассматриваемого вопроса. Согласно представленной концепции, по мере развития политической системы, субституты постепенно замещают отмирающие институты и встают на их место, чего в России однако не происходит. Таким образом, процессы форсирования развития

институционального дизайна, описанные Н. Петровым, сменяются процессами стагнирования и торжества. В действительности, говоря о российских политических партиях, мы вряд ли можем назвать их институтом артикуляции и агрегации интересов различных социальных групп.

Таким образом, что действительно не вызывает сомнений, рассматриваемые процессы происходят уже не в отрыве от социальной реальности или атмосфере отчуждения от власти, но имеют, хоть и неглубокие, социальные корни. Разочарование деятельностью институтов власти оттолкнуло население от реализуемых механизмов всеобщего представительства на федеральном уровне. Однако, несмотря на это, сама идея представительных институтов оказалась весьма актуальной, и сегодня в лице Парламента граждане в состоянии рассмотреть тот рычаг, посредством которого можно оказывать влияние на государственную власть

Таким образом, был рассмотрен феномен «субститутов» – изложено происхождение и проникновение в политическую науку данной дефиниции, а также указано их место в политической системе России. Помимо вышеуказанного, нами предложено скорректировать для данного исследования классическую концепцию Д. Истона, путем внесения дополнений в соответствии рассматриваемым феноменом субституционализации политической системы.

Литература

1. Антология мировой политической мысли в 5 т. Т. 2. М.: Мысль, 1997. С. 637 – 640.
2. Доверие россиян к институтам власти и общества// Пресс-выпуски Левада центра. 24.11.2011. Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-11-2011/doverie-rossiyan-institutam-vlasti-i-obshchestva> (дата обращения: 17.11.2014).
3. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. М., 2003. С. 261 – 274.
4. Петров Н. Российская политическая механика и кризис // Лоббист. 2009. № 4. С. 88 – 100.
5. Петров Н. Субституты институтов // Отечественные записки. 2007. № 6(40). С. 69.
6. Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. № 3. С. 40 – 56.
7. Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. 535 с.
8. Hale H. Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. Chapter Parties and Party Substitutes. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 310. Режим доступа: http://ebooks.cambridge.org/ebook.jsf?bid_CBO9780511756276 (дата обращения: 10.11 2014).

Информация об авторах:

Ивлев Сергей Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии Кемеровского технологического института пищевой промышленности (университет) (КемТИПП), ivlev-sv@mail.ru.

Sergey V. Ivlev – Candidate of Political Science, Assistant Professor at the Department of Philosophy and Political Science, Kemerovo Technological Institute of Food Industry (University).

Вольхина Вероника Александровна – старший преподаватель кафедры политических наук КемГУ, vervola@mail.ru.

Veronika A. Volkhina – Senior Lecturer at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

КОНЦЕПТ «СТРАНА-ИЗГОЙ» И УГРОЗА МИРОВОЙ ИЗОЛЯЦИИ ДЛЯ РОССИИ

Е. А. Иуков

THE CONCEPT OF "ROGUE STATE" AND A THREAT OF GLOBAL INSULATION FOR RUSSIA

E. A. Iukov

В статье рассматривается относительно новый концепт международной политики «страна-изгой», который активно продвигается США при выстраивании модели однополярного мира. Показана эволюция этого концепта и его принятие ведущими политическими игроками в современном мире. Анализируется ситуация с Россией как потенциальным «государством-изгоем». В работе показаны внутренние и внешние факторы, которые могут превратить современную Россию в страну-изгой. Делается вывод, что современная Россия не располагает актуальными технологиями и ресурсами, для адекватного ответа Западу в новой информационной войне.

The paper examines a relatively new concept in international politics – “rogue state”, which is actively promoted by the United States in building a model of the unipolar world. The evolution of this concept and its acceptance by the leading political actors in the today’s world is shown. The author analyzes the situation with Russia as a potential “rogue state”. The paper shows the internal and external factors that can turn contemporary Russia into a “rogue state”. It is concluded that modern Russia does not have the relevant technology and resources to respond adequately to the West in the new information warfare.

Ключевые слова: страна-изгой, мировая изоляция, Россия, информационная война, режим Путина.

Keywords: rogue state, global isolation, Russia, information warfare, the Putin regime.

В современных глобальных технологиях мирового доминирования появился концепт стран-изгоев. Стоит ли обращать внимание на новое словообразование? Однако за изобретением Рейгана, адресованным СССР («империя зла»), скрывалась глобальная стратегия и очередная ее операция Запада, которая завершилась распадом СССР. Поэтому анализ неслучайной терминологии, приоткрывающей неслучайные технологии межгосударственной борьбы современного мира, необходим для понимания и прогнозирования проблем жизнеспособности России в сегменте ее международной политики.

Понятие «страна-изгой» начало складываться в ходе разработки в США доктрины «Нового мирового порядка» в 1990-е гг. [1]. Первым вариантом этой концепции стал обнародованный в 1979 г. (администрацией Дж. Картера) список «государств-спонсоров терроризма». Затем «черный список» стал ежегодно обновляться госдепартаментом под наблюдением госсекретаря США. Он публикуется ежегодно в своде федеральных законов и в отчетах «Patterns of Global Terrorism». К 1993 г. в нем фигурировали семь стран: Ливия и Сирия (с 1979 г.), Ирак (впервые включен в 1979 г., затем исключен в 1982 г. и снова включен в 1990 г.), Иран (с 1984 г.), Куба (с 1982 г.), Северная Корея (с 1988 г.), Судан (с 1993 г.).

В сентябре 1993 г. советник президента США по национальной безопасности А. Лэйк применил термин «мракобесные государства» (backlash states) – в отношении государств, находящихся «вне круга» демократии и представляющих угрозу государствам, пребывающим внутри этого круга. После терминологической доработки Клинтон, выступая 9 января 1994 г. в Брюсселе, впервые ввел в оборот понятие «государства-изгой» («rogue states»), в числе которых назвал Иран и Ливию.

Термин быстро превратился в центральный элемент американской внешнеполитической риторики. Выстраивая новую модель однополярного мира, США ввели понятие «стран-изгоев» как особой категории субъектов международной системы, наряду с развитыми индустриальными странами, развивающимися демократиями и «неудавшимися государствами».

Понятию придавалось такое значение, что в 1993 – 1998 гг. велся учет частоты употребления термина «государства-изгой» во внешнеполитических сообщениях. Наиболее часто этот термин употреблялся в отношении Ирана (доля в общем числе употреблений – 29 %), Ирака (28 %) и Ливии (19 %).

В 2000 г. США заменили термин «государство-изгой» на более нейтральный – «государство, вызывающее озабоченность» («state of concern»). Содержание концепции при этом не менялось.

Администрация Дж. Буша реанимировала термин и усилила его характер, придав понятию нормативное значение – он вошел в текст Стратегии национальной безопасности США, принятой в сентябре 2002 г. Провозгласив борьбу с международным терроризмом ядром политики США, эта стратегия официально объявила «страны-изгой» главным врагом США.

Она закрепила принцип превентивного удара и односторонних действий США по всему миру по собственному усмотрению «еще до того, как возникающие угрозы окончательно сформируются... или достигнут наших границ...».

В этом документе нет ни слова о Совете Безопасности ООН. Таким образом, США декларировали свое право определять список «стран-изгоев» без участия ООН. Были расширены и критерии отнесения стран к «изгоям» – ими теперь становятся и те, которые могут передать оружие массового поражения «международным террористам», а также те, кто куль-

тивировать «ненависть к США». Эти произвольно трактуемые критерии устраняют всякие рациональные рамки, ограничивающие возможности для политического шантажа со стороны США.

После сентября 2001 г. концепция «государств-изгоев» была дополнена более жестким понятием «ось зла» («Axis of evil»). Впервые оно было употреблено в обращении президента к Конгрессу 29 января 2002 г. Речь уже шла о системе «государств-изгоев». В этом понятии соединены метафоры двух главных врагов США в XX в. – фашизма (государства «оси») и коммунизма («империя зла»). Термины «ось зла» и «государства-изгой» стали взаимозаменяемыми.

Это было важным сдвигом к тоталитарному видению мира. З. Бжезинский даже предупреждал в 2003 г.: «После трагедии 11 сентября администрация США оказалась во власти параноидального представления о мире. Суть такого представления отражена в заявлении президента Буша от 20 сентября 2001 года: «Или вы с нами, или с террористами» [2]. Ряд политологов в США предупреждали о риске, с которым была сопряжена такая установка, и эти опасения подтверждаются.

В 1990-е гг. США следовали упрощенной формуле С. Хантингтона: «The West and the Rest» («Запад и все остальные»). Сегодня США, как виновник нового мирового кризиса, оказались в ситуации «USA and the Rest». Как отмечают, это «означает кризисное состояние всего человечества, из которого нет выхода на основе традиционного миропонимания и традиционных ценностей».

Введение во внешнюю политику США категории «государство-изгой» означало подрыв системы современного международного права. Сам этот термин не закреплен ни в одном международно-правовом документе, что делает его применение произвольным. Видные философы – например, Ноам Хомский и Жак Деррида – убедительно показывали, что само это понятие носит пропагандистский и империалистический характер и лежит вне понятийного аппарата права. Тем не менее, термин «государства-изгой» подхватили и активно используют СМИ. В последние годы он проникает в научную литературу и даже учебники по международному праву.

Отношение к концепции «государств-изгоев» само стало предметом международной политики и показателем той политической философии, на которой базируется внешнеполитическая доктрина того или иного государства. В целом, вне США концепция «изгоев» была встречена скептически.

Все американские союзники, за исключением Британии, Канады и Украины, отказались использовать данную категорию в своей внешней политике. В 1990-е гг. руководство России предпочитало не высказывать свою позицию по данному вопросу. В обществе в целом преобладало отрицательное отношение ко всей доктрине «Нового мирового порядка» и к лежащим в ее основе понятиям. Так, Р. И. Хасбулатов сразу после атаки на небоскребы в Нью-Йорке писал в «Независимой газете»: «Высокомерие, шантаж, угро-

зы, давление – все это должно решительно пресекаться. С таких позиций важно осудить введение в международные политические отношения категории «стран-изгоев» и устранить из лексикона даже сам этот термин» [12].

После 2000 г. в умеренных терминах было выражено несогласие с этой концепцией и официальными лицами. В 2002 г. министр обороны РФ заявил: «Мы не сторонники термина “государства-изгой”. Мы против того, чтобы говорить об «оси зла». Мы предпочитаем говорить о дуге напряженности, которая возникла от Филиппин до Косова... Конечно, проблема международного терроризма существует, но это не значит, что надо клеить произвольно ярлыки» [4].

Тем не менее, этот термин и стоящие за ним концепции осваиваются и российскими СМИ, и государственными чиновниками РФ. Вот примеры.

1 июля 2009 г. заведующий отделом стран СНГ Российского института стратегических исследований при Президенте РФ А. Скаков заявил в интервью: «В последнее время Белоруссия перестала быть страной-изгоем. Некоторые шаги президента Лукашенко в сторону Запада сразу же решили все вопросы, связанные с демократией Белоруссии. Тем более я бы не относил к странам-изгоям Кубу и Венесуэлу. С гораздо большей степенью достоверности страной-изгоем можно назвать Грузию, президента которой после событий августа прошлого года практически перестали принимать в западных столицах. Еще одной страной-изгоем можно назвать Северную Корею» [9].

14 октября 2009 г. зав. кафедрой общей политологии Высшей школы экономики Л. Поляков, выступая на секции «Глобальный мир: амбиции суверенной России» Форума «Стратегия 2020» дал классификацию стран в современном мироустройстве. Он разделил их на пять категорий: «Первая – страна-лидер, которая задает повестку дня и создает предпосылки для их реализации. Вторая – страна, которая публично не претендует на статус страны-лидера и в своей политике играет на противоречиях других игроков. Третья позиция – создание коллективного субъекта глобального мира. Четвертая – страна-сателлит. И пятая – страны-изгой, которые сознательно занимают позицию изоляции» [7].

А как обстоят дела с Россией, как потенциальным «государством-изгоем»?

Эта концепция никогда ранее не применялась по отношению к той категории держав, к которой относится Россия. Пока она располагает ядерным оружием и обладает авторитетом в мировом сообществе, угроза превратить ее в «изгоя» может применяться лишь в качестве шантажа. Тем не менее, в условиях нарастающей нестабильности, осложнения ситуации на Украине и введения ряда санкций со стороны США и Европы эта угроза должна стать предметом анализа.

Можно выделить следующие основания для весьма высокого уровня риска России превратиться в страну-изгоя.

– Внутренний цивилизационный кризис в России, приводящий к неопределенности ее внешнеполитической позиции в процессе глобализации.

– Интенсивное воздействие западных СМИ на массовое сознание, заранее создающее образ России как «rogue state».

Рассмотрим эти факторы риска подробнее.

Для постсоветской России выстроить эффективную идеологическую защиту против угрозы представления ее как варварской страны было сложно потому, что вся доктрина реформ 1990-х гг. была основана на отрицании цивилизационного статуса СССР. Режим Ельцина признал трактовку СССР как «империи зла». Россия как правопреемник СССР изначально приняла на себя это клеймо. Ярлык «империи зла», который в 1980-е гг. не имел успеха в мировом общественном мнении, теперь был легитимизирован признанием политического режима самой Россией.

Попытка этого режима «встроиться» в Запад, явившись с повинной, не удалась; в довольно грубой форме было сказано: «Нет никаких оснований считать Россию частью Европы». Возникла тупиковая ситуация: новая элита России с энтузиазмом доказывала, что СССР был «империей зла», но одновременно требовала признать РФ «частью западной цивилизации», хотя попытка переделать советские общественные институты по западным образцам провалилась. Запад категорически отказывался признать родство с «криминальным капитализмом» российских нуворишей. Попытки представить институты постсоветской России продуктом самобытной «суверенной демократии» запоздали и не были убедительными. Политики променяли добытый за три века статус России как крупной локальной цивилизации на конъюнктурные выгоды антисоветизма.

К тому же, внимательное наблюдение западных социологов за массовым сознанием в России показало, что оно отвергает идею «вступления в Запад», сохраняет державные («имперские») установки и не приемлет доктрину «Нового мирового порядка». Более того, обнаружилось тотальное осуждение войны НАТО в Югославии и почти тотальное осуждение войны США в Ираке. Уже это делало Россию кандидатом в «страны-изгои» по критерию «ненависть к США». Интеллектуальные и культурные средства, с помощью которых пытались разрешить этот латентный конфликт, были неадекватны.

Еще важнее, что в России возник внутренний конфликт установок элиты и массы относительно ее цивилизационного статуса. Это привело к вялому кризису легитимности политического порядка, что ослабляло позиции России в международных делах. Успех советской индустриализации и научно-технического строительства, победа в Великой Отечественной войне во многом были обязаны преодолению цивилизационного раскола.

Это позволило на время нейтрализовать русофобию Запада. Россия (СССР) была признана как полноценная цивилизация массовым сознанием Запада

или, по крайней мере, перестала балансировать на грани «страны-изгоя».

А. С. Панарин пишет: «В той мере, в какой старому русскому “национал-патриотизму” удалось су-блимировать свою энергетику, переведя ее на язык, легализованный на самом Западе, этот патриотизм достиг наконец-таки точки внутреннего равновесия. И западническая, и славянофильская традиции по-своему, в превращенной форме, обрели эффективное самовыражение в “русском марксизме” и примирились в нем...»

Советский человек, таким образом, преодолевший «цивилизационную раздвоенность» русской души (раскол славянофильства и западничества), наряду с преодолением традиционного комплекса неполноценности, обрел замечательную цельность и самоуважение. В самом деле, на языке марксизма, делающем упор не на уровне жизни и других критериях потребительского сознания, обреченного в России быть “несчастливым”, а на формационных сопоставлениях, Россия впервые осознавала себя как самая передовая страна и при этом – без всяких изъянов и фобий, свойственных чисто националистическому сознанию» [6, с. 140].

Реанимированный в 1960-е гг. антисоветский проект представлял собой попытку реванша либеральной ветви западничества. К 1980-м гг., при поддержке противника СССР в холодной войне, он дозрел до гражданской цивилизационной войны. В состоянии цивилизационной раздвоенности постсоветская Россия не смогла примкнуть ни к одному лагерю в конфликте, который возник в мире из-за претензий США на роль мирового лидера.

Более того, «параноидальное представление о мире» загоняло в тупик и сами США. Определенная позиция России могла бы способствовать коррекции иррационально мессианского курса администрации Буша. Она бы нашла отклик и в самом американском обществе. Война в Ираке привела к инверсии всей концепции «Нового мирового порядка» – в изоляции оказывались сами США. Бжезинский писал в 2003 г.: «Сегодня в положении страны-изгоя оказались Соединенные Штаты. В ходе трех минувших недель в Генассамблее ООН дважды ставилась на голосование резолюция по ситуации на Ближнем Востоке. В ходе первого голосования соотношение было таково: 133 страны «за», 4 страны «против», а во время второго голосования «за» высказались 144 страны. Против резолюции вновь проголосовали 4 страны. Это США, Израиль, Маршалловы острова и Микронезия. За резолюцию подали свои голоса Япония и все наши союзники по НАТО, включая Великобританию и так называемую «новую» Европу» [2].

В том же 2003 г. в США вышла книга президента Института экономической стратегии при Конгрессе США Клайда Престовица «Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений» [8 с. 145]. В этой ставшей широко известной книге Престовиц подвергает резкой критике концепцию однополярного мира и отвергает доктрину Дж. Буша о

праве США на ведение превентивных войн. Он предупреждает, что «руководствуясь во внешней политике доктриной однополярного мира, Америке суждено двигаться по пути сильного, но одинокого государства-изгоя».

Одним из критериев отнесения страны к категории «изгоя» является «уродливая экономика». Реформа 1990-х гг. в России, которая декларировала утопическую цель создания экономики западного типа, лишь изуродовала народное хозяйство и привела к патологической нежизнеспособной экономической системе.

Б. Н. Ельцин писал: «Наверное, по-другому было просто нельзя. Кроме сталинской промышленности, сталинской экономики, адаптированной под сегодняшний день, практически не существовало никакой другой. А она генетически диктовала именно такой слом – через колено. Как она создавалась, так и была разрушена [3, с. 300]. 20 лет спустя после гайдаровских реформ иначе как нелепостью подобные умозаключения не выглядят».

Страна с полуразрушенной криминализованной экономикой и коррумпированным управлением – естественный кандидат в «изгои». Противодействовать созданию такого образа постсоветской России было трудно.

К концу 1990-х гг. такое противодействие требовало уже системных действий как обороны в информационной войне. К такой войне Россия оказалась не готова еще в большей степени, чем СССР в 1970 – 1980-е гг.

Главный потенциал в такой войне составляют организованные сообщества гуманитарной интеллигенции и специалистов в социальных науках, а также СМИ. Все эти структуры, унаследованные от СССР в морально устаревшем и деморализованном состоянии, были добиты в 1990-е гг. и находятся в процессе деградации. Напротив, их западные соперники за 1990 – 2000-е гг. перешли на новый методологический и технологический уровень. Они оснащены новым знанием антропологии и социальной психологии, накопленным при изучении перестройки и «бархатных революций».

Провал российского обществоведения лишил научно-обеспечения системы информационной безопасности. Россия ничего не смогла противопоставить новым технологиям манипуляции сознанием как на самом Западе, так и на постсоветском пространстве. Это показали «оранжевые революции» и последние события на Украине.

Более того, те сообщества гуманитарной интеллигенции и СМИ, которые сформировались уже как авангард антисоветской революции, заняли в превентивной информационной войне после 2000 г., в основном, сторону США. США продолжали программу разрушения советских мировоззренческих и культурных структур, в то время как политический режим В. В. Путина стал тормозить это разрушение.

О том, что речь шла именно об информационной войне, говорят красноречивые заголовки сотен статей

ведущих западных газет. Вот примеры: «Паранойя Владимира Путина изолирует Россию» (США), «Поражение Путина, надежда для России» (Франция), «Никогда не доверяй бывшему агенту КГБ» (Великобритания), «Сказать “нет” фашизму и Владимиру Путину» (США), «Когда Путин крадет, надо бить тревогу» (США), «Россия: Преступная логика берет свое» (США), «Путин и приливная волна паранойи» (США), «Путин ведет Россию к фашизму» (США), «Владимир Путин хочет померяться силами с демократией, Западом и всеми желающими» (Великобритания), «Скоро путинскому режиму конец» (США) [5].

Содержание статей отвечало заголовкам: «России Путина» приписывались все атрибуты «государства-изгоя». Так, «The Wall Street Journal» писала: «Европа потеряла надежду на Путина. Уже нет надежды на то, что в России установится социальная демократия европейского типа или даже диктатура в стиле Пиночета, направленная на стимулирование экономических реформ».

Бжезинский утверждал, что все шаги режима Путина «идут лишь в одном направлении: в сторону от демократии по пути к авторитарному порядку, в котором уже видны черты фашизма Муссолини». Влиятельная «Вашингтон пост» писала о В. В. Путине: «На прошлой неделе Путин назвал развал Советского Союза “величайшей геополитической катастрофой века” и добавил про “разрушение старых идеалов”. То, что ветеран КГБ будет жалеть о разрушении идеалов государства-гуга еще как-то можно понять. Но ...если при нынешнем “решительном и беспощадном” Путине произойдет хотя бы половина всех несчастий, ожидающих Россию в случае неблагоприятного сценария, это даст нешуточный повод для беспокойства прежде всего Соединенным Штатам – например, по поводу безопасности огромных российских ядерных арсеналов или надежности тысяч ракет, которые еще могут уничтожить и нашу страну, и весь остальной мир» [11].

В ответ на это Россия с ее внутренней раздвоенностью и неопределенностью цивилизационного выбора отделялась примиряющими жестами, избегая диалога по принципиальным проблемам. Это заведомо проигрышная тактика, ибо в информационных войнах «вода камень точит».

«Демонизация» России носит в западных СМИ систематический, непрерывный характер. Вместо того чтобы выстроить систему противодействия, не переходящего в конфликт (что требует творческих усилий, но вполне возможно), идеологические службы государства замалчивают этот факт.

Вот одно из немногих исследований того образа России, который выстраивают ведущие британские газеты. Была изучена сплошная выборка статей по «русской тематике» в газетах The Independent, The Times, The Telegraph, The Observer, The Guardian (свыше 500 статей). Авторы пишут: «Одним из наиболее распространенных стереотипов, явно или подспудно присутствующих в подавляющем большинстве статей, где описывается или упоминается Россия, оказа-

лось варварство русских. Британцы смотрят на Россию (национальный характер, менталитет, культуру, историю и др.) как на варварскую страну».

А вот выводы большого социологического опроса: «Ведущей характеристикой россиян оказывается в массовом сознании мирового сообщества (в опросе участвовало пять миллионов человек) насилие и, очевидно, склонность к насилию... По частоте употребления в контексте со словами Russian и Russia «брутальность» России – еще один синоним варварства – является едва ли не ключевым, «устойчивым эпитетом»... Это – подспудное отрицание человеческой природы русских [10].

На все эти приемы бесполезно отвечать логическими аргументами или апеллировать к праву – обвинения лежат в сфере ценностей, а их эффективность определяется монополией западных СМИ на интерпретацию фактов и явлений. Ответ здесь должен быть «асимметричным», но адекватными когнитивными и технологическими средствами для него постсоветская Россия до сих пор не располагает. Для их создания нужно выстроить новое обществоведение и определить собственный цивилизационный выбор в реальном общественном диалоге.

Литература

1. Бартенев В. И. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // Международные процессы. 2009 № 1(19).
2. Бжезинский З. К. Мир утратил доверие к политике США // The Washington Post. 11.11.2003.
3. Ельцин Б. Н. Записки президента. Соч. М.: Огонек, 1994. 399 с.
4. Иванов С. Б. Пресс-конференция министра обороны 12 февраля 2002 г. // Независимая газета. № 26(2580) Режим доступа: <http://www.ng.ru/gazeta/2002-02-12/> (дата обращения: 03.03.2015).
5. Крупнов Ю. В. Оранжево-березовые против Путина и России // Информационное агентство Росбалт 14.01.2005. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2005/01/14/192262.html> (дата обращения: 03.03.2015).
6. Панарин А. С. Народ без элиты // сб. ст. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 352 с.
7. Поляков Л. В. Заседание секции «Глобальный мир: амбиции суверенной России». Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/10/14/2020/> (дата обращения: 03.03.2015).
8. Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений. М.: Амфора, 2005. 606 с.
9. Скаков А. Ю. Как обуздать Северный Кавказ, вернуть Белоруссию и подружиться с Грузией. Интервью // Эксперт. 01.07.2009. Режим доступа: <http://expert.ru/dossier/story/213699/> (дата обращения: 05.03.2015).
10. Телегина И., Белоусов К., Зелянская Н. СМИ Британии: «Брутальный, грязный русский медведь» // "СМИ2" Россия, 01.03.2008. Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080301/239937.html> (дата обращения: 03.03.2015).
11. Хайатта Ф. Режим Путина: за репрессии придется платить // The Washington Post. 02.05.2005.
12. Хасбулатов Р. И. Мир в роковой час // Независимая газета. 19.10.2001. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2001-10-19/11_world.html (дата обращения: 03.03.2015).

Информация об авторе:

Иуков Евгений Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук КемГУ, iukov@mail.ru.

Evgeny A. Iukov – Candidate of Political Science, Assistant Professor at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

ПОЧЕМУ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ЯВЛЯЮТСЯ ИНСТРУМЕНТОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ?

А. А. Козырева

WHY ARE SOCIAL NETWORKS A TOOL OF POLITICAL POWER?

A. A. Kozyreva

В статье проводится проблематизация формирования публичной политики в социальных сетях. Осуществлен анализ необходимости формирования и продвижения имиджа политических лидеров, целей и задач, преследуемых ими. Приводятся и анализируются конкретные примеры политиков, имеющих свои аккаунты на различных интернет-порталах, и характер их виртуальной активности.

The paper is devoted to the problem of public policy formation of in social networks. The author analyses the necessity of the formation and promotion of the image of political leaders, their goals and objectives pursued. Specific examples of politicians who have their accounts on various Internet portals, and the nature of their virtual activity are analyzed.

Ключевые слова: аудитория, блог, виртуализация, демократия, доверие, информация, квазиполитические, поддержка, политическая власть, политический имидж, публичная политика, сообщение, сообщества, социальные медиа, социальные сети, сторонники, элита.

Keywords: audience, blog, virtualization, democracy, trust, information, quasipolitical, support, political power, political image, public policy, communication, community, social media, social networking, supporters, elite.

Проблематизация

В чем сила виртуальных сетей? При всей кажущейся банальности этого вопроса, ответ на него очень важен для политической науки и управленческой практики. Обобщим полученную в ходе исследования информацию.

Во-первых, умение пользоваться современными информационными технологиями позволяет опытным интернет-пользователям использовать социальные сети для формирования политической карьеры. В качестве конкретных примеров приведем выборы Президента США (больше всего друзей в социальных сетях было у Б. Обамы), деятельность известного российского блогера А. Навального.

Во-вторых, социальные сети обладают рядом неоспоримых достоинств, одним из которых является легкость, с которой всегда можно в режиме реального времени связаться с любым человеком, где бы он ни находился. Это позволяет политику/государственному чиновнику быть в курсе последних новостей и реакции людей на происходящие события в мире и в нашей стране. В качестве примера приведем социальную сеть www.regionalochka.ru, целями и задачами создания которой являются:

1. Повышение качества жизни граждан и улучшение условий развития бизнеса.
 2. Электронное государство, повышение эффективности государственного управления.
 3. Развитие российского рынка ИКТ и российских технологий, обеспечение перехода к цифровой экономике.
 4. Преодоление цифрового неравенства и создание базовой инфраструктуры информационного общества.
 5. Обеспечение безопасности в информационном обществе.
 6. Развитие цифрового контента и его перевод в электронный вид [2].
- В-третьих, в основном социальные сети использует молодежь. Изначально разработчики социальных

сетей представляли своей целевой аудиторией именно молодых людей. Причина подобного подхода заключается в том, что молодежь гораздо активнее идет на контакт с малознакомыми людьми, всегда готова к новому знакомству, к усвоению новой информации. Социальные сети в этом плане – идеальная площадка. Рост проникновения Интернета в регионы России сохраняется – 59 % взрослого населения России пользуются интернетом (68,7 млн человек). Полугодовой прирост аудитории составил 2,2 млн человек. 80 % дневной аудитории русскоязычного интернета проявляют активность в социальных сетях. Первое место по популярности социальных сетей занимает ВКонтакте, посещаемость которой в мае 2014 года выросла до 52,1 млн человек, второе место у социальной сети «Одноклассники» с месячной аудиторией в 40,8 млн человек. Российская аудитория Facebook в мае 2014 года составила 23,4 млн пользователей, из которых 1 млн – активные авторы. Здесь преобладание женской активной аудитории зафиксировано на уровне в 54,2 % [6].

В-четвертых, в социальных сетях очень быстро аккумулируются/вырабатываются креативные социально значимые решения. Ведь в них отсутствует властная вертикаль и задействуется сетевой ресурс. Например, социальные сети позволяют эффективно использовать метод краудсорсинга.

В-пятых, социальные сети значительно ускоряют процесс межличностной и социальной коммуникации. Видеоконференции сегодня – это неотъемлемая часть эффективной работы, позволяющая в режиме он-лайн решать межгосударственные и международные вопросы, проводить обучение граждан и персонала и многие другие вопросы.

Сущность социальной сети

Большинство определений социальных сетей сводится к указанию на их интерактивную функцию (общение и/или обмен информацией в режиме реального времени). Синтезируя эти определения, в книге

«Современные PR-технологии работы в интернете» авторский коллектив (А. Н. Чумиков и др.) предлагает использовать следующее определение: социальные сети – это веб-сайты и иные инструменты Интернета, главной особенностью которых является предоставление возможности пользователям взаимодействовать друг с другом и обмениваться различными видами информации. Построение социальных сетей включает в себя организацию интернет-сообществ, способствующих расширению участия существующей общественности и привлечению дополнительных пользователей, заинтересованных в обсуждении круга, интересующих их вопросов [5, с. 16].

Выделим основную, по нашему мнению, политическую особенность социальной сети: при ежедневном многомиллионном потоке сообщений ни одно из них не является значимым, влиятельным. Однако как только вокруг некоторых сообщений собирается критическая масса количественного внимания (цитирования, обсуждения), оно за несколько часов перерастает в качественный результат социально-политической жизни, которому невозможно противостоять традиционными административными механизмами. В качестве примера приведем современную ситуацию в Восточной Украине, когда новости о ней доминируют в российском информационно-политическом пространстве, а в других странах – находятся на периферии этого пространства.

Предсказать такого рода развитие событий сегодня в принципе не представляется возможным, управлять им можно, но пока затруднительно. Для предотвращения роста интереса к информационному сообщению, которое может привести к изменению политических событий, требуется постоянный мониторинг информационного пространства с целью оперативно-го принятия контрмер. Несвоевременная реакция Министерства обороны РФ на обвинения в уничтожении над воздушным пространством Украины «малазийского боинга» подтолкнуло страны Евросоюза на принятие необъективного решения в отношении данной катастрофы. Возможно, что именно эта катастрофа послужила финальным доводом к выходу российского Министерства обороны в социальные сети, созданию страниц в ведущих мировых сетях [3].

Таким образом, возникает новый тип публичной политики, отличный от известных ее форм: митингов, выступлений по телевидению, публикаций в традиционных печатных СМИ. К этому «новому публичному типу» политики надо всем (государству, обществу и гражданам) готовиться, с ним всем придется считаться. «С ростом общественных сетей в России рождается публичная политика. Бюрократия и политические партии пойдут за той повесткой, которую предложат эти сети...» [5, с. 43].

Зачем политикам быть в социальных сетях?

Самые популярные социальные сети Vk.com, Facebook, Twitter обладают колоссальным влиянием на развитие разных сторон жизни общества – политики, журналистики, реклама. Регулярно просматривая ленты новостей и комментариев, можно быть наблюдатель за тем, какие настроения царят в обществе, какие темы их волнуют, на какие проблемные моменты они обращают особое внимание. Ведь зачастую нацио-

нальная политическая элита не представляет себе круг вопросов, которые являются злободневными для большинства граждан страны (рост цен на продовольственные товары, коммунальные услуги т. п.).

Думается, не лишне будет напомнить банальное утверждение о том, что тот, кто имеет информацию – имеет власть. Ведь каждый политик всегда стремится обладать той степенью общественной поддержки, которая даст ему возможность продвигать свои идеи на высшем управленческом уровне, то есть во власти, и в обществе. Обладание властью – вот основная цель каждого политического деятеля, однако стремятся к ней по-разному. Не случайно сегодня любой политический лидер объясняет свои действия широкой общественности и различным органам управления через пресс-конференции, через общение с журналистами, прямые мосты, встречи с гражданами (в том числе – с избирателями) и т. д.

Вполне естественным становится то, что политики в своих целях все чаще используют общение в Интернете. Социальное общение в Интернете постоянно развивается, а политики открывают для себя все удобства интернета для связи с избирателями, и многие из них размещают свои профили в разных социальных сетях. Согласно политическому блогу Tech-President (www.techpresident.com), отслеживающему использование интернета кандидатами на президентских выборах США 2008 года, больше всего «друзей» было на MySpace и Facebook у Х. Клинтон и Б. Обамы. Лидировал же сенатор (на тот момент) Б. Обама: у него было 88706 сторонников на Facebook и 97847 на MySpace. У сенатора Х. Клинтон 21477 – на Facebook и 88492 сторонника на MySpace [6, с. 193].

Есть и российские примеры активного использования политиками социальных сетей. Так, в социальной сети vk.com зарегистрировано более 3300 человек под именем «Владимир Путин», причем реальный политический деятель с таким именем неоднократно заявлял, что не собирается заводить аккаунтов в социальных сетях [7]. Однако у В. В. Путина есть официальный сайт, на котором содержится вся основная информация о личности политического лидера с регулярно обновляющимися информацией: <http://putin.kremlin.ru/>.

Сегодня можно наблюдать, как понятие социальной сети во многом приравнивается к понятию демократии и социально-политического выбора. Получается, что по мере увеличения способности взаимодействовать с собственным окружением – профессиональным, политическим или каким-либо иным – народные голоса, подкрепленные и усиленные средствами электронной коммуникации, будут приобретать все большее политическое значение. А ведь за что в конечном итоге борется любой политик? За голоса поддержки, за голоса своих избирателей, за тех людей, которые поддержат его на выборах. Свои аккаунты «В контакте» имеют лидеры думских партий: С. Миронов, Г. Зюганов, В. Жириновский, лидеры ведущих партий, не первый год борющихся за количество «мест» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Сегодня социальные сети сосредоточиваются в областях, где люди хотят повлиять на происходящее – связаться друг с другом, создать какую-то ценность, извлечь прибыль и т. д. Интересы людей выйдут дале-

ко за пределы вопросов типа «с кем мне комфортно» и «с кем можно поболтать»: речь идет о массовом производстве и со-производстве новых ценностей, о мощном влиянии друг на друга, в сущности, о демократии как таковой. Желание политиков обладать умами и сердцами миллионов имеет современный путь – через социальные сети. В июне 2010 года глава государства стал использовать для распространения официальной информации специально созданный микроблог KremlinRussia в социальной сети Twitter. В этом же году на ресурсе был открыт второй аккаунт Medvedev Russia – уже для персональных записей от Д. Медведева. К концу 2011 года у Президента было 230 тыс. и 765 тыс. фолловеров в двух аккаунтах Twitter. Аккаунты стали оценивать как высокоэффективный способ обратной связи, отслеживания реакции посетителей на инициативы главы государства [5, с. 21]. Правильное понимание атмосферы и настроений, аргументированная позиция по волнующим вопросам, ясная и четкая схема действий на ближайшую и долгосрочную перспективу – это возможность привлечь внимание граждан, готовых идти за политическим лидером.

Чем могут помочь социальные сети в достижении поставленных целей?

В отличие от СМИ Интернет обладает более широким потенциалом общения, предлагает возможность прямой двусторонней взаимной связи между населением и политиками. Существует прогноз, что со временем Интернет радикально трансформирует государство и демократию до такой степени, что результатом будет новая волна демократизации в мировых масштабах [1, с. 15].

Группа поддержки или сеть поддержки является достаточно новым типом негосударственной организации, члены которой оказывают друг другу различные типы нематериальной, нефинансовой помощи. Такая группа может использоваться для широкого распространения информации среди общественности, которое было не под силу отдельному члену группы. Примером могут послужить массовые поисковые операции по поиску пропавших людей в различных районах страны с привлечением добровольцев, в том числе через социальные сети. Эти сети показали свою эффективность в том, что касается обнаружения информации о злоупотреблениях в различных сферах общественной жизни. Вспомним недавнюю историю с бывшим сотрудником ЦРУ и Агентства национальной безопасности США Э. Сноуденом, который с начала июня 2013 года передал газетам The Guardian и The Washington Post секретную информацию, касающуюся тотальной слежки американских спецслужб за коммуникациями между гражданами многих государств по всему миру при помощи существующих информационных сетей и сетей связи.

Теоретически Интернет способствует и созданию сетей, и успеху политических действий, способствуя информационному обмену среди заинтересованных групп. Интернет зачастую используется как средство политической мобилизации, что остается недостаточно изученным в трудах, посвященных сетям поддержки.

Сегодня Интернет представляет своего рода гибридный форум для общения, который выходит за пределы традиционных собраний и печатной прессы, консолидируя возможности интерактивной коммуникации и предос-

тавления информации большому числу людей. Развитие информационных сетей означает, что органы государственной власти больше не могут делать информацию своей монополией, как это было недавно. Однако есть и данные о том, что эти виды связи дают особые преимущества организациям, имеющим доступ к таким технологиям. Регулярность, с которой традиционные СМИ ссылаются на информацию, полученную в социальных сетях, позволяет считать, что личные профили политиков и государственных деятелей различного уровня, принимаются безоговорочно истинной. Практически каждый телевизионный сюжет в новостных программах телевидения ссылается на информацию, полученную с официального аккаунта политического деятеля, размещенного в социальных сетях Facebook, Twitter. То есть, теперь уже не обязательно брать интервью, можно просто сослаться на пост, размещенный на личной странице.

Сети как инструмент привлечения сторонников

Известно, что формирование правильного имиджа очень важно для любого политического лидера, а знание простых «правил» собственной презентации в социальных сетях поможет составить правильное мнение о личности и деятельности политика. Примером может послужить политическая карьера А. Навального, начавшего свою деятельность с «Комитета защиты москвичей» – общегородского движения противников коррупции и нарушения прав граждан при осуществлении строительства в Москве в 2004 году. А в 2013 году в сентябре выборы мэра столицы запомнились всем яркой рекламной кампанией А. Навального, позволившей набрать ему 27 % голосов москвичей. Получается, что, несмотря на сомнительный послужной список и большое количество слухов, окружавших А. Навального на протяжении всей его политической карьеры, немалое количество граждан столицы было готово его слушать и поддерживать.

На наш взгляд, основная политическая сила А. Навального заключена в его умении распространять информацию в социальных сетях. Он начал с того, что общался с людьми в удобной для них форме. Писал свои мысли, которые были просты и понятны людям, которые готов был с ними обсуждать в режиме диалога. Ведь до появления в сетях блога А. Навального, о нем вряд ли кто-то слышал. Но именно в социальных сетях он обрел сторонников, популярность и поддержку. Следовательно, социальные сети дают ощущение того, что политик не обезличен для народа, а даже более-менее знаком.

Перед созданием блога или профиля политического деятеля, необходимо поставить задачу создать и поддерживать определенный образ – современный, коммуникативный, энергичный, ответственный руководитель, способный оперативно, без лишней бюрократии принимать решения, будучи на постоянной связи с населением. Надо понимать, что для политика любого уровня успешная работа по созданию имиджа в сети зачастую зависит от добросовестности его помощников, которые создают и ведут интернет-страницы. С пользователями и подписчиками всегда надо контактировать. Хорошая работа в социальных сетях может быть только постоянной, креативной и основанной на знании специфики данной интернет-площадки и ее аудитории. К сожалению, личного опыта и понимания как правильно обновлять информацию и как часто делиться своими

мыслями, в каком формате, бывает не достаточно. Не-обновляемые страницы наносят существенный урон репутации политика и политической силы. Именно поэтому так необходимо собрать правильную команду помощников.

Важно, что в современной политике социальные сети рассматриваются как квазиполитические (иногда как гиперполитические) сообщества. Но как завлечь в эти сообщества большинство граждан? Так, профессор Калифорнийского университета П. Коллок в книге «Сообщества в киберпространстве» отмечает, что пользователи готовы присоединиться к сообществам по трем причинам:

1. Ожидание взаимовыгодного сотрудничества. Присоединяясь к сообществу, люди надеются получить полезную информацию взамен их вклад (например, участие в опросах).

2. Улучшение собственной репутации. Участник сообщества делится с другими его членами полезной ссылкой. Если он делает это не единожды, а систематично, это отражается на его репутации среди других членов этого сообщества.

3. Ощущение полезности. Тот, кто на регулярной основе делает некий вклад в общее дело сообщества, начинает полагать, что он – незаменимый его член/ участник [7].

В Интернете, как и в реальной жизни, людям интересно только там, где они наблюдают живую и нетривиальную реакцию на происходящее. Поэтому стратегия развития и содержание могут претерпевать существенные изменения как по форме, так и по сути. Важно понимать: на какую реакцию от подписчиков вы рассчитываете? Формат монолога и отсутствия обратной связи обречен на фиаско. Люди хотят быть

услышанными и более всего ценят две вещи, которые взаимодополняемы: конструктив и юмор. Большая трудность состоит в том, чтобы избрать правильное соотношение между ними. Ибо даже самая конструктивная и полезная информация, поданная в слишком большом объеме и чрезмерно серьезной форме, неизбежно вызовет волну ядовитого скепсиса и бешеного отторжения у ее адресатов.

Лидеры современных социальных сетей – это гигантские развивающиеся виртуально-информационные системы, куда вовлечены огромные массы людей. При этом у них всегда есть выбор: формировать мнение в сети, следить за ним (как это делают спецслужбы), прятаться от него или, может быть, заняться другим видом бизнеса [4].

Выводы

1. Интернет-пространство в общем и социальные сети, в частности, являются эффективным инструментом в формировании политической силы любого субъекта политики. Чем больше будут развиваться социальные сети, тем активнее их будут использовать политики и государственные деятели. Это современный и весьма долговременный политический тренд.

2. Социальные сети наиболее активно используются в период подготовки выборов различных органов власти. Эта тенденция продолжится в ближайшее время, независимо от чьего-либо желания или нежелания.

3. Сегодня именно социальные сети позволяют гражданам и обществу наиболее эффективно и быстро доносить до власти свои интересы. Не исключено, что в ближайшее время реальная политика почти полностью может переместиться в виртуальное пространство.

Литература

1. Абдуллаев Р. А., Рыхтих М. И. Феномен «сетей поддержки» и влияние на него развития интернет-технологий // Коммуникации и общество. 2014. № 6.
2. Государственная программа «Информационное общество 2011 – 2018 годы». Режим доступа: <http://prospo.ru/trend/3274-gosudarstvennaya-programma-informacionnoe-obshchestvo-2011-2018-gody> (дата обращения: 01.10.2014).
3. Официальная страница Министерства обороны Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.facebook.com/pages/Минобороны-России/1492252324350852> (дата обращения: 06.10.2014).
4. Подосокорский Н. Перспективы использования социальных сетей для политического продвижения // Блог Грин. Режим доступа: <http://blog.greensmm.ru/?p=98> (дата обращения: 28.09.2014).
5. Современные PR-технологии работы в интернете / авт. коллектив: А. Н. Чумиков, М. П. Бочаров, М. В. Тишкова и др. Рязань: Объединенная редакция МЧС России, 2011.
6. Социальные сети в России, лето 2014: цифры, тренды, прогнозы. Режим доступа: <http://br-analytics.ru/blog/?p=1671> (дата обращения: 01.10.2014).
7. Шалимов А. Б. Человек в социальных сетях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 9. Режим доступа: www.sisr.nkras.ru (дата обращения: 16.09.2014).

Информация об авторе:

Козырева Анна Александровна – заместитель декана факультета (гуманитарного) Академии гражданской защиты МЧС России, соискатель ученой степени кандидата политических наук, a.kozyreva@amchs.ru,

Anna A. Kozyreva – post-graduate student, Deputy Dean of the Faculty for the Humanities, Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia.

(Научный руководитель: **Мельков Сергей Анатольевич** – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России.

Research advisor: Sergey A. Melkov – Doctor of Political Science, Full Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration, Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia).

Статья поступила в редколлегию 04.03.2015 г.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. М. Кисляков

REGIONAL POLITICAL MARKETING AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH

М. М. Kislyakov

В статье автором дан анализ современных подходов к исследованию регионального политического маркетинга. По мнению автора, региональный политический маркетинг становится объектом междисциплинарных исследований, а также рассматривается с позиций синергетики (общей теории самоорганизации). Автором сделан вывод о том, что подходы и концепции к изучению регионального политического маркетинга только формируются.

The paper analyzes modern approaches to the study of regional political marketing. The author considers the regional political marketing to be the object of interdisciplinary research. It is also considered from the positions of synergetics (the general theory of self-organization). The author concludes that the approaches and concepts for the study of regional political marketing are just emerging.

Ключевые слова: региональный политический маркетинг, политические науки, маркетинговый анализ и синтез в политической сфере, анализ и синтез в политике, синергетика.

Keywords: regional political marketing, political science, marketing analysis and synthesis in the political sphere, analysis and synthesis in politics, synergy.

Региональный политический маркетинг – это сложносоставной феномен, включающий в себя вопросы изучения регионального политического рынка, государственного и муниципального управления, политического поведения и политического менталитета населения субъектов РФ. Поэтому в современной научной литературе политический маркетинг, в том числе и региональный политический маркетинг, является объектом изучения различных гуманитарных наук: политологии, экономики, юриспруденции, психологии, социологии и других. При этом представители разных общественных наук изучают проблемы регионального политического маркетинга под разным углом зрения: видят в нем деятельность по изучению политического рынка, по продвижению политического «товара» и доведению его до потребителей, по управлению политическим поведением граждан, по созданию правовых актов для проведения избирательных кампаний и осуществления политико-административной реформы и др.

Следует также отметить, что региональный политический маркетинг может изучаться в рамках ряда политических наук. Прежде всего, это политическая история, политическая теория, политическая география, политическая социология, политическая психология, политическая этика и политическая семиотика.

Политическая история позволяет проследить историю возникновения, становления и развития регионального политического маркетинга.

Политическая теория включает изучение основных теорий, подходов, концепций, школ, технологий регионального политического маркетинга.

Политическая география позволяет сравнить, как протекают процессы развития регионального политического маркетинга на разных территориях.

Политическая социология выделяет взаимосвязи и взаимодействие различных социальных групп и слоев региона с органами власти.

Политическая психология дает возможность определить мотивы политического поведения акторов регионального политического маркетинга.

Политическая этика позволяет изучить нравственные аспекты регионального политического маркетинга.

Политическая семиотика позволяет проанализировать способы передачи информации, свойства знаков и знаковых систем в региональной политической жизни.

На современном этапе можно выделить четыре основные группы научных исследований, в которых рассматриваются вопросы развития политического маркетинга, в том числе и регионального. Это работы представителей политических, юридических, экономических и психологических наук. Кроме того, исследователи изучают проблемы регионального политического маркетинга на стыке ряда дисциплин, например политологии и психологии, политологии и юриспруденции.

Рассматривая региональный политический маркетинг в качестве объекта научного исследования, необходимо прежде всего определить, что такое маркетинговый анализ и синтез в политической сфере, а что – анализ и синтез маркетинга в политике.

Маркетинговый анализ и синтез в политической сфере – это анализ и синтез политических явлений и событий, политических процессов методами маркетинга в соответствии с рыночными принципами, предполагающими обмен товарами, конкуренцию политических сил, удовлетворение политических интересов и потребностей.

Маркетинговый анализ регионального политического маркетинга предполагает, во-первых, анализ состояния спроса и предложений на региональном политическом рынке, во-вторых, сегментирование регионального политического рынка, в-третьих, позиционирование регионального политического товара, в-четвертых, адресность регионального политического продукта. Все эти аспекты изучаются с помощью методов маркетинга.

Анализ и синтез маркетинга в политике – это более широкое понятие, предполагающее анализ и синтез политических явлений, событий и политических процессов методами различных общественных наук, в частности, политологии, философии, социологии,

психологии. При анализе и синтезе политического маркетинга в политической сфере очень важно учитывать как управляемые факторы, зависящие от маркетинговой деятельности ее субъектов, так и неуправляемые факторы, носящие объективный характер и не зависящие от тех, кто реализует технологии политического маркетинга. В качестве управляемых факторов могут рассматриваться вопросы стратегии и тактики, осуществление маркетинговых мероприятий, контроль за результатами маркетинговой деятельности. В качестве неуправляемых факторов могут выступать особенности природно-климатических условий регионов, географическое положение территорий.

Кроме того, при изучении проблем регионального политического маркетинга важно выяснить как позитивные, так и негативные его стороны.

В 70 – 80-е годы прошлого столетия в гуманитарных науках возникло и получило развитие новое научное направление – синергетика (общая теория самоорганизации). Это направление позволило по-новому взглянуть на основные проблемы общественного развития, в том числе и в политической сфере. Основные положения синергетики сегодня используются представителями различных общественных наук.

С точки зрения философов, синергетика позволяет выявить наиболее общие проблемы развития социальных систем, в частности, понять законы самоорганизации как объяснительный принцип волновых процессов в общественном развитии.

Социологи рассматривают синергетику как научную дисциплину, позволяющую обосновать основные положения управления социальными ритмами и определить проблемы протектики.

Для политологов синергетика является методологической основой, дающей возможность показать политические колебания и циклы, понять содержание противоречий и проблем в развитии политической жизни, в частности, регионального политического маркетинга.

Основы общей теории самоорганизации были заложены в трудах русско-американского ученого социолога и культуролога П. А. Сорокина [8, с. 297 – 424].

Именно он показал, что основными проявлениями социальной стратификации являются экономическая и политическая флуктуации.

Если использовать выводы П. А. Сорокина, общую теорию самоорганизации и применить их к анализу современной политической жизни, а более конкретно – применить к анализу развития регионального политического маркетинга, то можно прийти к следующим предположениям.

К основным принципам общей теории самоорганизации относятся открытость, неравновесность, нелинейность. Данные принципы могут проявляться при развитии различных политических институтов.

Так, например, Р. Ф. Матвеев исследует политические партии как саморегулирующуюся неравновесную систему [5, с. 18 – 21]. По его мнению, политическая партия – это многомерная система, так как соединяет в себе разнородные элементы: политическую идеологию, общественно-политическую активность, организационную структуру. Как считает автор, политическую партию можно рассматривать как само-

регулирующуюся систему на основании трех обстоятельств. Во-первых, существуют объективные законы развития партий, которые в то же время дают относительную свободу выбора вариантов и форм функционирования. Эти законы можно познавать и использовать на практике. Во-вторых, партия представляет собой открытую неравновесную систему, в которой, как и в других системах подобного типа, значительную роль играют случайности. В-третьих, эволюция отдельной партии и партийной системы в целом происходит по принципу «естественного отбора», в результате которого сохраняются наиболее эффективные организации.

Как отмечает далее Р. Ф. Матвеев, партия в принципе невозможна без политической активности, направленной на достижение определенной цели. Но понятие цели включает в себя множество задач разного содержания и уровня: экономических, социальных, политических, идеологических. Пытаясь как-то упорядочить представление о цели, партия разрабатывает свою программу, в основу которой кладется та или иная концепция. При этом программные установки должны вызывать у людей не просто пассивное согласие, но и активную самоорганизацию, которая, однако, стихийно не сложится. Чтобы получить систему, которая нужна конкретному государству, например России, этот процесс необходимо направлять, используя демократические методы. Выводы Р. Ф. Матвеева заслуживают внимания и позволяют полнее представить процессы развития политических партий как открытых неравновесных систем.

На наш взгляд, эти подходы имеют право на существование. Однако каждый из них позволяет проанализировать лишь отдельные стороны политического маркетинга. При этом исследователи в основном анализируют политический маркетинг на федеральном уровне и практически не затрагивают вопросы развития регионального политического маркетинга, тогда как на региональном уровне политический маркетинг имеет существенные отличия. Он призван решать специфические цели и задачи исходя из тех реальных условий, которые складываются в конкретном регионе.

Исследование регионального политического маркетинга как деятельности позволяет, во-первых, представить региональный политический маркетинг как систему, для которой характерно взаимодействие с внешней средой, случайные отклонения состояний системы (флуктуация), переход из одного состояния в другое (бифуркация), возникновение новых структур. Во-вторых, данный подход позволяет раскрыть содержание противоречий и проблем в развитии регионального политического маркетинга. В-третьих, дает возможность определить механизм функционирования регионального политического маркетинга.

Региональный политический маркетинг получил развитие в условиях перехода от авторитарного политического режима к демократическому, в условиях становления и развития элементов новой политической системы, в условиях постоянно изменяющейся социально-политической ситуации в регионах, в условиях возникновения случайных отклонений.

Рассматривая региональный политический маркетинг как систему деятельности, мы должны констатировать, что он функционирует в рамках регионально-

го социально-политического пространства и регионального политического рынка. При этом все они развиваются по своим законам.

Региональный политический рынок в регионах России может рассматриваться как самонастраивающаяся система, развивающаяся тоже по своим законам. Региональное социально-политическое пространство формируется на основе изменяющихся социально-экономической и социально-политической ситуаций в регионе. Возникающие при этом различные отклонения приводят к возникновению новых структур, в частности, таких, как политические консультативные советы при главах исполнительной власти, городские общественные палаты и другие.

Таким образом, можно утверждать, что *региональный политический маркетинг – это открытая неравновесная система, взаимодействующая с другими открытыми неравновесными системами, в частности, региональным социально-политическим пространством, региональным политическим рынком и получающая развитие с присущими для этих систем процессами и принципами: принципом открытости, неравновесности, нелинейности, необратимости, направлена на совершенствование региональной политической системы* [2, с. 46 – 47].

Концептуальное отличие подхода автора данной статьи от существующих в современной российской научной литературе состоит в том, что региональный политический маркетинг следует изучать с позиций системно-синергетического, обоснованного в работах И. Н. Гомерова [1, с. 54], и междисциплинарного подходов и рассматривать его как открытую неравновесную систему. Такая точка зрения позволяет преодолеть описательный метод изучения политических проблем, дать комплексный анализ регионального политического маркетинга как открытой неравновесной системы, определить его позитивные и негативные стороны, перспективы развития.

Системный подход дает возможность изучать региональный политический маркетинг как особого рода систему, имеющую определенный набор элементов, свою структуру (взаимосвязи между этими элементами), правила внутреннего функционирования элементов (их роли по отношению друг к другу) и внешнего функционирования (их роли в отношении окружающей среды, действительности).

Смысл синергетического подхода заключается в том, что он показывает, как из неупорядоченных структур возникают упорядоченные, как происходит движение от хаоса к порядку.

Деятельностный подход позволяет выяснить, какие ставятся цели, с помощью каких средств они могут быть достигнуты, каковы будут результаты деятельности.

Междисциплинарный подход предоставляет возможность дать всесторонний анализ регионального политического маркетинга, выделить его политические, экономические, правовые и психологические аспекты.

Открытая неравновесная система регионального политического маркетинга находится в состоянии становления и развития и направлена на удовлетворение политических нужд, потребностей и запросов граждан региона, а также на изменение не только их

политического поведения, но и политического менталитета, проявляющегося в мыслях и действиях граждан региона.

Важным моментом в изучении регионального политического маркетинга является выяснение его основных концепций, что позволяет представить его конечные цели и средства их достижения.

Основные концепции политического маркетинга базируются на классической концепции коммерческого маркетинга, современных концепциях социально-этического маркетинга и маркетинга взаимодействия.

В современной научной литературе исследователи выделяют четыре основные концепции политического маркетинга. К ним относятся: концепция совершенствования политического производства/продукта, концепция интенсификации политических усилий, концепция политического маркетинга, концепция социально ответственного политического маркетинга.

По мнению исследователя И. Л. Недяк, все четыре концепции политического маркетинга базируются на концепциях коммерческого маркетинга, но при этом имеют свою специфику.

Концепция совершенствования политического продукта/производства основывается на том, считает И. Л. Недяк, что производители политического продукта ориентируются на существующий продукт (программы, идеологию), технологии совершенствования этого продукта и конечной целью ставят получение голосов избирателей за счет совершенствования политического продукта/производства [6, с. 208].

Суть концепции интенсификации политических усилий состоит в том, по мнению И. Л. Недяк, что производители политического продукта/производства, опираясь на существующие программы и идеологии, стремятся использовать пропаганду и продвижение, увеличить «объем продаж», а взамен получить максимальное количество голосов избирателей. Основные технологии, используемые при этом, – это технологии убеждения и коммуникации. Недостатки данной концепции в том, что маркетинговые методы исследования политического рынка применяются для того, чтобы максимально продать свой продукт, а не создавать/адаптировать его под ожидания избирателей. Задача формирования долгосрочных и взаимовыгодных отношений с избирателями даже и не формулируется [6, с. 209].

Концепция политического маркетинга принципиально отличается от двух первых концепций, утверждает исследователь И. Л. Недяк, так как воплощает новую философию управления. На первое место для производителей политического продукта выходят нужды, потребности и запросы избирателей. В основе всей деятельности производителей политического продукта – комплексные усилия маркетинга и удовлетворение политических нужд, потребностей и интересов избирателей. Ориентация на избирателя – основа концепции политического маркетинга, формирование долгосрочных отношений сотрудничества производителей политического продукта и потребителей этого продукта. В этом вся суть концепции политического маркетинга.

Концепция социально ответственного политического маркетинга построена на том, отмечает И. Л. Недяк, что производители политического про-

дукта должны быть ответственны не только перед отдельными избирателями, но и перед всем обществом в целом. Их задача состоит в том, чтобы завоевывать доверие избирателей и всего общества в целом.

Если сравнивать представленные концепции политического маркетинга, то можно сделать вывод: концепции различаются по стратегическим и тактическим целям, преследуют совершенно разные конечные цели.

Современные исследователи выделяют национальные, региональные и местные модели политического маркетинга. При этом исследование основных моделей политического маркетинга на федеральном уровне дает возможность представить национальные особенности его развития, а изучение региональных и местных моделей политического маркетинга выявляет региональную и местную специфику. Так, исследователь Е. Г. Морозова выделяет североамериканскую и западноевропейскую модели политического маркетинга. В последние десятилетия получает развитие российская модель политического маркетинга, отличающаяся от североамериканской и западноевропейской моделей. Кроме того, в рамках национальных моделей получают развитие региональные и местные модели политического маркетинга, которым пока в научной литературе уделяется мало внимания.

Отдельные аспекты развития регионального политического маркетинга в Сибирском регионе рас-

сматриваются в работах философов, экономистов, историков. В качестве примера могут быть приведены исследования Л. Г. Олеха, Ю. А. Фридмана, В. И. Козодоя и других [7; 9; 3].

Некоторые особенности региональной модели политико-избирательного маркетинга рассмотрены в кандидатской диссертации М. С. Холодилина [10, с. 11]. По его мнению, в отдельных регионах России, в частности в Башкортостане, проявляется увлечение количественными показателями в ущерб качественным показателям в развитии политического маркетинга.

Элементы региональной модели политического маркетинга проанализированы в статье П. А. Колосова [4, с. 180 – 186]. По его мнению, использование региональными политиками технологий политического маркетинга позволяет им добиваться значительного преимущества перед своими политическими оппонентами на выборах.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что на сегодня в российской научной политологической литературе обозначилось несколько подходов и концепций к изучению общих теоретических проблем политического маркетинга. Но, к сожалению, подходы и концепции к исследованию регионального и муниципального политического маркетинга пока только формируются.

Литература

1. Гомеров И. Н. Структура и свойства власти. Новосибирск, 2000. С. 54.
2. Кисляков М. М. Региональный политический маркетинг в современной России: состояние и тенденции развития (на материале регионов Сибири): дис. ... д-ра полит. наук. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013. С. 46 – 47.
3. Козодой В. И. Общественно-политическая жизнь Сибири (вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 567 с.
4. Колосов П. А. Политический маркетинг: региональный аспект // Социально-политическое взаимодействие на территории: механизмы, трансформации, регулирование: материалы Республик. науч. конф. (Кемерово, 9 – 11 дек. 1998 г.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 180 – 186.
5. Матвеев Р. Ф. Политическая партия как неравновесная система. Формирование партий и партийных систем в современной России и послевоенной Германии: сходства и различия // Власть. 2003. № 12. С. 18 – 21.
6. Недяк И. Л. Политический маркетинг. Основы теории. М.: Весь мир, 2008.
7. Олех Л. Г. Методология стратегии стабилизации региона // Социальное взаимодействие и политические процессы на территории. Материалы республиканской научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Кемерово, 1997. С. 20 – 27.
8. Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 297 – 424.
9. Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Оськина Н. А. Конкурентоспособность и инновационное поле региона // Проблемы регионального и муниципального управления: сб. науч. тр. / под ред. А. С. Новосёлова; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2011. С. 23 – 34.
10. Холодильн М. С. Проблемы становления политико-избирательного маркетинга в России: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2007. С. 11.

Информация об авторе:

Кисляков Михаил Михайлович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 8-904-575-62-33, m.kislyakov@mail.ru.

Mikhail M. Kislyakov – Doctor Political Science, Associate Professor, Professor at the Department for the Humanities, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 24.04.2015 г.

ГУМАНИСТИЧЕСКИ-СМЫСЛОВОЙ ПОДХОД В МИКРОСОЦИОЛОГИИ

Л. Ю. Логунова

HUMANISTIC SENSE APPROACH IN MICROSOCIOLOGY

L. Yu. Logunova

В современной социологии, испытывающей парадигмальный кризис, оформляется гуманистически-смысловой подход. Он сохраняет гуманистические традиции феноменологической социологии и микроанализа, акцентирует внимание на человеке как главном эксперте собственной жизни и ее смыслов. Статья содержит основные особенности, принципы, методические характеристики молодого подхода. Данный подход основан на интерпретативной парадигме, но предполагает насыщенный методологический потенциал, совмещающий элементы макро- и микроанализа. Это решает многие современные методологические проблемы в гуманитарных науках. С помощью методов данного подхода можно изучать людей и общества как взаимодействующих с помощью смыслов субъектов, изучать процессы этих взаимодействий. Возможности анализа смыслов жизни человека в культурно-историческую эпоху проиллюстрированы на примере искусства модерна. Показаны векторы развития и значимость данного подхода в будущем.

In modern sociology, experiencing a paradigm crisis, humanistic sense approach is formed. It retains the humanistic tradition of phenomenological sociology and microanalysis, focuses on the person as a chief expert of their own life and its meaning. The paper contains the basic features, principles, methodical specifications of the young approach. This approach is based on the interpretive paradigm, but involves intense methodological potential, combining elements of macro- and micro-analysis. This solves many modern methodological problems in the humanities. This approach can be used for studying people and society as interacting with the help of the subjects senses, for studying processes of these interactions. The potential of analyzing the human life sense in the cultural and historical period is illustrated by the example of Art Nouveau. The vectors of development and the importance of this approach in the future are shown.

Ключевые слова: микроанализ, гуманистически-смысловой подход, феноменологическая социология.

Keywords: microanalysis, humanistic sense approach, phenomenological sociology.

Парадигмальный кризис социологии характеризуется поиском альтернативных исследовательских стратегий. Постулаты интерпретативной парадигмы стали своеобразным «ответом» на проблему методологической ограниченности монодисциплинарного подхода и традиционного «жесткого» анализа деятельности человека в сфере, не поддающейся в принципе исключительно количественному анализу (смыслы, ценности, социальный опыт, ментальные структуры). Если в классическом подходе личность с ее жизненными смыслами жестко зависела от объективной надындивидуальной реальности, то в неклассическом подходе значимой признается «человеческая» повседневность с ее индивидуальными внутренними интенциями.

Логика развития современной методологии дрейфует в сторону оформления тенденции интегративного понимания социальных процессов и явлений, когда основным методологическим приемом становится сочетание микро- и макроуровней анализа, преодолевающих конфликты объективистской и интерпретативной парадигм. При отсутствии явного доминирования признанных теоретических подходов появляется возможность интенсивного развития методологии, позволяющей исследовать жизнь людей, наполненную противоречиями: пространственной телесностью реальности и актуализацией тем «трансцендентального». Это становится онтологической основой для развития исследовательских стратегий качественной методологии.

Микроподход исследует сферу обыденного сознания, процессов повседневной жизни, неинституциали-

зированных практик, в которых бытие человека приобретает новые социальные и духовные перспективы. При этом микросоциологию интересуют инструментальные характеристики взаимодействий с точки зрения понимания смыслов, основанных на жизненном опыте человека в структуре повседневности. Принцип «понимания» является фундаментальным в современной неклассической социологии. Он определяет отношение к объекту как к носителю символики опыта. Интерпретация этой символики становится центральной зоной социологического анализа.

Понимание может быть применено в качестве специфического метода анализа социальной реальности, предложенного М. Вебером. Данный метод является совокупностью исследовательских приемов наук о духе, обоснованных В. Дильтеем: интроспекция (самонаблюдение), сопереживание (эмпатия, вчувствование), культурологический анализ. По мнению В. Дильтея, любое осмысление, «уразумение» – это уникальное «переживание», придающее смысл («значение») содержанию [1, с. 129 – 143].

В русской социологии задолго до открытия уникальных методов феноменологического анализа П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский обосновали «субъективный метод», который потряс основы позитивистского объективизма. Субъективный метод – это способ изучения социальной реальности, который предполагает субъективное понимание и истолкование мира, учитывает степень влияния субъективного на объективное. Основной приём субъективного метода – «позиционный обмен» требовал мысленное вхождение в жизнь и судьбу наблюдаемого объекта.

Это означает, что исследователь встает на место «страждущих или ожидающих», делает чужие мысли и чувства исходным материалом для своих теоретических выводов. В центре внимания работы с субъективным методом – мнения людей, при этом результаты объективных наблюдений должны остаться на втором плане.

Соединить субъективное и объективное, микро- и макрособытия жизни людей в их развитии и изменении во времени удалось Дж. Г. Миду, разработавшему особый теоретический взгляд на общество – символически-смысловой. Благодаря формированию интерпретативного подхода социальный анализ потерял объективную беспристрастность, основанную на усредненных процентах и цифрах; качественная социология ввела в обиход не просто специфическую оценку социального, но человеческую составляющую реальности. Наука «заговорила» живым языком обычного человека.

Во второй половине XX века сама субъективность подверглась смысловой трансформации. Термин «субъект» стал способом для обозначения на теоретическом уровне сложных и противоречивых элементов человеческого опыта, «в качестве альтернативного обозначения индивида, человека, лица (Person)» [3, с. 178] и принял значение человека как познающего, мыслящего и действующего индивида («актора»). Особенность изучения социальных процессов заключается в «наблюдении наблюдателя» (самоописаниях), объясняющего себе смысл этого мира (Н. Луман).

Сегодня феноменология отстаивает право микро-социологии на субъективность, подвергая сомнению «объективность» количественного анализа, предлагая рассматривать такую «объективность» как «интер-субъективность» (усредненную совокупность субъективных значений). Феномен общественного сознания приобрел значение интересубъективного сознания, в котором заложена способность людей вырабатывать в процессе взаимодействия представления о реальности на основе консенсуса и типизации. Такое сознание может включать в предмет исследования и ментальные характеристики общности, и социальные (национальные) привычки, и смысловое поле, объясняющее значения социальных объектов.

С обоснованием концепции повседневности (А. Шюц) социологический анализ наполняется новым гуманистическим смыслом. Его объектом становится человек, который сам конструирует свой жизненный мир (мир опыта, значений и смыслов), понимается как эксперт собственной реальности. Творцы других «жизненных миров» могут разделять «типические» значения и смыслы или наделять события конфликтующими, отличными смыслами.

Образы, смыслы, подтексты, спрессованные в одной истории человеческого бытия, становятся основной темой исследовательских проектов представителей гуманистически-смыслового подхода. Это молодое научное направление, ставящее акценты на смысловой составляющей феноменологического анализа и человеческой субъективности предметной области исследований. Оригинальность исследовательских стратегий, основанная на интегративных техниках социокультурного, герменевтического анализа в соче-

тании с методами «понимания» и техниками «качественного анализа», определяет интерес социологов к данному направлению в ситуации парадигмального кризиса. Уникальными представляются методологические конструкции, при которых элементы макро-анализа встраиваются в техники микроподхода. Вместе с тем работа в русле гуманистически-смыслового подхода требует от социолога методологической смелости (создание и обоснование оригинальных гибридных методологических комплексов), эрудиции и знания многих нюансов историко-культурной ситуации. Это объясняет редкость современных социологических исследований в этом направлении.

Теоретико-методологической основой гуманистически-смыслового подхода являются феноменология и экзистенциальный анализ, цель данного подхода – изучение смыслов существования различных жизненных форм, имеющих актуальную значимость для человека. Этот подход покоится на интеллектуальной традиции понимающей социологии: символический интеракционализм, визуальная социология, этнометодология. Такой подход дает возможность исследовать человеческие миры объективные и глубоко символические, пропитанные культурными кодами.

Человек рассматривается в смысле экзистенции. Имеется в виду: конкретность его биографической ситуации, наполненная уникальностью смыслов, символизмом; социокультурная контекстуальность, наполненная его переживаниями, чувствами. Вместе с тем сохраняются типические черты его социальности, исследование которых позволяет увидеть не только фрагмент мозаики человеческих миров, но и понять всю картину мира людей, живущих в конкретную историко-культурную эпоху.

Отметим, что в отличие от статичности количественных показателей, качественные методы гуманистически-смыслового подхода настроены на пластичность, мобильность конструкций жизненных миров. Если для демонстрации динамики процессов в количественных исследованиях нужно иметь несколько статичных показателей, то исследовательский взгляд гуманистически-смыслового подхода заключается в возможности видеть и фиксировать изменения мира человека в изменчивых человеческих мирах. Это следует из основной тематики интеракционалистских теорий. Она покоится на проблемах исследований *смысла-процесса-взаимодействия*.

Смысл. Это то, что составляет основу бытия наших миров, то единственное, чем мы в реальности обладаем. Даже, когда мы думаем, что обладаем движимым и финансовым капиталом, мы обладаем всего лишь смыслом этого капитала. Смысл – это то, что мы готовы защищать, даже когда все факты и исторические ситуации противоречат его содержанию. Часто мы поступаем нелогично и даже неадекватно, но всегда в согласии с нашим смыслом.

Смыслы бывают экзистенциальные (характеризующие жизненные цели), обычные (повседневные, смыслы-привычки), уникальные, рутинные (традиционные), конвенциональные (общие групповые смыслы). Последние в отличие от остальных в большей степени открыты для переоценки и дальнейшего согласования. Пожалуй, самые постоянные – это уникальные

смыслы, которые можно понять только на основе знания биографической ситуации человека и процессов, сформировавших эти смыслы.

По широте функционирования можно определить и общекультурные, и локально действующие смыслы. Например, если традиционные и конвенциональные смыслы характерны для представителей одной культуры (этноса, общности), то повседневные смыслы могут бытовать в городской культуре, которая основана на общности дискурса, следовательно, – на общности смысла. В сельскую культуру эти смыслы проникают благодаря механизмам упрощения и подражания (например, русский фольклор XIX века представляет собой карикатуру на культурные традиции горожан).

В любом случае смысл обладает характеристикой подвижности. Практически невозможно представить фиксированный смысл чего-либо.

Об особенностях характеристик смыслов пишет К. Пламмер. Он указывает на эмерджентность, многозначность, зависимость от интерпретаций и социальных действий людей. Это означает, что «смысл является не фиксированным кодом, а борьбой по поводу знаков». Функционирование смысла – это «социальный диалог знаков» (Е. Рёберг-Халтон, 1987).

Процесс. Классическая социология, опираясь на позиции процессуальности, часто критикует постнеклассические теории за фрагментарность, мимолежность исследовательской рефлексии. Однако исследуя жизненные миры, микросоциология видит социокультурные процессы во всей их изменчивости, в границах микрообъекта проявляются все краски большого мира, глаза очевидца эпохи видят события, которые врезаются фактами в его судьбу. Микроанализ напоминает действие микроскопа с его конструкциями приемов и методов. Под этим микроскопом рассматриваются масштабные исторические и политические ситуации. В малых каплях личностно окрашенного социального опыта можно увидеть и понять социальные смыслы эпохальных событий. Эти смыслы нестатичны, человек постоянно подвергает свой опыт переоценке, находясь в поиске высшего экзистенциального смысла (В. Франкл). Процессуальность микросоциология видит в механизме обновления и согласования смыслов.

Взаимодействие – один из элементов этого механизма. Сам смысл становится интерактивным процессом. Его можно обнаружить только в результате взаимодействий. В процессе самореализации, обретения и трансформации самости, человек обретает новые и трансформирует старые смыслы, постоянно предлагает их другим, согласует их с другими. «Смысл троичен (triadic). Он связан с жестом одного, реакцией другого, и их совместного действия по этому поводу» [4, с. 200]. В конечном счете, люди общаются с помощью обмена смыслами на приграничных территориях своих жизненных миров. «Социальные объекты обретают свои значения в соответствии с тем, как они используются в совместных действиях. Социальные группы постоянно включены в согласование смыслов» [4, с. 201].

В результате культура исследуется через призму жизненной ситуации человека, проявляется в нюансах, ее монолитность наполняется красками, распадается

на соцветия жизней, не теряя при этом смысловой целостности эпохи. Такой подход дает возможность увидеть историческую эпоху в другом смысловом ключе, более приближенном к пониманию простого человека, а не профессионального историка или культуролога.

Для примера, представим себе исследование эпохи модерна в ключе гуманистически-смыслового подхода. Исследуем смыслы эпохи, применяя метод визуальной социологии.

Модерн – направление в европейском искусстве и дизайне, которое определило смысл культурной эпохи, продлившейся около 20 лет – с последнего десятилетия XIX века до начала Первой мировой войны. В этот период сформировался эlegantный, многожанровый «новый» стиль, который возник почти одновременно во многих европейских странах и получил разные названия (*Прим. автора.* Модерн (от фр. *moderne* – современный). Во Франции этот стиль называли арнуво (фр. *art nouveau* – «новое искусство»), «стиль Гимара» (по имени архитектора Г. Гимара, автора уникального дизайна входов в парижский метрополитен), в Германии – югендстиль (нем. *Jugendstil* – «молодой стиль»), в Австрии – Сецессион (*Secessionsstil*, от лат. *secessio* – отделение, уход), в Англии – модерн стайл (англ. *modern style* – «современный стиль»), в Италии – стиль либерти («цветочный стиль»), в Испании – модернизм, в Нидерландах – *Nieuwe Kunst*, в Бельгии – стиль Орта (по имени архитектора В. Орта), в Швейцарии – еловый стиль (*style sapin*), в США – стиль тиффани (по имени Л. Тиффани). Использовались также названия «стиль 1900 года», «стиль линий», «стиль волн», «студии», «вермишель», «угорь», «удар бича». Но все эти названия определил общий смысл, который вошел историю как «прекрасная эпоха» (фр. *Belle Epoque*)).

Такого многообразия названий стиля не было ни у одной историко-культурной эпохи, что обращает на себя внимание исследователя в первую очередь. Если в каждой стране стиль старались назвать по-своему, то это говорит об особом эмоционально-смысловом напряжении, попавшем в резонанс у людей разных национальностей. Каковы возможные причины такого феномена тотального и почти единовременного распространения нового стиля как философии новой жизни, не получившего единого названия?

Время стыка эпох, как правило, определяется экзистенциальным напряжением, которое особо остро чувствуют представители высокой культуры. Романтическая эпоха закончилась победой буржуазных вкусов и образа жизни. Европа и Северная Америка подчиняется законам технического прогресса. Запущен конвейер, на поток поставлен выпуск автомобилей (Форд, Рено, Пижо), зарождается техническая легенда Харли Дэвидсон. Европейцы увидели первые кинофильмы, узнали, что такое телефон, самолет. В быту появляются первые пылесосы, стиральные машины. Доступной стала фотография («живопись для бедных»), которая и запечатлела факты бытования этих новшеств.

Культурная жизнь наполняется новой идеей – «творческий проект» (например, Дягилевские сезоны), возрождается идея Олимпиады, появляются первые спортивные тренажеры. Красота и возможности

тела демонстрируются не только на арене цирка, но входят новым смыслом в повседневную жизнь.

Как правило, любой взлет прогресса уравнивается в общественном сознании чем-то сакральным, дремучим. В эпоху модерна это проявилось в интересе к мистике, средневековым чудесам, обновились все легенды о вампирах, что стало своеобразным модным направлением в творческой мысли.

Эти настроения совпали с требованиями к научной мысли и определили новую идейную платформу духовной элиты, которая совершила революцию в гуманитарной теории, создав новое качество сознания, новое жизнепонимание. Зарождается неклассическая социология на основе философских идей Э. Гуссерля о феноменологии, интуитивизме А. Бергсона, ницшеанстве, экзистенциализме С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Н. Бердяева, психоанализе Ф. Фрейда, К. Юнга. В искусстве и дизайне теоретическую основу стиля («концепция эстетического синтеза») определил У. Моррис.

Смыслы повседневной жизни, сферы человеческих взаимоотношений пересекла демаркационная линия противоречий. С одной стороны, викторианская эпоха характеризовалась как апогей пуританства. С другой стороны, самые классические ее представители демонстрируют странное поведение. Например, Льюис Кэрролл занимается созданием пикантных фотографий девочек. Причем, делает это с разрешения их отцов. Знаменитая Алиса, «викторианский ангел», реально существовавшая девочка, — одна из его не то моделей, не то подружек. Это трудно назвать «расцветом педофилии», но такие факты, без сомнения, свидетельствуют о рождении новых повседневных практик. К этому можно добавить многочисленные факты гомосексуализма, инцеста, адюльтера в творческой и богемной среде. Нужно, оговориться, что художники, архитекторы, литераторы, дизайнеры, философы не являются распущенными типами, они лишь фиксируют лики реальности, пропитанной кризисом отношений между мужчиной и женщиной, проявившемся в необходимости обоснования причин и форм выхода из кризиса в философии, психологии, человекознании. Эта фиксация потрясает глубиной переживания разлома эпох, скрупулезностью исследования мира, точностью и одновременно метафоричностью, эмоциональностью, что определяет специфику смыслов носителей повседневного сознания современников «прекрасной эпохи».

Перелом во взаимоотношениях мужчины и женщины, трансформация интимности проявила себя в новом идеале красоты. Картины художников эпохи — документы, свидетельствующие о преображении женщины и мужчины, изменении модели традиционных взаимоотношений полов.

Из выбранных нами художественных и публицистических материалов сформировалась эмпирическая база: 1) одиннадцать художников, сформировавших стиль модерн в живописи: Э. Мане, В. ван Гог, Ж. де Фор, Ф. Дикси, Ч. Гибсон, Э. Мунк, Ф. Кнопф, А. Муха, П. Беренс, Г. Климт, О. Бердслей. Выбрано по 10 работ (портреты, графика) изображающих мужчин и женщин, взятых методом случайной выборки в художественных каталогах. Всего 110 портретов и

эскизов дизайна; 2) фотографии творческих личностей эпохи модерна — более 50; 3) фотографии бытовой техники эпохи модерна — 45; 4) мемуаристика и популярная критическая литература.

Исследовались образы мужчин и женщин, взаимодействия, выраженные в художественных традициях (поцелуи, традиционные действия на досуге, сюжеты взаимоотношений).

Модерн презентует экзотическую женственность, новый стиль женской красоты: героиня отрешенная, спокойная, таинственная, элегантная, «дышащая духами и туманами» (Ж. де Фор, Ф. Дикси, Ч. Гибсон, А. Муха). На портретах с преобладанием мягких колоритов, сине-зеленых оттенков или напоенных теплой охрой тонов, представлен образ дамы, которая, получает удовольствие от самой себя, от своих новых чувств, которые герой портретов разделить с ней не может. Он не способен их понять, он, возможно, не догадывается, что они у нее проснулись и уже царствуют над новым миром. Мужчина изображен, как правило, в образе, атакующем агрессивной мужественностью или психической неустойчивостью (Э. Мунк, В. ван Гог, Г. Климт). Колориты картин нервные, преобладают активные сексуальные цвета (красные, оранжевые тона) или эмоционально-подавленные серо-коричневые краски. Если женщина изображена на фоне цветущих садов или в аристократических интерьерах, то мужчина — на фоне воды экзотических цветов (например, красных оттенков), в интерьерах питейных заведений и психиатрических клиник.

На картинах, где композиция включает изображения мужчины и женщины, отображается традиционная модель отношений, где герой в доминирующей позиции, а героиня — в подчиненной (исключение составляют, пожалуй, графические работы Ч. Гибсона). Традиционные позы и жесты похожи на попытку вернуть женщину прошлых веков. Но факты поведения женщины эпохи модерна резко противостоят этим желаниям мужчин. Например, на картинах Ч. Гибсона женщины активны: они рисуют, наслаждаются солнцем на пляже, музицируют, танцуют. Мужчины — стоят, позируют, сидят, завистливо смотрят на дам. Это период формирования движения суфражисток, отстаивающих политические и гражданские права женщин в Англии и США. Судя по памфлетам американских журналистов, мужчины испугались этой «новой Евы», осыпая едкими шутками новый стиль женского поведения.

Дама модерна закурила (например, на картинах Ж. де Фор). В моду вошли кубинские сигары «Джувелетта» и специальные кафе-клубы для курящих женщин. Она еще носит корсет и пользуется специальными булавками для шляпы, но она уже надела шелковые чулки, активно осваивает новые хореографические формы (А. Дункан), занимается шпионажем (Мата Харри), атакует традиционно мужскую территорию моды (Коко Шанель). Она готова открыто демонстрировать страстность натуры. Не случайно, что в эту эпоху в моду входит танго, вытесняя с паркета вальсы [2, с. 47].

Итак, изменив традиционный стиль женского поведения, модерн обострил проблемы интимности

мужчин, связанные с консервативной моделью мужского типа поведения. Рядом с дамой оказался скупой, неудовлетворенный, усталый мужчина, не знающий, как себя вести с новой Евой. По-старому не получается, новые модели требуют радикального пересмотра традиций в отношениях между полами. Единственный способ показать женщине силу мужественности – война. Мы не претендуем на исчерпывающее определение причин социальной катастрофы начала XX века. Это лишь попытка смыслового анализа. Но предчувствие гибели старых смыслов и ценностей Европы уловили и запечатлели художники. Изобразительное искусство модерна пропитано тонким эротизмом, благородной чухоткой, мистическими образами, сплетенными в причудливые линии и растекающимися хрупкими формами.

Сегодня идет поиск сочетания смыслов гуманизма и постулатов научности. Очевидна связь между символическим интеракционализмом и постмодернистской мыслью. Для эпохи постмодерна характерно отрицание ценностей модерна, но без агрессии, присущей модернизму. Это, скорее, теоретическое примирение гуманистического прорыва модерна и жестких реалий современности.

Современность науки и культуры наполняется позициями эстетического и научного эклектизма. «Жизненная сфера», «культура повседневной жизни» входят в научный обиход наряду с такими устоявшимися научными категориями, как «социальная система» и «социальный факт». В научных социологических теориях вместо терминологии появляются метафоры. Оформляется категория человеческого как альтернатива категории социального.

Размышляя о перспективах развития интеракционистских теорий, как ведущих концепций гумани-

стически-смыслового подхода К. Платмер отмечает [4, с. 213]: сближение интеракционистского анализа и культурных исследований (например, ранние работы Г. Блумера о кино предвосхитили современные исследования в этой сфере), в контексте «постмодернистского поворота» особую значимость приобретают этнографические исследования, истории жизни, фильмов, тел, и культуры в более общем плане; формирование новых направлений в интеракционистской социологии, например, социология эмоций («Управляемое сердце» А. Хохайлд, 1983 г.), что позволяет констатировать теоретический прогресс, неразрывно связанный с эмпирической работой; тенденция к микро-макро соединению, исследование «мезоструктуры», с целью понимания того, «как социальные и институциональные силы соединяются с деятельностью людей».

Это векторы осмысления методологических позиций качественной социологии будущего, в которой герменевтические процедуры и методы занимают центральное место. Понимание как метод ставит проблему смыслового единства культуры. Смысл – это канва социокультурной ткани, каждый смысл принимает очертания узора и имеет право на существование. Проблема в том, кто есть эксперт, формирующий канву – некий «правильный смысл», который обрастает идеологической составляющей и принимает нормативный характер. Такой смысл субъект будет защищать вопреки фактам. Понимающая методика сохраняет право смысла на существование, исследует причины его возникновения, трактует «ошибки» как отклонения от «правильного» смысла, то есть как самодостаточные социально дифференцированные смыслы, характеризующие объективную реальность. В этом и есть гуманистическая природа социологии.

Литература

1. Дильтей В. Категории жизни / Структура исторического мира в науках о духе; пер. с нем. А. П. Огурцова // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 129 – 143.
2. Логунова Л. Ю. Парадигмальная опора социологического понимания и событийность в микросоциологии / Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ: коллективная монография / отв. ред. Л. Л. Шпак. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. С. 24 – 51.
3. Луман Н. Самоописание. М., 2009. С. 178.
4. Платмер К. Символический интеракционализм в двадцатом веке: расцвет эмпирической теории / Блэквелловский путеводитель по социальной теории / под ред. Б. С. Тернера; пер. с англ. А. Ю. Рыкуна. Томск, 2003. С. 200 – 213.

Информация об авторе:

Логунова Лариса Юрьевна – доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социологических наук КемГУ, 8-951-604-94-82, vinsky888@mail.ru.

Larisa Yu. Logunova – Doctor of Philosophy, Candidate of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.03.2015 г.

УДК 323.22 + 316.3

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

О. А. Макарова

PUBLIC AND POLITICAL POPULAR PARTICIPATION AT THE MUNICIPAL LEVEL

O. A. Makarova

В статье рассматриваются основные тенденции общественно-политического участия населения на местах. Анализируются некоторые проблемы местного самоуправления, связанные с отсутствием активного участия населения в решении вопросов местного значения и отсутствием действенного механизма взаимодействия власти и общества. В качестве источника развития местного самоуправления объявляется общественно-политическое участие населения.

The paper discusses the main trends of public and political popular participation at the local level. The author analyses some problems of local self-government related to the lack of active popular participation in solving issues of local importance and the absence of effective mechanisms of interaction between government and society. The author declares public and political popular participation to be a source of development of local self-government.

Ключевые слова: местное самоуправление, общественное участие, политическое участие, население, молодежь.

Keywords: local government, public participation, political participation, population, youth.

Среди наиболее важных и требующих незамедлительного решения проблем местного самоуправления является проблема отсутствия активного участия граждан в решении местных вопросов. Основой этого утверждения является то, что без свободного и массового участия граждан в процессе разработки и принятия управленческих решений на местном уровне нет возможностей прийти к согласию, к выработке единой стратегии развития территории, а, следовательно, и к выстраиванию диалога между местными институтами власти и обществом. Более того, при отсутствии этих условий невозможно становление полноценного гражданского общества.

Отношения между государством и обществом в России исторически были основаны на приоритете государственных интересов. В связи с этим, в настоящее время местное самоуправление часто воспринимается гражданами как часть учреждений, выполняющих либо государственные функции, либо институтом муниципального управления, но не «народным органом», который осознанно и самостоятельно создан жителями определенной территории «для себя», для решения своих проблем, для реализации местного самоуправления. Во многом данная ситуация продиктована историческими событиями. Долгое время в нашем государстве существовал тоталитарный политический режим, который ограничивал участие граждан в политической жизни страны и подавлял любую инициативу. Это породило определенную пассивность и отстраненность населения от политической действительности. Поэтому изменение курса политики российского правительства в 90-е гг. в сторону муниципалитетов оказалось неожиданным и во многом не понятным решением для населения, логика которого в сознании граждан не увязывалась с привычным процессом усиления государственных институтов. Тем самым, формирование самоуправления сопровождалось блокированием политической активности населения, чувства гражданской ответственности, которые лишь все больше и больше усиливали отчужденность населения от власти.

Сегодня участие – это не только политическая активность граждан, которая традиционно ассоциируется только с электоральным поведением, но это еще и

социальная активность и участие, источником которых является в первую очередь семья, а также институциональная общественная среда, способствующая формированию индивидуальных инициатив граждан. Поэтому от социальных действий граждан муниципальных образований зависит успешное развитие системы местного самоуправления, но только в том случае, если население внутренне готово к глубоким изменениям, готово к тем действиям, которые будут ограничивать власть, будут способствовать установлению адекватных норм и правил, учету естественных требований жителей муниципального образования.

Местное самоуправление как самый близкий к населению уровень публичной власти должно основываться на активном участии жителей муниципальных образований в решении вопросов местного значения. В связи с этим Федеральный закон от 06. 10. 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определяя понятие местного самоуправления, говорит о том, что это «самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения» [6], где формам гражданского участия в местном самоуправлении посвящена отдельная глава. Указанный закон регулирует применение форм гражданского участия достаточно подробно и содержит нормы, обеспечивающие участие населения в осуществлении местного самоуправления даже в случае отсутствия необходимых региональных и муниципальных правовых актов в данной сфере.

В соответствии с указанным законом предусматриваются следующие «формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления: местный референдум; муниципальные выборы; голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; сход граждан; правотворческая инициатива граждан; территориальное общественное само-

управление; публичные слушания; собрание граждан; конференция граждан (собрание делегатов); опрос граждан; обращения граждан в органы местного самоуправления; другие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в его осуществлении» [6].

Необходимо констатировать, что закон предусматривает две группы форм демократии, согласно которым возможно осуществление местного самоуправления – это формы непосредственного осуществления местного самоуправления населением и формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Не вдаваясь в подробности понятийного аппарата можно утверждать, что указанные формы схожи в своей сущности, но на самом деле это не совсем так. Формы непосредственного осуществления местного самоуправления населением предполагают решение вопросов местного значения гражданами самостоятельно, через такие виды деятельности как референдум, выборы. Реализация же форм участия населения в решении вопросов местного значения предусматривает такие правила, при соблюдении которых население не способно решать вопросы самостоятельно. Основная роль населения здесь ограничивается лишь представлением и отстаиванием своей точки зрения по существующему вопросу, а решение вопроса возлагается все-таки на органы власти и их представителей. Еще одним отличием, указанных выше форм, является обязательность первой группы и относительно меньшая обязательность второй. Также законом закрепляются и такие новые формы как опрос граждан и публичные слушания.

К сожалению, среди всего многообразия форм участия населения в решении вопросов местного значения наиболее популярными остаются выборы, которые для большинства населения остаются на протяжении длительного периода времени более простым, понятным и узнаваемым видом участия. Но и они, особенно в последние годы, являются формальностью, переходящей постепенно в неучастие, выступающие средством выражения не легитимности власти.

По данным избирательной комиссии Забайкальского края в выборах Президента России в 2012 г. приняли участие 53,3 % местного населения. «Как сообщили «ФедералПресс» в краевой избирательной комиссии, самая низкая явка зарегистрирована в Могойтуйском районе, которая составила 46,04 % избирателей. Наибольшая явка была зарегистрирована в Агинском районе – 81,03 % и в Тунгиро-Олекминском районе – почти 75 % избирателей... Низкая активность избирателей отмечена в Карымском, Шилкинском, Хилокском и других районах» [4]. Для сравнения – на выборах Президента РФ явка избирателей в Забайкальском крае в 2004 г. по региону составила около 55 %, в 2008 г. – 70,56 %.

Как отмечает Т. Н. Гордеева, «не велика доля местного населения, участвующих в выборах муниципальной власти. По данным избирательной комиссии Забайкальского края о результатах муниципальных выборов депутатов очередного созыва и глав поселений в 2010 г. в выборах участвуют в среднем 45 – 55 % местного населения» [3, с. 85]. Данный факт также подтверждается и результатами муниципальных выборов, прошедших в октябре 2012 г. По словам В. Бу-

янова – Председателя избирательной комиссии Забайкальского края, данная политическая кампания не вызвала особого интереса у избирателей. «Если говорить о самом ходе голосования, то, наверно, сразу следует сказать о том, что местные выборы большого интереса у наших избирателей не вызвали. К сожалению, и этот факт приходится констатировать, у нас была самая, на мой взгляд, низкая явка за время всех избирательных кампаний, которые проходили на территории края. Средняя явка по Забайкалью 14 октября составила всего 25,5 %. Традиционно неплохо проголосовали сельские районы: например, Газимуро-Заводский (явка 45,24 %), а лидер – Тунгиро-Олекминский (явка 74,54 %)» [1]. Явка на выборы в сентябре 2014 г. составила рекордно низкое значение 15,4 %.

Практически маловостребованными являются виды активности и формы участия, связанные с традиционными институтами – партиями, профсоюзами, общественными организациями. На этом фоне вполне закономерной выглядит утрата интереса большинства населения к общественно-политическим явлениям. Только за последние 10 лет количество россиян, постоянно интересующихся общественно-политической жизнью страны, сократилось с 26 до 18 %. А тех, кто потерял к ней какой-либо интерес, напротив, увеличилось с 21 до 33 %. Большинство же (49 %), как и раньше, политикой интересуется от случая к случаю, только когда в стране или за рубежом происходят какие-то экстраординарные события.

Результаты социологического исследования, проведенного автором в 2010 г., с целью выявления степени участия молодых служащих государственных структур в общественной деятельности, также показали, что «молодые специалисты законодательных, исполнительных и судебных органов власти Забайкальского края не участвуют в какой-либо общественной деятельности, данный вариант ответа отметили 61,3 % респондентов. При этом о желании участвовать в молодежном общественном объединении заявили 34,6 % респондентов, но половина из них (50,1 %) занимают пассивную позицию и хотели бы принять участие только в качестве слушателя (особой пассивностью отличаются судебные органы власти). Согласно данным в среде молодых специалистов региональных органов власти Забайкальского края такие формы участия как членство в партии также не являются распространенными. Лишь 12 % респондентов являются членами политических партий» [5, с. 20].

Как показывает практика, в российском обществе механизм взаимодействия власти и общества еще пока не совершенен. Поэтому и теоретики, и практики утверждают, что основной причиной абсентизма граждан, а особенно молодежи, является отсутствие практик закрепления и реализации гражданских прав и свобод, а также отсутствие организационных условий участия. В идеале взаимосвязь и взаимодействие между участниками общественно-политического процесса должны быть непосредственными, но такой механизм невозможен для практической реализации, в силу занятости местных органов власти и их представителей и отсутствия правовой базы. Поэтому в современных условиях взаимосвязь между местными институтами власти и населением осуществляется, как правило, через представителей, которые могут

иметь свою личную заинтересованность, не совпадающую с интересами населения.

Другим недостатком, влияющим на уровень общественно-политического участия населения на местах, является сопротивление самой власти. К сожалению, не всегда и не все муниципальные институты готовы к открытому диалогу с населением. Очевидно, связано это с теми требованиями, которые предъявляются к ним со стороны населения и с теми ресурсами, которые необходимо потратить на их реализацию. В связи с этим очевидным становится то, что общественно-политическое участие не только приносит затраты местным органам власти, но и способно повысить эффективность их деятельности. Так институты прямой демократии, с одной стороны, позволяют гражданам участвовать в определении задач и направлений деятельности местных органов власти, что способствует повышению активности населения. С другой стороны, с использованием институтов прямой демократии возрастает и контроль граждан за деятельностью органов местного самоуправления и их должностных лиц, что вынуждает их более ответственно относиться к выполнению своих должностных полномочий и данным обещаниям.

«В современной России процесс формирования локальных сообществ идет весьма противоречиво, что связано с отчуждением людей от современной общественно-политической жизни, различиями в ориентациях и ценностях, социальной разобщенностью и отсутствием доверия между отдельными социальными группами. К тому же отсутствует ясное понимание природы местных сообществ, их основных типов, динамических характеристик, очень ограничен набор инструментов, позволяющих вовлекать население муниципальных образований, городских и сельских поселений в процессы муниципального управления, в разработку и реализацию стратегий, политик, программ и проектов муниципального развития. Население замыкается частными проблемами и задачами и в свою деятельность не включает отношения к развитию муниципального образования в целом, ни, тем более, развития региона [2, с. 131].

К сожалению, на практике пока отсутствуют условия для повсеместного и частного использования на муниципальном уровне инструментов непосредственного народовластия. Во многих муниципальных образованиях единственной формой непосредственной демократии, реально используемой и ориентированной на всех дееспособных жителей соответствующих территорий, являются муниципальные выборы. Все иные инструменты непосредственной демократии, предусмотренные законодательством, являются факультативными. Данная поведенческая модель в первую очередь обусловлена отношением населения к органам местного самоуправления и их деятельности: местное самоуправление отождествляется населением с местной властью, деятельность местных органов власти не является легитимной, в большинстве случаев население муниципалитетов не информировано о тех формах, которые предусматривают их участие в местном самоуправлении, что говорит об отсутствии диалога между властью и обществом.

Решение вышеуказанных проблем, по мнению автора, предполагает:

1. Разъяснение органами местного самоуправления и их представителями, общественными организациями и активистами теоретических основ непосредственной демократии на местах и их практическое применение как жизненную необходимость.

2. Доступность местного самоуправления: создание таких условий, при которых каждый житель муниципальных образований будет иметь возможность действительно влиять на процесс принятия и реализации решений.

3. Увеличение публичности и открытости местных органов власти, достижение которой возможно при большей информационной открытости, периодической отчетности глав муниципальных образований и депутатов перед местным сообществом, организации тематических встреч по интересующим проблемам.

4. Учет мнений жителей муниципальных образований в разработке направлений политики и приоритетов ее развития.

5. Усиление общественного контроля.

6. Создание структурных подразделений при администрациях муниципальных образований, ответственных за связь с общественностью.

Но, при всех тех недостатках, которые сегодня сопровождают процесс развития местного самоуправления, необходимо отметить, что за последние два десятилетия в политической жизни и социально-экономических отношениях российского общества произошли значимые перемены, определяющие позитивный характер дальнейшего развития. В процессе становления института местного самоуправления сформировалась модель организации, в которой с учетом особенностей административно-территориальных единиц сформированы система органов местного самоуправления, система прохождения муниципальной службы, разграничены полномочия между региональными и местными уровнями власти, с большей долей ответственности реализуются вопросы местного значения, совершенствуется нормативная правовая база.

Местное самоуправление, как российское явление, имеет двойственную природу. С одной стороны, это первый уровень власти, с другой стороны – важнейший институт отечественного гражданского общества. Реальное местное самоуправление возможно только там, где население действительно включается в решение местных проблем, готово взять на себя ответственность за жизнь в своем городе, поселке, деревне. С другой стороны, именно местное самоуправление должно стать той школой общественно-политического участия, которая станет поддерживать общественные инициативы на своей территории и давать населению первые уроки участия в управлении муниципалитетом, воспитывать патриотизм и гражданскую ответственность.

В связи с этим организация и дальнейшая институционализация народных инициатив является одним из основных аспектов развития местного самоуправления и становления гражданского общества. Выстраивание диалога между властью и обществом является необходимым, т. к. процесс прямых, а особенно обратных связей не налажен, что представляет собой одну из самых сложных проблем, от решения которой зависит развитие общества и государства в целом.

Литература

1. Буянов: «Прошедшие выборы не вызвали интереса у избирателей» // Новости Читы и Забайкальского края – лента новостей. Сайт Zabmedia.ru. 15.10.2012. Режим доступа: <http://zabmedia.ru/?page=news&text=50738> (дата обращения: 25.02.2015).
2. Гоголева Е. Н. Активность местного сообщества как условие функционирования местного самоуправления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 126 – 135.
3. Гордеева Т. Н. Социальная идентификация жителей муниципальных образований Забайкальского края / Теория и практика общественного развития. Краснодар: ХОРС, 2012. С. 85 – 87.
4. Ермолаев Д. Явка на выборах в Забайкалье составила около 54 % // Экспертный канал «ФедералПресс». 04.03.2012. Режим доступа: http://old.fedpress.ru/federal/polit/part/id_277186.html (дата обращения: 23.02.2015).
5. Макарова О. А. Молодежь в системе регионального государственного управления на современном этапе развития российского общества (на материалах Забайкальского края): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2010. 22 с.
6. Федеральный закон от 06. 10. 2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons-doc_LAW_166232 (дата обращения: 27.02.2015).

Информация об авторе:

Макарова Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета, makarova108@mail.ru.

Olga A. Makarova – Candidate of Sociology, Assistant Professor at the Department of State and Municipal Administration and Politics, Trans-Baikal State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

УДК 342

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Ю. А. Матафонова

POLITICAL STABILITY AND POLITICAL SUSTAINABILITY IN THE FEDERATIVE SYSTEM

Yu. A. Matafonova

Статья посвящена рассмотрению и разграничению понятий политической стабильности и политической устойчивости в рамках федеративной системы, выявлению специфики федеративного политического процесса. На основе анализа общепринятых теоретических подходов к политической стабильности и политической устойчивости автор определяет сущность федеративной стабильности и федеративной устойчивости.

The author considers and differentiates the concepts of political stability and political sustainability in the federative system and identifies the specifics of the federative political process. On the basis of the analysis of the standard theoretical approaches to political stability and political sustainability the author defines the essence of federative stability and federative sustainability.

Ключевые слова: политическая стабильность, политическая устойчивость, федеративная система, федеративная устойчивость, федерализм.

Keywords: political stability, political sustainability, federative system, federative sustainability, federalism.

В настоящее время федеративные государства сталкиваются с комплексом проблем, дестабилизирующих их политико-территориальную организацию. Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть понятия «политическая стабильность» и «политическая устойчивость» в рамках федеративной политической системы.

Несмотря на довольно частое обращение к понятиям «политическая стабильность» и «политическая устойчивость», в исследовательской литературе не сложилось однозначного их толкования. Так, распространённой формулировкой является определение политической стабильности как системы взаимосвязей между субъектами политической деятельности, для которой характерны целостность и функциональность [5, с. 281]. Д. Трумэн в работе «Управленческий

процесс» определяет стабильность в рамках политического процесса как устойчивый тип группового взаимодействия.

Взаимосвязь устойчивости политической системы с политическим процессом, политическим развитием и политической стабильностью очевидна. Разграничим указанные политические категории.

Политический процесс мы рассматриваем с точки зрения комплексного подхода как сложную совокупность последовательных действий различных субъектов политики, направленных на завоевание, удержание, укрепление и использование политической власти. В данной трактовке политический процесс включает следующие этапы: 1) представление и доведение политических интересов социальных групп и слоев до

институтов, принимающих управленческие решения; 2) принятие управленческих решений и формулирование политической воли; 3) выбор и корректировка принятого плана действий, регулирование информационного режима осуществления власти; 4) осуществление политической воли, выражающееся в форме управленческих решений.

С точки зрения теории политических систем политический процесс можно определить как динамическую характеристику политической системы, обеспечивающую её воспроизводство. Политический процесс имеет пространственно-временные характеристики. В условиях перманентного реформирования стабильность политической системы (политическая стабильность) является залогом эффективности запланированных изменений во всех других сферах жизнедеятельности общества. Поэтому актуальным представляется как совершенствование теоретико-методологической базы, используемой для оценки реального состояния стабильности политической системы, так и анализ практических проблем, связанных с функционированием политической системы (в нашем случае, федеративной).

В рамках федеративной системы политический процесс может быть рассмотрен как последовательность действий, решений и мероприятий органов власти, направленных на сохранение федерации, обеспечение её стабильности и развития. Такой политический процесс может быть охарактеризован как федеративный или процесс федерализации. Данный подход к сущности федеративного политического процесса мы определяем, как историко-логический, отражающий связь федеративных систем прошлого с современными, выявляющий некую преемственность и прогнозирующий перспективы развития. Так, сегодня можно говорить об этапах федерализации постсоветской России, то есть о шагах, приближающих бывшее унитарное государство к новому способу организации власти и территории.

Для федеративного политического процесса также характерны три режима существования: 1) режим функционирования – характеризуется стабильностью, повторяющимися, устойчивыми федеративными отношениями; 2) режим упадка – характеризуется нарастанием кризисных явлений в федеративной системе, может закончиться распадом федеративного государства; 3) режим развития – происходит становление базовых институтов федеративной системы, динамика, адаптация, поиск оптимальных решений. Развитие федеративного государства представляет собой такие изменения в политико-территориальной организации, которые характеризуются обновлением федеративной системы, существенной трансформацией ее внутренней структуры и функций.

Даже стабильные федеративные системы подвергаются процессу реформирования, в частности, в силу того, что условия формирования федерации не совпадают с условиями ее поддержания и функционирования [2, с. 9]. Политические процессы, протекающие в политико-территориальном пространстве федеративного государства разнообразны и могут быть рассмотрены с точки зрения разных критериев: пространственного (общефедеральные и региональные), по характеру и направленности проводимых преобразований (процессы, направленные на укрепление фе-

деративной системы и процессы её разрушающие), по степени распределения полномочий (центробежные и центростремительные) и пр.

Мы предлагаем рассмотреть федеративный политический процесс на двух условных уровнях: макроуровень – включает внешнеполитические, социокультурные, этнические, территориальные, социально-экономические, институциональные процессы; микроуровень – непосредственно связан с федеративными отношениями, как совокупностью взаимоотношений между федерацией и ее субъектами, включающими первичный уровень – разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией как единым государством и субъектами, и вторичный уровень – установленные взаимосвязи между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов.

В соответствии с теорией политических систем и теорией принятия управленческих решений, стабильность понимается, как способность системы гармонизировать все то, что у неё на «выходе» со всем тем, что у нее было на «входе»; как способность любой системы не совершать дезэволюционного перехода при условии внешних возмущающих воздействий; как критерий эффективности.

Рассматривая содержание и структуру политической стабильности, исследователи исходят из системного подхода и отмечают её сложность и необходимость комплексной оценки взаимодействия (и возможных последствий) совокупности разнообразных, но взаимосвязанных и взаимовлияющих элементов [1]. Соответственно, анализируя стабильность федеративной политической системы, следует сопоставить функционирование системы с её реальными возможностями, в качестве которых можно назвать контролируемую, дистрибутивную (распределительную), адаптационную, реагирующую, коммуникационную и др.

Обладающая значительными возможностями федеративная система способна сохранить стабильность и стимулировать необходимые перемены. Баланс между стабильностью и переменами выступает важнейшим показателем эффективности любой политической системы.

Категорию «стабильность», или «политическая стабильность» правомерно применять для характеристики федеративной системы, как достаточно сложной, способной сохранять свою идентификацию и функционировать в условиях возмущающих воздействий.

С. Хантингтон отмечает: «Стабильность любого общества зависит от соотношения между уровнем политической активности населения и уровнем политической институционализации... С возрастанием политической активности должны возрасти также сложность, автономия, адаптивность и согласованность политических институтов общества – если мы хотим, чтобы политическая стабильность сохранялась» [7, с. 95].

Стабильность федеративного государства связана с внутренним содержанием и логикой развития федеративной системы, с ее структурой и порядком взаимодействия ее составных частей (федерацией и субъектами), с параметрами и направлением их совместного движения и контролируемых изменений.

Таким образом, любое объяснение политической стабильности исходит из её взаимосвязи с динамикой

политической системы. Определим стабильность федеративной системы как способность федеративного государства сохранять динамическое равновесие в рамках созданных институтов в долгосрочном периоде. Если федеративная система в процессе своего функционирования нарушает рамки идентичности, т. е. вступает в противоречие с собственной природой – основами федеративной государственности, то она теряет стабильность.

В. Н. Иванов указывает, что в общетеоретическом плане близкими к понятию «стабильность» выступают такие категории, как «неизменность» и «устойчивость», которые отражают некоторые специфические процессы, происходящие в различных сферах общественной жизнедеятельности. Он характеризует стабильность, устойчивость и неизменность как категории, непосредственно относящиеся к политическому процессу, но вкладывает в них разное содержание:

- «стабильность» как понятие может характеризовать лишь те процессы и явления, которым присущи изменения, причинно-следственные закономерности как линейного, так и вероятностного свойства;
- неизменность подразумевает процесс, в котором в пределах определенных временных и пространственных интервалов состояние рассматриваемых объектов остается в основном одним и тем же;
- устойчивость определяет процессы с точки зрения их способности удерживать изменения (колебания) в заданных (заранее известных) границах, в определенных параметрах, а также свидетельствует о способности системы восстанавливать нарушенное равновесие [1].

Стабильность и устойчивость политической системы (в том числе федеративной) не могут быть рассмотрены как идентичные понятия.

Понятия «стабильность» и «неизменность» федеративной системы позволяют определить направленность политического процесса, выступают как его качественные характеристики. Понятие устойчивости не содержит указания на то или иное качество процесса или состояния. Устойчивым может быть и разрушительный процесс, и созидательный. Устойчивость не означает обязательно неизменность, хотя и может включать ее как частный случай.

Устойчивость федеративного государства балансирует на грани централизации и децентрализации, включает как центробежные, так и центростремительные процессы.

В. Н. Иванов определяет устойчивость политической системы как «способность системы восстанавливать нарушенное равновесие» [1]. И. В. Соболева конкретизирует понятие устойчивости, понимая под ней реакцию на внешние вызовы, выводящие систему из состояния равновесия. Предлагает воспринимать стабильность как качество политической системы, заключающееся в том, что в рамках созданных институтов система способна эволюционировать без сбоев. А устойчивость как дискретную характеристику стабильности [6].

Различая понятия «политическая стабильность» и «политическая устойчивость», исследователи всё же в обобщенном, сближающем данные категории варианте рассматривают факторы, воздействующие на них. Среди таких факторов институциональные, функцио-

нальные, нормативные, идеологические, организационные, коммуникативные и др. основы конкретной политической системы или политического процесса. Поддержание стабильности и устойчивости политической системы всегда связано с сохранением её целостности, идентичности, воспроизводством существующих властеотношений. Г. В. Пушкарева к числу политических практик (факторов), поддерживающих политическую систему относит политическую социализацию, политическую институционализацию и политическую легитимацию [4, с. 36].

А. О. Ярославцева, суммируя разные подходы к определению стабильности политической системы, приходит к выводу, что для сохранения политической стабильности существует ряд общих условий, к которым относит: тип взаимоотношений элиты и неэлитных слоев населения, отсутствие угрозы нелегитимного насилия, адаптационные возможности системы, легитимность системы и ее фундаментальных ценностей, порядок и преемственность, эффективное экономическое и институциональное развитие [8].

К факторам, подрывающим стабильность политической системы, и указывающим на нестабильность политического процесса относят: отсутствие механизма рекрутирования политических кадров; воспроизводство политической элитой прежней неэффективной недемократической модели управления; «закрытость» органов государственной власти (невозможность влияния общественных и политических сил на принятие политических решений); отсутствие или недостаточный уровень развития структур гражданского общества и др.

На основе синтеза теорий принятия решений, политических систем и теории тоталитаризма И. В. Соболева сформулировала следующие правила определяющие стабильность и устойчивость системы: 1. Залог устойчивости – эволюционирующий уровень институционализации политической системы, ее своевременные ответы на вызовы общества. 2. Чем более общество плюралистично, тем менее оно способно адекватно реагировать на внешний вызов, но тем более оно адаптируется к динамическому развитию. 3. Чем более политическая система монистична, тем меньше стимулов у акторов, претендующих на принятие решений, поддерживать ее целостность. 4. Развитые горизонтальные связи системы придают ей и стабильность, и устойчивость. 5. При высокой политической активности политическая система более стабильна, но менее устойчива. 6. Система более устойчива к кризисам в том случае, если число лиц, принимающих решения, стремится к единице, но в континуальности она стабильна лишь в случае, если число этих лиц приближается к бесконечности (т. е. ЛПР имеют институционализированную возможность экономической и политической активности) [6].

Таким образом, определение стабильности и устойчивости в контексте федеративной системы обусловлено общими методологическими подходами политической науки.

Исходя из теоретических воззрений Т. Парсонса, система является стабильной или находится в относительном равновесии, если отношения между ее структурой и протекающими внутренними и внешними процессами таково, что её структура (свойства и от-

ношения между элементами), остаются неизменными. Соответственно, федеративная система стабильна, если она сохраняет основы федеративной государственности и базовые институты федерализма [3].

Устойчивость политической системы характеризуется через возможность действующих акторов удерживать изменения в заданных границах, в определенных параметрах. Понимается, как способность системы восстанавливать нарушенное равновесие. Устойчивость федеративной системы обусловлена её политико-территориальной организацией и отношениями «федерация – субъекты федерации».

В федеративном государстве понятие стабильности и устойчивости могут приобретать диаметрально противоположное значение. Мы считаем, что следует разграничивать сущность стабильности и устойчивости в отношении политической системы и в отношении политического процесса. Необходимо различать стабильный и устойчивый политический процесс в политико-территориальном пространстве федерации. Стабильное развитие федеративной системы отражает качественные характеристики протекающих в ней политических процессов. Стабильное развитие федерации всегда направлено на её сохранение. Устойчивым может быть и процесс трансформации федерации и в унитарное государство (сверхцентрализация), и в конфедеративное образование (крайняя децентрализация, дезинтеграция, распад).

Если в отношении политических процессов, протекающих в федеративной системе, устойчивость и

стабильность выступают, как разные характеристики, то в отношении федеративной системы в целом они имеют множество точек соприкосновения.

Сближающими понятия «политическая стабильность» и «политическая устойчивость» в контексте федеративной системы является их направленность на сохранение основ федерализма – территориальной целостности, баланса централизации и децентрализации, субсидиарности и др.

Устойчивость – состояние системы, в котором она сохраняет эволюционное развитие, несмотря на усложнение институциональной структуры, способность бороться с внешними и внутренними деструктивными факторами. Соответственно, устойчивость федеративной системы создает потенциал для её стабильного развития, стабильность Федерации – это следствие её устойчивости.

Таким образом, мы определяем федеративную устойчивость как качество федеративной системы, являющееся залогом её стабильности. Федеративная устойчивость – это политическая категория, характеризующая принципы взаимоотношений между федеративным центром и субъектом Федерации; политико-территориальная устойчивость федеративного государства в целом и устойчивость отдельного субъекта в рамках федерации. Сущностные характеристики федеративной устойчивости обусловлены специфическими основами федерализма и его конкретной политико-территориальной формы – Федерации (федеративной государственности, федеративной системы).

Литература

1. Иванов В. Н. Политическая социология. М.: Мысль, 2000. 367 с.
2. Колмогорова Д. М. Федеративный процесс и укрупнение российских регионов: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2002. 30 с.
3. Матафонова Ю. А. Управление федеративным государством: базовые институты федеративной системы // Власть. 2014. № 11. С. 133 – 136.
4. Пушкарева Г. В. Политическая система: синергетический подход // Вестник Московского университета. (Серия 12: Политические науки). 2001. № 6. С. 32 – 49.
5. Санжаревский И. И. Политическая наука: словарь-справочник. 6-е изд., испр. и доп. Тамбов. 2014.
6. Соболева И. В. Анализ факторов стабильности и устойчивости политической системы на примере Индии // Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: сб. студенч. работ / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.
7. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
8. Ярославцева А. О. Политическая стабильность: современные параметры и коннотации // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М.: РУДН, 2012. С. 11 – 44.

Информация об авторе:

Матафонова Юлия Анатольевна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета, mega-yulya@mail.ru.

Yulia A. Matafonova – Candidate of Political Science, Assistant Professor at the Department of State and Municipal Administration and Politics, Trans-Baikal State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

О. В. Омеличкин

CIVIC CULTURE OF RUSSIA: THE PROBLEMS OF FORMATION

O. V. Omelichkin

В статье рассматриваются проблемы формирования гражданской культуры в России в переходный период. Отмечается дифференцированный и смешанный характер данной культуры. Подчеркивается необходимость достижения гражданского согласия и единства в обществе. Выявлены основные черты и особенности российской культуры, начальный уровень ее современного состояния, основные пути демократической трансформации.

The paper studies some aspects of civic culture formation in Russia in the context of the transition period. It argues a differentiated and hybrid nature of this type of culture and emphasizes the importance of civic consensus and solidarity. The author highlights the essential features and peculiarities of the Russian culture, its current (initial) phase of development and the main directions of its democratic transformation.

Ключевые слова: политическая культура, гражданская культура, демократия, гражданское общество, переходный период.

Keywords: political culture, civic culture, democracy, civic society, transition period.

Впервые автор обратился к проблематике гражданской культуры в 1993 г. Это было связано с необходимостью выявить культурное измерение происходящих в стране глубоких перемен, по-новому осмыслить закономерности духовного самоопределения народа и его политический выбор. Теоретическим итогом исследований было издание одной из первых в отечественной науке монографий, посвященных гражданской культуре [7]. С тех пор прошло около 20 лет, и в новых исторических условиях вновь возникла проблема культурной идентификации российского общества, оценки уровня и потенциала его гражданского и политического развития.

Актуальность данной проблемы обусловлена сложностью процесса становления гражданского общества и правового государства в современной России. Речь идет о раскрепощении и социализации общества, придании новых импульсов политической самодеятельности народа, демократизации всей системы политических институтов и отношений. Вступая в равноправные отношения с государством, и являясь самостоятельным субъектом политики, гражданское общество в лице индивидов и групп, общественных движений и объединений, политических партий и неправительственных организаций участвует в государственных процессах и самоуправлении. Одним из основных механизмов, обеспечивающих его воспроизводство и развитие, выступает гражданская культура. Она является духовно-практической формой организации общественной жизни и некоей матрицей политического развития. В переходный период культура играет важную роль в утверждении политического порядка и согласия, соблюдении обязанностей и прав человека и гражданина.

Именно гражданская культура наполняет политическим содержанием все сферы общества, обеспечивая их продуктивное взаимодействие и общую демократическую направленность. Это важнейшая качественная характеристика общества. Она объединяет интересы государства, общества и гражданина, выступая в виде устойчивой совокупности социально-политических взглядов, ценностей и норм, гражданских стандартов политического участия и отношений.

Гражданская культура обеспечивает функционирование всего общества и его взаимодействие с государством. Она предполагает единство народа и соответствует политическим интересам его большинства, выражая поддерживаемые гражданами общественные идеалы и сложившуюся политическую практику.

Сегодня проблемы гражданской культуры тесно связаны с процессом становления новой государственности в России. Представляется необходимым изучение данного феномена в общем контексте происходящих в стране политических и социально-экономических перемен. Формирование гражданской культуры населения охватывает все формы его отношения к государственным и общественным делам. При этом следует иметь в виду, что гражданственность и патриотизм играли ведущую роль в развитии государства на протяжении всей российской истории. Они всегда лежали в основе политики укрепления государственного строя и обеспечения национальных интересов России. Актуальны они и сейчас.

Специалисты по гражданской культуре (Г. Алмонд, С. Верба, Р. Даль, Р. Инглхарт, Р. Патнэм, С. Хантингтон и др.) указывают, что становление данной культуры происходит обычно в переходный период и связано с политической модернизацией в стране. При этом речь идет о практическом строительстве демократического государства, в котором культура играет важную роль. Состояние гражданской культуры обуславливает возможности и способы формирования демократической модели общественного развития и ее устойчивость. В этой связи определяющими чертами гражданской культуры, по мысли создателей ее классической версии Г. Алмонда и С. Вербы, являются умеренность, компетентность, социальное доверие, баланс различных политических позиций и психологических ориентаций, а также набор различных типов политических культур в рамках общей смешанной культуры. Подобная дифференциация общественной жизни и выработка механизма достижения гражданского согласия особенно характерна для переходного общества, находящегося в состоянии глубокой политического трансформации. Достижаемое политическое равновесие, благодаря гражданской культуре, должно приобрести прочность и стабильность.

Сама концепция гражданской культуры, на наш взгляд, обладает теоретической сложностью и может иметь различные интерпретации. В целях настоящего исследования мы ограничимся самой распространенной версией, акцентирующей внимание на ее дифференцированном и смешанном характере. Г. Алмонд и С. Верба отмечали, что гражданская культура, наряду с традиционной и полностью современной является «третьей культурой», вобравшей в себя их обе. Это «плюралистическая культура, основанная на коммуникации и убеждении, культура консенсуса и разнообразия, культура, которая допускала изменения, но умеряла их». С такой консолидированной культурой граждане «могли войти в политическую жизнь, а затем в процессе проб и ошибок находить язык, позволявший им излагать свои требования, и находить средства, позволявшие достичь их реализации. Именно в этой культуре разнообразия и консенсуальности, рационализма и традиционализма могла развиваться» сама демократия и ее структуры [1, с. 20].

Ученые делают вывод: «Гражданская культура представляет собой смешанную политическую культуру. В ней многие индивиды проявляют активность в политической жизни, но существует и много таких, кто берет для себя более пассивную роль подданного. Еще важнее, что даже среди тех, кто играет активную политическую роль гражданина, роли подданного и парохияла не полностью вытеснены. Роль участника просто добавилась к ролям подданного и парохияла. Это означает, что активный гражданин сохраняет и поддерживает свои традиционные неполитические связи, равно как и свою более пассивную политическую роль в качестве подданного». Местническая и подданническая ориентации играют важную роль в гражданской культуре, поскольку, во-первых, ограничивают интенсивность политической вовлеченности и активности индивида; во-вторых, «пронизывают участнические ориентации и модифицируют их». В результате в наиболее успешных демократиях обнаруживается «не просто смешанная, а замысловато переплетенная гражданская культура. Такая гражданская культура, которая порой содержит в себе явно противоречивые политические установки, кажется особенно подходящей для демократических политических систем, потому что они тоже представляют собой смесь многочисленных противоречий» [1, с. 447 – 449]. От себя добавим, что подобная культура адекватна переходным периодам в развитии современного общества. Она позволяет снимать неизбежную в таких случаях социальную и политическую напряженность и конфликты. Однако для ее формирования требуется довольно много времени, а этот ресурс в нашей стране очень ограничен.

Нормативная модель гражданская культура включает, по общему мнению, следующие черты: чувство общности, прочные социальные связи между людьми; патриотизм и приоритет государственных интересов; политическую лояльность и соблюдение законов; доверие к институтам власти и готовность выполнять их решения; защиту прав, свобод и достоинства личности; политический активизм и участие; политическую ответственность, выполнение гражданского долга и обязанностей; разнообразие политических позиций и состоятельность; толерантность и стремление к гражданскому согласию; ориентацию на сотрудничество всех общественных сил; приверженность моральным нормам и национальным традициям; отказ от радикализма, политическую

умеренность; политическую информированность граждан и общественный диалог и т.д. Вопрос о демократической направленности гражданской культуры, на наш взгляд, нуждается в специальном рассмотрении. Какова же степень укорененности данных качеств в российской культуре? Подробный анализ показателей ее гражданственности не входит в нашу задачу. Однако даже обращение к выборочным источникам демонстрирует проблемный характер многих составляющих в гражданской культуре нашей страны.

При этом надо учитывать действие ряда неблагоприятных факторов, затрудняющих формирование и развитие гражданской культуры в нашей стране в переходный период. В первую очередь, следует отметить сложность и новизну стоящих перед обществом задач. Строительство демократического государства происходит в условиях недостаточно сформировавшегося правового поля и при значительном влиянии авторитарных традиций. Кроме того, отметим фрагментированность самого гражданского общества, отсутствие в нем единства, существование острых противоречий и конфликтов по различным идеологическим и социальным линиям. Эти расколы периодически углубляются в условиях экономических трудностей и кризисов. Наконец, надо учитывать ограниченность исторических сроков проходящих в России реформ. Прошло около 25 лет, как страна полностью изменила свой социальный, политический и духовный облик, но при этом существенную роль продолжают играть многие культурные стереотипы и ценности, отражающие инерцию общественного сознания и устойчивость гражданских привычек. Неоднородность, противоречия между различными элементами культуры, а также между их носителями, представляющими различные социальные группы, отражаются на состоянии российской гражданской культуры.

Подчеркнем сложность политической организации современного гражданского общества в России как социальной основы гражданской культуры. Оно реконструируется в новых исторических условиях и включает в себя различные социальные группы с несовпадающими интересами и политическими предпочтениями. Многокомпонентность и идеологическая разнородность общества в любой момент может стать источником противоречий политического, социально-экономического, национального, религиозного и т.п. характера. Внутренние расколы, неблагоприятные природные условия, постоянное преодоление экономической отсталости и политической зависимости в истории страны породили мобилизационный тип общественного сознания и культуры, ориентированный на командные методы политического управления, диктат силы, государственное принуждение, отвергающие диалог и компромиссы, саму ценность человеческой жизни. И сейчас радикальное отрицание сложившегося уклада жизни и попытка ускоренного внедрения демократических моделей в последние десятилетия привели к взаимному отчуждению людей и утрате привычных ценностей и норм, способствуя аномии общества. Поэтому гражданская культура с ее умеренностью, смешанным характером и ориентацией на согласие и сотрудничество граждан особенно необходима для современной России.

В целом стартовые условия для демократии в России в 90-е годы были не очень благоприятными. Отказ от соблюдения законов, коррозия государственного аппарата, стремление устранить политических конкурентов, коррупция и безответственность, манипулирование общественным мнением, а вследствие этого растущее недоверие к институтам власти и социальному окружению, рост социального эгоизма и индивидуализма и т. п. привели к политическому и моральному кризису общества, затормозили ход общественного развития. Поэтому в настоящее время в культуре доминируют подданный и местнический тип сознания и поведения, ощущается заметный дефицит политической самостоятельности, активности и инициативы. Восстановить и реализовать модернизаторский потенциал общества призвана гражданская культура, которая отражает и корректирует взаимодействие и единство государственной власти и народа.

Здесь очень важную роль играет общее отношение россиян к своей стране. Опрос, проведенный Левада-Центром в октябре 2014 г. показал, что 69 % респондентов гордятся нынешней Россией. Это самый высокий показатель за последние годы. При этом те же 69 % чувствуют себя вполне свободными людьми. Т. е., они не испытывают какое-либо давление или принуждение со стороны общества или государства. Все это свидетельствует о росте гражданского самосознания. Но на вопрос, оказывают ли они сами какое-либо влияние на политическую и экономическую жизнь России, только 22 % граждан ответили – «да», 67 % – «нет» и 11 % затруднились с ответом [2]. Опрос показал высокую степень патриотизма и приверженности своей стране и, одновременно, низкий уровень самостоятельности и политической активности населения.

На вопрос: «Что сейчас важнее для России: порядок в государстве или соблюдение прав человека?» подавляющее большинство респондентов выбирает порядок (62 % против 29 %) [4]. Объяснение этому можно было бы найти в сложном внешнеполитическом положении России и внутреннем экономическом кризисе. Но, на наш взгляд, данные свидетельствуют об устойчивой политической ориентации граждан, ведь за последние два десятилетия за порядок всегда выступало более половины опрошенных.

Важным индикатором гражданского сознания является отношение людей к институтам власти. Опрос в сентябре 2014 г. показал следующий уровень полного доверия: президент – 79 %; церковь, религиозные организации – 54 %, армия – 53 %, правительство – 46 %, органы безопасности – 46 %, Совет Федерации – 39 %, Госдума – 37 %, печать, радио, телевидение – 36 %, областные (краевые, республиканские) органы власти – 35 %, прокуратура – 32 %, профсоюзы – 28 %, местные (городские, районные) органы власти – 27 %, суд – 26 %, полиция – 21 %, политические партии – 18 % [3]. Отметим, что это наивысший уровень политического доверия в новом веке. В значительной степени он продиктован сложным международным положением страны и внешними угрозами, включая экономические и иные санкции. В такие периоды общество обычно консолидируется и поддерживает власть. Но при этом обращает на себя внимание по-прежнему невысокий уровень доверия к местным органам власти и общественным объединениям (партиям, профсоюзам). Он может объясняться невысокой гражданской активностью россиян и отсутствием навыков политической самоорганизации.

На это указывают результаты другого опроса, проведенного в марте 2014 г. Только 5 % россиян полагают, что могут добиться от власти того, что им нужно. 28 % считают, что их жизнь полностью зависит от власти. А 59 % живут, полагаясь только на себя и избегая вступать в контакт с властью. Только 12 % респондентов думают, что могут влиять на принятие государственных решений в стране, зато 85 % убеждены в обратном. На местном уровне (в регионе, городе, районе) данные показатели немногим лучше – 19 % и 79 % соответственно. Все это порождает ситуацию, когда только 19 % готовы более активно участвовать в политике. В то же время 75 % не видят в этом смысла [8]. Налицо глубокое отчуждение населения от власти и политики. Люди довольствуются ролью подданных. В решении своих частных проблем они не могут положиться ни на органы власти, ни на самостоятельные объединения.

Под гражданским участием мы понимаем политизированные формы общественной активности населения, связанные с реализацией гражданских прав и свобод. В основе подобного участия лежит постоянный процесс сотрудничества между гражданами и органами власти по поводу принятия и реализации политических решений, затрагивающих общие интересы. Это требует информирования людей о содержании и целях разрабатываемых проектов и программ, обоснования выделенных социальных приоритетов и критериев оценки, сбора мнений и конкретных предложений, гражданских инициатив, вовлечения населения в реализацию намеченных планов. При этом люди реализуют свою гражданскую волю и интересы, и сами пользуются результатами своей активности. Гражданское участие способствует объединению людей и укреплению всего политического сообщества, что позволяет им успешно решать возникающие в их жизни проблемы. Пока, к сожалению, его потенциал остается нереализованным. Не случайно, согласно многочисленным опросам, не более 5 % россиян участвуют в работе инициативных групп и общественных организаций.

Отсюда вытекает и низкий уровень гражданской ответственности россиян. Согласно опросу, проведенному Фондом «Общественное мнение» в июле 2014 г., 77 % россиян чувствовали свою ответственность за то, что происходит в доме, дворе, где они живут. Лишь 49 % ощущали ответственность за то, что происходит в их городе (селе). И только 41 % опрошенных чувствовали ответственность за то, что происходит в стране [5]. Из этого следует, что в общественном сознании преобладают местнические ориентации. С социальным расстоянием уровень ответственности заметно снижается.

Наконец, уровень гражданской культуры зависит от степени народного единства. За последнее время под влиянием различных неблагоприятных для страны обстоятельств он заметно вырос – от 23 % в 2012 г. до 44 % в 2014 г. Однако и такой уровень нельзя признать оптимальным. Значительная часть респондентов указывает на существующий разрыв в материальном достатке людей, социальные, национальные и религиозные различия, поселенческие и культурные традиции, как на факторы, затрудняющие достижение единства. Примечательно, что идейным и партийным разногласиям не придается большого значения. В качестве основных причин для отсутствия народного единства называют растущий эгоизм, нищету части населения, отсутствие единой цели, идеи, патриотизма и т. д. [6].

Подобные примеры можно продолжить. Изучив значительный массив различных данных и наблюдений, попытаемся сформулировать ряд предварительных выводов относительно состояния и особенностей гражданской культуры в современной России:

- в ней сложилось определенное равновесие между центристскими, объединительными тенденциями и весьма заметными различиями и противоречиями в идейном и политическом плане. При этом уровень народного согласия и единства сохраняется на критической отметке;

- политическая власть в стране по-прежнему имеет исключительно персонифицированный характер. Ее эффективность и позитивность политических инициатив в общественном сознании зависит от степени личного участия в принимаемых решениях национального лидера (президента страны);

- демократические тенденции в развитии политической культуры, связанные с признанием прав и достоинства человека и свободного развития гражданского общества, в значительной степени ограничиваются традиционной установкой на сильную авторитарную власть и политический порядок;

- характерное для россиян достаточно устойчивое недоверие к институтам государственной власти сочетается с неверием в возможности самостоятельных общественных формирований и отсутствием навыков политической самоорганизации, заставляя их рассчитывать на собственные силы;

- только формируется реальный механизм и каналы для развернутого гражданского диалога и публичных обсуждений, политического взаимодействия между населением и властью, отсюда и довольно низкий уровень общественного контроля над деятельностью государственного аппарата;

- отмечается низкий уровень политической активности населения, преобладание стихийных форм выражения политического протеста, слабость гражданских инициатив, созерцательность и конформизм, низкая политическая ответственность за то, что происходит в обществе и государстве и т. д.

Таким образом, гражданская культура в России характеризуется идейной разобщенностью и позиционной конфликтностью, политической пассивностью населения. Однако при всех сложностях гражданского самовыражения в обществе существует общее стремление к социальному миру и политической целостности, к порядку и управляемости общественных процессов. Любые проявления радикализма отвергаются. Наблюдается определенная взвешенность политических позиций, стремление к диалогу, общественным дискуссиям, вырабатываются демократические процедуры разрешения политических разногласий и конфликтов. Значение этих показателей еще не велико, но они отражают направление общего движения к демократии, благополучию, безопасности и стабильности.

Мы считаем, что в России уже сформировано гражданское общество и самобытная гражданская культура. В настоящее время ее общие демократические ориентации, носят, скорее, потенциальный характер. Данные требования не являются ведущими и даже не выражены явным образом, им еще предстоит быть актуализированными в политической практике. В этих условиях в политическом сознании на первый план выходит забота об укреплении государства, его безопасности и могуществе, сближение народа и власти, укрепление единства

общества, поиск внутренних резервов развития. Государственные цели и интересы имеют здесь приоритетное значение. Именно гражданственность, а не отдельные элементы демократизма определяют содержание данной культуры.

При этом гражданская культура современной России постепенно утрачивает присущий ей на протяжении длительной истории исключительный этатизм. Люди все больше начинают рассчитывать не только на опеку со стороны государства, но на самостоятельное решение собственных проблем. Однако в общенациональном плане действия государственных органов по укреплению вертикали власти и повышению эффективности управления по-прежнему находят понимание и поддержку у преобладающей части населения. Поэтому на первый план в культурном самоопределении народа выходит наведение в обществе политического порядка, построение правового и социального государства, укрепление социальных связей и достижение национального единства.

В то же время с повестки дня не снимается задача распространения демократических ценностей и норм, связанных с обеспечением гражданских прав и свобод, политической самостоятельности и активности граждан, политического многообразия и состязательности, с формированием механизмов достижения общественного согласия и самоуправления. Демократические ориентации людей, сотрудничество и гражданская ответственность за свои действия способствуют развитию гражданской культуры. Только так может быть сформирован демократический строй с его институтами и правилами.

Используя классическую модель гражданской культуры, попытаемся определить достигнутый уровень ее развития в современной России. По нашему мнению, сейчас можно говорить только о ее начальном уровне, который характеризуется преобладанием «парохиально-подданных» ориентаций в политике. В своей повседневной политической жизни люди в основном заняты местными проблемами и взаимодействуют с непосредственным социальным окружением. Отношения с властью строятся на началах лояльности и исполнительности. Более высокий уровень гражданской культуры связан с выходом на первый план «участнической» культуры, которая характеризуется сознательностью и организованностью граждан, их активным, самостоятельным и ответственным участием в политическом процессе. При этом происходит переход от защиты общегосударственных интересов к ясно выраженным демократическим нормам и приоритетам. Для этого требуется зрелое гражданское общество и его субъекты.

Мы полагаем, что дальнейшее развитие политической культуры страны в первую очередь связано с воспитанием уважительного отношения граждан к закону. Развитие правосознания и соблюдение всеми юридических правил и норм являются важнейшими условиями сохранения политического порядка и стабильности в обществе. При этом добровольное и сознательное выполнение требований закона неразрывно связано с уверенностью граждан в их справедливости и полезности.

Соблюдение законов должно сочетаться с защитой прав и свобод личности. Свобода есть пространство человеческого развития, и ее существование выступает необходимым условием демократического строя. Только свободные и законопослушные люди, по Аристотелю, обладают гражданскими добродетелями и способны решать сложные общественные задачи. В настоящее

время россияне недостаточно осведомлены о своих правах и возможностях и не обладают необходимыми навыками в отстаивании свободы.

Еще одним показателем зрелой гражданской культуры является политическая компетентность. Она включает в себя знание политической теории и истории, умение анализировать и делать обоснованные выводы из различных политических ситуаций. Это предполагает получение полной и достоверной информации о событиях в стране и мире. Приобретение необходимых знаний и умений происходит через систему образования и деятельность средств массовой информации. Широкие знания должны быть сопряжены с гибкостью мышления, позволяющей переосмысливать устаревшие стереотипы, отказаться от догм в пользу вариативных политических решений, адекватных современным реалиям.

Принцип демократизма обогащает гражданскую культуру, прежде всего, установкой на многообразие и терпимость по отношению к инакомыслию как необходимому условию политической активности масс. Толерантность к альтернативным позициям и действиям способствует укреплению гражданского согласия, поиску компромиссов, обеспечивающих эволюционное изменение и обновление всего общества. Демократия несовместима с различными видами дискриминации и группового (регионального, национального, религиозного) эгоизма.

Еще одним гражданским требованием является формирование чувства единства и солидарности. Оно основано на понимании общности исторической судьбы и проблем, встающих перед людьми. Речь идет о постоянном общении граждан, об установлении прочных социальных связей и взаимном доверии, позволяющих оперативно выявлять общественные и групповые нужды и оказывать людям необходимую помощь и поддержку. Взаимная помощь и милосердие проявляются в волонтерском и других общественных движениях.

Гражданственность находит свое проявление в таком качестве, как патриотизм. Он выражается в любви к

своей стране и ее истории, к своему народу и культуре, родным местам, природе и т. д. Патриотизм способен объединить все слои общества и обеспечить историческую преемственность и движение вперед. Он является необходимым условием существования и развития любой национальной общности и государства. Такая любовь не должна быть слепой или показной. В ее основе лежит историческая правда и забота о благе страны. Патриот сохраняет способность к критическому восприятию действительности, умение увидеть в ней различные несовершенства и изъяны и решительно их исправлять.

Таким образом, патриотизм не сводится только к гордости за прошлое страны. Он проявляется в деятельном участии в ее современной жизни и управлении государством. Его действительными результатами становятся экономический подъем и демократизация общества, расширение прав и свобод личности. Патриотизм связан с укреплением силы и целостности государства, повышением его авторитета на международной арене. Можно сказать, что патриотизм является естественным и необходимым свойством гражданственности.

В заключение подчеркнем, что формирование гражданской культуры не может происходить прерывисто или ситуативно. Гражданственность является качественной характеристикой всей общественной жизни людей, их политического участия, производительного труда, социальных отношений. Формирование гражданственности основано на единстве воспитательного воздействия политических учреждений и активного участия самих граждан в жизни общества. Основным содержанием данной культуры выступают заинтересованное участие в государственных делах, политическая ответственность, патриотизм, толерантность к различным мнениям, активная жизненная позиция и правовая культура. Все эти характеристики необходимы и востребованы в современной России.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014.
2. Восприятие россиянами своей страны // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 18.11.2014. Режим доступа: <http://www.levada.ru/18-11-2014/vospriyatie-rossiyanami-svoei-strany>
3. Доверие институтам власти // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 13.11.2014. Режим доступа: <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti>
4. Законы и порядок в государстве // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 22.12.2014. Режим доступа: <http://www.levada.ru/22-12-2014/zakony-i-poryadok-v-gosudarstve>
5. Индекс «Гражданская ответственность» // ФОМ. Режим доступа: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11691>
6. Народное единство: что это такое и как его достичь? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2706. 31.10.2014. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115040>
7. Омеличкин О. В. Гражданская культура (Теоретико-методологические проблемы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996.
8. Россияне о взаимодействии с властью // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 29.04.2014. Режим доступа: <http://www.levada.ru/29-04-2014/rossiyane-o-vzaimodeistvii-s-vlastyu>

Информация об авторе:

Омеличкин Олег Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук ФПНиС КемГУ, 8(3842) 54-49-33, comel@kemsu.ru.

Oleg V. Omelichkin – Doctor of Political Science, Professor at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТАХ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. В. Погулич

INSTITUTIONAL DESIGN OF THE ANTICORRUPTION POLICY IN THE SUBJECTS OF THE BAIKAL REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION

O. V. Pogulich

Статья посвящена анализу некоторых аспектов институционального дизайна антикоррупционной политики в субъектах Байкальского региона Российской Федерации. Структурно-функциональный метод позволил выявить основные элементы механизма реализации антикоррупционной политики в субъектах Федерации с позиции институционального дизайна. Определены общие и особенные черты противодействия коррупции в субъектах Байкальского региона. Перечислены факторы распространенности коррупционных проявлений в Байкальском регионе. Сформулировано предположение, что национальная специфика усиливает дезинтеграционные тенденции в антикоррупционном взаимодействии.

The paper is devoted to analysis of several aspects of the institutional design of the anticorruption policy in the subjects of the Baikal region of the Russian Federation. Structural-functional method has allowed to identify the main elements of a mechanism for implementing anti-corruption policy in the regions from the perspective of institutional design. The general and specific features of combating corruption in the subjects of the Baikal region are defined. The factors of the corruption prevalence in the Baikal region are recounted. The proposition that national identity enhances disintegrative tendencies in the anti-corruption cooperation is formulated.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, институциональный дизайн, субъекты Российской Федерации, Байкальский регион, органы власти, гражданское общество, противодействие коррупции.

Keywords: anticorruption policy, institutional design, subjects of the Russian Federation, Baikal region, authorities, civil society, anticorruption activity.

В современной общественно-политической и исследовательской практике под Байкальским регионом, как правило, понимают несколько близко расположенных субъектов Российской Федерации, а именно Республику Бурятию, Иркутскую область и Забайкальский край. Не выступая в качестве административно-территориальной единицы, Байкальский регион отражает общие характеристики существования нескольких субъектов РФ, для которых характерна:

- во-первых, территориальная близость и общая история освоения,
- во-вторых, – схожие принципы социально-экономического уклада, а также общность национально-культурных обычаев и традиций.

Сегодня Байкальский регион рассматривается и как особая межрегиональная система развития, и как составная часть единой общероссийской системы развития. Это подтверждается тем, что развитие данного региона является одним из приоритетных направлений государственной политики современного российского государства. Так, действующая государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» направлена на «устранение межрегиональных диспропорций развития макрорегиона» [2], на создание условий для роста численности населения данных субъектов, а также на повышение качества жизни населения Байкальского региона.

Значительной ролью в развитии региона обладает региональный уровень власти. По мнению Президента России В. В. Путина, «...руководство региона должно нести политическую ответственность за качество инвестиционного климата, качество условий, создаваемых для инвесторов. При этом определяющая роль отво-

дится губернатору, на нем лежит ответственность выбора направления регионального развития, координации деятельности чиновников» [4]. При этом инвестиционная привлекательность регионов обратно пропорциональна уровню коррупции. Учитывая тот факт, что коррупция сегодня признана обществом и на всех уровнях власти как системная проблема государства, актуальность исследования антикоррупционной политики в регионах России не вызывает сомнений.

Антикоррупционная политика понимается нами как последовательная и системная деятельность органов власти всех уровней и гражданского общества, проявляющаяся в профилактике и сокращении негативных последствий коррупции, а также в устранении условий и причин, способствующих ее возникновению, и имеющая научную проработку и обоснование. Именно системная деятельность институтов государства и гражданского общества определяет функциональную структуру и направления деятельности в сфере противодействия коррупции не только регионов, но и российского государства в целом. Таким образом, для анализа системы институтов, осуществляющих антикоррупционную политику, предлагается использовать понятие «институциональный дизайн». При этом институт мы понимаем как устойчивую форму организации деятельности людей, выполняющих определенные функции в обществе.

Под институциональным дизайном принято понимать «набор, внутреннее сочетание и структурирование институтов публичной политики, при котором они в совокупности представляют собой нечто целостное и единое» [3]. В теории и практике принято говорить об институциональном дизайне публичной политики в разрезе соотношения и взаимодействия политических

институтов. Исходя из понимания того, что антикоррупционная политика – это одно из направлений публичной политики, реализуемое как политическими, так и не политическими акторами, считаем целесообразным введение понятия «институциональный дизайн антикоррупционной политики». В итоге институциональный дизайн антикоррупционной политики можно определить как систему структурных элементов политики, включающую не только органы государственной власти и местного самоуправления, но и институты гражданского общества, участвующих в реализации антикоррупционной деятельности, а также совокупность нормативных, символических, социокультурных, процедурных аспектов принятия политических решений в сфере противодействия коррупции.

Обращаясь к историческому опыту, целесообразно отметить, что на особенности государственного строительства в субъектах Байкальского региона существенное влияние оказали такие факторы, как политика федерального центра по отношению к субъектам Федерации, социально-экономические и этнополитические особенности их развития [8].

В постсоветский период национальные автономии стали активно развивать свою государственность, поэтому для них вопрос государственного строительства являлся чрезвычайно актуальным. Так, «этнополитический фактор более всего выразился в процессе государственного строительства Республики Бурятия: активизировавшиеся в начале 1990-х гг. национальные движения преследовали цель сохранения и развития республики как национально-государственной, что естественно выразилось в основных нормативно-правовых актах республики» [8].

Прочные и стабильные, исторически сложившиеся связи по этническим вопросам в Байкальском регионе сохраняются и по сей день. Межтерриториальному сотрудничеству субъектов Байкальского региона способствовали такие факторы, как «многонациональность населения Байкальского региона и вхождение в состав областей (Иркутской и Читинской) самостоятельных и равноправных субъектов Федерации национальных округов Усть-Ордынского Бурятского автономного округа и Агинского Бурятского автономного округа» [8]. Анализ практики формирования системы органов государственного управления в субъектах Байкальского региона показывает, что тенденции государственного строительства и реализации государственной политики в целом соответствуют общероссийской практике. Это в свою очередь определяет некоторое сходство в реализации антикоррупционной политики в субъектах.

Так, во исполнение федерального законодательства о противодействии коррупции (2008 г.) первый региональный закон о противодействии коррупции был разработан в Забайкальском крае в том же 2008 г., в Республике Бурятия – лишь в марте 2009 г., в то время как Иркутская область приняла соответствующий закон для формирования региональной антикоррупционной политики только в 2010 г.

Но при этом внедрение механизмов противодействия коррупции в деятельность государственных органов исполнительной ветви власти Забайкальского края (ранее Читинской области) началось еще в 2007 г. в рамках мероприятий Программы противодействия коррупции в Читинской области на 2007 – 2008 гг., утвержденной постановлением Администрации Читин-

ской области от 20 июля 2007 г. № 167-А/п. Данное Постановление, опередив федеральные инициативы, стало первым правовым актом, определяющим направления и этапы противодействия коррупции, в том числе по закреплению принципов последовательного и комплексного подхода реализации антикоррупционных мероприятий на плановой основе [5, с. 40 – 43].

Данный факт можно объяснить волевым решением главы субъекта. Власть в регионе находилась в одних и тех же руках практически 17 лет: с 1996 г. по 2013 г. пост губернатора занимал Р. Ф. Гениатулин. Одним из основных положительных результатов его управления явился «не экономический рост, а политическая стабильность – отсутствие выраженных и организованных протестных настроений, массовых протестных акций и мероприятий. Ему удалось установить внутриэлитное согласие. Таким образом, регион отличался высокой степенью консолидации и моноцентризмом при единственном фактически безальтернативном лидере, низким уровнем политической конкуренции, при среднем уровне демократичности» [6].

Тем не менее при всем стремлении губернаторов к подчинению всех возможных властных структур и консолидации власти в одних руках на основе принципов единоначалия полностью избежать полицентризма в распределении политической власти в российских регионах невозможно. В то же время собственно региональный уровень власти был и остается в высокой степени консолидированным под контролем губернаторов [10, с. 82 – 92].

В условиях современных российских реалий можно говорить об «исключительной прерогативе антикоррупционной политической воли первого лица. Проявление его политической воли в организации и совершенствовании антикоррупционной политики в регионе на сегодняшний день является организационным и идеологическим фундаментом» [1]. Изъявление воли – это не только желание противодействовать коррупции, но и ответственность за ход этого процесса и за результат. Так, например, в 2008 г. в Ульяновской области губернатором С. И. Морозовым эта воля была проявлена в создании независимой от правительства государственной должности Уполномоченного по противодействию коррупции. К сожалению, это единственный в России опыт работы антикоррупционного омбудсмена. В полномочия антикоррупционного омбудсмена входит «разработка материалов антикоррупционного анализа нормативных правовых актов и их проектов, изучение зон коррупционного риска в деятельности государственных и муниципальных служащих, мониторинг внутриведомственной финансовой деятельности исполнительных органов, работа с обращениями граждан, которые направляются в правоохранительные органы для расследования» [1].

В рамках формирования региональной антикоррупционной правовой базы в субъектах Байкальского региона при помощи программно-целевого метода в разное время разрабатывались и внедрялись региональные программы по противодействию коррупции. В Забайкальском крае первоначально функционировала краевая программа «Противодействие коррупции в Забайкальском крае на 2009 – 20011 гг.» («Не оступись!»), которая была призвана создать систему противодействия коррупции в Забайкальском крае, обеспечить защиту прав и интересов граждан, общества и

государства в целом от угроз, связанных с проявлениями коррупции. Затем работа продолжилась в рамках краевой долгосрочной целевой программы «Противодействие коррупции в Забайкальском крае на 2012 – 2014 гг.». В текущем 2015 г. такая программа не принималась.

Опыт внедрения республиканской целевой программы «Противодействие коррупции в Республике Бурятия на 2009 – 2011 гг.» в республике больше не повторялся. В последствии программа была заменена на план противодействия коррупции на соответствующий период.

В Иркутской области такая программа на 2014 – 2016 гг. была разработана и принята в 2014 г. впервые. Она предусматривает решение таких задач как совершенствование механизмов борьбы с коррупцией в системе государственной гражданской службы, проведение антикоррупционной экспертизы и антикоррупционного мониторинга, совершенствование организации и предоставления государственных услуг, привлечение населения и институтов гражданского общества к активному участию в реализации направлений антикоррупционной политики, а также осуществлению такой меры, как антикоррупционное просвещение.

Организационные меры по созданию механизма противодействия коррупции и реализации основных направлений антикоррупционной политики на территории субъектов региона возлагаются на органы власти с различной степенью централизации. В Забайкальском крае эти функции находятся в компетенции Межведомственного координационного совета по противодействию коррупции при Губернаторе Забайкальского края, а также комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Забайкальского края и урегулированию конфликта интересов, образованных Правительством Забайкальского края и исполнительными органами государственной власти Забайкальского края. В Республике Бурятия в текущем году планируется создание подобной структуры – единой антикоррупционной комиссии, которая будет аккумулировать в себе функции комиссии по конфликту интересов, координационного совещания, функций Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия. Планируется, что эта комиссия будет напрямую работать с Управлением Президента России по противодействию коррупции.

По аналогии с практикой на федеральном уровне власти в Иркутской области был создан и действует Координационный совет при Губернаторе Иркутской области по противодействию коррупции, осуществляющий общий контроль за реализацией мероприятий антикоррупционной направленности.

Среди общественных организаций, наиболее активно занимающихся проблемами противодействия коррупции, в Республике Бурятия (всего таковых – 17 организаций), можно отметить Республиканскую общественную организацию «Общественный совет по борьбе с коррупцией», региональное республиканское отделение представительства МОО РАП «Общественный антикоррупционный комитет» по Сибирскому федеральному округу. Основными формами взаимодействия структур гражданского общества с органами государственной власти и местного самоуправления являются участие представителей общественности в обсуждении проектов принимаемых органами власти

решений, а также в обучающих семинарах и учебных занятиях, направленных на повышение правовой грамотности служащих, формирование нетерпимого отношения к проявлениям коррупции.

По итогам работы за последние годы из 13 активных общественных правозащитных объединений, зарегистрированных на территории Забайкальского края, в том числе в сфере противодействия коррупции, можно отметить Региональное отделение Общероссийской Общественной Организации «Общественная комиссия по борьбе с коррупцией» по Забайкальскому краю [1]. Показателем возрастающего уровня социальной и антикоррупционной активности населения края, складывающейся системы эффективного взаимодействия органов власти и структур гражданского общества является Гражданский форум «Забайкальцы – Забайкалью», который проводится с 2002 г. при поддержке Губернатора Забайкальского края [7].

На сайте Законодательного собрания Иркутской области работает проект «Стоп коррупция», в рамках которого граждане могут сообщить об известных им фактах коррупции. Действует общественная организация «Областной антикоррупционный комитет», есть региональное отделение Центра противодействия коррупции в органах государственной власти. Уполномоченный по правам человека в Иркутской области по характеру своей работы защищает интересы людей, общественные интересы с использованием государственных средств.

Анализ практики показывает, что во всех субъектах Байкальского региона в сфере строительства, агропромышленного комплекса, здравоохранения и образования, а также системе ГИБДД и комплексе ЖКХ, коррупционные правонарушения выявляются в значительной степени чаще, чем в других. Кроме того, значительное количество коррупционных правонарушений совершается при осуществлении чиновниками разрешительных функций, при проведении конкурсов на предоставление в собственность или аренду имущества и земельных участков, при распределении бюджетных средств [7, с. 109 – 118; 9].

За последние 7 лет среднегодовое число выявляемых преступлений коррупционной направленности в Забайкальском крае составило 531, что соответствует общероссийской тенденции. Так, например, в 2013 г. в Республике Бурятия сотрудниками правоохранительных органов было зарегистрировано 905 преступлений коррупционной направленности, в Иркутской области – 394 преступления. Для сравнения: в Новосибирской области – 985 преступлений, в Республике Татарстан – свыше 1200 преступлений коррупционной направленности [1].

Определяющими факторами распространенности коррупционных проявлений в Байкальском регионе являются:

- отдаленность от федерального центра и соответственно более слабый контроль;
- приграничное положение Байкальского региона, граничащего с Китаем и Монголией;
- расположение на территории Иркутской области и Забайкальского края районов добычи золота;
- криминальная ситуация в регионах, особенно в Забайкальском крае;

– разрушение морально-нравственных устоев в обществе и правовой нигилизм к сожалению большей части населения.

К сожалению, сегодня отсутствует эффективный механизм межрегионального взаимодействия в сфере противодействия коррупции. Проведение координационных совещаний и совместных конференций и круглых столов носит в большей степени теоретический, чем практический смысл. Практика обмена успешным передовым опытом в аспекте борьбы с коррупцией отсутствует. Считаем, что это связано не только с осознанием субъектами Байкальского региона полноты своей власти в пределах своих полномочий, но и желанием субъектов самостоятельно решать проблемы снижения уровня коррупции. Кроме того, национальная специфика в регионе выступает дезинтеграционным фактором на пути осуществления антикоррупционного взаимодействия.

Важно осознать, что эффективность борьбы с коррупцией определяется не только усилиями, принимаемыми государственными органами власти и органами местного самоуправления, но и, прежде всего, отношением каждого гражданина к данному явлению, моделью поведения гражданина, непосредственно сталкивающегося с коррупционными практиками. Результаты социологических исследований общественного мнения, проводимых ВЦИОМ, убедительно доказывают,

что антикоррупционное просвещение населения в последние годы позволяет все большему количеству граждан формировать собственную антикоррупционную модель поведения. Не вызывает сомнений необходимость совершенствования дальнейшего взаимодействия и координации усилий всех институтов власти, включая повышение результативности работы как правоохранительных и следственных органов, так и прокурорского надзора в области противодействия коррупции. Но все-таки ключевая роль в сфере профилактики коррупции принадлежит воспитательной работе по формированию у граждан правового сознания, антикоррупционного менталитета, навыков правового поведения для противодействия коррупции.

Институциональный дизайн антикоррупционной политики, проводимой в субъектах Байкальского региона – Республике Бурятия, Иркутской области и Забайкальском крае, в большей степени определяется общими чертами, чем различиями. Территориальная близость, особенности формирования и развития субъектов, национальные и культурные характеристики населения, а также императивный характер федерального антикоррупционного законодательства, позволяют сделать вывод об отсутствии явных различий в характере и эффективности проводимой антикоррупционной политики в субъектах Байкальского региона.

Литература

1. Бейдина Т. Е. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие: монография / под общ. ред. Н. Н. Меньшениной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 202 с.
2. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 308 // Официальный сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. Режим доступа: <http://minvostokrazvitiya.ru/bitrix/redirect.php?event1=file&event2=download&event3=gp34.pdf&goto=/upload/iblock/6ed/gp34.pdf> (дата обращения: 12.02.2015).
3. Зайцев А. В. Институциональный дизайн публичной политики и институционализация диалога государства и гражданского общества // Политика, государство и право. 2014. № 7. Режим доступа: <http://politika.snauka.ru/2014/07/1768> (дата обращения: 10.02.2015).
4. Заседание Госсовета по вопросу о повышении инвестиционной привлекательности регионов // Официальный сайт Президента Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17232> (дата обращения: 15.02.2015).
5. Лобцова О. В. Современные тенденции реализации антикоррупционной политики в Забайкальском крае // Власть. 2013. № 6. С. 40 – 43.
6. Петров А. Забайкальская провинция России // Эксперт – Сибирь. № 10 (366) 11 марта 2013 г. Режим доступа: <http://expert.ru/siberia/2013/10/zabajkalskaya-provintsiya-rossii/> (дата обращения: 15.02.2015).
7. Погулич О. В. Антикоррупционная активность в Забайкальском крае // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 09(112). С. 109 – 118.
8. Раднаева С. Д. Государственное строительство в субъектах Российской Федерации Байкальского региона в 1990-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 29 с.
9. Результативность борьбы с коррупцией // Газета РБ – Интернет-газета Республики Бурятия. Режим доступа: <http://gazetarb.ru/news/section-interview/detail-135136/> (дата обращения: 16.02.2015).
10. Туровский Р. Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 82 – 92.

Информация об авторе:

Погулич Оксана Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета, Чита, oxy-pusik@rambler.ru.

Oksana V. Pogulich – Candidate of Sociology, Assistant Professor at the Department of State and Municipal Administration and Politics, Trans-Baikal State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

УДК 353.1

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЕЦЕССИОНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ

К. С. Пузырев

REGIONAL SECESSIONISM IN MODERN EUROPE: ORIGINS AND FEATURES OF MANIFESTATIONS

K. S. Puzyrev

В статье анализируются истоки и природа регионального сепаратизма в современной Европе. Автор рассматриваются основные причины сепаратизма, его связь с политическими процессами в современной Европе. Показаны отличия сепаратизма начала XXI века от проявлений сепаратизма предшествующих исторических периодов.

The paper analyzes the origins and nature of regional secessionism in modern Europe. The author considers the main causes of secessionism, its relationship with the political processes in modern Europe. The differences between secessionism in the early 21st century and manifestations of secessionism in previous historical periods are analyzed.

Ключевые слова: сепаратизм, национализм, региональные движения, этничность, этническая фрустрация, воображаемые сообщества, археомодерн, модерн, постмодерн.

Keywords: secessionism, nationalism, regional movements, ethnicity, ethnic frustration, imagined communities, archeomodern, modern, postmodern.

Различные гипотезы, существующие в современной политической науке, пытаются объяснить истоки феномена сепаратизма и наряду с этим – прояснить его природу и основания. Феномены этнической, национальной и региональной фрустрации различными путями ведут к эскалации конфликтов. В то же время сепаратистские движения XXI века последовательно воплощают в себе отказ от насилия. Так или иначе, политические партии, выступающие в роли представителей освободительных движений национального и регионалистского толка, возникают как в процветающих, так и в сравнительно бедных регионах Европы.

Каковы же причины этого явления? Для выявления последних следует обратиться к предыстории вопроса. Те, кто мог наблюдать европейские дебаты о регионализме 1970-х и 1990-х гг. и помнит, что их основной темой являлась судьба «освободительных движений» и национализм, могут ощутить своеобразное ощущение *déjà vu*, глядя на современные события. Подобные аргументы все чаще звучат в условиях, когда случаи использования ирредентистскими движениями насильственных методов в деле отстаивания интересов «безгосударственных наций» становятся все более редкими. Кто же сегодня добивается более широкой автономии и независимости, ставя под сомнение традиционные формы государственности? И возможно ли справиться с возникшей политической фрустрацией посредством компромисса, например, путем федерализации существующих государств?

Сегодня борьбу за доминирование в рамках политического дискурса ведут оптимисты и пессимисты, защитники «национального единства» и приверженцы лозунга «Малое – прекрасно!» [7], приверженцы идеи «самоопределения наций» и оппоненты из лагеря сторонников идеи «национального государства». Политологи, рассматривающие эту проблему, нередко руководствуются по преимуществу личными убеждениями, сами при этом являясь сторонниками сепаратизма и регионализма.

Сепаратизм – не только предмет дискуссии между европейскими «правыми» и «левыми». Идея сепаратизма находит поддержку у «правых» политиков – и особенно у тех из них, которые желают возродить ее под видом возвращения к «золотому прошлому». Она не менее популярна и среди европейских «левых», особенно у тех из их числа, кто рассматривает сепаратизм как шаг, позволяющий нации преодолеть капитализм и освободить для нее путь к «социалистической альтернативе» (почти в полном соответствии с идеями Прудона).

В то же время ведшиеся на протяжении всего XX в. дебаты о том, что первично – национальное освобождение или социальная революция – потеряли свое значение для движений за автономию. При этом относительно новой для него темой стала т. н. «политика идентичности». Так, конфликт между властями Канады и Квебека, связанный со стремлением сложившейся в этой провинции безгосударственной франкофонной нации сохранить свою культурную, экономическую и политическую идентичность в рамках государственного союза, вызвал мощный резонанс в странах ЕС. В итоге к движению примкнули защитники региональной идентичности разной степени радикальности. Они отдают абсолютный приоритет интересам «национализма меньшинств» даже тогда, когда это имеет своим последствием сепаратизм.

Кто же из числа политических акторов желает отделения в условиях современной Европы? Кто сегодня добивается более широкой автономии и независимости и ставит, таким образом, под сомнение традиционные и устоявшиеся формы государственности. В литературе существует три основных гипотезы, с помощью которых пытаются объяснить причины сепаратизма.

Первой из них является т. н. «гипотеза постоянства». Она утверждает, что социальная группа, требующая автономии, существует в течение длительного времени. Ее представители требуют, часто находясь под жестким давлением своих референтных групп,

реализации некоторых прав, которыми априори обладают в качестве «нации». Еще Т. Парсонс утверждал, что именно интенсификация этнических чувств и восприятие политических прав приводят в итоге к сепаратизму [5, р. 53 – 83]. В отличие от примордиалистов, которые отстаивают тезис об изначальном существовании определенных этнических групп, приверженцы «гипотезы постоянства» акцентируют тезис о том, что политическая мобилизация «этнического» происходит не сама по себе, но требует определенных условий; тем самым ставится под сомнение безусловный характер самого понятия «этничности».

Вторая гипотеза, объясняющая причины сецессионизма как явления, рассматривает последний в качестве специфического продукта национализма и результатом национальных движений, имеющих своей целью национальное самоопределение. Националисты, представляющие малые нации, называют «субъективные» и «объективные» основания для международно-правового признания своих наций. Первая линия аргументации опирается у них на знаменитое утверждение Э. Ренана о том, что национальная принадлежность является «каждодневным плебисцитом» и опирается на признание нации как некой коллективной общности без рассмотрения отдельных составляющих ее личностей [6, р. 32 – 33]. «Объективными» чертами национальной принадлежности, с точки зрения этого подхода, являются общий язык, религия и история. Однако подобный подход к определению национальной принадлежности сегодня является малоприменимым. Тот факт, что сегодня одна отдельная личность может являться обладательницей множества идентичностей, заметно усложняет вопрос о «маркерах этничности».

Национальные движения набирают силу именно тогда, когда идентификация отдельных личностей с «малой нацией» начинает сталкиваться с прежде существовавшей лояльностью в отношении государственной нации.

Наконец, третья гипотеза связывает сецессионизм с «территориальным императивом». Согласно ее приверженцам, чувство национальной принадлежности сегодня все больше определяется территорией в соответствии с максимой: «Человек – это социальное животное, которое нуждается в собственной территории» [4, р. 1]. Исходя из этого, они рассматривают сецессию как средство достижения цели.

Все три гипотезы значительно отличаются друг от друга по своему содержанию. Они расходятся в определении главного принципа, который кладут в основу своих рассуждений о природе сецессии, выдвигая на первый план соответственно этническую принадлежность, национальное самоопределение или территориальную лояльность.

Каковы же, собственно, причины фрустраций, охватывающих сегодня немалое число этнических и региональных сообществ? Д. Лайтбоди развивает так называемую трехуровневую модель для анализа этнических фрустраций [3, р. 327 – 337]. На первом шаге конфронтация политического центра с требованиями «национализма меньшинств» не приводит к возникновению долговременного политического напряжения, однако требования меньшинств могут быть из-

менены и трансформированы с помощью политических институтов (например, через федерализацию государства, как это было в Бельгии, либо его децентрализацию, как это имело место в Испании). Создание новых субнациональных единиц наподобие кантона Юра в Швейцарии или же посредством проведения языковой политики, как это имело место в Уэльсе. С более сильным вызовом со стороны «национализма меньшинств» государство сталкивается уже на втором шаге, когда урегулирование конфликта далее невозможно без коренного изменения ситуации, связанной с общим состоянием дел в государстве. Это приводит к возникновению «тлеющих» конфликтов, которые могут в любой момент обостриться (как это случилось в свое время с Бретанью, Корсикой, Страной Басков, и как это сегодня происходит с венгерским меньшинством в Румынии и Словакии). На третьем шаге возникает конфликт между институтами центральной власти и «национализмом меньшинств», для которого теперь уже отсутствуют приемлемые решения. Центр оказывается в состоянии «отложенного» конфликта (как в случае с Шотландией), либо пытается подавить его (используя военную силу, как это было в Чечне). В то же время для стран ЕС применение насилия при решении проблем сецессии рассматривается как неприемлемый вариант.

Некоторые авторы между тем утверждают, что первый и второй шаги, связанные с существенными уступками национализму меньшинств, связаны с известным парадоксом. Чем больше уступок центральная власть делает национализму меньшинств, тем более очевидным становится их конфликт с Центром, с возможной трансформацией конфликта в попытку сецессии. Конфронтационный характер национализма меньшинств вполне укладывается не только в логику этнического и регионального самоопределения, но и в конфликт, порожденный «конкуренцией претензий» между регионами и нациями. В этом контексте следует рассматривать ряд современных движений за выравнивание прав в отношениях между регионами одной страны, имеющими различный статус.

По мнению Р. Штурма, в современных условиях следует различать шесть основных причин сецессионизма:

- а) относительная депривация;
- б) «внутренний колониализм» и «культурное разделение труда»;
- в) отставание в экономическом развитии;
- г) угроза национальной идентичности;
- д) ирредентизм;
- е) процесс конструирования нации [8, р. 327 – 337].

Относительной депривацией называют форму неравноценного развития территорий в определенной стране. Некоторые экономически успешные регионы получают возможность наиболее полно воспользоваться своими экономическими ресурсами и конкурентными преимуществами до тех пор, пока пользуются поддержкой центральной власти. Региональные элиты берутся за оружие не тогда, когда уровень экономического развития представляемого ими региона ощутимо падает, но тогда, когда их экономические успехи и экономическая ситуация начинают рассмат-

риваться как «особый случай» (примерами последнего являются Каталония и Фландрия).

Подавление национального потенциала развития является ключевым тезисом теории «внутреннего колониализма». Последняя также утверждает, что центральное правительство устанавливает режим «культурного разделения труда». Последнее не позволяет представителям национальных меньшинств пользоваться целым рядом политических и экономических возможностей, а национальная элита остается для них закрытой. Примерами подобного явления могут служить Северная Ирландия, где католики и ирландские националисты подвергаются социальной и институциональной дискриминации, или Бельгия, где фламандцы в течение XX века подвергались социальной и языковой дискриминации.

Актуальный экономический потенциал определенной нации может использоваться двумя основными способами. В этом отношении особенно значимой является проблема ЕС с ограниченностью возможностей регионов, вызванной несправедливым характером распределения ресурсов национальным правительством, усугубляющая таким образом положение наиболее нуждающихся из них. Последний аргумент сыграл особенную роль в определении позиции Фландрии и Каталонии. В Шотландии борьба за нефтяные ресурсы страны имеет уже 30-летнюю историю и никак не дойдет до своего логического конца.

Сецессия также может объясняться реакцией на реальную либо мнимую угрозу национальной идентичности. Национальная идентичность – это широкое понятие. Она связана не только с такими исходными величинами, как язык, религия, культура или история. Важнейшим источником современного конфликта в Шотландии, к примеру, является различие в ожиданиях между центральным правительством и шотландцами от обещанного ранее «государства всеобщего благосостояния».

Религиозная идентичность, в свою очередь, сыграла большую роль в распаде бывшей Югославии. В то же время для находившегося до последнего времени в силе валлийского национализма в центре внимания был вопрос о языке. Помимо этого, вопрос о национальной идентичности лежал в основе сецессионистских устремлений в Каталонии и Квебеке.

Иррентентизм, в свою очередь, означает стремление определенной нации или национального меньшинства, ранее связывавшего себя с определенным национальным государством, добиться отдельного и самостоятельного политического существования. Подобные формы сецессионизма мы обнаруживаем в Северной Ирландии (ольстерцы тяготеют к Ирландской Республике), Южном Тироле (стремящемся присоединиться к Австрии).

Помимо этого, сецессионизм может являться результатом этнической мобилизации, политически новые или же прежние территориальные элиты стремятся конструировать определенный националистический «нарратив», содействуя трансформации реально существующего общества в некоторое желаемое «воображаемое сообщество» (*imagined community*) [2]. При этом политика идентичности важнее, чем традиционная тематика «хлеба с маслом». Иерархия поли-

тических ценностей и целей определяется стремлением к автономии, благодаря чему роль «политических предпринимателей» в учреждаемом государстве становится решающей.

Какими же специфическими чертами характеризуется современный сецессионизм?

По сравнению с сецессионистскими движениями XX века их современные аналоги обладают определенной спецификой. Одной из их характерных особенностей является последовательный отказ от насилия. Еще 40 лет назад ситуация выглядела едва ли не диаметрально противоположной: насильственные методы борьбы активно использовались такими сецессионистскими движениями, как ЭТА в Испании, FNLC на Корсике, ИРА в Северной Ирландии и ряда других. Сегодня для сецессионизма главным политическим инструментом реализации своих целей стало голосование на выборах и референдумах. Методы репрезентативной демократии взяты на вооружение, а прежде существовавшая связь между сепаратизмом и антикапитализмом оказалась разорвана. Национализм меньшинств все чаще представлен сегодня партиями и движениями, выдвигающими лозунг борьбы за «освобождение». Сецессия находит сегодня все более широкую поддержку скорее в процветающих регионах Европы, нежели в беднейших территориях.

Экономическая конкурентоспособность новых государств обсуждается сегодня активнее, чем право на самоопределение. Членство в международных организациях, и прежде всего в ЕС, становится новой и привлекательной темой для сецессионистов. При этом в силу ангажированности национальных судебных систем юридические аргументы часто играют серьезную роль в борьбе за сецессию на практике. Практически повсеместно сецессионизм является реакцией на несправедливую и дискриминационную политику Центра. Определенным шансом для Центра в подобной ситуации становится использование диалога, постепенное признание новых наций и создание того или иного варианта «разделенной государственности».

Таким образом, анализ приведенных выше фактов и обстоятельств позволяет нам сформулировать следующие заключения в отношении специфической природы сецессеонизма современной эпохи.

Так, прежний (традиционный) сецессионизм был порожден ситуацией Модерна, когда национальные особенности противопоставлялись процессам рационализации, унификации, протекавшим в недрах современного общества. Сепаратизм рубежа XX – XXI веков порожден ситуацией Постмодерна, когда, напротив, унифицирующих норм нет, и произошло возрождение на символическом уровне некоторых элементов политической архаики (мифологемы крови и почвы, расы), которые в качестве своеобразных симулякров включены в постмодернистский контекст.

Современный сецессионизм порожден системным кризисом институтов государства, когда последнее, де-факто утратив монополию на легальное применение насилия, перестало быть способным внедрять из единого центра, связанного с принятием решений, определенный политический и правовой порядок. Сецессионизм эпохи Модерна противостоял нацио-

нальному государству как унифицирующему институту. Сепессионизм эпохи Постмодерна связан с экспансией регионов в качестве легитимных и признанных объектов политики в качестве легитимного властно-политического уровня. Современные сепаратисты стремятся не сокрушить государство-Левиафан, но встроиться в качестве самостоятельного звена (ячейки) в глобальные политические сети, занять в них достойное место наряду с другими акторами глобальной политики.

Помимо этого, государство сегодня перестало быть единым и единственным центром обеспечения политического порядка, что вызвало общий кризис последнего. Это в свою очередь предоставило регионам карт-бланш в реализации собственных стратегий политического самоопределения. Данное обстоятельство до известной степени легитимировало сепаратизм и деятельность сепаратистов в глазах общественного мнения.

Как результат в ситуации «Архео-Модерна» (А. Дугин) произошло возрождение и легитимация национализма как разновидности идеологии меньшинств и специфического симулякра [1]. Последний активно используется «этническими предпринимателями» (национальными и региональными элитами) в целях более выгодной «продажи» на глобальном политическом

рынке собственной этничности, регионального колорита и специфики с целью их последующей конвертации в международное признание. Это позволяет им получить доступ к новым политическим ресурсам и статусам, и побуждает акторов сепессионизма активнее осваивать глокализационные стратегии.

Кризис национального государства также приводит к кризису общенациональных идентичностей, также ранее внедрявшихся из единого государственного центра. Постепенно утверждается модель множества (плюрализма) идентичностей – глобальной, общенациональной, региональной, локальной и других, которые равноправны и сосуществуют друг с другом в контексте «мультикультурного общества». Это дает дополнительный стимул региональному сепессионизму как инструменту политической защиты этих региональных идентичностей.

В конечном итоге региональный сепессионизм является следствием внутреннего надлома Модерна и кризиса механизмов воспроизводства соответствующего ему типа политического порядка. Поэтому решение проблемы регионального сепессионизма в современном мире возможно не на основе на партикулярных стратегий, а в результате комплексной ценностно-мировоззренческой и политической ревизии Постмодерна в его глобальном измерении.

Литература

1. Дугин А. Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011.
2. Anderson B. R. O'G. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso, 1991.
3. Lightbody J. A note on the theory of Nationalism as a function of Ethnic Demands // Canadian Journal of Political Science. 2(3). 1969. P. 327 – 337.
4. Mayo P. E. The roots of identity. London: Allen Lane, 1974.
5. Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change of Ethnicity // Glazer N., Moynihan D. P. (eds.). Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge, 1975. P. 53 – 83.
6. Renan E. Ou'est-ce qu'une nation? Paris: Gallimard, 1997.
7. Schumacher E. F. Small Is Beautiful: A Study of Economics As If People Mattered. London, 1973.
8. Sturm R. Regionale Autonomie und Sezession // WeltTrends. № 98. September/Oktober 2014.

Информация об авторе:

Пузырев Константин Сергеевич – аспирант кафедры политических наук КемГУ, nasty-puzypeva@mail.ru.

Konstantin S. Puzyrev – post-graduate student at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: **Омеличкин Олег Викторович** – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук ФПНИС КемГУ, 8(3842) 54-49-33, comel@kemsu.ru.)

Research advisor: Oleg V. Omelichkin – Doctor of Political Science, Professor at the Department of Political Science, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И АКТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА ПРИМЕРЕ РОССИИ

С. Н. Чурун

INSTITUTIONAL MODELS AND CURRENT FORMS OF MODERN YOUTH PARLIAMENT: THE EXAMPLE OF RUSSIA

S. N. Chirun

Автором статьи анализируется такой актуальный для России процесс, как формирование молодежного парламентаризма, в частности рассматриваются современные модели региональных молодежных парламентов. В данной работе анализируются механизмы, способствующие привлечению активной молодежи к политическому участию посредством совершенствования институтов гражданского общества. В то же время автор приходит к выводу, что большинство действующих в российских регионах моделей молодежного парламентаризма пока еще не могут рассматриваться в качестве полноправных субъектов гражданского общества и легитимно представлять интересы различных категорий российской молодежи.

The author analyzes the process of development of youth parliament, in particular – the contemporary model of regional youth parliaments, which is of vital for contemporary Russia. The paper analyzes the mechanisms that contribute to attracting young people to the active political participation by improving the institutions of civil society. At the same time, the author comes to the conclusion that most of the youth parliament models existing in the Russian regions can not yet be regarded as full members of civil society and legitimately represent the interests of various categories of the Russian youth.

Ключевые слова: молодежное движение, государственная молодежная политика, кадровая политика, политическое участие молодежи, молодежный парламентаризм.

Keywords: youth movement, state youth policy, personnel policy, political participation of young people, youth parliament.

Молодежный парламентаризм как актуальная форма политического участия российской молодежи заслуживает детального анализа. Он представляет собой систему представительства прав и объективных интересов молодежи как социально-демографической категории, функционирующей на базе существующей при органах законодательной ветви власти часто в установленном ими же регламенте специальной сетевой консультативно-совещательной структурной организации молодежи, а также и других общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства.

Идея МПР как формы самоуправления молодежи для современной России не нова. В некотором роде она реализовывалась еще в СССР. Кроме того, весьма распространены различные формы и модели молодежного парламентаризма в государствах Евросоюза.

Исследователи выделяют различные этапы развития молодежного парламентаризма в России [11]. На наш взгляд, уместно назвать три этапа: 1991 – 2001 гг.; 2001 – 2008 гг.; 2008 г. – по настоящее время. В середине 90-х гг. фактически только начинался реальный генезис российской модели молодежного парламентаризма. Его уровень институционализации тогда не предполагал наличия единой нормативной базы, и поэтому его позиции и функционал в работе с молодежью в различных субъектах Российской Федерации существенно различался. В начале XXI века, как справедливо отмечает А. А. Зеленин, «Идея молодежного парламентаризма получила качественно новое воплощение» [2, с. 126]. Действительно, уже 28 октября 2002 г. в государственной Думе состоялось учредительное заседание Общественной молодежной

палаты, созданной при Государственной Думе Российской Федерации.

Неслучайно указанное обстоятельство оценивалось рядом исследователей как свидетельство заинтересованности российской государственной власти в привлечении молодежи к решению острых молодежных проблем через развитие законодательной инициативы молодежи [4, с. 3 – 5]. Общественная молодежная палата, действующая при Государственной Думе Федерального Собрания РФ, была создана в первую очередь для изучения актуальных проблем молодежи в Российской Федерации, а также помощи в своевременном реагировании на эти проблемы со стороны органов государственной власти, содействия деятельности Государственной Думы РФ в подготовке рекомендаций по нормализации острых проблем волнующих российскую молодежь.

Общественная молодежная палата при Государственной Думе Российской Федерации является совещательным, консультативным органом, который в настоящее время осуществляет свою деятельность исключительно на общественных началах. Ее основная цель – содействовать деятельности российских парламентариев в области защиты прав и законных интересов молодежи.

Данная молодежная палата действует исключительно на добровольной основе и формируется из представителей существующих общественных молодежных палат (молодежных парламентов) при законодательных, или в некоторых случаях представительных, органах государственной власти субъектов Российской Федерации. В соответствии с положением в ее состав входит только по одному делегату от

действующих молодежных палат (региональных молодежных парламентов), институционализированных при законодательных органах законодательной ветви власти субъектов Российской Федерации. Кроме того, регламентированы возрастной ценз для деятельности в составе Общественной молодежной палаты, представляющий возрастную планку до 30 лет, а также срок действия полномочий, который составляет всего один год.

Заседания палаты проводятся один раз в квартал. Но при необходимости легко могут быть организованы внеочередные заседания. Молодежная палата обсуждает и готовит свои рекомендации для последующего их рассмотрения в соответствующих комитетах Госдумы [5].

Отметим, что кроме Молодежной общественной палаты уже с января 2002 г. существует и Молодежный парламент при Государственной Думе ФС РФ. Последняя позиционируется как молодежная парламентская структура, интегрирующая представителей различных молодежных политических и общественных организаций, движений, представляющих различные регионы РФ [8].

Молодежный парламент при Государственной Думе ФС РФ (ГД ФС РФ) по факту представляет собой информационно-дискуссионный проектный механизм для анализа актуальных общественно-политических процессов и выработки проектов политических решений.

Депутаты МПР при Государственной Думе ФС РФ организуют слушания по вопросам молодежной политики, а также участвуют в качестве делегатов и гостей в мероприятиях других молодежных структур, действующих на федеральном и региональном уровнях. Основная цель Молодежного парламента при ГД ФС РФ – создание универсальной коммуникативной сетевой площадки для представителей молодежи различной политической ориентации, для выработки и последующего продвижения (лоббирования) принятых решений по самым острым и актуальным социально-политическим проблемам.

Уже в 2004 г. при Совете Федерации Федерального собрания РФ была сформирована Молодежная парламентская Ассамблея. Она представляла собой модель верхней молодежной парламентской палаты. Действовала она на основании положения «О совете по взаимодействию Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации с молодежными парламентами субъектов Российской Федерации», утвержденного постановлением СФ ФС РФ от 8 августа 2004 г. № 286-СФ.

Молодежная ассамблея (ныне это Палата Молодых законодателей) [10] представляет собой постоянно функционирующий совещательный орган, действующий при Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Участниками ассамблеи выступают представители региональных молодежных парламентов. Молодые парламентарии – депутаты законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации – принимают участие в различных национальных и международных совещаниях, «фокус-группах», сес-

сиях, конференциях, симпозиумах и слетах, где обмениваются актуальным опытом поддержки молодежного парламентаризма в регионах и обсуждают внесение поправок в государственные законы разного уровня.

Ранее, в период с 2004 по 2012 гг., постоянно действовал Совет по взаимодействию Совета Федерации с молодежными парламентами субъектов РФ и другими молодежными общественными объединениями [12].

Зимой 2003 г. в Рязани состоялось Всероссийский семинар-совещание «Развитие молодежного парламентаризма в Российской Федерации». Важной вехой данного мероприятия стало формирование пакета рекомендаций по совершенствованию форм молодежного парламентаризма в РФ, затем уже на их основе были созданы молодежные парламентские структуры в большинстве субъектов Российской Федерации.

Современные молодежные институциональные структуры (парламенты и правительства) содействуют оптимизации молодежной политики в 79 субъектах федерации, в частности, в тринадцати республиках, трёх автономных образованиях, четырёх краях, четырёх автономных округах [6]. Общественные палаты и молодежные парламенты на сегодняшний день уже окончательно сформировались в большинстве регионов РФ [1, с. 59].

Процесс участия молодежи в молодежных парламентских структурах полезен не только самой молодежи, но и выгоден, как считает исследователь Н. В. Черных, российской политической элите, «...так как она получает профильтрованные кадры, которые не будут стремиться провести кардинальные изменения в политическом курсе политических партий без согласования с идеологами, стоящими у истоков их образования» [14, с. 85]. Впрочем, идеология большинства политических партий РФ характеризуется, на наш взгляд, высокой степенью ситуативной аморфности и эклектизма.

В настоящее время действующие молодежные парламенты координируют свою работу на трех уровнях государственного и муниципального управления: муниципальном, региональном и федеральном. В зависимости от наиболее актуальных, востребованных целей и задач, молодежные парламенты выбирают соответствующую сферу деятельности: реализация или формирование молодежной политики, т. е. непосредственное проведение социально-значимых мероприятий или разработка нормативных актов, касающихся злободневных вопросов молодежной политики. В России к молодежным парламентским структурам могут быть причислены молодежные парламенты, правительства, консультативные советы, думы, палаты и др.

Исследователь Н. М. Красникова обращает внимание на этно-национальные особенности формирования молодежного парламентаризма в РФ. Так, по её мнению, если в регионах с доминирующим русским населением формирование молодежных парламентских структур завершилось достаточно оперативно, то в национальных республиках и автономных округах данный процесс, напротив, существенно затянулся,

что сама Н. М. Красникова объясняет «особенностями патриархальной культуры» и «религиозным фактором» [3, с. 193].

В современной российской практике известны три основные модели использования понятия Молодежный парламент «(МПр)».

Случается, что понятие МПр используется в качестве названия общественного объединения. Такая модель наиболее часто встречается в странах Латинской Америки, в частности в Мексике, Австралии, Перу и др. При всей мнимой привлекательности и внешней простоте создания общественной организации МПр у данной модели есть ряд серьезных недостатков. Обособление участников проекта в рамках молодежного движения объективно ведет, во-первых, к появлению внутренних корпоративных интересов, не имеющих отношения к собственно молодежному парламентаризму, во-вторых, создает серьезные трудности для участия в данной модели МПр представителей конкурирующих общественных объединений.

Использование понятия МПр в его традиционном значении означает структуру, созданную при региональном органе законодательной власти. Эта модель получила преимущественное распространение среди европейских государств. В таком случае МПр создается по распоряжению и функционирует на основании регламента, утверждаемого соответствующим региональным органом государственной власти. В этой модели МПр получает официальный статус в системе государственных либо муниципальных органов власти. В такой модели, ни одна общественная организация не может претендовать на монопольное использование ресурсной базы создаваемого органа молодежного самоуправления, а депутаты МПр в этом случае проходят хорошую кадровую школу в государственных (муниципальных) органах. Кроме того, в этом случае существенно упрощен сам процесс принятия и реализации решений МПр через орган власти, при котором он существует.

Несмотря на очевидные преимущества такого подхода, для его полного воплощения в жизнь необходимо приложить максимум усилий: добиться принятия политического решения со стороны профильного органа власти, а в идеале – обеспечить легитимный процесс выборов представителей молодежи и общественных объединений и наконец организовать текущую деятельность «парламента».

Следует отметить, что очень важным является вопрос о том органе государственной власти, при котором создается и в последствии действует МПр. Известны, хоть и не всегда удачные, прецеденты создания «Молодежных парламентов» даже при органах исполнительной власти (например в Египте), хотя это, по всей видимости, противоречит духу парламентаризма, ведь само название «парламент» подразумевает организацию взаимодействия именно с органами законодательной власти.

Являясь частью значимого социализирующего консультативного органа, молодые «парламентарии» участвуют в разработке рекомендаций относительно нормативных правовых актов или иных документов в сфере государственной и общественной молодежной

политики, осуществляют взаимодействие с комитетами, комиссиями, депутатами. В таком случае члены молодежного парламента могут избираться от образовательных учреждений, молодежных организаций и т. д. При такой форме создания, конечно, в идеале, ни одна общественная организация не может претендовать на монопольное использование органа молодежного парламентаризма в своих корыстных интересах.

Данный статус молодежного парламента упрощает процесс принятия и реализации решений через орган власти, при котором он существует. Однако, несмотря на очевидные достоинства данной формы молодежного парламентаризма, для её внедрения необходим политический ресурс, связанный с принятием управленческого решения.

Указанная форма организации молодежного парламентаризма показала неплохие результаты в Московской, Волгоградской, Ивановской, Ростовской, Кемеровской, Рязанской и др. областях [6]. Молодежный парламент, как правило, насчитывает в своем составе от 25 до 50 представителей и формируется посредством таких механизмов, как выборы, назначение или делегирование. Основной целью создания и функционирования выше названных органов является привлечение активных молодых граждан к осуществлению государственной молодежной политики. Эти институциональные структуры участвуют в консультациях, обсуждении, разработке, экспертизе и внесении в органы государственной власти проектов законодательных и нормативных актов по молодежной политике, координируют и оказывают содействие в реализации проектов и программ молодежных и детских объединений.

В сферу компетенции молодежных парламентских структур входит представление интересов молодежи в институтах власти; участие в нормотворческой деятельности в сфере образовательной и молодежной политики; подготовка перспективных кадров для работы в ГМП; организация и проведение социально значимых мероприятий, акций; участие в реализации федеральных и региональных программ.

В случае, если молодежная структура создается при органе исполнительной власти, она чаще всего получает соответствующее название – «молодежное правительство». Фактически молодежное правительство – это управленческий институт юных стажеров, формирующих в процессе своей деятельности личную практику административно-управленческой деятельности и привносящих в работу государственных органов живые мысли и свежие идеи. Молодежные правительства прекрасно себя проявили в Алтайском крае, Архангельской, Курганской, Ярославской и др. областях.

Есть также примеры успешного взаимодействия и взаимодополнения функционала обоих молодежных структур. Так, к примеру, в Саратовской, Ульяновской и еще некоторых других областях успешно сосуществуют и молодежный парламент, и молодежное правительство.

В виде исключения под термином МПр в регионе может функционировать социальная программа одной или даже нескольких партнерских молодежных орга-

низаций. В частности, такая практика успешно себя зарекомендовала в Германии и Австрии.

Целью молодёжного парламента, существующего в форме программы, является создание для активной молодежи возможностей участвовать в общественно-политической жизни региона, в процессе принятия управленческих решений, в процессе реализации решений, а также в процессе контроля за их исполнением.

Инструменты реализации такой программы могут быть весьма разнообразны: создание общественных молодежных приемных, проведение политических мониторингов в целевых аудиториях, организация теле-, радиопередач, ведение интеллектуальных рубрик на страницах газет, организация спортивных клубов, политических диспутов и даже рекламных кампаний.

В указанной интерпретации МПР представляет собой создание статусных органов молодежных объединений, которое должно стать одним из методов работы, но не целью и не итоговым продуктом.

При всех различиях понимания термина «Молодёжный парламент» с точки зрения конечной цели его существования предметная реализация этой концепции достаточно универсальна. Специалисты выделяют такие основные направления деятельности молодежных парламентов в регионах России, как представление интересов молодежи в органах власти, просветительская деятельность в молодёжной среде, законотворческая деятельность в сфере ГМП и подготовка молодых кадров [13, с. 6 – 9].

В настоящее время в тех или иных формах эта работа с молодежью распространилась практически во всех субъектах РФ [7]. Целями МПР, как правило, являются: агрегирование интересов и отстаивание прав молодежи; привлечение наиболее деятельной части молодежи к участию в формировании молодежной политики; формирование у молодых граждан высокого уровня правовой и политической культуры; содействие развитию общественной активности молодежи, обеспечение её участия в решении молодежных проблем.

Созданные инициативной молодежью и поддерживаемые органами государственной власти молодежные парламентские структуры все активнее и последовательнее претендуют на возможность выражать проблемы и интересы молодого поколения. Одним из направлений работы молодежных парламентских структур является повышение заинтересованности молодежи к участию в общественно-политической жизни страны, в повышении ее правовой грамотности. Всеобщие молодёжные открытые выборы МПР на сегодняшний день являются скорее исключением из правил, чем правило. К их числу можно отнести выборы МПР, которые прошли 15.02.2015 года в 44 округах Новосибирской области, где своим избирательным правом могли воспользоваться не только все молодые люди области в возрасте от 16 до 30 лет, но даже и представители других регионов России, имеющие в Новосибирской области временную регистрацию.

В последнее время молодежные парламентские структуры расширили круг взаимодействия с органа-

ми законодательной ветви власти и структурами местного самоуправления. В ряде субъектов федерации проводятся выборы в молодежные парламенты, организуются обучающие тренинги и другие мероприятия по привлечению молодежи к участию в электоральном процессе, целью которых является повышение активности молодых людей по участию в общественно-политической жизни российских регионов. Наряду с молодёжным парламентаризмом, другой возможной формой политической социализации студенческой молодежи может являться прохождение производственной практики в Государственной Думе или же в региональном законодательном органе. Хотя следует учесть, что реальность может существенно контрастировать с теорией [9], приводя молодежь к скепсису и даже разочарованию.

Обобщая изложенное, следует подчеркнуть, что использование практики молодежного парламентаризма действительно может способствовать привлечению молодежи к конструктивному участию в деятельности органов государственной власти, оптимизации планов и программ социально-экономического развития регионов Российской Федерации; совершенствованию эффективности привлечения молодых граждан к процессу разработки, принятия и реализации эффективных политических решений в сфере государственной молодежной политики; совершенствованию кадровой политики в сфере государственного и муниципального управления; выявлению пассионарных молодых людей; привлечению научного и творческого потенциала молодежи к участию в решении проблем государственной и муниципальной политики; созданию правовых условий и гарантий для партнёрства органов государственной власти, молодежных организационных объединений и носителей молодёжного активизма в реализации эффективной молодежной политики на всех уровнях.

Однако, отдавая должное бесспорным достоинствам этой формы политического участия молодежи, нужно всё же признать, что все вышеперечисленные типы молодёжных парламентов не могут рассматриваться в качестве полноценных субъектов гражданского общества и легитимно представлять интересы различных категорий молодежи, её субъектность.

Ведь далеко не в каждом региональном молодёжном парламенте действительно отражены интересы всех категорий молодежи, а система формирования парламентской структуры далеко не всегда основывается на процедурах легитимной выборности, чаще – это делегирование и конкурс. Сама специфика молодёжного парламентаризма заключается в имитации принятия политических решений структурой, не располагающей реальными управленческими ресурсами. Поэтому следует отдавать себе отчёт в том, что все вышеперечисленные формы молодёжного парламентаризма не могут рассматриваться нами в качестве полноценных форм, характеризующих полноценное участие субъектов гражданского общества, и, будучи созданы властными структурами, не могут заменить собой подлинную гражданскую инициативу молодежи.

Литература

1. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2009. 138 с.
2. Зеленин А. А. Молодежная политика Российской Федерации: инновационные технологии обеспечения и механизмы реализации. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 290 с.
3. Красникова Н. М. Взаимодействие и взаимовлияние молодежной политики и молодежного движения в современной России: дис ... канд. полит. наук. Пермь, 2008. 230 с.
4. Куприянова Г. В. Российское государство и молодежный парламентаризм // Молодежный парламентаризм в Российской Федерации: документы и материалы I Всероссийского семинара-совещания. Рязань, 2003. Ч. 1.
5. Молодежная общественная палата: сайт. Режим доступа: <http://www.molpalata.ru/> (дата обращения: 23.01.2015).
6. Молодежное парламентское движение России: сайт. Режим доступа: <http://www.newparlament.ru/workspaces/regional> (дата обращения: 23.01.2015).
7. Молодежные Парламенты России: сайт. Режим доступа: <http://www.mparlament.ru/> (дата обращения: 23.01.2015).
8. 5 Молодежный парламент при Государственной Думе ФС РФ: сайт. Режим доступа: <http://newparlament.ru/workspaces/view/88> (дата обращения: 23.01.2015).
9. Отчет по практике. Государственная дума. Неделя первая // Журнал демократического экстремиста ЖЖ. 10.12.2012. Режим доступа: <http://yeenzo.livejournal.com/46722.html?page=2#comments>
10. Палата молодых законодателей при Совете Федераций: сайт. Режим доступа: <http://chamber-of-yl.ru/> (дата обращения: 23.01.2015).
11. Пастухова Л. С. О молодежном парламентаризме в Российской Федерации // Право и политика. 2007. № 7(91). С. 123 – 129.
12. Совет по взаимодействию совета федерации с молодежными парламентами субъектов РФ, молодежными общественными объединениями РФ // Энциклопедический справочник // Совет федерации Федерального собрания РФ: сайт. Режим доступа: <http://council.gov.ru/about/reference/5758/> (дата обращения: 23.01.2015).
13. Чагаев Д. В. Молодежный парламент // «Молодежный парламент» – механизм реализации молодежной политики, интересов молодежи через участие в выборах всех уровней: материалы круглого стола. Опыт регионов. М.: Институт молодежи, 1999. С. 6 – 9.
14. Черных Н. В. Молодежные организации как акторы взаимодействия власти и формирующегося гражданского общества: дис ... канд. полит. наук. Ростов на/Д., 2008. 179 с.

Информация об авторе

Сергей Николаевич Чирун – кандидат социологических наук, доцент, академик Сибирской академии политических наук, действительный член РАПН, докторант КемГУ, 8-951-17-81-307, Sergii-tsch@mail.ru.

Sergey N. Chirun – Candidate of Sociology, Associate Professor, Member of the Russian Association of Political Scientists, doctoral student at Kemerovo State University.

(Научный консультант: Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, академик МАН ВШ, АСН и АПН, декан ф-та политических наук и социологии КемГУ.

Research consultant: Victor V. Zheltov – Doctor of Philosophy, Full Professor, Academician, Dean of the Faculty of Political Science and Sociology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

ИНТЕРНЕТ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ВОСПРИЯТИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Е. В. Шапкина

THE INTERNET IN THE MASS MEDIA SYSTEM AND SPECIFICS OF ITS PERCEPTION IN THE PUBLIC MIND

E. V. Shapkina

В статье ставится вопрос о месте Интернета среди современных медиа, особенностях его восприятия в общественном сознании, а также его роли в социально-политической жизни общества. Автор анализирует результаты социологического исследования, проведенного при его участии в мае 2014 г. в Кемеровской области, среди задач которого было изучение медиапредпочтений жителей Кузбасса. Автором рассматривается роль виртуальных социальных сетей во взаимодействии людей и их использование для политических целей. Автор отмечает, что сегодня сеть Интернет превращается в общепризнанный информационный канал, позволяющий в режиме реального времени проводить опросы по общественным проблемам, развертывать предвыборные кампании, предоставлять полную информацию о деятельности органов государственной власти, получать обратную связь. На сайтах администраций размещены виртуальные «общественные приемные», где можно задать вопрос, оставить свой отзыв. Согласно проведенному исследованию, большинство респондентов знают о сайтах администраций городов Кемеровской области, виртуальных «Общественных приёмных», где граждане могут задавать вопросы, оставлять отзывы, но мало кто из них это делал. Современное информационное обеспечение взаимосвязи органов государственной власти с общественностью, их открытость и прозрачность для общества влияет на эффективность власти и политическую поддержку граждан. Автор приходит к выводам, что кроме манипулирования общественным сознанием, возможности Интернета социальных сетей могут использоваться для диалога народа и власти.

The paper raises the question of the position of the Internet in the modern media, the specifics of its perception in the public mind, as well as its role in the socio-political life of the society. The author analyzes the results of the sociological survey conducted May 2014 in Kemerovo region, among the tasks of which was to investigate the media preferences of Kuzbass population. The author discusses the role of virtual social networks in the interaction of people and their use for political purposes. The author notes that today the Internet is turning into a generally recognized information channel that allows conducting real-time surveys on social issues, deploying election campaigns, providing full information on the activities of public authorities, receiving feedback. The websites of administrations host virtual “counseling offices” where question can be asked, and feedback can be submitted. According to the survey, the majority of respondents are aware of the websites of administrations of Kemerovo region cities and virtual “counseling offices” where citizens can ask questions, post reviews, but few of them did. The modern information support of the relations between the state authorities and the people, their openness and transparency to the public affects the efficiency of the power and political support of citizens. The author concludes that besides manipulating the public consciousness, the potential of the Internet and social networks can be used for dialogue between the people and the power.

Ключевые слова: Интернет, социальная сеть, СМИ, масс-медиа, блоги, PR.

Keywords: the Internet, social network, mass media, blogs, PR.

Интернет сегодня играет огромную роль в жизни людей, преобразуя социальные отношения общества. Он относится к новым средствам коммуникации, и нередко берет на себя функции классических СМИ.

Под коммуникацией понимают передачу информации (как процесс) от одной системы к другой посредством специальных материальных носителей, сигналов. Разделяют традиционные средства массовой коммуникации (в английском варианте – «масс-медиа») и новые средства коммуникации (новые медиа), использующие цифровые и сетевые технологии коммуникации.

Понятие «медиа» включает в себя совокупность средств и приемов, служащих для передачи информации конкретному потребителю в той или иной форме. Средствами могут выступать аудио-, теле- и визуальная коммуникация.

СМИ (телевидение, периодическая пресса, радио, кабельные телевизионные сети) относят к тради-

ционным масс-медиа. Интернет причисляют к новым директ-медиа. Также к новым медиа можно отнести «социальные медиа» как средства коммуникации групп сообществ (виртуальные социальные сети, блоги).

СМИ оказывают значительное влияние на жизнь современного человека, известно определение СМИ как «четвертой власти». Каждое из средств массовой информации имеет свою знаковую систему: печать – письменное слово и визуальный образ; радио – устная речь и музыка; ТВ – синтез устного слова, движущегося изображения и музыки; Интернет – синтез всего вышеуказанного.

В современном мире масс-медиа являются главным средством формирования общественного мнения. События, происходящие в 2014 г. на Украине (государственный переворот, гражданская война, убийство мирного населения на Донбассе), были бы невозмож-

ны без предварительного формирования общественного мнения посредством СМИ.

Электронные СМИ – мощный инструмент целенаправленного конструирования социальных порядков. Это средство выстраивания необходимых органам управления связей и отношений с группами общественности [8, с. 188]. Электронные СМИ очень популярны среди граждан. Они являются наиболее эффективным посредником между простыми людьми и субъектом управления.

1. Телевидение. Оказывает наиболее массовое и сильное социальное влияние и является основным источником новостей и информации. ТВ оказывает колоссальное влияние на умонастроение и поведения людей. Телевидение в глазах своей аудитории ближе других СМИ стоит к прямому, непосредственному, личностному и двустороннему общению. Такое восприятие создается эффектами присутствия, доверительности и диалогичности телекоммуникаций.

2. Радио. Уникальность радио – в его всеобщности и общедоступности. Люди пользуются радио, чтобы узнать новости, послушать музыку, развлечься и чувствовать себя причастными к жизни окружающего мира. Продолжительность жизни радиосообщения – так же как и телеинформации – не превышает длительности её передачи.

3. Интернет продолжает традиции развития глобальных электронных масс-медиа, причем возможности Сети выгодно отличаются от телевизионных: интернету не нужны громоздкие и дорогостоящие системы передачи сигнала. Интернет, как и телевидение, активно используется административными органами – удельный вес политического и управленческого контента имеет тенденцию к устойчивому росту.

В то же время существует отличие от остальных масс-медиа в аспекте потребления интернет-информации. Во-первых, чтобы получить информацию из Интернета, потребитель должен проявить очевидную активность, требующую порой серьезных интеллектуальных усилий. Во-вторых, данная активность основана на реализации права выбора потребителя. И это право является индивидуальным, в отличие от телевизионной информации, которая для достижения эффективности стремится к максимальной массовости и стандартизации.

Коммуникация в сети Интернет отличается оперативностью, сообщения информационных сайтов могут мгновенно тиражироваться сетевыми изданиями.

Традиционные СМИ переходят в онлайн, сегодня все крупнейшие информагентства, радио и ТВ-станции, газеты и журналы представлены в Интернете. Кроме того, появляются и отдельные сетевые издания. Например, информационно-политический портал СиБИнфо, ежедневный электронный общественно-политический журнал «Концептуал» и др.

Интернет относится к медиа, но это не масс-медиа. Дело в том, что структура общающихся субъектов в масс-медиа – от одного ко многим. Структура Интернета разнообразна – от многих ко многим, от одного к одному, от многих к одному. В Сети не работает традиционная схема распространения информации: от активного субъекта информатора к пассивному массовому объекту аудитории. Интернет-аудитория

состоит из активных сообществ, являющихся и отправителями, и получателями информации одновременно. Эта информация носит не массовый, но дифференцированный и даже специализированный характер.

Исследователи проявляют большой интерес к изучению Интернета и его возможностей. Большое количество исследований посвящено влиянию Интернета и социальных сетей на политическую мобилизацию, роли Интернета в протестной активности (В. В. Желтов, М. В. Желтов [1 – 3], А. В. Палин [12], Е. В. Матвеева [9], Е. Панченко, А. Н. Щербак, И. В. Ксенофонтова [14; 19; 7]). Имеются работы, посвященные социологическому анализу содержания российской блогосферы (О. Кольцова, А. Маслинский) [5]. Особо актуально изучение Интернета, блогосферы и социальных сетей как источника распространения экстремистских идей, в контексте угрозы национальной безопасности (А. Б. Коновалов, В. В. Шиллер) [6; 17 – 18].

В статье мы проанализируем особенности восприятия Интернета в общественном сознании. Под общественным сознанием понимается система теоретических и обыденных знаний, оценок, настроений, чувств и т. д., в своей совокупности отражающих общественное бытие [10, с. 66].

Кафедрой социологических наук КемГУ в мае 2014 г. было проведено социологическое исследование при личном участии автора, среди задач которого было изучение медиапредпочтений жителей Кемеровской области. Опрос проходил в городах Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Юрга, Новокузнецк, Березовский. Число респондентов составило 591 человек в возрасте от 18 до 80 лет. Опрос уличный, методом доступного случая, уровень репрезентативности выборки высокий.

Согласно опросу, наибольшее доверие из источников информации у жителей Кемеровской области вызывает Центральное ТВ (36,8 % от числа опрошенных), затем Интернет (33,7 %), местное ТВ (14,4 %), Пресса (9,7 %), Радио (5,4 %). Из ответов видно, что большого доверия не заслужил ни один из источников информации. Интернет, как и Центральное ТВ, не выбрала даже половина из опрошенных нами. В связи с этим можно поставить вопрос о доверии общества традиционным и новым СМИ.

Анализ ответов респондентов по возрастам свидетельствует, что в возрастной категории 18 – 30 лет Интернету как источнику информации доверяет 42,8 % респондентов; в возрасте 31 – 40 лет – 35,4 %; в возрасте 41 – 50 – 25,8 %; в возрасте свыше 60 лет – 13,6 %. Данные опроса показывают, что на людей старшего возраста Интернет не оказывает выраженного влияния, а на людей среднего возраста, и особенно молодежь, Интернет оказывает большое влияние.

Вместе с тем возрастает использование виртуальных *социальных сетей* во взаимодействии людей. Это ускоряет социальные и политические процессы, способствует духовному единению, пробуждает творческий потенциал динамичных групп населения регионов.

В социологии под социальной сетью понимают социальную структуру, состоящую из узлов (лиц или

организаций), которые связаны одним или более типами взаимозависимости. Например, они могут быть связаны дружбой, финансовыми взаимоотношениями, конфликтами, торговлей, общими ценностями, взглядами, мнениями, идеями. Аналитики социальных сетей (С. Д. Берковиц, С. Боргатти, Р. Бурти и др.) оперируют терминами «узлы» (отдельные акторы) и «связи» (отношения между узлами). Модели социальной сети могут включать в себя самые разные уровни связей: от семейных до национальных и общечеловеческих.

Интернет позволил интенсивно обмениваться смыслами, и на этой основе выросли различные виртуальные сообщества. Они демонстрируют принципиально новые типы социального взаимодействия. Солидарность ее членов не уступает традиционной. Интернет дает возможность делать новое сообщество и сотрудничать в невообразимых прежде масштабах и невиданным прежде образом.

В Интернете социальная сеть – это программный сервис, площадка для взаимодействия людей в группе или в группах. Она связывает разных пользователей и информационные ресурсы, соответствующие их интересам. Социальные сети обладают гигантским потенциалом и в PR-деятельности, они предоставляют новые возможности интерактивного взаимодействия.

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что социальными сетями уже охвачено более половины всех пользователей Интернета. Согласно данным проведенного нами исследования большинство опрошенных нами жителей Кемеровской области (69,7 %) для общения используют виртуальные социальные сети, не используют – 28,6 %.

Что касается предпочитаемых пользователями социальных сетей, то на Facebook зарегистрировано более 640 миллионов пользователей. В Twitter – более 200 миллионов пользователей, это равно двум населением США. Если бы Facebook был страной, это была бы третья по количеству жителей страна в мире (после Китая и Индии).

В России мода на социальные сети пришла в 2006 г. Самыми популярными из них считаются, согласно исследованию аудиторий социальных сетей, проведенному в марте 2014 года, «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой мир», «Фейсбук», «Твиттер» [4]. Согласно нашему опросу, использование социальных сетей жителями Кемеровской области выглядит следующим образом: первое место по частоте использования делят «Одноклассники» (38,3 %) и «ВКонтакте» (38 %), далее – «Мой мир» (12,8 %), Твиттер (5,7 %), «Фейсбук» (5,3 %). Среди молодежи от 18 до 30 лет социальную сеть «ВКонтакте» предпочитают 77,4 % опрошенных, «Одноклассниками» пользуются 37 %. В возрасте 31 – 40 лет приоритет отдан «Одноклассникам» – 67,4 %, «ВКонтакте» – 35,9 %.

Данная тенденция – предпочтение молодежью социальной сети «ВКонтакте» – прослеживалась и ранее. В 2011 г. было проведено исследование половозрастной структуры социальной сети «ВКонтакте». Было выяснено, что основной контингент данного ресурса представлен молодежью до 30 лет, причем основная часть пользователей является учащейся молодежью, полу-

чающей высшее или среднее профессиональное образование [16].

Возможности Интернета (социальные сети, блоги) можно использовать для политических целей. В статье «Россия и меняющийся мир» В. В. Путин пишет, что «Интернет и социальные сети превратились в эффективный инструмент политики и часто используются для манипулирования общественным сознанием и прямого вмешательства во внутренние дела суверенных государств» [15]. По его мнению, «арабская весна» ярко продемонстрировала, что мировое общественное мнение сейчас формируется с помощью активного использования продвинутых информационных и коммуникационных технологий. Акции протеста в арабском мире в 2011 г. организовывались при помощи социальных сетей Facebook, Twitter. Выкладываемые в этих социальных сетях тексты, фото- и видеоматериалы позволяли образовывать синхронные демонстрации против «авторитарных режимов». В Ливии народные протесты были организованы после попытки национального лидера Муаммара Каддафи взять под контроль свою нефтяную промышленность без иностранного участия. В России в 2011 – 2013 годах движение «белоленточников» и демонстрации на Болотной площади возникли после попытки обрести экономический суверенитет. Шагами к суверенитету явились создание Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой биржи, создание финансовой системы, которая бы дублировала Центробанк (неподконтрольный сейчас Президенту и Правительству РФ), а также попытки через эти механизмы осуществлять собственную эмиссию денежной массы в стране, не связанную с количеством долларов, а также торговать ресурсами за рубли.

Кроме манипулирования общественным сознанием, социальные сети в политике могут использоваться и для интерактивного общения зарегистрированных в социальных сетях политиков и чиновников с избирателями, с народом, Самым известным политиком в России, активно использующим этот инструмент PR, можно назвать Председателя Правительства Д. А. Медведева.

Многие губернаторы, мэры, чиновники ведут свои блоги (дневники) в сети. Свои блоги, помимо Д. А. Медведева, имеют губернаторы Калужской области (А. Д. Артамонов), Пермского края (В. Ф. Басаргин), Кировской области (Н. Ю. Белых) и др. Всего 32 губернатора вели свои блоги в 2013 г. Кроме блогов, губернаторы располагают официальными сайтами, интернет-приемными, где граждане могут писать свои обращения, письма.

Блоги как социальные сети предоставляют широкие возможности для публикации авторских текстов. Они дают возможность привлечения внимания к своей персоне, создания определённой репутации, повышения известности. Блогосферу можно было считать независимой журналистикой, но лишь до принятия закона о блогерах. 22 апреля 2014 г. Госдума приняла закон, приравнивающий блогеров, страницы которых посещают более 3 тыс. пользователей в день, к СМИ. В соответствии с принятым законом, владелец подобного ресурса должен регистрироваться в специальном реестре и брать на себя ограничения, действующие

для СМИ. Таким блогерам придётся работать по правилам прессы: соблюдать правила предвыборной агитации, не распространять экстремистские материалы, маркировать свои издания по возрастной категории. По мнению В. В. Путина, «если конкретный человек имеет влияние на тысячи, на десятки тысяч людей, то в принципе по сути этот блог (человека) мало чем отличается от СМИ».

Сегодня сеть Интернет превращается в общепризнанный информационный канал, позволяющий в режиме реального времени проводить опросы по общественным проблемам, развертывать предвыборные кампании, предоставлять полную информацию о деятельности органов государственной власти, получать обратную связь. На сайтах администраций размещены виртуальные «общественные приемные», где можно задать вопрос или оставить свой отзыв.

Большинство опрошенных нами в инициативном кафедральном исследовании жителей Кемеровской области (63,8 %) знают о сайтах администраций городов Кемеровской области, виртуальных «Общественных приёмных», где граждане могут задавать вопросы, оставлять отзывы. 16 % от опрошенных жителей Кемеровской области уже приходилось обращаться в виртуальную «Общественную Приемную» при администрациях города или Кемеровской области. Но 82,9 % респондентов отметили, что пока этого не делали. Современное информационное обеспечение взаимосвязи органов государственной власти с общественностью, их открытость и прозрачность для общества влияет на эффективность власти и соответственно политическую поддержку граждан.

Возможности Интернета среди прочих медиа-ресурсов выгодно отличаются. Так, при составлении мнения о репутации той или иной фирмы, организации, компании, персоны, большинство опрошенных нами жителей Кемеровской области планируют опираться на советы и мнения друзей, знакомых и родственников (37,5 %), на собственный опыт (31,4 %), на отзывы в Интернете (26,6 %). Реклама мало помогает составить своё мнение – так считают 4,5 % респондентов.

С учетом растущего числа пользователей связи между участниками групп в социальных сетях являются важным ресурсом для PR. За считанные дни количество вступивших в группу пользователей может достигать десятков тысяч человек. Создатели группы, заинтересованные в пиаре какого-либо объекта, могут приглашать пользователей в группу, выкладывать определённую информацию и модерировать групповую дискуссию. Посредством создания группы в социальных сетях можно придавать известность и формировать необходимое общественное мнение по поводу разных объектов.

Литература

1. Желтов В. В., Желтов М. В. Интернет и «арабская весна» // Социогуманитарный вестник. 2012. № 2(9). С. 85 – 95.
2. Желтов В. В., Желтов М. В. Интернет и современные политические движения (на примере арабских революций) // Интернет, власть и политика: сб. статей Международной научно-практической конференции. Кемерово, 2013. С. 3 – 17.

– Объектом PR может выступать какое-то место: страна, город или отдельная достопримечательность. Например, в «ВК» созданы группы «Музей-заповедник «Томская писаница», группа «Алтай», «Байкал», «Спортивный туризм в Кузбассе». Подобным пиаром могут заниматься, например, туристические компании.

– Объектом может выступать событие, например, конкретное массовое мероприятие. Создаются группы, посвящённые музыкальным фестивалям, концертам, дням города и др. Например, международный фестиваль здорового образа жизни и спорта FRESH FEST 2014, Крым. В «ВК» также есть опция приглашения пользователей в группы подобных мероприятий.

– Объектом PR может выступать какая-либо музыкальная группа, особенно активно этой возможностью PR пользуются начинающие группы. Нередко подобный PR оказывается очень эффективным, и многие молодые музыкальные коллективы выходят на новый уровень популярности.

– Объектом PR могут выступать политические партии и отдельные политики. Например, группа в «ВК» писателя Николая Старикова [11], лидера всероссийской политической партии Великое Отечество, насчитывает 157620 подписчиков и постоянно пополняется новыми.

По отношению к Интернету в общественном мнении можно проследить следующие тенденции. Несмотря на то, что Интернет сегодня является общепризнанным информационным каналом, в общественном сознании нет абсолютного доверия к нему как к источнику информации. Можно сделать вывод о том, что на людей старшего возраста Интернет не оказывает выраженного влияния, а на людей среднего возраста и особенно молодежь Интернет оказывает значительное влияние.

Интернет воспринимается как альтернативный источник разнородной нецензурированной информации, как место для общения, виртуального взаимодействия людей и структур власти. Возрастает использование виртуальных *социальных сетей* во взаимодействии людей, в диалоге народа и власти, что ускоряет социальные и политические процессы.

Новая эра коммуникации, благодаря сети Интернет, начинает менять привычные коммуникационные парадигмы. Исследования Интернета как нового современного медиа-ресурса и как PR-инструмента в нашей стране сегодня находятся в начальной стадии. Но мы можем прогнозировать все большее возрастание роли Интернета в социальных и политических процессах и внимание к нему со стороны научного сообщества.

3. Желтов В. В., Желтов М. В. Интернет, протестные движения и арабская весна // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета туризма и сервиса. Владивосток. 2014. № 1(24). С. 189 – 204.
4. Исследование аудиторий социальных сетей (март 2014). 24.03.2014. // SMMTUSA. Режим доступа: <http://smmtusa.ru/35-issledovanie-auditoriy-socialnyh-setey-mart-2014.html> (дата обращения: 20.11.2014).
5. Кольцова О., Маслинский А. Чем дышит блогосфера? К Методологии анализа больших текстовых данных для социологических задач // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2013. № 35.
6. Коновалов А. Б. Современная российская блогосфера как источник распространения экстремистских идей // Интернет, власть и политика: сб. статей Международной научно-практической конференции. Кемерово, 2013. С. 17 – 26.
7. Ксенофонтова И. В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. Май-июнь. С. 114 – 116.
8. Кузнецов В. Ф. Связи с общественностью: теория и технологии. М.: Аспект Пресс, 2007.
9. Матвеева Е. В. Интернет технологии в деятельности экологических неправительственных организаций // Современные тренды развития социогуманитарного знания: сборник трудов III Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию «Дня Знаний» в Российской Федерации, 1 – 4 сентября 2013 года. Ростов на/Д: Изд-во «Научное сотрудничество», 2013. С. 44 – 49.
10. Михайлов В. А. Социология общественного мнения: учебное пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2005. 383 с.
11. Николай Стариков: официальная страница // Вконтакте. Режим доступа: http://vk.com/nstarikov_club (дата обращения: 20.11.2014).
12. Олейник И., Лапшов А. «Плюс/минус» репутация. Российский опыт репутационного менеджмента. М.: Новости, 2003.
13. Палин А. В. PR-деятельность политиков в Интернете и социальных сетях // Интернет, власть и политика: сб. статей Международной научно-практической конференции. Кемерово, 2013. С. 205 – 212.
14. Панченко Е. Митинги «За честные выборы»: протестная активность в социальных сетях // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. № 7. С. 149 – 154.
15. Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Вестник Российской науки. 2012. № 22 – 23. Т. 2 – 3. С. 13 – 23. // Сайт Владимира Путина. Режим доступа: <http://putin2012.ru/> (дата обращения: 20.11.2014).
16. Шиллер В. В. Российские виртуальные социальные сети как каналы ретрансляции идей религиозного и национального экстремизма (на примере «Одноклассников» и «Вконтакте») // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сборник статей. Кемерово, 2013. С. 59 – 67.
17. Шиллер В. В., Шелудков Н. Н. Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «Одноклассники» и «Вконтакте») // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2013. № 1(53). С. 124 – 129.
18. Шиллер В. В. Социальная сеть «Вконтакте» как канал распространения неонацистских идей // Интернет, власть и политика: сб. статей Международной научно-практической конференции. Кемерово, 2013. С. 182 – 187.
19. Щербак А. Н., Кольцова О. Ю. «LIVEJOURNAL LIBRA!» Влияние политической блогосферы на политическую мобилизацию в России в 2011 – 2012 гг. // Интернет и современное общество: тезисы конференции. Санкт-Петербург, ИТМО, 9 – 11 октября 2013. СПб.: НИУ ИТМО, 2013. Режим доступа: <http://ojs.ifmo.ru/index.php/IMS/article/view/58/73> (дата обращение: 20.11.2014).

Информация об авторе:

Шапкина Елена Владимировна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологических наук КемГУ, shapkinaev@mail.ru.

Elena V. Shapkina – Candidate of Political Science, Senior Lecturer at the Department of Sociology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.12.2014 г.

УДК 322:261.7

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОЦЕССЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КУЗБАССЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

В. В. Шиллер

CONFESSIONAL POLICIES AND PROCESSES OF INTER-CONFESSIONAL INTERACTION IN KUZBASS IN THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

V. V. Shiller

В статье рассматриваются изменения конфессиональной карты Кузбасса, произошедшие в результате смены вектора государственной конфессиональной политики в начале 1990-х гг., трансформации внутренней структуры религиозных объединений, включая половозрастной состав, географию размещения в рамках населенных пунктов, направления миссионерской деятельности, а также процессы межконфессионального взаимодействия на рубеже XX – XXI вв.

The paper discusses the changes in the confessional map of Kuzbass that occurred as a result of the change of the state religious policy vector in the early 1990s., the transformation of the internal structure of religious communities, including the age and sex composition, geographical location within the settlements, the direction of missionary activity, as well as inter-confessional interaction processes at the turn of the 20th – 21st centuries.

Ключевые слова: конфессиональная политика, внутренняя структура религиозных объединений, неопятидесятники, евангельские христиане-баптисты, католики, лютеране, межконфессиональное взаимодействие.

Keywords: confessional policy, internal structure of religious groups, Neo-Pentecostals, Baptists, Evangelicals, Catholics, Lutherans, inter-confessional cooperation.

В последнее десятилетие XX в. в результате изменения вектора государственной конфессиональной политики происходит трансформация этноконфессионального состава и внутренней структуры религиозных объединений страны и регионов. Не обошли эти процессы стороной и Кузбасс, в котором отдельные этноконфессии практически исчезли с конфессиональной карты региона. Во многом это было обусловлено массовым выездом за границу представителей одной из самых крупных этнических групп, являющейся активной движущей силой процессов этноконфессионального взаимодействия – немцев. После их отъезда совершенно исчезли с конфессиональной карты Кузбасса меннониты, многие русско-немецкие группы евангельских христиан-баптистов (далее ЕХБ) городов Осинники, Таштагол, Новокузнецк стали практически русскими, изменив ряд основных структурных характеристик. Произошло кардинальное обновление этнического состава Свидетелей Иеговы – с украинцев на русских. На конфессиональной арене появились новые, ранее неизвестные конфессии. Не имевшие в советский период широкого распространения вероисповедания стали набирать силу и вес.

По данным Управления юстиции Администрации Кемеровской области на 1 января 1996 г. в области было зарегистрировано: семь общин ЕХБ; девять общин Христиан Полного Евангелия (харизматы); семь общин Свидетелей Иеговы; шесть приходов Римско-католической церкви; три общины Христиан веры Евангельской (пятидесятников); три мусульманских общины; два общества Сознания Кришны; одна община АСД; одна лютеранская церковь; одна буддийская община; один старообрядческий приход; одна община ИПЦ «Богородичное братство» и пять христианских миссий [6]. Кроме этого, с незарегистрированным уставом действовали группы старообрядцев (преимущественно на территории Таштагольского

района), восемнадцать объединений евангельских христиан баптистов, относящихся к Совету церквей ЕХБ (потомки баптистов – «инициативников»), десять общин пятидесятников (т. н. нерегистрируемые пятидесятники), пять общин АСД, шесть общин лютеран, две общины Свидетелей Иеговы и шесть объединений мусульман [6]. Таким образом, в целом конфессиональный состав области по сравнению с советским периодом изменился несущественно.

Изменения проявились только в практическом исчезновении общины меннонитов, что связано с выездом большей части носителей этой конфессии – немцев – за границу и появлением абсолютно новой для России конфессии – неопятидесятников или харизматов. Последние появились на территории России и Кузбасса в частности в начале 1990-х гг. Предварительно была запущена реклама в телевизионной программе «Детский час с уроком английского языка». В этой передаче транслировали мультфильм «Супер-книга» (США), в титрах которого был размещен адрес, по которому могли писать все, желающие изучать Библию. Желающие нашлись, и в Россию стали приезжать американские миссионеры, основывая общины неопятидесятников. Кроме этого, как и в советское время, больше половины общин действовали без регистрации (65 нелегальных против 50 зарегистрированных без учета приходов РПЦ). Что касается численности верующих, входящих в перечисленные объединения, то этой информацией в настоящее время не обладает ни одна из существующих в области государственных структур в силу исключительно высокой динамики изменения конфессиональной обстановки в области. Поскольку мониторинговых замеров этноконфессиональной ситуации в Кузбассе не проводится, исследования в этой области обречены опираться на использование выборочного метода с достаточно низкими показателями репрезентативности получен-

ных результатов. Излагаемый ниже материал в силу этого носит в большей степени иллюстративный характер.

Структура религиозных общин. В настоящее время большинство протестантских объединений, как и в советский период, были сформированы на основе территориальных групп [9, с. 81]. Наиболее отчетливо это прослеживается в структурной организации Свидетелей Иеговы. По данным Управления Минюста по Кемеровской области в каждом крупном населенном пункте последние регистрировались как одна община [11, л. 18]. В результате проведенных полевых работ в период 1999 – 2002 гг. на территории городов Кемерово и Осинники нам удалось выяснить, что все общины Свидетелей Иеговы, функционирующие на территории вышеназванных городов, четко сегментировались на так называемые собрания, сформированные по территориальному признаку и включающие в свой состав не более 100 человек. Кроме этого, нам удалось получить экспертную оценку от «возвещателя» одного из Новокузнецких собраний («Новокузнецк-Запсиб»). Община г. Кемерово по состоянию на 21 января 2001 г. включала в свой состав шесть собраний. Места локализации последних четко прослеживаются по их названиям: «Кемерово-Центральная», «Кемерово-Радуга», «Кемерово-Южный», «Кемерово-Томская набережная», «Кемерово-Кировский» и «Кемерово-Ленинский» [11, л. 26 – 28].

В г. Осинники прослеживалась такая же ситуация. По состоянию на 19 августа 2000 г. в состав общины входили четыре собрания. Первое действовало в районе ПТУ № 45, в здании которого и проводились занятия по изучению Библии, второе – в районе ПТУ № 60 и два остальных функционировали в районе Ремонтно-строительного управления, где занятия одного собрания проходили в пятницу, а второго – в субботу [11, л. 1].

Ситуация с третьим и четвертым собраниями вполне объяснима следующими фактами. В 1950 – 1960-х гг. именно в этом районе проживали и активно действовали Свидетели Иеговы. С начала 1990-х гг. начался интенсивный рост их объединений. Быстрее всего росла группа, существовавшая еще в советское время. Согласно положению, регламентирующему порядок деятельности общин Свидетелей Иеговы, число членов одного собрания не должно превышать 100 человек. Если лимит превышался, то оно делилось на две части, что и было зафиксировано нами. По полученным данным основу собраний составляли верующие, проживающие на близлежащей территории, что позволяет нам с большой долей уверенности говорить о том, что мы имеем дело с *территориальными группами*.

Подобная структура в синхронный период фиксировалась и у неопятидесятников г. Кемерово. По полученной от члена Кемеровского христианского центра Ф. С. информации выяснилось, что община делится на «домашние церкви», сформированные по *территориальному принципу* [11, л. 59]. В каждой «домашней церкви» имеется лидер и его помощник. На общих собраниях члены «домашних церквей» встречаются только по воскресным дням, взаимодействуя в будние дни исключительно в рамках своей территори-

альной группы. На общем собрании общины пастором дается определенная тема, которую верующие в рамках «домашней церкви» должны разбирать [11, л. 59]. Численность групп колеблется от 10 до 20 человек [11, л. 62]. В случае превышения численного лимита «домашней церкви» она, как и собрание у Свидетелей Иеговы, делилась на две части. Так как рост группы был неизбежен, то лидер последней начинал подбирать себе помощника с момента ее основания и готовил к тому, что после отделения помощник возглавит новообразованную «домашнюю церковь».

В неопятидесятнической общине «Примирение» г. Таштагола также прослеживается наличие территориальных групп. Община была основана в 1999 г. как дочерняя от церкви «Слово Примирения», расположенной в п. Шерегеш Таштагольского района. В 2001 г. мы провели выборочный анкетный опрос членов «Примирения», результаты обработки которых свидетельствуют о том, что 56 % верующих, проживающих в Таштаголе, были крещены до 1999 г. и изначально примыкали к общине «Слово Примирение» [3].

Наличие территориальных групп прослеживается не только у протестантов, но и у старообрядцев г. Таштагола. Последние компактно проживают в районе т. н. «кержацкого лога» (пересекающихся улиц Р. Люксембург и Ключевой) и подчиняются старейшинам, проживающим в поселках Килинск и Сокол Таштагольского района [11, л. 63].

Таким образом, можно говорить, что значительная часть религиозных общин современного Кузбасса сформированы, как и в советский период, на основе территориальных групп.

Систему расселения ввиду узости источниковой базы по материалам анкетирования и метода включенного наблюдения, к сожалению, реконструировать не удастся. Но информация, изложенная в предшествующем разделе, дает основания говорить, что верующие, как и в советский период, были расселены дисперсно – по всей территории населенного пункта.

Демографическая ситуация и образовательная структура. При оценке половозрастного состава религиозных общин мы руководствовались теми же принципами анализа, что и при характеристике демографической структуры общин советского периода. По материалам выборочного анкетного опроса общины неопятидесятников «Примирение» г. Таштагола и собрания «Кемерово-Центральная» Свидетелей Иеговы, проведенного в 2001 г., а также по данным визуального наблюдения и экспертных оценок, полученных от руководящего и рядового состава общин РПЦ, пятидесятников, неопятидесятников, Свидетелей Иеговы, адвентистов седьмого дня, Римско-католической церкви прослеживаются следующие тенденции:

- по материалам анкетного опроса прослеживается, что половой состав остался достаточно типичным для протестантов с советского времени: в численном отношении женщины превышают мужчин в 2,5 – 3 раза [9, с. 264 – 270, 273];

- данные визуального наблюдения по общинам ЕХБ г. Кемерово, ХВЕ «Благая весть», «Возрождение», неопятидесятнической общины «Любовь Христа», четырех общин АСД г. Кемерово, общины като-

ликов г. Кемерово и проч. показывают, что женщины численно превышают мужчин в 2 – 3 раза и в этих объединениях. Этот показатель существенно не изменился, но зато резко изменился возрастной состав [10, л. 74; 11, л. 36, 42, 60];

- по материалам анкетного опроса лица трудоспособного возраста у неопятидесятников «Примирения» составляют 90 % (из них 50 % – лица до 30 лет), а у Свидетелей Иеговы 75 % [3; 4]. И в том и в другом объединении отмечается наличие значительного числа представителей возрастной группы 15 – 19 лет [9, с. 306];

- по данным визуального наблюдения молодежь существенно преобладает в неопятидесятнических общинах «Благая весть» и «Любовь Христа», имеющих в своем составе преимущественно студентов Кемеровских вузов [11, л. 68 – 69];

- по результатам опроса респондентов подобная ситуация отмечалась и в Кемеровском христианском центре. Связано это было с тем, что первые харизматические общины в области организовывали миссионеры из США. В силу того, что русский язык они знали плохо, им пришлось обратиться к студентам факультета РГФ КемГУ, некоторые из которых затем примкнули к вновь организуемой общине. Последние затем приводили друзей с других факультетов или вузов [11, л. 53];

- по информации экспертов по возрастному составу общин АСД г. Кемерово во всех общинах лица трудоспособного возраста составляют более 70 %. Подобная тенденция наблюдается и в приходах РПЦ [11, л. 69 – 70];

- по данным визуального наблюдения в состоянии демографической старости на сегодняшний день продолжают оставаться общины «ортодоксальных» пятидесятников и католиков области. В католическом приходе г. Кемерово основную часть составляют женщины предпенсионного и пенсионного возраста. Подобная же ситуация отмечалась и в Таштаголе, где основу прекратившего существование в конце 1990-х гг. прихода Рождества Пресвятой Богородицы составляли пожилые немецкие семейные пары. Подобное состояние фиксировалось в общине пятидесятников «Возрождение» г. Кемерово, в которой, по результатам наших наблюдений, доминируют женщины престарелого возраста [11, л. 55]. Ситуация с «ортодоксальными» пятидесятниками вполне объяснима. Неопятидесятники, появившись в начале 1990-х гг. на территории области, ориентировались главным образом на молодежь. Имея значительное сходство в догмах и обрядах с пятидесятниками, они значительно пополнили свои общины молодыми пятидесятниками. Отток молодежи привел к значительному старению объединений «ортодоксальных» пятидесятников, которые в советское время были достаточно молодыми, вербуя себе приверженцев из рядов ЕХБ. В настоящее время пятидесятнические общины пополняются преимущественно пожилыми людьми, что, с одной стороны, обусловлено спецификой миссионерской деятельности протестантов, осуществляющих которую все крещенные члены религиозных общин, ориентируясь при ее проведении на лиц своей возрастной группы, имеющих схожий уровень образования и социальный

статус, а с другой – тем, что молодежь при выборе общины примыкает к той, где преобладают лица близкого к ним возраста;

- прослеживается резкое изменение образовательного уровня верующих. В советский период русские верующие, имеющие начальный уровень образования или не имеющие никакого, составляли 75 – 80 % от общего числа [9, с. 224].

В настоящее время образовательный уровень верующих значительно вырос. По материалам анкетного опроса верующих неопятидесятнической общины «Примирение» 11 % имеют неполное среднее образование (в эту группу включаются школьники, являющиеся членами общины, и пожилые верующие), 63 % – среднее и среднее специальное и по 13 % – неполное высшее и высшее [9, с. 306]. У Свидетелей Иеговы лица с неполным средним составили всего 3 %; со средним и средним специальным – 57 %; с неполным высшим – 15 % и, соответственно, имеющие высшее образование – 25 %. Эти данные отражают, скорее всего, не реальную ситуацию, а местную специфику. Если бы анкетным опросом было охвачено «собрание» не Центрального, а Заводского района, то количество лиц с высшим и неполным высшим образованием было бы значительно ниже.

По экспертной оценке новокузнецкого «возвещателя» одного из собраний Свидетелей Иеговы социальный облик собрания жестко детерминирован социальным составом района, в котором оно функционирует. В качестве примера приведем полевые материалы по двум собраниям Новокузнецкой общины: действующее в районе Запсиба и Центральном районе города. Запсиб является преимущественно рабочим районом, и, соответственно, основную часть верующих данного собрания составляют рабочие. Собрание Центрального района по большей части представлено служащими, учителями, врачами и бизнесменами [11, л. 28 – 29].

По данным опросов руководящего и рядового состава других протестантских общин отмечается та же тенденция. Упомянутая выше кемеровская община «Благая весть» в анализируемый период состояла более чем на 70 % из студентов вузов и лиц, имеющих высшее образование. Объединение «Любовь Христа» г. Кемерово включало в свой состав преимущественно студентов высших учебных заведений города. Основу неопятидесятнических общин г. Кемерово на 50 – 60 % составляли студенты вузов и лица, имеющие высшее образование. По экспертной оценке проповедника АСД А. Ж. во всех адвентистских объединениях г. Кемерово больше половины составляли люди со средним, средним профессиональным и высшим образованием [11, л. 55 – 57]. Таким образом, прослеживается очевидная тенденция значительного изменения образовательной структуры верующих религиозных общин, что напрямую обусловлено государственным курсом конфессиональной политики в изучаемый период.

Миссионерская деятельность осуществлялась протестантами по схеме, практикующейся до вступления в силу Постановления ВЦИК-СНК 1929 г. [8, с. 135]. В анализируемый нами период она проводилась как рядовыми верующими в рамках территори-

альных групп, так и профессиональными проповедниками в других населенных пунктах. Миссионерскую деятельность осуществляли территориальные группы практически всех конфессий, но наиболее жесткая схема практиковалась у Свидетелей Иеговы, которые делили территорию, где существует собрание, на участки, каждый из которых охватывался миссионерской деятельностью рядовых членов собрания. Миссионерский участок, обслуживаемый возвещателем, должен включать в себя и его местожительство. Помимо рядовых возвещателей в каждом собрании имеется штат профессиональных миссионеров, называемых «пионерами», которые делятся на *общих*, затрачивающих на проповедь не менее 120 часов в месяц, и *специальных*, проповедующих не менее 250 часов в месяц. За границами территориальных групп возвещатели миссионерскую деятельность фактически не осуществляли.

Неопятидесятники предпринимали неоднократные попытки распространения своего вероучения среди малочисленных этносов Кузбасса. Верующие общины «Примирение» г. Таштагола, начиная с момента своего основания (с 1999 г.), на протяжении нескольких лет с наступлением летнего периода сплавлялись на байдарках по р. Мрассу от п. Кабырза до г. Мыски, осуществляя миссионерскую проповедь среди шорского населения. В 2000 г. они были проездом в отдаленных поселках Усть-Анзас и Чилису-Анзас, где раздавали книги и демонстрировали фильм об Иисусе Христе. «Примирением» в период с момента основания и до настоящего времени был основан ряд дочерних общин в поселках Каз, Шалым, Кабырза, Ключевой [11, л. 70 – 72].

Свидетели Иеговы для расширения рядов своих приверженцев разрешали своим последователям употреблять спиртные напитки. Ограничение вводилось только на курение и прием наркотиков.

Полевые материалы однозначно свидетельствуют не только о возросшей миссионерской активности религиозных конфессий, но и о динамически меняющихся формах, адаптированных к потребностям населения. Эффективность деятельности при этом резко возрастает в социально-неблагополучных районах.

Взаимоотношения неправославных конфессий с РПЦ. Ограничения на деятельность религиозных организаций были сняты новым законом о «Свободе совести и о религиозных организациях» [3], отменявшим основные положения «Постановления» 1929 г. [8, с. 135]. Согласно ему, религиозные общины приобретали статус юридического лица, территория религиозной проповеди не ограничивалась только молитвенным домом и местом жительства верующих. Кроме этого, прохождение процедуры регистрации для беспрепятственной деятельности не являлось обязательным. Новым законом осталась недовольна только Русская Православная Церковь, поскольку она в правовом отношении была поставлена в один ряд с католиками, протестантами и новыми для страны религиозными течениями, включая сайентологов, мунитов, кришнаитов и проч. Однако, несмотря на это, она активно стала использовать появившиеся правовые возможности для сбора данных о неправославных объединениях путем запроса в государственные уч-

реждения, курирующие и регистрирующие религиозные организации. В середине 1990-х гг. Епархиальное Управление Кемеровской области ежегодно запрашивало данные на неправославные религиозные организации, действующие как легально, так и с незарегистрированным уставом. С принятием в 1997 г. нового закона о «Свободе совести и о религиозных объединениях», отдававшего приоритет РПЦ и значительно ограничивающего в правах те конфессии, которые существуют на территории РФ менее 15 лет [6], возможности православной церкви значительно расширились, что отразилось на усилении «антисектантской борьбы», нацеленной, прежде всего, на неопятидесятников и Свидетелей Иеговы. На протяжении всего рассматриваемого периода в Кузбассе периодически фиксировались случаи активного противодействия РПЦ развораживающейся деятельности указанных религиозных объединений, отложившихся в виде отчетов и докладных в архиве епархиального управления КНЕ [11, л. 36, 54; 1, л. 16]. Из всего перечня протестантских конфессий наиболее терпимое отношение у православной церкви отмечалось только к евангельским христианам-баптистам, существующим на территории России более 100 лет. Кроме того, в рассматриваемый период православная церковь крайне настороженно относилась к *католикам* (РПЦ не считает католицизм традиционной для России конфессией – *прим. автора*) [5], ожидая от них активной миссионерской деятельности среди православной паствы. Однако с учетом того, что на территории Кузбасса католических приходов было немного и при осуществлении миссионерской работы они ориентировались преимущественно на немцах и поляках, опасения РПЦ не имели реальной основы.

Акции православной церкви стимулировали интенсификацию процессов межконфессионального взаимодействия.

Межконфессиональные взаимоотношения в конце XX – начале XXI вв. Межконфессиональные взаимоотношения в анализируемый период выстраивались в направлениях прозелитизма и консолидации неправославных религиозных объединений под влиянием факторов внешней среды в лице РПЦ. Источниками пополнения религиозных неправославных групп являлись:

- неверующие друзья и знакомые верующих;
- родственники верующих (в том числе попадающие в общину с рождения);
- бывшие православные, разочаровавшиеся в принципах вероисповедания;
- верующие других протестантских конфессий.

Активно обменивались прозелитами евангельские христиане-баптисты и неопятидесятники, а также православная церковь и ряд протестантских конфессий, включая евангельских христиан-баптистов, неопятидесятников и адвентистов седьмого дня. В одностороннем порядке от Свидетелей Иеговы разочаровавшиеся в принципах вероучения уходили к пятидесятникам и неопятидесятникам, как правило, не испытывая ни малейшего желания вернуться обратно.

Интеграция религиозных объединений в Кузбассе на рубеже веков отмечалась, прежде всего, в протестантском крыле. Основным фактором, детермини-

рующим эти процессы, являлся комплекс мер, принимаемых Русской Православной Церковью в рамках борьбы с сектантством. Для сохранения своей организационной структуры, концентрации ресурсов и оказания информационного противодействия многие конфессиональные группы начинали объединяться, проводя совместные мероприятия и образуя новые организационные структуры. Основанием для инте-

грации являлось доктринальное и обрядовое сходство, а также исторически сложившиеся отношения. Для иллюстрации этого тезиса мы, применив *кластерный анализ*, по ряду типологизирующих признаков, отражающих базовые догматические установки и обрядовые элементы, осуществили группировку наиболее крупных конфессий, существующих в Кузбассе в советский и постсоветский период (рис.).

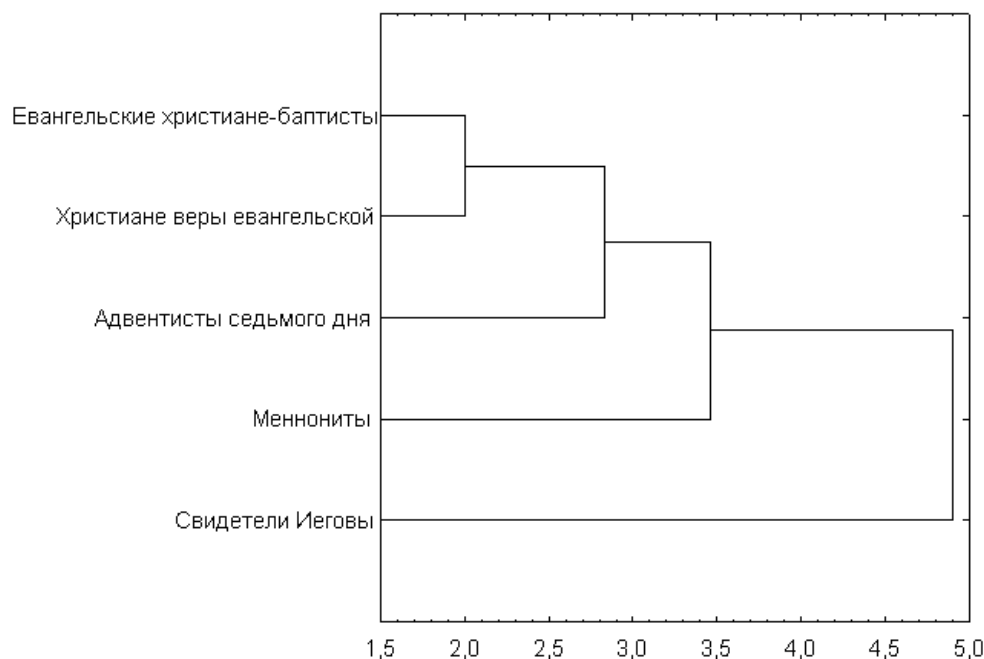

Рис. Дендрограмма кластеризации протестантских конфессий Кузбасса

Из анализа дендрограммы следует, что наибольшее сходство отмечается между евангельскими христианами-баптистами и христианами веры евангельской (пятидесятниками и неопятидесятниками). Довольно близко к ним стоит кластер, образуемый адвентистами седьмого дня. Свидетели Иеговы находятся на значительном расстоянии от основных протестантских конфессий, что обусловлено спецификой религиозной доктрины, обрядовой стороной, тактикой миссионерской деятельности и совокупностью политических представлений, в конечном итоге определивших им аутсайдерские позиции в конфессиональном пространстве региона. Несмотря на существующие разногласия между всеми протестантскими конфессиями, в негативном отношении к Свидетелям Иеговы они единодушны. 68 % верующих «Примирения» при ответе на вопрос о том, «с какими вероисповеданиями у вас имеются разногласия», указали Свидетелей Иеговы [3].

Полевые материалы фиксировали взаимное тяготение пятидесятников и неопятидесятников, обусловленное как жесткой позицией РПЦ, рассматривающей и ту, и другую конфессию как изуверскую и деструктивную, так и ужесточением религиозного законодательства, урезающим в соответствии с законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» от

1997 г. права конфессиональных групп, существующих на территории России менее 15 лет [7]. Поэтому после 1997 г. практически во всех городах Кузбасса исчезают зарегистрированные общины Христиан Полного Евангелия (в том числе и «Слово Примирения» стала именоваться не Христианами Полного Евангелия, а Христианами Веры Евангельской (пятидесятниками) с одновременным увеличением числа общин Христиан Веры Евангельской (пятидесятников).

Наблюдается взаимное тяготение между *баптистами и пятидесятниками* (как ортодоксальными, так и неопятидесятниками). Несмотря на сохранившееся до сих пор разногласие, связанное с дарами Святого Духа, догматически-обрядовое сходство, хорошо прослеживающееся по результатам кластеризации, а также общая история определяют их активное взаимодействие на поприще организации совместных религиозных мероприятий и акций. Позитивные отношения верующих обеих конфессий фиксируются и в материалах анкетного опроса. Так, на вопрос о том, «с каким вероисповеданием у вас существуют разногласия», ЕХБ не назвал никто, а на вопросы «с каким вероисповеданием ваша вера имеет сходство» и «с представителями какой конфессии вы общаетесь» 50 % назвали баптистов [3].

Подводя итоги можно отметить следующее.

1. В рассматриваемый нами период по сравнению с советским временем в системе межконфессиональных отношений практически ничего не изменилось. Если в советский период процессы межконфессионального взаимодействия выстраивались вокруг отношений баптистов и пятидесятников, то и на рубеже веков эти процессы были тесно завязаны на контактах общин евангельских христиан-баптистов и пятидесятников (неопятидесятников).

2. Изменения произошли во внутренней структуре общин: резко вырос образовательный уровень верующих, произошло резкое омоложение состава (хотя по

отношению к другим конфессиям об этом надо говорить с известной долей осторожности, поскольку данная ситуация типична для общин харизматов).

3. Изменился и фактор воздействия на религиозные общины, переместившись из ведения государственных структур в сферу деятельности РПЦ, которая использует в борьбе против протестантов как приемы идеологического воздействия, так и дружелюбные отношения с органами местной власти. Протестанты, не ввязываясь в борьбу, как и в советское время, стараются поддерживать тесные контакты между собой, забыв некоторые старые обиды и догматические расхождения.

Литература

1. Епархиальный миссионерский отдел // Архив Управления Кемеровской и Новокузнецкой епархии.
2. Закон СССР «О свободе совести и о религиозных организациях» от 1 октября 1990 г. № 1689-1. Режим доступа: <http://r-komitet.ru/vera/26.htm> (дата обращения: 12.03.2015).
3. Материалы анкетного опроса общины «Примирение» г. Таштагола 2001 г. // Архив лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ.
4. Материалы анкетного опроса собрания «Кемерово-Центральная» Свидетелей Иеговы 2001 г. // Архив лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ.
5. Религии и секты в современной России. Краткий справочник. Новосибирск, 2000. С. 45.
6. Список религиозных организаций, устав которых зарегистрирован в Управлении Юстиции Администрации Кемеровской области (кроме религиозных организаций РПЦ) по состоянию на 1 января 1996 // Архив Управления КНЕ.
7. Федеральный Закон Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ с комментарием. М., 1998.
8. Шиллер В. В. Направления конфессиональной политики Советского государства и индикаторы ее оценки в Кузбассе в 1920 – 1960 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 2. С. 129 – 142.
9. Шиллер В. В. Этноконфессиональное взаимодействие в Кемеровской области в конце XIX – XX вв. (источники и методы изучения): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 308 с.
10. Шиллер В. В. Полевой дневник № 1 // Архив лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ.
11. Шиллер В. В. Полевой дневник № 2 // Архив лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ.

Информация об авторе:

Шиллер Вадим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук КемГУ, shiller.vadim@yandex.ru.

Vadim V. Shiller – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

МАРГИНАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ – ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Л. Л. Шпак, Е. В. Головацкий

MARGINAL CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOUR AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

L. L. Shpak, E. V. Golovatsky

В данной статье авторы предлагают методологическое прочтение маргинальности применительно к социологическому изучению такого объекта, как политическое сознание и поведение. Статья раскрывает противоречия в политическом сознании и поведении, позволяющие рассматривать этот объект в маргинальном аспекте. Даны критерии маргинализации политического сознания и поведения в переходном обществе. Авторы характеризуют некоторые правила социологического анализа объекта.

The paper offers a methodological approach to marginality in the context of sociological study of political consciousness and behaviour. The paper shows the contradictions in political consciousness and behaviour which allow to consider the phenomena in the marginal aspect. The criteria of political consciousness and behavior marginalization in transitive society are listed. The authors characterize some rules of sociological analysis of the phenomena.

Ключевые слова: политическое сознание, политическое поведение, маргинальность, объект исследования, исследовательский механизм.

Keywords: political consciousness, political behaviour, marginality, the object of investigation, investigational mechanism, sociological analysis.

Разработкой методов и методологических проблем в изучении политики занимались и занимаются многие известные в России ученые разных поколений: В. Н. Амелин, Г. С. Батыгин, И. В. Бестужев-Лада, В. Э. Бойков, И. А. Бутенко, Ю. Е. Волков, И. А. Голосенко, В. Б. Голофаст, М. К. Горшков [2], В. Г. Гречихин, Б. А. Грушин, В. С. Дудченко, В. Я. Ельмеев, А. Г. Здравомыслов [4], В. В. Козловский, В. С. Комаровский, Б. И. Краснов, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, В. Г. Мордкович, Э. Н. Ожиганов, Г. В. Осипов, Е. В. Охотский, А. И. Пригожин, Н. В. Романовский, М. Н. Руткевич, Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядов и мн. др.

В политической практике сторонникам различных идеологических направлений приходится учитывать умонастроения людей, оттенки, смещения идеологических воззрений, исходить из возможностей наилучшего в сложившихся ситуациях, т. е. оптимизировать отношения с теми, кто не разделяет полностью данных идеологических установок. Возникает возможность рутинизации информационных установок от целевых аудиторий. Особенно это важно для удержания собственной социальной базы политических борьбы и перехвата политических лозунгов оппонентов, мобилизующих население.

Маргинальность имеет тенденцию к универсализации в политике. Деление маргинальных категорий населения на традиционных и новых маргиналов является условным, пригодным, скорее, для использования в учебных целях. Да и сами маргиналы становятся несколько устаревшим объектом социологического анализа. Актуализируется то, что порождено взаимодействием маргиналов, распространением их социальных и асоциальных свойств среди населения, тенденцией гибридной маргинализации общественных взаимодействий, связей и отношений.

Социологам приходится иметь дело с различными объектами, в том числе и с такими отвлеченными, как сознание, и с такими междисциплинарно дифференцированными, как поведение. Их профессиональное сознание, соединяясь с компетентностью, делает ис-

следовательский механизм познания маневренным, гибким, готовым к ситуационным изменениям.

Профессиональная компетентность социологов во многом определяется их способностью к социологическому анализу реальной социальной и политической практики и владением методологическим арсеналом систематизации исходной информации. Надо заметить, что в переходном обществе политическое сознание и поведение становятся totally маргинальными для самых динамичных субъектов политики. При всем стремлении к нейтральности и объективному изучению жизни социологи вытягиваются в складывающуюся в обществе расстановку политических сил, формируют индивидуально-личностные предпочтения и позиции. Скрытые привычки, прошлые взаимодействия держат социологов в пространстве социальных связей и отношений, находящихся на границе нового, еще не укоренившегося в социокультурной почве. Это реальность адаптивного поведения исследователя как наблюдателя в политическом пространстве жизни (П. Бурдьё, А. Ф. Филиппов).

Социологи, призванные быть профессионально нейтральными в исследованиях, оказываются вовлеченными в политику: могут тормозить нововведения своими рекомендациями, консультациями, предостережениями, могут, наоборот, лоббировать ускоренный переход от старого к новому, участвовать в подготовке политических решений. Профессионализм может превратиться в барьер на пути освоения нового, особенно при условии детального пространственно-временного заполнения исследуемого предмета, когда от социолога требуется соблюдение этапов и подэтапов, хронометража, поддержания запасов знаний и др. социально значимых ресурсов для маневрирования.

Подобное противоречивое балансирование на грани привычного и незнакомого для народа особенно характерно для тех, кто становится политическим или государственным деятелем по призванию и/или избранию, по воле случая или по велению соратников,

по принадлежности к той или иной организации, группе давления на власть.

Есть и такие участники политики, которые умеют сконструировать виртуальные формы политического участия, ограничиваются выражением личного отношения в информационном обмене через интернет, даже не намереваясь попасть в какое-то интернет-сообщество, организованное энтузиастами. Как показывает наш анализ мнений и позиций, выраженных через интернетные сети, рядовой участник такого взаимодействия нередко ограничивается «политическим балаканьем», простейшим, зачастую невежественным анализом реального факта жизни, причем ведет себя наивно, не стремится к лексическому и логичному оформлению мысли. «Эффект масштаба» участия подобных лиц позволяет оперативно заполнять актуальное пространство взаимодействия, использовать социальные сети и открытые информационные каналы, создавая повсеместно иллюзию общественного мнения, выраженного под флагом «общего мнения».

Такая ситуативная реакция выглядит как поведенческий порыв, социально окрашенный благими намерениями, желанием изменить ситуацию, навязывая свое мнение. Это мнение кажется единственно верным, устойчиво «твердокаменным», неоспоримым, правомерным по отношению к воле человека – гражданина общества. Но фактически маргинальные позиции обладают потенциальной возможностью пересмотра, наполнения иной аргументацией, привлечения иных стигмационных средств (обзывалок, ярлыков, кличек и т. д.). Импульсивность, порывистость поведения активно действующих молодых людей, не искушенных в реальных политических взаимодействиях и не знающих правил оппонирования, нередко проявляется как доказательство низкой социальной и политической культуры.

На заре пролетарского движения в России большевики могли снисходительно относиться к бескультурью пролетарской массы, приписывать крестьянству полное неумение вести политический диалог с властью и другими участниками политики. Пролетариям можно было опираться на классовое политическое чутье, а крестьянам – на их практическую сметку и неторопливость между бунтами. Интеллигенция становилась единственной силой, способной преодолеть ограниченность обыденного сознания в оценке политической и социальной реальности. Но и она расслаивалась: занятые наукой люди были далеки от политики либо безоговорочно становились проводниками идей, решений действующей власти, либо первыми шли на позиции угнетенных масс, пытались протестным поведением изменить состояние общества, что было характерно для аристократических выпадов против царского режима, а также для локальных восстаний дворян.

Налицо при этом пограничное состояние таких субъектов политики: переход на позиции Других, разрыв социальных связей по «принадлежности», освящение своего повстанческого поведения ореолом жертвенности во имя общего блага или восстановления справедливости.

При отсутствии укоренившейся родовой знатности мелкое дворянство через вузы и государственную службу, через самостоятельные объединения и дистанцирование от власти имущих становилось разночинским, радикально революционизируясь в конкретных условиях жизни. Эту категорию разночинцев, втяну-

тых в политическое участие, у нас в стране стали называть революционными демократами. Они выдвинули целую плеяду лидеров, жертвующих собой, выставили множество политических икон с потрясающими судьбами и заслугами.

Социокультурные привычки в поведении, отторжение большинством населения многих американско-европейских ценностей, навязываемых обществу, вынуждают крупных политиков сегодня озвучивать свою маргинальную позицию.

Очевидно, что реформы легче пойдут без болезненной ломки привычных, десятилетиями проверенных форм и способов преобразующей деятельности. Власть учитывает фактор исторической памяти и конфликтный потенциал народной памяти о «шоковой терапии» 1990-х гг. Маргинальность идеологических предпочтений и политического поведения в данном случае выполняет смягчающую и компенсаторную роль в продвижении к намеченным задачам реформирования.

К примеру, забота высших должностных лиц и властных органов о людях, попавших в экстремальные ситуации, переживших природные и техногенные катастрофы, успокаивает население, на долю которого достаются наводнения, сходы селевых потоков с гор, крушения на транспорте и т. п. невзгоды. На фоне привычной коллективистской заботы не только по линии правительства, спонсорства, но и веками привычной помощи «миром» (кто, сколько может) люди увереннее чувствуют себя в жизни, легче переживают беды. Торжествует социальный комфорт, не делающий акцентов на поляризации богатств, на политическом размежевании и т. п.

Маргинальность может существовать как реальная угроза самобытности, независимости страны в условиях нарастающего давления внешних факторов, к примеру, в форме санкций в современной России со стороны США, ЕС. Неправовой захват власти (государственный переворот) на Украине, поддержанный внешними силами, в начале событий даже получил среди активных участников Евромайдана статус революции. Но на плечах справедливого гнева народа в политику ворвались ультралибералы, отличающиеся устойчивой антироссийской позицией и установкой на тотальную победу над инакомыслием. Мир постепенно убеждается, что такой натиск обернулся гуманитарной, техногенной и экономической трагедией не только для жителей Донбасса, но и вверг в обнищание и братоубийственное противостояние население всей Украины. Это стало социальным и политическим фактом. Неизбежный пересмотр позиций, политических установок и прожитого опыта постепенно приведет жителей Украины к сомнениям, раздвоенности сознания, поведенческой непоследовательности. Это маргинальное состояние сознания и поведения испытает на себе и воинственно настроенные против Юго-Востока страны-приверженцы нового киевского режима. П. А. Сорокин в «Социологии революции» на событийном материале показал этот волнообразный процесс перехода от революционной эйфории и веры в фантомы преобразования жизни к своеобразной пирровой победе, деградации личностей самих низвергателей и безмерной усталости, запоздалому раскаянию и сомнениям в правильности пути и средств достижения высоких целей спасения человечества, искоренения зла [7]. Итогами пещерного озверения

ультрарадикализма всегда бывают посттравматические синдромы, носителями которых становятся и сами каратели, и их пособники.

Кросс-культурное (межкультурное) взаимодействие служит коммуникативным средством для установления терпимости и согласия на приграничных пространствах общества.

Что нужно учитывать социологам при конструировании несколько иного объекта жизни, как модели, пусть даже и превращающей реальную жизнь в симулякры (по Э. Гидденсу)? Основное в ответе на этот вопрос следующее: а) нужно видеть разрушительные силы общества и определить доминирующую роль субъектов взаимодействия; это касается традиционных жизненных укладов, ослабленных социальных ориентиров, бездействующих социокультурных регуляторов; б) изучать непреднамеренные, непредвиденные последствия действий, скрытые функции структур и субъектов взаимодействия; намерения, обещания и декларации людей могут иметь непредугаданные, неожиданные последствия; нужно распознавать степень системной встроенности поведения и явлений сознания; в) на изломах общественной жизни, при структурных сдвигах социолог должен интерпретировать смыслы, полагаясь не на официальные рекомендации, а на правила социологического обоснования, учитывать воздействия социальной системы на те или иные последствия изменений [1, с. 54 – 55]; г) использовать динамические характеристики развития изучаемой ситуации, т. е. не забывать о том, что, начиная исследование конкретной проблемы, социолог не должен отделять охваченную совокупность от прежней истории и возможных перспектив развития общества.

В изучении маргинальности политического сознания и поведения важным представляется соблюдение некоторых методологических требований социологического подхода, который начал формироваться по мере институционализации социологии, у нас в отечестве это примерно 1860 – 90-е гг.

Процесс формирования социологического подхода требует особого контроля над организацией познания (над границами предметной области, соответствием средств и методов познания и т. д.). Исследователь осознанно, целенаправленно держит себя в рамках правил, применимых именно к этому объекту и процессу исследования.

В период «собираания социологических сил» и преодоления разлома общества актуален призыв – быть терпимым в отношении иных взглядов и методологических построений, проявлять «политическую корректность» в полемике, в информационном обмене.

Со времен М. М. Ковалевского (1851 – 1916) доказано, что социология как наука не отождествляется с социальным реформаторством, которое предполагает и социальную ориентацию политики, и соучастие населения в преобразовании жизни. Социологический подход позволяет изучать социальные последствия реформаторства, оценивать социальную значимость идей. Но социолог в такой момент маргинализируется: становится не только наблюдателем, но и участником реформаторского процесса. Делается это в соответствии со спецификой исследовательского труда, социотехнических возможностей социологов-прикладников, вовлеченных в социальные проекты (их разработку и/или внедрение). Исследователи-аналитики и реформаторы-аналитики находят общее про-

фессиональное поле деятельности, помогающее им преодолеть маргинальность профессионального сознания, направленного на изучение политики, и перенять технологические разработки, приемы конструктивистского мастерства, характерные для социотехники.

Социологический подход, осуществляемый с сохранением предметной области социологии, объединяет исследователей-аналитиков и социологов-прикладников, вовлеченных в исследования на стыке теории и практики.

Уточним, что основанием совместных разработок могут служить парадигмы социальных изменений, системного взаимодействия, маргинального поведения, адаптивная парадигма, а также гибридно-мягкое видовое разнообразие других подходов: системного, институционального, структурно-функционального, деятельностного и т. д.

Мы подчеркиваем, что маргинальность профессионального сознания и поведения проявляется в социологическом исследовании и в практической плоскости: субъекты взаимодействия либо ограничиваются некоторыми предписаниями, либо активизируются постановкой обновленной цели, познавательных задач или аналитикой с позиций ценностного давления. Смена подхода требует иного оснащения процессов познания, иных исследовательских методов, иных форм организации исследовательской практики.

Единообразие, отсутствие терпимости, ограничение индивидуальной свободы в научном поиске подкашивают под корень творческие усилия ученых, особенно молодого поколения. Нужно соблюдать принцип разнообразия (диверсификации), но многообразие той же маргинальности сознания и поведения требует методологического единства в парадигмальных основаниях, критериальном оснащении, строгом действии в рамках предметной области.

Социолог С. С. Фролов предложил матричный способ оформления отношений зависимости и власти в политике, схемы ценностно-смыслового анализа социальных отношений. Отношения власти и подчинения трактуются как слом сопротивления, способность принудить к действиям нужного направления и характера. По сути, автор модифицирует подход Макса Вебера и Ежи Вятра к власти, трактует зависимость в русле волевой концепции власти, но при этом подчеркивает специфику власти авторитета. Активность субъекта политики – по С. Фролову – можно определять показателями (а) ценностной экспектации (ожидаемыми позициями) и (б) ценностными устремлениями (как позициями, которые субъект стремится занять при распределении ценностей). Во взаимодействии с Другими субъект стремится обладать ценностями трех основных групп: ценностями благосостояния, к которым автор относит благополучие, богатство, мастерство, просвещенность; ценностями властвования (слава, репутация, престиж, статус); ценностями эмоционально-нравственного характера (моральная чистота, способность к любви и дружбе). Достигнутые ценностные позиции позволяют субъекту регулировать свое политическое поведение и формировать социальные отношения, используя собственный ценностный потенциал в политических взаимодействиях [12, с. 11 – 21].

На наш взгляд, субъекты политики, независимо от собственной ценностной позиции, вынуждены не

только учитывать позиции взаимодействующих участников, но и приспосабливаться к ситуациям, жить с оглядкой на возможные позиционные сопротивления и ситуационные риски. Чтобы достигать каких-либо компромиссов в политике, участники взаимодействий должны определять меру уступок, тактических уловок, отступлений, сближающих их с ценностными позициями других людей. Наблюдается своеобразный отход на границы соприкосновения с оппонентами. Маргинальные проявления служат защитным средством от тупиковых ситуаций, неэффективности переговоров, т. е. в ряде случаев нахождение «на краю» противостояния, на границе расхождений становится необходимым средством гибкой тактики, признаком способности субъекта к политическому маневрированию при сохранении своих «неразменных» принципов, отражающих специфику рационально выверенной политической позиции.

Маргинально-стигматической формой подачи общественных суждений являются митинговая наглядность: лозунги, требования, эпиграммы и т. п., а также «речевки» – «кричалки» (формально запрещенные на митингах), песенные «намекы» участников шествий, демонстраций и массовых народных гуляний и представлений в праздничные дни. Иногда отношение высказывается с помощью «настенных» (современных «наскальных») средств выразительности. Такие средства выражения отношений, позиций стали распространенными в Интернете, визуальные коммуникации политически окрашиваются, начиняются юмористическими составляющими, с интересом воспринимаются и начинающими политическими «аналитиками», как говорится, «от сохи», и теми, кто прочно включен в политику.

В публикациях справедливо ставится вопрос о нравственной ответственности социологов за свое вмешательство в общественную жизнь (рекомендации, комментирование, обоснование управленческих решений, управленческое консультирование, экспертизу, отбор информации для политической рекламы, избирательные технологии, инфографики, PR-технологии и т. д.). Для научного сообщества ясно, что социолог не должен быть ангажированным, предвзятым в суждениях, тенденциозным в просветительстве и внедрении идей. Встает вопрос о профессионализме и компетентности социологов, их способности адаптироваться к новым реалиям, не погружаясь в исследуемые проблемы, как рядовые участники событий.

Но в то же время социолог, используя субъективные методы, особенно в так называемой «качественной социологии», вынужден принимать профессионально обоснованные меры против собственных вкусовых предпочтений, а порою и против своих предубеждений, слабостей «духа» в оценке людей и событий. В политике, как в бизнесе, много резкостей, диалектичных размежеваний, которые сосуществуют с нераспознанными непонятностями и неопределенностями. Социолог не может быть полностью нейтральным, он остается сочувствующим и оценивающим человеком в исследовании, только в этом смысле проявляется научная предпочтительность, «предвзятость». «Предвзятое мнение – это тот отблеск, который отбрасывается на подлежащий исследованию предмет всей совокупностью предшествующих, накопленных знаний исследователя», – писал эсер-социолог В. М. Чернов [13, с. 152]. Он предлагал со-

циальные явления оценивать с точки зрения идеала, противостоящего инстинктам, аффектам низшего порядка, расчетам. Чернов включил в структуру исследования такие составляющие: оценки, которые двигали людьми; рациональное конструирование идеала, т. е. переоценку всего, что ранее оценивалось в соответствии с социальным идеалом, высшим критерием; изучение социальных форм учреждений в отношении к нормальному, здоровому развитию личности; комбинацию благоприятных учреждений и форм, необходимых для гармоничного развития всего человечества; изучения существующих форм жизни и поведения отдельных лиц и групп в их отношении к идеалу.

Субъективные методы, используемые в социологических исследованиях, делают социолога профессионально маргинальным, вынуждают становиться на позицию других людей, проигрывать чужие роли, эмоционально отторгать или притягивать к душе чужие поступки. Становление субъективного метода в социологии нередко выглядело как провоцирующее взаимодействие с реалиями жизни, уход во внутриличностные проблемы человека, социологизация и психологизация реальности были моментами социологического познания, а не только биологизация общественной жизни, как принято сегодня упрекать социологию. Отличительными чертами верификации субъективного метода можно считать методологическую гибридность, соединение объективизма с субъективизмом, позитивизма с идеализмом.

Субъективные методы, располагающие к отказу от исконно позитивистской социологической практики, вполне могут быть откорректированы и верифицированы в процессах исследования взаимосвязей политического сознания и поведения.

Социолог соединяет силу воображения, без которой он не приблизится к пониманию переживаний в режиме определенных эмоциональных связей, и интеллектуальную силу, без которой нельзя интерпретировать рациональные очевидности в режиме преднамеренных смысловых связей.

Типологизация действия и поведения строится на «водоразделе» осмысленных действий и стихийных форм поведения, отражающих аффекты.

Однозначно истолкованная на интеллектуальном уровне и понятная конструкция целерационального действия (М. Вебер) служит ориентиром, по которому социолог определяет помехи, выявляет иррациональные факторы повседневной жизни. Реальное поведение людей может быть нерациональным (есть аффекты, заблуждения). Сконструированный на основе опыта и интеллектуальных процедур идеальный тип не может быть применим ко всем реальным поведенческим актам повседневной жизни.

Следует отделить предполагаемый смысл самого артефакта, явления (цель, средства) от того, что сопровождается реализацию заложенного смысла (повод, стимулы, препятствия, результаты).

Социолог должен считаться с данностью того или иного факта из опыта, нужна соотнесенность осмысленного поведения и пока еще не доступного понимания поведения. Примерно одинаковые ситуации могут демонстрировать социологу разные смысловые связи в поведении участников. Сравнение различных типов политического сознания и поведения отвечает нескольким требованиям: нужна верификация смысла; следует ранжировать значимость смыслов для

выявления причинных зависимостей реальных, наблюдаемых процессов; надо соотносить и правильно понимать внешний ход событий и его мотивацию; по М. Веберу, постижение объекта означает понимание *смысловой* связи действий, т. е. коллективных мысленных образований, выраженных с иных позиций.

Социолог для понимания добивается смысловой адекватности идеальных типов. Заметим, что этому способствует кросс-культурное взаимодействие с участием компетентных «толкователей» смысла. Наверное, сегодня будет сложно при характеристике маргинальности политического сознания и поведения отойти от установившегося представления о таких субъектах маргинального отношения к жизни, как беженцы, безработные, лица без определенного места жительства (бомжи), психически нездоровые лица и т. д.

Зауженное понимание маргинальности помогает в прикладных исследованиях, позволяет развести по различным статусным площадкам многих людей, дифференцировать их. Однако в мире смыслов, символов, значений есть абстракции, имеющие социальный характер, и этот социальный мир наполняется новыми явлениями, нуждается в обновленных интерпретациях.

Интересными являются некоторые современные трактовки повседневности политики и политики повседневности в работах А. Ф. Филиппова, В. С. Вахштайна, Н. В. Плотицкой. Суть этого осмысления политического во фрейм-анализе. Фрейм — это независимый от конкретных практик контекст, устойчивая структура, соединяющая в себе (по И. Гофману) знания (когниции), ожидания (экспектации) и репрезентативные схемы. Фрейм как повседневный контекст входит в рутинные социальные взаимодействия (метатексты). И. Гофман рассматривает мир текста, мир снов, сценариев и спектаклей, состязаний и пр. Мир идей оказывается связанным с миром социального обращения этих идей [3].

Исследователи отмечают в трактовке И. Гофманом фрейминга (механизма идентификации на основе политической культуры повседневности) три концепта: наблюдение и наблюдателя, событие (как смысловой комплекс) и систему различий.

Повседневное поведение в политике опривычивается. Человек адаптируется к политическим реалиям, несмотря на возможное сопротивление им в моменты неудобств, отсутствия социального и политического комфорта на этапах освоения нового. Ряд участников политического спектакля нарочито демонстрируют принадлежность к народу, коммуникативную совместимость, дискурсивность, использует такие средства выразительности, как молодежные слоганы, политические стигмы и пр. Общество через индивидуализацию и персонализацию политизируется. В поведении нарастают политические моменты даже тогда, когда индивиды погружены в бытовые, потребительские проблемы. Вырисовывается несколько иной аспект исследования: *политика жизни*. Одной из новых тенденций стало размытие границ между приватным и публичным в политике. Повседневная жизнь теряет четкость очертаний, контуров, когда она политизируется, ускользает от рефлексии [9, с. 228 – 241].

В социологическом анализе исследователь нередко сосредоточивается на операционализации понятий,

что нельзя сводить к манипулированию дефинициями (определениями) или к «разжевыванию» очевидного. Процедура операционализации опирается на конкретную парадигму и концептуально выстроенные смыслы (прим. авт.: *Утрата собственно социологического подхода ведет к искажению предметной области, к софистике. Известные в стране социологи (например, В. А. Ядов, Ж. Т. Гоценко и др.) неоднократно обращали внимание научного сообщества на уровни социологического знания и иерархию понятийно-логического аппарата в социологии*).

Для перехода от теоретических концептов к их наблюдаемым признакам (рабочая процедура «заземления» абстракций) в интерпретационную схему вводятся конструкты, которые соединяют доступное наблюдению и недоступное, но существующее и существенное. Заметим, что интерпретационная схема может совмещаться с операциональной схемой, замещать концептуальную схему в операционализации понятий.

Таковыми «мостиками» в характеристике политического поведения могут быть конкретные показатели политического участия. Из показателей выводятся индикаторы. Это конструкты, которые отображают итоги прямого наблюдения и измерения объекта и его признаков.

Критериями для определения степени маргинализации политического сознания и поведения можно считать:

- доминирование типа политического сознания и поведения на рубеже маргинальности;
- наличие неопределенности в статусно-иерархическом состоянии субъекта (неустойчивости статуса, отсутствии очевидных шансов для продвижения к ситуациям определенности);
- масштабность и экспрессивность противоречивого и неустойчивого функционального самовыражения субъекта в сложившейся ситуации;
- преобладание социокультурных регуляторов в развитии сознания и поведения;
- силу, целенаправленность, многообразие, интенсивность, оригинальность изменений;
- укорененность изменений в национально-государственной системе жизни.

Созвучие социокультурному стилю привычной жизни поколений, наличие признаков, адекватных восприятию и пониманию динамичных слоев и групп общества, — всё это служит основанием социологического анализа и позволяет определять меру возможной системной встроенности того или иного изменения и его влияния на отношения взаимодействующих сторон и тех процессов, что происходят в обществе.

Среди существенных сетевых принципов социального взаимодействия можно отметить следующие:

- наличие диффузного (нежесткого) обмена;
- децентрализация, гетерогенность;
- практически неограниченное пространственное рассредоточение субъектов взаимодействия;
- присутствие опосредованных связей и отношений между субъектами;
- структурный и количественный динамизм;
- функциональная (зачастую пооперациональная или пошаговая) дифференциация.

Социологи не могут не учитывать необходимость пополнения участников-сторон социально-полити-

ческого взаимодействия необходимыми запасами знаний, компетенций, значимых социальных связей. Нужно отметить сложность адаптации к новым условиям при использовании новых ресурсов. Социологи обратили внимание на то, что *в инновационных условиях зачастую в выигрыше на долгосрочную перспективу оказываются именно новые слабо адаптированные игроки.*

Жанр политической и социальной маргинальности в современной России незаметно вошел в моду и получил заботу на высоких этажах власти, среди известных политиков, промышленников и управленцев. Миграционные и иммиграционные практики получают развитие в телевизионных сериалах, ток-шоу и художественных произведениях.

Маргинальное поведение предусматривает использование новых форм предметно-вещных отношений и межличностных контактов, укорачивающих социальные дистанции в системе отношений участников взаимодействия. Например, следуя подходу Э. Канетти, люди в массовом обществе вынуждены значительно быстрее преодолевать «страх касания» друг друга, один из самых значительных стрессов современного переходного общества. Традиционные представления об иерархическом распределении участников социально-политического взаимодействия забываются. Эти представления вынуждены уступать место новым, более коротким по протяженности и, вероятно, количеству участников комбинированным формам (варианты: «скейпы» Дж. Урри, самореферлируемые аутопоэтические системы Н. Лумана).

По Э. Канетти, искусственно созданные институции и совместные действия отличаются умеренностью. Крайности взаимно исключают друг друга. Коллективные мероприятия служат смягчению и снижению накала страстей, которым человек с трудом смог бы противостоять в одиночку [5, с. 65 – 66].

В данном случае массовизация и маргинализация компенсируют и уравнивают взаимное влияние. Не случаен интерес современной публичной политики к традициям массовизации: народным гуляниям, разного рода «дружинам» (христианские байкеры и др.).

Рассмотренный в социологическом аспекте специфический объект анализа – маргинализация политического сознания и поведения – позволяет объединить различные признаки объекта и охарактеризовать его сущность в предмете, отражающем конкретный контекст социальной реальности. Данный подход способствует рассмотрению объекта в соотношении с проблемами реального политического сознания и поведения, дает возможность соединить онтологический и гносеологический уровни в методологии социологического исследования.

Мы не ставим задачу перевернуть с ног на голову трактовки маргинальности, но обращаем внимание на необходимость тщательного и обоснованного использования этого понятия в социологической науке. Социологическому исследованию априори присущи элементы маргинальности, в качестве профессиональной возможности социологи могут детализовать скрытые стороны, семантическую связанность, предвосхитить результаты изучения.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности. Тракта́т по социологии знания / пер. и вст. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. 396 с.
3. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М.: Ин-т социологии, 2004. 752 с.
4. Здравомыслов А. Г. К вопросу о культуре социологического мышления // Социс. 2008. № 5. С. 4 – 15.
5. Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л. Г. Ионина. М.: Астрель, 2012. 574 с.
6. Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-Дана, 2013. 479 с.
7. Общество сетевых структур: монография / под общ. ред. М. В. Ромма, И. А. Вальдмана. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 327 с.
8. Осипов Г. В. Социология и политика. М.: Вече, 2009. 592 с.
9. Плоти́чкина Н. В. Политическая социология повседневности: концепт практик versus концепта фреймов // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. Т. 6. № 2. С. 228 – 241.
10. Сорокин П. А. Социология революции. М.: Астрель, 2008. 784 с.
11. Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема. (Опыт философского и социологического анализа). М.: Новый Хронограф, 2011. 562 с.
12. Фролов С. С. Применение различных форм власти в управлении современным обществом // Социология власти. 2009. № 1. С. 11 – 21.
13. Чернов В. М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. 1901. № 12. [Начало статьи в № 10, 11 за 1901 г.].

Информация об авторах:

Шпак Лидия Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологических наук КемГУ, 8-(3842) 54-82-58, Shpakll@mail.ru.

Lidiya L. Shpak – Doctor of Sociology, Professor at the Department of Sociology, Kemerovo State University.

Головацкий Евгений Васильевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук КемГУ, 8-(3842) 54-82-58, politsocio@kemsu.ru.

Eugeny V. Golovatsky – Candidate of Sociology, Assistant Professor at the Department of Sociology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.03.2015 г.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Э. Ю. Балаян

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FACETS OF HUMAN RIGHTS PROTECTION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE MODERN STATE FUNCTIONS

E. Yu. Balayan

В контексте исследуемого вопроса, по мнению автора, особенно значимо то, что формирование гражданского общества и защита прав и свобод человека и гражданина – одна из основополагающих целей деятельности правового государства. А при осуществлении любых функций современного государства необходимо учитывать стоящие перед ним цели и задачи, при этом должна быть обеспечена чёткая работа юридических механизмов и процедур защиты прав человека.

Выделение защиты прав и свобод человека как основной и реальной цели современного государства дает возможность подумать и об учреждении специализированного органа, занимающегося комплексной защитой прав человека.

Within the framework of the issue being researched, it is of special importance that formation of a civil society and human rights and freedoms protection are fundamental aims of the activity of any constitutional state. When implementing any of the functions of the modern state it is necessary to consider the aims and objectives that it is facing, and at the same time accurate functioning of legal mechanisms and procedures of human rights protection has to be ensured.

The author believes that highlighting the human rights and freedoms protection as a real and core aim of a modern state allows to think over the establishment of the body specializing in comprehensive human rights protection.

Ключевые слова: права и свободы человека, цели, функции и обязанность правового государства, комплексная защита прав человека.

Keywords: human rights and freedoms, aims, functions and responsibilities of a constitutional state, comprehensive human rights protection.

Российская Федерация в наши дни проживает один из важнейших этапов развития своей государственности, правовая основа которого получила своё закрепление в Конституции, принятой 12 декабря 1993 года на всенародном голосовании. Этот период в России известен реализацией коренных политических, социальных и экономических реформ и характеризуется как переходный этап формирования демократического общества, основанного на рыночной экономике правового, социального государства, где человек, его права и свободы провозглашаются общечеловеческими ценностями, а их защита – конституционной обязанностью государства. В этой связи в юридической литературе обосновывается мысль о том, что обязанностью государства является признание, обеспечение и защита права и свободы человека и гражданина. Это одна из основных функций современного государства, то есть главная цель и первичное направление его деятельности [36, с. 200].

Защита прав и свобод человека и гражданина осуществляется всеми органами государственной власти и местного самоуправления, что нашло закрепление в Основном законе Российской Федерации. Вместе с тем мысль о том, что защита прав человека и гражданина – обязанность современного государства, многократно признавалась важной в юридической

литературе [2, с. 23 – 24; 3, с. 101; 5; 7; 8; 10, с. 163; 26, с. 398; 28, с. 19; 29; 33, с. 25; 35, с. 36].

Однако предполагается, что связанные с решением этой задачи конституционно-правовые нормы и положения могут эффективно реализовываться только в том случае, когда уточнены приоритеты развития страны, лежащая в их основе система ценностей, определены концептуальные подходы для обеспечения развития жизни общества, основанные на программах, вытекающих из этих приоритетов. Современное российское государство развивается в условиях реальных внешних и внутренних угроз – международного терроризма, распространения оружия массового поражения, региональных конфликтов, организованной преступности, коррупции органов власти. Как следствие, РФ вынуждена поддерживать необходимый уровень государственной безопасности для адекватного ответа вызовам указанных и других опасностей и угроз. Остается сложным и даже усугубляется социально-экономическое положение значительной части населения. Эти и другие факторы затрагивают конституционные принципы правового положения личности и, как отмечено во многих исследованиях, негативно влияют на обеспечение внешней и внутренней безопасности России [1].

Вечной проблемой является противоречие между общественной безопасностью, часто называемой го-

сударственным интересом, и правами и свободами человека и гражданина.

Обязанности личности перед государством по своей сути являются ее обязанностями в пользу общества, традиционно именуемыми публичными обязанностями, но не обязанностями перед государственным аппаратом (государством в узком смысле). В этом значении государство как доверенное лицо общества контролирует исполнение публичных, устанавливаемых конституционным законодательством обязанностей личности [24, с. 19 – 20].

Обязанности государства перед личностью проявляются в осуществлении регулятивной, организаторской и охранительной функций. Данная задача особо остро стоит перед переходными демократическими общественными системами. Вместе с тем современный этап развития общества и государства задаёт и иные задачи, которые ведут к содержательному изменению и развитию функций Российской Федерации. Функционирование свободной рыночной экономики, сложная внешнеполитическая обстановка, финансово-экономический кризис существенно осложнили и содержание различных функций, осуществляемых государством. Поэтому возникла необходимость уточнить систему функций современного государства, их названия, классификацию, место и роль функции защиты прав человека в контексте последних.

В юридической литературе функции государства характеризуются как такие важнейшие и стержневые направления его деятельности, которые объективно вытекают из его сущности, определяются его историческим и социальным значением и соответствуют решению основных целей и задач, стоящих перед ним на том или ином этапе развития государства [12, с. 98 – 108; 13, с. 64 – 68].

Сущность государства, его социальное значение, цели и задачи более последовательно выражаются в осуществляемых им функциях. Функции современного государства – это главные направления деятельности последнего, которые обеспечивают регламентацию общественных отношений, устойчивость и прогресс развития общества. Это разнообразные формы выражения активности государства, осуществляемые в отношении важнейших сфер жизнедеятельности общества, окружающей среды, разных социальных групп, отдельно взятого человека, а также других стран. Эти функции претворяются в жизнь специализированными органами государства и обеспечиваются системой соответствующих материальных средств, которые необходимы для осуществления функций.

Функции государства по своему характеру – объективные категории. Они обусловлены закономерностями взаимодействия общества и государства. Современное государство обязано решать предъявляемые обществом и первоочередные для государства задачи. В противном случае общество окажется в кризисе и станет невозможным прогрессивное развитие государства. Например, если государство не осуществит функцию обеспечения прав человека и правопорядка, то общество дестабилизируется, возникнет вседозволенность и беззаконие, что и приведёт к распаду общества и государства.

Вместе с историческим развитием государства изменяются и развиваются его функции. Часть из них

теряет свою актуальность, другие модифицируются, третьи возникают вновь. Количество и объем функций государства обуславливаются состоянием важных сфер жизнедеятельности общества, ролью основных институтов государственной власти, конституционными и другими принципами их формирования. Состоявшееся гражданское общество сводит к минимуму число осуществляемых государством функций, отдавая последнему более важные для общества функции обеспечения безопасности личности, его достойного жизненного уровня и правопорядка, охраны окружающей среды и др. В этой связи в юридической литературе проблема классификации функций государства понимается не однозначно. Причина в том, что функции государств различных исторических типов существенно отличаются друг от друга. Однако это важно для глубокого и многостороннего изучения, эффективного применения и совершенствования этих функций.

В юридической литературе предлагаются многочисленные критерии классификации функций государства. Так, различают постоянные и временные функции; внутренние и внешние; правотворческие, правозащитные, правоприменительные [14, с. 258]; основные и не основные функции; национальные и местные; функции эксплуатирующего типов и демократического типов государств; законодательная, исполнительная, судебная (иногда и контрольная) функции; экономические, политические, социальные, идеологические и другие функции государства.

Содержание экономической функции государства для Российской Федерации заключается в осуществлении необходимых рыночных реформ, которые преследуют цель коренным образом трансформировать экономический механизм России и обеспечить экономическую свободу, право собственности, реально работающий рынок товаров и услуг и т. д.

В задаче правового регулирования осуществления экономической функции государства особую роль играет Конституция Российской Федерации, согласно которой в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ст. 8). Вместе с тем право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (части 1 и 2 статьи 35).

На основании этих конституционных норм можно обозначить основные принципы развивающихся в Федерации новых экономических отношений. Во-первых, государство без какой-либо дискриминации между его формами признаёт право собственности, во-вторых – государство конституционно гарантирует защиту права собственности, создавая предпосылки для формирования устойчивой экономической системы, долгосрочных инвестиций и эффективной экономической конкуренции. Вместе с тем уточнены право и свобода владения, пользования и распоряжения собственника принадлежащим ему имуществом. Кроме

этого, государство обеспечивает конституционные гарантии для свободного развития всех форм собственности, их равной правовой защиты, свободы экономической деятельности, свободной экономической конкуренции. Задача в том, что рыночные экономические отношения предполагают четкую и действенную систему их правового регулирования, полную гармонию функций и полномочий институтов государственной власти в вопросе их обеспечения, детальной законодательной регламентации роли государства в этой области. Следует отметить, что важнейшие проблемы экономических отношений регламентируются не только в главе 1 Конституции Российской Федерации, а также закрепляются в главе 2 Основного закона.

Однако закрепление права собственности и свободы экономической деятельности ещё не являются единственной необходимой предпосылкой для их реализации. Для защиты этих ценностей необходимы серьезные законодательные гарантии. В связи с этим представляет особую важность часть 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации, согласно которой никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Закрепленное положение, бесспорно, является серьезной законодательной гарантией защиты права собственности. Вместе с тем статья 306 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает: «В случае принятия Российской Федерацией закона, прекращающего право собственности, убытки, причиненные собственнику в результате принятия этого акта, в том числе стоимость имущества, возмещаются государством. Споры о возмещении убытков разрешаются судом».

В регулировании рассматриваемой сферы важное значение приобретает Гражданский кодекс Российской Федерации, который является правовой основой для создания рыночной экономики, в том числе для обеспечения партнёрских отношений между экономической свободой человека, обществом цивилизованных собственников, гражданами и государством. Регулированию указанных отношений также адресовано законодательство об акционерных обществах и других организациях, защищающих права и законные интересы граждан.

В опосредованной форме защите прав человека адресованы также осуществляемые в рамках указанной функции и проводимые государством антимонопольная политика [15], лицензирование производства и реализации различных товаров [16], контроль над процессом импорта и экспорта ряда товаров, стимулирование развития первостепенных отраслей экономики и т. д.

С экономической функцией современного государства тесно соприкасается социальная функция государства. Она вытекает из статьи 7 Конституции Российской Федерации, которая провозглашает Россию социальным государством. Содержание указанной функции сводится к следующему: государство защищает права человека и гражданина на свободный выбор труда, охрану здоровья, устанавливает минимальный размер заработной платы, оказывает содействие семье, материнству, детству, престарелым, ин-

валидам. Так, численность лиц впервые признанных инвалидами в Российской Федерации по данным Федеральной службы государственной статистики в 2008 г. составляла 999 тыс. человек; 2009 г. – 934 тыс. человек; 2010 г. – 893 тыс. человек; 2011 г. – 842 тыс. человека; 2012 г. – 805 тыс. человек; 2013 г. – 754 тыс. человек. При этом число стационарных учреждений социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых и детей) в 1995 г. составляло 871; 2000 г. – 1132, 2005 г. – 1390, 2010 г. – 1475, 2011 г. – 1417, 2012 г. – 1406, 2013 г. – 1411. Вместе с тем на конец 2013 г. для помещения в учреждения для взрослых состояло на очереди 16,6 тыс. человек, в детские – 389 детей. Работали 9 реабилитационных центров для инвалидов молодого возраста, в которых проживали 1,4 тыс. человек, 30 геронтологических центров (6,9 тыс. человек) [25], учреждения для иных социально необеспеченных групп. Государство создаёт систему социальных услуг, предусматривает государственные пенсии, пособия и другие социальные гарантии.

Для осуществления социальной функции государство создаёт фонды, разрабатывает и реализует программы, которые регулируют занятость населения, сокращают безработицу и бедность. Решению указанных и многих других задач посвящен Федеральный закон Российской Федерации «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [21]. Согласно утратившему законную силу федеральному закону с аналогичным названием государство гарантировало гражданам право на социальное обслуживание в государственной системе социальных служб по основным видам, определенным федеральным законом в порядке и на условиях, которые устанавливаются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации (часть 1 статьи 7). Действующий федеральный закон не содержит статью с аналогичным содержанием. В статье 5 ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 г. устанавливается система социального обслуживания, включающая в себя федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социального обслуживания; орган государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный на осуществление предусмотренных законом полномочий в сфере социального обслуживания; и т. п.

В России создана и действует Федеральная служба по труду и занятости (Роструд), которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере труда, занятости, альтернативной гражданской службы и социальной защиты населения, оказанию государственных услуг в сфере содействия занятости населения и защиты от безработицы, трудовой миграции и урегулирования коллективных трудовых споров, а также по предоставлению социальных гарантий, установленных законодательством Российской Федерации для социально незащищенных категорий граждан.

Предпринимаются соответствующие меры и по содействию предпринимательству, организации непрерывного образования, устанавливаются конкретные административные формы обеспечения некоторых социальных групп населения (безработных, вынужденных переселенцев, беженцев, ограниченно трудоспособных граждан, одиноких матерей и др.). Однако необходимо подчеркнуть, что предпринимаемые органами государственной власти и местного самоуправления шаги и мероприятия не так эффективны, и, несмотря на некоторое сокращение бедности и неравенства за последние годы, бедность в Российской Федерации продолжает оставаться неразрешимой проблемой.

Социальная деятельность современного государства регламентируется специальной отраслью права: социальным правом (или правом социального обеспечения). Например, в таких развитых странах, как Федеративная Республика Германия, уже в течение долгого времени действует Социальный кодекс, в котором систематизированы нормы о разных видах социальных льгот и различных формах социального обеспечения и защиты (детей, молодёжи, многочленных семей, жертв войны, семей военнослужащих и т. д.).

Не менее важными представляются проблемы, связанные с высшим образованием. В частности, С. В. Барабанова отмечает отход государства от решения проблем системы высшего образования в период реформирования Российской Федерации под лозунгом развития демократии и автономии как принципов государственной политики в области образования [4, с. 11]. Основным доказательством отсутствия должного внимания государства к проблемам высшей школы, по мнению указанного автора, является не упорядоченное до настоящего времени правовое регулирование отношений в этой сфере. Управление высшим образованием представлено как важная социокультурная функция государства, определяющая многие перспективы развития общества, и государство обязано сохранять регулирующее и поддерживающее воздействие в этой сфере как путем надлежащего финансирования, так и адекватного правового регулирования. Кроме этого, ученым выявлены основные тенденции дальнейшего развития взаимоотношений между государством и вузами и принципиальное отличие государственного регулирования высшего образования в современных условиях: от управления деятельностью переходят к управлению процессами.

Правовому обеспечению социальной функции государства в Российской Федерации служат многочисленные правовые акты, содержание которых даёт основание полагать, что в них отражаются задача и цель государства: обеспечить для гражданина достойный жизненный уровень, свободное развитие личности, защиту семьи, отдельных групп лиц и социальную справедливость. Вместе с тем провозглашение независимой российской государственности, конституционных принципов и положений права, закрепление определённого перечня прав и свобод человека и гражданина не означают, что нормы о них уже претворились в жизнь. Последнее – сложный и долгосрочный процесс, и для реализации и защиты прав и свобод

личности требуются активная и запрограммированная долгосрочная политика и воля государства.

Так, статья 40 Конституции Российской Федерации закрепляет: «Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. Малоимущим, иным, указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами». Однако известно, что значительная часть граждан Российской Федерации не только ни в состоянии улучшить жизненные и жилищные условия своей семьи, но и относится к категории малоимущих. Из-за нехватки своих доходов государство также не всегда в состоянии помочь гражданам, оказавшимся в таких условиях, несмотря на то, что по Конституции имеет обязанность по этому вопросу.

За последние несколько лет Правительством Российской Федерации в связи с этим приняты десятки постановлений [22; 17; 18 и др.]. Однако каждый правовой акт и программа, особенно в такой сложной сфере, как права человека, претворяются в жизнь только в созданных для их осуществления реальных условиях. Поэтому практическая реализация конституционных норм по последовательной защите прав и свобод человека и гражданина обеспечивается широкой системой экономических, политических и правовых гарантий. Ведь проблема защиты прав человека в большей степени имеет социально-экономический характер, и только юридическими институтами и механизмами невозможно полностью решить стоящие перед обществом задачи. Данные институты и механизмы должны укрепляться определённым уровнем развития экономики страны, непрерывным ростом производства, наличием развитых производственно-технических, технологических, информационных основ и финансовых средств, а также собственностью членов общества. Так, основные права и свободы человека могут потерять своё значение для тех граждан, которые из-за недостатка соответствующего уровня средств жизнедеятельности лишаются возможности хотя бы в удовлетворительной мере участвовать в жизни общества.

К функциям современного государства относится также политическая функция, содержание которой составляют обеспечение государственной и общественной безопасности, социальной и национальной солидарности, подавление сопротивления противостоящих социальных сил, обеспечение суверенитета государства от внешних посягательств и т. п. Указанная функция государства в некоторой мере ставит задачу защищать права и свободы человека и гражданина, обеспечить осуществление народовластия, безопасность и солидарность страны, её населения. Кроме этого, суверенитет современного государства, являясь важнейшим признаком современного государства, также выступает необходимой гарантией защиты прав человека.

Функция развития культуры, науки и образования (идеологическая) основывается на идеологическом

плюрализме. Так, Конституция Российской Федерации закрепляет: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» (части 1 и 2 статьи 44).

В рамках рассматриваемой функции в течение последних нескольких лет ведущие государства мира развёртывают активную деятельность в направлении развития научно-технического прогресса. В связи с этим расширяется сфера осуществляемых на государственных началах научно-технических исследований, поскольку по причине увеличения объемов научных исследований и экспериментальных работ государство берёт на себя обязанность стимулирования технического прогресса страны, финансирует расходы на фундаментальные научные исследования.

Правовой основой осуществления анализируемой функции являются законы Российской Федерации «Об образовании» [20], «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и иные правовые акты. В частности, задачами законодательства Российской Федерации о культуре являются: обеспечение и защита конституционного права граждан Российской Федерации на культурную деятельность; создание правовых гарантий для свободной культурной деятельности объединений граждан, народов и иных этнических общностей Российской Федерации; определение принципов и правовых норм отношений субъектов культурной деятельности; определение принципов государственной культурной политики, правовых норм государственной поддержки культуры и гарантий невмешательства государства в творческие процессы (статья 1) [23].

Однако научно-технический прогресс общества сопровождается опасными для человека отрицательными последствиями. Окружающая среда с огромной скоростью вовлекается в процесс общественного производства, что приводит к загрязнению атмосферного воздуха, воды, земли (почвы), повышению уровня радиации. Такое состояние окружающей среды угрожает жизни и здоровью человека. В таких условиях функция охраны природы выдвигается на первый план не только для отдельных стран, но и для международного сообщества, и становится важнейшим условием сохранения и безопасности человечества.

В этой связи содержание природоохранной функции государства составляет обеспечение координации деятельности в сфере государственного управления и охраны окружающей среды, регулирования природопользования, обеспечения экологической безопасности, выздоровления и улучшения качества окружающей среды. С целью решения этих задач государство законодательно устанавливает правовой режим природопользования, берёт на себя обеспечение здоровой среды жизнедеятельности для граждан. Задача в том, что в сфере взаимодействия общества и окружающей среды в Российской Федерации пока первичными для решения признаются экономические проблемы. При

этом отсутствует государственная воля по предложению и решению задач, связанных с обеспечением благоприятной окружающей среды для жителей, а также признание того факта, что равноценная защита окружающей среды необходима для обеспечения благополучия человека и осуществления его основных прав, в том числе права на жизнь.

Возникающие в указанной сфере отношения регулируются, в первую очередь, Конституцией Российской Федерации, согласно которой земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (часть 1 статьи 9), и другими нормативными правовыми актами.

К важнейшим функциям современного государства относится также функция налогообложения и взимания налогов, содержание которой составляют пополнение казны государства, в первую очередь, государственных и местных бюджетов налогами, иными, предусмотренными законом финансовыми платежами и пошлинами. Основными нормативными актами, которыми регулируется указанная функция, являются Конституция Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, в котором установлены виды налогов, объекты налогообложения, права, обязанности и ответственность налогоплательщиков.

В современных условиях в деле эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина является важным значение функции охраны правопорядка государства. Посредством реализации этой функции обеспечивается существование режима законности, предотвращение и сокращение правонарушений. За последние годы в Российской Федерации в этом направлении предпринимаются необходимые меры, в результате чего в 2013 г. наблюдалось уменьшение числа осужденных по приговорам суда, вступившим в законную силу по сравнению с 2012 г. В частности, за 2013 году в России число осужденных по приговорам суда, вступившим в законную силу составляло 735,6 тысяч человек, вместо 739,3 тысяч предыдущего года [27]. При этом остаётся почти на одном уровне количество совершенных преступлений, направленных против человека, общественной безопасности, здоровья, собственности населения, наблюдается рост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, незначительно выросло число террористических актов. По данным Федеральной службы государственной статистики в 2012 г. на территории России было совершено 24 террористических акта, в 2013 г. – 31 [37].

В задаче правового обеспечения борьбы с преступностью особое место занимают Уголовный кодекс Российской Федерации [34], Федеральный закон Российской Федерации «О прокуратуре», Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии терроризму» [19], другие правовые акты.

Из вышесказанного следует, что все функции государства без исключения (как и его деятельность, вообще) содержат элементы защиты прав и свобод человека. Однако при осуществлении соответствующих функций государство и органы государственной власти своё внимание преимущественно сосредотачивают на решении основных задач конкретной функ-

ции (например, при осуществлении экономической функции: материально-техническом вооружении разных отраслей экономики, эффективному государственному регулированию совместимым с современными экономическими процессами и другим задачам; в случае с функцией обороны: обеспечению военной мощи вооруженных сил страны, тыла и другим задачам), и не всегда (как по объективным, так и по субъективным причинам) считается важной проблема защиты прав человека. В связи с этим не предполагается целесообразным в системе функций государства выделить самостоятельную функцию защиты прав и свобод человека. Априори современное государство обязано при реализации всех своих функций первоочередное внимание уделять защите прав человека, тем более что в наши дни случаи массового террористического ущемления прав человека достигли опасного и беспрецедентного проявления. С точки зрения защиты прав человека проблема терроризма стала предметом серьезного обсуждения, особенно на ежегодных сессиях ООН. В этой связи важное значение приобретает резолюция ООН 2001/37 от 23 апреля 2001 г. «Права человека и терроризм». В резолюции осуждаются террористические действия, методы и практика, направленные против прав человека, его основных свобод и демократии, безопасности и развития гражданского общества и государства, призываются все государства в соответствии с международными стандартами защиты прав человека к осуществлению всех необходимых и эффективных мер для предотвращения, борьбы и устранения всех террористических действий, когда-либо и кем-либо они не были бы выполнены. Важным шагом в указанной сфере является принятая 18 декабря 2013 г. специальная резолюция A/RES/68/178 «Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом» [6].

Вопросы о различного рода взаимосвязи защиты прав человека и терроризма стали предметом более полного обсуждения в разных структурах Совета Европы. Российская Федерация как государство-член Совета Европы придает огромную важность европейским правовым подходам и принципам. Дело в том, что особенно в кризисных ситуациях, которые создает терроризм, уважение и защита прав человека становятся более актуальными. В этом аспекте целесообразно, чтобы внутригосударственная политика и законодательство в борьбе с терроризмом глубоко учитывали принятые Комитетом министров Совета Европы руководящие принципы [30].

В юридической литературе функция защиты прав человека представляется по-разному, в том числе как:

- а) составная часть функции охраны прав и свобод граждан, всех форм собственности, правопорядка;
- б) содержательная характеристика социальной функции государства;
- в) элемент внутренней охранительной функции государства [32];
- г) главная функция цивилизованного государства [36, с. 200] и др.

В современных условиях права и свободы человека, их защита претерпели существенные изменения. Для признания прав человека в национальном праве потребовались тысячелетия, а в ряде стран этот про-

цесс пока что находится на начальной стадии. Однако очевидно, что от всеобщего признания и уважения прав человека зависит прогрессивное развитие государств и народов. Поэтому важнейшей задачей любого современного правового демократического государства является обеспечение реализации, а также защита основных прав и свобод человека и гражданина, их неотчуждаемость при любых обстоятельствах.

Предполагается, что реализация и защита конституционных прав и свобод для человека и гражданина – это возможность требовать от других лиц или государственных органов таких действий, которые соответствуют содержанию и характеру осуществляемых ими прав. В данном случае целесообразно эти требования направить государству, которое считается основным субъектом осуществления, обеспечения и защиты прав человека и гражданина. Государство обязано создавать соответствующие условия и предпринимать необходимые мероприятия, чтобы лицо имело возможность свободно и беспрепятственно реализовать закреплённые Конституцией страны свои права и свободы.

Закреплением этой конституционной обязанности государства защита личных, экономических, политических, социальных, культурных и иных прав и свобод граждан становится целью и главной задачей государства, смыслом деятельности законодательных, исполнительных и судебных органов государственной власти.

Разумеется, проблема защиты прав и свобод человека и гражданина в рамках осуществления функций государства и его органов выражается в различных формах [9, с. 193]. Так, осуществление социальной функции государства непосредственно направлено на гарантирование и обеспечение прав человека. При этом обеспечение прав человека и гражданина в сфере экономического развития и торговли имеет сопутствующий характер, несмотря на то, что эта функция включает вопросы, непосредственно затрагивающие защиту прав человека, а в рамках функции налогообложения и взимания налогов правозащитные механизмы прав человека опосредованы интересами государства, в основном формированием и исполнением государственного и местного бюджетов.

Как отмечалось, осуществление всех функций деятельности современного государства и органов государственной власти в той или иной мере направлено на защиту прав и свобод личности. Однако в правовом государстве на первом плане должны быть права человека и их обеспечение, так как цель существования правового государства и его основная миссия – защита прав человека и его законных интересов.

В гражданском обществе основной целью деятельности государства является человек, реализация и защита его прав и свобод. Деятельность любого современного государства, органов государственной власти можно считать оправданной только в случае эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина. И по этой причине реализация и защита прав и свобод человека должна быть основной целью, а не функцией, современного государства и осуществляться всеми органами государственной власти. Данное заключение непосредственно вытекает из содержания указанной функции и подтверждается анализом дея-

тельности федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также местного самоуправления и различных общественных институтов.

Вместе с тем необходимо учитывать, что функции государства отличаются от функций его органов, поскольку последние носят более конкретный характер и обусловлены задачами, поставленными перед ними. Кроме этого, в отличие от функций государства, государственные органы должны осуществлять свои полномочия в соответствии с их местом и значением в политической системе общества и государственном механизме.

Выделение защиты прав и свобод человека как основной и реальной цели современного государства даст возможность подумать и об учреждении особого специализированного органа, занимающегося комплексной защитой всех прав человека. Бесспорно, функции государства не сходятся с осуществляемыми его органами функциями, однако они претворяются в жизнь системой специализированных органов государства. Было бы целесообразным предоставить этому новому органу все полномочия по защите многообразных прав и свобод человека и гражданина. В частности, в современном государстве полномочиями защиты прав и свобод человека наделены органы судебной власти. Однако совместно с защитой прав человека от противоправных действий современное государство обязано создавать необходимые условия

для осуществления всех прав личности, поскольку это особенная линия правозащитной деятельности, вытекающая из характера правового государства.

На современном этапе развития Российской Федерации защита прав и свобод человека и гражданина – одно из направлений, требующее крайне важного и актуального решения, так как государство, провозгласившее себя правовым, демократическим, социальным, обязано обеспечить достойную жизнедеятельность личности, ее свободное и непрерывное развитие, личную неприкосновенность, верховенство и защиту прав человека.

Изложенное даёт основание заключить, что формирование гражданского общества и защита прав и свобод человека и гражданина – одна из основополагающих целей деятельности правового государства. А при осуществлении любых функций современного государства необходимо учитывать стоящие перед ним цели и задачи, при этом должны чётко работать юридические механизмы и процедуры защиты прав человека.

Таким образом, выделение гарантирования и защиты прав и свобод человека и гражданина как основополагающей цели современного государства для всей системы основных функций государства выдвигает на передний план обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечивает прогрессивное развитие государства и общества, формирование и становление гражданского общества и правового социального государства.

Литература

1. Агафонова Т. П., Гдалевич И. А., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. Злоупотребления публичной властью и антикоррупционная политика в современной России: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 432 с.
2. Айвазян В. Н. Защита коллективных прав человека в Республики Армения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ереван, 1998. 22 с. (на арм. яз.).
3. Арутюнян Г. Г. Конституционный контроль (сравнительный анализ). Ереван: Нжар, 1997. 264 с. (на арм. яз.).
4. Барабанова С. В. Административно-правовое обеспечение конституционного права граждан на высшее профессиональное образование в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 49 с.
5. Бойцова В. В. Правовой институт омбудсмена в системе взаимодействия государства и гражданского общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 36 с.
6. Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2013 г. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/terrorism/resolutions.shtml> (дата обращения: 26.02.2015).
7. Золотых А. П. Конституционное право человека на жизнь и корреспондирующие ему обязанности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 27 с.
8. Иваненко В. А. Социальные права человека и их закрепление в Конституциях государств участников Содружества независимых государств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 26 с.
9. Капицын В. Права человека и механизмы их защиты. М.: Юркнига, 2003. 288 с.
10. Конституционное законодательство России / под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Городец, 1999. 382 с.
11. Курис Э. О стабильности конституции, источниках конституционного права и мнимом всемогуществе конституционных судов // Сравнительное конституционное право. 2004. № 3. С. 92 – 102.
12. Морозова Л. А. Функции российского государства на современном этапе // Государство и право. 1993. № 6. С. 98 – 108.
13. Мухаев Р. Т. Теория государства и права. М., 2002. 464 с.
14. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. М.: НОРМА, 2002. 552 с.
15. О защите конкуренции. Федеральный закон РФ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006. № 31 (1 ч.), ст. 3434.
16. О лицензировании отдельных видов деятельности. Федеральный закон РФ от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 09.05.2011. № 19, ст. 2716.
17. О порядке и условиях признания лица инвалидом. Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 95 // Собрание законодательства РФ. 27.02.2006. № 9, ст. 1018.

18. О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов. Постановление Правительства РФ от 28.11.2014 № 1273 // Собрание законодательства РФ. 08.12.2014. № 49 (часть VI), ст. 6975.
19. О противодействии терроризму. Федеральный закон РФ от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.03.2006. № 11, ст. 1146.
20. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273 // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598.
21. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.12.2013. № 52 (часть 1), ст. 7007.
22. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 296 // Собрание законодательства РФ. 28.04.2014. № 17, ст. 2059.
23. Основы законодательства Российской Федерации о культуре // Российская газета. № 248. 17.11.1992.
24. Поляков С. Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 59 с.
25. Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 24.02.2015).
26. Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд. М.: НОРМА, 2011. 560 с.
27. Правонарушения // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/# (дата обращения: 22.02.2015).
28. Радченко В. И. Судебная защита прав человека и гражданина в административных правоотношениях // Права человека в России и правозащитная деятельность государства / под ред. В. Н. Лопатина. СПб: Юридический центр пресс, 2003. 400 с.
29. Рамазанов Г. С. Теоретико-правовые проблемы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина (по материалам Республики Дагестан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2012. 30 с.
30. Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом (утверждены на 804-м заседании Комитета Министров 11 июля 2002 г.). Страсбург, 2003.
31. Тарасова А. Г. Юридические процедуры и реализация прав человека (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 31 с.
32. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. 2-е изд. М.: ИНФРА-М-НОРМА. 2002. 616 с.
33. Тохян Ф. Модель института индивидуальной конституционной жалобы в Республики Армения // Вестник Конституционного суда. 1997. № 5. С. 25 – 26. (на арм. яз.).
34. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25, ст. 2954.
35. Хачатурян Г. М. Первая Конституция Республики Армения. Ереван: Гитутюн НАН РА, 1997. 398 с. (на арм. яз.).
36. Чиркин В. Е. Современное государство. М.: Изд. Международные отношения, 2001. 416 с.
37. Число зарегистрированных преступлений по видам // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-01.htm (дата обращения: 26.02.2015).

Информация об авторе:

Балаян Эллада Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права КемГУ, +7951-573-11-94, elladalaw@rambler.ru.

Ellada Yu. Balayan – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 02.03.2015 г.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КУЗБАССЕ:
40 ЛЕТ ЮРИДИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ КЕМГУ
Б. Я. Бляхман**

**LEGAL EDUCATION IN KUZBASS: 40 YEARS' ANNIVERSARY
OF THE FACULTY OF LAW OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY
B. Ya. Blyakhman**

В статье, на примере истории деятельности юридического факультета КемГУ рассматриваются проблемы становления и развития системы юридического образования в Кемеровской области. Определяются основные периоды в развитии системы юридического образования в Кузбассе. Обращается внимание на специфические особенности современного этапа ее развития. Подробно характеризуется состав преподавательского состава юридического факультета на протяжении всех этапов его развития.

The paper bases on the history of the Faculty of Law of Kemerovo state University to discuss the problems of formation and development of the legal education system in Kemerovo region. The author identifies the major stages in the development of the system of legal education in Kuzbass. Attention is drawn to specific features of the present stage of its development. Detailed characteristics of the teaching staff of the Faculty of Law at all the stages of its development is provided.

Ключевые слова: юридическое образование, юридический факультет, Кемеровская область.

Keywords: legal education, faculty of law, Kemerovo region.

С образованием в 1943 г. Кемеровской области появилась потребность в подготовке юридических кадров для правоохранительных органов Кузбасса, поскольку самостоятельных учебных заведений, которые бы готовили специалистов в сфере юриспруденции в области на тот момент не было. Потребность в юридических кадрах высшей квалификации удовлетворялась в основном за счет выпускников Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), специалистов, пребывающих в Кузбасс по распределению из Свердловского юридического института и Томского государственного университета. Кроме того, пополнение специалистами происходило и за счет выпускников специализированных ведомственных учебных заведений, которые готовили специалистов для органов КГБ, МВД в централизованном порядке. Создание на территории Кемеровской области учебно-консультационного пункта от Томского государственного университета и открытие филиала Омской школы милиции, а также открытие представительства ВЮЗИ позволило приблизить учебно-методическую базу для подготовки специалистов, для лиц, проживающих в Кузбассе, особенно в г. Кемерово.

В 1974 г. на базе Кемеровского педагогического института создается Кемеровский государственный университет, в состав которого вошел созданный на основе УКП Томского государственного университета и Всесоюзного заочного финансово-экономического института экономико-правовой факультет. Первым его деканом стал В. И. Петрович (в дальнейшем факультетом руководили канд. экон. наук Н. К. Землянский; канд. юрид. наук А. К. Семенов; д-р юрид. наук, профессор В. Я. Бойцов; канд. юрид. наук, доцент Ю. В. Голик (впоследствии д-р юрид. наук, профессор); канд. юрид. наук, доцент Б. Я. Бляхман; канд. юрид. наук, доцент А. Г. Халиулин (впоследствии д-р юрид. наук, профессор); канд. юрид. наук, до-

цент Н. А. Юркевич; д-р ист. наук, профессор С. О. Гаврилов – прим. автора), а в числе первых преподавателей юридического направления были Н. Н. Хороший, Л. И. Скрипова, М. И. Смышкова, И. Г. Иллиопуло, В. И. Усов, Л. Ф. Тузкова и др. [2, с. 122].

В дальнейшем пополнение преподавательского состава на юридическом отделении факультета происходило за счет их приглашения из других учебных заведений. Так, в первые годы существования факультета в Кемерово переехали: А. К. Семенов, Т. А. Плискина, Т. Г. Черненко, В. Д. Адаменко, Н. Я. Марков, М. В. Безуглов, Н. И. Чуньков, Б. Д. Башеев. Кроме приглашенных преподавателей, ряд учебных дисциплин вели и практические работники – М. Н. Гуцинский, Н. Н. Кузнецов, Н. А. Сафонов, М. А. Дутов и др. Явный недостаток преподавателей отчасти восполнялся приглашением на временную работу («вахтовым методом») преподавателей из других учебных заведений; так, аудиторные занятия проводили специалисты из Томского университета А. Л. Ременсон, Н. Т. Онищук, В. Н. Щеглов и др.; Алтайского государственного университета: Н. Бондарь, В. В. Невинский, Э. Бондаренко.

Одновременно с приглашением специалистов, ученых и практиков из других вузов, началась подготовка аспирантов и преподавателей в иных учебных заведениях для их последующей работы в КемГУ. Среди первых студентов и выпускников юридического факультета, направленных на учебу в другие вузы, были Т. Этина (Береснева), Б. Бляхман, Г. Шитов, Т. Горшкова, Т. Шепель (Блинова), О. Сафаргалиева (Саушкина), Ю. Бирюков, А. Капустин и ряд др.

В 1977 г. экономико-правовой факультет реформировался в два самостоятельных факультета: юридический и экономический, с одновременным увеличением набора студентов на дневное отделение. В

этот период на факультет приезжают работать В. Н. Протасов, В. Я. Бойцов, А. М. Рабец, Л. И. Шевченко, А. В. Соколов, Л. Гальперин, Ф. Исмагилов, Л. Ф. Болтенкова, В. И. Власов, В. И. Яцечко, Л. П. Борнашова и др. На факультете начинается создание кафедр, первой из которых была кафедра теории и истории государства и права (заведующий кафедрой, канд. юрид. наук, доцент Н. Н. Хороший). Обучение ведется не только на дневном, но и на заочном отделениях; происходит активное формирование фондов библиотеки юридического факультета КемГУ, поступления в которые происходит не только через централизованные поступления и розничную систему торговли, но и из личных библиотек ученых (так была приобретена часть библиотеки академика О. С. Иоффе).

С 1979 г., когда состоялся первый выпуск студентов дневного отделения (43 человека), по 1986 г., характеризовавшийся началом перестроечных процессов, затронувших и высшую школу, факультету удавалось избегать каких-либо потрясений и серьезных проблем. Продолжал укрепляться кадровый состав, увеличивался набор на обе формы обучения, расширялся библиотечный фонд, создавались новые кафедры.

В 1987 г. в стране начинается период демократизации и реформирования, который не мог не отразиться на факультете. В учебном процессе резко встал вопрос о целесообразности дальнейшего преподавания таких дисциплин, как «Научный коммунизм» и «История КПСС», появились проблемы с изменением методологии преподавания ряда профильных дисциплин – теории и истории государства и права, философии, экономики, истории политических и правовых учений.

Необходимо было переосмыслить целую эпоху, причем не только тем, кто получал знания, но и тем, кто их давал. Далеко не все педагогические кадры выдержали «методологически-финансовый прессинг» и были вынуждены расстаться с факультетом. Особенно остро этот процесс начался в 1989 г., когда на эмоционально-методологическую основу в сознании стал накладываться экономический вал (инфляция, шокотерапия, ваучеризация и т. д.) По самым скромным оценкам в период с 1989 по 1999 гг. юридический факультет покинули 19 докторов и более 40 кандидатов наук, что явилось для него настоящей кадровой катастрофой. Факультет оставили не только состоявшиеся, но и будущие доктора наук – Л. Гальперин, И. Умнова (Конюхова), Н. Соколов, В. Я. Бойцов, В. И. Власов, Л. Ф. Болтенкова, В. Н. Протасов, Ю. В. Голик, А. М. Рабец, Л. И. Шевченко, В. В. Бойцова, Ю. В. Бойцова, А. Г. Халиулин. Ушел из жизни А. Л. Цветинович. Ситуация эта ощущалась особо остро еще и потому, что еще в 1990 г. на факультете не было преподавателей, не имевших ученую степень [3, с. 76].

В конце 1990-х гг. в стране, наряду с созданием филиалов и представительств государственных учебных заведений, начинаются процессы активного формирования системы частных учебных заведений и их структурных подразделений. Не избежала эта участь

и Кемеровскую область. К сожалению, поскольку основная цель большинства учреждений подобного рода заключалась не в подготовке качественных специалистов-юристов, а в сборе и зарабатывании денег. Данные коммерческие учебные заведения не имели собственной учебно-методической базы – помещений, библиотек и лабораторий. Юридическое образование в них превращалось в профанацию и обман, дипломы о высшем и среднем юридическом образовании выдавались сотнями. Выпускники-специалисты таких учебных заведений не знают названия предметов, которые они якобы изучали, не знают даже фамилий тех преподавателей, которые их, якобы, учили. Автор этих строк даже отказался участвовать в работе нескольких аттестационных комиссий таких учебных заведений именно из-за низкого уровня подготовленных в них специалистов.

Тем не менее и сам Кемеровский госуниверситет открыл ряд филиалов и представительств; в настоящее время с переменным успехом подготовку юристов высшей и средней квалификации осуществляют Новокузнецкий филиал и Беловский институт-филиал КемГУ. Постепенно усиливается их материальная база и кадровый потенциал, но пока данные филиалы привлекают для обучения студентов преподавателей юридического факультета КемГУ и практических работников.

После острого выступления Д. А. Медведева на встрече с представителями Ассоциации юристов России: «...количество юристов, которых готовят сейчас, просто закритично высокое... эти люди не могут зачастую найти себе работу. А если находят, то это еще опаснее» [4, с. 1] – усилился контроль за выдачей лицензий и прохождением аккредитаций учебными заведениями в стране в целом и в Кузбассе в частности. В настоящее время в Кузбассе закрыты филиал Московской академии бизнеса и права, филиал Современного гуманитарного института (г. Новосибирск), филиал института Аксенова, юридическое отделение филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург), филиал-институт Омской Академии МВД, Кузбасский институт экономики и права, Современная гуманитарная академия – Кемеровский филиал.

Сегодня, помимо юридического факультета КемГУ, продолжают подготовку юридических кадров для Кузбасса Российский экономический университет (Кемеровский институт-филиал), Кемеровский профессионально-педагогический колледж (среднеспециальное образование), Кузбасский институт ФСИН (Федеральной службы исполнения наказания (г. Новокузнецк)), Томский госуниверситет (представительство в г. Юрга). Общая численность выпускников по специальности «юриспруденция» в Кузбассе в год достигает тысячу человек, однако уровень квалификации многих из них по-прежнему оставляет желать лучшего.

Что же касается подготовки специалистов-юристов на юридическом факультете КемГУ, то на сегодняшний день их подготовка ведется по нескольким учебным планам, нескольким формам и специализа-

циям. Специализаций (профилей) на сегодня – три: уголовно-правовая, гражданско-правовая и административно-правовая. Форм обучения также несколько – очная, заочная, заочная на основе высшего профессионального образования. Учебно-научная работа проводится семью кафедрами: Теории и истории государства и права (заведующий – канд. юрид. наук, доцент Б. Я. Бляхман); Государственного и административного права (заведующий – д-р ист. наук, профессор С. О. Гаврилов); Гражданского права (заведующая – канд. юрид. наук, доцент Н. И. Опилат); Трудового, экологического права и гражданского процесса (заведующая – канд. юрид. наук, доцент Т. С. Этина); Уголовного права и криминологии (заведующая – д-р юрид. наук, профессор Т. Г. Черненко); Уголовного процесса и криминалистики (заведующий – канд. юрид. наук Н. А. Юркевич); Философии (заведующий – д-р филос. наук, профессор В. П. Щенников). На кафедрах факультета в настоящее время работают более 10-ти докторов и 30-ти кандидатов наук; в подготовке юристов на факультете участвуют и преподаватели кафедр неюридического профиля: экономической теории и государственного управления, иностранных языков, стилистики и риторики, психологии образования. На факультете имеется аспирантура по четырем научным специальностям номенклатуры ВАК: уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право – 12.00.08., уголовный процесс – 12.00.09., криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность – 12.00.12; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право – 12.00.02. Выпускники юридического факультета КемГУ успешно работают в различных юридических структурах: как государственных, так и частных.

Особой вехой в развитии юридического образования в Кузбассе стала работа на базе КемГУ в течение почти десяти лет (1993 – 2003 гг.) специального факультета правоведения, на котором велась подготовка следователей для органов МВД Кузбасса и Якутии. Данная подготовка специалистов проводилась с целью переобучения офицеров, уволенных в запас из вооруженных сил России, а также переподготовки работников МВД, не имеющих высшего юридического образования. Кроме того, спецфак осуществлял переподготовку специалистов, не имеющих юридического образования для органов государственного управления и местного самоуправления. К сожалению, впоследствии спецфак из-за отсутствия бюджетного финансирования был ликвидирован, а переподготовка стала осуществляться только на контрактно-возмездной основе для лиц, уже имеющих высшее образование и получающих юридическое образование как дополнительное. В дальнейшем на базе юридического факультета КемГУ осуществлялось повышение квалификации работников прокуратуры (через систему ЦПК). В настоящее время в рамках переподготовки специалистов проходит обучение группа работников системы ГУИН Кемеровской области.

История юридического факультета в течение 40 лет демонстрирует постепенное становление и раз-

витие его научного потенциала. За эти годы факультет не раз становился инициатором проведения научных мероприятий как регионального, так и федерального уровней.

Особо следует отметить проведение на базе юридического факультета КемГУ в 1992 г. выездного заседания научной редакции журнала «Правоведение», результаты которого были опубликованы на его страницах, и Всероссийской научно-практической конференции 1998 г. по вопросам уголовно-процессуального права.

Постепенно растет уровень студенческой науки. Уже в течение нескольких лет на факультете ежегодно проводится Международная научно-практическая конференция студентов и молодых ученых. Возобновили свою работу научные студенческие кружки по уголовному и гражданскому праву. Следует при этом отметить, что именно студенческая наука в свое время дала путевку в жизнь многим преподавателям и научным сотрудникам – выпускникам факультета, среди которых: доктора наук Л. В. Бойцова, В. В. Бойцова, Т. В. Шепель (Блинова), А. Г. Халиулин, Ю. В. Самович, И. А. Конюхова (Умнова), Ю. В. Ким, доценты Т. Ю. Леонова, Н. П. Ломанова, В. В. Лебедев, Н. В. Степанова, Е. В. Жариков, О. Н. Сафаргалиева, В. Ш. Харчикова, Н. А. Юркевич, О. В. Яцечко, Н. И. Опилат, Е. В. Опалич, В. А. Сырбо, С. А. Краснова, Ю. Ф. Дружинина, Н. Л. Лисина, И. А. Гаг, Р. С. Зайнутдинов, Н. Б. Гулиева, Б. Я. Бляхман, А. В. Гаврилова, О. С. Хромова, Т. С. Этина, Т. Б. Невзоров, Д. Г. Попова, В. А. Терентьева, Г. Г. Чернобрисов, Е. И. Часовской, З. Б. Бобуа, С. Ю. Филиппова, Л. Ф. Тузкова и др. Кроме того, многие выпускники успешно совмещают научную и практическую деятельность – Н. А. Быданцев, И. В. Большаков, В. П. Третьякова, И. В. Масалитина, В. В. Останина, И. В. Михайленко, В. Я. Драпезо, С. В. Локтионова, Н. Ю. Лопатина и др.

Значительный вклад в становление и развитие факультета в свое время внесли методист заочного отделения Л. Ф. Французова, зав. лабораторией криминалистики Г. В. Нестеров, зав. кабинетом кодификации Р. Д. Киселева.

Неоценим вклад в становление системы профессиональной подготовки кафедр физвоспитания (А. Г. Деменков, Б. Я. Елин, В. Г. Прокуденко, В. М. Селиванов), философии (А. П. Корешков, Н. В. Кузнецова, Т. И. Грицкевич, В. П. Щенников, А. П. Хмелева, А. П. Самович), иностранных языков (И. Л. Тумина, В. Т. Знаменская, Н. Г. Соколова, Л. А. Николаева), экономической теории (В. А. Шабашев, С. Н. Левин, Г. Н. Гредин, Л. Н. Эглит), истории (В. В. Добровольский, В. В. Бельков, В. Н. Казьмин, В. М. Гаврилов).

Особую роль в подготовке абитуриентов для юридического факультета сыграли рабфак (руководитель З. П. Шевердова, куратор юридической группы С. З. Першина) [2, с. 131], вечерние подготовительные курсы (руководитель В. Г. Тарасова). Большое количество специалистов юристов было подготовлено в свое время отделением дистанционного обучения (руководитель В. Ю. Захаров) [2, с. 139].

История факультета не ограничивается собственно учебным и научным процессом. Серьезный вклад в распространение юридических знаний среди населения Кузбасса в 1970 – 1980-е гг. внесли лекторские группы и отдельные преподаватели факультета, работавшие по линии общества «Знание», которые на протяжении многих лет проводили занятия по юридическим вопросам в различных городах, населенных пунктах, предприятиях области.

Юридический факультет всегда принимал активное участие в общественной жизни Кемеровской области, города Кемерово и Кемеровского района. Достаточно вспомнить, что на протяжении многих лет студенты и преподаватели оказывали помощь сельхозпредприятиям в уборке урожая и заготовке овощей. Студенты юридического факультета в летний период формировали отряды для работы на железной дороге, в колхозах и совхозах. Несколько лет подряд из студентов юридического факультета на летний период формировался милицейский отряд, члены которого заменяли на период отпусков штатных сотрудников (командир А. Г. Халиулин). Долгое время из студентов юридического факультета формировался и действовал оперативный отряд на территории современного Ленинского района г. Кемерово (командир Л. Орехов, начальник штаба Б. Бляхман). Студенты юридического факультета принимали участие в работе всесоюзного студенческого отряда «Параллель» с выездом на о. Шикотан для заготовки рыбы (Т. С. Береснева – Этина).

Литература

1. Бляхман Б. Я. Подготовка специалистов-юристов в условиях рыночной экономики // Юрист вуза. 2010. № 5.
2. Захаров Ю. А., Невзоров Б. П., Сечкарев Б. А. История Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2004.
3. Лейсле Е. Следствие вели // Кузбасс XXI век. 2015. № 1(37).
4. Российская газета. 2009. 17 апреля.

Информация об авторе:

Бляхман Борис Яковлевич – кандидат юридических наук, доцент теории и истории государства и права КемГУ, 8(3842)58-37-52, theorlaw@kemsu.ru.

Boris Ya. Blyakhman – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

С момента создания юридического факультета на нем появлялись и продолжают появляться определенные традиции. Кроме участия в общеуниверситетских мероприятиях («Студенческая весна», «Первый снег», «Лыжня») проводятся внутрифакультетские акции – «Ночь юриста», «Вечер юриста», «Вечера встречи выпускников», «Посвящение первокурсников в студенты», «Последний звонок». На факультете издавался рукописный журнал «Тигра», в 2000-е гг. – журнал «Юрист», проводился конкурс стенгазет.

В настоящий момент наш факультет переживает не самые простые времена. Современное реформирование системы высшего образования коснулось в значительной мере не только университета в целом, но и юридического факультета в частности [1, с. 61]. Переход на многоуровневое образование (бакалавриат и магистратуру) приводят к серьезному сокращению учебной нагрузки и как следствие сокращению кадров, что в свою очередь приводит к нестабильности учебного процесса и уходу ряда квалифицированных преподавателей и специалистов. Думается тем не менее, что факультет с его 40-летней историей, сложившимися традициями, корпоративной солидарностью и опытом преодоления многочисленных преград и сложностей, не сдастся, выдержит, выйдет на новые рубежи. Сорок лет – это возраст зрелости, житейской мудрости и расцвета профессиональных возможностей. Вера в это позволяет нам с оптимизмом смотреть в будущее.

Статья поступила в редколлегию 12.01.2015 г.

УДК 34:378.147

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Б. Я. Бляхман, С. О. Гаврилов

PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL EDUCATION IN KEMEROVO REGION

B. Ya. Blyakhman, S. O. Gavrilov

В статье на примере развития системы высшего юридического образования Кемеровской области определяются проблемы профессиональной подготовки будущих юристов, выявляются препятствия на пути развития данной системы, пути и средства к их преодолению.

The paper uses the example of the development of the system of higher legal education in Kemerovo region to define the problems of professional training of future lawyers, identify the obstacles to the development of this system, the ways and means to overcome them.

Ключевые слова: юридическое образование, юридический факультет, Кемеровская область.

Keywords: legal education, faculty of law, Kemerovo region.

Современные потребности развития гражданского общества, его социальных и экономических институтов объективно обуславливают необходимость оптимизации системы высшего профессионального образования, направленную на подготовку качественных специалистов, в том числе юридического профиля.

Главная проблема, которую предстоит решить на современном этапе развития юридического образования – это обеспечение постепенного перехода к двухуровневой, а с учетом реформирования аспирантуры, трехуровневой системе подготовки кадров. Приступая к решению этой сложнейшей задачи, следует, в первую очередь, руководствоваться критерием профессиональной востребованности выпускников юридических вузов.

Во-первых, юридическая профессия предполагает возможность трудоустройства лиц, имеющих диплом о высшем образовании, в государственные структуры: суд, прокуратуру, следственные органы, систему МВД, структуры ФСИН и др.

Во-вторых, потребность в юридических специалистах имеется в правотворческих органах государства как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. Таким образом вполне логичным было бы открытие именно на юридических факультетах магистерских программ по государственному и муниципальному менеджменту.

Самостоятельным направлением профессиональной правовой подготовки специалистов является реализация запросов предприятий и организаций в сфере сопровождения бизнеса, в том числе и его информационной поддержки. Очень жаль, кстати, что в настоящее время в Кемеровской области нет специальной телевизионной передачи, посвященной рассмотрению юридических вопросов; для участия в ней можно было бы привлекать юристов-практиков. Думается, что учебные планы юридического образования для бакалавров, выполненные на основе образовательных стандартов четвертого поколения, должны включить в себя соответствующие учебные дисциплины.

Система профессиональной подготовки обязана учитывать и потребности частных юридических предприятий самого различного профиля – сыскных агентств, нотариальных контор и т. п.

В современных условиях крайне важно, чтобы юридические факультеты создавали возможность получения юридического образования на базе ВПО (второго высшего) лицами, уже имеющими профессию, но нуждающимися в ее смене, либо приобретении дополнительной квалификации. Крайне важным, как нам представляется, становится организация совместной работы с факультетом РГФ по подготовке профессиональных юристов со знанием иностранных языков: расширяющиеся внешнеэкономические связи Кузбасса определяют потребность не только в специалистах в области российского и международного частного права, но и специалистов с серьезной лингвистической подготовкой.

Отметим, что в повышении квалификации нуждаются и специалисты, имеющие среднее специальное образование, им это необходимо в интересах профессионального роста.

Мы уже обращали внимание на то, что практически не реализуется в настоящее время задача подготовки педагогических кадров для средних и высших учебных заведений [1, с. 61]. Не секрет, что занятия по основам законодательства проводят специалисты, не имеющие юридического образования. Встречается и другая крайность: многие учебные заведения привлекают для этой работы юристов-практиков, зачастую преклонного возраста, не имеющих педагогических навыков. Первым в Кузбассе данную «нишу» пытался занять Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в г. Кемерово), организовав подготовку специалистов по профилю «учитель права», но его опыт оказался неудачным. С нашей точки зрения, в дальнейшем для решения этой задачи в структуре юридического факультета целесообразно образовать специальную кафедру «Основ права и прав человека», обдумав при этом возможность придания ей межвузовского статуса.

Наконец, не следует забывать и о подготовке кадров для самого факультета. Необходимы дальнейшее развитие и совершенствование системы аспирантуры и докторантуры, открытие новых профилей подготовки кадров высшей квалификации, создание собственного диссертационного совета.

Но обеспечению реализации всех этих задач препятствует сам факт подготовки специалистов по

учебным планам и образовательным программам, ориентированным на выпуск юристов общего профиля, которые имеют право претендовать практически на любую должность, где востребованы правовые знания. В условиях перехода на двух, трехуровневое высшее образование такое положение просто нетерпимо – несмотря на отсутствие четких ограничений для бакалавров юриспруденции к занятию определенных должностей, многие работодатели вводят эти ограничения по умолчанию.

Необходимость ухода от системы подготовки «усредненного специалиста» обуславливает новую проблему – целесообразность внедрения государственных и частных заказов на профессиональных юристов. Необходимо заранее решить вопросы о необходимом количестве специалистов всех уровней и о направленности их подготовки. Только при решении этой проблемы у вуза появятся определенные гарантии стабильного развития, в том числе и финансового плана, а у абитуриентов – уверенность в своей дальнейшей профессиональной востребованности.

Современное положение с трудоустройством уже никого не устраивает – многие специалисты выпускаются практически «в никуда». Мы уже отмечали, что эту ситуацию можно и нужно устранить с помощью заключения специальных соглашений как с государственными организациями, так и частными коммерческими структурами [1, с. 62]. Определять же квалификационную структуру должностей для государственных служащих и соответствующие профессиональные критерии для них должны соответствующие органы государства.

Для практического решения вопросов перехода на многоуровневое образование целесообразно, на наш взгляд, разработать своего рода «Табель о рангах» для лиц, претендующих на получение высшего образования. Но, учитывая печальные особенности российской бюрократии, способной осложнить реализацию этой идеи созданием значительного количества разного рода квалификационных комиссий, увеличением числа чиновников и т. п., к решению этой задачи нужно подойти с крайней степенью осторожности.

Серьезной проблемой качественной подготовки специалистов в области права является ее нравственный компонент. Далеко не случайным является тот факт, что система юридического образования появилась значительно позднее самой профессии юриста, одновременно с процессом возврата утраченного римского правового наследия. Отметим, что в странах, характеризующихся наиболее качественной моделью юридического образования, специалисты готовятся с помощью методов индивидуального обучения юридическим действиям в конкретной сфере юридической практики. Именно такой тип подготовки юристов, по мнению А. Н. Жинко, наиболее точно демонстрирует реальный механизм социализации права: технико-догматические элементы в нем являются вспомогательными и надстраиваются на более широком образовательном фундаменте [2, с. 74].

Сегодня российское правовое бытие демонстрирует быструю трансформацию социального типа правового сознания в персональное. Не случайно государство уделяет большее внимание формированию новых правовых структур, чем актуализации основ-

ных социальных ценностей права. Таким образом, правовая система России все более отдаляется от реальных запросов социума. Доказательством этого является и современное состояние юридического образования, которое, к сожалению, может утратить связь с основными моральными ценностями.

Мы солидарны с В. Н. Синюковым, утверждающим, что российские студенты воспитываются сейчас в основном на критериях материального благополучия и личного успеха [5, с. 35]. На второй план уходит идея служения обществу, его моральным ценностям, понятие «юрист» начинает ассоциироваться с понятиями «предприниматель», либо «чиновник». Происходит переоценка ценностей в работе специалиста: в юристе больше ценится фанатичная принадлежность «команде», лояльность и конформизм, нежели профессионализм и честность. Согласимся с О. В. Ильиной: именно через такие «...неформальные процедуры правки социального статуса юриста происходит и дальнейшая корректировка правосудия, правоохранительной деятельности и даже законодательства, что значительно деформирует правовое сознание» [3, с. 48].

Юридическое образование и сама юридическая практика сегодня нуждаются в моральном контроле со стороны общества, а не в простом соблюдении формального принципа законности. Сама образовательная среда должна оказывать моральное воздействие на практику, воспроизводить и транслировать общекультурные правовые ценности, в первую очередь, идею общественного служения. Особыми ценностями системы профессиональной подготовки юристов должны стать моральные категории мужества и самостоятельности, которые, к сожалению, сегодня вообще не учитываются в системе профессиональных компетенций в образовательных стандартах по специальности «Юриспруденция».

Юридическое образование в России в последнее время склонно к постоянному расширению, обретению массовости. В результате постепенно утрачивается специфический статус профессионального правосознания. По принципиальным признакам юридического образования – массовость, обзорность, поверхностность, отсутствие специфического субъекта, моральная относительность – оно превращается в своего рода правовой всеобуч, что, конечно, не способствует решению проблем воспроизводства профессионального правового сознания.

Для обеспечения «правового всеобуча» необходимо все то, что мы наблюдаем сегодня, – огромное количество профессоров и доцентов, все возрастающие объемы учебной литературы, перегруженные вспомогательными дисциплинами учебные планы, обеспечение (де-факто) приоритета пассивных видов занятий. Как нам представляется, все это противоречит специфике подготовки юристов-профессионалов. В режиме юридического просвещения, конечно, могут работать самые разные вузы, и их возможности не надо ограничивать. Может быть, стоило бы разработать отдельный стандарт, дающий право заниматься правовым воспитанием в школах, лицеях, гимназиях колледжах, вести несложную правовую работу на предприятиях и т. п., но без права занятия должностей в юрисдикционных органах, поскольку не всякий че-

ловек, знающий законы, должен допускаться к юридической практике.

Отметим, что в отличие, к примеру, от США подготовка юристов в нашей стране начинается еще со школы, в силу чего абитуриенты еще не имеют никакого социального опыта. Напомним, что в советский период на юридические факультеты принимались в основном абитуриенты, имеющие определенный стаж работы, либо служившие в ВС. Подобная система давала реальную возможность использования жизненного опыта в образовательном процессе на юридическом факультете. Другим достоинством этого подхода в формировании контингента студентов был возраст специалиста к моменту окончания учебного заведения – он предоставлял возможность рассматривать его кандидатуру в качестве претендента на судейскую должность. В современной ситуации просто нет институтов, которые обеспечивали бы социально-правовую интеграцию выпускника в юридическую практику. Поэтому, по мнению В. Н. Синюкова, юридическое образование теряет связь с личностью юриста [5, с. 36].

Серьезную пропасть между дипломом о высшем юридическом образовании и нравственно-этическими принципами юридической профессии создает, на наш взгляд, и введение тестового единого государственного экзамена для абитуриентов, поступающих в вузы. Тесты просто выявляют остаточные знания по литературе, истории, обществознанию, но общая сумма баллов не позволяет членам приемных комиссий объективно оценить интеллектуальные и моральные особенности будущих студентов гуманитарных факультетов, которые готовят специалистов для будущей работы с людьми со своими специфическими особенностями, в том числе и юристов.

Сказанное выше наглядно свидетельствует о том, что проблемы развития системы юридического образования на территории Кузбасса не столь технологического, поскольку методы обучения юристов везде непрерывно совершенствуются, сколько организационного плана, и связаны они, в первую очередь, с формализацией реформирования: на территории Кемеровской области, как и России в целом, вопросы повышения качества подготовки юристов сведены к ужесточению условий образовательного процесса и восприятию двухуровневой системы подготовки. Вряд ли можно рассчитывать на решение этих задач через формальные представления о самом качестве юридического образования. Возникающие в обществе сомнения по поводу способности юристов не только применять и интерпретировать законы, но и понимать общественные процессы, воспроизводить зарождающиеся в обществе нормы, нельзя устранить проверкой у студентов остаточных знаний действующего законодательства.

В стране, в том числе и в нашем регионе, ослабевает контроль со стороны самого общества за качеством подготовки профессиональных юристов, да и само общество идет по пути массового дипломирования своих членов. Чего стоит, к примеру, в общественном сознании качество знаний дипломированных специалистов, получивших его в процессе вечернего, заочного, дистанционного образования, да ещё в филиалах, учебно-консультационных пунктах или просто с экрана компьютера? О каком уровне правовой культуры, нравственного сознания или профессионализма

может идти речь? Молодые люди, получившие таким способом формально «широкие» обзорные юридические сведения вне контекста общей национальной, региональной, отраслевой культуры, оказываются не готовыми к реализации своей социальной роли в общественных отношениях. Поэтому следует согласиться с мнением тех авторов, которые высказывают суждение о том, что смысл реформы юридического образования состоит не столько в решении проблемы повышения уровня догматических познаний выпускников, сколько в формировании целостной культурной среды юридического корпуса страны, образовательная специализированная составляющая которой есть лишь одна из предпосылок подлинной юридической квалификации [4, с. 101].

Юридическая профессия в России нуждается в обновлении и оздоровлении своего человеческого капитала. Необходимым условием получения профильного юридического образования должно быть наличие опыта практической работы, либо гуманитарного образования, полученного предварительно, хотя бы на уровне бакалавриата, что позволит значительно расширить интеллектуальные источники формирования юридического корпуса, укрепить его культурную основу, ограничить приток в юридическую профессию случайных людей: юридическое образование профессионального типа – особый вид обучения, так как служит одной из существенных предпосылок для назначения на юридическую должность, поэтому оно должно иметь особые механизмы личностного отбора.

Для продолжения профессионального образования необходимо предусмотреть специализацию, ориентированную на конкретную сферу юридической деятельности (муниципальное управление; административное управление; прокурорско-следственная деятельность; адвокатура; государственно-регистрационная деятельность; банковские сделки и недвижимость и т. д.). Современные же университетские специализации (профили подготовки), как правило, разбиваются на три ветви: государственно(административно)-правовую; гражданско-правовую; уголовно-правовую, такое разделение имеет чисто теоретическую направленность и не дает студентам возможностей приблизиться к практике своей будущей работы. Разница между специализациями (профилями) – лишь в подборе спецкурсов, которые зачастую представляют лишь извлечение из основного учебного курса некоторых разделов, глав и параграфов. Для того чтобы решить проблему качественной подготовки студентов, необходимо, на наш взгляд, предусмотреть еще до выдачи диплома длительную стажировку (сроком до одного года) на месте будущей работы специалиста. Это даст возможность, во-первых, приблизить теоретические знания студентов к практическим реалиям, во-вторых, выпускник-специалист сможет оценить свои способности, в-третьих, работодатель сможет реально оценить качество подготовки будущего работника.

Литература

1. Бляхман Б. Я. Подготовка специалистов-юристов в условиях рыночной экономики // Юрист вуза. 2010. № 5.
2. Жинко А. Н. Правовая социализация личности в контексте правового воспитания и юридического образования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.
3. Ильина О. В. Роль права в развитии науки и образования в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
4. Петручак Л. А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
5. Синюков В. Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7. (Российская газета. 2009. 17 апреля).

Информация об авторе:

Бляхман Борис Яковлевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, 8(3842)58-37-52, theorlaw@kemsu.ru.

Boris Ya. Blyakhman – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Гаврилов Станислав Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права КемГУ, 8(3842) 58-43-87, gavrosh66@mail.ru.

Stanislav O. Gavrilov – Doctor of History, Professor the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 12.01.2015 г.

УДК 343.13

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРАВА НА НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Р. В. Бобринев, А. С. Червинский

THE CRIMINAL PROCEEDINGS USE OF THE RIGHT TO THE APPOINTMENT AND CONDUCT OF A FORENSIC EXAMINATION BEFORE THE INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

R. V. Bobrinev, A. S. Chervinskiy

В статье анализируется практика различных правоохранительных органов по назначению и производству судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о преступлении. Изложены обстоятельства, препятствующие назначению и производству судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела. Внесено предложение о наделении эксперта правом «знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении и уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы».

The paper analyzes the practices of various law enforcement agencies on the use and conduct of forensic examinations before the initiation of criminal proceedings during the audit of reports of crime. The circumstances that prevent the use and conduct of forensic examinations before the initiation of criminal proceedings are presented. The proposal is made about giving the expert the right «to be study the materials of the audit of reports of criminal case related to the subject of forensic examination».

Ключевые слова: следователь, дознаватель, судебная экспертиза, эксперт, права эксперта, возбуждение уголовного дела, преступление.

Keywords: investigator, interrogating officer, forensic examination, expert, eligibility of expert, criminal case, crime.

В период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1961 г. и после принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ) [7] отдельными учеными ставился вопрос о необходимости назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Это обосновывалось требованием установления наличия или отсутствия оснований, необходимых для возбуждения уголовного дела. Например, при изъятии самодельного предмета, внешне сходно-

го с огнестрельным оружием, при изъятии порошка, похожего на наркотическое вещество, и т. п. В этих случаях следователи были на распутье, поскольку без исследования данных объектов, и, не имея выводов эксперта, могли необоснованно возбудить уголовное дело.

Известный ученый Р. С. Белкин довольно подробно рассмотрел этот дискуссионный вопрос и был сторонником производства экспертизы до возбуждения уголовного дела [2, с. 100 – 107].

К сожалению, российские законодатели длительное время игнорировали данное предложение, хотя с распадом СССР и изменением законодательства бывших республик, входящих в состав СССР, имелись положительные примеры, регламентирующие назначение и производство экспертиз до возбуждения уголовного дела. В частности, положительно этот вопрос решен в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан, введенном в действие с 1 апреля 1995 г., где в ст. 180 указано: «В необходимых случаях экспертиза может быть назначена и до возбуждения уголовного дела» [8].

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан в ч. 2 ст. 242 «Порядок назначения экспертизы» было указано: «В случаях, когда принятия решения о возбуждении уголовного дела невозможно без производства экспертизы, она может быть назначена до возбуждения уголовного дела. При этом объектами судебно-экспертных исследований являются материалы:

1) прилагаемые к заявлениям или сообщениям о преступлениях, представленные в соответствии со статьями 178, 179, 180, 181 настоящего Кодекса;

2) непосредственно обнаруженные должностными лицами и органами, уполномоченными возбудить уголовное дело в соответствии со статьей 182 настоящего Кодекса;

3) полученные в результате процессуальных действий, допускаемых настоящим Кодексом в ходе доследственной проверки;

4) истребованные или представленные в порядке, предусмотренном статьей 125 настоящего Кодекса» [3].

Как видно, законодатель довольно подробно указал объекты судебно-экспертных исследований. Однако в действующей редакции УПК Республики Казахстан производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела не предусмотрено [6].

В ч. 2 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь приведен обширный перечень проверочных мероприятий, имеющихся в арсенале лиц, рассматривающих сообщения о преступлениях. До возбуждения уголовного дела могут быть получены объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребованы дополнительные документы, назначена проверка финансово-хозяйственной деятельности, произведены осмотр места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, экспертизы, задержание и личный обыск при задержании, а также может быть проведено извлечение трупа из места захоронения (эксгумация). В ч. 2 ст. 226 УПК Республики Беларусь указано: «До возбуждения уголовного дела в соответствии со статьей 173 настоящего Кодекса допускается назначение судебно-медицинской экспертизы для определения причин смерти и степени тяжести телесных повреждений и иных экспертиз, выводы которых могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Не могут назначаться экспертизы, связанные с применением мер процессуального принуждения в отношении физических лиц» [5].

Анализ вышеуказанных норм уголовно-процессуальных кодексов республик Узбекистан, Казахстан

и Беларусь, регламентирующих назначение и производство судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела, позволяет сделать вывод о том, что законодатель разрешил производство не всех судебных экспертиз, а только тех, которые необходимы для принятия обоснованного решения по результатам проверки сообщения о преступлении.

Предложения именно такого характера высказывались и российскими учеными. В частности, Ю. К. Орлов указывал, что производство экспертиз до возбуждения уголовного дела может быть допущено в тех случаях, когда без производства судебной экспертизы невозможно установить наличие оснований для возбуждения уголовного дела (причины смерти, характера и степени тяжести причиненного здоровью вреда, исследование свойств предметов преступления, таких как оружие, наркотики, указанных в соответствующих статьях УК РФ), если для этого требуются специальные знания. Во всех остальных случаях судебная экспертиза может быть проведена только после возбуждения уголовного дела [11].

В настоящее время согласно ч. 4 ст. 195 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23 – ФЗ) [10] судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела. Соответствующие изменения претерпела ч. 1 ст. 144 УПК РФ, регламентирующая порядок рассмотрения сообщения о преступлении. Так, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа при проверке сообщения о преступлении вправе не только получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, но и назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок.

За два года действия указанных нововведений единая правоприменительная практика не сложилась. Более того, можно утверждать об отсутствии вообще какой-либо практики назначения и производства судебных экспертиз по новым правилам, в деятельности некоторых правоохранительных органов, уполномоченных осуществлять предварительное расследование в форме предварительного следствия и (или) дознания в Кузбассе.

Например, Управлением Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Кемеровской области (далее – УФСН РФ по КО) не было назначено ни одной судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении. В качестве одной из причин не назначения судебных экспертиз сотрудники управления называют позицию органов прокурорского надзора, не считающих возможным использовать данное процессуальное действие в отношении лиц, не обладающих статусом участника уголовного судопроизводства, несмотря на то, что проверка сообщения о преступлении входит в состав части второй УПК РФ, называемой «Досудебное производство», а последнее по смыслу ст. 5 УПК РФ является частью уголовного судопроизводства. Другим фактором, сдерживающим судебно-экспертную деятельность при рассмотрении сообщения о преступлении, выступает предписание, содержа-

щееся в аналитической справке Следственного департамента ФСКН России [1]. Суть этого предписания состоит в том, что одна из распространенных экспертиз, назначаемых органами предварительного следствия (речь идет о психиатрической экспертизе), должна быть назначена в течение трех суток после возбуждения уголовного дела. Указанное правило в совокупности с вышеуказанной позицией прокуратуры является, по мнению следственных органов УФСКН РФ по КО, достаточным основанием для назначения не только психиатрических, но и других судебных экспертиз только по возбужденному уголовному делу.

Другой пример. Управление Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Кемеровской области, уполномоченное осуществлять дознание по уголовным делам о преступлениях, предусмотренным статьями 157 и 177, частью первой статьи 294, статьей 297, частью первой статьи 311, статьями 312 и 315 Уголовного кодекса Российской Федерации [9], в период с марта 2013 г. по февраль 2015 г. не назначило ни одной судебной экспертизы при проведении проверки соответствующих сообщений о преступлениях. И только под давлением вышестоящего федерального органа исполнительной власти (ФССП РФ) в марте 2015 г. вынесено 1 постановление о назначении судебной почерковедческой экспертизы.

Можно предположить, что ситуация с назначением экспертиз на стадии рассмотрения сообщения о преступлении (как минимум это касается психиатрической экспертизы) в ближайшей перспективе сдвинется с «мертвой точки» в процессуальной деятельности дознавателей УФСКН РФ по КО, ориентированных в противовес следователям данной федеральной службы, назначать психиатрические экспертизы при наличии характеризующего материала до возбуждения уголовного дела. В качестве основного аргумента, объясняющего такой подход, указывается сокращение сроков расследования уголовных дел [1].

Дальнейший анализ правоприменительной деятельности других правоохранительных органов в регионе осуществлялся, в виду отсутствия статистических данных обо всех назначаемых в порядке ст. 144 УПК РФ судебных экспертизах, посредством опроса руководителей и сотрудников следственных и экспертных подразделений. В результате было установлено, что до возбуждения уголовного дела судебные экспертизы в Экспертно-криминалистическом центре (ЭКЦ) Главного управления МВД России по Кемеровской области назначаются более активно, но дифференцировано, в зависимости от категории преступлений, сообщения о которых рассматриваются следователями и дознавателями. Например, чаще всего судебные автотехнические экспертизы назначаются при рассмотрении сообщений о совершении так называемых дорожно-транспортных происшествий. Срок проведения таких экспертиз составляет 15 дней. Так, в 2012 г. экспертами соответствующего отдела ЭКЦ ГУ МВД РФ по КО было подготовлено 290 справок об исследовании, а также проведено в рамках возбужденных уголовных дел 309 автотехнических экспертиз. В 2013 г. было подготовлено 188 справок об исследовании и проведено 368 автотехнических экспертиз, 53 из которых были назначены до возбуждения

уголовного дела. В 2014 г. подготовлено 66 справок об исследовании, проведено 537 автотехнических экспертиз, 280 из которых были назначены до возбуждения уголовного дела. В первом квартале 2015 г. было подготовлено 66 справок об исследовании, проведено 156 автотехнических экспертиз, 67 из которых были назначены и проведены до возбуждения уголовного дела. Тенденция к увеличению количества назначаемых в рамках проверки сообщения о преступлении экспертиз наблюдается и по материалам о незаконном обороте наркотиков, где выносятся постановления о производстве криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий.

В ходе изучения «Журнала регистрации экспертиз и исследований», представленного сотрудниками экспертно-криминалистического отдела УВД по г. Кемерово, авторами установлено, что наибольшее количество судебных экспертиз при рассмотрении сообщений о преступлениях назначается по фактам, связанным с кражами личного имущества граждан. В основном назначаются и производятся дактилоскопические экспертизы. В первую очередь это связано с тем, что следы пальцев рук после производства дактилоскопической экспертизы сразу же попадают на проверку по дактилоскопическим учетам. Имеются случаи, когда лицо, совершившее кражу, устанавливается еще до момента возбуждения уголовного дела. Кроме того, по фактам краж до возбуждения уголовного дела производятся трасологические экспертизы запорных устройств, следов обуви, перчаток, орудий взлома. По отдельным материалам проверок производятся в некоторых случаях баллистические, почерковедческие экспертизы и технико-криминалистические экспертизы документов.

Отметим, что сотрудники районных, городских отделов полиции, участвующие в осмотрах мест различных происшествий, нацелены в своей деятельности на раскрытие преступлений «по горячим следам». В этой связи в практической деятельности органов внутренних дел в последние 15 – 20 лет в стадии возбуждения уголовного дела широко использовались результаты предварительных исследований, выполняемых специалистами экспертно-криминалистических подразделений МВД РФ. Производство предварительных исследований увеличивало объем работы, поскольку после возбуждения уголовного дела по тем же объектам выполнялись судебные экспертизы. Поскольку законодатель разрешил производство судебной экспертизы в ходе проверки сообщения о преступлении, сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений целесообразно произвести именно судебную экспертизу, а не предварительное исследование.

В процессе личных бесед со следователями и дознавателями органов внутренних дел о проблемах, связанных с назначением и производством судебных экспертиз в ходе выполнения положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ, отдельные сотрудники пояснили, что они чаще при проверке сообщения о преступлении выносят отношение о производстве предварительного исследования, поскольку это закреплено в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, и их производство регламентировано приказом МВД РФ № 7 от 11 января 2009 г. [4]. По их мне-

нию, срок выполнения исследования значительно меньше, чем срок производства судебной экспертизы, и результаты такого исследования, выполненного специалистом, также являются основанием для возбуждения уголовного дела. Отдельные следователи Главного следственного управления ГУ МВД России по Кемеровской области, специализирующиеся на расследовании уголовных дел в сфере экономической деятельности, также пояснили, что не назначают судебные экспертизы, поскольку сроки их проведения составляют 15 дней, что превышает 3-х и 10-ти сутокные сроки рассмотрения сообщения о преступлении.

Тем не менее высказываемые следователями органов внутренних дел доводы не безупречны. Несмотря на законодательное требование получения заключения эксперта в разумный срок, ч. 3 ст. 144 УПК РФ сохраняет за руководителем следственного органа, начальником органа дознания право по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок проверки сообщения о преступлении, а при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий, руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления. Поэтому при наличии у лица, рассматривающего сообщение о преступлении всех необходимых материалов и достаточных оснований полагать, что судебная экспертиза будет завершена до истечения предельного срока, установленно-го для проверки сообщения о преступлении, а ее результаты позволят снизить, а в некоторых случаях исключить вынесение незаконного и необоснованного постановления, такие судебные экспертизы должны назначаться и производиться до принятия процессуального решения в порядке ст. 145 УПК РФ.

Судебные экспертизы (судебно-медицинские и другие) следователями Управления Следственного Комитета Российской Федерации по Кемеровской области (далее – УСК РФ по КО) назначаются, как правило, при проверке сообщений о преступлениях против личности. По другим категориям преступлений, предварительное следствие по которым осуществляется следователями Следственного комитета РФ, судебные экспертизы не назначаются или назначаются редко в связи с длительными сроками их проведения и нехваткой материалов, необходимых для предоставления в распоряжение эксперта. Как мы уже отмечали, подтвердить эти сведения результатами официальной статистики не представляется возможным из-за отсутствия таковой. Вместе с тем, по утверждению сотрудников данного управления, число судебных экспертиз, назначаемых на стадии проверки сообщения о преступлении, неуклонно растет, что свидетельствует о значимости произошедших изменений в УПК РФ в части назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Завершая наше исследование, подведем некоторые итоги.

Органы, осуществляющие предварительное следствие (за исключением органов предварительного следствия Федеральной службы безопасности Российской Федерации не рассматриваемых в нашей работе) используют возможность назначения и производства судебной экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении. Особенно это характерно для следователей органов внутренних дел, рассматривающих сообщения о преступлениях против собственности, безопасности движения и эксплуатации транспорта, и следователей УСК РФ по КО, принимающих решения по сообщениям о преступлениях против личности. Напротив, следственные подразделения УФСНК РФ по КО не назначают судебные экспертизы до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Обстоятельствами, препятствующими назначению судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела, являются: во-первых, небесспорные позиции органов прокуратуры, осуществляющих надзор за деятельностью органов дознания и предварительного расследования в Кемеровской области, не считающих возможным производство судебной экспертизы в отношении лиц, не принимающих участие в уголовном процессе, т. е. не являющихся участниками уголовного судопроизводства; во-вторых, противоречивые разъяснения некоторых вышестоящих, по отношению к региональным, федеральных органов исполнительной власти уполномоченных осуществлять предварительное расследование; в-третьих, отсутствие у участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения на момент рассмотрения сообщения о преступлении всех необходимых материалов для производства экспертизы (преступления в сфере экономической деятельности, преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и др.); в-четвертых, длительные сроки производства экспертиз по отдельным категориям преступлений; в-пятых, загруженность экспертов и их ограниченный штат.

Возможность назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела должно было привести к включению в отдельные нормы УПК РФ слов «проверка сообщения о преступлении». В частности, ч. 1 ст. 80 УПК РФ «Заключение и показания эксперта и специалиста» должна иметь следующее содержание: «Заключение эксперта – представленный в письменном виде документ, содержащий исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, осуществляющим проверку сообщения о преступлении, ведущим производство по уголовному делу или сторонами».

В части 4 ст. 195 УПК РФ следует заменить последнее предложение на предложение в следующей редакции: «Судебная экспертиза может быть назначена и произведена при проверке сообщения о преступлении».

Статья 199 УПК РФ должна называться «Порядок направления материалов проверки сообщения о преступлении или уголовного дела для производства судебной экспертизы».

Часть 1 ст. 282 УПК РФ «Допрос эксперта», регламентирующую допрос эксперта в ходе судебного разбирательства, следует изложить в следующей редакции: «По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе проверки сообщения о преступлении или предварительного расследования, для разъяснения или дополнения данного им заключения».

Также, на наш взгляд, обстоятельством, пускай и не препятствующим назначению судебных экспертиз, но, безусловно, ограничивающим права эксперта при производстве судебной экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении, является отсутствие

права эксперта на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении. Для устранения этого пробела предлагаем изложить п. 1 ч. 3 ст. 57 УПК РФ в следующей редакции: «знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении и уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы».

Однако в целом можно сделать вывод, что возможность назначения и производства судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении положительно воспринята многими правоприменителями, специализирующимися на расследовании отдельных общественно-опасных деяний, и активно используется ими в профессиональной деятельности.

Литература

1. Аналитическая справка № 4/1/3049 от 26 марта 2015 года «О практике расследования уголовных дел со сроками предварительного следствия свыше установленного ч. 1 ст. 162 УПК РФ, порядке, сроках и качестве предоставляемых территориальными следственными органами ФСКН России о продлении процессуальных сроков свыше 12 месяцев руководству Следственного департамента ФСКН России по итогам 2014 года».
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: Юрист, 1997. С. 100 – 107.
3. Закон Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 207-1 «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан». Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=-1008442
4. Приказ МВД РФ «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» от 11 января 2009 №7. Режим доступа: <http://etkovd.ucoz.ru/index/0-4>
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (в ред. от 10 января 2015 г. № 242-3). Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=hk9900295
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 № 231-V. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08 марта 2015) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: Утвержден Законом РУз от 22.09.1994 г. № 2013-XII (по состоянию на 04.09.2014 г.). Режим доступа: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug_pr
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30 марта 2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Федеральный закон от 4 марта 2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 6 марта. 2013. № 48.
11. Орлов Ю. К. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2003. № 9. С. 20 – 21

Информация об авторах:

Бобринев Руслан Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 8-913-303-13-63, bobrinev.ruslan@mail.ru.

Ruslan V. Bobrinev – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Червинский Александр Степанович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 8-950-278-64-81, a_chervinskii@mail.ru.

Alexander S. Chervinskiy – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 13.04.2015 г.

УДК 340.15 (075.8)

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ОРГАНОВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920-е гг.

А. С. Вернов, С. О. Гаврилов

THE STAFF OF PUBLIC PROSECUTION AGENCIES IN WESTERN SIBERIA IN THE 1920s

A. S. Vernov, S. O. Gavrilov

В статье рассматривается проблема организационного построения и кадрового обеспечения учреждений региональной западносибирской прокуратуры в период оформления новой модели прокурорского надзора. Делается вывод о том, что характерные особенности региональной прокуратуры – чрезмерная идеологизированность, текучесть кадров, низкий образовательный уровень прокуроров – не в лучшую сторону отражались на качестве деятельности прокуратуры, на состоянии надзора за законностью.

The paper considers the problems of organizational structure and staffing of institutions of the West Siberian regional Prosecutor's office in the period of the formation of a new model of public prosecutions. The authors conclude that the characteristic features of the regional Prosecutor's office (excessive ideological approach, staff turnover, low educational level of prosecutors) – had negative effect on the quality of activities of the Prosecutor's office and the state supervision over the legality.

Ключевые слова: Сибирский край, Кузнецкий округ, региональная прокуратура, участковая прокуратура, кадровый состав.

Keywords: Siberian region, Kuznetsk district, regional Prosecutor's office, district Prosecutor's office, staff.

Одной из самых болезненных проблем, связанных с формированием региональной прокуратуры в Западной Сибири, являлась проблема кадрового обеспечения прокурорских учреждений.

Изначально в 1922 г. штатное расписание губернской прокуратуры [6, ст. 5] включало в себя губернского прокурора, 11 помощников (четверо из которых работали при камере губернского суда, а еще семеро осуществляли свои функции на уровне судебных участков, в том числе в Кузнецке и Щегловске). В действительности, к концу 1922 г. пятерым из них предстояло осуществлять свою деятельность в губернском городе, а трем – на участках (по одному помощнику на участок). В действительности, к началу 1923 г. в органах прокуратуры, помимо канцелярских служащих, работало 8 человек: штаты, т. о., оказались недоукомплектованы.

«Кадровый голод» в какой-то степени если и не создавался государством напрямую, то во многом являлся последствием его бюджетной политики жесткой экономии. Финансовые трудности переходного, от «военного коммунизма» к НЭПу, периода, вызвали к жизни письмо наркома юстиции И. Д. Курского. Документ этот, адресованный губернским и областным прокурорам, содержал достаточно жесткое предписание быть экономными при заполнении штатов прокуратуры, принимать сотрудников лишь при наличии действительной необходимости, по мере развертывания работы.

Исследователь И. А. Гридунова отмечает также в качестве еще одной причины сложной кадровой ситуации «пассивность партийного аппарата при решении данного вопроса. Предлагаемые партийным руководством сибирских губерний кандидаты либо не подходили по качественным характеристикам, либо их не отпускали с места работы. И Барнаульский прокурор, и томский прокурор, в свою очередь, неоднократно обращались в губкомы с просьбой откомандировать в прокуратуру тех или иных лиц, подходящих для дан-

ной должности и здесь уже партийные чиновники отказывали в их выделении» [4, с. 56].

Не следует забывать и о том, что геополитические особенности Сибири, в первую очередь, удаленность от экономических и культурных центров, также не могли не накладывать свой отпечаток на состояние кадровой проблемы. Согласно данным Всероссийской переписи населения 1920 г. Западная Сибирь занимала одно из последних мест по грамотности населения: процент элементарной грамотности здесь не превышал 20. Данное обстоятельство, безусловно, препятствовало подбору прокурорских кадров в Томской губернии. Пытаясь выправить создавшуюся ситуацию, Сиббюро в 1923 г. обратилось в ЦК РКП(б) с просьбой о переброске из других регионов прокурорских работников в Томскую и Алтайскую губернии [5, с. 121].

К лету 1923 г. количество помощников прокурора в Томской губернии увеличилось в 1,2 раза. Это, однако, не позволило закрыть все кадровые бреши, в отличие от Алтая, на территории которого штат прокуратуры оказался полностью укомплектован. Поэтому утверждение И. А. Гридуновой о том, что к июлю 1923 г. организационный период Алтайской прокуратуры был завершен, для территории Томской губернии не вполне корректно.

Впрочем, даже если бы все штатные показатели были достигнуты, это было бы лишь имитацией полного разрешения кадровой проблемы. Низкая плотность населения и, соответственно, значительная территория уезда, чаще всего и являвшегося судебным участком, приводили к тому, что один помощник прокурора фактически не мог обеспечить юридические потребности административно-территориальной единицы. Ситуация усугублялась и слабостью инфраструктуры, состоянием транспорта и связи, постепенным увеличением юридических запросов населения, ростом количества гражданских дел, естественно связанным с реализацией НЭПа и требовавшим участия

прокуроров. Все это делало дефицит помощников прокуроров еще более очевидным, не в лучшую сторону отражалось на качестве деятельности прокуратуры, на состоянии надзора за законностью.

На 01.10.1927 г. количество должностных лиц прокурорского надзора в Сибирском крае составило 162 человека.

Статистические показатели подтверждают отмеченную выше тенденцию постепенного увеличения количественного состава работников прокурорского надзора (1925 г. – 97 человек, 1926 г. – 149 человек).

Статистические данные, кроме того, свидетельствуют о том, что динамика социального состава помощников прокуроров обнаруживала в середине 1920-х гг. тенденцию увеличения числа работников рабочего-крестьянского происхождения: если в 1925 г. количество таковых составляло 29,3 % от личного состава, то к концу 1927 г. эта цифра увеличилась до 42 % (64 рабочих, 16 крестьян против 93 служащих) [1, л. 305].

По вполне понятной причине изменился и состав прокурорских работников с точки зрения их партийной принадлежности: постоянно возрастало количество прокуроров-членов ВКП(б), количество же беспартийных оставалось на прежнем уровне.

Подобные тенденции, бесспорно, подтверждая чрезмерную идеологизированность системы прокурорского надзора, как, впрочем, и всей судебной и правоохранительной системы, не могло не радовать региональное партийно-советское руководство. Тем не менее оно оставалось не вполне довольным. В выступлении Краевого прокурора (ноябрь 1927 г.) отмечалось, что хотя «в личном составе и есть увеличение в процентном отношении рабочих, все же, несмотря на это, в предстоящей работе одной из основных задач Краевого прокурора, его помощников в лице Окружных прокуроров является закрепление основного пролетарского ядра в личном составе и производить укомплектование аппарата, главным образом, за счет рабочих и крестьян-выдвиженцев» [1, л. 107].

Отметим, что решение данной задачи в сибирских условиях было делом практически неисполнимым: масштабность территорий, неразвитость системы путей сообщения, отсутствие развитой промышленности затрудняли консолидацию рабочего класса, препятствуя превращению его в мощную социальную основу нового режима и, соответственно, в желаемую «кузницу кадров». Сами же руководители сибирской прокуратуры признавались: «отдельные участки прокурорского надзора укомплектованы случайным элементом, без достаточной юридической подготовки и политически слабо воспитанными, а отсюда вытекает ряд отрицательных взглядов о целесообразности существования участков прокуратуры» [1, л. 305].

Дело доходило до того, что некоторые местные руководители даже всерьез рассматривали возможность «ввоза пролетарских сил из других районов», но вследствие явной абсурдности данной идеи вынуждены были от нее отказаться. Т. о., единственным кадровым резервом прокуратуры становились шахтеры Кузбасса и железнодорожнорабочие Транссиба.

Помимо обеспечения классового характера состава работников прокуратуры, и во 2-й пол. 1920-х гг.,

по-прежнему, острой оставалась проблема их образовательного уровня. Более того, стремление любой ценой расширить представительство в прокурорском корпусе выходцев из рабочего класса и крестьянства еще более усугубляло проблему. Так, по состоянию на 01.10.1925 г. высшее образование имели 25,8 % работников прокуратуры Сибирского края, среднее – 52,6 %; по состоянию на 01.10.1926 г. показатели выглядели следующим образом – 13,4 % и 24,2 %, а на 01.10.1927 г. – 14,8 % и 16,7 %. Данные показатели выглядели гораздо хуже общероссийских: в среднем по РСФСР высшее образование имели 43 % сотрудников, среднее – 26 %, начальное – 30 %.

Во 2-й пол. 1920-х гг. прокурорский надзор на территории Кузнецкого округа включал в себя собственно Окружную прокуратуру, располагавшуюся в г. Щегловске, и участковые прокуратуры.

Аппарат Окружной прокуратуры состоял из прокурора Лепендина и камерных помощников прокурора: по общему надзору – Блимбергс, по надзору за органами следствия и дознания – П. И. Родин. Из числа лиц прокурорского надзора по социальному происхождению один (П. И. Родин) являлся выходцем из рабочего класса, двое были отнесены к разряду служащих.

Доклад, адресованный на имя Краевого прокурора, датированный июлем 1927 г., свидетельствовал о том, что на протяжении 1926 – 1927 гг. текучести кадров не происходило. Это в принципе и не удивительно: потеря хотя бы одного работника, по сути, полностью парализовала бы работу прокуратуры, что руководители Окружкома партии допустить не могли. С учетом того обстоятельства, что и Лепендин, и Блимбергс, и Родин были членами ВКП(б) – переступить через партийную дисциплину они бы не смогли.

Столь мизерный штат работников прокуратуры свидетельствует о том, что проблема дефицита кадров, как видим, существовала и ранее, но с открытием Окружного суда (01.04.1927 г.) и увеличением в связи с этим судебной работы штат по утверждению Окружного прокурора, оказался «в перегруженном состоянии на 75 %», что естественно не могло не отразиться на качестве его работы. В силу этого в течение всего лета Лепендин в своих докладах на имя Краевого прокурора П. Г. Алимова просит увеличить штатное расписание хотя бы на трех человек. В результате настойчивости Окпрокурора в ноябре – декабре 1927 г. штат был пополнен двумя заместителями прокурора, но окончательного результата (третьей должности по штатному расписанию) добиться так и не удалось [1, л. 487].

Штат технических сотрудников Окружной Прокуратуры к лету 1927 г. также был сформирован согласно штатному расписанию. Тем не менее с открытием Окружного суда здесь также стала ощущаться нехватка сотрудников. Особенно нетерпимо было отсутствие должностей статистика, делопроизводителя по секретной части, не хватало еще одной машинистки, а в целом, по мнению Лепендина, штат технических работников необходимо было увеличить на 60 %, иначе «при наличии штата технических сотрудников, какой имеется в данное время, устранить дефекты, медленность работы канцелярии с соблюдением существ-

вующих норм рабочего времени нет надежды» [2, л. 164].

Кроме того, в аппарате технических работников уездной прокуратуры, а с 1927 г. и прокуратуры Округной, имела место текучесть кадров. Несмотря на все усилия прокурора, закрепить на должностях делопроизводителя и счетного работника в 1925 – 1-й пол. 1927 г. не удавалось. Текучесть кадров, безусловно, объяснялась крайне низкой оплатой труда работников, а также их низким социальным статусом, порождавшим их стремление к «более квалифицированному занятию» (по выражению Родина).

Участковая прокуратура на момент реформирования административно-территориального деления страны и правоохранительной системы Сибири включала в себя три прокурорских участка. В данном случае примечательным является тот факт, что реорганизация правоохранительных структур, в том числе и прокурорского надзора, на этом структурном элементе региональной прокуратуры практически не отразилась: до учреждения Кузнецкого округа и формирования в сентябре 1925 г. участковых прокуратур (задолго до открытия Округного суда) на территории Кузбасса функционировали три уездных прокуратуры: речь, по сути, шла о простом переименовании.

Период с осени 1925 г. до весны 1927 г. был, пожалуй, самым тяжелым в деятельности участковых прокуратур. Имела место текучесть кадров – на 1-м участке дважды произошла смена прокурора. Первый после нескольких месяцев работы покинул участок после конфликта с судебным аппаратом, второй, Сушков, исполнял обязанности лишь полгода. Только с приходом 13.09.1926 г. нового прокурора, Ендржеевского, кадровая ситуация стабилизировалась.

Весной 1927 г. в деятельности Участковых прокуратур, равно как и самой Округной прокуратуры, начинается новый период, характеризующийся завершением процессов организационного становления и активизацией практической деятельности. Примечательно, что тогда же, в марте, происходит смена Округного прокурора. Свой пост покидает первый прокурор А. Соловьев, его кресло занимает Е. М. Лепендин, который бессменно руководит прокурорским надзором в округе вплоть до начала 1930-х гг.

К этому моменту, который совпал и с датой начала работы Округного суда, на территории Кузнецкого округа по-прежнему функционировали 3 Прокурорских участка. 1-й участок с резиденцией в г. Щегловске обслуживал три района (Щегловский, Кемеровский и Крапивинский). Его штат, как и предусматривало штатное расписание, состоял из четырех человека – прокурора Зисмана (по происхождению рабочего), секретаря (из крестьян), машинистки (дочь служащего) и рассыльной (дочь рабочего).

По мнению Округного прокурора, «работоспособность аппарата участка удовлетворительная», но при этом он сетовал на недостаточную квалификацию машинистки и невозможность подобрать более опытного специалиста: проблема, как всегда, заключалась в низкой заработной плате».

Участковый прокурор к работе вверенного ему аппарата относился более критично: «Переходя к работе канцелярии необходимо отметить, что самое

больное место, это – штат, его недисциплинированность волокита, за что я получаю неоднократные замечания за последние на время со стороны Округпрокуратуры. Такие ненормальности я отметил, когда из Краевой Прокуратуры прислали мне акт, составленный на позднее получение от меня почты. Здесь я установил, что на запросы Округпрокуратуры я отвечал, что такая-то переписка направлена ей, а фактически оказывалось, что эти бумаги две недели находились в шкафах и ящиках нашей прокуратуры, по вине технического персонала, сознательно, или бессознательно меня подводившего. За это я секретаря уволил, который пошел затем на скамью подсудимых» [1, л. 114 об.].

2-й участок с резиденцией в Ленинске обслуживал Ленинский, Краснинский, Топкинский и Усть-Сосновский районы. По состоянию на лето 1927 г. аппарат был полностью укомплектован и включал в себя прокурора Белявского (из крестьян), секретаря прокуратуры (того же социального происхождения), делопроизводителя (из служащих) и курьера (из рабочих).

Отметим, что в отличие от первого участка, здесь постоянно наблюдалась текучесть кадров. Во втором полугодии 1926 г. на место Прокурора назначается В. Васильев. В апреле 1927 г. его после острейшего конфликта с Округным прокурором переводят в другой округ, а на должность Участкового прокурора возвращается Белявский, уже занимавший данную должность в 1925 – 1926 гг. Происходят и изменения в штате технических работников (за 1927 г. дважды происходит замена делопроизводителя).

Следует пояснить, что текучесть кадров на уровне участковой прокуратуры во 2-й половине 1920-х гг. имела достаточно типичный характер. Вызывалась она, помимо отмеченной выше мизерной оплаты труда, как правило, двумя основными причинами.

Первая причина заключалась в элементарной нехватке кадровых работников прокуратуры, обладающих в сфере надзора элементарными навыками и необходимой квалификацией. В результате Краевая прокуратура вынуждена была постоянно переводить наиболее грамотных работников с места на место, пытаясь добиться оптимизации деятельности прокуратуры на тех или иных участках, а иногда просто прикрывая неожиданно возникшие кадровые бреши. Данную ситуацию мы и наблюдаем на примере постоянных ротаций «Белявский-Васильев-Белявский».

Вторая причина, обуславливавшая текучесть кадров на уровне технических работников, заключалась в недостаточно эффективной системе отбора кадров техаппарата. В результате аппарат был буквально захлавлен людьми, которые ни в силу своих деловых, ни в силу нравственных качеств для этой работы не подходили.

3-й участок с резиденцией в Кузнецке обслуживал Кузнецкий, Бачатский, Прокопьевский и Горно-Шорский районы. Аппарат Прокурорского участка был к середине 1927 г. укомплектован по штату на 100 %. Прокурор Ендржеевский (из рабочих), секретарь (из служащих), делопроизводитель (из служащих) и курьер (из рабочих). Оценивая деятельность данного участка, Округной прокурор констатировал,

что в течение 1-й пол. 1927 г. аппарат работал крайне слабо, секретарь был вообще уволен за недобросовестное отношение к службе, но сейчас «технические работники подобраны и имеется надежда на то, что в дальнейшем недостатки устранятся» [2, л. 165 об.].

Обратим внимание на один существенный момент. В своих докладах к статистическим отчетам, рапортах на имя Краевого прокурора на протяжении 1927, 1928, 1929 гг. Е. М. Лепендин дает оценку деятельности исключительно технических работников прокуратуры, но не лиц прокурорского надзора [3, л. 3].

В июльском рапорте 1927 г. Е. М. Лепендин поясняет эту свою позицию: «о качестве работы лиц из состава ответработников прокуратуры давать исчерпывающую оценку считаем неудобным, т. к. о качестве работников прокурорского состава, полагаем, Краевая прокуратура обладает данными судить об оценке работы каждого в отдельности» [2, л. 164]. Постановка вопроса достаточно странная: вполне понятно, что Окружной прокурор не может и не должен давать оценку собственной деятельности, но, на наш взгляд, оценка качества работы собственных камерных помощников – это его непосредственная обязанность.

По всей видимости, руководитель Окружной прокуратуры элементарно не желал выносить сор из избы. По крайней мере, тональность еженедельных совещаний с камерными помощниками прокурора, на которые периодически приглашались участковые прокуроры, звучит совершенно иначе.

Так, совещание, проходившее 5 апреля 1927 г., подвергло тщательному разбору деятельность Прокурора 2-го участка Васильева, в ходе которого в его адрес прозвучали резкие критические оценки. Примечательно, что на подобные недостатки в более спокойной тональности Окружной прокурор и его заместители указывали и прокурорам других участков, т.о., они имели типичный характер.

1. Слабая организационная сторона деятельности. Здесь отмечались и отсутствие плановости в работе, и отсутствие четкой отчетности, и постоянное отсутствие на участке (104 дня за последний год, в т. ч. 49 дней по болезни, 31 – в отпуске, 24 – служебные командировки и участие в разного рода заседаниях); отсутствие организующего влияния на аппарат. По мнению помощника Окружного прокурора Зисмана: «Влияния было мало. Когда я прибыл на разгрузку камеры, – секретарь на работу не вышел и говорит, что он болеет, обварился в бане, но, вероятно, он **тоже** был выпивши и не хотел показаться. Васильев не задумался над вопросом его заменить» [1, л. 111об.].

2. Отсутствие постоянной связи с партийными и общественными органами, пролетарской массой.

3. Провалы в работе с активом – рабселькорами, общественными обвинителями.

4. Просчеты в организации общего надзора, надзора за деятельностью следователей и милиции.

С нашей точки зрения, данный конфликт как нельзя лучше демонстрирует тот факт, что отношения между аппаратом различных правоохранительных учреждений, равно как и внутренние отношения среди сотрудников аппарата прокуратуры, были далеки от

совершенства. На том же заседании в нелестном тоне подробно анализировались поведение и служебная деятельность судей Коновалова и Беликова, следователей Еселевича, которого «давно пора снять и отдать под суд», Сукова, который «совершенно беспомощен в профессиональном плане», Зайцева, который, чувствуя поддержку Васильева, копируя поведение последнего, отказывается предоставлять отчеты в Окружную прокуратуру, попытки конфликтующих сторон втянуть в конфликт на своей стороне Краевого прокурора, постоянно апеллируя к последнему.

Приведенный выше анализ свидетельствует о том, что и на втором этапе развития системы прокурорского надзора на окружном уровне не все проблемы оптимизации организационного построения и кадрового обеспечения были разрешены.

Во-первых, явная нехватка прокурорских участков способствовало чрезмерной нагрузке прокуроров, что негативно отражалось на качестве их работы и внутренней атмосфере в профессиональном сообществе.

Во-вторых, необходимо было значительно расширить финансирование системы прокурорского надзора.

В-третьих, нуждалась в разрешении проблема пополнения прокурорского состава подготовленными к этой деятельности профессиональными работниками. Несмотря на то, что большинство прокуроров обладали опытом практической работы в органах юстиции, так как основным источником формирования прокурорских кадров являлись органы следствия, суда, ревтрибуналы и ВЧК, необходимых теоретических познаний, а тем более опыта прокурорской работы, им явно не хватало.

Отметим, что если первая задача была частично разрешена открытием в начале 1930 г. 4-го прокурорского участка, а вторая разрешалась постепенно, путем ежегодного увеличения финансирования на 10 – 12 %, то решение третьей задачи оказалось делом чрезвычайно сложным.

В поисках средств оптимизации качественного состава прокурорского корпуса Краевой прокурор поставил перед прокурорами округов следующие задачи.

1. Добиваться у местных органов власти бронирования мест в высших учебных заведениях за органами прокурорского надзора, обеспечивая при этом стипендиями за счет местных средств, с направлением на правовой факультет рабочей молодежи из «природных сибиряков».

2. Создать при окружных прокуратурах в промышленных районах институт практикантов-стажеров из пожилых рабочих и крестьян-выдвиженцев, достаточно политически развитых, осведомленных о бытовых условиях жизни города и деревни. «Лишь при наличии разрешения этого вопроса в такой постановке можно будет иметь через 2 года вполне деловой и классово-выдержанный сибирский аппарат прокуратуры, на который Конституцией нашей страны возложена чрезвычайно трудная и ответственная задача».

Не ставя под сомнение реалистичность второй задачи, отметим, что для практического разрешения первой необходимо было, как минимум, наличие высшего учебного заведения для подготовки кадров высшей профессиональной квалификации. Вместе с

тем, как известно, правовое отделение в составе факультета общественных наук Томского госуниверситета было закрыто еще в 1922 г., и подготовка юристов в Томском государственном университете была возобновлена лишь в 1948 г.

В целом по стране система юридического образования, в отличие от прочих областей гуманитарного, а тем более технического, фактически не развивалась. В 1920-е гг. всеми вузами РСФСР выпускалось, в среднем, по пятьсот юристов; в 1930-е гг. этот показатель еще более снизился – до 300 [7, л. 32]. Думается, здесь давали о себе знать специфические доктринальные воззрения господствующей идеологии и марксизма на право, восприятие его в качестве постепенно отмирающего социального института. Идеология, т. о., становилась реальным препятствием на пути разрешения практических задач.

Нельзя сказать, что руководители правоохранительных органов смирились с подобной ситуацией: в меру своих собственных возможностей они пытались предпринять меры по развитию системы подготовки юридических кадров на местном уровне. Так, при Алтайском губернском суде еще в 1923 г. открылись первые в Сибири юридические курсы. Опыт Алтая оказался вполне удачным, а потому вскоре подобные курсы открылись и в других сибирских губерниях; срок обучения в данных учреждениях составлял в среднем 3 месяца.

Наряду с губернскими, с января 1924 г. в регионе работали т. н. Сибирские областные юридические

курсы (г. Иркутск). Они давали более серьезную юридическую подготовку, поскольку обучение на них осуществлялось в три семестра на протяжении восьми, а затем девяти месяцев. Прежде чем попасть на курсы будущие слушатели проходили испытание: необходимо было уметь писать, бегло читать, знать арифметические действия с целыми числами, быть политически развитым. За счет местного бюджета слушателям даже выплачивалась стипендия (10 – 15 рублей), выдавались учебные пособия.

Отметим, что все эти учреждения обеспечивали лишь самый минимальный уровень теоретической подготовки будущих прокурорских работников.

Подготовка работников прокуратуры проводилась и в структуре самих органов юстиции. Такой формой повышения квалификации стали курсы-сезды продолжительностью в 2 – 3 недели, которые стали проводиться после создания Окружных судов. Они знакомили прокурорских работников с изменениями в действующем законодательстве, материалами судебной практики. К сожалению, практика проведения подобных сездов была прекращена в конце 1920-х гг., что привело к новому кризису системы подготовки юридических кадров.

Таким образом, несмотря на все усилия региональной элиты и заявления руководителей прокуратуры, решение задачи резкого повышения образовательного уровня работников местной прокуратуры в рассматриваемый нами период не представлялось возможным.

Литература

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАКО. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 5.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 108.
4. Гридунова И. А. Прокуратура Алтая в годы новой экономической политики: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010.
5. Исаев В. И., Угроватов А. П. Правоохранительные органы в Сибири. Новосибирск, 2006.
6. Положение о прокурорском надзоре. 1922 г.
7. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998.

Информация об авторе:

Вернов Андрей Сергеевич – нотариус Кемеровской областной нотариальной палаты, 8-923-487-00-02, gavrosh66@mail.ru.

Andrey S. Vernov – private notary of Kemerovo notary chamber.

Гаврилов Станислав Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права КемГУ, 8(3842) 58-43-87, gavrosh66@mail.ru.

Stanislav O. Gavrilov – Doctor of History, Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.12.2014 г.

ПРОКУРАТУРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ПРОБЛЕМА ОБЩЕГО НАДЗОРА в 1850 – 1890-х гг.

*В. А. Волчек, С. О. Гаврилов, А. Е. Серафимович*PUBLIC PROSECUTION IN WESTERN SIBERIA AND THE PROBLEM OF GENERAL SUPERVISION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY*V. A. Volchek, S. O. Gavrilov, A. E. Serafimovich*

В статье рассматриваются проблемы организации и функционирования органов прокурорского надзора на территории Томской и Tobolsk губерний Российской Империи в период реализации на территории Сибири основных положений судебной реформы 1864 г. По мнению авторов, некорректными являются типичные утверждения, что прокуратуре, являвшейся одним из оплотов монархического режима, была полностью несвойственна правозащитная функция. Делается вывод о том, что в целом надзорная практика дореволюционной прокуратуры отвечала юридическим потребностям региона и его населения, а все проблемы в ее деятельности могли бы быть устранены по мере дальнейшего продвижения в Сибири мероприятий судебной реформы.

The paper considers the problems of organization and functioning of the Prosecutor's supervision on the territory of Tomsk and Tobolsk provinces of the Russian Empire in the period of implementation of the 1864 judicial reform in Siberia. The authors argue the typical assertions that the Prosecutor's office, which was one of the mainstays of the monarchic regime, performed no human rights protection function to be incorrect. The paper concludes that, in general, the supervisory activities of the pre-revolutionary Prosecutor's office corresponded to the legal needs of the region and its people, and all of the challenges in its activity could be eliminated at the further stages of the judicial reform in Siberia.

Ключевые слова: сибирское правосудие, Tobolsk провинции и Томский суды, прокуратура.

Keywords: Siberian justice, Tobolsk province court, Tomsk province court, public prosecution.

Период второй половины XVIII в. характеризовался постепенным формированием нового направления деятельности прокурорских учреждений – судебного надзора. Окончательно новая модель прокуратуры, характеризовавшаяся сочетанием надзорных полномочий общего и судебного характера была институционализирована в ходе Губернской реформы 1775 г. [1, с. 3].

Серьезными изменениями характеризовалась практическая деятельность органов прокурорского надзора на региональном уровне в период реализации преобразований судебной системы 2-й пол XIX в. По утверждению большинства историков права, в полном соответствии с Судебными Уставами 1864 г. из ведения прокуратуры были изъяты функции общего надзора [2, с. 145]. В ходе нашего исследования мы пришли к выводу о некорректном характере подобных утверждений применительно к органам прокуратуры, функционировавшим на территории восточных окраин Российской Империи, в первую очередь, на территории Западной Сибири.

Характеризуя принципиальные новеллы Судебных Уставов 1864 г. применительно к функциональному назначению прокурорских учреждений, отметим, что всеобщей поддержки со стороны правительственных чиновников они не встретили изначально. Еще в период подготовки «Временных правил» 1896 г., законопроекта, распространявшего положения судебной реформы на территорию восточных окраин России, Министерство Юстиции, ссылаясь на особую специфику Сибири, сложности в управлении этим огромным регионом, фактическую бесконтрольность действий местных властей, создающую возможность проявлений разного рода коррупционных настроений, предлагало сохранить за прокурорами вновь создаваемых Окружных судов право надзора за административными учреждениями. Этому, однако,

решительно воспротивился губернаторский корпус, выразителем мнения которого стал иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин, утверждавший, что в этом случае прокуратура и суды приобретут чрезмерное значение в ущерб авторитету высшей власти.

С нашей точки зрения, причину этих тревожных губернаторов очень четко определил сибирский историк А. В. Ремнев: «Местную сибирскую администрацию беспокоило прежде всего расширение самостоятельности новых судебных органов» [10, с. 206].

Кроме того, свое категорическое несогласие демонстрировали и многие представители юридической общественности, даже те из них, которые традиционно причисляются к либералам. Так, в 1896 г. выдающийся русский юрист А. Ф. Кони писал: «Упразднение ...обязанностей по надзору за ходом несудебных дел следует признать большою ошибкою составителей судебных уставов» [7, с. 7].

Сохраняет все же или нет региональная прокуратура функцию общего надзора? Вопрос этот крайне сложен, имеет дискуссионный характер. Во время нашего исследования архивных документов мы неоднократно сталкивались с фактами, свидетельствовавшими о том, что прокурорские учреждения и должностные лица на уровне Окружных судов принимали участие в решении целого ряда вопросов, выходящих за пределы собственно судебного надзора, имеющих отношение к проблемам административного устройства и управления, контролируя деятельность уполномоченных на то чиновников. Т.о., можно с уверенностью говорить о том, что некоторые элементы общего надзора в деятельности прокуратуры прослеживаются и на протяжении рассматриваемого нами периода.

Главным должностным лицом в реализации функции общего надзора фактически являлись те товарищи прокурора, которые не состояли при камере

Окружных судов. Круг их обязанностей был практически не ограничен.

Как представитель государства товарищ прокурора имел законоохранительные функции во всех присутственных местах подведомственного ему округа. В уголовных и гражданских судах он наблюдал за исполнением законов по делам казенным, земским, городских и сельских обществ. Особое внимание он обязан был уделять делам, заведенным на несовершеннолетних, умственно отсталых и глухонемых. К числу прочих обязанностей товарищей прокурора относилась и исполнительно-судебная деятельность. Все их указания, связанные с исполнением приговоров, выходящих из сферы непосредственных судебных действий, относятся к обязанностям прокурорского надзора.

В отношении мест несудебных законоохранительная функция товарища прокурора выражалась в принуждении полиции к исполнению своих обязанностей и в привлечении виновных к ответственности.

Кроме того, тяжелым бременем на товарищей прокуроров ложилась организация наблюдения за поведением ссыльных, как уголовных, так и политических, требовавших особо скрупулезного контроля. Закон 1900 г. о ссылке, способствовав сокращению притока новых ссыльнопоселенцев, не остановил его полностью. В целом на территории региона находилось к началу XX столетия около ста тысяч ссыльных, причем, только четверть от их общего количества пребывала непосредственно по месту ссылки. Данное обстоятельство привело в 1904 г. к заключению Особого совещания: «Задачи местного управления в губерниях Тобольской и Томской представляются значительно более сложными, сравнительно с внутренними губерниями России. Названные губернии продолжают оставаться окраиной Империи с особым укладом жизни, особыми потребностями управления» [11, л. 76].

Зачастую головную боль у окружных товарищей прокурора и окружных исправников вызывали не столько политические, сколько обычные уголовные ссыльные. Настоящим кошмаром Каинского округа Томской губернии в конце 1880-х гг. был ссыльный Василий Евграфович Евграфов.

Благодаря своим природным качествам этот каинский мещанин вошел в доверие ко многим влиятельным людям, в том числе к председателю суда Белоровскому и секретарю Окружного суда Лапину, людям «крайне нетрезвой жизни, не имеющими средств». В результате, согласно рапорта от 4 января 1889 г. на имя Томского губернатора, подписанного товарищем прокурора Ивановым и Каинским Окружным исправником, утверждалось, что Евграфов может влиять на характер судебных решений, которые «зависят от его взгляда и соображения». Помимо этого, устраивая кутежи для судейских чиновников, давая им деньги взаймы, ссыльный чувствовал себя вправе участвовать в роли посредника в имущественных спорах, оказывать местным жителям помощь в составлении разного рода жалоб и прошений, которые, как правило, судом удовлетворялись. В рапорте товарищ прокурора и исправник слезно упрашивали губернатора о том, чтобы он своим решением в административном порядке выслал Евграфова за пределы губернии, т. к. он

«вредно влияет в нравственном и материальном отношении как на городских жителей, так и на население округа, в особенности благодаря умственной отсталости последнего» [5, л. 8 – 10].

Относительно мест несудебных законоохранительная функция прокуратуры выражалась и в наблюдении за местами заключения, исполнением их администрацией всех узаконений, соблюдением необходимого порядка в организации деятельности имеют в них беспрепятственный доступ. Отметим, что контингент заключенных на территории Западной Сибири включал в себя арестантов, содержащихся в городских тюрьмах, каторжных тюрьмах и в арестантских ротах гражданского ведомства.

В городских тюрьмах Тобольской губернии на 01.01.1879 г. содержалось 609 арестантов, за 1879 г. убыль контингента (перевод в другое тюремное учреждение, освобождение, смерть) составила 148 человек, вновь прибыл 401 арестант, к концу года контингент заключенных составил 862 человека; Томская губерния: к началу 1879 г. – 1802 заключенных, убыло – 1340, прибыло – 1802, на конец года – 1751 заключенный.

В каторжной тюрьме содержалось к началу 1879 г. 609 человек, убыль составила 148 человек, вновь прибыл 401 человек, и на конец года в Тобольской тюрьме содержались 862 человека.

В арестантских ротах к началу 1879 г. числилось 279 человек, убыло в течение года 197 человек, вновь поступило 112 человек [9, с. 152].

Либеральная общечеловечность Сибири конец XIX – начало XX вв., подвергая критике косность и бюрократизм властных структур Империи, ожесточенно нападая при этом на институт прокуратуры и ее должностных лиц, вопрошала: «Как часто прокуроры в порядке надзора посещали тюремные замки и принимали во внимание жалобы содержащихся там арестантов...?» [13]. Сарказм превращал этот вопрос в чисто риторический, и предполагаемый ответ должен был звучать: «Нет, не часто».

Подобная формулировка крайне поверхностна, а ответ не верен по сути. В качестве доказательства нашей позиции можно привести содержание письма главы уголовного отделения 1-го департамента Министерства Юстиции прокурору Омской Судебной Палаты от 13.11.1902 г.

Петербургский чиновник констатировал, что за последнее время в значительной степени участились случаи нарушения порядка в разных местах заключения, причем многие из этих случаев представлялись настолько важными, что для прекращения беспорядков, производимых арестантами, понадобился ввод в тюрьмы военной силы. В письме отмечалось также, что «...к предупреждению в будущем подобных, крайне нежелательных и прискорбных происшествий и для укрепления в тюремных помещениях надлежащей дисциплины Главным Тюремным Управлением с одобрения Министерства Юстиции приняты соответствующие меры». По мнению чиновника, необходимо было, прежде всего, установить «верное и целесообразное отношение прокурорского надзора к его обязанностям по тюремной части» [3, л. 11]. Эти обязанности, ясно обозначенные в действующих узаконениях и в Наказе Министра Юстиции чинам прокурор-

ского надзора, сводились к наблюдению за правильностью оснований к задержанию и последующему содержанию под стражей, с осуществлением при этом всех необходимых формальностей, согласованных с прокуратурой.

К числу полномочий этой категории относится, по ст. 5 и 6 Временных правил 1901 г., утверждение дисциплинарных взысканий, налагаемых тюремным начальством на арестантов подследственных и исправительных арестантских отделений. По этому поводу еще в ноябре 1901 г. в письме на имя Прокурора Судебной палаты давались указания к устранению медлительности сибирских прокуроров к реализации этой своей функции. Ситуация тем не менее оставалась прежней: «К сожалению, разъяснения эти, как видно из поступающих сведений, до сих пор не возымели полного и повсеместного осуществления, по-видимому, отчасти, вследствие того, что установление ими обязательного для прокуратуры образа действий осталось неизвестным тюремной администрации».

Речь шла о том, что начальники тюрем, не зная о возможности при неотложных обстоятельствах не дожидаться прокурорского разрешения для наложения взыскания, иногда предпочитали вовсе воздерживаться от такового или вступали в продолжительную переписку с прокуратурой вместо безотлагательного воздействия на нарушителей порядка среди арестантов. По мнению столичного чиновника, «такое положение вещей может вселить в арестантов предположение о безнаказанности и тем колебать авторитет тюремной власти при проявлениях буйства или неповиновения» [3, л. 12].

Еще больший гнев Министерства Юстиции вызывали действия лиц прокурорского надзора, направленные на отмену либо смягчение дисциплинарных наказаний, налагаемых тюремным начальством, а также их «излишняя притязательность и придиристичность». Основанием обвинений в этом являлась обычная практика прокурорских проверок по жалобам арестантов. По мнению Министерства Юстиции, осуществление сибирскими прокурорами своих прямых служебных обязанностей, «ставя на один уровень тюремных начальников и арестантов, может умалять достоинство первых, а в глазах вторых, подорвать уважение к ним». Исключительный случай: чиновник призывает фактически к неисполнению закона: «...что же касается чинов прокурорского надзора, то они должны смотреть на свою тюремную деятельность не только с узкой точки зрения формального исполнения предписаний закона, но и проникнуться живым сознанием необходимости оказывать тюремному начальству действительное содействие к охранению в тюрьмах порядка и благочиния» [4, л. 21].

Прокуроры, т. о., оказались в весьма затруднительной ситуации: столь серьезное предписание, безусловно, нельзя было игнорировать, но в то же время невозможно было преступить через требование закона, предписывавшего прокурорам проявлять заботу о благоустройстве тюремных учреждений. Разобраться в подобной коллизии могли только самые опытные служители Фемиды. Не случайно в письме от 13.11.1902 г. от Прокурора Омской Судебной Палаты потребовали возложить миссию контроля за тюремными учреждениями лишь на вполне подготовленных

чиновников, действующих под строгим контролем прокурора окружного суда, отстранив от подобного рода дел лиц, временно командированных к исполнению должностей товарищей прокуроров.

Отметим, что сохранившаяся, вопреки Судебным Уставам, у прокурорских учреждений функция общего надзора в значительной степени усиливается в начале XX столетия, в период, когда центральная и местная администрация постоянно балансируют на грани политического кризиса, порожденного ростом революционных настроений и осложнением международной ситуации, сопровождающимся участием России в крупных военных кампаниях.

Следует отметить и то обстоятельство, что функции общего надзора прокуроров Окружных судов были существенно расширены во второй пол. 1910-х гг. на волне революционных потрясений 1905 – 1907 гг. Начиная с марта 1906 г., прокуроры Окружных судов должны были участвовать в работе большого количества административных присутствий, в том числе в губернских комитетах по делам об обществах и союзах. В Центральной России региональная прокуратура осуществляла надзор за деятельностью земских начальников. Несмотря на то, что это направление деятельности не было свойственно западносибирской прокуратуре по причине отсутствия здесь земских учреждений, надзор за деятельностью этих чиновников, осуществлявших не только судебные, но и административные функции, означал, по сути, надзор общего характера.

В Западной Сибири прокуроры и их товарищи начиная с 1914 г. участвовали в работе губернского Комитета попечительства и народной трезвости, губернского присутствия по введению в сибирских губерниях продовольственной разверстки, присутствия по делам воинской повинности, организованного властями губерний по указанию столичного начальства губернии, где давали свои заключения по тем мерам, которые применялись по отношению к лицам, пытавшимся уклониться от мобилизации в действующую армию.

Согласимся с исследователем А. Г. Коротковым: прокуроры окружного суда участвовали в работе различных административных учреждений не только как представители власти, но и как лица, надзирающие за законностью, выдавая заключение о соответствии закону тех или иных их решений [8, с. 117].

При этом обязанностью чиновников прокуратуры оставалось осуществление контроля за выполнением циркуляров и директив вышестоящих государственных органов. В специальном циркуляре прокурора Омской Судебной палаты, датированном декабрем 1915 г., от прокуроров Окружных судов было потребовано осуществлять надзор за реализацией в губернии ограничений продажи алкогольных напитков [12, л. 54].

Наконец, на сотрудников прокурорских учреждений была возложена задача осуществления цензуры, которая, безусловно, также относится к сфере общего надзора. Реализуя политику цензуры, прокуроры препятствовали продаже печатных изданий, в отношении которых было принято судебное решение об уничтожении всего тиража, контролировали работу торговых точек, изымали запрещенные книги (с дальнейшим

привлечением продавцов к судебной ответственности), осуществляли проверку библиотек на наличие там запрещенных изданий, совместно с губернским присутствием по цензуре выявляли в периодической печати политически вредные статьи и изымали соответствующие газеты и журналы [6, с. 39].

Т. о., можно констатировать, что организационное становление института прокурорского надзора в Западной Сибири завершается в период реализации «Временных правил о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири» (1896 г.). Характеристика практической деятельности региональной прокуратуры подтверждает суть главной новации Судебной реформы 1864 г. применительно к данному институту – ее превращение в судебный институт и закрепление за ней двух важнейших функций: судебного надзора и поддержки обвинения. Тем не менее на рубеже столетий с ростом в сибирском социуме революционных настроений можно говорить и о постепенном восстановлении функции общего надзора, не означающем, впрочем, полного возврата к дореформенному облику прокурорского надзора.

Рассматривая систему прокурорского надзора, следует также восстановить историческую справедлив-

ность, нарушенную ранее: с нашей точки зрения, некорректными являются типичные утверждения советской эпохи, что прокуратуре, являвшейся одним из оплотов монархического режима, была полностью несвойственна правозащитная функция. Архивные документы свидетельствуют о реализации данной функции по крайней мере в организации надзора за деятельностью тюремных заведений и защите интересов арестантов.

С нашей точки зрения, в целом надзорная практика дореволюционной прокуратуры отвечала юридическим потребностям региона и его населения. Все отмеченные выше проблемы могли бы быть устранены по мере дальнейшего продвижения в Сибири мероприятий судебной реформы. Поэтому принятое в ноябре 1917 г. решение о полном упразднении всей системы правоохранительных и судебных учреждений, в том числе и института прокуратуры, не может не рассматриваться нами как абсолютно ошибочное и чреватое самыми губительными последствиями, оно открывало дорогу правовому нигилизму, отсутствию управляемости, гражданскому кровопролитию.

Литература

1. Гаврилова А. В. Формирование и развитие института адвокатуры в Западной Сибири в период разработки и реализации судебной реформы 60-х гг. XIX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
2. Горячковская Ю. М. Прокуратура и прокурорский надзор в России в XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001. С. 145.
3. Государственный архив Омской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11.
4. Государственный архив Омской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 20.
5. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2718.
6. Данилов В. Л. Из истории мусульманской книги в Сибири в XIX – начале XX века. // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3.
7. Кони А. Ф. Сочинения. Т. 5. М., 1968.
8. Коротков А. Г. Организационно-правовой опыт деятельности прокуратуры окружного суда в чрезвычайных условиях. 1907 – 1914 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
9. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1881.
10. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй пол. XIX – нач. XX вв. Омск, 1997.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 28.
12. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 235. Оп. 1. Д. 8.
13. Чего ждут в Сибири от нового суда // Восточное обозрение. 1886. 25 декабря.

Информация об авторах:

Волчек Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России КемГУ, 8(3842)58-12-26, rector@kemsu.ru.

Vladimir A. Volchek – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Гаврилов Станислав Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права КемГУ, 8(3842)58-43-87, gavrosh66@mail.ru.

Stanislav O. Gavrilov – Doctor of History, Professor at the Department of Theory and History of the Law and the State, Kemerovo State University.

Серафимович Анна Евгеньевна – ассистент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, Anna_serafima@mail.ru.

Anna E. Serafimovich – Assistant Lecturer at the Department of Theory and History of the Law and the State, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.12.2014 г.

УДК 340.15

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАМКАХ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ
В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. В. Гаврилова

CRIMINAL PROCEEDINGS COURTS IN TOBOLSK PROVINCE
FORMED DURING THE REIGN OF CATHERINE II

A. V. Gavrilova

В данном исследовании характеризуется общее состояние судебной системы Сибири, сформированной в результате реализации губернской реформы 1775 г., в период правления Екатерины II на примере Тобольской губернии. Непосредственно анализируется уголовное судопроизводство, осуществляемое судами всех уровней Тобольской губернии, приводится классификация и статистика уголовных дел, находившихся в производстве судов, анализируются причины совершения некоторых уголовных деяний и субъектный состав ряда правонарушений.

The paper provides characteristics of the the general state of the judicial system in Siberia, formed as a result of the 1775 provincial reform during the reign of Catherine II, with the example of Tobolsk Province. The criminal proceedings pending in the courts of all levels of Tobolsk Province are analyzed, a classification and statistics of criminal cases heard in the courts is provided, the causes of committing certain criminal acts and subject structure of a number of offenses are analyzed.

Ключевые слова: суды Тобольской губернии, уголовное дело, преступление.

Keywords: Tobolsk Province courts, criminal case, crime.

Во второй половине XVIII в. в Сибири, в том числе и в Тобольской губернии, устанавливалась новая судебная система, основы которой были определены «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г.

Высшее судебное управление принадлежало Тобольскому и Пермскому генерал-губернатору, а с 1801 г. по 1822 г. – сибирскому генерал-губернатору, который и утверждал решения Тобольских палат уголовных и гражданских дел.

На уровне Тобольской губернии создавались Судебные палаты по гражданским и уголовным делам (апелляционно-ревизионные инстанции по делам населения, проживавшего на подведомственной территории), Губернский магистрат (апелляционная инстанция для горожан) и совестный суд (примирительный, по спорам между родственниками, преступлениям несовершеннолетних и делам о колдовстве).

Характеризуя реализацию губернской реформы 1775 г. в Сибири, отметим, что здесь, в отличие от европейской части России, промежуточные территориальные единицы – провинции упразднялись не сразу, а переименовывались в области либо округа, они продолжали существовать и в начале XIX в. [2]. Именно на этом, а не на уездном уровне, здесь в качестве судебных учреждений создавались верхние расправы, совестные суды и областные магистраты (прим. автора: выделялись Тобольская, Томская, Иркутская, Нерчинская, Охотская, Якутская, а до 1783 г. и Колыванская области).

Области подразделялись на уезды, на уровне которых создавались крестьянские суды – нижние расправы. На уровне городов в качестве судебной инстанции для горожан создавались городовые магистраты.

Состав и деятельность судов, кроме Судебных палат, выстраивались по сословному принципу: горожан судили губернский (провинциальный) и городской магистраты, крестьян – верхняя и нижняя расправы.

Для надзора за лицами «разного звания», не относящимися ни к дворянам, ни к горожанам, ни к крестьянам, и не имевшим недвижимой собственности, в Тобольске создавались верхние и нижние надворные суды, которые ранее предусматривались лишь для столичных регионов.

Судебный надзор и надзор за законностью на уровне губернии принадлежал губернскому прокурору, а на уровне уезда – стряпчему.

Анализ деятельности судов Тобольской губернии позволяет сделать вывод о том, что большее число дел, рассматриваемых ими, было сугубо уголовного характера. Классификацию уголовных дел, рассматриваемых судами Тобольской губернии, можно представить следующим образом: преступления против имущества (46 %), против порядка управления и суда (34 %), против личности и жизни (11 %), преступления против нравственности (5 %) и, наконец, наименее распространенная группа должностных преступлений (4 %).

Среди имущественных преступлений выделялись кражи и грабежи. Как правило, эти преступления совершались беглыми колодниками, поселщиками (прим. автора: крепостные рабочие винокуренных заводов), поселенцами и, реже, крестьянами. Отметим, что кражи и грабежи составляли 90 % от всей массы имущественных преступлений. Кроме того, к этой же группе следует отнести преступления, связанные с неуплатой долгов [3] и растратой казенных денег [4], которые тоже имели место в Сибири. Внимание судебных инстанций к делу о неуплате налогов за продажу вина в тюкалинском питейном доме в каз-

ну цеховыми Ефимом и Осипом Ожеговыми не случайно: слишком типичным для губернии были подобные преступления [5]. Кроме того, к группе имущественных преступлений можно отнести поджоги, которые, как правило, совершались вследствие неосторожности [6].

В группе составов преступлений против личности и жизни выделялись такие правонарушения как убийство (составляли 90 % среди деяний данной группы), в том числе и покушение на убийство [1], а также избиение или «буйственные поступки», которые, впрочем, были явлением достаточно редким [7].

Причины убийства были самые разнообразные, в то же время, обращая внимание на данную группу деяний, хотелось бы отметить несколько дел, возникновение которых объясняется имеющимися предрасудками в обществе в данный период времени, в частности неприемлемость разводов, что и провоцировало в ряде случаев при наличии неприязни друг к другу у супругов совершение противоправных действий.

Так, 14 апреля 1804 г. Тобольской палатой суда и расправы уголовным департаментом в порядке ревизии слушалось дело о крестьянской женке Анне Наумовой, обвиняемой в убийстве своего мужа крестьянина Гавриила Наумова, об убийстве которого донес десятник Николай Маркин 13 февраля 1804 г. К десятнику в дом прибыл крестьянин Абрам Наумов, который рассказал, что отбывал к своему зятю Степану Бородавину, а в это время в доме оставались его сын Гаврил с женою Анной, после того как он вернулся, то обнаружил мертвого сына, одетого в шубу, с изрезанными тайными удами, но жены дома не было. Жена Анна на допросе показала, что муж ее начал бить сковородником, а она, вырвав его у мужа, ткнула им в тайные уды, отчего он и помер, в чем она и призналась в Енисейском волостном правлении. Из показаний дела видно, что ненависть жены к своему мужу достигла таких размеров, что после нанесения ему смертельного ранения, она для достоверности еще пыталась его задушить, после чего хладнокровно ушла на вечеринку. В уездном суде Анна Наумова не отпиралась, все свои показания подтвердила. По приговору Тобольской палаты суда и расправы Анна Наумова была отправлена на вечную каторжную работу в Нерчинск [8].

Второе дело, вызванное также неприязненным отношением супруги к своему мужу, слушалось 19 апреля 1804 г. Тобольской палатой уголовного суда в порядке ревизии, по которому ясашной женке Ульяне Давыткиной вменялось намерение к отравлению ее мужа ясашного Тимофея Давыткина, а Марфе Талбановой и посельщику Василии Меркулове в наущении ее к отравлению и предоставлении Ульяне травы для опоения мужа. Тимофей Давыткин объявил, что он почувствовал у себя внутри сильную боль, после того как жена дала ему попить квасу, в который подсыпала какой-то травы. Ульяна показала, что, гуляя с Марфой Талбановой, рассказывала ей, что муж ее постоянно бьет, а у Марфы спрашивала, не знает ли она какой отравы, чтобы мужа извести, а самой выйти замуж за другого. Марфа в свою очередь сказала, что

знает такую траву, сама испробовала на своем бывшем муже, которого извела. Через три дня Марфа предоставила Ульяне траву, которую она и подсыпала Тимофею в квас. Ко всему прочему в доме у Ульяны нашли другую траву, которую по ее показаниям она получила от посельщика Меркулова, так как собиралась после отравления своего мужа выйти замуж за Меркулова, с которым блудодействовала.

Тобольской палатой уголовного суда все трое участников были признаны виновными в намерении и попытке отравления Тимофея Давыткина и приговором отправлены в Иркутск на поселение [9].

Следует отметить, что убийства, как правило, совершались представителями непривилегированных сословий, однако, встречались и дела, где участниками преступления были даже представители судебного ведомства. Так, в частности на утверждение Тобольской Палаты уголовного суда в 1797 г. поступило дело об убийстве секретарем Томской нижней расправы Петром Назаровым подканцеляриста Дмитрия Лаврентьева [10].

В провинциальной чиновничьей среде имели место и должностные преступления – взяточничество, подлог документов. Так, следует упомянуть дела о взяточничестве старосты Тарского округа и его товарищей во время рекрутского набора, о должностных преступлениях, связанных с подлогом почтовым писарем Василием Поповым документов, о должностном преступлении копииста Тобольской управы благочиния Сафрона и его отца, отставного канцеляриста из Тобольска, Агея Морозова [11]. Случались и преступления с двойным составом преступления, типичными примерами которых были дело о взяточничестве и растрате погонных денег комиссарами г. Тобольска и дело «об отказе в препровождении беглого ссыльного в Тобольск сотником Яковом Завьяловым и десятником Павлом Сергеевым» [12].

Особое место занимали преступления против нравственности – будучи не очень распространенным явлением, они тем не менее обращали на себя внимание необузданностью страстей местного населения. Не спасала даже традиционная русская традиция – не выносить сор из избы: дела по обвинению в прелюбодеянии посельщика деревни Березовой Курганского округа Егора Никифорова и крестьянки Аграфены Петровой [13], по обвинению крестьянки деревни Бутырлиной Частоозерской волости Ишимского округа Арины Казанцевой в двоемужестве [14], о растлении крестьянином Веденской волости Курганского округа Варлаамом Полетаевым десятилетней крестьянки Ефросиньи Уфиной [15], о ссыльном села Иткареве, проживавшем в Туринского округа, задержанном за попытку растления малолетней [16], по обвинению крестьянина Курганского округа Ивана Лисицина в намерении кровосмешения со своими внуками [17] – получили широкую общественную огласку.

Дикие нравы в среде местного крестьянства также давали о себе знать – в делах по обвинению в скотоложестве имена чиновников отсутствуют, зато простых имен – в избытке: ямщик Ялуторовского округа Степан Пятателев, ямщик Туринского округа Спиридон Бурдуков, посельщик Ишимского округа Егора Каз-

мин, крестьянин Мостовской волости Курганского округа Родион Шмаков, крестьянин Тарского округа Прокопий Паластров [18].

Наиболее часто встречавшейся категорией преступлений против порядка управления и суда (72 % от всех дел данной группы) были побегі ссыльных колодников и крестьян. Очень часто бегство колодников, крестьян и поселенцев сопровождалось подделкой либо покупкой фальшивых документов, в том числе паспорта, иногда со сменой имени (в 20 % случаев). Но встречались в этой группе и дела, связанные исключительно с изготовлением фальшивых документов (дело о подделке фальшивых паспортов ямщиком Тюкалинского округа Андреем Криводановым [19], дело о выписке фальшивых паспортов солдатам и поселщикам командиром Тобольской гарнизонной артиллерийской команды Евдокимом Тарховым [20] – в последнем случае наблюдается двойной состав преступления: должностного и против порядка управления).

Кроме того, к этой группе можно отнести самые разнообразные противоправные деяния: дачу ложных показаний на суде крестьянкой деревни Чиркова, Гаварьвской волости Ишимского округа Марины Ивановой, муж которой, Иван Быков, якобы ранил ее ножом [21], уклонение от рекрутства крестьян Туринского округа Кайгорова, Хромцова и Малышева [22], укрывательство тюменским мещанином Осипом Кузнецовым некоего Горбунова, беглого из Сибирского корпуса [23].

Особое место в группе преступлений против порядка управления занимали правонарушения, связанные с подделкой и распространением фальшивых ассигнаций. Анализ меморий Тобольской Палаты уголовного суда и Тобольского уездного суда позволяет сделать вывод о многочисленности таких правонарушений на территории губернии.

Так, 16 октября 1798 г. Тобольским уездным судом слушалось дело, поступившее из полиции, о фальшивой пятирублевой ассигнации, которую обменивал бывший донской казак Иван Голованов. В результате следствия выяснилось, что сначала эта ассигнация была у торгующего в мелочных лавках Бухарца Рабнина, который в свою очередь получил ее за торговлю от «разных людей», имен которых он не знал, затем эта ассигнация, в результате размена серебряных денег за покупку соли, перешла мещанину Петру Бронникову. Интересно, что о фальшивом происхождении ассигнации никто из подозреваемых лиц не знал. Суд решил предать дело о фальшивой ассигнации «воле божьей, пока впредь само объявится», а казака, мещанина и бухарца считать свободными, с предупреждением «впредь быть осторожными», но бухарцу возместить убытки в размере пяти рублей мещанину, а самому «на будущее быть аккуратнее с деньгами» [24].

Осторожность, однако, впоследствии проявил лишь один из перечисленных – мещанин Бронников. 8 января 1799 г. Тобольским уездным судом слушалось дело о фальшивой пятирублевой ассигнации, принесенной Бронниковым в Тобольское уездное казначейство. По показаниям «дважды потерпевше-

го» он получил купюру от тобольского мещанина Николая Симакова, дальше же выстраивалась целая цепочка передачи фальшивой ассигнации: уроженец Екатеринбурга Айсманов – пономарь Дмитрий Надилов – уроженец Вологодской губернии Харчевнин – помещик майор Яков Гаврилов – крестьянин Афанасий Дмитриев – квартирмейстером Родионовым – солдат Александр Уварова. Тут, увы, цепочка обрывалась: А. Уваров не смог ответить, как оказалась у него фальшивая ассигнация. По всей видимости, приближавшийся к состоянию умственного иступления суд предпочел поступить по прежнему образцу: дело о фальшивой ассигнации было передано «воле божьей пока впредь само объявится» [25].

В наше время, безусловно, и следствие, и суд более серьезно отнеслись бы к тому факту, что в двух аналогичных делах о фальшивых ассигнациях встречается одно и то же лицо, в XVIII столетии это было расценено как простое совпадение.

Анализ меморий палаты уголовного суда с решительными определениями по секретным делам об обнаружении фальшивых ассигнаций в 1816 – 1818 гг. показывает, что подделывались не только пятирублевые ассигнации, но и купюры других достоинств. Так, на ревизию за окончательным определением Тобольскому губернскому правлению поступали решения Тобольского уездного суда по делам об обнаружении у казака Козловского фальшивой 25-ти рублевой ассигнации, у тарского мещанина – 2-х рублевой фальшивой ассигнации, о найденных фальшивых ассигнаций ценностью 100 рублей, обнаруженных при взносе в Ялуторовское уездное казначейство в виде подушной подати [26].

Среди указанных случаев встречались не только дела об обнаружении, но и о подделке ассигнаций. В частности, суд рассматривал дело о подделке фальшивых ассигнаций тюменским мещанином Иваном Ковыловым, а тюменский же мещанин Владимир Шестаков за подобное деяние лишился ноздрей [27].

В целом анализ уголовного судопроизводства Тобольской губернии позволяет сделать вывод, что больший процент уголовных дел приходится на кражи, грабежи и разбои, совершенные беглыми крестьянами, поселенцами и колодниками. Этому потворствовали огромный процент ссыльнопоселенцев в общем составе местного населения, неспособность местных властей справляться с таким потоком, коррупция, проявлявшаяся в банальном разворовывании чиновниками тех денег, которые выделялись на устройство ссыльных. Бесконтрольность ссыльных, неумение и нежелание местных властей принимать в их отношении радикальные меры – все это приводило к массовым побегам, формированию разбойничьих шайек, общему росту уголовной преступности, а следовательно к росту загруженности судов уголовными делами. Представителям же власти оставалось лишь безвольно констатировать, что бродяжничество, воровство и разбой – это бич Сибири, с которым бороться невозможно.

Литература

1. Гаврилова А. В. Деятельность уездных судов и Палаты уголовного суда Тобольской губернии в начале XIX в. // Право и образование. 2014. № 2. С. 157 – 163.
2. Гаврилова А. В. Делопроизводство органов управления и суда Сибири в 1-й пол. XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11(37). Ч. 1. С. 47 – 52.
3. ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 360. Оп. 1. Д. 233, 359.
4. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 1, 97, 278.
5. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 233. Л. 1-11.
6. ГБУТО. Ф. 360. Оп. Д. 6, 11, 32, 115 а, 243.
7. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 70.
8. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 286. Л. 55 – 56.
9. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 286. Л. 149 – 150.
10. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 250. Л. 1 – 19.
11. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 – 48; Д. 49. Л. 1 – 409; Д. 524. Л. 1 – 16.
12. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 235. Л. 1 – 29.
13. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 95. Л. 1 – 21.
14. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 171. Л. 1 – 14.
15. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 230. Л. 1 – 15.
16. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 106а. Л. 1 – 14.
17. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 268. Л. 1 – 11.
18. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 141. Л. 1 – 10; Д. 244. Л. 1 – 30; Д. 143. Л. 1 – 11; Д. 144. Л. 1 – 11; Д. 258. Л. 1 – 11.
19. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 246. Л. 1 – 13.
20. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 101. Л. 1 – 22.
21. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.
22. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 204. Л. 1 – 23.
23. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 221. Л. 1 – 29.
24. ГБУТО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1 л. 5 - 5 об.
25. ГБУТО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1 л. 7 – 7 об.
26. ГБУТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 18. Л. 3 – 13; Д. 13. Л. 1.
27. ГБУТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 18. Л. 4, 5.

Информация об авторе:

Гаврилова Анжелика Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, 8(3842) 58-23-10, Angelika@kemsu.ru.

Anzhelika V. Gavrilova – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 05.02.2015 г.

СИСТЕМА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ДОРЕФОРМЕННОЙ СИБИРИ XVIII – XIX вв.

А. В. Гаврилова, А. Е. Серафимович

THE SYSTEM OF PUBLIC PROSECUTIONS IN THE PRE-REFORM SIBERIA
IN THE 18TH – 19TH CENTURIES

A. V. Gavrilova, A. E. Serafimovich

В статье рассматривается становление и функционирование в Сибири новой модели прокурорского надзора, регламентированной Учреждением 1775 г., анализируется деятельность губернских и окружных прокуроров и стряпчих, раскрываются проблемы и противоречия в развитии сибирской прокуратуры и меры по их устранению. Констатируется наличие в Tobolsk губернии достаточно четко отлаженной системы надзора, которая представляла собой своего рода «пилотный» вариант новой модели прокурорского надзора, реализованной в период Судебной реформы Александра II. Делается вывод о необходимости кардинальной реорганизации института региональной прокуратуры и улучшения его кадрового состава.

The paper discusses the formation and functioning in Siberia of a new model of public prosecution, the regulated by the 1775 Statute, the activities of the provincial and district attorneys and solicitors are analyzed, the problems and contradictions in the development of the Siberian prosecution and measures to eliminate them are described. The authors state that a fairly well-established system of supervision existed in Tobolsk Province, which was a sort of “pilot” version of the new model of the Prosecutor's supervision, over the period of the judicial reform of Alexander II. The conclusion about the need for a major reorganization of the Institution of regional Prosecutor's office and improve its workforce.

Ключевые слова: сибирское правосудие, Tobolsk суд, прокуратура.

Keywords: Siberian justice, Tobolsk Province court, public prosecution.

Права и обязанности прокурора на территории сибирского региона в период, предшествовавший судебным преобразованиям XIX столетия, изначально регламентировались «Учреждением управления губерний Российской империи» 1775 г.: «...вообще губернский прокурор и губернские стряпчие смотрят, и бдение имеют о сохранении везде всякого порядка законами определённого, и в производстве и отправлении самих дел. Они сохраняют целостность власти, установлений и интереса императорского величества, наблюдают, чтоб запрещённых сборов с народа никто не собирал, и долг имеют истреблять повсюду зловерные взятки» [7].

Губернский прокурор надзирал за точным исполнением законов и указов в суде, нарушением присяги, общественного спокойствия и правил благочиния. В случае нарушения действующих законов и подзаконных актов должностными лицами и обычными подданными, нанесении ущерба казне, либо общественному имуществу и интересам, медлительности при исполнении долга и служебных обязанностей, губернский прокурор должен был сообщить губернскому правлению или генерал-прокурору («ибо во всех губерниях губернский прокурор есть око генерал-прокурора») о замеченных им нарушениях.

Губернский прокурор, кроме того, являлся лицом, координирующим деятельность губернского правления с губернской Судебной палатой.

Согласно «Учреждению Сибирских губерний» губернский прокурор являлся членом губернского совета – коллегиального совещательного органа при губернаторе, призванного в некоторой степени ограничивать власть последнего. В штате губернского прокурорского надзора также состояли двое губернских стряпчих – по казённым и уголовным делам.

Прокурорский надзор за исполнением судебных решений в сибирских уездах первоначально осуществляли уездные стряпчие. Они подчинялись томскому губерскому прокурору и томскому окружному

стряпчему [1, с. 220]. Деятельность окружных стряпчих также регламентировалась Уложением 1775 г., дополненным различными законодательными актами, внесенными в Свод законов 1832, 1842 и 1857 гг. При этом необходимо отметить, что компетенция окружных стряпчих, как и их ранговая принадлежность – титулярный советник, на протяжении всей первой половины XIX века практически не менялась. Те многочисленные указы, которые были введены в действие в этот период, лишь уточняли и дополняли существующее по реформе 1775 г. законодательство.

Отметим, что законодательство XIX столетия различало три вида округов. Прокурорский надзор существовал только в округах первой категории. Там и существовала должность окружного стряпчего, который одновременно являлся членом окружного совета. В округах же второй и третьей категории существовал упрощённый состав органов управления, не было окружного стряпчего, как, впрочем, и окружного суда.

Это порождало дополнительные сложности. Так, до образования Мариинского округа прокурорская часть находилась в ведении томского губернского прокурора. Село Кийское, входившее в состав Томского округа, курировалось томским окружным стряпчим. В случае, если возникала необходимость присутствовать в Кийском для рассмотрения каких-либо дел, туда командировался окружной стряпчий из губернского центра или стряпчие самой губернской прокуратуры. Так, известно, что в 1831 году село посетил стряпчий Кириллов, в следующем году в Кийском побывал стряпчий Андрюков, еще через год туда приезжал стряпчий Старцев. Одним из последних стряпчих, курирующих Кийское и его окрестности, был И. Любимов. Такая система «прокурорского курирования», безусловно, не способствовала поддержанию законности на должном уровне [3, л. 43].

Окружной стряпчий подчинялся непосредственно губерскому прокурору и выполнял те же функции, что и его начальник, но только на окружном уровне.

Важнейшей его обязанностью была проверка всех документов, которые велись в присутственных местах округа: окружном суде, казначействе и т. д. Стряпчий проверял правильность составления дел, и если находил их соответствующими законности, то ставил на бумагах свою подпись. Если стряпчий усматривал в делах нарушения, то он ставил в известность губернского прокурора, который и принимал меры к их устранению. Так, в феврале 1824 г. кузнецкий окружной стряпчий заметил в делах Кузнецкого земского суда некоторые незаконные действия. По одному из уголовных дел земской суд запросил сведения о возрасте обвиняемого у Тобольской духовной консистории. Опираясь на указ Сената от 28 декабря 1823 г., кузнецкий окружной стряпчий заявил, что по уголовным делам земскому суду достаточно взять сведения о возрасте обвиняемого из ревизских сказок и не обременять духовную консисторию напрасной перепиской. Томский губернский прокурор полностью поддержал мнение окружного стряпчего, в результате губернское правление подготовило соответствующий указ Кузнецкому земскому суду [3, л. 121].

Помимо просмотра всех бумаг, окружной стряпчий обязан был участвовать в рекрутском присутствии, в освидетельствовании сумасшедших, при всех казенных торгах, при освидетельствовании казенного имущества. В судебных процессах стряпчий обязан был заботиться о том, чтобы обвиняемый воспользовался всеми предоставленными ему по закону средствами защиты. Он обязательно должен был присутствовать при допросах глухонемых и лиц, не знающих русского языка.

Анализируя архивные документы Государственного архива г. Тобольска, можно отметить четко налаженную систему отчетов на подведомственной территории, которые ежемесячно подавались стряпчими Тобольскому губернскому прокурору. К их числу можно отнести подробные рапорты о полученных ордерах и представлении сведений о перешедших в купцы мещан, рапорты о бывших в отпуску чинов, рапорты прокуроров и уездных стряпчих о поступивших и убывших делах. Чрезвычайно информативны рапорт уездного стряпчего Тарского уезда Панова об отсутствии вновь прибывших уголовных дел, его же отчеты о прибытии дел, адресованных нижней расправе, городовому магистрату и нижнему земскому суду. Наглядными иллюстрациями для характеристики криминогенной ситуации на территории региона и специфики уголовного судопроизводства являются рапорты «О поступившем деле в нижнюю расправу о беглом с винокуренного завода ссыльного колодника Савельеве и Ерофее Стромове и о совершенных ими злодеяний, и принятом решении об отправлении данного дела в верхний надворный суд», «Рапорт о поступившем в нижний земский суд дела о беглом колоднике и совершенном им грабеже». Специфику взаимоотношений различных судебных инстанций на примере нижнего земского и волостного судов отражают рапорты уездного стряпчего Березовской округи от 15 и 20 июня 1796 г. [2, л. 1 – 78].

Стряпчие по уголовным делам могли инициировать возбуждение уголовного дела по уголовным делам, где отсутствует истец, но имеются доказательства совершения незаконных действий.

На стряпчих по казенным делам, в свою очередь, возлагались функции представления заключений в

соответствии законодательством в подведомственной области как в случае нарушений порядка подачи жалобы по казенным делам, так и по делам, нарушающим общий порядок.

Так, в доносе стряпчего Тобольской губернии по казенным делам на тобольского городничего Топоркова говорилось о его многочисленных противоправных должностных действиях и о нарушенных в результате этих действий государственных интересах. Предметом особой печали стряпчего было то обстоятельство, что высокопоставленный чиновник за эти действия «...суду не был предан». Примечательно, что реакция Правительствующего Сената была незамедлительна – довести следственные действия до конца и передать дело на рассмотрение Тобольского губернатора [5, л. 13].

Заботили стряпчих и финансовые интересы государства. В том же доносе уже губернское правление обвинялось в сокрытии произведенного следствия городничим Топорковым о мещанах Григории и Максими Седых, Иване Евсине и купце Передовщикове, которые во время содержания в Тобольске питейных сборов продавали вино дороже установленной цены. В данном случае Сенат предписал немедленно найти указанное дело и предать суду откупщиков [5, л. 1].

При осуществлении своей деятельности стряпчие имели право затребовать любую информацию, касающуюся сферы их деятельности – по земельным спорам, всем финансовым делам и т. д.

Так, в доносе 1797 г. стряпчего Тобольской губернии по казенным делам указывалось о совершении незаконных действий Казенной палатой Тобольской губернии: она по результатам расследования на винокуренных заводах по усушке и утечке вина не доставляет в палату суда необходимые следствию сведений [5, л. 12].

На стряпчих возлагалась и обязанность защиты государственных интересов в делах, связанных с нарушениями общего порядка, незаконными сборами и налогами, взяточничеством, а также интересов частных лиц (при нарушении прав малолетних и др.).

В доносе губернского стряпчего Тобольской губернии коллежского асессора Кормовичского (июня 1797 г.) большая часть губернских чиновников обвинялась во взятках, хищении и утрате государственного имущества, чрезмерном угнетении государственных крестьян, в незаконных назначениях на должности ссыльных, более того, в приписке их ко второму разряду купечества, в привлечении обер-офицеров к таким служебным обязанностям, с которыми они не только не справляются, но и допускают поступки, не соответствующие принесенной присяге, а то и злоупотребления [5, л. 33].

В том же доносе обращалось внимание, в частности, на действия земского исправника в Томском округе. Отмечались и «лихоимство» с государственных крестьян (ржаною и пшеничною мукой, домашними животными), и отправление крестьян летом на заработки, что отрывало последних от хлебопашества и, естественно, приводило их хозяйство к разорению. Кроме того, указывалось на допущение земским исправником насильственных действий в отношении крестьян. Стряпчий отмечал, что обо всех этих преступлениях он ранее сообщал Губернскому правлению, однако земский исправник так и не был отдан под суд уголовной палаты.

В ответ на этот донос Правительствующий Сенат поставил губернскому правлению данные попустительства на вид, с указанием в дальнейшем быть в отношении назначения на должности более осмотрительными; губернскому же прокурору, в свою очередь, было указано на необходимость возбуждения уголовного дела по указанным незаконным действиям [5, л. 3].

Кроме того, в его функции входило обеспечение соблюдения порядка «в судебных местах» с правом наложения взыскания на его нарушителей; контроль за своевременностью созыва заседаний судов, соблюдения ими норм судопроизводства, своевременность и точностью исполнения решений окружных судов. Окружной стряпчий надзирал за соблюдением законов всеми органами управления и должностными лицами уезда. В случае установления факта нарушений действующего законодательства, как и в ситуации отмеченной выше, уездный стряпчий обязан был уведомить губернского прокурора.

Значительные по объему обязанности создавали много проблем в Деятельности стряпчих. К середине XIX века количество проверяемых стряпчими бумаг выросло настолько, что они уже не могли выполнять другие свои обязанности. В некоторых округах прокурорам и стряпчим приходилось ежедневно проверить по 200 листов документов, а ведь их нужно было не просто прочитать, но и изучить, и дать свое заключение [6, с. 115].

Надо заметить, что не всегда стряпчие относились к своим обязанностям с усердием и рвением. Так, в Томском губернском правлении рассматривалось любопытное дело. В журнале заседаний было записано: «В деревне Колыонской находился земской исправник Несмелов и губернский стряпчий Зорин, которые, не имея никаких дел, упражнялись только в пьянстве до того, что не были ни одного дня трезвыми; из коих исправник выехал из оной, а стряпчий и после него остался еще в той деревне и проводил время по-

прежнему в одном пьянстве» [4, л. 28]. В итоге губернское правление сняло стряпчего с должности.

Отметим, что широкий спектр прав губернских стряпчих и стряпчих при верхних судах сопровождался и значительным перечнем мер ответственности для тех из них, по вине которых были нарушены чьи-либо интересы. Так, если был оправдан ответчик по делу, возбужденному по заявлению стряпчего, последний обязан был представить ответчику донос и доносителя в целях оправдания своих действий, в противном случае он сам обязывался возместить все причиненные данным иском убытки, мог лишиться своей должности, либо подлежал наказанию, которое следовало бы ответчику в случае признания его вины [5, л. 284].

Уездный стряпчий за свои служебные упущения, недосмотр или пропуск какого-либо нарушения, о чем стало известно губернскому прокурору, мог быть наказан лишением должности, чина, чести или иным взысканием в соответствии с порядком, предусмотренным законом.

Регламентация в законе ответственности стряпчих за недолжное исполнение обязанностей не смогла в рассматриваемый период полностью устранить практику несурзных доносов, которые впоследствии оказывались безосновательными, и чрезмерной активности по написанию таковых [5, л. 17].

Отмеченные выше упущения, впрочем, не ставят под сомнение наличие в данный период на территории Тобольской губернии достаточно четко отлаженной системы стряпничества, которая представляла собой своего рода «пилотный» вариант новой модели прокурорского надзора, реализованной в период Судебной реформы Александра II.

В то же время практика деятельности системы прокурорского надзора в дореформенной Сибири наглядно свидетельствовала о необходимости кардинальной реорганизации института региональной прокуратуры и улучшения его кадрового состава.

Литература

1. Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006.
2. Государственный архив в городе Тобольске. Ф. 366. Оп. 1. Д. 7.
3. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Д-28. Оп. 2. Д. 6.
4. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Д-28. Оп. 2. Д. 18.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 681.
6. Троцина К. История судебных учреждений в России. СПб., 1851.
7. Учреждение управления губерний Российской империи. 1775 г. Статья 404.

Информация об авторах:

Гаврилова Анжелика Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, 8(3842) 58-23-10, Angelika@kemsu.ru.

Anzhelika V. Gavrilova – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Серафимович Анна Евгеньевна – ассистент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, Anna_serafima@mail.ru.

Anna E. Serafimovich – Assistant Lecturer at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.12.2014 г.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕУВАЖЕНИЯ К СУДУ

Н. Б. Гулиева, Т. Г. Черненко

SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CONTEMPT OF THE COURT

N. B. Guliyeva, T. G. Chernenko

Уголовно-правовая защита чести, достоинства, репутации и деловой репутации специальных субъектов осуществляется посредством конструирования частных составов клеветы и оскорбления. К таким составам относится неуважение к суду. Потерпевшим в данном случае является обладатель специального статуса, обусловленного его профессиональной деятельностью или выполнением гражданского долга. В настоящей статье рассматривается ряд проблемных вопросов квалификации неуважения к суду. Сложности возникают в связи с неоднозначной интерпретацией конструктивных признаков неуважения к суду. В статье раскрываются содержание признаков исследуемого состава, указываются возможные пути разрешения имеющихся противоречий. Методы исследования: анализ, синтез, метод сравнительного правоведения. Настоящее исследование может быть использовано в правоприменительной и научной деятельности, в учебном процессе.

Criminal law protection of honor, dignity, reputation and business reputation of special subjects is carried out by legal definition of private crimes of libel and insult, including legally defined crimes of contempt of the court. The victim in this case possessed special status due to their professional activities or performing a civic duty. The paper discusses some of the problematic issues of qualification of contempt of the court. These difficulties arise due to ambiguous interpretations of corpus delicti of contempt of the court. The paper reveals the legal definition of the investigated structure and identifies the possible ways of resolving contradictions. Research methods are analysis, synthesis and the method of comparative law. The present study can be used in the law enforcement, research activities and in the educational process.

Ключевые слова: неуважение к суду, клевета в отношении участников судопроизводства, клевета в отношении судьи, оскорбление представителя власти.

Keywords: contempt of the court, libel on participants of the court proceedings, libel on judges, insulting officials.

Уголовно-правовая защита чести, достоинства, репутации и деловой репутации осуществляется посредством применения общих и специальных составов клеветы и оскорбления. К числу специальных составов клеветы и оскорбления относятся: неуважение к суду (ст. 297 УК РФ), клевета в отношении судьи... (ст. 298.1 УК РФ), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) и оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ). Наличие таких составов в уголовном законе представляется вполне обоснованным. Законодатель разграничивает случаи посягательств на нематериальные блага в силу того, что некоторые формы общественно-опасных посягательств обусловлены профессиональной деятельностью или специальным статусом носителей таких благ. Учитывая осознание виновным данного обстоятельства и направленность умысла на причинение вреда конкретному обладателю профессионального или иного статуса, законодателем сформулированы составы оскорбления представителя власти, неуважения к суду, оскорбления военнослужащего и т. д. Уголовно-правовые нормы, характеризующие частные случаи клеветы и оскорбления, призваны охранять, в первую очередь, государственные интересы, интересы воинской службы. Такие преступления посягают на интересы правосудия, порядок управления, интересы воинской службы. Честь, достоинство, репутация, деловая репутация образуют в таких составах дополнительный обязательный объект. Поэтому исследуемые деяния принято относить к специальным составам клеветы и оскорбления.

Законодательные конструкции специальных составов клеветы и оскорбления имеют ряд противоречивых, на наш взгляд, моментов, что, в свою очередь, порождает определенные сложности в процессе квалификации.

Статья 297 УК РФ «Неуважение к суду» предусматривает ответственность за два самостоятельных состава преступления. Законодатель разграничивает виды неуважения к суду в зависимости от профессионального статуса потерпевшего. Так, согласно диспозиции статьи неуважение к суду проявляется в двух формах: в оскорблении участников судебного разбирательства (ч. 1 ст. 297 УК РФ) и в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ч. 2 ст. 297 УК РФ).

Неуважение к суду выражается в оскорблении. Полагаем, что понятие и признаки оскорбления обладателей специального статуса не отличаются от признаков декриминализованного оскорбления (ст. 130 УК РФ) и предполагают унижение чести, достоинства, репутации, деловой репутации указанных лиц, выраженное в неприличной форме. Унижение характеризуется отрицательной оценкой морально-этических, профессиональных и деловых качеств специальных субъектов, высказанной в неприличной форме. Неприличная форма высказываний определяется с точки зрения соотношения таких высказываний с нормами морали и нравственности. Неприличная форма представляет собой противоречащую нормам морали и нравственности, грубую, непристойную, циничную форму высказываний относительно лично-

стных характеристик потерпевшего. При этом для квалификации преступления не имеет значения, характеризуют ли такие высказывания профессиональные навыки потерпевшего или касаются его личностных качеств.

Обязательными признаками объективной стороны неуважения к суду являются признаки, характеризующие специальный статус потерпевшего и время совершения преступления. Анализ таких конструктивных признаков требует обращения к нормативно-правовым актам других отраслей права, поскольку уголовно-правовая норма, предусматривающая признаки исследуемого состава, имеет бланкетный характер. Так, для выяснения вопросов о том, кто является потерпевшим, а также вопроса о времени совершения преступления, необходимо обратиться к процессуальному законодательству.

Потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ, является обладатель особого статуса, обусловленного его профессиональной деятельностью или выполнением гражданского долга. Буквальная интерпретация диспозиции уголовно-правовой нормы позволяет установить обладателей такого статуса, ими являются судьи, присяжные заседатели, иные лица, участвующего в отправлении правосудия и участники судебного разбирательства.

Профессиональный статус судьи, статус присяжного заседателя раскрывается в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, в Федеральных конституционных законах «О статусе судей», «О судебной системе Российской Федерации», Федеральном законе «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». К категории иных лиц, участвующих в отправлении правосудия, относятся арбитражные заседатели. Так, согласно ст. 1 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия [6].

Обладателями специального статуса «участник судебного разбирательства» являются лица, принимающие участие в процессе. Таковыми являются не только лица, заинтересованные в исходе дела, например, стороны, но лица, не имеющие такой заинтересованности. Согласно ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ, участниками уголовного судопроизводства являются лица, принимающие участие в уголовном процессе [5]. Таковыми являются стороны обвинения и защиты, эксперты, специалисты, переводчики и т. д. В гражданском и арбитражном процессе принимают участие лица, участвующие в деле и лица, содействующие отправлению правосудия. Лицами, участвующими в деле, являются стороны, третьи лица, прокурор, представители государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и организации, заявители и заинтересованные лица. К числу лиц, содействующих отправлению правосудия, относятся переводчики, эксперты, специалисты, свидетели, помощники судей, секретари.

Неоднозначно решается вопрос о представителях лиц, участвующих в деле. В арбитражно-процессуальном праве представители наряду с лицами, содействующими осуществлению правосудия, отнесены к категории иных участников процесса (ст. 54 АПК РФ) [2]. В Гражданском процессуальном кодексе институту представительства посвящена самостоятельная глава, однако вопрос о процессуальном статусе представителя в законе не конкретизирован [4]. Не вдаваясь в дискуссию о процессуальной «роли» представителя, полагаем, что все перечисленные лица, как участвующие в деле и их представители, так и содействующие осуществлению правосудия, могут быть отнесены к категории участников судебного разбирательства. Поэтому оскорбительные высказывания в адрес указанной категории лиц во время рассмотрения дела образуют признаки состава неуважения к суду. При этом адресованные таким участникам процесса высказывания должны иметь место во время судебного разбирательства, ибо вторым конструктивным признаком объективной стороны неуважения к суду является, на наш взгляд, время совершения преступления, которым является время судебного разбирательства.

Согласно п. 51 ст. 5 УПК РФ судебное разбирательство – это судебное заседание судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций. Судебное заседание, согласно п. 50 ст. 5 УПК РФ, – это процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу [5]. Следовательно, время судебного разбирательства – это время рассмотрения уголовного дела или материалов.

Таким образом, неуважение, проявленное к суду, во время судебного заседания по уголовным делам, – это отрицательная оценка личностных или профессиональных качеств обладателей специального статуса, высказанная в неприличной форме во время рассмотрения судом уголовных дел или материалов. Аналогичным образом истолковывается неуважение к суду, проявленное во время рассмотрения гражданских, арбитражных, административных дел, а также во время рассмотрения обращений в рамках конституционного производства.

Поскольку время совершения преступления является обязательным признаком неуважения к суду, то всякое оскорбление в адрес обладателей специального статуса потерпевшего (судьи, присяжного или арбитражного заседателя или участника процесса) вне судебного разбирательства не образует данного состава преступления. В этой связи возникает необходимость в правовой оценке действий виновного, оскорбившего человека в связи с выполнением последним профессиональной деятельности или выполнением общественного долга. Оскорбление судьи вне судебного разбирательства, высказанное в связи с профессиональной деятельностью последнего, может быть квалифицировано по статье 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». При этом обязательным признаком оскорбления представителя власти является его (оскорбления) публичность, отсутствие которого исключает уголовную ответственность за такое деяние. Поэтому инкриминирование виновному данного состава

преступления возможно только в случаях публичного оскорбления судьи.

Сложности возникают в процессе квалификации оскорбления присяжных и арбитражных заседателей, участников судебного разбирательства. Являются ли арбитражные и присяжные заседатели представителями власти? В примечании к статье 318 УК РФ раскрывается понятие представителя власти. Представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Приведенная дефиниция исключает возможность распространения статуса представителя власти на присяжных и арбитражных заседателей.

Поскольку общая норма, устанавливающая ответственность за оскорбление (ст. 130 УК РФ), исключена из Уголовного кодекса, квалификация оскорбления присяжных и арбитражных заседателей как оскорбления обычных граждан исключается. По этому поводу мы неоднократно высказывали критические замечания в адрес действующей позиции законодателя, отказавшегося относить оскорбление к числу преступных деяний. Незащищенными в связи с этим остаются и участники судебного разбирательства, что не может быть признано справедливым. Возникает ситуация, при которой с позиции законодателя оскорбление судьи вне судебного разбирательства, высказанное в связи с выполнением им своих профессиональных обязанностей, создает угрозу государственной власти (порядку управления), в то время как оскорбление присяжных и арбитражных заседателей – лиц, уполномоченных законом осуществлять правосудие, а также оскорбление участников процесса, никакой угрозы не представляют.

Подобное положение дел представляется несколько противоречивым. Так, согласно пп. 5 и 6 ст. 19 АПК РФ *при рассмотрении дела (выделено нами – Н. Б. Гулиева, Т. Г. Черненко)* арбитражные заседатели пользуются правами и несут обязанности судьи. Судья и арбитражный заседатель при рассмотрении дела, разрешении всех вопросов, возникающих при рассмотрении дела и принятии судебных актов, пользуются равными процессуальными правами [2]. Буквальная интерпретация приведенной нормы означает, что арбитражные заседатели отправляют правосудие на равных началах с судом. Правосудие отправляется в рамках судебного разбирательства, т. е. во время рассмотрения дела в суде. Означает ли это, что арбитражные заседатели вне судебного заседания или в перерывах между ними перестают быть лицами, осуществляющими правосудие? Вряд ли можно с этим согласиться.

А. Бриллиантов отмечает, что время является обязательным признаком лишь для оскорбления участников судебного разбирательства (ч. 1 ст. 297 УК РФ). Оскорбление же судьи, присяжных заседателей и иных лиц, участвующих в отправлении правосудия, может быть совершено на всех этапах судебного производства, по его окончании, в перерыве судебного заседания и т. д. [3, с. 16]. Далее автор отмечает, что «оскорбление, связанное с отправлением правосудия, но осущес-

твляемое в других условиях, например, публичное оскорбление судьи после полного завершения процесса на почве мести, должно квалифицироваться как оскорбление представителя власти» [3, с. 20]. Аналогичной позиции придерживается А. Н. Александров [1].

Полагаем, что с мнением указанных авторов можно согласиться лишь отчасти. Не вызывает возражения квалификация оскорбления судьи на почве мести после завершения процесса по ст. 319 УК РФ. Противоречия же в предложенной квалификации усматриваются, на наш взгляд, в следующем. Во-первых, основной и квалифицированный составы не могут быть истолкованы по-разному в части конструктивных признаков. А. Бриллиантов отмечает, что ч. 2 ст. 297 УК РФ является квалифицированным составом неуважения к суду [3, с. 17]. При этом обязательные признаки данного состава автор раскрывает по-разному.

Во-вторых, действующая редакция статьи 297 УК РФ не позволяет разносторонне интерпретировать конструктивный признак объективной стороны неуважения к суду – время. Однако указанные авторы придерживаются узкой трактовки времени как признака исследуемого состава, предусмотренного в части первой ст. 297 УК РФ, полагая, что оскорбление участников судебного разбирательства имеет место только во время судебного заседания, в то время как неуважение в суду, выразившееся в оскорблении судьи, присяжных или арбитражных заседателей (ч. 2 ст. 297 УК РФ), не привязано ко времени судебного заседания.

Во избежание противоречий в процессе квалификации неуважения к суду предлагаем придерживаться широкой интерпретации признака времени совершения этого преступления (применительно к обеим частям статьи 297 УК РФ). Временем выполнения объективной стороны данного состава преступления следует, на наш взгляд, считать все время судебного разбирательства, не ограничиваясь только временем судебного заседания. Судебное разбирательство может состоять из нескольких заседаний. Поэтому всякое оскорбление, высказанное вне судебного заседания, например, в перерывах между заседаниями, после отложения или приостановления производства по делу, надлежит расценивать как неуважение к суду. К тому же судебное разбирательство происходит непрерывно, независимо от количества заседаний протокол судебного заседания составляется один с указанием даты каждого заседания и времени объявленных перерывов. Широкое толкование времени совершения преступления не позволит оставить безнаказанным оскорбление участников процесса, высказанное вне судебного заседания.

Литература

1. Александров А. Н. Оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, либо участника судебного разбирательства: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 31.12.2014, с изм. от 21.03.2014) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Бриллиантов А. Неуважение к суду: сложные вопросы квалификации // Уголовное право. 2011. № 4.
4. Глава 5 «Представительство в суде» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 03.02.2015) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
6. ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Информация об авторах:

Гулиева Натаван Байрам кызы – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, 58-37-43, natavan-1212@mail.ru.

Natavan Bairam kyzy Guliyeva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Черненко Тамара Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, 58-37-43, chernenkotg@mail.ru.

Tamara G. Chernenko – Doctor of Law, Full Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 10.03.2015 г.

УДК 343.61

СБОР ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И ТРУПА (на примере нарушений правил безопасности при ведении горных работ и убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления)

Р. Г. Драпезо, О. Д. Сергеев

COLLECTION OF PRIMARY INFORMATION AT CRIME SCENE AND CORPSE EXAMINATION (the example of violations of safety rules at mountain works and murders where fire acts as the tool (method) of concealing the crime)

R. G. Drapezo, O. D. Sergeev

Авторы статьи, используя обширный практический материал, попытались установить схожие и отличительные признаки, возникающие на первоначальном этапе расследования нарушения правил безопасности при ведении горных работ и убийств, в которых огонь выступает как орудие либо как средство сокрытия, обогатив технологию сбора информации на указанном этапе расследования двух сравниваемых категорий преступлений.

Using extensive practical materials, the authors try to define the similar and distinctive signs arising at the initial stage of investigation of violation of safety rules at mountain works and murders in which fire acts as the tool or as means of concealment. The authors enrich the technology of collection of information at the specified stage of investigation of the two compared categories of crimes

Ключевые слова: осмотр трупа, осмотр места происшествия, сбор первоначальной информации, убийства, в которых огонь выступает как орудие либо как средство сокрытия, нарушение правил безопасности при ведении горных работ.

Keywords: corpse examination, crime scene examination, collecting initial information, murder in which fire acts as the tool or as means of concealment, violation of safety rules at mountain works.

По мнению большинства авторов [15, с. 32; 18, с. 68; 19, с. 7; 20, с. 22], сбор первоначальной информации традиционно считается самым сложным этапом, наиболее справедливо это в отношении тех преступлений, для которых характерна неопределенность [6, с. 4; 14, с. 9; 17, с. 5], складывающаяся на первоначальном этапе их расследования. Неопределенность может заключаться как в разнообразии следовой картины на месте происшествия, противоречивости и дефиците информации, так и в сложности разрешения основных задач, характерных для данного этапа: установление события преступления, личности потер-

пешенного. Неопределенность может заключаться как в разнообразии следовой картины на месте происшествия, противоречивости и дефиците информации, так и в сложности разрешения основных задач, характерных для данного этапа: установление события преступления, личности потер-

певшего и лиц, причастных к совершенному преступлению. Описанные выше ситуации неопределенности обычно сопровождают такие сложные преступления в плане длительности расследования, как нарушение правил безопасности при ведении горных работ и убийства, в которых огонь выступает как орудие либо как средство сокрытия.

Действительно, в процессе осмотра места происшествия и трупа порой трудно разграничить убийство и несчастный случай, усмотреть инсценировку, установить причины возгорания или взрыва и т. д. Поэтому при осмотре места происшествия и трупа не обойтись без проведения необходимых судебно-медицинских исследований, а их наличие на этапе первоначального сбора информации по указанным категориям преступления позволяет более целенаправленно планировать проведение оперативно-розыскных мероприятий и производство следственных действий. Кроме того, законодатель в ч. 1 ст. 144 УПК РФ прямо указывает на необходимость проверки сообщений о преступлении не только посредством исследования документов, предметов, но и трупов, а также на то, что орган дознания в обязательном порядке должен провести необходимые оперативно-розыскные мероприятия.

Отметим, что многие следователи, оперативные работники, делая акцент на информационно-техническом оснащении процесса раскрытия преступлений, забывают о достижениях судебно-медицинской науки [4, с. 2; 5, с. 21; 16, с. 17]. Так, в работе С. Б. Щеголева [21, с. 12] экспериментальным путем установлено, что, используя метод отраженных фильтрованных ультрафиолетовых лучей, удастся выявлять наличие следов негоревших горюче-смазочных материалов на костных фрагментах. Как минимум это дает возможность разграничить убийство от несчастного случая, что наиболее важно на начальном этапе расследования. Получив своевременно от специалиста подобные сведения, на передний план выдвигается оперативная работа, основной задачей которой является розыск лиц, имеющих отношение к совершенному убийству.

Исходя из сказанного, авторы статьи ставят на разрешение следующие задачи:

1) установить сходство и различие на этапе первоначального сбора информации в процессе осмотра места происшествия и трупа указанных категорий преступлений;

2) установить те шаги, которые поддаются взаимодействию, обогатив по-возможности технологию сбора информации на первоначальном этапе расследования двух сравниваемых категорий преступлений.

Эмпирической базой для написания статьи послужили материалы 322 уголовных дел, возбужденных по факту обнаружения обгоревшего трупа с признаками насильственной смерти либо без таковой в жилом помещении, в автомобиле, на открытой местности и т. п. [3], 68 актов судебно-медицинского исследования обгоревших трупов [1], криминалистических экспертиз, опросов следователей, оперативных работников, сотрудников Ростехнадзора и судебных медиков.

Итак, на месте происшествия при расследовании рассматриваемых категорий преступлений следова-

тель на этапе первоначального сбора информации должен разрешить три задачи:

1) установить событие преступления. По уголовным делам об убийствах, в которых огонь выступает как орудие либо как средство сокрытия, также как и в случаях нарушения правил безопасности при ведении горных работ, имеется два предмета доказывания (таблица 1). Поэтому в силу ст. 73 УПК РФ на первоначальном этапе необходимо установить два события. А именно, имело ли место событие убийства, и имело ли место событие нарушения/аварии/поджога;

2) установление личности потерпевшего или потерпевших;

3) установление лиц, причастных к совершенному преступлению.

При установлении события убийства следователю необходимо ответить на ряд следующих вопросов:

1) какова причина смерти и является ли смерть насильственной или происшедшей по естественным причинам (по болезни, старости);

2) какое событие имело место быть: убийство, самоубийство, несчастный случай;

3) имело ли место инсценировка под несчастный случай либо под самоубийство.

Для ответа на эти вопросы потребуется взаимодействие с различными специалистами и другими участниками досудебного производства. Исходя из таблицы, потребуется взаимодействие следователя с судебным медиком, оперативными и пожарными работниками, сотрудниками МЧС и медицины катастроф. А по делам об убийствах, в которых огонь выступает как орудие либо как средство сокрытия еще и с очевидцами, соседями, знакомыми, сослуживцами, родственниками потерпевшего и т. п. Проведенное интервьюирование судебных медиков БСМЭ г. Кемерово показало, что следователи (дознаватели) и оперативники редко присутствуют при вскрытии трупа, хотя согласно Приказу Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 следователям вменяется в обязанность личное присутствие при проведении судебно-медицинского вскрытия трупа. Более того, оперативники не знакомятся с актами судебно-медицинского исследования обгоревших трупов, тогда как их взаимодействие с судебным медиком на этапе сбора информации может оказаться решающим в быстром раскрытии преступления.

**Информация, получаемая при осмотре места происшествия и трупа,
в случае нарушения правил безопасности и при убийстве,
где огонь применяется как орудие либо как средство сокрытия преступления**

<i>Нарушение правил безопасности при ведении горных работ</i>	<i>Убийство, где огонь применяется как орудие либо как средство сокрытия</i>
Субъекты	
– следователь (дознатель)	– следователь (дознатель)
– оперативные работники	– оперативные работники
– судебный медик	– судебный медик
– сотрудники ВГСЧ	– сотрудники МЧС
– сотрудники медицины катастроф	–
–	– очевидцы
–	– соседи, знакомые, сослуживцы, родственники потерпевшего
Вопросы, на которые следователь может получить ответ	
– какова причина смерти и является ли смерть насильственной	– какова причина смерти и является ли смерть насильственной
– какое событие имело место: убийство, нарушение правил безопасности работ, несчастный случай, техногенная или природная авария	– какое событие имело место: убийство, самоубийство, несчастный случай
– имела ли место инсценировка под несчастный случай, самоубийство или естественную смерть	– имела ли место инсценировка под несчастный случай или самоубийство
Исследование трупа и места его обнаружения, указывающие на инсценировку под несчастный случай	
– локализация и цвет трупных пятен	– локализация и цвет трупных пятен
– степень окоченения трупа (может говорить о перемещении трупа)	– степень окоченения трупа (может говорить о перемещении трупа)
– совокупность диагноза, причины смерти и концентрации карбоксигемоглобина, этилового спирта в крови и моче у потерпевшего позволяет с вероятностью разграничить умысел на убийство от несчастного случая	– совокупность диагноза, причины смерти и концентрации карбоксигемоглобина, этилового спирта в крови и моче у потерпевшего позволяет с вероятностью разграничить умысел на убийство от несчастного случая
Обстоятельства, указывающие на удушение	
–	– наличие удавки возле очага возгорания
–	– странгуляционная борозда в области шеи трупа
– сдавление грунтом, отсутствие доступа кислорода в результате блокирования потерпевшего завалом, утопление при прорыве подземных вод	– положение языка, поворот шеи, гортанных хрящей, расположение рук, форма глаз, складки возле глаз трупа и т. п.
–	– выделения возле трупа (моча, кал, сперма); – рост концентрации мочевины в крови
–	– шилообразные предметы, отвертка, «розочка» из стеклянных бутылок и т. п., то есть те предметы, которыми наносятся повреждения в область горла и шейных органов
Обстоятельства, указывающие на нарушение правил безопасности / поджог	
– наличие зажигалки, спичек, сигарет	– наличие и запах нефтепродуктов, емкости с остатками горючего вещества, зажигалки, спички, окурки, два и более очага возгорания и т.д.
– свидетельские показания: 1) о систематических нарушениях правил безопасности; 2) о фактах использования открытого огня в подземных выработках и т. п.	– свидетельские показания: 1) видели ли они некое постороннее лицо; 2) было ли что-нибудь в руке постороннего: сверток, бутылка, канистра.
–	– инсценировка пожара под причину неосторожного обращения с огнем, либо непотушенной сигареты
–	– обнаружение подпорки
–	– отсутствуют видимые причины поджога, при том что труп потерпевшего завален ветошью и др. горючими материалами
– видимые умышленные повреждения (отключение) датчиков газа	– видимые умышленные повреждения электрохозяйства

Обстоятельства, указывающие на прижизненность попадания тела в огонь	
– внешние признаки: копоть в ротовой полости, трахеях; расположения одежды на трупе и степень окопченности; цвет трупных пятен; «гусиные лапки» вокруг кожи глаз, рта; рвотные массы вокруг трупа; наличие на обгоревших трупах неповрежденных пузырей; локализация и площадь термических ожогов на теле	– внешние признаки: копоть в ротовой полости, трахеях; расположения одежды на трупе и степень окопченности; цвет трупных пятен; «гусиные лапки» вокруг кожи глаз, рта; рвотные массы вокруг трупа; наличие на обгоревших трупах неповрежденных пузырей; локализация и площадь термических ожогов на теле; признаки перемещения трупа (по степени окопченности, следам волочения)
– внутренние признаки: копоть в бронхах, легких; карбоксигемоглобин в крови; судебно-медицинский диагноз; причина смерти	– внутренние признаки: копоть в бронхах, легких; карбоксигемоглобин в крови; судебно-медицинский диагноз; причина смерти
Опознание трупа	
– опознание по формальным признакам	– опознание по формальным признакам
– противоречие между протоколом опознания и актом судебно-медицинского исследования	– противоречие между протоколом опознания и актом судебно-медицинского исследования
Судебно-медицинский диагноз	
– в судебно-медицинском акте нет указаний на те болезни, которые могли привести к потере сознания либо к остановке сердца	– в судебно-медицинском акте нет указаний на те болезни, которые могли привести к потере сознания либо к остановке сердца
Идентификация личности погибшего по результатам судебных экспертиз	
– по кусочкам одежды родственники могут примерно установить ее принадлежность своему родственнику	– по кусочкам одежды родственники могут примерно установить ее принадлежность своему родственнику
– по волосатым луковицам, если последние не уничтожены огнем	– по волосатым луковицам, если последние не уничтожены огнем
– по «дентинным канальцам»	– по «дентинным канальцам»
– по своду черепа удастся установить возраст человека	– по своду черепа удастся установить возраст человека
– фотографирование неопознанного трупа и в случае необходимости его реставрация (туалет)	– фотографирование неопознанного трупа и в случае необходимости его реставрация (туалет)
– выявление и фиксация татуировок на коже потерпевшего	– выявление и фиксация татуировок на коже потерпевшего
– изготавливать негативные посмертные маски со слепков лица и других частей тела	– изготавливать негативные посмертные маски со слепков лица и других частей тела
– применение методов восстановления папиллярных узоров пальцев рук	– применение методов восстановления папиллярных узоров пальцев рук
– использование методов геноидентификационного исследования трупов	– использование методов геноидентификационного исследования обгоревших трупов
– 3D-технологии компьютерной томографии трупных останков	– 3D-технологии компьютерной томографии трупных останков [10, с. 15]

Г. А. Густов в своих работах [7 – 9] рассматривает только один момент взаимодействия следователя (оперативника) с судебным медиком – при осмотре трупа. Авторы, изучив материалы следственно-судебной практики, конкретизируют эти взаимодействия в четыре направления:

– во-первых, при осмотре места происшествия и трупа судебным медиком, который может высказать свое мнение о причине смерти и указать на предшествующие смерти обстоятельства. В случае преступлений, связанных с нарушением правил безопасности при ведении горных работ, судебные медики не допускаются непосредственно на место происшествия, вся их работа сводится к проведению опознания извлеченных трупов. Поэтому первая форма взаимодействия оказывается в данном случае неустраиваемой. Хотя следователю на первоначальном этапе расследования необходимо знать давность и причину наступ-

ления смерти, а также иные обстоятельства, определяющие характер аварии. Авторы для решения этих задач предлагают выделять группу судебных медиков из 2 – 3 человек (в зависимости от числа погибших) для того, чтобы они, осуществляя помощь следователю в составлении протокола осмотра, указывали все параметры по определению давности смерти, описывали все имеющиеся на трупах повреждения;

– во-вторых, в момент вскрытия трупа, следователь и оперативник могут ставить перед судебным медиком дополнительные вопросы, а судебный медик – комментировать свои действия и указывать на значение обнаруженных результатов исследования трупа;

– в-третьих, при изучении акта следователь и оперативник могут получить от судебного медика дополнительные разъяснения по поводу окончательных выводов о причинении смерти. Однако на практике

акты месяцами не истребуются из БСМЭ, хотя согласно Приказу Минздрава СССР от 21.07.1978 № 694 акт должен предоставляться следователю не позднее трех дней после экспертных исследований. Кроме того, в ряде случаев при нарушении правил безопасности при ведении горных работ сами работники правоохранительных органов несвоевременно назначают экспертизу, затрудняя проведение предварительного следствия и принятие решения по делу. Так, 4.11.2004 г. прокуратурой г. Ленинска-Кузнецкого Кемеровской области было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 216 УК РФ по факту смертельного травмирования горнорабочего Б. очистного забоя. Следователь, в производстве которого находилось уголовное дело, на протяжении двух месяцев не только не назначил судебно-медицинской экспертизы, но и не принял решения по уголовному делу;

– в-четвертых, судебный медик может высказывать свои догадки (в неформальной беседе), которые следователь и оперативник могут использовать для выбора направления расследования.

Другим результатом интервьюирования стало то, что по трупным пятнам и степени окоченения, которые определяются судебным медиком при первичном осмотре трупа, следователь, оперативник могут установить два момента:

а) имела ли место инсценировка под несчастный случай;

б) возвращался ли преступник на место происшествия, с тем чтобы переместить либо изменить позу трупа под естественную. Естественная поза трупа возникает, например, при падении (поскользнулся, споткнулся), при взрывной волне, потери сознания и т. п., то есть без чьей-либо посторонней помощи. Если какие-либо части тела потерпевшего по своему локальному окоченению отличаются от общего окоченения трупа мягкостью при пальпации и/или транспортировки, тогда вывод очевиден – кто-то перемещал тело, а значит, для проверки данной версии уголовное дело следует возбудить. В ситуации нарушения правил безопасности/аварии следует обращать внимание на следы волочения трупа в тех случаях, когда он, возможно, перемещался кем-либо из работающих вместе с ним, а также на следы возможного продвижения человека до наступления смерти, но после получения телесных повреждений. Это связано со способностью человека совершать в течение какого-либо времени активные действия после получения повреждений.

Это делает возможным обнаружить трупы на значительном удалении от непосредственного места происшествия. Кроме этого, фиксируются механизмы и машины, находящиеся в непосредственной близости от обнаруженного трупа, при этом особое место уделяется описанию всех выступающих частей и деталей. В результате взрыва тело может быть отброшено в сторону от эпицентра взрыва, в силу этого необходимо осмотреть выработку на всем протяжении возможной траектории полета тела от места взрыва до места его обнаружения с целью обнаружения на крепи, рельсах шахтного транспорта частиц одежды, следов биологического происхождения (кровь, частицы кожи и мозгового вещества и т. д.), зафиксировать местопо-

ложение трупа по отношению к эпицентру взрыва. Если труп придавлен, отмечается, какая часть тела придавлена и каким предметом.

При этом описание позы трупа необходимо начинать в строгой последовательности – от общего к частному. Сначала фиксируется общее положение трупа на поверхности, поза трупа, затем описываются положение туловища, головы, конечностей. Некоторые особенности трупа характерны для определенных причин смерти, например, поза «боксера», обрывки полубогоревшей одежды, волос, следы перемещения под трупом; «гусиные лапки» вокруг кожи глаз; наличие копоты в дыхательных путях; карбоксигемоглобин в крови и т. п.

Такая тщательность позволяет судить о том, перемещался ли труп после наступления смерти, и выдвинуть предположения о причинах смерти. Также необходимо зафиксировать наличие ранних трупных явлений: охлаждение тела, подсыхание слизистых оболочек, расположение, цвет трупных пятен и изменение их цвета в зависимости от дозированного давления на них и времени восстановления цвета, стадии развития трупного окоченения в различных группах мышц.

При осмотре места происшествия и трупа рекомендуем оперативному работнику обращать внимание на такое обстоятельство, как повреждение тем или иным способом шейной области потерпевшего. Подобные посягательства встречаются примерно в 50 % случаев, при этом комплекс указанных обстоятельств может иметь следующий вид:

– присутствие удавки возле очага возгорания, при условии, что она не уничтожена огнем, как это наблюдается при поджоге имущества (квартира, дом, автомобиль и т. п.);

– в случае обнаружения обгоревшего трупа на открытой местности, как правило, предмет, напоминающий удавку, находят возле трупа либо на шее;

– наличие странгуляционной борозды в области шеи трупа, но только в тех случаях, когда имеет место несильное обгорание. Странгуляционная борозда может быть повреждена огнем. Решить вопрос о возможности удушения в состоянии судебный медик по ряду признаков, связанных с положением языка, поворотом шеи, гортанными хрящами, расположением рук, формой глаз, складками возле глаз трупа и т. п.;

– острые шилообразные предметы, отвертка, «розочка» из стеклянных бутылок и т. п., то есть те предметы, которыми в основном наносятся повреждения в область горла и шейных органов.

В случае нарушения правил безопасности при ведении горных работ также возникают ситуации связанные с асфиксией как основной причиной смерти потерпевшего. Асфиксия может возникнуть, к примеру, путем сдавления области грудной и/или брюшной полости грунтом, отсутствия доступа кислорода в результате блокирования потерпевшего завалом, утопления при прорыве подземных вод.

Труп потерпевшего может настолько быть подвержен изменению под действием высоких температур или взрыва, что судебный медик уже не в состоянии ответить на вопрос следователя (оперативника) относительно природы асфиксии. Тем не менее су-

дебной медициной установлено, что, например, при удушении у человека непроизвольно в большинстве случаев (так как бывают исключения) выделяются моча и/или кал. Однако повторимся еще раз, что в случаях сильного повреждения трупа и изменения обстановки, моча и/или кал на теле и/или одежде потерпевшего могут не сохраниться. В патологической физиологии описаны случаи повышения концентрации мочевины в крови при асфиксии различной этиологии. Поэтому в тех ситуациях (например, полного обгорания тела), когда не удается установить признаков насильственной смерти, рекомендуем в крови трупа, помимо стандартных биохимических исследований, определять содержание мочевины. Если содержание мочевины будет выше нормы, тогда рекомендуем провести розыск причастных к возможному преступлению лиц, опросить свидетелей, родственников, знакомых, руководство организации, начальников разных уровней и т. п.

В случаях наступления смерти от механических разрушений в результате взрыва описывается положение каждой оторванной части одежды и тела по отношению к окружающей обстановке. В соответствии с п. 33.8 «Порядок организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» от 12 мая 2010 года повреждения на трупе описывают и отмечают их локализацию, форму, размеры, наличие дефектов ткани, отрывов отдельных частей тела, наличие следов термического воздействия (место наибольших разрушений).

В случае осмотра трупа лица, смерть которого наступила в результате воздействия высоких температур (пожар в шахте), обращается особое внимание на локализацию ожогов (в литературе имеются примеры, когда после воспламенения человек, не лишенный способности двигаться, начинал перемещаться, в результате чего языки пламени оставляли на коже положительно идущие ожоги, по которым можно судить о положении тела после воспламенения), обгорание волос, признаки прижизненности пребывания в очаге пожара (копоть в носовых ходах, полости рта, ожоги у наружных углов глаз – «эффект зажмуривания»).

При описании трупа лица, смерть которого, предположительно, наступила в результате вдыхания продуктов горения, необходимо обращать внимание на цвет трупных пятен. Так, например, розово-красный, а не багрово-фиолетовый, цвет дает основание говорить об отравлении окисью углерода.

При осмотре трупа с подозрением на электротравму необходимо тщательно осмотреть поверхность кожи с целью выявления на ней электрометок, ожогов и следов действия высокой температуры на одежде. Это позволит получить предварительные указания на поражение электротоком.

Определяя круг вопросов, которые необходимо поставить перед судебно-медицинским экспертом, следователь не должен ограничиваться общими вопросами: причина смерти и наличие телесных повреждений, механизм их образования, локализация и тяжесть вреда здоровью, наличие алкогольного, наркотического либо токсикологического опьянения. В за-

висимости от вида аварии указанные вопросы можно варьировать. Так, при авариях, связанных со взрывами, перед специалистами могут быть поставлены следующие вопросы: на каком расстоянии от пострадавшего произошел взрыв, в какой позе находился пострадавший в момент взрыва. При подозрении на электротравму могут быть поставлены следующие вопросы: имело ли место поражение техническим электричеством, какая часть тела соприкасалась с проводником, какие физические свойства электроточка. В целях получения информации о событиях, незадолго предшествовавших убийству, в которых огонь выступал как орудие либо как средство сокрытия, о дополнительных причинах возгорания, о возможном несчастном случае и его разграничении от имитации и т.п., следственно-судебной практике по делам об убийствах и поджогах было бы полезным заимствовать вышеописанный блок вопросов [11, с. 196; 12, с. 158].

Так, например, если следователь и судебный медик учтут расстояние от трупа до очага возгорания, то можно смоделировать как минимум три ситуации (таблица 2), а именно:

- 1) труп в очаге возгорания;
- 2) труп рядом с очагом возгорания;
- 3) труп на определенном расстоянии от очага возгорания.

Для первой ситуации могут быть характерны такие предположения:

а) убийство, если труп при его обнаружении сверху завален ветошью, палками, обломками мебели, кусочками обоев и т. п. Понятно, что в данной ситуации преступники имели умысел скрыть следы убийства;

б) тоже убийство, но труп находится над очагом возгорания. Это может свидетельствовать о перемещении трупа потерпевшего в очаг возгорания также для сокрытия следов преступления.

Для второй ситуации можно предположить следующее:

- а) несчастный случай;
- б) имитация под несчастный случай;
- в) убийство.

В третьей ситуации могут возникнуть такие предположения:

- а) имитация под несчастный случай;
- б) убийство.

**Первоначальные ситуации, возникающие при осмотре места происшествия
сравниваемых категорий преступлений**

<i>Ситуации при осмотре трупа на месте происшествия</i>	<i>Возможные подситуации</i>	<i>Признаки выявлены при осмотре места происшествия</i>	<i>Версии по делам, когда огонь выступает как способ убийства</i>	<i>Версии по делам о преступных нарушениях правил безопасности при ведении горных работ</i>
Труп в оча- ге/эпицентре пожара/взрыва	Труп в очаге	Когда труп сверху заброшен ветошью, палками, обломками мебели и т. п.	Убийство	Погибший, возмож- но, причастен к взрыву (пожару)
	Труп над очагом	Вероятно, что труп потерпев- шего неизвестные лица пере- местили в очаг возгорания (с целью сокрытия)	Убийство	
Труп на незначи- тельном удале- нии от оча- га/эпицентра пожара/взрыва		Следы, указывающие на воз- можную потерю сознания (на- пример отравление угарным газом)	Несчастный случай	Погибший был от- брошен от эпицентра взрывной волной и он может быть при- частен к возникнове- нию взрыва/пожара
		Следы умышленных действий преступника (повреждение проводки, инсценировки само- возгорания)	Инсценировка несчастного случая	
		Орудие убийства рядом с тру- пом или следы его применения на трупе.	Убийство	Погибший находился на незначительном удалении и не при- частен к взры- ву/пожару
Труп на значи- тельном удале- нии от оча- га/эпицентра по- жара/взрыва		Следы перемещения трупа в сторону от очага возгорания (инсценировка отравления угарным газом)	Инсценировка несчастного случая	Потерпевший нахо- дился на значитель- ном удалении от эпицентра и не при- частен к возникнове- нию взрыва/пожара
		Следы повреждений на трупе и следы возгорания не связанные друг с другом	Убийство	

Установление личности потерпевшего облегчает установление личности причастных к преступлению лиц. Однако мы не согласны с теми авторами, отмечающими, что поиск преступника следует осуществлять только после установления личности потерпевшего. Следователь может организовать расследование сразу же по нескольким направлениям. Изучение эмпирического материала показало, что установление личности потерпевшего со стороны следователя, оперативника в большей своей части носит несистемный характер. По установлению личности погибшего написаны серьезные работы, в частности Ю. М. Кубицкого, В. И. Шиканова, Ю. П. Дубягина, Г. А. Густова, М. Н. Шухнина, Г. С. Воропаева, В. А. Афицынского, А. Т. Аманова и др. авторов. Необходимо упомянуть основательный труд немецких ученых, многолетний опыт которых изложен в судебно-медицинском атласе [22], а также работы английских [23] и американских [24] авторов.

В конце таблицы 1 мы представили ряд примерных мероприятий, направленных на установление личности погибшего. Можно видеть, что основные перечисленные мероприятия как в случаях нарушения правил безопасности при ведении горных работ, так и

убийств, в которых огонь выступает как орудие либо как средство сокрытия, совпадают. Отметим статистику изученных актов судебно-медицинского исследования, которая показала, что в 7 – 8 % случаев трупы потерпевших остаются неопознанными. Достоверность представленных данных подтвердим некоторыми статистическими выкладками, взятыми из материалов актов судебно-медицинского исследования трупов. Итак, трупы потерпевших, были опознаны по следующим признакам:

- по волосам – 8,6 %;
- по мягким тканям лица – 8,6 %;
- по зубам и аномалиям зубочелюстной системы – 17,1 %;
- по внешнему облику (антропометрические характеристики) – 31,4 %;
- по одежде (по кусочкам обгоревшей одежды, ее цвету) – 22,9 %;
- по позе тела во время сна ~ 3 %;
- по ногтевым пластинам на руках ~ 3 %;
- по групповой принадлежности крови ~ 3 %;
- по оперативной информации ~ 3 %;

– по иным приметам (татуировки, имплантаты, характерные переломы, золотые зубы, драгоценные украшения, признаки инвалидности) – 13,2 %.

В качестве опознающих лиц, либо средств идентификации выступали:

- родственники – 73,5 %;
- соседи, знакомые – 10 %;
- сожители – 4 %;
- сослуживцы – 4 %;
- очевидцы – 4 %;
- АДИС «Папилон» – 3 %;

– посредством фотографий и их размещения в СМИ – 1,5 %.

Таким образом, можно заключить, что те мероприятия, которые мы рекомендуем проводить в целях установления личности потерпевшего, в общем, соответствуют тем тенденциям, которые описаны выше, хотя некоторые возможности следователи, оперативники реализуют не в полной мере. В частности, оперативники не так часто обращают внимание на такие методы идентификации, как зубная формула и аномалии в зубочелюстной системе, волосные луковицы, методы фотографирования и дактилоскопирования, применение в своей работе различных учетных систем (оперативных, криминалистических и т. д.). Со всем редко прибегают к идентификации личности по форме и характеру узоров на ногтевой пластине пальцев рук [13, с. 154], групповой принадлежности крови, оперативным источникам. Отметим также, что в 50 % изученных актов опознание проводилось по формальным признакам. Известно, что в протоколе отражаются те признаки, по которым происходит опознание трупа: тип телосложения, волосистая часть головы, форма и количество зубов, мягкие ткани лица, татуировки и т. п. В исследовательской части акта судебный медик описывает ход осмотра, вскрытия и результаты сопутствующих экспертиз. При сопоставлении двух частей документа обнаруживаются явные противоречия. В акте № 1819, судя по протоколу, опознание произошло по росту, телосложению, зубному аппарату и волосистой части головы. В исследовательской части акта находим информацию: для исследования доставлен обгоревший фрагмент тела взрослого человека, длиной 97 см, представленный костями основания черепа и частично костями лицевого отдела черепа, фрагментами плеч, левого предплечья и т. п.

Представленный нами набор мероприятий по установлению личности потерпевшего позволит следователям, оперативникам более качественно проходить этот этап и быстрее направлять свои усилия на раскрытие преступления.

Так, в уголовном деле № 943113 [2] установление личности потерпевшего и раскрытие убийства произошло по комплексу причин. В октябре 2004 г., в состоянии алкогольного опьянения, в результате внезапно возникших неприязненных отношений, умышленно (дабы отомстить жене), с целью причинения смерти своей 2-х летней дочери, гр. Н. ударил ее затылком об пол три раза, отчего наступила смерть потерпевшей. Далее, с целью сокрытия следов убийства, поместил свою малолетнюю дочь головой вглубь пе-

чи и сжег труп последней. Мать потерпевшей была в курсе происшедшего, однако все это время со своим мужем продолжала употреблять спиртное. Отреагировала на отсутствие внучки бабушка потерпевшей, которая сделала заявление в милицию. При осмотре печи была просеяна зола, обнаружены мелкие кости и одна большая кость, по внешнему виду похожая на фрагмент кости черепа крупного животного. Решающую роль в установлении личности погибшей и раскрытию убийства способствовали следующие действия:

– геноскопическая экспертиза, показавшая, что костный фрагмент принадлежит черепу крупного рогатого скота. Мелкие кости принадлежат человеку молодого возраста;

– биологическая экспертиза показала, что кровь, обнаруженная на полу, по своим групповым характеристикам могла произойти как от матери потерпевшей, так и от самой потерпевшей;

– явка с повинной, оформленная гр. Н., отцом потерпевшей.

Следователю не следует пренебрегать теми костями, которые по внешнему виду похожи на кости животных. Дело в том, что человек, сжигающий голову крупного животного, характеризуется как личность, склонная к садизму и проявляющая интерес к огню.

В последнее время на передний план судебно-медицинской практики по опознанию личности погибшего и причин гибели стали выдвигаться так называемые 3D-технологии в компьютерной томографии [10, с. 15]. Суть технологии – в возможности воссоздать целый объект по обнаруженным фрагментам. Однако отметим, что в авангарде 3D-технологий активно развиваются более совершенные кинект-технологии (от компании Microsoft), которые, конкретно для судебной медицины, смогут в режиме 4D существенно расширить возможности идентификации личности и установления причин смерти в криминальных ситуациях при судебно-медицинской экспертизе.

Таким образом, анализ ошибок при взаимодействии следователя, оперативного работника и судебного медика на первоначальном этапе «сбора информации» рассматриваемых категорий преступлений, с авторских позиций, должен устранить ряд пробелов, возникающих на указанном этапе, и повысить процент раскрываемости по «горячим следам». Нами также в табличных формах проанализированы рассматриваемые категории преступлений, позволяющие, как надеются авторы, расширить границы первоначального этапа расследования изученных преступлений.

Литература

1. Архив Бюро судебно-медицинской экспертизы г. Кемерово.
2. Архив уголовных дел Кемеровского областного суда за период с 1989 по 2014 годы.
3. Архив уголовных дел Кемеровского областного суда.
4. Архипова А. Н. Новая технология судебно-медицинской экспертизы скелетированных и сожженных останков человека // Российский следователь. 2008. № 18. С. 2 – 3.
5. Бородулин Д. В. Гистоморфологические изменения щитовидной железы при смерти в очаге пожара: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2008. 21 с.
6. Вражнов А. С. Отдельные аспекты ситуации информационной неопределенности на примере криминалистического риска // Российский следователь. 2011. № 22. С. 2 – 6.
7. Густов Г. А. Изучение личности погибшего по делу об убийстве: учебное пособие. СПб., 1997. 44 с.
8. Густов Г. А. Комплексный подход к раскрытию убийства: учебное пособие. Л., 1989. 104 с.
9. Густов Г. А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств: конспект лекций. Архангельск, 1989. 114 с.
10. Дадабаев В. К., Сундуков Д. В. Использование 3D технологий в судебной медицине // Медицинская экспертиза и право. 2011. № 3. С. 15 – 16.
11. Драпезо Р. Г. Исследование в суде доказательств по делам о криминальных пожарах // Пробелы в Российском законодательстве. 2010. № 1. С. 193 – 198.
12. Драпезо Р. Г. Некоторые особенности досудебного производства по уголовным делам о пожарах // Черные дыры в Российском законодательстве. 2010. № 1. С. 156 – 160.
13. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2010. 784 с.
14. Ким Д. В. Ситуационный подход как основа преодоления информационной неопределенности на первоначальном этапе расследования преступлений // Российский следователь. 2008. № 8. С. 8 – 10.
15. Мешков В. М., Строгая Н. В. Получение оперативно-розыскным путем криминалистически значимой информации о незаконном обороте наркотиков // Наркоконтроль. 2008. № 3. С. 31 – 37.
16. Молин Ю. А., Васильев В. А. Об особенностях танатогенеза в случаях наступления смерти в очаге пожара // Медицинская экспертиза и право. 2011. № 2. С. 17 – 18.
17. Подольный Н. А. Значение разрешения ситуации информационной неопределенности для расследования преступлений // Российский следователь. 2011. № 17. С. 4 – 6.
18. Попов В. Л. Расследование убийств, сокрытых поджогами: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1993. 189 с.
19. Стяжкин Ю. А. Некоторые актуальные вопросы использования и легализации органами предварительного следствия и суда результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Российский следователь. 2006. № 4. С. 6 – 8.
20. Ханин В. Ф. Тактические операции при возбуждении и расследовании уголовных дел по пожарам: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 1987. 183 с.
21. Щеголев С. Б. Судебно-медицинская экспертиза кремированных останков: автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2000. 18 с.
22. Atlas der gerichtlichen Medizin / hrsg. von Otto Prokop u. Georg Radam. 2. Uberarb. Aufl. Berlin: Verl. Volk und Gesundheit, 1987. 772 s.
23. Jackson R. M. Moot Case on Murder and Arson II The Cambridge Law Journal. L., 1946. Vol. 9. № 2. P. 154 – 158.
24. Michaels P. A. Heat: The fire investigators and their war on arson and murder. New York: St. Martin's Press, 1991.

Информация об авторах:

Драпезо Роман Григорьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8-960-909-91-44, Uri_nit@kemsu.ru.

Roman G. Drapezo – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Сергеев Олег Дмитриевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8-905-074-03-56, Uri_nit@kemsu.ru.

Oleg D. Sergeev – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2015 г.

УДК 347.21

ЕДИНЫЙ НЕДВИЖИМЫЙ КОМПЛЕКС – ВОЗВРАТ К СТАРЫМ ИДЕЯМ

Ю. Ф. Дружинина

THE CONSOLIDATED COMPLEX OF IMMOVABLE PROPERTY – A RETURN TO THE OLD IDEAS

Yu. F. Druzhinina

Настоящая статья посвящена проекту изменений в ст. 133.1 ГК РФ, подготовленных Минэкономразвития России, направленных на реализацию идеи создания единого комплексного объекта недвижимости, составляющие которого объединены общей целью использования. В целом предлагаемые изменения оцениваются автором положительно. Отмечается, что они имеют большое сходство с идеями, высказанными еще в Концепции развития законодательства о недвижимом имуществе от 15.12.2003 г. Вместе с тем обращается внимание на то обстоятельство, что ограничение состава единого недвижимого комплекса исключительно недвижимыми вещами ограничит его использование для решения проблемы линейных объектов, а также вновь поставит вопрос о его разграничении с предприятием.

The paper focuses on the draft amendments to the Article 339 of the Civil Code, prepared by the Ministry of Economic Development of Russia, which are aimed at implementation of the idea of creating consolidated complex of immovable property, whose components share a common aim of use. In general, the author evaluates the proposed changes positively. The author notes that they brings us back to the ideas expressed in the Concept of further development of the legislation on real estate of 15 December 2003. However, attention is drawn to the fact that the restriction of a consolidated complex of immovable property exclusively to immovable units will limit its use to solving the problems of linear objects. In addition, it will again raise the question of its delineation with the enterprise.

Ключевые слова: единый недвижимый комплекс, сложные вещи, неделимые вещи, недвижимые вещи.

Keywords: consolidated complex of immovable property, complex things, indivisible things, immovable property.

25 сентября 2014 г. на Едином портале для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения было размещено уведомление о разработке проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – законопроект) в части введения понятия «сложная недвижимость». Автором законопроекта выступило Министерство экономического развития Российской Федерации, которое объявило, что при разработке законопроекта ставило цели обеспечения возможности формирования единого объекта недвижимости, представляющего собой земельный участок и расположенные на нем объекты капитального строительства, в том числе для целей налогообложения [3].

Достижение заявленных целей предполагается путем внесения изменений в ряд нормативно-правовых актов, в том числе и ст. 133.1 ГК РФ «Единый недвижимый комплекс». Проблема, на которую обращает внимание Минэкономразвития России, по-видимому, была выявлена за недолгий срок существования ст. 133.1 ГК РФ, которая появилась в Гражданском кодексе РФ только 1 сентября 2013 г., со вступлением в силу Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Первоначальная редакция законопроекта помимо прочего предполагала переименование единого недвижимого комплекса в сложную недвижимость и предусматривала возможность включения в состав сложной недвижимости земельного участка при условии, что он находится в собственности лица, которому принадлежат все здания и сооружения, расположенные на данном земельном участке. Данный подход достаточно сложно назвать убедительным в первую очередь потому, что совершенно неясно, какой смысл вкладывали разработчики

проекта в сам факт переименования нового объекта гражданских прав и по каким причинам был сделан вывод о невозможности включения в состав единого недвижимого комплекса земельного участка с учетом норм, действующих в настоящее время.

Ст. 133.1 ГК РФ описывает единый недвижимый комплекс как совокупность вещей, связанных физически или технологически. Поскольку правовой режим земельного участка как недвижимой вещи общеизвестен и никем не оспаривается, проблема, обозначенная Минэкономразвития России, выглядит достаточно надуманной. Впрочем, даже согласившись с таким подходом, нельзя отрицать, что для устранения проблемы достаточно было дополнить ст. 133.1 ГК РФ нормой о возможности включения в состав единого недвижимого комплекса земельного участка, не принимая статью в полностью новой редакции.

Данный вывод подтверждается и тем, что во второй редакции законопроекта, размещенной на Едином портале для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения 20.01.2015, разработчик отказался от переименования единого недвижимого комплекса и отчасти вернулся к первоначальной редакции статьи 133.1 ГК РФ. Так, вторая редакция законопроекта вновь указывает на то, что единый недвижимый комплекс является недвижимой вещью.

Однако и последняя редакция законопроекта предусматривает не внесение изменений в ст. 133.1 ГК РФ, а принятие ее в новой редакции. Помимо возможности включения в состав единого недвижимого комплекса земельного участка, законопроект принципиально изменяет некоторые подходы к этому объекту гражданских прав. Во-первых, в состав единого недвижимого комплекса теперь могут входить только недвижимые вещи, а именно здания и сооружения. Во-вторых, разработчик отказался от конститутивно-го признака единого объекта гражданских прав – на-

личие физической или технологической связи между составляющими такого комплекса. В-третьих, законопроект отказывается от отнесения единого недвижимого комплекса к неделимым вещам и, по-видимому, распространяет на него режим сложной вещи. Подобный подход представляется достаточно спорным.

Общеизвестно, что само появление нормы ст. 133.1 ГК РФ обязано в большей степени проблеме правового режима так называемых линейных объектов, о которых специально упомянуто в данной статье. Линейные же объекты в большей части состоят не только из недвижимых, но и из движимых вещей. Исключение из состава единого недвижимого комплекса движимых вещей ставит под вопрос достижение тех целей, которые ставились при введении в оборот нового объекта гражданских прав. Столь же серьезным является вопрос об отказе от признака функциональной связи между составляющими комплекса. Представляется, что физическая или технологическая связь является единственным признаком, который вообще оправдывает существование данного объекта и позволяет обеспечить его целостность. После исключения такой связи единый недвижимый комплекс становится простой совокупностью объектов недвижимого имущества, которые могут находиться, а могут и не находиться на одном земельном участке. Создание такого комплекса будет обусловлено единственным фактором – волеизъявлением собственника, любые объективные обстоятельства в таком случае отсутствуют. Единое же назначение, о котором упоминается в законопроекте, является достаточно неопределенной категорией.

С учетом отношения разработчиков законопроекта к вопросу о связи составляющих единого недвижимого комплекса отказ от его правового режима как неделимой вещи выглядит вполне закономерным. Несомненно, что единый недвижимый комплекс, как его в настоящее время описывает ст. 133.1 ГК РФ, не является неделимой вещью хотя бы потому, что он вообще не является вещью. Он представляет собой *universitates rerum distantium* или сложную вещь, которые ни отечественная (см., напр. [1, с. 236]), ни зарубежная доктрина (см., напр. [4, с. 13, 16]) к вещам не относят. Вместе с тем распространение на единый недвижимый комплекс правового режима неделимой вещи преследует цель сохранения его целостности при включении в гражданский оборот, в особенности при обращении взыскания на имущество его собственника, что не удивительно, поскольку входящие в комплекс объекты технологически или физически связаны и их разделение может повлечь нарушение или прекращение функционирования комплекса в целом.

Отказавшись от правового режима неделимой вещи, разработчики законопроекта не указывают, каким будет правовой режим единого недвижимого комплекса. Однако очевидно, что в отсутствие искусственно приданных ему свойств неделимой вещи он становится сложной вещью, поскольку представляет собой совокупность вещей, что соответствует требованиям ст. 134 ГК РФ. Косвенно об этом свидетельствует и предлагаемое законопроектом правило о распространении сделки, влекущей отчуждение единого недвижимого комплекса, на все объекты недвижимости, входящие в его состав.

Между тем не любая совокупность вещей является сложной вещью. Для ее возникновения необходимо

использование всей совокупности по общему назначению. Именно физическая и в большей степени технологическая связь позволяли единому недвижимому комплексу становиться больше, чем просто группой вещей, создавали систему. Разработчики законопроекта расширяют круг способов такой связи, указывая не на ее способ, а на цель – единое назначение. Такой подход также соответствует ст. 134 ГК РФ, указывающей на общую цель как на основание для формирования сложной вещи. Хотя в данном случае не совсем ясно: является ли использование отличной от ст. 134 ГК РФ терминологии – «единое назначение» вместо «общая цель» – целенаправленным, и разработчики законопроекта вкладывают в данные понятия разные значения, либо данные различия обусловлены недостаточным уровнем законодательной техники и будут устранены при дальнейшей работе над законопроектом.

Законопроект предполагает помимо внесения изменений в Гражданский кодекс РФ также изменения в Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Так, разработчики законопроекта предлагают дополнить ст. 20 данного закона нормой о специальных основаниях для отказа в государственной регистрации прав на единый недвижимый комплекс. В частности, одним из таких оснований должно стать отсутствие единого назначения между зданиями, сооружениями и земельным участком, подлежащими включению в его состав. Такой подход совершенно справедливо подчеркивает важность единого назначения как фактически единственного признака, позволяющего отграничить единый недвижимый комплекс от случайной совокупности объектов недвижимого имущества.

Вторым критерием могло бы стать включение в состав комплекса земельного участка. Однако, несмотря на отчетливо прослеживающуюся динамику – если первоначальная редакция законопроекта предусматривала право собственника недвижимого имущества включить в состав единого недвижимого комплекса земельный участок, то вторая редакция законопроекта императивно предписывает такое включение при условии, что земельный участок находится в собственности лица, которому принадлежат все здания и сооружения, расположенные на данном земельном участке, – наличие земельного участка в составе комплекса остается факультативным. При этом действующая редакция ст. 133.1 ГК РФ вообще не упоминает о связи единого недвижимого комплекса с земельным участком, на котором расположены входящие в него объекты. Подход, демонстрируемый разработчиками законопроекта, заставляет обратиться не столько к действующему законодательству, сколько к источникам более ранних версий идеи единого недвижимого комплекса, а именно к Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе, принятой на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 15 декабря 2003 г. (протокол № 18) (далее по тексту – Концепция) [2]. В Концепции предлагалось предусмотреть в законодательстве специальное регулирование в отношении такого объекта гражданских прав, как технологический имущественный комплекс. В качестве необходимых признаков указанного особого объекта гражданских прав указывалось следующие: 1) объединение различ-

ных объектов движимого и недвижимого имущества их единым хозяйственным назначением; 2) наличие в составе технологического имущественного комплекса земельного участка (прав на земельный участок), на котором расположен объект (объекты) недвижимости, входящий в имущественный комплекс.

Данное предложение опиралось на предшествующий анализ неудовлетворительного правового регулирования в отношении такого объекта гражданских прав как предприятие, и вывод о том, что предприятие – не единственный имущественный комплекс, который можно использовать в предпринимательской деятельности.

Позже от идеи технологического имущественного комплекса отказались. При этом его концепция могла быть подвергнута критике по следующим основаниям. Во-первых, требование об обязательном наличии в составе технологического имущественного комплекса земельного участка приводило к тому, что технологические имущественные комплексы, располагавшиеся на земельном участке, не принадлежавшем собственнику недвижимости на праве собственности, вряд ли можно было отнести к сложным вещам, поскольку в состав комплекса должно было войти и право на данный земельный участок. Во-вторых, с учетом того, что разработчики Концепции предлагали распространить на сделки с технологическими имущественными комплексами правила о сделках с предприятиями, возникал вопрос о разграничении данных понятий. Совершение сделок с технологическим имущественным комплексом в отрыве от прав и обязанностей, возникших в связи с его деятельностью, могло повлечь возникновение спорных ситуаций, в которых такие сделки будут рассматриваться как прикрывающие продажу предприятия.

При разработке законопроекта первое из возражений было снято указанием на то, что земельный участок входит в состав единого недвижимого комплекса лишь при совпадении собственника земельного участка и недвижимости. Что же касается второго аргумента, то пытаюсь снизить потенциальные риски, целесообразнее говорить об отказе от идеи предприятия как объекта права в нынешнем его виде, с учетом

крайней не востребованности его на практике, чем об отказе от единого недвижимого комплекса.

Предлагаемый в законопроекте правовой режим единого недвижимого комплекса гораздо менее противоречив, чем тот, который существуют в настоящее время, а также лучше соответствует потребностям гражданского оборота. Отказ от распространения на такие комплексы действия норм о неделимых вещах позволит полноценно использовать единые неделимые комплексы в гражданском обороте без повышенных затрат на государственную регистрацию, поскольку при изменении состава комплекса будет требоваться не регистрация нового объекта как в случае неделимой вещи, а лишь регистрация изменения состава комплекса. Кроме того, заслуживает поддержки то обстоятельство, что Минэкономразвития России предполагает одновременное внесение изменений как в Гражданский кодекс РФ, так и в иные законы, которые позволят сразу использовать все возможности единого недвижимого комплекса на практике в отличие от Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», который, введя в гражданский оборот новый объект гражданских прав, но не внося изменений в иные нормативно-правовые акты, заблокировал возможность практической реализации нормы ст. 133.1 ГК РФ до внесения изменений в законодательство о регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, о государственном кадастре недвижимости, земельное и градостроительное законодательство, правила ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним и во множество иных законов и подзаконных актов.

В случае, если законопроект Минэкономразвития России все же станет законом, мы сможем констатировать, что юридическая мысль спустя более чем десять лет совершила возврат к первоначальным идеям, изложенным в Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе, которые, не будучи безупречными, все же больше соответствуют тем целям, для достижения которых был создан такой объект гражданских прав, как единый недвижимый комплекс.

Литература

1. Гримм Д. Д. К учению об объектах прав // Вестник Гражданского права. 2007. № 1. С. 197 – 239.
2. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе, принятая на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 15 декабря 2003 г. (протокол № 18). Режим доступа: http://www.privlaw.ru/index.php?section_id=24.
3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части введения понятия «сложная недвижимость». Режим доступа: http://regulation.gov.ru/project/-18819.html?point=view_project&%3Bstage=2&%3Bstage_id=14993&stage=1&stage_id=6680.
4. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права / пер. с нем. Т. 1. Полут. 2. Введение и общая часть; под ред., с предисл.: Генкин Д. М., Новицкий И. Б. (Пер.). М.: Иностр. лит., 1950. 483 с.

Информация об авторе:

Дружинина Юлия Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса КемГУ, yucca@mail.ru.

Yulia F. Druzhinina – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Labour and Environmental Law and Civil Process, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 06.02.2015 г.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ
В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ*М. В. Желтов, А. С. Леонов*CONSTITUTIONAL REGULATION OF PROPERTY RIGHTS
IN THE COUNTRIES OF SOUTH AMERICA*M. V. Zheltov, A. S. Leonov*

В статье проведен анализ конституционного законодательства стран Южной Америки по вопросу закрепления и регулирования права собственности. Цель исследования заключается в анализе причин «конституционализации» экономики южноамериканского «кейса», что является актуальным для Российской Федерации, которая также радикально изменила свой подход к конституционному регулированию института собственности за последние десятилетия. В статье сделан вывод о том, что конституционное регулирование института собственности в странах Южной Америки на сегодняшний день развивается в двух противоположных направлениях.

The paper analyzes the constitutional laws of the countries of South America on the fixing and regulation of property rights. The purpose of the study is to analyze the causes of “constitutionalization” of the economy of the South American “case” which is relevant for the Russian Federation that has also radically changed its approach to the constitutional regulation of the institution of property over the past decade. The authors conclude that the constitutional regulation of the institution of property in South America today is developing in two opposite directions.

Ключевые слова: собственность, конституционное регулирование права собственности, страны Латинской Америки.

Keywords: property, constitutional regulation of property rights in Latin America.

Появление конституционно-правового регулирования отношений собственности стало одним из существенных результатов эволюции конституционного права в XX веке. Фактически до Первой мировой войны всё конституционное регулирование данного права состояло в формальном провозглашении права частной собственности. Однако позднее под влиянием двух мировых войн и глобальных мировых экономических кризисов существенно вырос уровень вмешательства государства в сферу экономики, в том числе и в отношения, связанные с правом собственности. Это повлекло появление намного более подробного регулирования данных отношений, в том числе и на конституционном уровне. В данном случае весьма характерен пример стран Южной Америки, которые во второй половине прошлого столетия стали весьма активно пытаться влиять на отношения собственности с помощью норм конституционного права. И это не случайно. Как справедливо отмечает известный исследователь данного региона Хорхе И. Домингес, определяющая роль государства в экономике — это «принципиальная черта, общая для всей Латинской Америки, начиная с тридцатых годов XX века» [1, с. 130]. Ещё одной причиной «конституционализации» экономики была радикальная социально-экономическая трансформация данной группы стран в этот период времени, сопровождавшаяся частой сменой режимов очень разной политической ориентации и совершенно противоположным отношением к институту собственности. В этом смысле рассмотрение южноамериканского «кейса» является весьма актуальным для России, также радикально изменившей свой подход к конституционному регулированию института собственности за последние десятилетия. Сразу отметим, что в данной работе мы не рассматриваем вопрос о частной собственности на землю, по-

скольку данная важная для Южной Америки тема должна стать предметом отдельного исследования.

Прежде всего, следует отметить, что для стран Южной Америки характерна очень большая «текучесть» конституционного процесса. Во многом это связано с большим количеством военных переворотов (в прошлом), приводившим к принятию новых конституций, частому изменению старых, а также с радикальным изменением политического климата в Южной Америке за последние пятнадцать лет. Одним из ярчайших проявлений этого изменения стал почти повсеместный рост популярности левых социалистических идей и резкое падение значимости традиционных концепций либеральной рыночной экономики. Этот процесс начался с прихода к власти в Венесуэле Уго Чавеса, и к началу текущего десятилетия он, кроме Венесуэлы, охватил Эквадор, Боливию, Уругвай, Аргентину, Бразилию и Перу (последние две страны, впрочем, с оговорками). Несколько в стороне от процесса остались лишь Колумбия и Чили. В данной статье мы рассмотрим как традиционное конституционное регулирование права собственности, так и те новации, которые появились в результате дуновения «левого ветра» над Южной Америкой, особенно проявившегося в Боливарианской Конституции Венесуэлы 1999 г. [2].

В качестве примера «классического» регулирования права собственности можно привести положения конституций Колумбии, Чили, Уругвая, Аргентины и Бразилии, для которых в основном характерен традиционный для второй половины XX века подход к отношениям собственности. В рамках данного подхода можно выделить несколько основных элементов.

Во-первых, все указанные конституции, безусловно, признают право собственности. Так, например, статья 30 Конституции Колумбии [3] гарантирует

право частной собственности «и другие права приобретённые на должном основании». При этом, впрочем, говорится о приоритете общественных и государственных интересов над частными, если есть наличие в конкретном случае государственной пользы. Подобные положения содержатся и в Конституции Чили, так, в пункте 23 статьи 19 содержится гарантия свободы владения любой собственностью, за исключением тех объектов, которые находятся в общем пользовании или могут принадлежать только Нации [4]. Подобные формулировки используются и в статье 32 Конституции Уругвая [5]. Наличие данных положений обусловлено тем, что невозможно себе представить полный отказ от права частной собственности на современном уровне развития общества. Следует также отметить, что в отличие от России, ни в одной из стран Южной Америки данное право не отменялось на протяжении всей их истории.

Во-вторых, практически все рассматриваемые конституции исходят из функционалистской концепции права собственности, впервые изложенной в своё время немецкими юристами. В конституциях подчеркивается социальный характер собственности. Очень показательным в этом смысле является положение статьи 30 Колумбийской конституции о том, что собственность «является социальной функцией и предполагает обязательства». Схожее регулирование содержится и в статье 58 Конституции Перу 1993 г., где говорится о том, что частная предпринимательская инициатива реализуется в рамках социальной рыночной экономики под контролем государства [6]. Социальный характер конституции также ярко выражен и в статье 32, где говорится о том, что государство «может в силу закона вмешиваться в развитие... частной промышленности и в деятельность... частных предприятий в целях рационализации производства, распределения и потребления ресурсов или для оказания трудящемуся справедливой защиты на которую он имеет право». Подобные положения содержатся в пункте 23 статьи 5 Конституции Бразилии 1988 г. [7]. Ещё более подробно данный вопрос освещен в Конституции Чили, где пункт 24 статьи 19 говорит о том, что собой представляет данная социальная функция. Осуществление данной функции включает учёт «интересов государства, его безопасности, публичных нужд, здоровья и интересов сохранения природного наследия». На сегодняшний день ни одна из южноамериканских стран не рассматривает право частной собственности как абсолютное неограниченное право, как это было принято в XIX веке.

В-третьих, признание права собственности социальным по своей природе означает возможность его ограничения. Именно поэтому конституции всех стран Южной Америки указывают на возможность и условия ограничения права собственности. При этом правовое регулирование данного вопроса в большинстве стран является примерно одинаковым. В частности, статья 30 Конституции Колумбии указывает на то, что собственность может подлежать изъятию, но только в интересах общества и с обязательным возмещением. Следует отметить, что во всех странах из этой группы возмещение всегда должно быть предварительным. Подобные положения содержатся и в ста-

тье 17 Конституции Аргентины [8], в пункте 24 статьи 5 Конституции Бразилии и в ст. 32 Конституции Уругвая. Единственным исключением является Конституция Колумбии, которая в определенных случаях допускает возможность изъятия собственности и без возмещения, но только по специальному разрешению парламента. Наиболее подробно данный вопрос рассмотрен в Конституции Чили. И это неудивительно. Конституция Чили писалась в годы правления А. Пиночета, для которого защита прав собственников была важнейшим приоритетом. Так, в Конституции Чили предусмотрено, что изъятие собственности вообще возможно только в исключительных случаях и на основании закона, принятого парламентом. Само изъятие возможно только в публичных интересах с обязательной предварительной компенсацией. При этом размер компенсации определяется соглашением сторон либо, если стороны не достигли соглашения, судом. Кроме того, Конституция говорит, что в случае судебного решения о компенсации она выплачивается суммой наличными (пункт 24 статьи 19). Столь подробное регулирование данного вопроса вызвано тем, что, как отмечают исследователи, «важнейший институциональный недостаток, характерный практически для всех латиноамериканских государств, – это пренебрежение принципом верховенства закона». Особенно это касалось имущественных прав. В блестящей работе Эрнандо де Сото «Тайна капитала: почему капитализм победил на Западе и больше нигде» приведена масса примеров того, как произвольные нарушения прав собственников препятствуют экономическому и политическому развитию стран Южной Америки [12, с. 131].

В-четвертых, проблема защиты имущественных прав вызвала появление во многих южноамериканских конституциях положений о запрете применения такой меры наказания, как конфискация имущества. Её запрет вынесен непосредственно на конституционный уровень. Проблема конфискации имущества по политическим или экономическим соображениям всегда была актуальна для Латинской Америки. В её истории было немало примеров подобных изъятий. Наиболее ярким, конечно, является практика изъятия властями собственности в Мексике в период так называемого «порфириато» (правление президента Порфирио Диаса в 1876 – 1911 гг.). На сегодняшний день запрет конфискации содержится в конституциях Эквадора (статья 322) [9], Чили (статья 19) и других стран.

В-пятых, очень характерным для многих южноамериканских конституций является наличие положений, направленных на недопущение монополизма в экономической деятельности. Данная проблема всегда остро стояла в Южной Америке, где со времен колониального правления существовала практика создания монополий в отдельных секторах экономики, которая была в значительной степени заимствована диктаторскими режимами на протяжении последних двух столетий. Именно в этом причина, почему законодатель стремится к борьбе с монополиями даже на конституционном уровне. Статья 31 Конституции Колумбии прямо говорит, что установление монополии на определенный вид экономической деятельности

возможно только в чрезвычайных случаях и на основании закона. В частности, оговорки касаются систем связи. О необходимости борьбы с монополизмом говорит и статья 42 Конституции Аргентины. В статье 61 Конституции Перу говорится о поддержке конкуренции и прямо указывается на запрет создания любых монополий.

В-шестых, особо хотелось бы отметить, что большинство современных конституций стран Южной Америки содержат положения о защите авторских прав. Данная тенденция вообще очень характерна для мирового конституционного развития конца прошлого столетия. В частности, статья 35 Конституции Колумбии, пункт 25 статьи 19 Конституции Чили, статья 17 Конституции Аргентины, пункт 8 статьи 2 Конституции Перу, пункт 27 статьи 5 Конституции Бразилии и статья 322 Конституции Эквадора прямо гарантируют защиту авторских прав. При этом в чилийской и бразильской конституциях специально говорится ещё и о гарантиях патентных прав.

В-седьмых, нельзя не сказать и о том, что некоторые конституции анализируемого региона устанавливают перечень объектов, изъятых из гражданского оборота. Прежде всего, речь идет о монополии государства в отношении полезных ископаемых, в частности нефти. Например, Конституция Венесуэлы провозглашает монополию государства в данной сфере (статья 12). В Боливии же все природные ресурсы являются исключительной собственностью государства (статья 309) [10].

Все то, что было сказано до этого, является характеристикой «классической» модели регулирования права собственности в конституционном законодательстве стран Южной Америки. Однако в последние 15 лет в связи с резким поворотом влево многих стран региона правовое регулирование прав собственности стало существенно пересматриваться в сторону левого радикализма. Начало этому процессу, безусловно, положила Боливарианская Конституция Венесуэлы У. Чавеса, принятая в 1999 г. Уже в ней были заложены элементы новой модели правового регулирования права собственности.

Прежде всего, при общем признании права собственности появились элементы, ранее не характерные для стран Южной Америки. Например, в статье 115 Конституции говорится о возмещении стоимости собственности собственнику в случае изъятия, но уже не в предварительном порядке, а «своевременно». Ещё более показательной является следующая статья 116, где говорится о невозможности конфискации собственности, «за исключением случаев конфискации собственности лиц, имущество которых было получено обманным путем без разрешения публичной власти или имущество, которых было приобретено в результате торговой, финансовой или любой другой деятельности связанной с вредоносным использованием психотропных или наркотических веществ». Если ещё учесть конституционную криминализацию «спекуляций» (статья 114), то отношение к правам собственности в Венесуэле станет весьма понятным. Показательным моментом чисто идеологического плана является содержащееся в конституции осуждение крупной земельной собственности (латифундиз-

ма). Кроме того, предусмотрено введение специального налога в отношении пустующих земель (ст. 307), и в ней же говорится о возможности их изъятия.

Радикальный разворот в сторону построения «боливарианского социализма», начатый У. Чавесом, был подхвачен его сторонниками. Вслед за Венесуэлой пошел Эквадор с Конституцией 2008 г., принятой по инициативе Президента Р. Корреа. Следует сказать, что эквадорская конституция даже текстуально похожа на венесуэльскую, причиной чего является общность идеологии. Однако эквадорская конституция в вопросе регулирования права собственности пошла дальше конституции северного соседа. В ней, конечно, закреплено право собственности, которое тоже носит социальный характер (пункт 26 статьи 66). В то же время в конституции четко выражен приоритет государственных интересов в вопросах собственности. В частности, резервируется исключительное право собственности государства в различных секторах экономики. Речь идет о нефтяной и газовой промышленности, энергетике, сфере радио и телекоммуникаций и всем, что связано с «невозобновляемыми» природными ресурсами (статья 313). Говорится в конституции и о возможности изъятия собственности (ст. 323), но основания такого изъятия носят крайне размытый характер. Оно возможно «в целях выполнения планов социального развития, устойчивого управления окружающей средой и обеспечения общественного благосостояния». Безусловно, подобные формулировки могут оправдать любой случай произвольного изъятия собственности. Что же касается компенсации собственникам, то конституция просто говорит о её существовании и что её порядок устанавливается специальным законом. Также по примеру Венесуэлы эквадорская конституция прямо говорит о контроле государства в сфере торговли и борьбе со «спекуляцией» (статья 335).

Наконец, последней в ряду подобных «боливарианских» конституций стала Конституция многонационального государства Боливии 2009 г., принятие которой было инициировано Президентом Э. Моралесом. Данная конституция пошла значительно дальше своих предшественников и вообще мало похожа на традиционные конституции, поскольку в большей степени является политико-идеологическим манифестом, нежели правовым актом. Она могла бы стать предметом отдельного анализа, но в нашей работе мы затронем лишь те аспекты, которые связаны с вопросами собственности.

Безусловно, конституция провозглашает право частной собственности (ст. 56), но в весьма специфической форме. Кроме того, что подчеркивается социальный характер собственности, говорится и том, что её использование не должно противоречить «коллективным интересам». В конституции провозглашается монополия государства на все природные ресурсы (статья 309). Конституция запрещает создание монополий, но только частного характера, допуская их создание государством (статья 314). По примеру Венесуэлы конституция осуждает «латифундизм» и прямо говорит о необходимости безвозмездного изъятия излишков земли (ст. 398, 399). Более того, конституция прямо установила максимальный предел зе-

мельного участка – 5000 гектар. Кроме того, прямо провозглашается право государства вмешиваться в хозяйственную деятельность всех предприятий. По сути, идеология конституции не в очень большой степени совместима с институтом частной собственности.

В итоге можно сказать, что отношение к институту частной собственности в указанных странах даже на конституционном уровне изменилось не в лучшую сторону. Результаты не заставили себя ждать. Достаточно посмотреть на ту экономическую катастрофу, которую сейчас переживает Венесуэла. Как справедливо отмечает Ф. Фукуяма, в этих странах «политики популистского толка заняты тем, что консолидируют исполнительную власть, разрушают демократические институты, поворачивают вспять либерализацию в

экономике и проводят социальную политику, которая пользуется широкой поддержкой беднейших слоев населения, но которая этого не заслуживает с точки зрения последствий в отдаленной перспективе» [11, с. 448 – 449].

Подводя итог, следует отметить, что конституционное регулирование института собственности в Южной Америке на сегодняшний день развивается в двух противоположных направлениях. Одна группа стран исходит из необходимости твердой защиты прав собственников и самого института собственности. Другая группа стран, находясь в фарватере идей социализма, стремится к ограничению права частной собственности и к резкому усилению вмешательства государства в экономику. Будущее покажет, какая из этих тенденций станет преобладающей на континенте.

Литература

1. Домингес Хорхе И. Причины замедленного развития Латинской Америки во второй половине XX века: стратегии роста, неравенство и экономические кризисы // Фукуяма Ф. Отставание. М., 2012. 480 с.
2. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла. Принята 30 декабря 1999 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/venesuela/gosud>
3. Конституция Республики Колумбии от 4 июля 1991 года. Режим доступа: www.constitution.ru/p=900
4. Конституция Республики Чили. Принята 11 сентября 1980 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/chili/gosud>
5. Конституция Восточной Республики Уругвай. Утверждена 26 октября 1951 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/urugvaii/gosud>
6. Конституция Республики Перу. Принята 31 октября 1993 г. Режим доступа: www.worldconstitutions.ru/p=534
7. Конституция Федеративной Республики Бразилия. Принята на общенациональном референдуме 18 сентября 2011 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/brazilia/gosud>
8. Конституция Аргентинской Республики. Принята Генеральным Конституционным Конгрессом 1 мая 1853 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/argentina/gosud> http://www.sitiosargentina.com.ar/2/CONSTITUCION_NACIONAL_ARGENTINA.htm
9. Конституция Многонационального Государства Боливия. Промульгирована 17 ноября 1947 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/boliviya/gosud>
10. Конституция Республики Эквадор. Принята на референдуме 28 сентября 2008 г. Режим доступа: www.pdba.georgetown.edu
11. Фукуяма Ф. Отставание. М., 2012. 480 с.
12. Hernando de Soto. The mystery of capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere. London, 2000. 288 с.

Информация об авторах:

Желтов Максим Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и административного права КемГУ, riupare@mail.ru.

Maxim V. Zheltov – Doctor of Sociology, Professor at the Department of Public and Administrative Law, Kemerovo State University.

Леонов Александр Сергеевич – старший преподаватель кафедры гражданского права КемГУ? 6158160@gmail.com.

Alexander S. Leonov – Senior Lecturer at the Department of Civil Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 26.03.2015 г.

УДК 34:94(470) "1960/1980"

БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ В РОССИИ В 60 – 80-е гг. XX ВЕКА

В. Н. Казьмин, М. В. Казьмина

THE FIGHT AGAINST DISSENT IN RUSSIA IN THE 1960S – 1980S

V. N. Kazmin, M. V. Kazmina

В статье определены основные предпосылки возникновения инакомыслия, рассматриваются формы борьбы государства с ним. Раскрыто содержание и последствия уголовных процессов над диссидентами в различных регионах страны. Определены особенности инакомыслия в регионах Западной Сибири: латентные формы; небольшой круг участников, состоящий из преподавателей и студентов вузов; влияние правозащитников из центральных городов России. Результатом противостояния власти и диссидентов стало подавление инакомыслия в центре и регионах России в начале 1980-х гг. Идеология и формы борьбы различных течений диссидентов будут востребованы с началом политики перестройки.

The paper defines the main conditions of development of dissent and focuses on the forms of the state's fight against it. The content and consequences of criminal proceedings against dissidents in various regions of the country are revealed. The features of dissent in the regions of Western Siberia are: a latent form; a small circle of participants consisting of teachers and students; the influence of human rights defenders from Central regions of Russia. The result of the confrontation between the authorities and dissidents was the suppression of dissent in the center and the regions of Russia in the early 1980s, the ideology and forms of struggle of the various sects of dissenters will be in demand with the beginning of perestroika.

Ключевые слова: инакомыслие, формы протеста, власть, уголовный кодекс, суд.

Keywords: dissent, protest forms, power, criminal code, court.

В конце 50-х – начале 60-х годов XX века в стране начали возникать предпосылки для ограниченной демократизации и гласности. Появляется бесцензурная печать («самиздат»), где публикуются ранее запрещенные литературные произведения. В некоторых регионах оформляются кружки и группы советских граждан, критикующих положение дел в стране. Однако с приходом к власти команды Л. И. Брежнева ситуация меняется. Начинается усиление репрессий против инакомыслящих (политика «ресталинизации»).

Мнение о том, что началась политика «ресталинизации», связывают с началом судебного процесса над литераторами А. Синявским и Ю. Даниэлем, публиковавшими свои произведения за рубежом. Им было предъявлено обвинение по статье 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв или ослабление советской власти». Оба обвиняемых признали, что их публикации вышли за границы. В феврале 1966 г. Верховный суд РСФСР приговорил А. Синявского к 7, а Ю. Даниэля – к 5 годам лишения свободы [1, л. 9].

Из результатов процесса обычно делается и вывод о начале политики «ресталинизации». Это не совсем так. Следует согласиться с точкой зрения специалиста по правозащитному движению А. Ю. Даниэля (сына Ю. Даниэля), который пришел к другому выводу. Он считает, что новая власть, наоборот, начинает проводить более либеральную политику в отношении творческой интеллигенции, не желает с ней ссориться (нет грубых хрущевских выпадов; до лета 1965 года не было ни одного арестованного по политическим мотивам; на свободу выходят сотни критиков Н. С. Хрущева) [7, с. 232].

Эту тенденцию подтверждают и региональные примеры. Так, в январе 1965 г. решением Президиума Верховного суда РСФСР освобождается из лагеря омский литератор Б. Ф. Леонов, осужденный в 1958 г. за «антисоветские публикации и высказывания». Его взгляды и высказывания признавались политически

ошибочными, но не содержащими состава преступления [14, с. 273].

Результат политического процесса над А. Синявским и Ю. Даниэлем – своеобразное политическое послание новой власти интеллигенции о том, что репрессии будут применяться только в отношении явных «антисоветчиков». Шельмования интеллигенции, как это было при Н. С. Хрущеве, не будет. Но и интеллигенция не должна выходить за рамки установленных властью правил и норм. Отсюда и определенная гласность и открытость процесса над А. Синявским и Ю. Даниэлем [7, с. 232].

Однако события пошли не по сценарию, написанному властями. Часть интеллигенции и московского студенчества отнеслась к суду над А. Синявским и Ю. Даниэлем как к посягательству на права человека, на советскую Конституцию.

Именно с акций в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля начинается организованное правозащитное движение. 5 декабря 1965 г. (в день принятия Конституции СССР 1936 г.) на Пушкинской площади в Москве проводится митинг под лозунгами гласности суда и уважения Конституции СССР. Формой протеста являлись и письма в защиту подсудимых. В органы власти направляется несколько десятков писем с подписями [18, с. 19].

Как видим, компромисс не состоялся. Незначительные уступки власти были восприняты частью интеллигенции как определенный стимул для организации протестных (мирных, легальных) действий. Власть увидела в этом опасность для себя. В сентябре 1966 г. в Уголовный кодекс РСФСР вносятся дополнения в статьи 190-1 и 190-3. Статья 190-1 УК РСФСР звучала следующим образом: «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной фор-

ме произведений такого же содержания». Санкция – до 3 лет лишения свободы.

В статье 190-3 УК РСФСР утверждалось: «Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти или повлекших нарушения работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий». Санкция – до 3 лет лагерей [10, с. 546].

Данные уточнения дополняли принятую в 1961 г. статью 70 УК РСФСР, в которой говорилось: «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания – наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время – наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки» [3, с. 272].

Эта статья и новые дополнения в УК РСФСР явно противоречили конституционным правам советских граждан. Ситуация во взаимоотношениях официальных структур с правозащитниками усугубилась в 1968 г. В январе 1968 г. начинается новый процесс над «самиздатчиками» А. Гинзбургом, Ю. Галансковым, А. Добровольским, В. Лашковой, которые опубликовали за границей документальный сборник о процессе над А. Синявским и Ю. Даниэлем («Белая книга»).

Речь на процессе шла не просто о публикации книги за границей, а о связи арестованных с зарубежными антисоветскими организациями. В ходе его совершается значимый поступок, определивший дальнейшую стратегию и тактику правозащитников – обращение двух диссидентов – П. Литвинова (внук наркома иностранных дел в сталинский период) и Л. Богораз (жена Ю. Даниэля) – к иностранным корреспондентам по поводу нарушений прав человека. Оно распространяется за рубежом [7, с. 236].

Однако и действия власти были не столь примитивны в сравнении с предшествующими временами. Так, в отношении А. Синявского на заседании Политбюро ЦК КПСС от 19 мая 1971 г. принимается решение о помиловании и освобождении его из мест заключения (ранее был освобожден Ю. Даниэль). Это было связано не столько с проявлением гуманности по отношению к ним, а с тем, что они уже не представляли для власти существенной опасности. Факты публикации произведений за границей литературных произведений к 1971 г. стали обыденным явлением. На первый план выходила борьба с распространением «самиздата» и инакомыслия внутри страны.

В 1971 г. в средствах массовой информации западных стран появляется информация о «расширении рядов политической оппозиции в СССР на базе недо-

вольства существующей политикой». Ведущая роль в противостоянии власти отводилась А. Солженицыну, А. Сахарову, П. Якиру.

Влиятельными участниками движения считались, по мнению западных журналистов, Ж. и Р. Медведевы, А. Амальрик, В. Буковский, П. Григоренко, А. Марченко, М. Растропович, В. Чалидзе, В. Турчин, П. Капица [12, л. 46]. Следует отметить, что именно московское ядро инакомыслящих играло ведущую роль по отношению к его участникам из других городов страны.

Инакомыслие, пусть и в своеобразных формах, проявлялось и в регионах. Его отличительная черта – латентные формы, неконформизм. Самодетельная политическая жизнь, в том числе и Западной Сибири, строилась на распространении доставленной из Москвы самиздатовской литературы и предоставлении информации о нарушениях прав в регионах. Данные спецслужб содержат информацию об активной позиции студенчества и преподавателей в городах Томске, Новосибирске.

В Западной Сибири центром инакомыслия был Академгородок в Новосибирске. Известный сибирский историк В. Л. Соскин вспоминает об атмосфере свободы в Академическом городке в Новосибирске. «Помню, как по ночам, допустим, идешь и несешь за пазухой перефотографированные солженицынские книги, которые дали прочитать» [9, с. 424].

Профессор Томского госуниверситета Б. Г. Могилянский также отмечает, что в 1970-е гг. обсуждал с коллегами проблемы альтернативности развития в истории, Октябрьской революции и события в Венгрии и Чехословакии [9, с. 416].

Существенным в распространении инакомыслия в Западной Сибири являлся фактор ссылки сюда правозащитников из центральных городов. Например, в 1970-е гг. ссылку в Тюменской области отбывал Б. Б. Вайль – за распространение самиздата; в Омской области – М. М. Молоствов. Находясь в ссылке, они продолжали получать самиздатовскую литературу и информацию о положении дел в диссидентстве и делились сведениями с местными вольнодумцами (Б. Ф. Леоновым и др.) [14, с. 279]. В Алтайском крае на административном поселении находился известный украинский правозащитник М. Руденко. В Томской области – О. Радзинский [2, с. 5, 29]. Влияние самиздатовской литературы, в силу узкого круга её распространения, не следует преуменьшать. Необходимо учитывать и такой важный фактор – многие её материалы зачитывались по зарубежным радиостанциям, работавшим на страну. «Зарубежные голоса» слушала и определенная часть интеллигенции.

К 1971 г. проявление инакомыслия стало относительно заметным явлением. По данным КГБ СССР было выявлено и «профилировано» около 527 групп и 2304 участника.

«Политически вредные группировки» существовали в Ленинграде, Свердловске, Туле, Владимире, Омске, Казани, Тюмени. По подсчетам историка С. Г. Сизова в Омской области по политическим статьям в 1970 – 1980-е гг. было арестовано более 30 человек. Пик арестов был достигнут в 1971 – 1975 гг. – 24 человека. Правда, большинство арестованных являлись религиозными диссидентами [15, с. 69].

В целом по РСФСР по политическим статьям, по мнению авторов данной публикации, было осуждено в 1971 – 1975 гг. 803 человека. По статьям (70 и 190-1 УК РСФСР) в этот период в среднем ежегодно осуждалось 160 граждан.

В октябре 1972 г. Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов и Генеральный Прокурор СССР Р. Руденко предложили новый способ борьбы с инакомыслием. В своей докладной записке в ЦК КПСС они писали: «В целях усиления предупредительного воздействия на лиц, пытающихся встать на путь совершения особо опасных преступлений, а также более решительного пресечения нежелательных проявлений со стороны антиобщественных элементов, считали бы целесообразным разрешить органам КГБ делать в необходимых случаях официальные письменные предупреждения от имени органов власти с требованием прекращения проводимой ими политически вредной деятельности и разъяснения последствий, которые может повлечь за собой её продолжение.

На наш взгляд, это существенно повысило бы моральную ответственность профилактируемых, а в случае совершения ими криминальных действий и привлечения к уголовной ответственности имело бы значение для оценки личности преступника органами предварительного следствия и суда» [13, л. 2].

Данное предложение рассматривается на заседании Политбюро ЦК КПСС 16 ноября 1972 г. и одобряется проект Указа Верховного Совета СССР «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия». В нем говорилось, что для объявления предостережения лицо вызывается органом государственной безопасности, а в случае неявки может быть подвергнуто приводу. Если лицо совершит преступление, наносящее ущерб интересам государственной безопасности, протокол о сделанном ему предупреждении приобщается к уголовному делу [13, л. 4].

Термин «профилактика» займет основное место в отчетах КГБ и его отделений в регионах страны, что не означало прекращения прежних форм уголовного преследования. По-прежнему статьи 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и 190-1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй) будут использоваться в борьбе с инакомыслием.

За период 1971 – 1985 гг. по статье 190-1 (введена в сентябре 1966 г.) и статье 70 УК РСФСР было осуждено 1690 человек (в среднем 112,6 в год). Например, в предшествующий период (1958 – 1966 гг.) число осужденных составляло за антисоветскую агитацию и пропаганду – 3448 человек (в среднем 312 в год). Причем в 1958 г. (период оттепели) по политической статье осуждено 1416 человек [3, с. 93]. То есть степень репрессивной политики в период «оттепели» была гораздо выше.

О борьбе с инакомыслием в период хрущевской оттепели свидетельствуют и документы в регионах. В книге «Томские заморозки в период хрущевской оттепели» содержатся материалы судебных дел о борьбе с инакомыслием среди преподавателей вузов Томска. Так, в антисоветской агитации и пропаганде, содержащей призыв к «подрыву и свержению Советской вла-

сти», необоснованно обвиняется старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Томского государственного педагогического института Э. Г. Юдин (выдающийся философ, один из основателей методологии системных исследований). Судебная коллегия Томского областного суда приговорит его к лишению свободы на 10 лет [16, с. 215]. И это не единичный пример, приведенный в данном сборнике документов.

В 1970-е гг. тактика в борьбе с инакомыслием принципиально меняется. Упор делается на предупредительно-профилактическую работу. За 1971 – 1974 гг. было профилактировано 63108 человек и пресечена на стадии формирования деятельность 1839 антисоветских групп. Меры профилактики, по словам Ю. В. Андропова, продолжают оставаться основными в работе органов [3, с. 93].

По данным министерства юстиции численность осужденных по политическим мотивам в 1976 – 1979 гг. (период разрядки) составляла 110 – 170 человек в год. Причем по диссидентским статьям – не более 70 человек. Основное внимание уделялось «профилактированию». Исследователи диссидентского движения считают, что соотношение возбужденных уголовных дел и «профилактирования» соотносится 5 : 95 [7, с. 253].

Подобная тенденция наблюдалась и в Западной Сибири. В Новосибирской области в докладных записках областного прокурора П. А. Погребняка в Прокуратуру СССР о работе по осуществлению надзора в следственных органах госбезопасности за 1977 – 1978 гг. отмечалось, что дел по антисоветской деятельности не возбуждалось. В это время УКГБ в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении предостережения в качестве профилактики» было сделано 6 предостережений [6, л. 2].

В 1977 г. профилактические предупреждения получили А. Г. Евтюхин, 1955 года рождения, член ВЛКСМ, студент института народного хозяйства, и П. В. Цветков, 1955 года рождения, регулировщик завода «Точмаш» Новосибирска. «Они совместно с П. И. Романовым, 1955 года рождения создали «организацию», чтобы бороться с имеющими недостатками в государстве, в том числе с пьянством. Стремилась привлечь в организацию новых членов. Изготовили 600 листовок. Распространили 60 листовок с идейно вредным материалом» [5, л. 31].

В декабре 1977 г. предостережение получили И. П. Беломестный, 1919 года рождения, беспартийный, и А. А. Муравьев – заправщики Новосибирского авиапредприятия. Они совершали «клеветнические высказывания, порочащие государственный строй СССР, политику КПСС, Конституцию СССР и пытались обработать отдельных рабочих предприятия» [5, л. 32].

В 1978 г. предупреждение выносятся М. Ю. Тихонову, 1958 г. рождения, члену ВЛКСМ, студенту Новосибирского инженерно-строительного института, и преподавателю физической подготовки средней школы села Вьюны Колыванского района В. В. Гатальскому в связи с изготовлением и распространением 7 ноября 1977 г. листовок «политически вредного содержания» [6, л. 2].

Наряду с профилактикой органы используют и другие меры. К ним Ю. В. Андропов относит компрометацию авторитетных правозащитников, лишение некоторых лиц советского гражданства и высылку их за границу, разрешение выезда многим «экстремистам» из СССР в Израиль.

Ю. В. Андропов заявляет, что в данный момент полностью отказаться от уголовного преследования лиц, выступающих против советской власти, невозможно. Это повлекло бы за собой увеличение особо опасных государственных преступлений и антиобщественных проявлений.

Он считает, что деятельность диссидентов, которая сначала ограничивается антисоветской пропагандой, в ряде случаев принимала опасные формы (террор, подполье с целью свержения советской власти, связь с зарубежными спецслужбами, шпионаж).

КГБ СССР определил линию своего поведения следующим образом «...разумное сочетание профилактических и других оперативно-чекистских мер с мерами уголовного преследования в тех случаях, когда это необходимо» [3, с. 94].

По итогам работы КГБ СССР в 1982 г. его руководитель В. Чебриков докладывал, что «...завершено разложение пытавшихся действовать в СССР так называемых «русской секции международной амнистии», «хельсинских групп» и некоторых других подобных группирований; 17 наиболее активных их

участников привлечены к уголовной ответственности» [3, с. 256].

Власти в конце 1970-х – начале 1980-х гг. удалось подавить основные центры инакомыслия. Следующий удар наносился по их связям с регионами. В 1982 г. серия арестов происходит в Томске. Начинается процесс по «Томскому делу». 1 февраля 1982 г. у начальника Томского филиала Центральной Сибирской научно-исследовательской лаборатории криминалистики А. А. Чернышова проводится обыск и изымается самиздатская литература, инструмент для переплетных работ, охотничье ружье. Чернышова арестовали и предъявили обвинение по статьям 190-1, 162 (занятие запрещенным промыслом), 218 УК РСФСР (незаконное хранение оружия) [17]. В результате судебного разбирательства по данному делу Чернышов был приговорен к 3,5 годам лагерей. Преследованию подверглись и другие участники, проходившие по этому делу [8, с. 413].

Таким образом, в 60 – 80-е гг. XX века инакомыслие, протесты отдельных граждан подавляются органами госбезопасности, но идейные сомнения вносятся в различные слои советского общества. Они неизбежно должны были проявиться в более благоприятных политических условиях. Эти условия начнут формироваться с приходом к власти в марте 1985 г. М. С. Горбачева и объявлением политики перестройки. Начиналась новая фаза идейного противостояния.

Литература

1. Архив Самиздата (АС). Собрание документов самиздата. Т. 9. Док. 667.
2. Вестник из СССР. Т. 2. Вып. 23/24. Нью-Йорк, 1983.
3. Власть и диссиденты. Документы и материалы КГБ и ЦК КПСС. М., 2006.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-435. Оп. 1. Д. 76.
5. ГАО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 476.
6. ГАО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 498.
7. Даниэль А. Ю. Диссидентская активность и правозащитное движение в послесталинскую эпоху // История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР. М., 2002.
8. Каменный мост. Томск, 2005.
9. Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск, 2006.
10. Погружение в трясину (Анатомия застоя) / Сост. и общ. ред. Т. А. Ноткиной. М.: Прогресс, 1991.
11. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. ПЕР. 25. Д. 13.
12. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 98.
13. РГАНИ. Ф. 89. ПЕР. 25. Д. 41.
14. Сизов С. Г. XX век – не для камина. Омск, 2009.
15. Сизов С. Г. Судебные процессы по политическим статьям в Омской области (1964 – 1987) // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 2. Томск, 1998.
16. Томские заморозки хрущевской оттепели. Томск, 2010.
17. Томский вестник. 1991. 19 марта.
18. Цена метафоры или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1990.

Информация об авторах:

Казьмин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета КемГУ, 31 -08-63.

Vladimir N. Kazmin – Doctor of History, Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Казьмина Маргарита Васильевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 31-08-63, Rita-KMV@yandex.ru.

Margarita V. Kazmina – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 19.02.2015 г.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА*М. В. Кондратьев, Р. Г. Дранезо*ON THE RELEVANCE OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY AT THE PRESENT STAGE
OF THE STATE DEVELOPMENT*M. V. Kondratiev, R. G. Drapezo*

В настоящей статье авторами ведутся научно-практические рассуждения об эффективности, значимости и необходимости актуализации оперативно-розыскной деятельности как науки и одного из видов государственной правоохранительной деятельности на современном этапе развития человечества. Авторы обосновывают выводы, что данный вид легитимной деятельности является неотъемлемым средством борьбы с преступными проявлениями в нашей стране.

The paper discusses the effectiveness, relevance and necessity of updating the operational and investigative activities as a science and one of the types of state law enforcement at the present stage of social development. The authors justify the conclusion that this type of legitimate activity is an essential tool in the fight against criminal manifestations in our country.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, сыскная деятельность, правоохранительная деятельность, оперативно-розыскные силы, средства и методы, борьба с преступностью.

Keywords: operational investigative activity, search activities, fight against crime, detection, prevention, suppression and solution of crimes.

Специфический вид сыскной, имеющей разведывательный и конспиративный характер, деятельности зародился еще в древние времена. Так, древнекитайский философ, последователь Конфуция Сунь-цзы в своих трактатах выделял пять видов шпионов: шпионов местных, шпионов внутренних, шпионов обратных, шпионов смерти и шпионов жизни. Местных шпионов вербуют из местных жителей страны противника и пользуются ими; внутренних шпионов вербуют из его чиновников и пользуются ими; обратных шпионов вербуют из шпионов противника и пользуются ими. Когда пускают в ход что-либо обманное, то дают знать об этом своим шпионам, а они передают это противнику. Такие шпионы будут шпионами смерти. Шпионы жизни – это те, кто возвращается с донесением [17, с. 72 – 73].

В XVIII веке н. э. итальянский просветитель, юрист и публицист Чезаре Беккариа выделял тайные обвинения, под которыми понимал очевидные, но оскверненные обычаям правонарушения, которые у многих народов стали даже потребностью по причине слабости их государственного устройства. Мотивами оправдания таких обвинений он называл общественное благо, государственную безопасность и укрепление существующего образа правления [2, с. 116].

«Сыскная – розыскная» деятельность исстари сопутствует правосудию на всём протяжении его истории. Именно в её функции входило раскрытие преступлений, установление и розыск виновных, подлежащих затем передаче органам судебной власти. Поэтому даже самому демократическому и преуспевающему государству невозможно было обойтись без использования специальных знаний, умений, навыков в противостоянии преступности и для борьбы с ней, в том числе негласного характера.

История становления сыскной деятельности в российском государстве берёт своё начало с 1555 г., после выхода в свет первой статьи законов о губной

(территориальной) реформе, в которой говорилось об устройстве розыска «лихих людей». Определялось, если при «обыске» кого-либо признают «лихим человеком», найдя у него «поличное», «того по обыску и по разбойничьим речам и по поличному казнить». Статья делала «обыск» главным в судопроизводстве, при этом большое внимание уделялось розыску, ибо «в обысках многие люди лгут семьями и заговоры великие». В данном случае впервые упоминается о проведении обыска и использовании при этом специальных умений и знаний для обнаружения разыскиваемых вещей.

Кроме того, если потерпевший в процессе розыска предлагал найти у кого-либо поличное, он должен был обратиться к судьям с просьбой о даче ему пристава для производства выемки, которая производилась самим истцом с приставами, старостами и «добрыми людьми» (понятыми). Предварительно перед выемкой у истца спрашивали, какое именно поличное он ищет. Примечательно, что процедура выемки включала обязательный личный обыск истца (инициатора выемки), чтобы исключить возможность подбрасывания поличного. Поличное тогда имело не только правовое, но и процессуальное значение; факт его отыскания предполагал начало уголовного судопроизводства [15, с. 59].

Относиться к уголовному сыску можно по-разному, но отрицать его необходимость нельзя, поскольку он является наиболее эффективным средством в борьбе с преступностью. Хотя в юридических словарях слово «сыск» определяется как устаревшее, сам сыск не стареет. Пока существует государство, существует и сыск [8, с. 10].

Согласно утверждениям Е. А. Доля [5, с. 3], защита личности, общества и государства от преступных проявлений, использующих специальные приемы и методы, технические средства, специалистов для подготовки, совершения и сокрытия преступлений, без

активного использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) весьма и весьма затруднительна, а зачастую и невозможна. В современных условиях традиционные процессуальные меры гласного характера «пробуксовывают» и не позволяют эффективно решать проблемы правоприменительной практики, что, в свою очередь, значительно актуализирует роль оперативно-розыскного обеспечения борьбы с преступностью [11, с. 3].

А. Ю. Шумилов [21, с. 10] обоснованно полагает, что использование в воздействии на преступность негласных оперативно-розыскных средств и методов наряду с гласными является вынужденной, защитной мерой общества и государства. Общество и государство не только одобрили применение против общественно опасных деяний лиц, совершающих преступления, систему законных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), но и обязали своих представителей (оперативников и др.) осуществлять такого рода деятельность.

В свою очередь, А. В. Федоров и А. В. Шахматов [19, с. 6] отмечают, что невозможно обеспечить раскрытие преступлений и неотвратимость ответственности преступников без противопоставления их криминальной деятельности целенаправленного комплекса оперативно-розыскных мер и следственных действий, без использования в качестве вспомогательной информации данных, полученных оперативно-розыскным путем, без привлечения граждан к содействию в борьбе с преступностью.

Другими словами, тайным действиям преступников мы противопоставляем тайные меры, предоставленные нам государством, регламентируемые нормами оперативно-розыскного законодательства и нормативно-правовых актов правоохранительных ведомств.

Тем не менее ОРД должна быть ориентирована не на любые противоправные деяния, а только на тайно совершаемые. Цели любой деятельности определяют специфику применения методов и средств их достижения. Тайный характер противоправных деяний диктует объективную потребность применения соответствующих негласных (конспиративных) мер, без которых невозможно достичь намеченной цели. Следовательно, функциональная сущность ОРД определяется системой методов и средств конспирации [13, с. 10].

Трудно не согласиться с Н. П. Водько [4, с. 22], что ни один вид правоохранительной деятельности не имеет таких исключительных возможностей в предупреждении замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также их пресечении, как ОРД, что предопределяет высокий уровень её социально-правовой значимости. Поскольку преступность как продукт социального поведения людей является вечной категорией любого из известных ранее человеческих обществ и, несомненно, будет присутствовать во всех новых общественно-экономических формациях, то государство и общество всегда будут испытывать потребность в использовании ОРД в интересах защиты государства и его граждан [4, с. 29 – 30]. Адекватное правовое реагирование на криминальные проявления есть необходимое условие выживания, признак предопределения ситуации, целесообразности и разумно-

сти действий общества и государства в борьбе с преступностью [7, с. 7].

О необходимости полноценного использования всего инструментария оперативно-розыскных возможностей в борьбе с преступностью свидетельствует и зарубежный опыт. Так, например, в Австрии работники группы по борьбе с уличной наркопреступностью в основном используют такие ОРМ, как проверочная закупка, наблюдение и оперативное внедрение [6, с. 32]. Законодательство Литвы предусматривает разведывательный опрос, личную и тайную слежку, оперативную проверку, оперативный осмотр, агентурный метод [14, с. 66]. В свою очередь, в структуре агентства по борьбе с наркотиками США (ДЕА) вообще отсутствуют следственные подразделения, и его сотрудники занимаются только оперативной работой [3, с. 38].

Кроме того, американское уголовное право включает ответственность секретных агентов и содействующих им частных лиц за мнимое соучастие, поскольку в их действиях нет намерений совершать преступления. В соответствии с параграфами «к» и «н» Инструкции по тайным операциям ФБР Генерального атторнея США (1987 г.) сотрудникам ФБР и их осведомителям разрешается участвовать в действиях, образующих состав преступления, в случаях, когда необходимо:

- а) добыть информацию, имеющую первостепенное значение для привлечения разрабатываемых лиц к уголовной ответственности;
- б) поддержать достоверность легенды в глазах членов преступной организации;
- в) предупредить опасность для жизни и здоровья людей.

Участие в деятельности, которая по законодательству США является серьезным преступлением, заранее санкционируется руководством ФБР, а для мнимого соучастия в менее тяжких преступлениях достаточно разрешения руководителя отделения ФБР в отдельном штате.

В Великобритании Кодекс об использовании осведомителей предусматривает такую категорию, как «осведомитель-участник», то есть осведомитель, которому с одобрения соответствующего санкционирующего должностного лица разрешено принимать участие в совершении преступления, которое другие лица уже намеревались совершить. Своеобразна система сроков использования таких осведомителей: «санкция» на участие в преступной деятельности выдается на три месяца. При необходимости возможно ее продление еще на три месяца.

Выполнение специального задания как обстоятельство, исключающее преступность деяния, предусмотрено в уголовных кодексах Республики Беларусь (ст. 39), Республики Казахстан (ст. 34-1), Украины (ст. 43), Эстонии (ст. 13.2), Литвы (ст. 32) [18, с. 40 – 41].

Таким образом, можно резюмировать, что ОРД представляет собой особого рода правоохранительную функцию, основным содержанием и характерной чертой которой является её разведывательно-поисковая сущность. Особенность этой функции состоит главным образом в том, что она носит преимущественно негласный характер и направлена на получение

информации, использующейся в основном в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также в розыске лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания и без вести пропавших.

Значительный вклад в развитие теории и практики ОРД внесли такие видные ученые, как А. Ю. Шумилов, В. К. Зникий, С. И. Захарцев, Н. С. Железняк, С. И. Давыдов, В. М. Ахмажигитов, В. П. Кувалдин, Е. С. Дубоносов, Е. А. Доля, Д. И. Бедняков, А. Е. Шарихин, И. Л. Хромов, В. А. Гусев, Н. В. Павличенко, М. А. Самелюк, А. Е. Четин, Е. Н. Яковец, А. Г. Маркушин, а также многие другие. «Патриархами» оперативно-розыскной науки по праву признаются А. Г. Лекарь, Д. В. Гребельский, Г. К. Синилов, В. Г. Бобров, В. Г. Самойлов, Ю. В. Блинов и др.

Объективная необходимость ОРД, по мнению А. Г. Маркушина [12, с. 13], изначально предопределена самим существованием преступности, что с неизбежностью подтверждается многовековым историческим и современным опытом развития правоохранительной системы. Её роль и социальная значимость обуславливается широкими потенциальными возможностями использования результатов в решении различных задач, в том числе и задач уголовного судопроизводства. Следовательно, если наблюдается рост тяжких и особо тяжких преступлений с одновременным снижением уровня раскрываемости, то это свидетельствует и о серьёзных упущениях в ОРД по обнаружению неочевидных преступлений и лиц, их совершивших, в неумелом использовании ее результатов и других недостатках, с этим связанных.

И. Л. Хромов полагает, что ОРД, помимо своего основного предназначения, является, в сущности, единственным средством эффективного воздействия на осуждённых, нарушающих режим содержания в исправительных учреждениях, на криминогенные явления, процессы и конкретные противоправные действия, нейтрализация и предотвращение которых с помощью гласных мер административно-служебного, уголовно-процессуального либо воспитательно-профилактического характера невозможны. Деятельность сотрудников оперативных аппаратов, по его мнению, предполагает проведение ОРМ в целях профилактики влияния отрицательно настроенной части осуждённых на других лиц; выяснения эффективности оказания оперативно-профилактического воздействия на осуждённых; выявления правонарушений, совершённых осуждёнными; получения информации о подготавливаемых преступлениях и фактах злостного нарушения режима, а также о существовании преступных групп осуждённых и возможностях их нейтрализации и разобщения [20, с. 152].

Анализ законодательного определения ОРД показывает, что этот вид деятельности, объективно необходимый и полезный, характеризуется следующими признаками:

- наличием государственно-правового характера, организационного и структурного обособления от других видов деятельности за счет специального круга субъектов, уполномоченных государством её осуществлять;

- реализацией при помощи присущих только для этого вида деятельности средств и методов, имеющих специфическую форму ОРМ.

При этом в основе ОРД лежат общеправовые принципы законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также принципы конспирации, сочетания гласных и негласных начал, подразумевающих в том числе и использование конфиденциального сотрудничества [10, с. 127].

Средства и приемы, применяемые в ходе ОРД, могут быть настолько различными, что дать однозначную оценку их применению в конкретной ситуации порой бывает крайне затруднительно. Одно становится ясным – государство признает допустимость обмана в правоохранительной деятельности: оно узаконило негласную работу, во многом основанную на дезинформации, обмане как средстве выявления и раскрытия преступлений. Обман противостоящего оперативному сотруднику лица не считается аморальным; не прибегая к обману, невозможно внедриться в организованную преступную группу или преступное сообщество, взять с поличным взяточника, вымогателя и т. п. [9, с. 114].

В настоящее время оперативно-розыскная практика нарабатывает множество различных приемов, средств и методов борьбы с преступностью [16, с. 106]. В рамках настоящей статьи сделать это нереально. Тем не менее мы попытались определенным образом структурировать наиболее важные приемы, средства и методы ОРД, применяемые по тяжким и особо тяжким преступлениям. В таблице 1 мы поясняем суть наиболее оптимальных приемов и средств оперативно-розыскной работы применительно, в частности, к убийствам. Понятно, что они должны быть сопряжены с принципами и решаемыми оперативно-розыскными задачами.

Базовым реализуемым принципом в данном аспекте будет выступать принцип конспирации, а также обеспечение безопасности граждан, задействованных при их проведении.

Как можно видеть, в таблице 1 представлены такие приемы и методы, которые как по названию, так и по содержанию напоминают ОРМ. В частности, к такому приему можно отнести зашифрованный опрос. Он может выступать и в качестве самостоятельного ОРМ, и как отдельный тактический элемент при проведении других ОРМ. Так, согласно А. Ваксяну [16, с. 109], зашифрованный опрос выступает в двух формах: легендированный и нелегендированный опрос. Более того, зашифрованный опрос как тактический прием сам может содержать в себе другой тактический прием, например, дезинформация. К примеру, гласно либо негласно оперативник сам лично или через агентов опрашиваемым лицам сообщается дезинформация о том, что правоохранительным органам известны лица совершившие преступление. Подобные приемы работы могут «спровоцировать» некоторых граждан тем или иным способом сообщить лицам, причастным к совершению преступления, об осведомленности правоохранительных органов. Природа такого приема в том, что вероятность оформления явки с повинной повышается в ситуациях, когда преступник знает либо догадывается, что его разыскивают.

Сравнение приемов и средств оперативно-розыскной работы по сферам их применения по делам об убийствах

<i>Приемы и средства</i>	<i>Особенности приемов и средств</i>	<i>Особенности применения</i>
1. Манипуляция	– довести до противоборствующей стороны ложную информацию в целях ее дезориентации; – цель достигается либо через посредников (негласные агенты, соседи, знакомые, родственники и т. п.), либо через электронные средства связи	«Спровоцировать» лицо, заподозренное в убийстве, на необдуманные либо обдуманные, но выгодные для оперативников шаги, например, перепрятывание орудий убийства, похищенного.
2. Создание благоприятной оперативной обстановки	– довести до противоборствующей стороны информацию, стимулирующую разрабатываемое лицо к положительным для оперативников действиям (явка с повинной, переговоры с подельниками, назначение им встречи и т. п.); – в отличие от манипуляции данный прием: а) более длителен во времени; б) достигается через несколько ходов; в) посредника, как правило, осведомляют о намерениях оперативных служб	«Спровоцировать» лицо, заподозренное в убийстве, на: 1) встречу с агентами, знакомыми, родственниками; 2) телефонные переговоры в ситуациях с преступной группой; 3) явку с повинной, заключения досудебного соглашения и т. п.
3. Дезинформация	– это правдивые сведения, предназначенные для противоборствующей стороны с тем, чтобы последняя предприняла действия, необходимые для оперативников; – важно помнить, что дезинформация – это всегда правдивые, но неактуальные на настоящий момент времени сведения с целью предотвращения расконспирации	Применяется при проведении опроса, наведения справок, обследовании помещений, оперативного внедрения и др. видов оперативной работы. Оперативникам важно помнить: внедряемая информация должна соответствовать действительности и не содержать ложных сведений. Противоборствующая сторона имеет возможность ее проверить, и тогда проведенная оперативная работа может быть под угрозой срыва.
4. Комбинация и легенда	– многоходовая операция, предпринимаемая оперативными службами для удачного оперативного внедрения в преступную среду при естественных условиях; – удачному внедрению во многом способствует легенда внедряемого агента – правдоподобно объясняющая его поведение	– так в уголовном деле № 902725 [1] долго не могли выйти на организованную группу, грабившие фуры, а водителей как свидетелей не оставляли в живых, трупы сжигали. Обезвредить группу удалось после внедрения агента, сообщившего оперативникам о времени и месте следующего преступления.
5. Зашифрованный опрос	– проводят оперативники, выдающие себя за других лиц и не имеющие заинтересованности в чьей-либо преступной деятельности	Применяется при опросе лиц, так или иначе обладающих значимой для оперативников информацией.
6. Работа с негласными помощниками (агентами). Вербовка	– как правило, это лица, пользующиеся доверием в криминальной среде; – необходима для своевременного поступления информации, дающей возможность предупредить или раскрыть готовящееся убийство; – важно, чтобы оперативник стремился к установлению дружеских отношений, не теряя при этом доминирования; – также важно заранее договориться о способе передачи сведений	Важно при работе осведомителей, которые: 1) могут сообщить о скандалах мужа и жены (сожителя и сожительницы), попадающих в группу риска; 2) о местах, где торгуют наркотиками лиц, которые, как показало наше исследование, также относятся к группе риска; 3) могут сообщить о продаже горючих веществ, сильных лекарственных препаратов и т. п. Вербовка агентов в деле убийств изучаемой категории, осуществляется на: 1) основе совпадения интересов; 2) возмездной основе; 3) зависимой основе.

7. Документы прикрытия. Установка	– необходимы для создания оперативнику легенды в качестве гражданского служащего; – важно, чтобы документы прикрытия были легальными; – оперативная установка подразумевает легендированный сбор оперативно значимой информации о лицах и объектах, представляющих оперативный интерес, проводимый штатными негласными сотрудниками	По убийствам изучаемой категории наиболее оптимальны следующие документы прикрытия: риелторов, аптекарей, заправщиков, таксистов, сотрудников пенсионных фондов. Установка проводится в отношении служащих, приведенных выше.
8. Маркировка	– пометка специальными красителями, невидимыми для глаз веществами предполагаемых (вероятных) оперативными работниками средств и орудий убийства	Может применяться, например, при продаже горючих веществ лицам оперативной заинтересованности. Возможно в комбинации с ОРМ обследованием помещения, когда в доме лица оперативной заинтересованности помечаются предметы, которые могут быть применены как средство убийства: канистра с бензином, материал для удавки и т. п. Внесение невидимых красителей в сильнодействующие препараты в целях выявления и пресечения деятельности «черных риелторов»
9. Перлюстрация	– просмотр личной пересылаемой корреспонденции, совершаемый втайне от отправителя и получателя; – как разновидность перлюстрации – перехват писем/записок у лиц, содержащихся в СИЗО	– в записках содержится информация о ходе следствия, к примеру, чтобы один из обвиняемых взял вину на себя, либо угрозы со стороны других членов преступной группы; – оперативникам надо иметь в виду, что в записках может содержаться и дезинформация.
10. Разработка	– проводится в отношении заподозренных лиц либо лиц, попадающих в так называемую группу риска; – цель: отслеживание (вскрытие) преступных замыслов и своевременная подготовка мер по выявлению и пресечению преступной деятельности	Ведется за лицами, отбывающими наказание за аналогичные преступления, а также за риелторами, лицами, содержащими наркопритон, за лицами с психическими отклонениями. Разработка эффективна по убийствам прошлых лет. В уголовном деле № 69381 [1] у гр. Б было изъято ружье. Тщательная разработка показала, что 3 года назад из него был убит шофер, а еще через 3 года удалось выйти на лиц, причастных к убийству.
11. Подворный (поквартирный) обход	– сбор и анализ обрывков информации, кто, что знает, видел, слышал, подозревает и т. п.	Лучше применять в отношении тех убийств изучаемой категории, которые совершаются в квартире, подъезде, подвале, возле теплотрасс.
12. Засада	– ее организуют либо на месте предполагаемого совершения убийства либо на месте предполагаемого появления преступника	– по убийствам изучаемой категории в основном применяется как мера пресечения преступления, например, когда точно известно место и время совершения убийства; – также может применяться в ситуациях, когда лицу, заподозренному в убийстве, назначается залегендированная встреча (как правило, через посредников)

Если опрашиваемый не желает сотрудничать с правоохранительными органами и давать какие-либо пояснения по поводу исследуемого события, можно предложить использовать нетрадиционные методы в выявлении и раскрытии преступлений. В Инструкции № 6, принятой 12 февраля 1993 г., «О порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопасности» отражено, что «специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа является одним из видов опроса с использованием технических средств, не причиняющих вреда жизни и здоровью личности». Эта Инструкция обеспечила создание правового поля для применения полиграфа при осуществлении ОРД, в частности, при проведении ОРМ «опрос» и психо-

физиологических исследований поведенческих реакций лиц, представляющих оперативный интерес для правоохранительных органов.

Таким образом, анализируя наши суждения, можно с определённой уверенностью сказать, что на сегодняшний день ОРД занимает достойное и важное место в системе правоохранительных функций государственных органов как одно из самых наиболее эффективных и значимых средств реагирования на криминальные проявления. Путём применения присущих ей специфических сил, средств и методов удаётся в достаточной мере оказывать отпор нарастающей преступной агрессии, контролировать и улучшать оперативную обстановку в сфере общественного порядка и безопасности в нашей стране.

Литература

1. Архив уголовных дел Кемеровского областного суда за период с 1989 по 2014 годы.
2. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. 304 с.
3. Быков А. В., Прохорова М. И. Основы организации деятельности современной системы обеспечения внутренней безопасности США // Российский следователь. 2008. № 12.
4. Водько Н. П. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в системе Российского законодательства: проблемы и решения: монография. М.: ИД Шумиловой И. И., 2007.
5. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: СПАРК, 1996. С. 3.
6. Жукова Т. В. Борьба с уличной наркопреступностью в Австрийской Республике // Российский следователь. 2009. № 9.
7. Зникин В. К. Проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений субъектами военного права: монография. М.: ИД Шумиловой И. И., 2005.
8. Зникин В. К. Оперативно-розыскная деятельность как система добывания и собирания уголовно-процессуальных доказательств: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2000. 148 с.
9. Зуев С. В. Противодействие организованной преступности в России и за рубежом (общетеоретические и прикладные проблемы права): монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 176 с.
10. Кудрявицкий А. С., Мазунин Я. М. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение судебного разбирательства дел о преступлениях, совершаемых организованными преступными сообществами: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.
11. Луговик В. Ф., Давыдов С. И., Пономаренко О. Н. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2007.
12. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2012.
13. Нагиленко Б. Я. О правовой природе гласных мер, осуществляемых милицией, и об их соотношении с оперативно-розыскной деятельностью // Оперативник (сыщик). 2005. № 4(5). С. 10.
14. Организованная преступность. Законодательные, уголовно-процессуальные, криминалистические аспекты: курс лекций / под ред. Е. Строганова. СПб.: Питер, 2002.
15. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография; под ред. проф. В. Т. Томина. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.
16. Практика уголовного сыска. Научно-практический сборник / сост. А. Ваксян. М.: Лига Разум, 1999. 244 с.
17. Сунь-цзы. Трактаты о военном искусстве / пер. с кит.; пред. и коммент. Н. И. Конрада. М.: АСТ: Артель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. 606 с.
18. Уханов В. В. Освобождение от уголовной ответственности и ее исключение в отношении лиц, внедренных в организованные преступные группы: взгляд через положения оперативно-розыскной науки // Оперативник (сыщик). 2014. № 4(41). С. 40 – 41.
19. Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 338 с.
20. Хромов И. Л. Противодействие преступности в учреждениях, исполняющих наказания: криминологические и оперативно-розыскные аспекты: монография. М.: Юриспруденция, 2011. С. 152.
21. Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. 2-е изд. доп. и перераб. М.: ИД Шумиловой И. И., 2007.

Информация об авторах:

Кондратьев Максим Валерьевич – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики КемГУ, kondratev_83@mail.ru.

Maxim V. Kondratiev – Assistant Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Драпезо Роман Григорьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8-960-909-91-44, Uri_nit@kemsu.ru.

Roman G. Drapezo – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 09.02.2015 г.

УДК 342.7

**ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ
В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВА
НА ВЫСШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

Т. Ю. Леонова

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS IN LAW AS A GUARANTEE
OF THE RIGHT TO HIGHER LEGAL EDUCATION**

T. Yu. Leonova

В статье проведен анализ развития и становления федеральных государственных образовательных стандартов как одной из гарантий конституционного права граждан на образование, в том числе высшее профессиональное образование, с момента принятия Конституции РФ и до настоящего времени. Цель исследования заключается в анализе изменений государственного подхода в области стандартизации требований и условий к содержанию юридического образования. В статье сделаны выводы о значении федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования в сфере юриспруденции в современных условиях развития рынка труда, выявлено, что сроки принятия указанных стандартов нарушаются, что отсутствие профессиональный стандарт в области юриспруденции, что негативно сказывается на качестве образования и его отчужденности от потребностей работодателей. Автор указывает и на недостатки существующей процедуры согласования федеральных образовательных стандартов высшего профессионального образования в сфере юриспруденции с потенциальными работодателями, отсутствием единообразной методики участия работодателей в процедуре разработки соответствующих стандартов и оценивания результатов освоения соответствующих образовательных программ.

The paper analyzes the development and formation of the Federal State Educational Standards as guarantees of one of the constitutional rights of citizens to education, including higher education, since the adoption of the Constitution of the Russian Federation and up to the present day. The purpose of the study is to analyze the changes in the state approach in the field of standardization requirements and conditions to the content of legal education. The author makes conclusions about the meaning of the Federal State Standards of higher education in Law in modern conditions of the labour market. The author discovered that the timing of the adoption of these standards is violated, the lack of professional standards in the field of jurisprudence exists, which negatively affects the quality of education and its alienation from the employers' needs. The author points at the shortcomings of the existing procedures for approval of Federal Educational Standards of higher education in Law with potential employers, the lack of a uniform methodology of employers' participation in the process of formulation of standards and evaluation of results of the educational programmes development.

Ключевые слова: образование, цели образования, конституционное право на образование, гарантии права на образование, федеральный образовательный стандарт, профессиональный стандарт, уровни образования, юридическое образование.

Keywords: education, aims of education, constitutional right to education, guarantees of the right to education, Federal Educational Standard, professional standard, levels of education, legal education.

Отношение государства и общества к назначению, сущности, системе и содержанию образования всегда будет находиться в постоянной трансформации, что соответствует потребностям развивающейся науки, техники, культуры – в этом смысле образование выступает определяющим фактором общественного,

политического, культурного, социального и экономического прогресса и является фундаментальной ценностью. Такое понимание назначения образования позволяет расценивать человека как индивида способного нестандартно мыслить и принимать нестандартные решения.

Ценность образования давно осмыслена человечеством и признана на международном уровне в качестве базовой. Статья 26 Всеобщей декларации прав человека закрепляет, что образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам, должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между народами, расовыми и религиозными группами [3]. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования предусматривает, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и на большее уважение прав человека и основных свобод; оно должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами и всеми расовыми или религиозными группами. При этом дискриминация в образовании охватывает всякое различие, исключение, ограничение или предпочтение по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, экономического положения или рождения, которое имеет целью или следствием уничтожение или нарушение равенства отношения в области образования [6]. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах также фиксирует право каждого человека на образование, которое должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам; образование должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества [11]. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод предусматривает, что никому не может быть отказано в праве на образование [7]. Аналогичные положения содержатся в Конвенции о правах ребенка [8]. ЮНЕСКО рекомендует рассматривать право на образование как элемент права на жизнь, права на развитие, права на непрерывное образование, которое должно реализовываться в течение всей жизни человека.

В России особое внимание качеству образования уделялось всегда. Особенно активно данные вопросы стали рассматриваться и регулироваться на государственном уровне в советский период, когда возникла необходимость выстраивания единой системы образования, установления единообразных критериев качества образования [9]. Для данного периода характерны государственная монополизация в сфере всех уровней и видов образования, четкая единая государственная политика в области образования, т. к. в советской системе образование предназначалось для обеспечения бесперебойной профессиональной деятельности человека в какой-либо одной отрасли или сфере деятельности на протяжении всей жизни [2].

В последние два десятилетия в российском обществе и государстве идут попытки модернизации системы образования с акцентом на современное мировое понимание предназначения образования, обусловленное быстрой сменой технологий, что позволяет говорить о формировании принципиально новой системы непрерывного образования, предполагающей постоянное обновление, индивидуализацию спроса и

возможностей его удовлетворения. По справедливому мнению Л. Ю. Грудцыной, ключевой характеристикой такого образования становится не только передача знаний и технологий, но и формирование творческих компетентностей, готовности к переобучению [1]. Иными словами, образование должно быть не ради образования, а должно выступать необходимой основой для получения профессии и как неизбежное следствие осуществление трудовой деятельности в соответствии с полученным образованием.

Цель политики модернизации образования состоит в обеспечении конкурентоспособности России на мировом уровне. Однако необходимо помнить, что любая модернизация должна сочетать сохранение лучших традиций отечественного просвещения и восприятие передовых наработок мирового сообщества в данной сфере, что позволит упрочить позиции Российской Федерации как высокообразованной страны, ее интеграции в мировое сообщество. В этом смысле необдуманное заимствование западных идей и подходов в вопросах образования не приведут к достижению целей модернизации. Как справедливо отметил профессор И. М. Мацкевич, мы не должны уповать только на зарубежный опыт, т. к. наша система образования должна быть направлена в первую очередь на подготовку специалистов для внутреннего рынка [12].

Для достижения целей перехода на качественно новый уровень восприятия образования, модернизация коснулась не только системы государственного управления образованием, но и законодательства в сфере образовательной деятельности.

Основной закон Российской Федерации, принятый 12 декабря 1993 года, закрепил на конституционном уровне правовой статус человека и гражданина, что ознаменовало наступление качественно нового подхода к регулированию правовых отношений между личностью и государством [10].

В соответствии со ст. 43 Конституции РФ каждый имеет право на образование. Данное конституционное начало носит общий характер, относится ко всем субъектам независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, возраста, состояния здоровья, наличия судимости, а также других обстоятельств и охватывает все возможные виды и формы получения образования. Право на образование является одним из наиболее значимых и важных социально-экономических и культурных прав человека, реализация которого является неременным условием для развития личности, общества и государства. Задача законодательства в области образования состоит в обеспечении и защите этого права, определение стратегии и основных направлений развития образования, его целей и задач, разграничение компетенции в области образования между органами государственной власти и органами управления образованием различных уровней.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. содержит легальное определение понятия «образование» [21]. Под ним

понимается единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции, определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и(или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов. Таким образом, образование – это непрерывный процесс, который сопровождает человека постоянно на протяжении всей его жизни и позволяет ему развиваться и реализовываться в обществе.

Конституционное право на образование включает в себя в том числе возможность получения высшего профессионального образования, в отношении которого Российская Федерация полностью придерживается международных норм, гарантирующих получение высшего образования в зависимости от способностей и возможностей граждан. Россия предусматривает возможность получения на конкурсной основе бесплатного высшего образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятии, если образование данного уровня гражданин получает впервые, но не гарантирует бесплатности и доступности его получения. Высшее образование имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями личности, общества и государства. Иными словами высшее образование направлено на приобретение лицами различных профессиональных компетенций.

В новейшей отечественной государственности особое внимание уделяется не только закреплению прав и свобод человека и гражданина, но и установлению системы гарантий, которые делают эти права и свободы реально действующими. Гарантия в праве – это совокупность юридических норм, закрепляющих систему условий, средств, способов и процедур, обеспечивающих беспрепятственную и эффективную реализацию, охрану и защиту прав и свобод граждан.

В Российской Федерации гарантируется право каждого человека на образование, поэтому область образования провозглашается приоритетной. Одним из главных принципов, на которых основывается государственная политика России в области образования, является принцип единства федерального образовательного пространства, который в том числе реализуется через федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживающие различные формы образования и самообразования. Федеральные государственные образовательные стандарты устанавливают требования к содержанию и качеству образования всех ступеней. Таким образом, за государством закреплена обязанность по установлению федеральных государственных образовательных стандартов различные формы образования и самообразования.

До введения в практику понятия «образовательный стандарт» требования и характеристики выпускников содержались в квалификационных характеристиках. Впервые понятие «образовательный стандарт» было введено Законом РФ «Об образовании», принятым 10 июля 1992 г. [5], хотя вопрос о единых стандартах высшего образования и до этого момента поднимался многократно в связи с появлением в рамках различных форм собственности большого числа вузов, подчас преследующих только коммерческие интересы в ущерб качеству образования, и необходимостью установления единых формализованных требований [4]. Следует отметить, что при принятии Конституции РФ терминология трансформировалась с «образовательного стандарта» в «федеральный образовательный стандарт». Федеральный закон от 22 августа 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [22] конкретизировал основные положения Закона РФ «Об образовании» применительно к высшему и послевузовскому образованию. В настоящее время конституционные начала о федеральных государственных образовательных стандартах раскрываются в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации».

Федеральный государственный образовательный стандарт – это совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня и(или) к профессии, специальности и направлению подготовки, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования. Такие стандарты включены в систему образования и призваны обеспечить, во-первых, единство образовательного пространства Российской Федерации; во-вторых, преемственность основных образовательных программ; в-третьих, вариативность содержания образовательных программ соответствующего уровня образования, возможность формирования образовательных программ различных уровней сложности и направленности с учетом образовательных потребностей и способностей обучающихся; в-четвертых, государственные гарантии уровня и качества образования на основе единства обязательных требований к условиям реализации основных образовательных программ и результатам их освоения.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) являются основой объективной оценки соответствия установленным требованиям образовательной деятельности и подготовки обучающихся, освоивших образовательные программы соответствующего уровня и соответствующей направленности, независимо от формы получения образования и формы обучения.

ФГОС ВПО включают в себя требования к структуре основных образовательных программ (в том числе соотношению обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательных отношений) и их объему; условиям реализации основных образовательных про-

грамм, в том числе кадровым, финансовым, материально-техническим и иным условиям; результатам освоения основных образовательных программ; срокам получения образования с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий обучающихся. ФГОС ВПО могут разрабатываться также по профессиям, специальностям и направлениям подготовки по соответствующим уровням профессионального образования.

В соответствии с п. 7 ст. 11 Федерального закона «Об образовании в РФ» при формировании ФГОС профессионального образования учитываются пожелания соответствующих профессиональных стандартов. Постановлением Правительства РФ от 22 января 2013 года приняты правила разработки, утверждения и принятия профессиональных стандартов [13]. Приказами Минтруда России от 29 апреля 2013 г. № 170н [14], от 12 апреля 2013 г. № 148н [15] и от 12 апреля 2013 г. № 147н [16] были утверждены методические рекомендации по разработке профессионального стандарта, использованию квалификационных уровней, а также макет профессионального стандарта. Согласно данным документам проекты профессиональных стандартов могут разрабатываться объединениями работодателей, работодателями, профессиональными сообществами, саморегулируемыми организациями и иными некоммерческими организациями с участием образовательных организаций профессионального образования и других заинтересованных организаций. Проекты профессиональных стандартов обсуждаются с представителями работодателей, профессиональных сообществ, профессиональных союзов (их объединений) и других заинтересованных организаций. Также профессиональный стандарт до его принятия подлежит общественному обсуждению.

В области юриспруденции государственный стандарт первого поколения был принят в 1996 г., стандарт второго поколения появился в 2000 году, с 2010 г. применяется стандарт третьего поколения. В настоящее время юридическое сообщество ожидает выхода актуализированного стандарта третьего поколения, т. н. ФГОС 3+, хотя ранее предусмотренные сроки его появления нарушены.

Изначальной целью появления стандартов третьего поколения по юриспруденции, а также целью актуализации данного стандарта, являлось преодоление разрыва между высшим юридическим образованием, получаемым выпускниками в вузах, и требованиями работодателей, которые отмечают неподготовленность недавних выпускников к осуществлению профессиональной деятельности. Однако преодоление обозначенного разрыва невозможно принятием стандарта исходя только из представлений высшей школы о его содержании, даже научно обоснованных. Образовательные стандарты по юриспруденции должны быть скоординированы с профессиональными стандартами. Именно в таком контексте стандарты могут обеспечивать требуемое современным рынком труда качество образования. Необходимость разработки профессиональных стандартов в юриспруденции обсуждается давно, однако такие стандарты так и не появились [23].

В 2003 г. Российская Федерация присоединилась к Болонской декларации, что положило начало к переходу на уровневую систему высшего образования, в том числе при подготовке юристов. Необходимо отметить, что сфере подготовки юристов в России уделяется особо пристальное внимание со стороны государства [20]. В настоящее время в сфере юриспруденции действуют несколько федеральных стандартов высшего профессионального образования, в том числе с присвоением квалификации «магистр» [17], «бакалавр» [18], «кадры высшей квалификации» [19]. Указанные стандарты содержат характеристику направления подготовки, характеристику профессиональной деятельности выпускников, требования к результатам освоения соответствующих программ, их структуре и условиям реализации, а также оценку качества их освоения. Однако возникает вопрос, насколько наличие действующих федеральных образовательных стандартов в сфере юриспруденции выступает достаточной гарантией того, что получение соответствующего юридического образования приведет к конечной цели образования – профессиональной реализации и востребованности выпускника.

Многие авторы справедливо отмечают, что качество получаемого юридического образования осложнилось после разделения системы подготовки юристов на уровневую систему. Во-первых, четко не идентифицируется место юристов-бакалавров в профессиональной среде. Формально такие выпускники имеют высшее юридическое образование, что позволяет им осуществлять соответствующую профессиональную деятельность, а значит, они имеют право занимать определенные должности. В то же время представители работодателей (правоохранительные органы, суды, адвокатура, нотариат, прокуратура и др.) однозначно дают понять, что уровня бакалавриата не достаточно для поступления на данную работу. При этом юридических препятствий для поступления на такую работу нет, но работодатель не заинтересован в таком сотруднике, т. к. полагает, что данный уровень высшего образования не дает достаточной квалификации. В данной ситуации, очевидно, что в большинстве случаев выпускники бакалавры будут поступать в магистратуру. В этом смысле цели функционирования магистратуры как второго уровня образования не будут достигнуты.

Во-вторых, поступление в магистратуру по направлению подготовки юриспруденция возможно без наличия базового юридического образования. Однако стандарт магистратуры не обеспечивает получение достаточных профессиональных компетенций для практикующего юриста. Недостаточно компетентный юрист не имеет необходимых общетеоретических представлений о государстве и праве, их особенностях и системе, не владеет достаточными знаниями базовых положений современного российского законодательства. Юрист должен уметь квалифицировать факты и обстоятельства, формировать правовую позицию и отстаивать ее, принимать решения в рамках поручаемых юридических дел, составлять процессуальные документы, давать квалифицированные юридические заключения и консультации по конкретным

видам юридической деятельности, однако, эти требования к результатам образования содержатся в стандарте бакалавриата.

В-третьих, нормы действующего законодательства в сфере образования и стандарты в области юриспруденции предусматривают широкое привлечение работодателей как для оценивания содержания соответствующих образовательных программ, так и результатов освоения таких программ выпускниками, иными словами, для оценивания уровня сформированности компетенций будущих работников со стороны потенциальных работодателей. Однако не предлагается никаких унифицированных правил поведения ни со стороны образовательных учреждений, ни со стороны работодателей, что в конечном итоге приводит к формальному подходу для преодоления данных нормативных требований. Каждое образовательное учреждение по-своему понимает процесс получения необходимых согласований со стороны работодателей, что предают данному процессу некую хаотичность. Как правило, вузы обращаются к дружествен-

ным работодателям, что делает соответствующие отзывы на образовательные программы необъективными и никак не может улучшить качество образования. Полагаем, что необходима универсальная методика привлечения работодателей к процедуре оценивания реализуемых образовательных программ в сфере юриспруденции и оценивания качества сформированности компетенций выпускников.

Таким образом, можно констатировать, что действующие федеральные образовательные стандарты высшего профессионального образования в сфере юриспруденции сами по себе не являются достаточной гарантией конституционного права граждан на соответствующий вид образования. Необходима разработка единой для юридических вузов методики участия работодателей в процедуре разработки федеральных образовательных стандартов высшего профессионального стандарта и оценивания результатов освоения соответствующих образовательных программ. Также актуальным является принятие профессионального стандарта в области юриспруденции.

Литература

1. Грудцына Л. Ю. Бюджетные образовательные учреждения: реформирование и последствия перевода в автономные учреждения // Образование и право. 2011. № 2(18).
2. Грудцына Л. Ю. Экономические и правовые аспекты системы управления высшими учебными заведениями в России // Образование и право. 2012. № 4. С. 63 – 72.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апреля.
4. Долинская В. В. Новый Закон об образовании: вопросы взаимодействия государства, вузов и профессорско-преподавательского состава в обеспечении ФГОС ВПО (утратил силу) // Цивилист. 2013. № 3. С. 23 – 34.
5. Закон РФ от 10.07.1992 г. (ред. от 12.11.2012 г.) № 3266-1 «Об образовании» // Российская газета. 1992. 31 июля.
6. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (Париж, 14 декабря 1960 года) // Сайт Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Режим доступа: <http://www.unesco.org> (дата обращения: 31.01.2015).
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст.163.
8. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
9. Закон РСФСР от 2 августа 1974 г. «О народном образовании» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 3. С. 245.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
12. Оводов А. А. Интервью с проректором Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ И. М. Мацкевичем // Юрист. 2013. № 9. С. 3 – 8.
13. Постановление Правительств РФ от 22.01.2013 г. (ред. от 23.09.2014 г.) № 23 «О Правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 4. Ст. 293.
14. Приказ Минтруда России от 29.04.201 г. № 170н «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке профессионального стандарта» // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2013. № 8.
15. Приказ Минтруда России от 12.04.2013 г. № 148н «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов» // Российская газета. 2013. 13 июня.
16. Приказ Минтруда России от 12.04.2013 г. № 147н «Об утверждении Макета профессионального стандарта» // Российская газета. 2013. 5 июня.
17. Приказ Минобрнауки России от 14.12.2010 г. № 1763 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направле-

нию подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 14.

18. Приказ Минобрнауки России от 04.05.2010 г. № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 26.

19. Приказ Минобрнауки России от 05.12.2014 г. № 1538 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации)» // Российская газета. 2015. 4 февраля.

20. Указ Президента РФ от 26.05.2009 г. № 99 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 22. Ст. 2698.

21. Федеральный закон от 29.12.2012 г. (ред. от 31.12.2014 г.) № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

22. Федеральный закон от 22.08.1996 г. (ред. от 03.12.2011 г.) № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.

23. Щепанский И. С. О необходимости и направлениях разработки профессиональных стандартов в юридической области // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 988 – 994.

Информация об авторе:

Леонова Тамара Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права КемГУ, GvozdevaT@yandex.ru

Tamara Yu. Leonova – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Public and Administrative Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2015 г.

УДК 349.4

ИНЫЕ, КРОМЕ СОБСТВЕННОСТИ, ВИДЫ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. Л. Лусина

NON-PROPERTY TYPES OF LAND RIGHTS IN THE LIGHT OF THE LAND CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

N. L. Lisina

В статье проведен анализ изменений земельного законодательства в связи с изменениями, вступившими в силу с 1 марта 2015 года в части правового регулирования прав на земельные участки, дана правовая оценка изменений законодательства, выявлены правовые проблемы правового регулирования. В статье сделаны выводы об обоснованности многообразия видов прав на земельные участки в современных условиях, о том, что произошедшие изменения представляют собой попытку законодателя привести в соответствие нормы гражданского и земельного законодательства о правах на земельные участки, предусмотрев специальные нормы о них в Земельном кодексе Российской Федерации. Автор отмечает, что нормы земельного законодательства об аренде земельных участков существенно расширены, законодатель признает право аренды на земельный участок в качестве основного, что, однако, не всегда оправдано. Кроме того, среди недостатков изменений земельного законодательства автор указывает непоследовательность и неоднозначность в формировании системы прав на земельные участки, наименовании отдельных видов прав на земельные участки, их распределении по статьям Земельного кодекса Российской Федерации. Земельный кодекс насыщен отсылочными к гражданскому законодательству и процессуальными нормами, что затрудняет восприятие правовых норм о правах на земельные участки, их толкование и применение. Автор полагает, что новая правоприменительная практика будет формироваться сложно, необходима совместная работа как ученых, так и представителей законодательных, исполнительных и судебных органов власти.

The paper provides the analysis of changes in land laws in connection with the amendments, which entered into force on 1 March 2015 in the legal regulation of land rights. The author gives a legal assessment of changes to the legislation and identifies the legal problems of legal regulation. The paper concludes that the diversity of types of land rights is quite reasonable in modern terms; the introduced changes are an attempt of the legislator to match the norms of the civil and land legislation on the rights to land plots, providing special rules about them in the Land Code of the Russian Federation. The author notes that the rules of land law on lease of land significantly expanded, the legislator recognizes the right of land lease as primary, which, however, is not always justified. In addition, among the shortcomings of the changes in land legislation the author points out the inconsistency and ambiguity in the formation of the system of land rights, the designation of certain types of land rights, their distribution according to the articles of the Land Code of the

Russian Federation. The Land Code is abundant in references to the civil law and procedural rules, which complicates the perception of the legal provisions on the rights to land plots, their interpretation and application. The author believes that the new practice will be difficult, and collaboration of both researchers and representatives of legislative, executive and judicial authorities is required.

Ключевые слова: иные, кроме собственности, права на земельные участки, аренда земельного участка, безвозмездное пользование земельным участком, постоянное (бессрочное) пользование земельным участком, пожизненное наследуемое владение земельным участком, земельный сервитут.

Keywords: non-property land rights, lease of land, gratuitous use of land, permanent (unlimited) use of land, lifetime inheritable possession of land, land easement.

Российская Федерация, пожалуй, на сегодняшний день продолжает оставаться одной из малочисленных стран мира, имеющих многообразие видов прав на земельные участки. Уже с даты вступления в силу Земельного кодекса Российской Федерации [6] законодатель стремился сократить их количество, ограничивая круг лиц на те или иные права или устанавливая возможности (и даже обязанности) для переоформления ранее возникших прав на земельные участки. Понятно, что основная причина такого многообразия видов прав на земельные участки – историческая. Наша страна прошла длительную историю становления и развития института прав на землю – от исключительной государственной собственности на землю с предоставлением права постоянного (бессрочного) пользования землей всем трудящимся на ней до введения «компромиссных» вариантов – пожизненного наследуемого владения, введения прав на землю, вытекающих из договоров – например, аренды, безвозмездного срочного пользования.

Практически на всем протяжении действия Земельного кодекса РФ (уже более 13 лет) государство продолжало ставить перед собой задачи внедрения гражданско-правовых механизмов оборота земельных участков, упорядочения прав на землю, упрощения административных процедур возникновения прав на земельные участки и т. п. В рамках реализации Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012 – 2020 гг., утвержденных распоряжением Правительства РФ от 03.03.2012 № 297-р [11], был принят Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16], большинство положений которого применяется с 01.03.2015. Указанный Закон вносит существенные изменения в институты прав на земельные участки. Что изменилось, достигнуты ли правительственные задачи по созданию условий для организации рационального и эффективного использования земельных участков, соблюдению гарантий прав участников земельных отношений; обеспечению условий для повышения эффективности оборота земельных участков, в том числе направленных на защиту прав, а также по снижению административных барьеров в обозначенной сфере? Бесспорно, ответы на эти вопросы предложат наука и правоприменительная практика, которая в ближайшие годы будет складываться не просто. Для начала постараемся проанализировать основные изменения, произошедшие в земельном законодательстве относительно прав на землю как ос-

новного ключевого института земельного законодательства, дав им правовую оценку.

Земельный кодекс РФ не дает классификации всех прав на земельные участки (как это сделано в Гражданском кодексе Российской Федерации [3] и предложено в цивилистической литературе, где права на земельные участки делятся на вещные и обязательственные, при этом выделяется ряд признаков, характеризующих вещные права [4; 7; 9]), предусмотрев их в самостоятельных главах – собственность на землю (глава III) и ограниченное пользование чужими земельными участками (сервитут), аренда земельных участков, безвозмездное пользование земельными участками (глава IV). После вступления в силу Федерального закона от 23.06.2014 № 171-ФЗ институт иных, кроме собственности прав на земельные участки претерпел существенные изменения. При этом в главе IV ЗК, в отличие от ранее действовавшей редакции, прямо не указаны такие права на землю, как пожизненное наследуемое владение и постоянное (бессрочное) пользование.

Пожизненное наследуемое владение, не имея самостоятельной правовой регламентации в главе IV ЗК, как это было ранее в отдельной ст. 21, все же упоминается в ряде его статей (например, подп. 7 п. 8 ст. 39.11, ст. 39.16, п. 1 ст. 39.24, п. 2 ст. 40, 45, 53, 54 и др.). Продолжает действовать ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [15], согласно которой право пожизненного наследуемого владения находящимися в государственной или муниципальной собственности земельными участками, приобретенное гражданином до дня введения в действие Земельного кодекса РФ, сохраняется, оформление в собственность граждан земельных участков, ранее предоставленных на праве пожизненного наследуемого владения, сроком не ограничивается. Землевладельцы названы ст. 5 Земельного кодекса РФ и в качестве участников земельных правоотношений и правообладателей земельных участков.

Право постоянного (бессрочного) пользования до 1 марта 2015 г. было регламентировано ст. 20 ЗК, которая утратила силу в связи с изменениями. Означает ли это, что и право постоянного (бессрочного) пользования упразднено? Нет, землепользователи продолжают также оставаться участниками земельных отношений, правообладателями земельных участков. Кроме того, «переходные» положения о праве постоянного (бессрочного) пользования сохранены в Федеральном законе «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации». Более того, нормы, регламентирующие право постоянного (бессрочного)

пользования и порядок его возникновения (посредством предоставления земельного участка), «перекочевали» с изменениями в ст. 39.1 и 39.9 ЗК и др.

С одной стороны, в этом видится определенная логика законодателя:

– поскольку земельные участки в пожизненное наследуемое владение со дня введения в действие ЗК РФ не предоставляются, но право, ранее возникшее, сохраняется, то достаточно «переходных» положений и иных норм, регулирующих отдельные вопросы, связанные с реализацией землевладельцем этого права;

– поскольку земельные участки в постоянное (бессрочное) пользование после введения в действие ЗК РФ предоставляются ограниченному кругу субъектов и право постоянного (бессрочного) пользования может у них возникнуть только посредством административного правового способа (предоставления на основании решения уполномоченного органа), то основные положения, регламентирующие право постоянного (бессрочного) пользования, были перенесены в главу о предоставлении земельных участков.

С другой стороны, как с научной, так и с юридико-технической точки зрения, не совсем понятно решение законодателя исключить указанные права из содержания главы IV ЗК. По-видимому, в главе IV ЗК остались только те права, которые имеют чисто гражданско-правовую «природу», возникают и прекращаются по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, в силу соглашений или гражданско-правовых договоров, с учетом, конечно, земельного права. А права, возникающие исключительно на основании решений уполномоченного органа власти, выведены из содержания главы IV ЗК и включены в главы о предоставлении земельных участков. Вместе с тем главы о предоставлении земельных участков регламентируют также отношения, возникающие при предоставлении земельных участков на условиях купли-продажи, аренды, безвозмездного пользования и сервитута из государственной и муниципальной собственности. Полагаем, что в целях единообразного видения системы прав на земельные участки следовало бы все их перечислить в одной главе, указав, на основании чего и в силу чего они возникают.

Право безвозмездного пользования (до 1 марта 2015 г. – безвозмездного (срочного) пользования) земельными участками также претерпело существенные изменения. Прежде всего, изменено само наименование права. Изначально появление в ЗК РФ безвозмездного срочного пользования было обусловлено внедрением гражданско-правовых механизмов в регулирование земельных отношений. Складывающиеся по поводу земельного участка договорные отношения напоминают договор безвозмездного пользования (гл. 36 ГК РФ), хотя в юридической литературе не сложилось единого мнения о правовой природе права безвозмездного срочного пользования земельным участком. Рассматривая вопрос о договоре безвозмездного пользования в отношении земельных участков, в правовой литературе также отмечается, что «применение норм гл. 36 ГК РФ к отношениям при безвозмездном срочном пользовании земельными участками должно учитывать специфику земельно-правового регулирования. Например, согласно п. 4

ст. 20 ЗК РФ земельные участки, предоставленные на праве постоянного пользования государственным и муниципальным учреждениям, федеральным казенным предприятиям, органам государственной власти и управления, не подлежат отчуждению. Из этого следует, что они не могут и предоставляться ими в ссуду... Спорным является вопрос о том, подлежит ли договор ссуды земельного участка государственной регистрации. Норма, аналогичная норме о государственной регистрации договора аренды, в гл. 36 ГК РФ отсутствует. В перечне прав на недвижимость, подлежащих регистрации (ст. 131 ГК), права ссудополучателя не названы... Согласно ст. 164 ГК РФ государственной регистрации подлежит также договор ссуды. Но на практике в большинстве областных регистрационных палат такой договор не регистрируется из-за отсутствия прямого указания закона об обязательности этой процедуры. По ходатайству собственника может быть зарегистрировано обременение его земельного участка правами ссудополучателя...» [8]. Поэтому во избежание споров и противоречий положения ЗК РФ о праве безвозмездного срочного пользования подверглись изменениям. Статья 24 ЗК содержит положение о том, что договор безвозмездного пользования земельным участком заключается в соответствии с Гражданским кодексом РФ и Земельным кодексом РФ.

К сожалению, законодатель оказался непоследователен, исключая термин «срочное» из наименования права. По тексту ЗК РФ до сих пор можно встретить прежнее наименование права – безвозмездное срочное пользование, например, в п. 3. ст. 5, п. 5 ст. 11.6, ст. 11.8, п. 2 ст. 26, п. 2 ст. 40, ст. 47, п. 6 ст. 87), и указанные положения не являются «переходными». Переходной может считаться, например, норма п. 18 ст. 34 Федерального закона от 23.06.2014 № 171-ФЗ, согласно которой земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, в собственности Федерального фонда содействия развитию жилищного строительства и предоставленные до дня вступления в силу настоящего Федерального закона в безвозмездное срочное пользование, считаются предоставленными в безвозмездное пользование. При этом замена ранее выданных документов или внесение изменений в такие документы, записи Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, содержащие слова «безвозмездное срочное пользование», не требуется. Указанная норма является, пожалуй, единственной, признающей ранее возникшее право безвозмездного срочного пользования равным праву безвозмездного пользования земельным участком.

С 1 марта 2015 г. серьезные изменения коснулись права ограниченного пользования чужим земельным участком. В современной России право ограниченного пользования земельным участком (сервитут) было установлено в п. 4.10 Основных положений государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 г., утвержденных Указом Президента РФ от 22.07.1994 № 1535 [14]. Для продаваемых при приватизации застроенных земельных участ-

ков устанавливаются публичные сервитуты, в соответствии с которыми собственники указанных земельных участков обязаны обеспечить безвозмездное и беспрепятственное использование объектов общего пользования (пешеходные и автомобильные дороги, объекты инженерной инфраструктуры), которые существовали на момент передачи земельного участка в собственность; возможность размещения на участке межевых и геодезических знаков и подъездов к ним; возможность доступа на участок соответствующих муниципальных служб для ремонта объектов инфраструктуры. Изменение указанных и введение новых публичных сервитутов может осуществляться лишь федеральным законом или принятыми в соответствии с федеральным законом нормативно-правовыми актами.

Позднее правила установления сервитутов были закреплены в Гражданском кодексе РФ. Согласно ст. 274 ГК РФ сервитут может устанавливаться для обеспечения прохода, проезда через соседний земельный участок, прокладки и эксплуатации линий электропередачи, связи и трубопроводов, обеспечения водоснабжения и мелиорации, а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута.

В ЗК РФ правила установления земельных сервитутов установлены ст. 23 (подвергшейся существенным изменениям с 1 марта 2015 г.), а также новой главой V.3 ЗК РФ. Из содержания указанных норм следует, что законодатель сохраняет ранее существовавшие разновидности сервитутов (публичный и частный; срочный и постоянный), хотя прямо на это не указывает.

Несмотря на измененную формулировку п. 1 ст. 23 ЗК о том, что сервитут (*Прим. автора: слово «частный» было исключено, следовательно, не только частный, а любой, вообще «сервитут», или только в отношении земельного участка, находящегося в частной собственности? утвердительный ответ может оказаться спорным*) устанавливается в соответствии с гражданским законодательством. Однако здесь нельзя не учитывать принцип разграничения действия норм гражданского и земельного законодательства, установленный ст. 1 и п. 3 ст. 3 ЗК РФ, особенности установления сервитута в отношении земельного участка регламентируются ЗК РФ.

Несмотря на то, что природа публичных сервитутов всегда в юридической литературе была спорной, а на практике реализация норм происходила сложно и неоднозначно, Земельный кодекс РФ и после 1 марта 2015 г. сохранил возможность их установления в государственных, муниципальных и общественных интересах.

Кроме того, глава V.3 ЗК определяет порядок установления сервитута в отношении земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, согласно указанным правилам устанавливается сервитут в отношении земельных участков, в том числе предоставленных на праве постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения, аренды и безвозмездного пользования, для определенных целей.

Обращает на себя внимание то, что ст. 23 ЗК не упоминает об иных, кроме собственников, правообладателях земельных участков, следовательно, возникают вопросы: возможно ли установление частного сервитута в отношении земельного участка, предоставленного землевладельцу, землепользователю, арендатору; возможно ли установление публичного сервитута для указанных в ст. 23 ЗК целей в отношении земельных участков, предоставленных землевладельцу, землепользователю, арендатору; как решается вопрос компенсации за «неудобства», причиненные в связи с установлением сервитута?

Если частный сервитут, по общему правилу, устанавливался только в отношении земельного участка, находящегося на праве частной собственности, то публичный сервитут, как следовало из п. 7 ст. 23 ЗК (в ред. до 1 марта 2015 г.), мог устанавливаться по отношению к земельному участку, используемому также на праве пожизненного наследуемого владения, постоянного (бессрочного) пользования и безвозмездного срочного пользования. После 1 марта 2015 г. ст. 23 ЗК упоминает лишь о собственниках земельных участков. Поэтому можно предположить, что если иное не установлено федеральным законом, то правила ст. 23 ЗК не применяются к случаям установления сервитутов в отношении земельных участков, используемых на иных правах. В последнем случае следует применять правила главы V.3 ЗК.

Здесь важно, что, во-первых, сервитут в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, устанавливается, в частности, для размещения линейных объектов, сооружений связи, специальных информационных знаков и защитных сооружений, не препятствующих разрешенному использованию земельного участка; проведения изыскательских работ; ведения работ, связанных с использованием недр.

Во-вторых, об установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается соглашение. Требования к содержанию и порядку заключения соглашения предусмотрены ст. 39.25 и ст. 39.26 ЗК соответственно.

Отметим, что по вопросу правовой природы соглашения об установлении сервитута не сложилось единого мнения в науке. Например, одни авторы полагают, что сервитутный договор носит комплексный характер в связи с тем, что он «...одновременно является основанием возникновения вещных и обязательственных отношений» [13]. Другие считают, что «...сервитутное соглашение в отличие от сделки не порождает гражданские права и обязанности. Его цель состоит в установлении порядка осуществления правомочий ограниченного вещного права. В этом смысле оно подобно соглашениям сособственников об определении, например, порядка пользования общей вещью... С такой позиции сервитутные соглашения предстают как правомерные юридические действия, направленные на установление порядка осуществления правомочий субъектов права ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитута). Так же как и сделки, такие соглашения, имеют волевою направленность, но в отличие от них непосред-

венно не порождают, не изменяют и не прекращают субъективные гражданские права и обязанности, хотя связаны с ними самым тесным образом» [12]. Третьи высказывают мнение о том, что право ограниченного пользования – это единственное ограниченное вещное право из числа перечисленных в ст. 216 ГК РФ, которое возникает по общему правилу из договора [5].

Относительно необходимости кадастрового учета части земельного участка, в отношении которой устанавливается сервитут, и государственной регистрации права ограниченного пользования земельным участком п. 4 ст. 39.25 ЗК содержит особое положение, согласно которому в случае заключения соглашения об установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок до трех лет допускается по соглашению сторон установление сервитута в отношении части такого земельного участка без проведения работ, в результате которых обеспечивается подготовка документов, содержащих необходимые для осуществления государственного кадастрового учета сведения о части земельного участка, в отношении которой устанавливается данный сервитут, без осуществления государственного кадастрового учета указанной части земельного участка и без государственной регистрации ограничения (обременения), возникающего в связи с установлением данного сервитута. В этом случае граница действия сервитута определяется в соответствии с прилагаемой к соглашению об установлении сервитута схемой границ сервитута на кадастровом плане территории.

Плата за установление сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, устанавливается соглашением в порядке, установленном Правительством РФ, органом государственной власти субъекта РФ или органом местного самоуправления в отношении принадлежащих им земель либо субъектом РФ в отношении земель, государственная собственность на которые не разграничена. Постановлением Правительства РФ от 23.12.2014 № 1461 утверждены Правила определения размера платы по соглашению об установлении сервитута в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности [10].

Таким образом, попытку законодателя на законодательном уровне установить требования к порядку и условиям заключения соглашения о сервитуте в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, можно оценить положительно. Насколько эти нормы эффективны, покажет правоприменительная практика.

Относительно аренды земельного участка следует отметить, что она является одним из важных элементов земельного рынка. Процесс становления рыночной экономики в России и введение права частной собственности на землю обусловили возникновение рынка земли, являющегося инструментом и одновременно гарантией реализации конституционного права собственности на землю [2]. Наряду с правом собственности, аренда является самой распространенной и

удобной формой использования земли, особенно в населенных пунктах.

Право аренды возникает на основании договора, заключенного как в отношении земельного участка, находящегося в частной собственности, так и в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности. Поэтому применение Гражданского кодекса РФ к арендным отношениям очевидно. Однако в правовой литературе справедливо отмечается, что границы свободы договора, объектом которого является земельный участок, должны определяться на основе публично-правового регулирования (земельного законодательства) [1]. Поэтому в Земельном кодексе РФ специальные правила об аренде содержатся в ст.ст. 22, 39.6 – 39.8 и др. Статьи 39.6 – 39.8 ЗК являются новыми, введены с 1 марта 2015 г.

Статья 22 ЗК, как и ранее, до внесения рассматриваемых изменений, предусматривает общие положения об аренде земельного участка. Следует отметить, что существенным изменениям нормы ст. 22 ЗК не подверглись. Важными положениями являются положения закона о том, что размер арендной платы является существенным условием договора аренды (это положение перенесено законодателем из ст. 65 ЗК в ст. 22 ЗК), о возможности отдельным арендаторам на определенных условиях передавать права и обязанности по договору аренды третьим лицам (в рамках заключенных договоров о развитии застроенных территорий, о комплексном освоении территории и др.). Положения ст. 22 ЗК применяются во всех случаях заключения договоров аренды земельного участка и являются специальными по отношению к нормам гражданского законодательства об аренде недвижимого имущества.

Особый интерес представляют нормы ст. 39.6 – 39.8 ЗК, которые являются специальными как по отношению к нормам гражданского законодательства об аренде земельных участков, так и в части порядка заключения договоров аренды земельных участков и установления их условий при заключении договора аренды земельного участка из государственной или муниципальной собственности (иными словами, при предоставлении земельных участков на условиях договора аренды из земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности).

Земельный кодекс РФ (п. 1 ст. 39.6) устанавливает общее правило – договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на торгах, проводимых в форме аукциона. Исключения составляют три группы случаев:

1) при первичном заключении договора аренды (случаи, перечисленные в п. 2 ст. 39.6, их количество составляет 32);

2) при заключении нового договора гражданами и юридическими лицами – арендаторами находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков (п. 3 ст. 39.6);

3) при заключении договора аренды с собственником объекта незавершенного строительства (п. 5 ст. 39.6). В указанных случаях договор аренды заключается без проведения торгов.

Как следует из ст. 39.8 ЗК, условия договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, определяются только Гражданским кодексом РФ, Земельным кодексом РФ и иными федеральными законами (*Прим. автора – не иными нормативными правовыми актами, принимаемыми на федеральном уровне, ни правовыми актами субъектов РФ, ни правовыми актами органов местного самоуправления*). Это очень важное положение позволит упорядочить правоприменительную практику в рассматриваемой сфере.

Новым для ЗК РФ, но не абсолютно новым для земельного законодательства в целом, являются нормы о сроках договоров аренды для определенных видов разрешенного использования земельных участков (п. 8 ст. 39.8). Для одних случаев установлены предельные минимальные и максимальные сроки договоров аренды – например, для комплексного освоения территории юридическому лицу аренда земельного участка может составлять 3 – 5 лет. Для других случаев устанавливается предельный максимальный срок – например, для строительства линейных объектов – до 20 лет. В третьих случаях срок договора аренды обусловлен ранее возникшими отношениями – например, в случае предоставления в аренду земельного участка, образованного из исходного земельного участка, за исключением случаев, если земельный участок предоставлен юридическому лицу для комплексного освоения территории или ведения дачного хозяйства, договор аренды заключается на срок, не превышающий срока действия договора аренды земельного участка, являющегося исходным. В-четвертых, устанавливается конкретный срок договора аренды земельного участка – например, 20 лет в случае предоставления гражданину земельного участка для индивидуального жилищного строительства или земельного участка в границах населенного пункта для ведения личного подсобного хозяйства. В целом в ЗК РФ установлено 19 случаев, для которых определены сроки договоров аренды или правила (пределы) их исчисления.

Вызывает опасения формулировка п. 15 ст. 39.8 ЗК, согласно которой арендатор земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, не имеет преимущественного права на заключение на новый срок договора аренды такого земельного участка без проведения торгов. С одной стороны, указанная норма не содержит каких-либо исключений. С другой стороны, на наш взгляд, ее применение невозможно, во-первых, без учета п. 3 ст. 39.6 ЗК, предусматривающего возможность для граждан и юридических лиц – арендаторов находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков – заключения нового договора аренды таких земельных участков в определенных случаях: если земельный участок предоставлен гражданину или юридическому лицу в аренду без проведения торгов, за некоторыми изъятиями, а также если земельный участок предоставлен гражданину на аукционе для ведения садоводства или дачного хозяйства, и, во-вторых, без учета ст. 39.20 ЗК, согласно которой исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду име-

ют граждане, юридические лица, являющиеся собственниками зданий, сооружений, расположенных на таких земельных участках, за некоторыми изъятиями. В противном случае аренда земельного участка может внешне оказаться «выгодной» формой использования земли для муниципальных образований, но не устанавливающей каких-либо гарантий для арендаторов или потенциальных арендаторов. Однако в конечном итоге такая позиция может отрицательно сказаться на рациональном и эффективном использовании земель в муниципальном образовании. Практика показывает, что зная это обстоятельство, потенциальный арендатор не заинтересован в использовании земли, в обеспечении проведения кадастровых работ, в заключении первоначального договора аренды земельного участка или договора аренды земельного участка на новый срок.

Таким образом, предусмотренное земельным законодательством многообразие видов прав на земельные участки в настоящее время сохранено и исторически оправданно, правовые возможности граждан трансформировать ранее возникшие права пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования на земельные участки в собственность или аренду не утратили своей актуальности и юридической силы. Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ законодатель предпринял попытку привести в соответствие общие положения о безвозмездном пользовании и сервитуте с гражданским законодательством, предусмотрев специальные нормы о них в Земельном кодексе РФ, что соответствует принципу дифференцированного правового регулирования. Существенно расширены нормы земельного законодательства об аренде земельных участков, законодатель идет по пути признания права аренды на земельный участок в качестве основного, в особенности в границах населенных пунктов.

Однако для многих граждан позиция законодателя об аренде земельных участков в населенных пунктах, в том числе для целей строительства, как основном праве, неприемлема, т. к. не дает устойчивости использования земли, ощущения «своего» земельного участка и даже заинтересованности в его получении (поскольку гражданин, неся расходы по подготовке земельного участка к торгам, может его не получить).

Кроме того, законодатель зачастую непоследователен в формировании системы прав на земельные участки, наименовании отдельных видов прав на земельные участки, их распределении по статьям ЗК РФ. Земельный кодекс РФ насыщен отсылочными к гражданскому законодательству и процессуальными нормами, что затрудняет восприятие правовых норм о правах на земельные участки, их толкование и применение. Земельно-правовой науке вновь следует вернуться к исследованию правовой природы частного и публичного сервитутов, их установлению, соотношению норм гражданского и земельного законодательства в этой части. Во избежание неверного толкования норм земельного законодательства и применения их на практике и при нормотворческой деятельности в субъектах Российской Федерации и в муниципальных образованиях следует чаще обращаться к ученым, науке земельного права, фундаментальным исследованиям в этой области, поскольку ошибки могут

привести к нарушениям земельных прав и законных интересов граждан и юридических лиц. С даты вступления в силу Земельного кодекса РФ прошло много лет, а устойчивая правоприменительная практика сложилась сравнительно недавно. В связи с изменениями земельного законодательства практике снова

следует приспосабливаться к новому этапу развития земельных отношений и земельного законодательства, но без учета теории права и представления о земле, прежде всего как о природном объекте и природном ресурсе, формирование полноценной правоприменительной практики невозможно.

Литература

1. Аграрная реформа в Российской Федерации: правовые проблемы и решения / под ред. З. С. Беляевой, О. А. Самончик. М.: ИГиП РАН, 1998. 226 с.
2. Волков Г. А., Голиченков А. К., Козырь О. М. Развитие рынка земли: правовой аспект // Государство и право. 1998. № 2. С. 50 – 58.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2014. № 19. Ст. 2304.
4. Гражданское право: учебник / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. Т. 1. М.: Велби: Проспект, 1999. 616 с.
5. Гув А. Н. Постатейный комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2000. 784 с.
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; Российская газета. 2014. № 299.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. О. Н. Садикова. М.: Юринформ-центр, 1995. 448 с.
8. Корнеев А. Л. Сделки с земельными участками: учебное пособие. М.: Городец, 2006. 192 с.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
10. Постановление Правительства РФ от 23.12.2014 № 1461 «Об утверждении Правил определения размера платы по соглашению об установлении сервитута в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.12.2014).
11. Распоряжение Правительства РФ от 03.03.2012 N 297-р (ред. от 28.08.2014) «Об утверждении Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012 – 2020 годы» // СЗ РФ. 2012. № 12. Ст. 1425.
12. Родионова О. М. Гражданско-правовая природа соглашения об установлении сервитута // Юрист. 2013. № 23. С. 35 – 38.
13. Солодова Я. С. Обязательства из договора об установлении сервитута: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. 19 с.
14. Указ Президента РФ от 22.07.1994 № 1535 (ред. от 22.10.2014) «Об Основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1478; 2014. № 43. Ст. 5881.
15. Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 44. Ст. 4148; Российская газета. 2014. № 299.
16. Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3377; 2014. № 48. Ст. 6637.

Информация об авторе:

Лисина Наталья Леонидовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса КемГУ, (384-2) 58-08-80, ecollaw@kemsu.ru.

Natalia L. Lisina – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Labour and Environmental Law and Civil Process, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28.01.2015 г.

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 143 И 216 УК РФ

А. А. Наумов

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF OFFENSES UNDER ARTICLES 143 AND 216
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. A. Naumov

Настоящая статья посвящена разграничению преступных нарушений правил охраны труда (ст. 143 УК РФ) и нарушений правил безопасности при ведении работ (ст. 216 УК РФ). Целью исследования является выработка путей разрешения проблем квалификации указанных преступлений. Методы исследования: логические методы, исторический метод, нормативно-аналитический метод. Настоящее исследование может быть использовано в правоприменительной и научной деятельности. В процессе исследования проанализированы критерии разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 143 и 146, а по результатам исследования сформулированы следующие выводы: законодателю следует создать перечень работ, нарушение правил ведения которых влечет ответственность по ст. 216 УК РФ, либо сформулировать критерии разграничения общих правил охраны труда и правил безопасности ведения работ, либо включить ст. 143 и 216 УК РФ в одну главу с дифференциацией ответственности по субъекту.

The paper focuses on differentiating between criminal violations of safety rules (Art. 143 of the Criminal Code of the Russian Federation) and criminal violations of safety regulations (Art. 216 of the Criminal Code of the Russian Federation). The aim of the research is to offer the methods to solve the problems of qualification of the foregoing crimes. The methods applied include logical methods, historical method and analysis of law acts. The study can be used in law enforcement and research. The measures of distinguishing the crimes above are analyzed during of the study. The author concludes that legislators should either create the list of the works whose rules violation is punishable under Art. 216 of the Criminal Code of the Russian Federation; or create the measures of distinguishing between the common safety rules and safety regulations in mining and constructions works; or include Art. 143 and 216 of the Criminal Code of the Russian Federation in one chapter with the differentiation of responsibility by the subject of the crime.

Ключевые слова: состав преступления, квалификация преступлений, нарушение правил охраны труда, общественная безопасность, правила техники безопасности.

Keywords: corpus delicti, qualification of crimes, violation of safety rules, public safety, safety regulations.

Составы преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ, несмотря на нахождение в разных главах УК РФ, весьма похожи: ст. 143 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, а ст. 216 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ.

Сходство указанных составов проявляется в следующем: оба охраняют общественные отношения в сфере безопасности труда; диспозиции статей, в которых предусмотрены указанные составы, носят бланкетный характер; оба состава преступлений являются материальными по своей конструкции, при том что необходимые последствия, предусмотренные ст. 143 УК РФ, не совпадают с последствиями, предусмотренными ст. 216 УК РФ; субъективная сторона обоих составов преступлений сконструирована схожим образом.

В теории и практике уголовного права сформулирован ряд отличий указанных составов преступлений, а именно: вид выполняемых работ, характер нарушенных правил, личность потерпевшего, субъект. Однако обилие различий делает разграничение составов еще более запутанным.

Первым критерием является характер нарушенных правил. После внесения изменений в УК РФ от

28.12.2013 г. нарушаемые правила, охраняемые ст. 143 УК РФ, определяются как «требования охраны труда», а в примечании к ст. 143 УК РФ «требования охраны труда» определяются как «государственные нормативные требования охраны труда, содержащиеся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации». Это понятие соответствует ч. 10 ст. 209 ТК РФ, согласно которой требования охраны труда – государственные нормативные требования охраны труда, в том числе стандарты безопасности труда, а также требования охраны труда, установленные правилами и инструкциями по охране труда. Под защиту ст. 143 УК РФ попадают лишь государственные нормативные требования охраны труда, а не требования охраны труда, установленные правилами и инструкциями по охране труда (т. е. установленные локальными нормативными правовыми актами под защиту указанной статьи не попадают).

Правила, охраняемые ст. 216 УК РФ, определяются как «правила безопасности». В российском законодательстве приводится определение похожего понятия «стандарты безопасности». В соответствии с ч. 13 ст. 209 ТК РФ они определяются как правила, процедуры, критерии и нормативы, направленные на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности и регламентирующие осуществ-

ление социально-экономических, организационных, санитарно-гигиенических, лечебно-профилактических, реабилитационных мер в области охраны труда. В литературе признается идентичность понятий «правила безопасности» и «стандарты безопасности». Так, Л. Г. Мачковский указывает: «По нашим наблюдениям, в законодательстве последних лет... термин «техника безопасности» не употребляется. Вероятно, на смену этому словосочетанию приходят более новые понятия, например – Система стандартов безопасности труда» [7, с. 308 – 309].

Соотношение понятий «требования охраны труда» и «правила безопасности» затронуто в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных и иных работ»: «ответственность за нарушения правил техники безопасности или иных правил охраны труда» [8].

Примечательно, что такая формулировка появилась лишь в последней редакции от 06.02.2007 г. В более ранних редакциях п. 2 указанного Постановления Пленума ВС РФ и п. 3 Постановления Пленума ВС СССР «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ» используется формулировка «нарушения правил охраны труда и безопасности работ» [8; 9].

В Постановлении Пленума ВС СССР от 30.05.1967 г. № 4 «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений» в ред. от 30.03.1973 г. указывалось: «Вместе с тем судам следует иметь в виду, что ст. 140 УК РСФСР ... подлежит применению в тех случаях, когда при производстве горных, строительных или работ на взрывоопасных предприятиях (цехах) должностными лицами, кроме правил производства этих работ, нарушены и общие правила охраны труда (реальная совокупность), а также, когда за нарушения правил по технике безопасности, промышленной санитарии и иных правил охраны труда, которые не повлекли, но могли повлечь указанные в законе последствия, ответственность предусматривается этой, а не иными нормами УК» [10]. Отсюда можно сделать вывод об изменении взглядов на соотношение понятий «правила (требования) охраны труда» и «правила безопасности работ» с равноценных понятий на общее и частное.

В литературе по этому вопросу существует несколько точек зрения. Согласно первой точке зрения необходимо разграничивать общие и специальные правила безопасности и общие правила техники безопасности. Например, М. С. Брайнин и С. А. Квелидзе пишут: «следует ... иметь в виду, что и в тех областях народного хозяйства, где установлены специальные правила безопасности, наряду с ними действуют и общие правила техники безопасности. Следовательно, не все случаи нарушения правил техники безопасности ... должны квалифицироваться по ст. 214 УК РСФСР, а только нарушение специальных правил безопасности» [1, с. 84]. Таким образом, при нарушении

общих правил безопасности деяние должно быть квалифицировано как нарушение правил (требований) охраны труда, а при нарушении специальных – как нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных и иных работ. В рамках этой точки зрения все нормы либо разделяют на общие нормы охраны труда и на специальные правила безопасности, либо соотносят их как общее и частное, и именно этой позиции придерживается Верховный Суд РФ.

Другая точка зрения гласит, что разграничить их можно лишь теоретически, а на практике одна норма является и правилом охраны труда, и правилом безопасности. Так, Д. Ю. Вешняков указывает: «В действительности вредные и (или) опасные производственные факторы, от которых призваны оградить требования безопасности труда, носят объективный характер и оказывают неизбирательное воздействие как на работников, задействованных в производственном процессе, так и на любых других лиц, оказавшихся в зоне поражения указанными факторами. «Правила безопасности» ... имеют ту же целевую направленность, что и «правила охраны труда», с той лишь оговоркой, что их соблюдение является обязанностью не участников трудовых отношений, а «производителя работ» в отношении неограниченного круга лиц» [2, с. 135]. Поэтому согласно данной точке зрения необходимо пользоваться другими критериями разграничения указанных составов преступлений, а критерий «характер нарушенных правил» не может использоваться в правоприменительной практике.

Данная проблема носит практический характер, поскольку согласно абз. 3 п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.1991 г. № 1, если нарушение правил и норм охраны труда допущено работником, не являвшимся лицом, указанным в ст. 143 УК РФ, и повлекло последствия, перечисленные в этой статье, содеянное должно рассматриваться как преступление против личности независимо от того, имеет ли потерпевший отношение к данному производству или нет. Очевидно, что занимая Верховный Суд РФ другую позицию, то при нарушении правил охраны труда работников, не имеющих признаков субъекта ст. 143 УК РФ, он бы предписывал квалифицировать по ст. 216 УК РФ.

Думается, что для разрешения вопроса о возможности разграничения правил охраны труда и правил безопасности проведения работ требуется отдельное исследование, однако очевидно, что выделять правила безопасности ведения работ из общих правил охраны труда необходимо для правильной квалификации.

Второй критерий – вид выполняемых работ – можно считать исторически первым, поскольку УК РСФСР 1960 г. устанавливал ответственность лишь за нарушение правил безопасности лишь при производстве горных и строительных работ (ст. 214 и 215 УК РСФСР 1960 г.). Согласно этому критерию при нарушении правил проведения горных и строительных работ лицо несет ответственность по ст. 216 УК РФ (ранее – по ст. 214 УК РСФСР 1960 г. или ст. 215 УК РСФСР 1960 г.), а при проведении остальных работ оно несло ответственность по ст. 143 УК РФ (ранее – по ст. 143 УК РСФСР 1960 г.).

Однако по действующему УК РФ ст. 216 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил производства не только горных и строительных, но и иных работ. В п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных и иных работ» указывается на то, что «по делам данной категории необходимо отграничивать преступления, предусмотренные ст. 143 УК РФ, от преступлений, предусмотренных ст. 216 УК РФ, учитывая, что при решении указанного вопроса следует исходить из того, при производстве каких именно работ нарушены правила безопасности. Если нарушение этих правил (в том числе и правил охраны труда) было допущено при производстве горных либо строительных работ, то содеянное должно квалифицироваться по ст. 216 УК РФ» [8]. Таким образом, Верховный суд не затрагивает понятие «иные работы» и не раскрывает их.

Относительно понятия «иные работы» существует несколько точек зрения. Согласно одной из них, «иные работы» представляют собой такие работы, которые отличаются уровнем опасности, подобным уровню опасности горных и строительных работ. К примеру, В. С. Комиссаров пишет: «Иные работы – это однопорядковые с горными и строительными работами, которые обладают таким же высоким уровнем возможности причинения вреда» [5, с. 313].

В соответствии с другой точкой зрения, «иные работы» должны отличаться повышенной опасностью, однако при этом не требуется, чтобы уровень опасности таких работ был подобен уровню опасности при ведении горных и строительных работ. Так, по мнению И. М. Тяжковой, «иные работы – это любые работы, характеризующиеся повышенным уровнем возможности причинения вреда и поэтому самым тщательным образом регламентированные специальными правилами» [11, с. 239 – 240].

Согласно третьей точке зрения, к «иным работам» относятся любые работы за исключением горных и строительных. Так, Л. Г. Мачковский пишет: «ст. 216 не дает оснований для ограничения пределов действия нормы. Только после внесения корректив в уголовный закон было бы возможно, как это предлагается, ограничивать сферу применения в ст. 216 УК несчастными случаями на производстве» [7, ст. 319].

Представляется, что точка зрения И. М. Тяжковой является верной, поскольку расположение ст. 216 УК РФ, регулирующей безопасность труда, в главе 24 – «Преступления против общественной безопасности» – указывает на то, что видовым объектом состава преступлений, предусмотренного ст. 216 УК РФ, является общественная безопасность. В литературе утвердилось понятие безопасности, установленное в ст. 1 к настоящему моменту утратившего силу Закона РФ от 5.03.1992 г. «О безопасности» – «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства» [3]. Таким образом, общественная безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов общества. Следовательно, характер выполняемых работ должен быть таким, чтобы нарушение правил их ведения могло повлечь угрозу безопасности не одного – двух, а большего числа лиц. Как

правильно указывает Д. Ю. Вешняков, «вывод об отсутствии в составе преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, ограничений по видам работ, при ведении которых были нарушены правила безопасности, уводит нас в бессистемность сферы его применения. Такое толкование носит бессистемный характер... Очевидно, что нарушения правил безопасности... в сфере бытового обслуживания могут создать угрозу конкретным лицам, иногда даже группе людей, но вряд ли можно допустить, что такие нарушения подрывают общественную безопасность» [2, с. 139].

С точкой зрения В. С. Комиссарова нельзя согласиться, потому что установление степени вреда иных работ, подобной степени вреда горных и строительных работ, является сложным в реализации и зависимым от мнения самого оценивающего лица, тем более что как горные, так и строительные работы, имеют разную степень опасности в конкретных условиях.

Таким образом, вторым критерием разграничения составов, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ, является вид работ: для квалификации по ст. 216 УК РФ необходимо, чтобы по своему виду работа была сопряжена с опасностью для широкого круга лиц, в то же время для квалификации по ст. 143 УК РФ вид работы не имеет значения.

Третий критерий разграничения анализируемых составов – это потерпевший. Согласно этому критерию потерпевшим при нарушении требований охраны труда может быть только работник, участвовавший в производстве этих работ, а потерпевшим в результате нарушения правил безопасности при ведении горных, строительных и иных работ может быть любое лицо. Данное правило вытекает из ч. 1 ст. 209 ТК РФ, согласно которой охрана труда – система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия.

Примечательно, что в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.04.1991 г. № 1 указанный критерий не указан, однако согласно абз. 2 п. 4 Постановления Пленума ВС СССР от 05.12.1986 г. № 16 «В тех случаях, когда в результате нарушения правил охраны труда оказались потерпевшими иные лица, действия виновных в зависимости от их служебного положения, характера и тяжести наступивших последствий должны квалифицироваться как соответствующее должностное преступление или преступление против личности» [9]. Однако необходимо понимать, что в то время деяние квалифицировалось как нарушение правил безопасности лишь при ведении горных и строительных работ. И тем не менее в случае, когда потерпевший не является участником трудовых отношений, возникает вопрос, квалифицировать ли такое деяние как нарушение правил безопасности при ведении работ или же как общеуголовное неосторожное преступление против личности, нуждается в разрешении. Ответ на него зависит от того, разграничивать ли правила охраны труда и правила безопасности, либо же признать, что одни и те же правила являются одновременно и правилами охраны труда, и правилами ведения работ. Исходя из приведенного обстоятельст-

ва, а также из того факта, что данный критерий является отражением разных объектов преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ, следует, что потерпевший является вторичным критерием разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ.

Четвертым критерием разграничения указанных составов преступлений является субъект преступления. В целом правоприменительная практика и доктрина уголовного права согласны с тем, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, является любой работник, а субъектом преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, является лицо, на которое возложены обязанности по соблюдению правил охраны труда. Согласно ч. 2 ст. 22 ТК РФ такая обязанность возложена на работодателя. В п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.1991 г. № 1 приводится перечень таких лиц. Во-первых, это лица, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил и норм охраны труда на определенном участке работ. Во-вторых, это руководители предприятий и организаций, их заместители, главные инженеры, главные специалисты предприятий, однако указанные лица подлежат ответственности по ст. 143 УК РФ лишь при одном из следующих условий: они не приняли мер к устранению заведомо известного им нарушения правил охраны труда либо дали указания, противоречащие этим правилам, или, взяв на себя непосредственное руководство отдельными видами работ, не обеспечили соблюдение тех же правил [8].

В целом последний критерий разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ, наиболее точен и понятен, однако и он не может считаться основным, поскольку санкция ст. 216 УК РФ предусматривает назначение более тяжкого наказания, чем санкция ст. 143 УК РФ. Если считать данный критерий основным, то окажется, что деяние рядового работника наказывается более строго, чем деяние руководящего состава предприятия, что является несправедливым. Именно поэтому указанный критерий является вторичным по отношению к характеру нарушенных правил, поскольку в таком случае при нарушении правил охраны труда руководитель будет нести ответственность по ст. 143 УК РФ, а при нарушении правил безопасности при ведении работ – по ст. 216 УК РФ.

Из вышесказанного следует, что только характер нарушенных правил является основным критерием разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ, поскольку вид работ в качестве критерия неприменим из-за открытого перечня работ в ст. 216 УК РФ, а критерии – потерпевший и субъект – являются вторичными. Создавшееся положение создает сложности при квалификации преступлений, поэтому нуждается в исправлении. На основании проведенного анализа можно выделить три возможных варианта решения данной проблемы.

1. Вернуть закрытый перечень работ, нарушение правил безопасности ведения которых влечет ответственность по ст. 216 УК РФ. Однако очевидно, что указанный способ потребует издания отдельного нормативного правового акта, предусматривающего

такой перечень, поскольку перечень таких работ будет велик и не будет сводим к горным и строительным работам. Кроме того, сложно будет предусмотреть все опасные виды работ, причем опасный характер таких работ будет иметь оценочный характер, в связи с чем потребуются кропотливая работа над таким перечнем, которой в реальности может и не быть, что повлияет на качество такого нормативного правового акта. Наконец, имеются сомнения в реальной возможности составить такой перечень.

2. Прописать четкие критерии выделения правил безопасности ведения работ из правил охраны труда. Этот вариант потребует пересмотр многих норм охраны труда и безопасности ведения работ, заключающийся в их изменении таким образом, чтобы исключить сочетание в одной регулятивной норме общего правила охраны труда и правила безопасности. Пример такого критерия приводили П. Кобзаренко, А. Иванов, которые указывали на то, что последствия нарушения правил охраны труда «в подавляющем большинстве случаев наступают непосредственно в процессе ведения строительных работ, реже – после их окончания и никогда – в период эксплуатации возведенных объектов» [4, с. 19].

3. Включить составы ст. 143 и 216 УК РФ, а также ряд других составов преступлений (ст. 215, 217 – 219 УК РФ, вероятно также включение в такую главу транспортных преступлений) в одну главу УК РФ. Так, И. П. Лановенко и Г. И. Чангули писали: «все перечисленные уголовно-правовые нормы направлены на охрану трудовых прав... и одновременно большинство из них призваны обеспечить и охрану их здоровья, жизни ... производственный травматизм – это особый вид посягательств на трудовые права граждан. Он выходит за пределы индивидуальных трудовых интересов того или иного потерпевшего. Здесь собственно трудовые интересы потерпевших сливаются ... с понятием общественной безопасности производства... Особенности и характер непосредственных объектов преступлений, посягающих на трудовые права граждан и общественную безопасность, дают основание для вывода о целесообразности объединения соответствующих правовых норм в пределах одной главы УК...» [6, ст. 19]. Данное предложение также подвергалось критике. К примеру, И. Е. Эмирова указывает на то, что такое предложение «вызывает сомнения прежде всего потому, что оно вытекает из необоснованного признания родовой общности указанных преступлений» [12, с. 145].

Признание общности объекта преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ, позволит выработать единое понятие норм, нарушение которых влечет ответственность по ст. 143 и 216 УК РФ. Однако данный способ потребует установления более строгого наказания для руководителей, чем для работников, поскольку необходимо будет отказаться от концепции видов работ, которые угрожают не только жизни и здоровью работников, но и обществу в целом, а в таком случае единственным способом дифференциации ответственности может быть лишь ужесточение ответственности руководителей.

Думается, что все перечисленные пути решения проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ, являются приемлемыми.

Однако, на наш взгляд, первый способ является самым сложным в плане реализации, второй способ потребует изменения огромного нормативного правового массива ради решения проблем квалификации двух составов преступлений, причем весьма вероятно, что разрешение этой проблемы путем изменения технических норм создаст другие проблемы. С другой стороны, эти способы не потребуют существенного изменения правил квалификации. Наиболее простым способом является включение ст. 143, 216 и ряда других составов преступлений в отдельную главу УК РФ.

Однако такое решение потребует от законодателя отказаться от концепции работ, нарушение правил ведения которых угрожает обществу, в пользу дифференциации ответственности в зависимости от должностного положения участников рабочего процесса, т. е. потребует существенного изменения правил квалификации преступлений. В любом случае каждый из этих способов позволит улучшить уголовное законодательство по сравнению с его нынешним состоянием в части, касающейся преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ.

Литература

1. Брайнин М. С., Квелидзе С. А. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в СССР. М.: Юридическая литература, 1977.
2. Вешняков Д. Ю. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2013.
3. Закон РФ от 5.03.1992 г. № 2446-I «О безопасности» // Российская газета. № 103. 6.05.1992.
4. Кобзаренко П., Иванов А. Еще раз о разграничении ответственности по статьям 140 и 215 УК РСФСР // Советская юстиция. 1971. № 16.
5. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 4. / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М: Зерцало, 2002.
6. Лановенко И. П., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан; АН УССР, Институт государства и права / отв. ред. И. П. Лановенко. Киев: Наукова думка, 1989.
7. Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных и иных работ» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ 1961 – 1993. М.: Юридическая литература, 1994; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 1; 2007. № 5.
9. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 05.12.1986 г. № 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ» «нарушения правил охраны труда и безопасности работ» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 1.
10. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.05.1967 г. № 4 «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1967. № 4; 1973. № 3.
11. Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. М.: Юридический центр, 2002.
12. Эмирова И. Е. Уголовно-правовое обеспечение реализации трудовых прав граждан: по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Информация об авторе:

Наумов Александр Андреевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, aanaumoff@rambler.ru, uusers1022@mail.ru.

Alexander A. Naumov – post-graduate student at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Черненко Тамара Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, 8(3842)58-37-43, chernenkotg@mail.ru.

Research advisor: Tamara G. Chernenko – Doctor of Law, Full Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 19.02.2015 г.

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССА РАЗМЕЩЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Е. Е. Новиков

THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES FOR DEVELOPING THE PROCESS OF PLACING CONVICTS IN PRISON

E. E. Novikov

В статье на основе анализа теоретических основ, правового регулирования и организации процесса размещения осужденных в исправительных учреждениях (далее – ИУ) предлагаются пути совершенствования рассматриваемого вида деятельности. Автором утверждается, что действующий механизм вхождения осужденных в места лишения свободы практически не оказывает на них квалифицированного и своевременного воспитательного, педагогического, психологического и иного воздействия. В связи с этим предлагается процесс размещения в ИУ начинать с момента истечения срока нахождения осужденного в карантинном отделении и закончить отведенным законодателем периодом содержания в обычных условиях отбывания наказания.

В работе представлены результаты исследования деятельности адаптационных отрядов в некоторых ИУ. По мнению автора, формирование данных структурных подразделений создаст более благоприятные условия для размещения осужденных в местах лишения свободы, что подтверждают данные об уровне адаптации осужденных к жизни в ИУ, анализ дисциплинарной практики, исследование участия осужденных в культурно-массовой работе, выявление отношения к трудовой деятельности и образовательному процессу.

Basing on the analysis of theoretical foundations, management and organization of the process of placing convicts in prison, the paper offers a way to improve such activities. The author argues that the current mechanism of keeping convicts in prison has hardly any qualified and timely educational, pedagogical, psychological effect on them. In this regard, it is suggested that the process of placement in prisons must start from the expiry of the term of the convict's stay in the quarantine unit and end with the period of serving the sentence allotted by the legislator under the ordinary conditions.

The paper presents the results of studying the adaptation of convicts in some prisons. This work on the adaptation of the convicts has a positive impact on their placement in prisons.

Ключевые слова: размещение осужденных, первоначальная адаптация в исправительных учреждениях, адаптационные отряды, обычные условия отбывания наказания.

Keywords: placement of prisoners, initial adaptation in prisons, adaptation groups of prisoners, usual conditions of serving the sentence in prison.

Одним из резервов совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) является выработка оптимального механизма положительной адаптации вновь прибывших осужденных в исправительное учреждение (далее – ИУ), где центральное место занимает заключительный элемент первоначального этапа отбывания наказания – размещение осужденных в ИУ (*прим. автора:* процесс отбывания наказания в виде лишения можно разделить на три этапа: 1) первоначальный (адаптационный), состоящий из трех элементов – направления, приема и размещения осужденных; 2) основной, когда к осужденному применяются все средства исправительного воздействия; 3) заключительный, связанный с подготовкой осужденного к жизни на свободе [1, с. 16]).

Размещение осужденных в ИУ – это не формальная процедура, а специализированная деятельность администрации учреждения с использованием научных и практических знаний, направленная на распределение вновь прибывших осужденных после нахождения их в карантинном отделении по отрядам (камерам) с целью создания в них нормального социально-психологического климата, блокирования влияния отрицательной части осужденных, криминальных «авторитетов», дифференциации и индивидуализации исправительного воздействия. Именно максимальное повышение эффективности данного направления работы позволит более успешно

применять средства исправления в отношении осужденных на основном этапе отбывания наказания, а значит, сделать еще один шаг к достижению целей уголовно-исполнительного законодательства.

Отметим, что действующий механизм размещения осужденных в ИУ практически не оказывает на вновь прибывших квалифицированного и своевременного воспитательного, педагогического, психологического и иного воздействия. «Сотрудники служб ИУ не могут проводить работу с одинаковой нагрузкой одновременно во всех отрядах, хотя в каждом из них есть осужденные, нуждающиеся в проведении с ними углубленной работы по соответствующему направлению (профилю). Все это приводит к неоправданному распылению сил и средств в деятельности личного состава ИУ, а также непомерному перенасыщению должностными обязанностями начальников отрядов» [3, с. 19]. Даже формирование относительно новых служб (психологической, социальной работы) в ряде случаев не в состоянии повлиять на успешное размещение осужденных.

Дело в том, что процесс размещения осужденных в ИУ не в полной мере обоснован на теоретическом и правовом уровнях; законодатель не совсем четко определил место данного вида деятельности в механизме реализации наказания. Все это привело к формализации процесса размещения осужденных в ИУ, кото-

рый, по сути, выражается в распределении осужденных по отрядам сразу же после пребывания лиц в карантинном отделении сроком до 15-ти суток [2, с. 20]. Сложившаяся ситуация в первую очередь отрицательно влияет на положительную адаптацию осужденных в местах лишения свободы и существенно осложняет дальнейшую работу с ними.

Для решения поставленных проблемных вопросов считаем возможным полагать, что процесс размещения в ИУ должен начинаться с момента истечения срока нахождения осужденного в карантинном отделении и заканчиваться отведенным законодателем периодом содержания в обычных условиях отбывания наказания. Аргументируем свою позицию.

Итак, размещение осужденных в ИУ, наравне с процессами направления и приема, является заключительным элементом первоначального этапа отбывания наказания. В свою очередь полагаем, что законодатель обозначил первоначальный этап как обычные условия отбывания наказания: «В обычных условиях колонии общего режима отбывают наказание осужденные к лишению свободы, поступившие в данное исправительное учреждение. Если осужденный в период пребывания в следственном изоляторе не допустил нарушений установленного порядка содержания под стражей, за которые к нему применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок его нахождения в обычных условиях исчисляется со дня заключения под стражу» (ч. 1 ст. 120 УИК РФ). То же самое определено и по другим видам режима колонии (ч. 1 ст. 122, ч. 1 ст. 124 УИК РФ), а в тюрьме поступившие осужденные содержатся в течение года на строгом режиме. В обычных условиях отбывания наказания осужденные находятся и в период пребывания в СИЗО, а также в карантинном отделении (ч. 2 ст. 79 УИК РФ). Таким образом, предположим, что законодатель полагает необходимым включать в первоначальный этап периоды пребывания осужденного под стражей в СИЗО, карантинном отделении и оставшийся срок нахождения лица в обычных условиях отбывания наказания в ИУ.

Как известно, в обычных условиях осужденные находятся не менее 6-ти месяцев в колониях общего режима, 9-ти месяцев – в колониях строгого режима, 1 год – в колониях особого режима. Эти сроки сокращаются, если осужденный во время содержания в СИЗО не водворялся в карцер. Так как размещение осужденных в ИУ является заключительным элементом первоначального этапа отбывания наказания, а срок первоначального этапа составляет отведенный законодателем период нахождения в обычных условиях отбывания наказания, то процесс распределения осужденных должен завершаться по истечению указанных выше временных промежутков (6, 9 месяцев или 1 год).

По сути, пребывание осужденного в СИЗО, в карантинном отделении ИУ и размещение вкрупне представляются законодателем в виде периода испытания его поведения: если он не допустил нарушений режима в СИЗО, влекущих водворение в карцер, или нарушений режима в обычных условиях ИУ, приведших

к наложению взысканий, то осужденный переводится в облегченные условия отбывания наказания с соблюдением формального критерия – установленного законом срока минимального нахождения в обычных условиях. Материальный критерий в данном случае уже соблюден – положительное поведение осужденного на протяжении всего срока нахождения в обычных условиях отбывания наказания.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать краткий вывод о том, что размещение осужденных должно завершаться решением вопроса: в какие условия направлять осужденного в зависимости от его поведения – в льготные, обычные или строгие? Так, если на протяжении всего первоначального этапа осужденный характеризуется с положительной стороны, то есть все основания направлять его в облегченные условия пребывания в ИУ. Оставлять в обычных условиях отбывания наказания крайне не рекомендуется и должно быть исключением из общего правила.

К сожалению, практика переводов осужденных в облегченные условия отбывания наказания свидетельствует об ином. Например, по данным проведенного исследования в обычных условиях ИК общего режима содержится около 73 % осужденных, в облегченных – 19,5 %, хотя при этом положительно характеризуются 80 % из них, нейтрально – 16 %, а отрицательно (злостные нарушители режима) – 4 %. Исходя из представленных данных, большинство положительно зарекомендовавших себя осужденных, успешно пройдя испытание в период их нахождения в обычных условиях отбывания наказания, продолжают оставаться в тех же условиях. Причиной тому является формулировка законодателя, определяющая, что осужденные «могут быть переведены в облегченные условия» (ч. 3 ст. 120 УИК РФ и др.), то есть в зависимости от усмотрения администрации ИУ. Конечно, вопрос об изменении условий отбывания наказания должны решать представители ИУ, ориентируясь не только на дисциплинарную практику, но, например, и на характеристику личности осужденного. Однако, по нашему мнению, указанное выше количество положительно характеризующихся осужденных (58 %) в любом случае не должно содержаться в обычных условиях отбывания наказания.

Тем не менее даже при невозможности перевода осужденного в облегченные условия следует считать окончание указанных сроков (6 месяцев – на общем, 9 месяцев – на строгом и 1 год на особом режимах) в качестве завершения процесса размещения осужденных в ИУ.

Далее отметим, что процесс размещения осужденных должен сопровождаться деятельностью, связанной с адаптацией вновь прибывших к отбыванию наказания в микросоциальной общности осужденных, вхождением в трудовой и учебный процессы и т. д. Другими словами, перед решением вопроса о распределении осужденных по условиям отбывания наказания с рассматриваемой категорией лиц должна быть проведена особая работа по изучению их личности.

Выход из создавшейся ситуации видится в постепенном создании адаптационных отрядов с выделением их в структуре ИУ.

В данном контексте следует отметить положительный опыт работы с вновь прибывшими осужденными и их дальнейшему размещению по отрядам ФКУ ИК-8 УФСИН России по Омской области (далее – ИК-8), где адаптационный отряд функционирует с 2001 г. Основные цели адаптационного отряда: помочь осужденным лучше и как можно быстрее адаптироваться в новых условиях проживания; выявить осужденных, которые так или иначе своим поведением пытаются отрицательно повлиять на других осужденных; предупредить нарушения установленного порядка отбывания наказания, допускаемые осужденными; осуществить размещение осужденных по отрядам.

Рассматриваемый отряд возглавляет его начальник (из числа наиболее опытных сотрудников). Общее руководство отрядом, его взаимодействие с другими отделами и частями учреждения осуществляет заместитель начальника учреждения по кадрам и воспитательной работе. Начальник отдела по воспитательной работе с осужденными оказывает методическую и практическую помощь, анализирует результаты деятельности отряда.

В целях более успешной адаптации, профилактики деструктивного поведения осужденных разрабатывается программа на весь адаптационный период, которая состоит из планов работы администрации (составляется отдельно на каждый месяц нахождения осужденных в адаптационном отряде) и психологической службы в адаптационном отряде.

Составление плана работы администрации в данном отряде имеет особую значимость, так как в соответствии с ним осуществляют свою деятельность сотрудники фактически всех служб и отделов.

При отряде создается Совет воспитателей, руководство которым возлагается на начальника отряда. За отрядом закрепляются сотрудники психологической лаборатории, отдела режима и надзора и оперативного отдела.

В задачи отряда входит: – организация целостного воспитательного процесса во взаимодействии с закрепленными за отрядом сотрудниками отдела по воспитательной работе с осужденными; отделами охраны, режима и надзора, психологической лаборатории, а также с сотрудниками других служб исправительной колонии; мастерами профессионального училища, представителями общественности; оказание осужденным в процессе отбывания наказания всесторонней социальной помощи, содействие в восстановлении и укреплении социально полезных связей, поддержание отношений с родственниками; своевременное выявление и устранение личностных проблем в среде осужденных, разрешение конфликтных ситуаций между ними и во взаимоотношениях с сотрудниками ИК.

С целью определения эффективности деятельности адаптационных отрядов были исследованы осужденные (по 120 чел. в каждой) ИК-8 УФСИН России по Омской области, ИК-1 УФСИН России по Респуб-

лике Алтай, ИК-22 ГУФСИН России по Красноярскому краю, ИК-14 ГУФСИН России по Краснодарскому краю, ИК-7 ГУФСИН России по Омской области, ИК-3 УФСИН России по Калужской области, ИК-40 ГУФСИН России Кемеровской области. Итак, анализ полученных данных выявил следующие показатели деятельности адаптационных отрядов: у осужденных, находившихся в адаптационном отряде, отмечается более высокий уровень адаптации к среде ИУ (76,6 %) по сравнению с остальными осужденными (14 %); количественный анализ дисциплинарной практики (2010 – 2013 г.) показал, что осужденные, находившиеся в адаптационном отряде, в среднем допустили 13,5 % нарушений режима против 45 % проступков остальных осужденных; осужденные, содержащиеся в адаптационном отряде, более активно (в среднем на 15 % больше по сравнению с другими осужденными) участвуют в культурно-массовой работе учреждения; осужденные, ранее содержащиеся в адаптационном отряде, более эффективно ощущают на себе влияние образовательных процессов в ИУ (в среднем на 17,3 % больше по сравнению с другими осужденными).

Таким образом, формирование адаптационных отрядов создает более благоприятные условия для размещения осужденных в местах лишения свободы, что подтверждают данные об уровне адаптации осужденных к жизни в ИУ, анализ дисциплинарной практики, исследование участия осужденных в работе самодеятельных организаций, выявление отношения к трудовой деятельности и образовательному процессу.

Заметим, что во многих западных странах (США, Германии, Англии, Японии и др.) практикуется подобная начальная система обеспечения наказания. Например, в США на первоначальном этапе серьезное внимание уделяется изучению личности преступника с тем, чтобы определить степень его опасности, отнести к определенной классификационной группе и затем направить в ИУ, имеющее соответствующий уровень безопасности. Процесс изучения личности распадается на три этапа. На первом этапе личность изучается органами правосудия: собирается наиболее общая информация о правонарушителе (о его социальном статусе, поведении и образе жизни до преступления, состоянии здоровья и т. п.). На втором этапе изучением осужденного занимаются специалисты диагностических центров – промежуточного звена между СИЗО и ИУ. Здесь разрабатывают программы социальной реабилитации, имеющие рекомендательный характер для персонала ИУ. На третьем этапе осужденный вновь подлежит обследованию, но уже специальными комиссиями ИУ, состоящими из психологов, психиатров, социальных работников. На основе личных дел, разработанных ранее программ ресоциализации они составляют более конкретные программы исправительного воздействия на каждого осужденного [5, с. 15].

Подчеркнем, что в пенитенциарной системе западных стран значительное внимание уделяется вопросам первоначальной адаптации вновь прибывших осужденных и их размещению в тюрьмах. Например,

на территории ФРГ, в земле Северный Рейн-Вестфалия эту задачу выполняет специализированная тюрьма-распределитель в г. Хагене. После вступления приговора в законную силу сюда направляются все несовершеннолетние, имеющие гражданство ФРГ, осужденные к лишению свободы на срок более двух лет. В тюрьме работает специальная комиссия, состоящая из юриста, советника по трудоустройству, педагогов, психологов, социальных работников, ученых-социологов, сотрудников общей службы исполнения наказаний [6, с. 8]. Члены комиссии не менее чем за 6 недель проводят всестороннюю и тщательную диагностику личности каждого осужденного и определяют, какие адаптационные мероприятия будут для него наиболее подходящими.

На основании полученных данных комиссия разрабатывает рекомендации по дальнейшей работе с этими осужденными и соответствующие указания по их размещению в тюрьме. Рекомендации направляются к месту отбывания наказания и содержат характеризующие осужденных данные с указанием основных отклонений и главных направлений работы по их устранению, что позволяет организовать планирование работы с конкретным осужденным в течение всего срока отбывания наказания [4, с. 55 – 56].

Полагаем, что адаптационные отряды, наравне с вышеуказанными пенитенциарными системами, будут играть решающую роль в изучении личности вновь прибывших осужденных и дальнейшем их размещении в ИУ.

Литература

1. Новиков Е. Е. Правовое регулирование направления осужденных в исправительные учреждения, их приема и размещения: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 239 с.
2. Новиков Е. Е. Совершенствование правового и организационного регулирования приема осужденных в исправительные учреждения // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 19 – 21.
3. Поздняков В. И. От отрядов – к профильным участкам // Ведомости УИС. 2002. № 7. С. 18 – 26.
4. Соколов С. А. Правовое регулирование исполнения наказания в тюрьмах: эволюция и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 55 – 56.
5. Чакубаш Ю. В. Социально-педагогические основы деятельности пенитенциарной системы США: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1993. 28 с.
6. Шинкарев Л. Две недели в тюрьмах ФРГ // Российская газета. 2002. 22 марта. С. 8.

Информация об авторе:

Новиков Егор Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России, капитан внутренней службы, 8-923-465-77-63, mavr-85@mail.ru.

Egor E. Novikov – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Penitentiary Law and Criminology, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Captain of Internal Service.

Статья поступила в редколлегию 27.03.2015 г.

УДК 343

К ВОПРОСУ О ЕДИНОМ СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л. В. Петракова, И. А. Гааг

TO THE QUESTION OF UNIQUENESS OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

L. V. Petrakova, I. A. Gaag

Настоящая статья посвящена вопросам реформирования российских органов предварительного следствия, в которой обосновывается необходимость продолжения реформ, направленных на повышение результативности деятельности указанных органов, создания Единого Следственного Комитета, а также уделяется внимание проблемам совершенствования правового регулирования в данной сфере.

The paper focuses on the reform of the Russian bodies of preliminary investigation, in an attempt to justify the need to continue the reforms aimed at improving the effectiveness of the activities of these bodies, the creation of a single investigation committee, as well as focuses on the issues of improvement of legal regulation in this area.

Ключевые слова: органы предварительного следствия, реформирование органов предварительного следствия, Следственный Комитет РФ, Единый Следственный комитет РФ, правовое регулирование и регламентация деятельности органов предварительного следствия.

Keywords: bodies of preliminary investigation, reform of the preliminary investigation, Investigative Committee of the Russian Federation, Unified Investigative Committee of the Russian Federation, legal regulation and the regulation of the activity of the preliminary investigation.

Коренные изменения во всех сферах общественной жизни, которые начались в конце двадцатого столетия в России, естественным образом затронули все институты российского государства. Целью этих изменений явилось построение демократического, правового государства и гражданского общества. В результате ряда таких уже произошедших и продолжающихся изменений наступило время неизбежных и неотвратимых глобальных перемен в системе всех правоохранительных органов нашей страны, в том числе и в органах, осуществляющих предварительное следствие.

Можно констатировать, с одной стороны, объективную возможность и необходимость изменения структуры и функций (компетенции) правоохранительных органов, и, с другой стороны, возрастание их роли в жизни нашего общества. Учитывая, что в правовом, демократическом государстве правоохранительные органы должны быть лишены предвзятости и излишней репрессивности, возникла серьезная необходимость в их всестороннем реформировании. Вопросы правовой регламентации, образования, компетенции, организации деятельности, изучения состояния органов предварительного следствия в целом, а также обозначившиеся проблемы в реформировании недавно созданного Следственного комитета Российской Федерации, потребовали самостоятельных исследований как со стороны ученых, так и со стороны практических работников.

Впервые идея создания в новых условиях единого следственного комитета представителем органа государственной власти была озвучена автором проекта закона о создании единого следственного органа в России заместителем руководителя Администрации Президента Российской Федерации Д. Н. Козаком в 2001 г. До этого необходимость создания единого следственного комитета была предметом дискуссии как в научных кругах, так и среди правоприменителей. В проекте закона предусматривалось, что во вновь созданный орган сольются следственные подразделения прокуратуры, МВД, ФСКН, ФСБ Российской Федерации. Одновременно предполагалось и слияние Министерства юстиции с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Однако такие изменения в системе правоохранительных органов России не были поддержаны Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, а также в МВД, Минюсте, ФСКН, ФСБ и Генпрокуратуре Российской Федерации.

Поэтому, созданный в 2011 г. Следственный комитет Российской Федерации не объединил все существующие в Российской Федерации органы предварительного расследования, а был структурно выделен из органов прокуратуры. В таком виде он просуществовал недолго, что неудивительно, т. к. его деятельность была недостаточно эффективной и не привела к ожидаемым результатам.

Необходимость дальнейшего реформирования Следственного комитета Российской Федерации и создания единого Следственного комитета в Российской Федерации привели к созданию законопроекта, согласно которому подлежали полной ликвидации следственные подразделения в ФСКН и МВД России.

При этом штатная численность сотрудников и находящиеся в производстве уголовные дела подлежали передаче в единый Следственный комитет Российской Федерации. Такой подход, безусловно, свидетельствует о движении вперед в вопросе реформирования органов предварительного расследования, но отличается половинчатостью, т. к. в нем отсутствует предложение объединить в рамках единого следственного комитета следственные подразделения ФСБ.

Основным доводом противников ликвидации следственных подразделений в ФСБ является необходимость обеспечить при расследовании уголовных дел сохранность сведений, составляющих государственную тайну. Полагаем, что приведенные доводы авторов законопроекта о невозможности ликвидации следственного подразделения ФСБ и невозможности передачи его функций по расследованию уголовных дел о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства единому Следственному комитету Российской Федерации недостаточно убедительны, т. к. в настоящее время при расследовании уголовных дел о хищениях, преступлениях против жизни и здоровья, а также должностных преступлениях следователям Следственного комитета Российской Федерации приходится сталкиваться со сведениями, составляющими государственную тайну. Уголовно-процессуальный закон предусматривает механизм, позволяющий обеспечить соблюдения режима государственной тайны как при расследовании уголовных дел, так и при рассмотрении таких дел в суде. Кроме того, уголовные дела, расследуемые следственными подразделениями ФСБ Российской Федерации, рассматриваются в судах общей юрисдикции, никаких специальных судов в России для рассмотрения уголовных дел, содержащих государственную тайну, не существует. Но это не мешает обеспечивать сохранность сведений, составляющих государственную тайну, и не допускать распространение таких сведений.

На наш взгляд, серьезных доводов против объединения органов, осуществляющих предварительное расследование, в рамках единого Следственного комитета Российской Федерации не существует.

Обсуждение вопросов реформирования деятельности предварительного следствия во всех российских правоохранительных органах, а также создания единого Следственного комитета Российской Федерации, требуют обращения к отечественному опыту становления и развития органов предварительного следствия, а также определения роли следователя в деятельности этих органов и судопроизводстве в целом.

Исторически так сложилось в России, что достаточно много авторов, как теоретиков, так и практиков, обращались к вопросу создания единого государственного органа, основной функцией которого являлось бы расследование всех видов преступлений, совершаемых на всей территории российского государства. Так, М. С. Строгович ещё в 1957 году указывал на недопустимость функционирования милиции одновременно как органа дознания и следствия, полагая сохранение следствия только в органах прокуратуры. Предложенная этим автором концепция реорганизации следственного аппарата в СССР и спустя четверть

века не потеряла свою актуальность. И сегодня остается немало сторонников создания единого следственного аппарата как важного условия обеспечения прав граждан в уголовном процессе [4, с. 8].

На наш взгляд, необходимость создания единого Следственного комитета в российском государстве продиктована также рядом причин, негативно влияющих на результативность, полноту, объективность и качество деятельности следователей, особенно на стадии предварительного расследования. К таким серьезным причинам можно отнести:

- недостаточно четкую законодательную регламентацию статуса сотрудника следственного подразделения, структурно и штатно входящего в органы МВД, ФСБ, ФСКН Российской Федерации;

- существующую в органах следствия МВД, ФСБ, ФСКН Российской Федерации строгую вертикаль власти, т. е. непосредственную подчиненность всего аппарата следствия, включая руководителя следственного подразделения, руководителю правоохранительного органа. При данной структуре руководитель следственного подразделения одновременно является одним из заместителей правоохранительного органа, что не исключает прямого вмешательства и влияния на следователей в ходе исполнения ими своих должностных обязанностей по расследованию преступлений и привлечению лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности, избранию в отношении последних мер пресечения и пр. Как результат – порою отсутствие полной самостоятельности и независимости следователя как процессуального лица;

- присутствующую до настоящего времени полную, всестороннюю, каждодневную материальную и моральную зависимость всего аппарата следственного подразделения от руководства правоохранительного органа, в штате которого он находится. При данном достаточно сложном положении дел обеспечение деятельности каждого следователя в отдельности и следственного подразделения в целом материально-техническими средствами, включая кабинеты, автотранспорт, средства связи, множительную технику и проч., становится повсеместно неразрешимой проблемой.

Таким образом, далеко не полный перечень указанных выше причин на практике оказывают непреодолимые препятствия для законного, полного, всестороннего и объективного расследования уголовных дел по абсолютному большинству преступлений.

Первоначально создание единого Следственного комитета Российской Федерации планировалось с 1 января 2013 г., однако реформа затянулась. Согласно законопроекту предполагалось в ближайшее время полностью ликвидировать следственные органы МВД и ФСКН России [5, с. 21]. При этом объединенный комитет получил бы из Полиции и Госнаркоконтроля более 17 миллионов приостановленных и расследуемых уголовных дел, а за счет освобожденных от следствия сотрудников ведомств были бы усилены службы дознания. В их производстве предполагалось оставить уголовные дела по преступлениям небольшой тяжести. Достаточно остро стоит вопрос о необходимости перехода следователей органов МВД Рос-

сийской Федерации в создаваемый единый следственный комитет.

Против автоматического перевода этой категории следователей в штаты единого Следственного комитета Российской Федерации выступают до настоящего времени в Следственном комитете Российской Федерации, мотивируя свою позицию тем, что все, без исключения, кандидаты на должности во вновь созданной структуре должны пройти строгий квалификационный отбор по аналогии с отбором на должности судей. Предполагается, что сотрудников ждут исследования на полиграфе, психологические тесты, экзамен по знанию законодательства и несколько собеседований на профпригодность [5, с. 24].

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на имеющиеся разногласия, законопроект об объединении следственных органов в единый Следственный комитет Российской Федерации в 2012 г. был в целом поддержан Правительственной Комиссией. Вместе с тем МВД, ФСБ, ФСКН, Следственный комитет Российской Федерации, структуры которых включает в себя следственные подразделения, не поддержали идею ликвидации подразделений, осуществляющих предварительное следствие в МВД, ФСБ, ФСКН с передачей их функций в Следственный комитет Российской Федерации.

Существует также мнение, что слияние всех следственных подразделений вышеуказанных российских ведомств в единый государственный орган начнется не ранее 2016 г. Одновременно подчеркивается, что данный процесс будет не только болезненным, но и в достаточной степени сложным и дорогостоящим, что с учетом сложившейся экономической ситуации в стране может стать практически невыполнимым. Несмотря на то, что вопрос о создании единого следственного органа в России теоретически согласован и решен, говорить о том, что он в скором будущем появится в системе правоохранительных органов Российской Федерации, было бы преждевременно. Прежде всего, данное решение должно быть закреплено законодательно. Одновременно необходимо разработать и подзаконные акты, регламентирующие деятельность всех вовлеченных в данную проблему министерств и ведомств. Для этого, как минимум, необходимо решить достаточно сложный во всех отношениях вопрос о ликвидации органов предварительного следствия в системе органов МВД, ФСКН, ФСБ Российской Федерации, определив конкретные сроки и механизм действий во всей структуре данных ведомств. Для принятия столь серьезных законодательных и иных правовых актов должно пройти их всестороннее и эффективное обсуждение.

Нельзя не учитывать, что целью создания единого Следственного комитета в Российской Федерации, является укрепление государственности, восстановление социальной справедливости путем всестороннего, объективного, высокопрофессионального, независимого и оперативного расследования уголовных дел по всем видам преступлений. Можно предположить, что создание единого Следственного комитета Российской Федерации следует производить на основе и в недрах существующего ныне Следственного комитета Российской Федерации. Расширение его

подследственности подчеркнуло бы тот факт, что происходит устойчивый и положительный процесс реорганизации правоохранительных органов, осуществляющих предварительное следствие. Так, с января 2011 г. к подследственности Следственного комитета РФ были отнесены дела о налоговых преступлениях, а с января 2012 г. – дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершённых несовершеннолетними, и в отношении несовершеннолетних. Предполагается, что данный процесс не замедлится и не превратится в долгосрочный, трудноразрешимый проект.

Одновременно необходимо законодательно закрепить статус сотрудника единого Следственного комитета Российской Федерации, установив его право принимать личное участие в судопроизводстве, оказывать содействие суду в предоставлении доказательств и обжаловать судебные решения по расследованному им уголовному делу. Представляется также необходимым закрепить законодательно в интересах следствия право сотрудника единого Следственного комитета Российской Федерации требовать от лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, качественного, своевременного и полного проведения как оперативно-розыскных мероприятий, так и отдельных следственных и процессуальных действий в течение всего срока следствия, вплоть до направления уголовного дела в суд.

Единый Следственный комитет Российской Федерации должен, на наш взгляд, не только осуществлять предварительное расследование, но и выступать как орган, способствующий отправлению правосудия. Поэтому статус сотрудника данного правоохранительного органа должен соответствовать его высокому предназначению. Для этого необходимо планировать, а впоследствии – создать в структуре единого

Следственного комитета научные и образовательные учреждения, нацеленные на поддержание высокого уровня квалификации его сотрудников и решение проблем предварительного следствия.

Вместе с тем есть мнение, что такой необходимый и важный для российского государства правоохранительный орган, как создаваемый в российском государстве единый Следственный комитет, не может существовать, не пропагандируя свой особый «следственный взгляд» на возникающие те или иные научные, теоретические и практические проблемы. Для этой цели возможно создание своих печатных органов, которыми могут стать газета, журнал и др.

Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев предложил создать специализированную структуру по противодействию коррупции, которая сосредоточила бы в себе всю полноту информационно-аналитических, контрольных, оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных полномочий в рамках уже существующего правоохранительного ведомства [5, с. 260]. Можно с уверенностью предположить, что именно в рамках единого Следственного комитета Российской Федерации будет иметься возможность создания данной специализированной структуры, основной функцией которой будет реализация политики государства в сфере противодействия коррупции.

Учитывая, что вопрос о создании единого следственного органа в Российской Федерации – это дело будущего, необходимо уже сегодня разрабатывать комплекс мер, которые позволят наименее болезненно для всей правоохранительной и судебной системы осуществить передачу всех функций по расследованию уголовных дел в единый следственный орган – Следственный комитет Российской Федерации.

Литература

1. О следственном комитете Российской Федерации. Федеральный закон 403-ФЗ. Принят Гос. Думой 22 окт. 2010 г.; редакция от 03 февр. 2014 г. // ИПС «Консультант плюс».
2. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник для вузов. М.: Норма, 2012. С. 121 – 128.
3. Дьяконова О. Г. О создании единого органа по расследованию преступлений // Российский следователь. 2010. № 12.
4. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дрофа, 2012. С. 243.
5. Попов Л. Л. Административное право: учебник. М.: Юристъ, 2013. С. 243 – 262.

Информация об авторах:

Петракова Лариса Викторовна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова, полковник юстиции в отставке, 21-15-38, zx6148.

Larisa V. Petrakova – Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, retired Colonel of Justice.

Гааг Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, 58-37-43, irinagaag1@mail.ru.

Irina A. Gaag – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.03.2015 г.

ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА
И РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА

Т. Ю. Попова

CHANGE OF BALANCE OF PLENARY POWERS OF THE PUBLIC PROSECUTOR
AND THE LEADER OF INVESTIGATIVE AGENCY

T. Yu. Popova

Принятие Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ ознаменовало собой новый этап реформы предварительного следствия. Это повлекло изменение уголовно-процессуального статуса властных участников стороны обвинения и, прежде всего, руководителя следственного органа и прокурора. В статье анализируется степень влияния указанных законодательных преобразований на характер взаимоотношений этих субъектов уголовного судопроизводства.

The introduction of the Federal Law of December, 28, 2010 № 404-ФЗ marked the new stage of reform of preliminary investigation. It entailed the change of the criminal procedural status of the participants of side of prosecution, and, foremost, the leader of investigative agency and the public prosecutor. The paper analyzes the degree of influence of the indicated legislative transformations on the character of mutual relations of these subjects of criminal trial.

Ключевые слова: полномочия, прокурор, руководитель следственного органа, Следственный комитет РФ.

Keywords: plenary powers, public prosecutor, leader of investigative agency, Investigative Committee of the Russian Federation.

Окончательное выделение Следственного комитета Российской Федерации из структуры органов прокуратуры и придание ему статуса независимого ведомства было продиктовано принятием Федерального Закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [8]. Это повлекло за собой необходимость внесения соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс, что было закреплено в положениях Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ [9].

Как известно, реформа 2007 г. была продиктована созданием Следственного комитета в органах прокуратуры, в результате которой произошли следующие преобразования объема полномочий прокурора:

1) прокурор утратил руководящую роль при осуществлении уголовного преследования на предварительном следствии. Основные инструменты осуществления процессуального руководства органами предварительного следствия прокурор обретал при поступлении к нему дела с обвинительным заключением, остальные его полномочия по руководству имели в основном организационно-распорядительный характер (например, проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; разрешать вопросы о подследственности; изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его следователю Следственного комитета при прокуратуре РФ и т. д.);

2) объем надзорных полномочий прокурора существенно сократился, поскольку большая их часть была передана руководителю следственного органа. Среди оставшихся надзорных полномочий прокурора можно выделить, например, право вносить мотивированное постановление о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопро-

са об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства; требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия;

3) прокурора почти полностью лишили полномочий по контролю за предварительным следствием (единственным «чисто» контрольным полномочием являлось право на отмену постановления о возбуждении уголовного дела);

4) упразднены практически все полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве;

5) что касается административных полномочий прокурора, то в отношении следователей Следственного комитета при прокуратуре РФ у него было изъято право на организационное руководство ими.

Следует констатировать, что по сути дела произошла ликвидация функции процессуального руководства предварительным следствием со стороны прокурора, сокращение правовых основ для реализации функции непосредственного осуществления им уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, что ускорило претворение в жизнь концепции разграничения процессуальных функций предварительного расследования, прокурорского надзора и ведомственного контроля, и закрепление каждой из них за различными, организационно независимыми участниками уголовного судопроизводства [11, с. 51].

Кардинально измененный объем полномочий двух участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения: руководителя следственного органа и прокурора – не мог не повлечь за собой изменения сущности и характера правоотношений, складывающихся в ходе осуществления досудебного производства между следователем и руководителем след-

ственного органа и руководителем следственного органа и прокурором. Эти нормы затронули саму сущность ведомственного контроля. Такие права, как право отменять незаконные или необоснованные постановления следователя либо нижестоящего руководителя следственного органа, право продлевать срок предварительного следствия и возвращать уголовное дело для производства предварительного расследования, традиционно были присущи именно прокурору как субъекту, производящему надзор за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие и дознание, однако надзорными, по своей сути, эти полномочия не были. Они более характерны для функции процессуального руководства расследованием. В соответствии с тенденцией сокращения контрольных и руководящих полномочий прокурора, продиктованной реформой 2007 г., изъятие у него этих полномочий представляется логичным. Однако деятельность прокурора на предварительном следствии обусловлена не только осуществлением прокурорского надзора как одного из направлений деятельности органов прокуратуры, но и наличием полномочий по осуществлению уголовного преследования, одним из проявлений которого является подержание государственного обвинения в суде.

Следовательно, осуществление прокурором надзора на предварительном следствии не может иметь полностью одинаковые черты с общенадзорной деятельностью в силу специфики объекта надзора и должно иметь свои особенности.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ внес свои коррективы в объем полномочий прокурора на предварительном следствии. В соответствии с этим нормативным актом, во-первых, прокурору возвращены полномочия, которые он утратил по отношению к предварительному следствию в 2007 г. и которые ранее дублировали полномочия начальника следственного отдела (например, прерогативы по отмене незаконных или необоснованных постановлений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела (преследования), о приостановлении предварительного следствия). Вместе с правом вынесения указанных постановлений прокурору предоставлена возможность дачи указаний следователю о выяснении конкретных обстоятельств уголовного дела (ч. 6 ст. 148, ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ). Появление вновь этих полномочий в составе прокурорских говорит об усилении руководящего и контрольного сегментов его деятельности.

Во-вторых, расширились и организационно-процессуальные полномочия прокурора. Теперь он по установленным ранее правилам передает по подследственности не только уголовные дела, но и материалы проверки сообщений о преступлении (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Таким образом, мы расцениваем изменения уголовно-процессуального законодательства, внесенные Федеральным законом № 404-ФЗ, как контрреформу, шаг назад в отношении тех достижений, которые имелись в результате реформы предварительного следствия 2007 г. На наш взгляд, наделение прокурора дополнительными контрольными и руководящими полномочиями не отвечает концепции ограничения

прерогатив прокурора только надзором, которая предполагалась преобразованиями 2007 г., и тенденции закрепления за каждым властным участником уголовного процесса со стороны обвинения своей индивидуальной процессуальной функции.

Перечисленные изменения объема полномочий прокурора заставляют нас с новых позиций рассмотреть баланс полномочий прокурора и руководителя следственного органа на предварительном следствии, определить проблемы их взаимоотношений и пути их преодоления.

Основная суть проблемы, по нашему мнению, заключается в острой потребности «совершенствования существующего механизма взаимодействия прокурора и руководителя следственного органа с целью предоставления прокурору реальной возможности по осуществлению именно надзорных полномочий за законностью при производстве предварительного следствия и обеспечения реального устранения недостатков расследования» [4, с. 36]. С другой стороны, полномочия руководителя следственного органа и прокурора не должны дублировать друг друга и требуют четкого разграничения по функциональной направленности.

В юридической литературе после 2007 г. все большее распространение получили предложения по возвращению прокурору таких полномочий, как право проверки материалов уголовного дела, отмены незаконных или необоснованных постановлений следователя, дачи следователю указаний о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий. Предлагалось, кроме того, сделать обязательным для следователя исполнение решения прокурора о производстве дополнительного расследования по делу, а также возвращение последнему права возбуждать уголовное дело, производить предварительное следствие по уголовному делу в полном объеме либо поручать его расследование дознавателю или следователю, участвовать в производстве предварительного следствия, прекращать уголовное дело и уголовное преследование [2; 5, с. 28; 10, с. 44; 16, с. 13 – 16; 17, с. 11 – 13]. Е. А. Новиков вообще предлагает существенно ограничить полномочия руководителя следственного органа и в полном объеме восстановить надзорные полномочия прокурора, т. е. укрепить полномочия по руководству расследованием. По мнению указанного автора, полномочия по руководству расследованием являются проявлением надзорных полномочий и не противоречат предназначению прокуратуры [6, с. 14]. Следует признать, что прямое закрепление в УПК РФ данных положений является слишком реакционной идеей. Безусловно, сокращение надзорных полномочий прокурора, с одной стороны, и возложение на него осуществления уголовного преследования – с другой, «равнозначно бездоказательному обвинению» [4, с. 31].

В данном контексте уместно обратиться к мнению практиков. Так, в 2007 – 2009 гг. 37 % опрошенных нами руководителей следственных подразделений СК при МВД России (25 % – СК при прокуратуре РФ и 12 % – ФСКН России) высказались за необходимость корректировки полномочий прокурора в части возвращения ему отдельных из утраченных полномочий,

что и было сделано Федеральным законом № 404-ФЗ. В этом смысле любопытными представляются результаты дополнительного анкетирования, проведенного в период с 2011 по 2014 гг. в подразделениях Следственного комитета РФ, согласно которым 100 % руководителей и 86 % следователей отрицательно оценивают наделение прокурора полномочиями по отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела и приостановлении предварительного следствия.

Как нам представляется, противоречие позиции практических работников по данному вопросу объясняется ожиданием возвращения других, надзорных, а не контрольных прерогатив прокурора, а не дублирования контрольных полномочий руководителя следственного органа.

Согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» № 2202-1 целью прокурорского надзора провозглашены обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, а одной из его отраслей является надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие [7]. Существенной особенностью современного процессуального статуса прокурора является положение, при котором его требования для начальника следственного органа не обязательны. Законодатель, по сути, не предусмотрел возможности надзора за процессуальной деятельностью руководителя следственного органа [1, с. 53; 14, с. 162]. Следует отметить, что руководитель следственного органа, строго говоря, не является органом предварительного следствия, им является только следователь. Таким образом, руководитель следственного органа – единственный участник уголовного процесса со стороны обвинения, обладающий властными полномочиями, действия которого в РФ лишь формально являются объектом прокурорского надзора. Такое положение вещей влечет существование одной из фундаменталь-

ных проблем соотношения полномочий прокурора и руководителя следственного органа на предварительном следствии – это противоречия «между прокурором и руководителем следственного органа, которые неизбежно будут возникать у этих фактически независимых друг от друга должностных лиц при принятии ими решений, вследствие различной оценки ситуации каждым из них» [12, с. 21 – 23; 13, с. 19 – 23; 15, с. 54]. В настоящее время исполнение многих решений, принимаемых прокурором, может на законных основаниях блокироваться руководителем следственного органа (например – отмена постановления о возбуждении уголовного дела, предъявление требования к следственному органу об устранении допущенных нарушений федерального законодательства, возвращение дела на дополнительное следствие, возможность знакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела). Не внес в эту проблему каких-либо изменений и Федеральный закон № 404-ФЗ, хотя новая редакция ч. 6 ст. 148, ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ указывает на возможность отмены прокурором, в том числе, и решения руководителя следственного органа. Вместе с тем мы полагаем, что эти новшества касаются отмены решений руководителя следственного органа в ситуациях, когда он осуществляет свои полномочия исключительно как следователь, согласно ч. 2 ст. 39 УПК РФ.

Обозначенные нами проблемы соотношения полномочий прокурора и руководителя следственного органа несомненно обостряют потребность выработки, с одной стороны, порядка реального надзора за процессуальными действиями и решениями руководителя следственного органа и следователя, но, с другой стороны, как нам представляется, к прежней модели отношений прокурора и руководителя следственного органа, существовавшей до 2007 г., возвращаться вряд ли целесообразно. На наш взгляд, требуется упразднение контрольных и руководящих полномочий прокурора при одновременном укреплении надзорного направления его деятельности.

Литература

1. Александров А. С. Вопросы взаимодействия прокурора, руководителя следственного органа и следователя в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестник МВД России. 2009. № 1. С. 52 – 59.
2. Буторина Е., Карачева Е. Заклятая дружба (Интервью Генерального прокурора РФ Ю. Чайки) // Время новостей. 2008. 28 марта.
3. Горюнов В. Надзор за следствием в органах прокуратуры // Законность. 2009. № 2. С. 33 – 37.
4. Джатиев В. Зачем России прокуратура? // Законность. 2008. № 8. С. 30 – 32.
5. Кругликов А. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве // Законность. 2008. № 8. С. 25 – 29.
6. Новиков Е. А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и организационные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.
7. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1: в ред. Федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 427-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8, ст. 366; Рос. газета. 2014. 24 декабря.
8. О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ: в ред. Федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 427-ФЗ // Рос. газета. 2010. 30 декабря; Рос. газета. 2014. 24 декабря.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ: в ред. Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ // Рос. газета. 2010. 30 декабря; Рос. газета. 2013. 10 апреля.

10. Рябинина Т. К. И вновь к вопросу о правовом статусе прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1. С. 41 – 45.
11. Смирнов Г. К. Проблемы совершенствования института участия прокурора в досудебном производстве // Рос. юстиция. 2008. № 11. С. 50 – 54.
12. Татьяна Л. Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1. С. 21 – 23.
13. Титовец И. В. Роль руководителя следственного органа в обеспечении качества собранных по уголовному делу доказательств // Вестник МВД России. 2009. № 1. С. 19 – 23.
14. Харламов М. С. К вопросу о процессуальном положении и обжаловании действий и решений руководителя следственного органа // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 20 – 22 сентября 2007 г.) / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2007. С. 167 – 173.
15. Шейфер С. А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Гос-во и право. 2009. № 4. С. 49 – 55.
16. Шичанин И. И. Деятельность прокурора по составлению постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлению обвинения // Рос. следователь. 2010. № 12. С. 13 – 16.
17. Шичанин И. И. Деятельность прокурора по подготовке обвинительного заключения и направлению уголовного дела в суд // Рос. следователь. 2010. № 17. С. 11 – 13.

Информация об авторе:

Попова Татьяна Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права КемГУ, 8-960-914-06-44, TatyanaOK@rambler.ru.

Tatyana Yu. Popova – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Public and Administrative Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 26.02.2015 г.

УДК 343.235.2

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ ПО УК РСФСР 1960 Г. И УК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1996 Г. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В. А. Терентьева

CONDITIONAL EARLY RELEASE FROM PUNISHMENT UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE USSR, OF 1960 AND THE CRIMINAL CODE THE RUSSIAN FEDERATION OF 1996. COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

V. A. Terentieva

Статья изучает институт условно-досрочного освобождения от уголовного наказания в его сравнительно-историческом аспекте. Приведенное исследование позволяет оценить историческую обусловленность указанного института и учесть позитивный опыт предыдущего нормативно-правового регулирования. Изучая условно-досрочное освобождение, можно сделать вывод, что этот институт освобождения от уголовного наказания прошел долгий путь эволюции от смежного с заменой наказания более мягким видом к самостоятельному институту. Именно этот путь свидетельствует о наличии исторической обусловленности. Историческая обусловленность является одним из критериев эффективности институтов права, учет законодателем положительного опыта позволит снизить процент рецидива.

The paper studies the institution of conditional early release from criminal punishment in its relative historical aspect. The survey allows us to estimate the historical conditionality of the specified institution and take into account the positive experience of the previous legal regulation. Studying conditional early release from criminal punishment, we can conclude that the institute of exemption from criminal punishment has gone a long way of evolution from the replacement of punishment with a more lenient one to the independent institution. This path indicates the presence of historical conditionality which is one of the criteria of efficiency of the institutions of law. The legislator's accounting of positive experience will reduce the percentage of relapse.

Ключевые слова: освобождение от уголовного наказания.

Keywords: exemption from criminal punishment.

Уголовный кодекс Российской Федерации включает исторически обусловленные нормы, именно учет предыдущего развития позволяет избежать законодательных ошибок. Условно-досрочное освобождение от наказания представляет собой институт права, имеющий длительную историю развития. Особо видны исторические параллели при сравнении норм об условно-досрочном освобождении в УК РСФСР 1960 г. и УК Российской Федерации 1996 г.

Условно-досрочное освобождение – это прекращение отбывания реального наказания после истечения определенного срока, применяемое в случае нецелесообразности дальнейшего карательного воздействия на осужденного в силу его исправления. Представляется, что условно-досрочное освобождение от наказания – это разновидность освобождения от дальнейшего отбывания наказания, которая состоит в сохранении правовой связи осужденного с государством в период неотбытой части наказания.

В УК РСФСР 1960 г. такое освобождение было наиболее распространенным видом. Этому способствовал широкий круг наказаний, от которых было возможно условно-досрочное освобождение: лишение свободы, исправительные работы, направление в дисциплинарный батальон (ст. 53, 55 УК РСФСР).

УК Российской Федерации 1996 г., воспринимая в целом концепцию о возможности условно досрочного освобождения не от всех видов наказания, дублирует освобождение от лишения свободы и содержания в дисциплинарной воинской части, но исключает такую возможность для исправительных работ и вносит ее для принудительных.

УК РСФСР 1960 г., однако, не оставался в этом вопросе неизменным. Условно-досрочное освобождение изменялось, виды наказаний, при отбывании которых оно было возможно, дополнялись. Условно-досрочное освобождение от наказания в разное время применялось при осуждении к лишению свободы, исправительным работам, направлению военнослужащих в дисциплинарный батальон либо в воспитательно-трудовой профилакторий, ссылке, высылке. Особо хочется отметить, что применение такого вида освобождения было возможно и при применении условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, хотя данная мера сама по себе уже представляла один из видов освобождения.

Дальнейшие изменения касались продолжительности срока наказания, являющегося условием применения данного вида освобождения, а также расширения или сужения круга лиц, подлежащих условно-досрочному освобождению. Не менее широким был и круг осужденных, к которым было возможно применение указанного вида освобождения от уголовного наказания. Статья 53 УК РСФСР 1960 г. не содержит перечня лиц, которые подлежат такому освобождению, она лишь исключает из этой совокупности тех, кто условно-досрочно освобождению не подлежит. Таких категорий осужденных было шесть: государственные преступники (ст. 64 – 73 УК РСФСР); особо опасные рецидивисты; лица, совершившие наиболее опасные насильственные и корыстно-насильственные преступления, перечисленные в п. 3 ст. 53¹ УК; лица, совершившие пенитенциарный рецидив (совершили

новое преступление, за которое осуждены к лишению свободы, если ранее уже осуждались к лишению свободы за умышленные преступления) в период не снятой или не погашенной судимости; лица, к которым ранее применялось условно-досрочно освобождение, и которые вновь совершили умышленное преступление в течение оставшейся не отбытой части наказания; лица, которым наказание в виде смертной казни заменено лишением свободы в порядке помилования или амнистии.

Однако существенным недостатком являлись законодательные ограничения категории лиц, к которым этот вид освобождения применялся. Так в соответствии со статьей 53.1 УК РСФСР 1960 г. не освобождались условно-досрочно: особо опасные рецидивисты; лица, осужденные за бандитизм (ст. 77), убийство (ст. 102, 103, п. «в» ст. 240), умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть (ч. 2 ст. 108), а также лица, которым смертная казнь заменялась лишением свободы в порядке помилования или амнистии, и лица, которые ранее более 2-х раз осуждались к лишению свободы за умышленные преступления, если судимость за предыдущее преступление не снята и не погашена; и, наконец, лица, ранее освобожденные условно-досрочно и вновь совершившие умышленные преступления в течение испытательного срока.

В современном уголовном кодексе законодатель отказывается от перечня категорий лиц, могущих быть освобожденными условно-досрочно, что существенно расширяет круг действия указанного института.

Также частота назначения этого вида освобождения определялась основаниями его применения.

Первым основанием является оставленная на судейское усмотрение «утрата осужденным общественной опасности в силу его исправления, доказанного примерным поведением и честным отношением к труду» [2, с. 110].

Позитивное поведение в период отбывания наказания имеет несколько элементов:

1. Соблюдение требований режима (в этот аспект позитивного поведения осужденного включалось отсутствие взысканий, обязательное наличие поощрений).

2. Участие в работе самодеятельных организаций осужденных (показывает, как правило, степень исправления осужденного).

3. Оказание помощи администрации в поддержании дисциплины и порядка (этот момент ограничивает круг лиц, исключая тех, кто отказывается от сотрудничества с администрацией ИТУ).

Этот же критерий, необходимый для применения освобождения, включал позитивное отношение к труду. Характеристика позитивного отношения к труду совпадает с аналогичной, существующей для применения освобождения лица в силу утраты им общественной опасности.

Наличие такого позитивного посткриминального поведения во время отбывания наказания свидетельствовало об уровне исправления осужденного: «вывод суда об исправлении осужденного должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за весь период нахождения в исправительно-трудовом учреждении, а не за время, непосредственно предшествующее рассмотрению представления». Примеча-

тельно, что критерии исправления осужденного были разработаны в судебной практике. Их закрепляло Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения осужденных от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким».

Современная доктрина уголовного права рассматривает в качестве критерия применения условно-досрочного освобождения уровень исправления. Это положение, как видно из вышесказанного, унаследовано из УК РСФСР. Уровень исправления осужденного в УК Российской Федерации, как и ранее, определяется исходя из отпадения для него необходимости в полном отбывании наказания. Наличие такой оценочной категории является исторически обусловленным, поскольку позволяет учесть множество факторов в криминологической характеристике личности. Однако, это не всеми учеными воспринимается положительно: «В приведенном положении отсутствуют какие-либо формальные критерии, на основании которых можно было бы констатировать, что в продолжении уголовно-исправительного процесса нет необходимости. Эта неопределенность усложняет работу судов по применению условно-досрочного освобождения и вносит в их деятельность излишние элементы субъективизма» [3, с. 78].

Кроме уровня исправления УК Российской Федерации связывает этот вид освобождения с возмещением ущерба, причиненного преступлением в размере определенном решением суда, полностью или частично, а также с иным заглаживанием вреда. Основанием этого вида освобождения перестает быть доказанность своего исправления осужденным.

Наряду с целью исправления перед условно-досрочным освобождением советская уголовно-правовая наука ставила цели общего и специального предупреждения. Этой же позиции придерживался законодатель, указывая на необходимость достижения превенции при разрешении дел об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания назначенного наказания. Такая позиция в отношении частной превенции, на наш взгляд, является излишней: поскольку критерием применения такого вида освобождения служит уровень исправления осужденного, иначе – применение условно-досрочного освобождения является преждевременным. Именно достижение этого уровня в процессе реального отбывания наказания свидетельствует о снизившейся общественной опасности личности, что в свою очередь существенно снижает возможность совершения преступления в будущем.

УК Российской Федерации в ст. 79 ч. 4.1 указывает, что суд учитывает поведение, отношение к учебе и труду, поощрения и взыскания, отношение к совершаемому деянию, возмещение ущерба и заглаживание вреда, заключение исправительной колонии о целесообразности условно-досрочного освобождения. Особое внимание уделено учету уровня исправления в отношении лиц, страдающих педофилией и совершивших в 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних до 14 лет. Также суд учитывает возможность применения принудительных мер медицинского характера, заключение судебной психиатрии, отношение виновного к лечению.

Вторым обязательным критерием условно-досрочного освобождения в УК РСФСР является отбытие определенной части назначенного судом наказания. Законодательство предусматривало следующие сроки:

– Две трети назначенного наказания – срок, необходимый для освобождения следующих лиц: при осуждении к лишению свободы на срок свыше трех лет за умышленное преступление; рецидивистов, совершивших пенитенциарный рецидив (то есть ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы за умышленное преступление и вновь совершивших умышленное преступление, за которое они осуждены к лишению свободы) в период не снятой или непогашенной судимости, а также совершивших повторное преступление в период отбывания наказания в ИТУ.

1. Три четвертых назначенного срока наказания было достаточным для освобождения лиц, осужденных за наиболее опасные корыстные и насильственные преступления при отягчающих обстоятельствах, исчерпывающий перечень которых приведен в ч. 6 ст. 53 УК. К ним относятся: сбыт поддельных ценных бумаг, нарушение правил валютных операций, изнасилование при квалифицирующих обстоятельствах, взяточничество, хищение радиоактивных материалов, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

2. Половина назначенного наказания была достаточной для применения условно-досрочного освобождения для всех остальных случаев.

Часть 3 ст. 79 УК Российской Федерации указывает на сроки, после которых может быть применено условно-досрочное освобождение. В отличие от УК РСФСР ст. 79 УК Российской Федерации в качестве основания длительности сроков указывает на категории тяжести преступлений, однако, воспринимает и позицию УК РСФСР 1960 г. в части увеличения сроков за отдельные категории преступлений, при отбытии которых возможен данный вид освобождения. Например, 3/4 срока необходимо для освобождения за преступления против половой неприкосновенности, связанные с незаконным оборотом наркотиков, терроризм, организацию преступного сообщества, а 4/5 – за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет.

Некоторые ученые, анализируя состав преступлений, за которые предусмотрен повышенный срок для применения условно-досрочного освобождения, не согласны с такой позицией законодателя: «Вместе с тем позиция законодателя не логична. Например, в случае осуждения лица за убийство малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105) условно-досрочное освобождение возможно по истечении 2/3 срока назначенного наказания, а в случае совершения в отношении данного лица развратных действий без применения насилия (ст. 135 УК) такое освобождение возможно лишь по истечении 4/5 срока наказания» [2].

Несмотря на более высокий уровень дифференциации оснований освобождения от уголовного наказания, УК РСФСР 1960 г., как и предыдущие нормативно-правовые акты, не был лишен некоторых недостатков. Так, ст. 53 указанного документа содержала 2 вида освобождения от уголовного наказания, фактически смешивая их. Условно-досрочное освобождение и замена не отбытой части наказания более

мягким видом в этот период все еще рассматриваются в контексте единой нормы. Фактически законодатель отождествляет основания их применения к лицу, а также категории осужденных, подвергаемым этим совершенно различным видам освобождения.

Рассматривая институт условно-досрочного освобождения от наказания в советском уголовном праве, можно выделить следующие особенности:

1. В отличие от предыдущей концепции, законодатель больше не связывает условное осуждение с испытательным сроком.

2. Привлечение к исправлению после освобождения общественности. Трудовой коллектив мог принять на себя обязанность по наблюдению за условно-досрочно освобожденным и воспитательной работе в течение неотбытой части назначенного судом срока наказания (ч. 9 ст. 53 УК РСФСР). Такая позиция законодательства позволяла более эффективно решать вопрос ресоциализации осужденного. Часть 5 ст. 79 УК Российской Федерации исключает из субъектов контроля трудовой коллектив. При всех достоинствах такого надзора существовала проблема ответственности осужденного в случае злостного уклонения. УК РСФСР 1960 г. не предусматривал возможности отмены условного осуждения в этом случае. Такая отмена была возможна только в случае совершения нового преступления в течение не отбытой части наказания. При этом действовали правила сложения наказаний, так, к вновь назначенному наказанию суд полностью или частично присоединял не отбытую часть наказания по предыдущему приговору (ст. 41 УК РСФСР 1960 г.). Это же правило касалось и дополнительного наказания, в случае если лицо было от него условно-досрочно освобождено (ст. 54 УК РСФСР 1960 г.). Некоторые ученые рассматривают такую особенность как исключительно положительную. «Положительную оценку следует дать положению, закреплявшемуся в ч. 9 указанной статьи, согласно которому суд при применении данных мер мог возлагать «на определённый трудовой коллектив, с его согласия, обязанность по наблюдению за условно-досрочно освобожденным в течение неотбытой части назначенного судом срока наказания или за лицом, которому неотбытая часть наказания заменена более мягким наказанием, и проведению с ним воспитательной работы. Что, вполне естественно, повышало исправительный и предупредительный потенциал рассматриваемых мер. К этому положительному опыту следовало бы вернуться в настоящее время, например, возлагать такие обязанности на общественные организации или отдельных лиц, заслуживающих доверия» [1, с. 47].

3. Интересна позиция УК РСФСР 1960 г. в отношении срока условно-досрочного освобождения от наказания, который служил именно тем промежуток времени, на протяжении которого лицо сохраняло правовую связь с государством. Этот срок, устанавливаемый в определении суда об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, обозначался календарно. Это же правило распространялось и на отбытие дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 7 ст. 53 УК РСФСР 1960 г.).

4. Еще одной особенностью условно-досрочного освобождения являлось то, что срок судимости при успешном истечении условно-досрочного освобождения исчислялся исходя из фактически отбытого осужденным к моменту применения условно-досрочного освобождения, а не из всего срока назначенного наказания.

В заключении рассмотрения можно сделать вывод, что условно-досрочное освобождение прошло долгий путь эволюции от смежного с заменой наказания более мягким видом к самостоятельному институту. Историческая обусловленность является одним из критериев эффективности институтов права, учет законодателем положительного опыта позволит снизить процент рецидива. Условно-досрочное освобождение от уголовного наказания на современном этапе сконструировано с учетом прошлого положительного опыта, что сказывается на количестве случаев его применения в России.

Литература

1. Низамитдинова Е. М. Освобождение от отбывания наказания по Российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. Уголовное право российской федерации. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: МГУ; Гарант, 2011.
3. Якоби И. В. Развитие института уголовной ответственности и институтов освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания в российском государстве: теоретический и историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

Информация об авторе:

Терентьева Валентина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, 8(384-2)35-32-83, terent@list.ru.

Valeria A. Terentieva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2015 г.

УДК 343.235.2

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСВОБОЖДАЕМЫХ ОТ НАКАЗАНИЯ

В. А. Терентьева, Е. Г. Наумова

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF JUVENILES EXEMPTED FROM CRIMINAL PUNISHMENT

V. A. Terentieva, E. G. Naumova

Статья посвящена основным криминологическим характеристикам лиц, освобождаемых от наказания в несовершеннолетнем возрасте. Личность несовершеннолетнего преступника рассматривается нами исходя из нескольких характеристик – социально-типологических, социально-ролевых и нравственно-психологических. В целом для несовершеннолетних, освобождаемых от наказания, помимо качеств, свойственных всем лицам данной категории, характерны свои специфические особенности. Именно особенности личности несовершеннолетнего (низкий образовательный уровень, совершение преступления под негативным влиянием, возможность быстро исправиться) обусловили применение к нему указанной меры.

The paper is devoted to the basic criminological characteristics of people exempted from punishment in juvenile age. The personality of the juvenile offender is considered basing on several characteristics - socio-linguistic, social role and moral-psychological. In general, juveniles exempted from punishment, in addition to the qualities inherent in all people in this category, have some specific characteristics. It is the identity of juveniles (low educational level, commission of a crime under the negative influence, the ability to quickly mend) that lead to the application of this measure.

Ключевые слова: освобождение от наказания, личность несовершеннолетнего.

Keywords: exemption from punishment, personality of the juvenile.

Основанием применения тех или иных видов освобождения от уголовного наказания служит характеристика личности несовершеннолетнего.

Личность преступника является структурным элементом предмета криминологии. Именно на личность несовершеннолетнего как основание освобождения от наказания указывают ученые.

Особую роль в изучении личности несовершеннолетнего занимает исследование процесса ее формирования и влияния на нее окружающей среды. Часто в криминологии под личностью преступника понимается лицо, совершившее преступление. При этом личность преступника может быть рассмотрена как совокупность негативных социально значимых свойств, приведших к совершению такого преступления.

Именно эта совокупность социальных свойств и признаков личности производит степень и характер общественной опасности личности.

Криминология традиционно рассматривает личность преступника исходя из нескольких характеристик – уголовно-правовой, социально-типологической, социально-ролевой и нравственно-психологической. Полагаем, что данные характеристики не являются четко обособленными, так как они образуют единое социально-биологическое содержание человека.

Уголовно-правовая характеристика преступности несовершеннолетних за 2011 год показывает, что наиболее распространенными преступлениями являлись: средней тяжести вред здоровью (7,9 %), побои и легкий вред здоровью (17,9 %), корыстные преступления (49,4 %). Особую тревогу вызывает факт, что из них с неснятыми непогашенными судимостями (42,7 %). Самые часто назначаемые наказания для данной категории – это штраф, обязательные работы – 50 %.

Уголовная статистика свидетельствует о сокращении количества осужденных в возрасте от 14 до 18 лет: если в 2008 г. общее количество осужденных составляло 73333 человек, то уже в 2009 г. – 56406 человек, а в 2010 г. этот уровень еще снизился до 46954, в 2011 г. тенденция снижения уровня преступности несовершеннолетних сохранилась и составила 38287 человек, а в 2012 г. – 32572 человек, в 2013 г. этот уровень составил 29200.

Кроме количества преступников изменялась и структура преступности.

Одинаковым в 2008 и 2009 годах оставалась доля убийств, она составляла 1,2 %, позднее наметилось снижение указанного процента до 1,1 % в 2010 г. и 0,9 % в 2012 г. и 2013 г. Такова же примерно и тенденция относительно ст. 111 УК РФ, доля таких преступлений составляет 3,2 % (2008, 2010 гг.) и 2,8 % (2012, 2013 гг.). Стабильной является и доля изнасилований – 0,8 % (2010 – 2013 гг.). А вот удельный вес хулиганства снижается с 0,4 % в 2008 г. до 0,1 % в 2013 г. Выбываются из общей тенденции снижения уровня преступности несовершеннолетних кражи, поскольку произошло увеличение их доли с 46,5 % до 49,2 %, такая же тенденция наблюдается по отношению к незаконному обороту оружия, с 2008 по 2012 гг. его удельный вес составлял 0,3 %, а в 2013 г. составил 0,4 %. Та же ситуация и с неправомерным завладением автомобилем, доля этого преступления возросла с 8,1 % в 2008 г. до 11,1 % в 2013 г., и с незаконным оборотом наркотиков – его доля увеличилась с 4,0 % до 7,3 %.

В 2012 г. стабильно высоким остается процент лиц, совершивших рецидив – 23,7 %. Высок процент лиц, совершивших преступление в группе, он составляет 48,5 %. В группе с участием взрослых совершали

преступные деяния 19,8 % несовершеннолетних. 16 % лиц совершали преступления в алкогольном, а 0,4 % – в наркотическом опьянении.

Несколько иначе выглядит уголовно-правовая характеристика за 2013 г. Процент лиц, совершивших рецидив, снизился по сравнению с прошлым годом и составил 22,6 %. Высок процент лиц, совершивших преступление в группе, он составляет 47,5 %, при этом в группе с участием взрослых совершали преступные деяния 19,4 % несовершеннолетних. 15 % лиц совершали преступления в алкогольном, а 0,4 в наркотическом опьянении.

В отличие от общей массы несовершеннолетних преступников уголовно-правовая характеристика лиц, освобожденных от наказания (кроме применения ст. 92 УК РФ), выглядит следующим образом. Совершили преступление в алкогольном опьянении 70 %, с участием в группе взрослых лиц, оказавших на несовершеннолетних негативное влияние, – 30 %, имеет судимость 30 %, ранее условно осужденные – 30 %.

Социально-типологическая характеристика личности включает в себя пол, возрастные признаки, образование, семейное положение, род занятий место жительства.

Данные о половом составе преступников позволяют судить – есть ли преобладание несовершеннолетних мужчин над женщинами. Возрастная характеристика преступников позволяет судить о том, насколько явно проявляется криминогенная активность в этой возрастной группе.

Еще одной характеристикой, входящей в социально-типологический блок, является образовательный уровень. Как можно видеть из приведенного ниже анализа, несовершеннолетние преступники характеризуются очень низким образовательным уровнем, что во многом определяет характер преступления. Именно этот уровень определяет круг интересов и потребностей, направленность общения.

За 2011 г. было осуждено: женщин – 12,3 %, мужчин – 87,8 %. Высок процент условно осужденных – 27 %. Особую тревогу вызывает то, что процент учащихся среди несовершеннолетних снизился и составляет 56,2 %. Всего среди осужденных несовершеннолетних за 2011 г. среднее специальное образование имели всего 5,6 %, общее среднее образование – 15,7 %. Вообще не имели образования – 78,6 %. Относительно устойчивый показатель наблюдается среди распределения несовершеннолетних на имеющих постоянное место жительства и не имеющих таковое. Имеют постоянное место жительства 98,9 %, рабочие – 6,7 %, не учатся и не работают – 32,6 %.

За 2012 г. было осуждено: мужчин – 92,6 %, женщин – 7,4 %. Доля 14 – 15-летних – 30,3 %, а 16 – 17-летние составили 69,7 %. Доля учащихся значительно выросла и составила 69,4 %, при этом доля работающих – всего 3,6 %. Процент не занятых несовершеннолетних учебной или работой составил 26,7 %. Семейное положение: 45,1 % воспитывались в семье с одним родителем, высоким остается и уровень лиц,

воспитывающихся в детских домах и интернатах – 12,7 %.

За 2013 г. отмечается следующая характеристика несовершеннолетних.

Всего было осуждено 29200 несовершеннолетних. Стабильным остается количество мужчин и женщин в удельном весе несовершеннолетних преступников. Мужчин – 93 %, женщин – 7 %. Из них 14 – 15 лет – 30,5 %, а 16 – 17 летние составили 69,5 %. Доля учащихся сократилась по сравнению с предыдущим годом и составила 68,5 %, при этом доля работающих практически не изменилась и составила всего 3,5 %. Процент не занятых несовершеннолетних учебной или работой возрос по сравнению с прошлым годом и составил 28 %. Семейное положение: 44,8 % воспитывались в семье с одним родителем. Отметим сокращение несовершеннолетних, воспитывающихся в неполных семьях, при этом уровень лиц, воспитывающихся в детских домах и интернатах практически не изменился и составил 12,2 %.

Стоит отметить, что изменения удельного веса несовершеннолетних, воспитывающихся в неполных семьях, эти изменения не столь существенны, и в целом можно говорить об относительной стабильности этого показателя. Основная же масса несовершеннолетних преступников воспитывалась в семье. Это указывает на то, что на формирование личности несовершеннолетнего влияет в большей степени не отсутствие родителя, а семейные межличностные отношения, которые сложились между членами семьи. Большинство педагогов, давая характеристику несовершеннолетнему, совершившему преступления, указывают в качестве причин содеянного отсутствие взаимопонимания между родителями и детьми, аморальное поведение родителей. Часто конфликты в классе возникают на почве финансов, например, нехватка денег на карманные расходы, желание иметь дорогостоящую вещь и т. д.

Совершенно иной выглядит социально-типологическая характеристика лиц, освобожденных от наказания. Возраст этой категории лиц – 15 – 16 лет, что составляет 100 %, воспитывались в семье с 1-м родителем – 30 %. Учащиеся – 70 %, не учатся и не работают – 30 %.

Основной категорией несовершеннолетних преступников являются лица старшей возрастной группы. Это положение не выходит за рамки общей тенденции и имеет свое логическое объяснение.

Устойчивой тенденцией согласно анализу судебной статистики является преобладание лиц мужского пола среди несовершеннолетних, совершивших преступления. Вместе с тем в криминологической литературе прошлых лет отмечалась и устойчивая, ярко выраженная тенденция увеличения доли девушек среди осужденных несовершеннолетних за имущественные преступления.

Социально-ролевая характеристика несовершеннолетних.

А. И. Долгова указывает, что социальная роль – это содержание требований, предъявляемых к лицу,

занимающему определенную социальную позицию [2, с. 282]. Данная характеристика раскрывает аспект существования личности несовершеннолетнего преступника в действительности, то есть исходя из занятия определенных социальных позиций на момент совершения преступления [4, с. 24].

В. Д. Малков дает такое определение социальной роли: «Под социальной ролью принято понимать реальные социальные функции конкретного лица, обусловленные его положением в системе общественных отношений и принадлежностью к определенным социальным группам» [3].

Социальная роль четко связана с общественным мнением, поскольку от несовершеннолетнего ожидается определенный образ поведения и поступков. В обществе социальная роль определяется социальным статусом человека, его обязанностями и правами.

Обычно выделяются такие особенности ролевой характеристики несовершеннолетних, которые привели к совершению преступления как ориентированность на неформальные группы или отдельных лиц с социально-негативной направленностью, низкая престижность их социальных ролей, рассогласованность социальных статусов, отчужденность от трудовых и учебных коллективов, отсутствие или неопределенность социально-позитивных жизненных планов [3].

Социально-ролевая характеристика показывает, в каких сферах социальной жизни и в каких социальных группах распространена преступность несовершеннолетних, какие группы являются наиболее криминогенными.

Для всех несовершеннолетних в силу возраста характерны одинаковые роли, следовательно, большее значение приобретает качество выполнения несовершеннолетними, совершившими преступления, своих социальных ролей в семье, учебном заведении, трудовом коллективе. Подавляющее число несовершеннолетних, освобожденных от наказания, плохо выполняли или не выполняли свои обязанности как ученики, сыновья/дочери.

На момент совершения преступления помимо отсутствия контакта с родителями присутствовали социально негативные связи несовершеннолетних с асоциальными группами несовершеннолетних и в 40 % случаев эти группы включали взрослых.

Низкий процент работающих несовершеннолетних дополняется односторонностью мотивации к труду, так, большинство несовершеннолетних, освобожденных от наказания указывали, что они пошли работать из-за желания «заработать», «иметь свои деньги». Труд как активная деятельность, площадка для развития своих духовно-нравственных и творческих способностей вообще не рассматривался несовершеннолетними. В целом само отношение к труду можно охарактеризовать как потребительское.

Следующей характеристикой личности несовершеннолетнего преступника является *нравственно-психологическая*. Данная характеристика выражает отношение преступника к обществу, его ценностям и устоям, а также к социально положительным ролям,

на что могут существенно повлиять психовозрастные особенности несовершеннолетних. Все эти особенности влияют на мотивы поведения (в том числе и преступного) несовершеннолетних.

Ядро нравственно-психологической характеристики личности несовершеннолетнего составляет мотивационная сфера. Под мотивацией понимается совокупность внешних или внутренних условий, которая побуждает к деятельности и определяет ее направленность [1, с. 75].

Поскольку освобождению от наказания подвергаются лица, совершившие преступления различной направленности (корыстные, насильственные, корыстно-насильственные, половые и др.), характеристика мотивов несовершеннолетних преступников складывается из мотивов отдельных видов преступлений.

Криминологические исследования показывают, что несовершеннолетние объясняют свое поведение по-разному, и как следует из их ответов, у данной категории отсутствует глубокая осознанность мотивов, совершаемых ими деяний. Как правило, большая часть мотивов объясняется ими с чувственной стороны, в большинстве случаев они связаны с извращенной трактовкой приоритета своих интересов и интересов своих друзей.

Также несовершеннолетние отмечали, что при совершении корыстных преступлений они руководствовались мотивом удовлетворения своих материальных потребностей, а некоторые – желанием приобрести наркотики и спиртное. Е. Цымбал и Л. Емельянова приводят связь алкоголизма и криминальной активности, утверждая, что 80 % особо тяжких преступлений против жизни и здоровья совершаются в состоянии алкогольного опьянения [6, с. 113]. Л. И. Романова утверждает, что 40 % от всех лиц, употребляющих наркотики в РФ, составляет категория от 15 до 23 лет [5, с. 33]. Думается, что мотив удовлетворения потребности в психоактивных веществах является существенным.

Основными мотивами несовершеннолетние называют свое личное благополучие, материальную обеспеченность. Небольшой процент в качестве приоритета выделяет общественное признание, авторитет и уважение среди сверстников. Многие среди мотивов своего противоправного поведения указывают на то, что это был единственно возможный способ получения желаемого.

В силу этого основной мотивировкой при совершении имущественных преступлений явилась следующая формулировка: «нужны были деньги». Иными мотивами руководствуются насильственные преступники, основное побуждение к совершению преступления они видят в стремлении доказать личную значимость, авторитетность, доминирование в группе, быть не хуже других. Именно мотив «быть как все» в подавляющем большинстве случаев определяет поведение несовершеннолетних.

Дополняют нравственно-психологическую характеристику личности интеллектуальные, эмоциональные и волевые свойства несовершеннолетних. К ин-

теллеktуальным свойствам можно отнести: уровень умственного развития, объем знаний, широта или узость взглядов, содержание и разнообразие интересов и стремлений, жизненный опыт и т. д. Эта характеристика у несовершеннолетних, совершивших преступление, значительно отличается от подобной же у сверстников. Так, в большинстве характеристик отмечается узость кругозора несовершеннолетних.

Под эмоциональными процессами принято понимать их уравновешенность или подвижность, а также динамичность чувств, степень эмоциональной возбудимости, характер реагирования на внешние раздражители. Среди несовершеннолетних, совершивших преступление, отмечается повышенная возбудимость, подверженность негативным влияниям (общается только с негативно характеризующимися подростками).

Еще одной характеристикой в нравственно-психологическом блоке являются волевые свойства лица. Эта характеристика личности несовершеннолетних

включает в себя: способность принимать и осуществлять принятые решения, умение регулировать свою деятельность и направленность поступков, обладание выдержкой, стойкостью, твердостью, настойчивостью и другими чертами. Все несовершеннолетние в той или иной степени характеризуются педагогами как имеющие слабую волю и не умеющие регулировать свои поступки.

Личность несовершеннолетнего преступника рассматривается нами исходя из нескольких характеристик – социально-типологических, социально-ролевых и нравственно-психологических. В целом для несовершеннолетних, освобождаемых от наказания, помимо качеств, свойственных всем лицам данной категории, характерны свои специфические особенности. Именно особенности личности несовершеннолетнего (низкий образовательный уровень, совершение преступления под негативным влиянием, возможность быстро исправиться) обусловили применение к нему указанной меры.

Литература

1. Богомолова С. Н. О внутриличностных детерминантах криминальной агрессии // Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование: сб. научных трудов. М: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1989.
2. Криминология: учебник для юридических вузов / под ред. А. И. Долговой. М.: Норма, 1999.
3. Криминология: учебник / под ред. В. Д. Малкова. М.: Юринформ, 2006 // СПС «Консультант+».
4. Прокументов Л. М. Несовершеннолетние: преступность, особенности уголовной ответственности. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006.
5. Романова Л. И. Региональные особенности проявления наркотизма // Сибирский криминологический журнал. № 1. 2006.
6. Цымбал Е., Емельянова Л. Состояние преступности несовершеннолетних в Российской Федерации (1997 – 2004 гг.) // Уголовное право. 2005. № 5.

Информация об авторах:

Терентьева Валерия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, trent@list.ru.

Valeria A. Terentieva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Наумова Елена Григорьевна – судья мирового суда рудничного района г. Кемерово, участок № 1.

Elena G. Naumova – Judge at Magistrate's Court of Rudnichny District of Kemerovo City, Division № 1.

Статья поступила в редколлегию 05.03.2015 г.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Е. С. Трезубов

TO THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF SECURITY OBLIGATIONS

E. S. Trezubov

Нестабильность гражданского оборота, наличие большого количества рисков в хозяйственных отношениях приводит сторон правоотношений к применению дополнительных элементов защиты своих интересов. Некоторые из этих механизмов связаны с привлечением третьего лица к исполнению, но в большинстве случаев речь идет об изменении способа и механизма исполнения правоотношения. В настоящей статье рассматриваются общие критерии, которые бы позволили считать создаваемое обязательство в действительности обеспечительным.

The instability of the civil turnover and the large number of risks in economic relations lead to the use of additional elements to protect interests of the legal relations parties. Some of these mechanisms are associated with the involvement of a third party to perform, but in most cases the method and mechanism of execution are changed. The paper discusses the general criteria that would allow to consider the created obligation to actually be security

Ключевые слова: обеспечение исполнения обязательств, акцессорное обязательство, охранительное правоотношение.

Keywords: enforcement of obligations, accessory obligations, protective legal relationship.

Отечественное обязательственное право знает о существовании как поименованных, так и не поименованных способов обеспечения обязательств. Статьей 329 ГК РФ предусмотрен открытый перечень обеспечительных обязательств, включающий в себя неустойку, залог, удержание имущества должника, поручительство, банковскую гарантию, задаток. Иные способы обеспечения могут быть предусмотрены как в законе, так и согласованы сторонами в рамках договора. Так, среди поименованных способов можно отметить безотзывную доверенность (ст. 188.1 ГК РФ), денежное требование, уступаемое по договору финансирования клиентом финансовому агенту (ст. 824 ГК РФ), особые способы обеспечения уплаты таможенных пошлин и налогов (ст. 86 Таможенного кодекса Таможенного союза), государственные и муниципальные гарантии (ст. 115 Бюджетного кодекса РФ), распределение средств гарантийного фонда платежной системы (п. 5 ст. 29 Федерального закона от 27.06.2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»), финансовое обеспечение гражданской ответственности туроператора (глава VII.1 Федерального закона от 24.11.1996 года № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации») и др. В хозяйственном обороте встречаются и иные обязательства, создаваемые для обеспечения основного обязательства, наиболее распространенным из которых является страхование предмета основного обязательства или связанных с ним рисков. Так, о возможности применения имущественного, личного страхования или страхования ответственности в обеспечение кредитных обязательств указано Президиумом ВС РФ в Обзоре судебной практики [10, п. 4]. При всей многочисленности указанных способов все они представляют собой обязательство, направленное на формирование уверенности кредитора в возможности защиты своих имущественных интересов, хотя и не согласованным надлежащим способом исполнения обязательства должником, но иным образом, третьим лицом за него в натуре или в денежном эквиваленте.

Все способы обеспечения обязательств вполне возможно обозначить одним родовым термином – гарантией. В результате с учетом открытого перечня ст. 329 ГК РФ необходимо установить родовое отличие всех обеспечительных средств от самостоятельных обязательств, дополнительных по отношению к отношению кредитора и должника.

Сегодня практически никем из исследователей не затрагивается вопрос о предмете обеспечения в обязательственных правоотношениях. Авторы, по сути, не различая предмета обеспечительного обязательства, ставят в один ряд обеспечение исполнения основного обязательства и обеспечение существования самого обязательства. Свод законов гражданских Российской империи (ст. 1554) содержал следующую норму, посвященную обеспечительным обязательствам: «Договоры и обязательства по обоюдному согласию могут быть укреплены и обеспечены: поручительством, условием неустойки, залогом имуществ недвижимых, залогом имуществ движимых».

Таким образом, можно сделать недвусмысленный вывод о целевой направленности обеспечительных обязательств в частноправовых отношениях на «укрепление основного обязательства», т. е. предметом обеспечения отражалось не столько и не только исполнение обязательства, сколько само обязательство как целый комплекс правоотношений.

В соответствии со ст. 307 ГК РФ в силу обязательства должник обязан совершить в пользу кредитора определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Таким образом, согласно закона обязательство представляет собой некое основание действия или совокупности действий, которые должно совершить управомоченное на то лицо. Сами же эти основания, как указано в п. 2 ст. 307 ГК РФ, возникают из договора, деликтного, кондикционного либо иного основания. Таким образом, обязательство с од-

ной стороны выступает как основание действий, но с другой стороны, таким основанием является договор, деликт и т. д., а само обязательство в таком случае должно выступать ничем иным как некой совокупностью действий или бездействий сторон правоотношений. Комплексное представление об обязательстве как об основании правоотношения и как о деятельности при реализации правоотношений, полагаем, наиболее применимо в правовой действительности.

В силу законодательного закрепления норм главы 23 ГК РФ предметом обеспечения в обязательственных правоотношениях выступает именно **исполнение обязательства**, а не само обязательство. При этом в силу ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства с требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких актов – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями. Гражданское правоотношение в своей структуре имеет несколько элементов. Дореволюционными цивилистами выделялись четыре элемента – субъект, объект, право и обязанность [12, с. 170 – 171]. В советский период, объединяя два последних элемента, структура правоотношения включает три части – субъект, объект и содержание [6, с. 665 – 666; 7, с. 217]. Вообще в доктрине гражданского права существует множество споров относительно теоретической основы правоотношения и включения в нее тех или иных единиц. Так, Р. О. Халфина включила в число элементов правоотношения реальное поведение участников, исключив объект [11, с. 211]. С. С. Алексеев, выделяя и объект, и субъект, содержание правоотношения определил не только в юридическом, но и в материальном смысле, включая в него реальное поведение субъектов, состоящее исключительно из прав и обязанностей [1, с. 103, 343].

Так или иначе гражданское правоотношение всегда имеет в себе субъектный состав, объект направленности их деятельности и должное поведение участников. Споры относительно наименования этих элементов для целей настоящего исследования не имеют значения, т. к. суть от этого не меняется. Признавая существенными элементами правоотношения, а значит, и обязательства, стороны и содержание их деятельности в отношении объекта, вопрос о надлежащем способе исполнения обязательств отпадает сам по себе: обязательство надлежащим образом может быть исполнено (собственно, просто исполнено) только в соответствии с законом или договором его обязанной стороной и только тем способом, который установлен. Следовательно, применение способов обеспечения исполнения обязательства представляет собой применение согласованной «компенсации» взамен надлежащего исполнения. Даже в тех случаях, когда речь идет о натуральной форме исполнения обязательства поручителем, он не становится должником или содолжником в обеспеченном обязательстве, но вместе с тем не лишен права предложить кредитору исполнение обязательства должника в натуре по правилам ст. 313 ГК РФ [9, п. 12]. Пленумом ВАС РФ определено, что тем самым поручитель осуществляет надлежащее исполнение неденежного обязательства за должника. Данное обоснование видится нам

неверным по ранее описанному основанию не включения поручителя в субъектный состав обеспечиваемого правоотношения. А значит, любое денежное или натуральное удовлетворение сводится лишь к тому, чтобы возместить кредитору потери, вызванные нарушением обеспеченного договора [2, с. 86].

При ненадлежащем исполнении обязательства у кредитора возникает право требования не только исполнения обязательства должником в натуре, но и возмещения понесенных кредитором убытков, право требовать иных компенсационных удовлетворений. Следовательно, обязательственные правоотношения сами по себе подразумевают отношения, связанные с исполнением обязательства, презюмируемым как надлежащим, и с неисполнением или ненадлежащим исполнением указанного обязательства. Обеспечительные обязательства, полагаем, имеют своей целью не исполнение обусловленного за должника, а возмещение неисполнения должником иным способом. Ни один способ обеспечения исполнения обязательств не предполагает надлежащее исполнение обязательства перед кредитором.

Наряду с такими обеспечительными обязательствами, как неустойка, залог, задаток и поручительство, в ныне действующем Гражданском кодексе включены банковская гарантия и удержание имущества должника. Все указанные способы обеспечения различаются между собой по способам воздействия на должника и по методам достижения конечной цели обеспечения – побудить должника исполнить обязательство надлежащим образом [3].

В связи с этим необходимо учитывать особенности того или иного способа обеспечения обязательства и его возможности применительно к конкретным ситуациям. Так, неустойка и задаток одновременно представляют собой и меры гражданско-правовой ответственности. Залог, поручительство или банковская гарантия повышают для кредитора вероятность удовлетворения его требования (не первоначального, а аналогичного в стоимостном эквиваленте ему) в случае нарушения должником обеспеченного ими обязательства.

На современном этапе развития гражданского права цель применения акцессорного обеспечения в частноправовых отношениях вполне понятна – защитить имущественные интересы кредитора на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником.

Обеспечение обязательства любым из перечисленных в законе способов также создает обязательственное правоотношение между кредитором и новым должником (или иным лицом, которое обеспечивает обязательство должника). Но это обязательство особого рода. Его специфика состоит в дополнительном (акцессорном) характере по отношению к обеспеченному обязательству (главному, основному обязательству). Эта особенность обеспечительного обязательства, т. е. его дополнительный характер по отношению к основному обязательству, проявляется во многих моментах, которые нашли отражение в законодательстве.

Полагаем, функциональная направленность соответствующих обеспечительных мер, являющаяся их сущностью, заключается в создании таких условий,

при которых обязательства исполнялись бы надлежащим образом и гарантировался бы имущественный интерес кредитора в случае, если первая задача оказывается невыполнима. То есть, по сути, должник по основному обязательству дополнительно стимулируется к исполнению своего обязательства самостоятельно ввиду того, что в случае своего нарушения должен он будет уже не только кредитору, но и своему акцессарию, частично или полностью подменившему должника в основном правоотношении. В случае удовлетворения требований кредитора за счет обеспечительного механизма достигается не исполнение основного обязательства должным образом, но компромисс, видоизменение способа и порядка исполнения. Полагаем, исполнение посредством обеспечительного механизма находится в общем разрезе с положениями ст. 313 ГК РФ – исполнением обязательства третьим лицом.

Нередко в литературе встречается отнесение к обеспечительным мерам, поименованным в 23 главе ГК, страхования, внесения аванса, векселя, чека, продажи долгов с дисконтом, лизинга, форфейтинга и др. В отношении указанного мы согласны с Б. М. Гонгало, который указывает, что в самом наименовании – способы обеспечения обязательств – заложена суть, обозначена функциональная направленность соответствующих мер: создать условия, при которых обязательства исполнялись бы надлежащим образом и (или) гарантировался бы имущественный интерес кредитора [4, с. 35]. В связи с этим, как указывает автор, явны отличия общих обеспечительных мер и способов обеспечения обязательства: к способам обеспечения нельзя отнести те меры, которые: не создают акцессорного обязательства; применимы только на стадии исполнения обязательства; направлены на стимулирование должника к надлежащему исполнению обязанностей путем установления особого порядка их исполнения.

Кроме того, сама специфика обязательственных отношений выражается не только в наличии права у кредитора требовать исполнения обязательства в надлежащем виде, но и в праве кредитора требовать возмещения убытков, понесенных им при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обязательства – обязательственное правоотношение тем самым всегда представляет собой комплекс взаимосвязанных правоотношений. Следовательно, обеспечение обязательства не может сводиться лишь к обеспечению надлежащего исполнения основного обязательства должником, ограничивая тем самым права кредитора на устранение последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения основного обязательства за счет обеспечения. Обеспечиваться должно комплексное обязательственное правоотношение, в том числе кредитору должна гарантироваться возможность получения за счет обеспечения не столько исполнения обязательства в натуре, что зачастую может быть объективно невозможно, сколько получение всех допустимых компенсаций, в том числе и возмещения убытков.

В силу ст. 337 ГК РФ залогом обеспечивается требование в том объеме, какой оно имеет к моменту удовлетворения, в частности, проценты, неустойку, возмещение убытков, причиненных просрочкой ис-

полнения. Неустойка в силу прямого указания направлена на безусловное и не требующее самостоятельного доказывания устранение нарушения прав кредитора, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением основного обязательства (ст. 330 ГК). Поручители по общему правилу отвечают в том же объеме, что и должник по основному обязательству.

В свою очередь удержание, банковская (независимая) гарантия и задаток предполагают укрепление, обеспечение основного обязательства, доказательство наличия воли должника на исполнение обязательства.

Обеспечительные обязательства, в связи с указанным, становятся элементом охранительных правоотношений. Как известно, охранительное правоотношение в гражданском праве возникает в случае нарушения обязательства. Смысл охранительного правоотношения заключается в восстановлении того положения, которое было до нарушения права, т. е. оно имеет ретроспективный характер, возникает после факта нарушения права [8, с. 27] и заключается в реализации права требования кредитора, которому корреспондирует обязанность восстановить нарушенное субъективное право. При этом существованию охранительного правоотношения предшествует регулятивное. В классическом понимании стороной охранительного правоотношения является лицо, чье субъективное право нарушено, а также сам нарушитель, а само такое отношение считается относительным, т. к. предполагает конкретные активные действия обязанного лица по восстановлению нарушенного права кредитора. Кредитором по обеспечиваемому обязательству должно быть лицо, в пользу которого установлено обеспечение. Однако должником в охранительном правоотношении обеспечительного обязательства может быть как совпадающие в одной лице фигура должника и лица, установившего обеспечение (например, давшее залог, обязующееся уплатить неустойку), так и третье лицо (таким всегда является поручитель).

Исходя из природы охранительных отношений следует понимать и содержание свойства акцессорности обеспечительного обязательства. Классическое содержание данной категории связано с зависимостью второстепенного обязательства от основного, и зависимостью основного обязательства от дополнительного. Данная конструкция, безусловно, работает в поименованных в главе 23 ГК РФ способах обеспечения, хотя в отношении неакцессорной природы банковской гарантии и имеются соответствующие аргументированные точки зрения. Однако, как мы указывали ранее, в литературе и в судебной практике встречаются суждения относительно обеспечительной природы иных, внешне и юридически обособленных отношений – например, отношений по страхованию ответственности.

Акцессорная природа дополнительного обязательства подчеркивает его существование в тесной связи с основным обязательством. Такое дополнительное обязательство неизбежно следует судьбе обеспечиваемого отношения, и в силу норм п. 2, 3 ст. 329 ГК РФ такое акцессорное обязательство становится недействительным при недействительности основного обязательства, но в то же время недействительность обеспечительного обязательства не может

влиять на динамику основного правоотношения. Кроме того, правовая природа прекращения акцессорного обязательства при прекращении основного заключается в исчезновении каузы – основания возникновения дополнительного правоотношения. При этом отсутствие объективной возможности исполнения обязательства в своем нормативном обосновании связано с применением ст. 416 ГК РФ – прекращение обязательства невозможностью его исполнения [5, с. 41 – 42]. Однако, т. к. способы обеспечения обязательства преследуют в гражданском обороте достижение экономической цели – защиту имущественного интереса кредитора, активация обеспечительной функции связана с наступлением юридического факта – основания для возмещения убытков, выплаты штрафных санкций и т. д. Т. е. акцессорный характер любого обеспечения сводится к его хранительной функции. Основанием для прекращения дополнительного обязательства будет в случае исполнения обязательства лишь его полное и надлежащее исполнение основным должником. Если же основное обязательство прекращается в виду неисправности должника, охранительное право-

отношение акцессорного обеспечительного обязательства не прекращается по общему правилу, т. к. налицо наступление факта нарушения обязательства и основания для привлечения аксессуара к ответственности.

Таким образом, полагаем, что поименованные в Гражданском кодексе способы обеспечения надлежит понимать не как способы, обеспечивающие исполнение обязательства, а как способы, обеспечивающие основное обязательство как комплекс правоотношений, связанных с реализацией сторонами всех принадлежащих им прав в основном обязательстве, т. е. как акцессорные правоотношения, направленные на укрепление основного отношения. В связи с этим в ряд формулировок норм главы 23 ГК РФ надлежит внести соответствующие изменения. Изложенным в настоящей статье качествам обеспечительных средств отвечают и иные частнопрововые обязательства, в силу которых обеспечивается экономический интерес кредитора при неисправности должника, которые можно охарактеризовать как акцессорные и включающиеся в охранительные правоотношения.

Литература

1. Алексеев С. С. Общая теория права. 2008.
2. Бевзенко Р. С. Новеллы судебной практики в сфере поручительства. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 года № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12. С. 86 – 100.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с. // Компьютерная справочная правовая система «Консультант Плюс». Комментарии законодательства.
4. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. М., 2002.
5. Егорова М. А. Состояние акцессорных обязательств при динамике основного правоотношения // Юрист. 2013. № 1. С. 41 – 45.
6. Иоффе О. С. Общее учение об обязательствах // Избр. труды: в 4 т. Т. III: Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
7. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961.
8. Кархалев Д. Н. Охранительные обязательства по защите гражданских прав // Юридический мир. 2013. № 2. С. 27 – 29.
9. О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством: Постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 года № 42 // Экономика и жизнь. 2012. № 34.
10. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
11. Халфина Р. О. Вопросы теории права. М., 1961.
12. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учебное пособие: в 2 т. М., 1995. Т. 2. Вып. 2 – 4 (по изд. 1912 г.).

Информация об авторе:

Трезубов Егор Сергеевич – старший преподаватель кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического факультета КемГУ, +7-923-618-9815, trezubov@kemsu.ru.

Egor S. Trezubov – Senior Lecturer at the Department of Labour and Environmental Law and Civil Process, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 05.02.2015 г.

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АУДИТА

А. Ф. Федотов

THE CONCEPT OF STATE AUDIT

A. F. Fedotov

В статье рассматриваются вопросы определения государственного аудита (контроля). В связи с этим автором исследуются правовые основы понятия аудита и возможности использования данного понятия в определении государственного аудита как специального вида государственного контроля, осуществляемого органом со специальной компетенцией.

The questions of definition of state audit (control) are discussed by author in the paper. In this regard, the author examines the legal basis of the concept of audit and the possibility of its use in the definition of state audit, as a special form of state control, which is carried out by the authority with the special competence.

Ключевые слова: Счётная Палата Российской Федерации, аудит, аудиторская деятельность, финансовый контроль, государственный аудит, государственный финансовый контроль.

Keywords: Accounts Chamber of the Russian Federation, audit, audit activity, financial control, state audit, state financial control.

В связи с введением в действие нового Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ "О Счетной палате Российской Федерации" (далее по тексту – ФЗ от 05.04.2013 № 41-ФЗ "О Счетной палате Российской Федерации") [15] в финансово-правовой науке появилось новое понятие «государственный аудит», наряду с понятием «государственный финансовый контроль».

В самом ФЗ и принятых в дальнейшем Счётной Палатой РФ правилах (стандартах) аудиторской деятельности: Стандарт финансового контроля "СФК 104 Проведение аудита эффективности использования государственных средств" [8]; Стандарт финансового контроля "СФК 202. Оперативный контроль исполнения федеральных законов о федеральном бюджете и бюджетах государственных внебюджетных фондов" [9]; Стандарт финансового контроля "СФК 203. Последующий контроль исполнения федерального бюджета" [10]; Стандарт государственного аудита "СГА 201. Предварительный аудит формирования федерального бюджета" [11]; Стандарт государственного аудита "СГА 101. Общие правила проведения контрольного мероприятия" [12] – не содержится определения государственного финансового аудита, что позволяет нам попробовать разобраться в данном понятии или хотя бы предположить, что имелось в виду законодателем под этим понятием.

Предыдущим Федеральным законом от 11.01.1995 № 4-ФЗ "О Счетной палате Российской Федерации" [16] устанавливалось, что Счетная палата Российской Федерации является постоянно действующим органом государственного финансового контроля. Соответственно в науке сложилось устоявшееся мнение о том, что собой представляет государственный финансовый контроль.

Государственный финансовый контроль как сложная категория является, по мнению большинства ученых, составной частью понятия «управление», которое, в свою очередь, вытекает из сущности власти и государства. Как и всякий элемент этих категорий,

контроль имеет свое место в государственном управлении [13, с. 74].

Причем контроль рассматривается как заключительная функция управленческой деятельности, позволяющей установить несоответствие между принятым решением и его исполненным вариантом [20, с. 14].

Контроль позволяет обеспечить компетентность и конкретность руководства, т. е. управление на основе достоверной информации, располагая которой можно своевременно заметить ошибки и препятствия на пути к цели, преодолеть их, скорректировав управление, приведя его в соответствие с объективными изменениями, выработать наиболее целесообразные решения различных общих и специальных вопросов государственной жизни [14, с. 10 – 11].

Если говорить о финансовом контроле, то следует отметить, что финансовый контроль можно рассматривать как функцию управленческой деятельности, но тогда в данном понимании контроль должен производиться по окончании исполнения управленческого решения в целях установления соответствия между принятым решением и его исполненным вариантом. Анализируя нормативные правовые акты о финансовом контроле, можно сделать вывод о том, что финансовый контроль – это не прекращающийся во времени процесс деятельности специализированных органов и иных субъектов по проведению контрольных мероприятий [14], и это действительно так.

Важной, по нашему мнению и на взгляд большинства ученых, занимающихся вопросами финансового контроля, особенностью государственного финансового контроля является то обстоятельство, что его осуществляют органы государственной власти, обладающие по отношению к объектам контроля властными полномочиями, и соответственно все субъекты, осуществляющие операции с подконтрольными объектами, входящими в сферу государственного финансового контроля, несут обязанности по содействию в проведении его контрольными органами в рамках

проведения в отношении них контрольных мероприятий [19, с. 38].

С помощью контроля органы управления получают информацию о реальном положении дел и соответственно имеют возможность своевременно производить корректировки в работе в целях недопущения финансовых потерь и нарушений финансового законодательства.

Таким образом, можно сделать вывод, что контроль – одно из важных и необходимых правовых средств, обеспечивающих строгое соблюдение законности в деятельности государственного аппарата.

В науке финансового права сложилось мнение о финансовом контроле как особой функции управленческой деятельности, а именно её особого вида – финансовой деятельности, т. е. деятельности по формированию, распределению и использованию государственных централизованных фондов денежных средств, управлению государственным имуществом [21, с. 139].

Именно в контроле за своевременным формированием, справедливым распределением и эффективным использованием средств денежных фондов государства и государственной собственности заключается основная задача государственного финансового контроля [19, с. 11 – 12].

Следует согласиться с мнением А. Н. Козырина, что в финансовом контроле проявляется эффективность охранительной функции финансового права, поскольку посредством государственного финансового контроля фиксируются правонарушения в сфере публичных финансов, которые, в свою очередь, служат основанием для привлечения к ответственности за нарушение финансового законодательства [4, с. 66].

Из всего вышеизложенного, следует сделать следующий вывод о том, что государственный финансовый контроль – это особый вид финансовой деятельности, осуществляемый органами государственной власти и иными уполномоченными субъектами, обладающими властными полномочиями, по проведению контрольных мероприятий в отношении субъектов, осуществляющих операции со средствами централизованных денежных фондов государства, использующих государственное имущество, в целях выявления нарушений финансового законодательства.

Н. И. Химичева также указывает, что финансовый контроль является средством, позволяющим добиться укрепления государственной финансовой дисциплины, выражающей одну из сторон законности [21, с. 141].

После того как были определены основные признаки государственного финансового контроля, теперь следует разобраться в понятии аудита, и через это понятие попытаться вывести понятие государственного аудита.

Термин "аудит" происходит от латинского "audio", что означает "слушает" [1, с. 17].

Законодательное определение аудита содержится в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ "Об аудиторской деятельности" (далее по тексту –

ФЗ от 30.12.2008 № 307-ФЗ "Об аудиторской деятельности") [17], аудит – независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности.

Исходя из положений закона, можно определить, что целью аудита является выражение мнения о достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности аудируемых лиц и соответствии порядка ведения бухгалтерского учета законодательству Российской Федерации.

Под достоверностью понимается степень точности данных финансовой (бухгалтерской) отчетности, которая позволяет пользователю этой отчетности на основании ее данных делать правильные выводы о результатах хозяйственной деятельности, финансовом и имущественном положении аудируемых лиц и принимать базирующиеся на этих выводах обоснованные решения.

Аудиторская деятельность осуществляется наряду с финансовым контролем, так как является одним из его видов [19, с. 20] и в некоторых случаях, предусмотренных законодательством, например, в ст. 5 ФЗ от 30.12.2008 № 307-ФЗ "Об аудиторской деятельности", носит обязательный характер, но в отличие от контроля аудиту не свойственно наличие властных полномочий.

В п. 2 ст. 1 ФЗ от 30.12.2008 № 307-ФЗ "Об аудиторской деятельности" установлено, что аудиторская деятельность – это деятельность, осуществляемая аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами.

Аудиторы, а также аудиторские фирмы, начинают свою деятельность после государственной регистрации в качестве субъекта предпринимательской деятельности, и не вправе заниматься какой-либо иной предпринимательской деятельностью, кроме проведения аудита и оказания услуг (п. 6 ст. 1 ФЗ от 30.12.2008 № 307-ФЗ "Об аудиторской деятельности").

Следует сделать вывод о том, что аудит могут осуществлять аудиторские организации и индивидуальные аудиторы, состоящие либо не состоящие в трудовых отношениях с аудиторской организацией, и одновременно те и другие должны быть членами саморегулируемой организации аудиторов, в отношении субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность и обязанных вести бухгалтерскую (финансовую) отчетность, в соответствии положениями, предусмотренными Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ "О бухгалтерском учете" (п. 3 ФЗ № 307-ФЗ "Об аудиторской деятельности").

Основываясь на анализ положений ФЗ от 30.12.2008 № 307-ФЗ "Об аудиторской деятельности", можно прийти к выводу, что аудиторская деятельность (аудит) обладает следующими признаками:

- является видом предпринимательства, основным источником прибыли субъекта;
- цель аудита – выражение мнения о достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности прове-

ряемых лиц и о соответствии порядка ведения бухгалтерского учета законодательству Российской Федерации;

- исключительная деятельность, осуществляемая специальными субъектами (аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами), являющимися членами саморегулируемой аудиторской организации;

- в отношении специальных субъектов установлено требование о профессионализме;

- аудиторские проверки носят независимый характер;

- объект аудита – финансовая (бухгалтерская) отчетность и другая информация о финансово-хозяйственной деятельности проверяемого лица;

- отсутствие властных полномочий.

Теперь необходимо ответить на вопрос, что же всё-таки законодателем понимается под государственным аудитом?

Следует напомнить, что понятие государственный аудит появилось в связи с введением в действие ФЗ от 05.04.2013 № 41-ФЗ "О Счетной палате Российской Федерации".

Особыми субъектами, в отношении которых Счетная палата осуществляет внешний государственный аудит (контроль), являются федеральные государственные органы, органы государственных внебюджетных фондов, Центральный банк РФ, федеральные государственные учреждения, федеральные государственные унитарные предприятия, государственные корпорации и государственные компании, хозяйственные товарищества и общества с участием Российской Федерации в их уставных (складочных) капиталах, согласно ст. 15 ФЗ от 05.04.2013 № 41-ФЗ "О Счетной палате Российской Федерации".

Согласно ст. 14 Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ "О Счетной палате Российской Федерации" контрольная и экспертно-аналитическая деятельность Счетной палаты России осуществляется в виде финансового аудита, аудита эффективности, стратегического аудита и иных видов аудита (контроля) в соответствии со стандартами внешнего государственного аудита (контроля), утверждаемыми Счетной палатой России.

Финансовый аудит призван ответить на вопрос: использованы ли средства в соответствии с заданными целями, аудит эффективности должен ответить на вопрос: использованы ли средства эффективно, а стратегический аудит должен ответить на вопрос: использованы ли средства в соответствии с целями социально-экономического развития [6, с. 112].

На основании анализа правил (стандартов) аудиторской деятельности, о которых речь велась выше, можно сделать вывод и кратко охарактеризовать основные направления каждого из вышеуказанных видов государственного аудита.

Финансовый аудит применяется в целях документальных проверок достоверности финансовых операций, бюджетного учета, бюджетной отчетности, целевого использования государственных ресурсов.

Аудит эффективности применяется в целях определения эффективности использования государственных ресурсов.

Стратегический аудит применяется в целях оценки реализуемости рисков и последствий результатов реализации стратегических целей обеспечения безопасности и социально-экономического развития РФ.

Следует заметить, что основным видом государственного аудита определяется именно аудит эффективности.

Аудит эффективности стал внедряться в практику деятельности органов финансового контроля многих развитых стран после того, как IX Конгресс Международной организации высших органов финансового контроля (International Organisation of Supreme Audit Institutions, INTOSAI), проходивший с 17.10.1977 по 26.10.1977 в г. Лиме (Республика Перу), принял Лимскую декларацию руководящих принципов финансового контроля (далее – Лимская декларация) [5].

В последующие годы аудит эффективности получил высокую оценку и международное признание, что свидетельствует о его широком использовании органами государственного финансового контроля развитых стран, Россия не является исключением.

Как установлено текстом Лимской декларации, существуют только два типа государственного аудита: финансовый аудит и аудит эффективности, содержание которых раскрывается в соответствующих стандартах аудита Международной организации высших органов финансового контроля (стандарты INTOSAI).

Следует согласиться с высказыванием О. И. Карпиной о том, что стратегический аудит является своего рода "изобретением" Счетной палаты России, которая начала применять его для контроля за реализацией стратегических целей обеспечения безопасности и социально-экономического развития РФ [3, с. 45].

Мы присоединяемся к высказыванию О. В. Филиповской о том, что целесообразно определять аудит эффективности государственных расходов как "новый метод государственного финансового контроля, который позволяет с помощью критериальных показателей оценить эффективность управления финансовыми ресурсами и государственной собственностью получателями бюджетных средств, на основе анализа показателей эффективности определить организационные возможности улучшения реализации властных решений, разработать рекомендации по проведению мероприятий, направленных на получение экономического и социального результата от использования государственных финансовых ресурсов" [18, с. 26].

По мнению Е. В. Рябовой, аудит эффективности отличается от финансового контроля тем, что главной целью является не выявление нарушений финансового законодательства, а оценка эффективности деятельности бюджетополучателей по использованию ими государственных ресурсов, и с этим стоит согласиться, а также отметить, что финансовый контроль не только направлен на выявление нарушений финансового законодательства и привлечение виновных к

юридической ответственности, но и выявление скрытых резервов в развитии экономики страны, а также применение механизма стимулирования для этого развития. Главная идея заключается в создании действенного механизма контроля органов исполнительной власти по выполнению ими государственных функций и эффективному использованию государственных ресурсов. Аудит эффективности должен исполнять орган независимый от исполнительной власти и имеющий право «вето» в случае нецелесообразного, необоснованного, неэффективного использования средств бюджетов, собственности и природных ресурсов [7, с. 6].

Следует сделать следующий вывод о том, что контроль и аудит могут пониматься, во-первых, как различные по целям виды деятельности, во-вторых, аудит понимают в качестве одного из видов финансового контроля и, в-третьих, наоборот, аудит включает в себя финансовый контроль, такого же мнения придерживается и О. И. Карепина [2].

Финансовое законодательство России не занимает ни одну из указанных позиций, оставляя неопреде-

ленным соотношение аудита и контроля и не разрешая многочисленные коллизии между Федеральным законом от 05.04.2013 № 41-ФЗ "О Счетной палате Российской Федерации", подзаконными актами, содержащими термин "аудит" и Федеральным законом от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ "Об аудиторской деятельности". Наличие указанных коллизий, в свою очередь, не позволяет полноценно урегулировать и без того запутанные вопросы соотношения финансового контроля и государственного аудита.

В заключение проведенного исследования хотелось бы предложить следующее определение государственного аудита: это деятельность, регламентируемая законодательными (представительными) органами власти государства в целях реализации ими входящей в их сферу деятельности контрольной функции по проведению финансового аудита, аудита эффективности, стратегического аудита и иных видов аудита, через специально формируемые ими органы государственного аудита с одновременным наделением их специальными властными полномочиями по их проведению.

Литература

1. Арзуманова Л. Л. Правовое регулирование аудиторской деятельности в Российской Федерации. М.: Проспект, 2011. 144 с.
2. Карепина О. И. Аудит эффективности в системе государственного финансового контроля // Финансовые исследования. 2014. № 2. С. 32 – 39.
3. Карепина О. И. Развитие аудита эффективности государственных расходов // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 30. С. 42 – 51.
4. Козырин А. Н. Правовые основы государственного и муниципального финансового контроля в Российской Федерации // Реформы и право. 2014. № 1. С. 66 – 76.
5. Лимская декларация руководящих принципов финансового контроля // Официальный сайт Счетной палаты России. Стенограмма парламентских слушаний в Комиссии Совета Федерации по взаимодействию со Счетной палатой России от 27.05.2004. Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru>. (дата обращения: 26.01.2015).
6. Арзуманова Л. Л., Болтинова О. В., Бубнова О. Ю. и др. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2013. 384 с.
7. Рябова Е. В. Парламентский финансовый контроль как необходимый элемент программно-целевого бюджетирования: некоторые вопросы правового обеспечения // Российская юстиция. 2013. № 6. С. 5 – 7.
8. Стандарт финансового контроля "СФК 104 Проведение аудита эффективности использования государственных средств" от 09.06.2009 № 31К (668) // Справочно-правовая система "Консультант Плюс" (дата обращения: 26.01.2015).
9. Стандарт финансового контроля "СФК 202. Оперативный контроль исполнения федеральных законов о федеральном бюджете и бюджетах государственных внебюджетных фондов" // Счетной палаты РФ, протокол от 28.12.2010 № 64К (766) // Справочно-правовая система "Консультант Плюс" (дата обращения: 26.01.2015).
10. Стандарт финансового контроля "СФК 203. Последующий контроль исполнения федерального бюджета", утв. Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 12.02.2008. № 7К (584) (ред. от 20.06.2014 // Справочно-правовая система "Консультант Плюс" (дата обращения: 26.01.2015).
11. Стандарт государственного аудита "СГА 201. Предварительный аудит формирования федерального бюджета". 2014, № 37К(983) // Справочно-правовая система "Консультант Плюс" (дата обращения: 26.01.2015).
12. Стандарт государственного аудита "СГА 101. Общие правила проведения контрольного мероприятия", 02.04.2010 № 15К (717) // Справочно-правовая система "Консультант Плюс" (дата обращения: 26.01.2015).
13. Степашин С. В., Столяров Н. С., Шохин С. О., Жуков В. А. Государственный финансовый контроль: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2004. 560 с.
14. Тарасов А. М. Государственный контроль в России. М., 2008. 672 с.
15. Федеральный закон "О Счетной палате Российской Федерации" от 05.04.2013 № 41-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

16. Федеральный закон "О Счетной палате Российской Федерации" от 11.01.1995 № 4-ФЗ // СЗ РФ. 16.01.1995. № 3. Ст. 167.
17. Федеральный закон "Об аудиторской деятельности" от 30.12.2008 № 307-ФЗ // СЗ РФ. 05.01.2009. № 1. Ст. 15.
18. Филипповская О. В. Анализ организации внешнего и внутреннего контроля качества работы аудиторских организаций и аудиторов // Аудитор. 2014. № 1. С. 23 – 31.
19. Федотов А. Ф. Финансовый контроль: учебное пособие. Кемерово: КемГУ, 2012. 181 с.
20. Финансовое право: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. С. В. Запольский. КОНТРАКТ, Волтерс-Клувер, 2011. 792 с.
21. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2011. 768 с.

Информация об авторе:

Федотов Александр Федорович – старший преподаватель кафедры государственного и административного права КемГУ, fedotovaf@kemsu.ru.

Alexander F. Fedotov – Senior Lecturer at the Department of Public and Administrative Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2015 г.

УДК 346.62:347.73

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛЕВЫХ ДЕНЕЖНЫХ ФОНДОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ

А. Ф. Федотов, В. А. Федотова

LEGAL RECOGNITION OF THE NECESSITY OF FORMING TARGET FUNDS OF ECONOMIC ENTITIES

A. F. Fedotov, V. A. Fedotova

В статье рассматриваются вопросы необходимости формирования целевых денежных фондов хозяйствующими субъектами в условиях рыночной экономики. В связи с этим авторами исследуются правовые основы формирования целевых денежных фондов хозяйствующими субъектами, направления их использования, необходимости их формирования, требования, предъявляемые к их формированию.

The paper discusses the necessity of forming target monetary funds of economic entities in the market economy. In this regard, the authors investigate the legal basis for the formation of the target funds of economic entities, the necessity of their formation, the requirements for their formation.

Ключевые слова: хозяйствующий субъект, учредительные документы, фонды потребления, фонды накопления, амортизационные отчисления, финансовые ресурсы, чистая прибыль, налогообложение, уставный капитал.

Keywords: economic entity, constituent documents, consumption funds, funds of savings, depreciation, financial resources, net profit taxation share capital.

В процессе осуществления финансовой деятельности формируются как централизованные денежные фонды, так и децентрализованные. Централизованные денежные фонды формируются в строгом соответствии с принимаемым нормативными правовыми актами об этих фондах (Законы, решения о бюджетах), а формирование децентрализованных фондов всегда вызывает много вопросов: какие фонды стоит относить к децентрализованным, в каком порядке они формируются, кем принимается решение об их формировании, источники их формирования.

Нам бы в своей работе хотелось обратить внимание на формирование таких «целевых» децентрализованных фондов, как фонды потребления и накопления.

В ходе своей деятельности хозяйствующие субъекты получают прибыль, которая направляется на уплату налогов, выплаты участникам общества и

иные выплаты, а также участниками общества могут быть приняты решения о создании целевых денежных фондов.

Принятие решения о распределении чистой прибыли общества между его участниками относится к исключительной компетенции общего собрания участников общества. Такое положение закреплено как в п. 2 ст. 33 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" (далее – Закон об ООО) [17], так и в п. 3 ст. 42 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ "Об акционерных обществах" (далее – Закон об ОАО) [18].

Кроме того, хозяйствующие субъекты имеют право, как уже было сказано выше, принимать решение о формировании целевых денежных фондов из чистой прибыли, оставшейся после уплаты налогов. Порядок образования целевых фондов (фондов специального назначения) регулируется учредительными докумен-

тами хозяйствующего субъекта [17, п. 1 ст. 30], [18, п. 2 ст. 35, п. 2 ст. 42].

Забота собственников о развитии и стабильности своего предприятия вызывает иногда у них желание направить нераспределенную прибыль на приобретение новых основных средств, на выплату премий работникам, развитие социальной сферы (строительство детских садов или жилья для работников) или на благотворительность. Обычно в таких случаях они принимают решение о создании так называемых фондов накопления и потребления [14].

Фонды накопления и потребления относятся к фондам специального назначения. По общему мнению, установившемуся в экономической и финансовой науке, под фондом накопления понимаются средства, направляемые на производственное развитие организации или иные аналогичные цели, предусмотренные учредительными документами (например, на создание нового имущества). Фонды потребления включают средства, направляемые (зарезервированные) на осуществление мероприятий по социальному развитию (кроме капитальных вложений) и материальному поощрению коллектива организации и иных аналогичных мероприятий и работ, не приводящих к образованию нового имущества организации [5, с. 120; 15].

Сразу сделаем оговорку, что создание таких фондов не предусмотрено ни Законом об АО ни Законом об ООО, ни действующими нормативными актами по бухучету. Иными словами, никаких фондов можно не создавать, а чистую прибыль можно потратить только на дивиденды, и нет необходимости тратить прибыль на цели развития производства и социальную сферу, а изыскивать на эти цели иные источники. Законодательство не обязывает компании создавать из прибыли фонды потребления или накопления. Но и не запрещает. Вопрос расходования прибыли решается собственниками компаний самостоятельно.

Создание фондов накопления и потребления активно использовалось в период плановой экономики, и с переходом российской экономики на рыночные рельсы некоторые предприятия по-прежнему предусматривают создание «целевых фондов», а также некоторые нормативные акты, продолжающие действовать, содержат упоминание о таких «целевых фондах» [6 – 7; 10; 12].

Формирование целевых фондов государственными унитарными предприятиями осуществляется в порядке, установленном Уставом предприятия, законодательно не устанавливается прямого запрета на формирование фондов потребления и накопления, в то же время имеется указание на то, что такие фонды могут быть использованы унитарным предприятием только на цели, определенные федеральными законами, иными нормативными правовыми актами и уставом унитарного предприятия [16, п. 2 ст. 16].

Следует отметить, что Приказом Минфина России от 06.07.1999 № 43н была изменена методика отражения источников в балансе организации, из состава показателей баланса исключены такие показатели, как «фонд накопления», «фонд потребления» [13].

Учитывая всё вышесказанное, возникает необходимость разобраться в вопросе целесообразности

формирования «целевых денежных фондов» хозяйствующими субъектами и связанными с такой необходимостью их формирования неблагоприятными последствиями для хозяйствующих субъектов.

Нам хотелось бы ещё раз обратить внимание на цели, для реализации которых создавались фонды потребления и накопления.

Итак, фонд накопления использовался на приобретение и строительство основных средств, финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), подготовку и переподготовку кадров, а фонд потребления использовался на выплату материальной помощи сотрудникам, дивидендов, премий и надбавок, оплату дополнительных отпусков, командировочных и представительских расходов, проезда сотрудников на транспорте, их питания, а также на развитие физкультуры и спорта и др.

Следует обратить внимание на то, что актуальность в направлении средств на финансирование указанных целей не отпала и в условиях рыночной экономики, а потому и не отпала необходимость в формировании «специальных целевых фондов» хозяйствующих субъектов.

Хозяйствующий субъект в уставе может предусматривать порядок создания и расходования средств фондов специального назначения – фонда накопления, потребления и иных подобных фондов, тем более, что нет прямого законодательного запрета на их создание, как уже было отмечено выше.

Мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые считают, что создание подобных фондов будет только способствовать положительному имиджу предприятия, которое будет иметь возможность реализовывать программы своего развития без использования заёмного капитала, сможет уменьшить свои расходы по достижению результатов в поставленной цели, резервировать средства, которые в будущем можно тратить на конкретные цели [1, с. 84; 2, с. 78; 3, с. 20; 4, с. 43; 9, с. 252].

Фонды полезны, если руководство или учредители фирмы хотят видеть, есть ли у организации финансовые ресурсы для того, чтобы финансировать запланированные расходы.

Для создания фонда из нераспределенной прибыли необходимо предусмотреть такую возможность в своем уставе. Решение о направлении прибыли или ее части в фонд принимается общим собранием участников один раз в год, размер фонда и величину отчислений устанавливают в процентном отношении от уставного капитала или чистой прибыли или в фиксированных суммах.

Средства фондов специального назначения можно расходовать исключительно на цели, которые предусмотрены уставом общества, решением о создании фонда или иными локальными актами.

Фонды позволяют ежегодно резервировать прибыль на конкретные цели, могут использоваться как источник информации для собственников организации о наличии у них источников финансирования крупных расходов или нет, необходимости использования заёмных средств, определения финансовой выгоды от вложений или деятельность фирмы убыточна.

Средства фондов как раз выступают источником финансирования деятельности компаний.

Следует согласиться с мнением Е. В. Вайтман, что создание фондов специального назначения не влечет никаких налоговых последствий для организации и участников [3, с. 22], т. к. согласно п. 3.4 ст. 251 Налогового кодекса РФ доходы в виде нераспределенной прибыли не являются объектом обложения налогом на прибыль организации, если по решению учредителей или участников принято решение о создании целевых фондов и направлении нераспределенной прибыли в них [8]. Единственное, на что следует обратить внимание при использовании средств целевых фондов, что могут возникнуть некоторые сложности в доказывании их налоговой очистки при дальнейшем использовании средств. В частности необходимо будет обосновать отсутствие сведений об уплате акционерами или участниками НДФЛ с дивидендов, т. к. они в свою очередь облагаются налогом по ставке 13 % [8, пп. 1, п. 1 ст. 208].

Итак, в самом общем виде фонды – это часть денежных средств юридического лица, учитываемая на отдельном счете. Фонд имеет определенные источники формирования и строго целевое назначение. Таким образом, с помощью фондов гарантируется расходование закрепленных в них средств по самым значимым для организации направлениям.

Возникает вопрос, как и на каком счете отражать денежные средства специальных денежных фондов предприятия, создание которых предусмотрено уставом организации. В целях проведения бухгалтерского учета считаем правильным отражать средства этих фондов на 84 счете, на котором отражается «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)», счет 84 предназначен для обобщения информации о наличии и движении сумм нераспределенной прибыли или непокрытого убытка организации [11].

Ранее учетной политикой предусматривался учет средств «целевых фондов», созданных из прибыли на субсчетах несуществующего сейчас счета 88, предусмотренного в старом Плане счетов, утвержденном Приказом Минфина СССР от 01.11.1991 № 56, соответственно средства фондов потребления и накопления отражались на этих субсчетах. На сегодняшний день фирмы вправе открывать сколько угодно субсчетов к любому счету, конкретика прописывается в

учетной политике, следовательно, можно сделать вывод о том, что на субсчетах счета 84, о котором мы говорили выше, хозяйствующие субъекты могут отражать средства «целевых денежных фондов», формируемых из чистой прибыли, если формирование таких фондов предусмотрено уставом и утверждено общим собранием, в том числе и фондов потребления и накопления.

Направляя часть денежных средств для формирования децентрализованных целевых фондов, а именно фондов потребления и накопления, организация тем самым предотвращает возможность использования финансовых ресурсов, аккумулированных в фондах, на иные, второстепенные цели, различного рода непроизводительные расходы со стороны исполнительного органа. Юридическое лицо ограничивает действия администрации по расходованию значительной части денежных средств организации определенными пределами. Вместе с тем использование фондов целевого назначения – это средство финансового планирования расходов и одна из форм организации внутрихозяйственного финансового контроля за правильностью использования финансовых ресурсов организации.

Подводя итог небольшому нашему исследованию, следует ещё раз обратить внимание на положительные и отрицательные стороны, связанные с формированием «целевых фондов», к которым мы относим фонды накопления и потребления. К положительным моментам можно отнести то обстоятельство, что законодательно не запрещено формирование фондов потребления и накопления. Изменившаяся учетная политика позволяет делать вывод о том, что средства «целевых фондов» можно отражать на субсчетах отдельного счета, никаких неблагоприятных налоговых последствий для организации не наступает, в случае формирования «целевых фондов» ещё одним преимуществом является наличие значительной суммы собственных средств для реализации производственных и социальных программ. Единственным минусом создания «целевых фондов» является их незакрепленность в законодательстве и как следствие возникновение проблемы в доказывании налоговой очистки средств этих фондов, а также необходимости соблюдения целей использования.

Литература

1. Арзуманова Л. Л., Болтинова О. В., Бубнова О. Ю. [и др.]; Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография; отв. ред. Е. Ю. Грачева. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2013.
2. Богомолова И., Позднякова Е., Сазонова Н. Имеет ли смысл "упрощенцам" формировать фонды из чистой прибыли // Упрощенка. 2014. № 6. С. 76 – 80.
3. Вайтман Е. В. Распределение чистой прибыли компании за 2013 год: налоговые последствия и юридические нюансы // Российский налоговый курьер. 2014. № 5. С. 14 – 23.
4. Гомелля В. Б. Страховые тарифы, премии, резервы и обязательства // Финансы. 2014. № 4. С. 42 – 44.
5. Лялин Д. Ю. Право собственности государственных корпораций: монография / под ред. Е. В. Блинковой. М.: Юрист, 2005. С. 114 – 124.
6. Методические рекомендации органам местного самоуправления по реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ "Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации" в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах" (утв. МЧС РФ) (вместе с "Правилами охраны жизни людей на водных объектах на территории муниципального образования", "Методическими рекоменда-

циями по созданию, содержанию и организации деятельности общественных спасательных формирований") // Пожарная безопасность. 2006. № 2.

7. Методические рекомендации по бухгалтерскому учету и отчетности на хлебоприемных и зерноперерабатывающих предприятиях" (утв. Минсельхозом) / Приказ Госкомсанэпиднадзора РФ от 28.12.1995 № 138 "Об утверждении Номенклатуры организаций системы Государственной санитарно-эпидемиологической службы Российской Федерации, Типового положения о центре государственного санитарно-эпидемиологического надзора и Примерного устава государственного унитарного предприятия дезинфекционного профиля". М., 2003.

8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ, 07.08.2000. № 32. Ст. 3340.

9. Новашина Т. С., Карпунин В. И., Леднев В. А. Экономика и финансы предприятия: учебник / под ред. Т. С. Новашиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский финансово-промышленный университет "Синергия", 2014. С. 352.

10. Приказ Росреестра от 12.08.2009 № 195 (ред. от 03.11.2011, с изм. от 15.08.2014) "О порядке исполнения Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии полномочий по осуществлению прав собственника имущества федерального государственного унитарного предприятия" // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 10.02.2015).

11. Приказ Минфина РФ от 31.10.2000 № 94н (ред. от 08.11.2010) "Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению" // Экономика и жизнь. 2000. № 46.

12. Приказ Минздрава РФ от 15.09.2000 № 348 "Об утверждении Методических рекомендаций по анализу эффективности деятельности унитарных предприятий" // Здравоохранение. 2001. № 4.

13. Приказ Минфина РФ от 06.07.1999 № 43н (ред. от 08.11.2010) "Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Бухгалтерская отчетность организации" (ПБУ 4/99)" // Финансовая газета. 1999. № 34.

14. Приказ Минфина РФ от 19.10.1995 № 115 (ред. от 27.03.1996) "О годовой бухгалтерской отчетности организаций за 1995 год" (вместе с "Инструкцией о порядке заполнения типовых форм годовой бухгалтерской отчетности") // Финансовая газета. 1995. № 46.

15. Суханова Г. Н. Учет нераспределенной прибыли (непокрытого убытка): порядок формирования и использования // Бухгалтерский учет. 2000. № 3.

16. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 04.11.2014) "О государственных и муниципальных унитарных предприятиях" // Российская газета. № 229. 03.12.2002.

17. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 05.05.2014) "Об обществах с ограниченной ответственностью" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) // Российская газета. № 30. 17.02.1998.

18. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 21.07.2014) "Об акционерных обществах" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Российская газета. № 248. 29.12.1995.

Информация об авторах:

Федотов Александр Фёдорович – старший преподаватель кафедры государственного и административного права КемГУ.

Alexander F. Fedotov – Senior Lecturer at the Department of Public and Administrative Law, Kemerovo State University.

Федотова Виктория Александровна – ассистент юридического факультета КемГУ, fedotovaf@kemsu.ru, bazy0000@yandex.ru.

Victoria A. Fedotova – Assistant Lecturer at Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2015 г.

КЛАССИФИКАЦИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО МОМЕНТУ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

О. С. Хорошилова

THE CORPUS DELICTI CLASSIFICATION BY THE MOMENT OF CRIME COMPLETION

O. S. Khoroshilova

В статье анализируются классификации составов преступлений по моменту их окончания. Автор считает необоснованным выделение большого количества видов составов преступлений по моменту их окончания и приходит к выводу, что многие выделяемые в научной литературе виды составов преступлений не носят самостоятельного характера, а являются разновидностями других составов преступлений. В статье предложена в авторском видении классификация составов преступлений по моменту их окончания.

The paper analyzes the corpus delicti classification by the moment of crime completion. The author considers allocating of a large number of types of corpus delicti by the moment of completion to be unreasonable, and comes to the conclusion that many types of corpus delicti allocated in the scientific literature have no specific character, but are variations of other corpus delicti. The paper provides the author's vision of the classification of corpus delicti by the moment of crime completion.

Ключевые слова: момент окончания преступления, материальный состав, формальный состав, усеченный состав, состав опасности.

Keywords: moment of crime completion, material corpus delicti, formal corpus delicti, corpus delicti of endangering.

Любое преступление является поведенческим актом, деянием, соответственно имеет определенные временные границы, свое начало и завершение. Поэтому правильное их установление имеет первостепенное значение для квалификации преступлений, в том числе для разграничения оконченных и неоконченных преступлений. Для того чтобы констатировать наличие в деянии состава преступления, необходимо определить, достигнут ли момент окончания преступления, под которым обычно понимается момент, когда в деянии получают свое отражение все признаки, содержащиеся в составе преступления. Данное положение следует из законодательно закрепленной в ч. 1 ст. 29 УК РФ дефиниции оконченного преступления.

Момент окончания преступления присущ всем преступлениям без исключения. Не совсем корректно утверждать, что оконченными могут быть только прямоумышленные преступления, поскольку только с данной формой вины могут совершаться неоконченные преступления: приготовления и покушения [2, с. 15]. Оконченное преступление – не антипод неоконченного. Иначе нам придется сделать вывод, что категории «оконченное преступление» или «момент окончания преступления» к неосторожным преступлениям или преступлениям с косвенным умыслом не относятся лишь на том основании, что неоконченных преступлений с данными формами вины не существует.

Если мы говорим о преступлении как об оконченном, мы подразумеваем, что в деянии наличествуют все признаки состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, а соответствующая санкция уголовно-правовой нормы будет определять те наказания, которые могут быть назначены за него. Это общее правило. Если же перед нами преступление неоконченное, то мы говорим о расширении границ уголовно-правового регулирования, о возможности привлечь лицо к ответственности на более ран-

них стадиях совершения преступления. Это скорее исключение из правила и устанавливается оно только в том случае, если такого рода предварительные деяния представляют значительную общественную опасность. Поэтому вполне обоснованны уголовная наказуемость приготовления и покушения исключительно при совершении преступлений с прямым умыслом, поскольку данный вид преступлений наиболее общественно опасен по сравнению с неосторожными преступлениями или преступлениями с косвенным умыслом.

В науке уголовного права принято делить оконченные преступления в зависимости от их конструкции на материальные, формальные и усеченные. Преступления с материальным составом считаются оконченными с момента наступления последствий, с формальным – с момента совершения деяния, а момент окончания преступлений с усеченным составом перенесен на стадию приготовления или покушения [7, с. 81].

Устоявшийся в науке взгляд на триаду материальных, формальных и усеченных составов преступлений в последнее время претерпевает определенные изменения.

Во-первых, до сих пор возникают споры по поводу основания для данной классификации составов. В качестве такового выделяют:

- 1) конструкцию состава [1; 4; 6, с. 16],
- 2) момент окончания преступления [2, с. 18],
- 3) стадию совершения преступления, нашедшую свое выражение в моменте окончания преступления [3, с. 136; 5, с. 12].

Конструкция состава представляет собой набор конкретных признаков каждого элемента состава преступления, закрепленных в диспозиции уголовно-правовой нормы. Если в основание классификации составов мы положим это понятие, то нам придется

отказаться от выделения в самостоятельный вид усеченных составов, поскольку с точки зрения конструкции они ничем не будут отличаться от формальных, которые считаются оконченными с момента завершения деяния. Разбой – нападение, т. е. выражается в совершении лицом деяния, как и похищение человека или изнасилование, поскольку ни при разбое, ни при похищении, ни в других приведенных примерах для привлечения лица к уголовной ответственности установление материализованных последствий не требуется.

Конструкция объективной стороны больше подходит для выделения в качестве основания классификации составов, но не все признаки объективной стороны оказывают влияние на окончание преступления. С этой точки зрения важны только отдельные моменты объективной стороны: момент наступления последствий, момент окончания деяния, иногда момент начала деяния. Поэтому нельзя согласиться с тем, что составы делятся на материальные, формальные и усеченные именно по конструкции объективной стороны.

Стадии совершения преступления также не могут служить основанием для классификации составов. Стадии совершения преступления – это определенные этапы в развитии преступной деятельности, которые отражают, насколько полно умысел лица воплотился в конкретных действиях, направленных на достижение задуманного результата. Если связать преступления с формальным составом со стадией оконченного покушения, а преступления с материальным составом – со стадией оконченного преступления (или наступлением преступного результата), то возникает существенная проблема. Вне рамок классификации остаются все неосторожные преступления и преступления с косвенным умыслом, поскольку уголовно наказуемые стадии можно выделять только в прямоумышленных преступлениях.

При этом необходимо помнить, что в рамках двух уголовно-наказуемых стадий совершения преступления можно выделить подстадии. Например: при покушении на убийство деяние по причинению смерти может быть выполнено не в полном объеме, что приведет нас к констатации неоконченного покушения, либо может наступить меньший вред, чем был задуман лицом, тогда перед нами результативное покушение. Из этого следует, что в некоторых случаях преступление будет подпадать под категорию преступлений с формальным составом (как в приведенном нами примере), но в то же время, будут наличествовать материальные последствия, что вроде бы должно влечь за собой признание состава преступления материальным.

На наш взгляд, основанием классификации составов должен выступать исключительно момент окончания преступления, который зависит от конструкции состава и может быть перенесен законодателем на любую стадию совершения преступления [7, с. 81]. При этом выделять момент окончания преступления как самостоятельный признак состава преступления [5, с. 12] не представляется нам обоснованным. Момент окончания, как мы уже отмечали выше, произведен от отдельных признаков объективной стороны: деяния и последствий – и зависит от воли законодателя, поэтому можно констатировать, что самостоя-

тельной ценности не имеет в отрыве от деяния или последствий.

Во-вторых, для поддержания логической чистоты построения классификации некоторые ученые все составы предлагают в первую очередь делить на материальные и нематериальные [2, с. 18; 3, с. 136]. Момент окончания материальных составов связывается с наступлением реальных последствий (личного или имущественного вреда), момент окончания нематериальных составов от таковых не зависит. Данная позиция представляется обоснованной, поскольку и формальные, и усеченные составы имеют общий признак, отличающий их от материальных, а именно, отсутствие необходимости установления материальных последствий для квалификации преступления как оконченного. Данный факт позволяет объединить эти два вида составов в одну группу – нематериальные составы.

В-третьих, в последнее время все больше ученых выступают с критикой усеченных составов и ставят вопрос о признании таких конструкций неудачными и об отказе от них при конструировании норм [2, с. 18]. Обосновывается указанная позиция нивелированием общественной опасности и невозможностью индивидуализации наказания при наступлении реального вреда. На наш взгляд, данную проблему можно разрешить путем разумного конструирования квалифицированных составов либо квалификации деяний по совокупности. Как нам представляется, полностью отказываться от усеченных составов не целесообразно, так как есть определенные виды особенно общественно опасных направлений преступной деятельности, которую разумно пресекать на стадии приготовления, не дожидаясь, когда для общественных отношений, благ, интересов будет создана реальная угроза причинения вреда и лицо перейдет к покушению. В то же время необходимо остерегаться криминализации деяний, проходящих в своем развитии только стадию обнаружения умысла.

В-четвертых, в последнее время ученые стали дополнять уже привычные материальные, формальные и усеченные составы преступлений новыми видами в рамках анализируемой классификации.

Довольно часто выделяются *составы опасности*, которые определяются как составы, считающиеся оконченными с момента создания реальной опасности наступления вреда охраняемым уголовным законом объектам. Наименование данной группы составов у разных ученых представлено по-разному: составы опасности называют составами создания опасности либо составами создания реальной опасности, либо составами поставления в опасность, что не мешает вкладывать одинаковое содержание в рассматриваемые понятия. По-разному определяется и место указанных составов в общепринятой классификации. Прослеживаются три подхода:

1. Составы опасности – отдельный вид составов преступления [5, с. 12; 6, с. 16].
2. Составы опасности – разновидность материальных составов [4, с. 9; 1, с. 12].
3. Составы опасности – разновидность формальных составов [2, с. 18].

На наш взгляд, первые два подхода менее обоснованы, чем третий. Момент окончания состава опасно-

сти – момент окончания деяния, опасность создается в ходе совершения деяния, она неотделима от него, подобную ситуацию мы наблюдаем и при совершении некоторых преступлений с формальными составами (например, связанных с наступлением нематериальных последствий). Поэтому рассматривать реальную опасность как самостоятельный вид последствий можно, но на классификационную принадлежность состава этот факт не повлияет.

Оснований для выделения состава опасности в отдельную категорию также, на наш взгляд, нет. Конечно, присутствует некое своеобразие конструкции в указанных составах, т. к. необходимо установление особого последствия, выраженного в виде реальной опасности, но моментом окончания тем не менее будет момент совершения деяния, что не отличается от момента окончания преступления с формальным составом.

Помимо составов опасности в юридической литературе выделяются *смешанные или комбинированные составы* [2, с. 18; 5, с. 13 – 15]. Это составы, в которые включены сразу два момента окончания, а иногда и три. Такая ситуация возможна, когда, например, деяние признается оконченным и с момента совершения покушения (формальный состав), и с момента наступления последствий (материальный состав). Примером могут служить ст. 275 УК РФ, ст. 316 УК РФ, ст. 110 УК РФ. На наш взгляд, таких ситуаций следует избегать при конструировании уголовно-правовых норм, поскольку неравноценные по своей общественной опасности деяния могут повлечь назначение одинакового наказания в рамках общей санкции, что приведет к нарушению принципа справедливости. Предпочтительнее в обозначенных случаях деяние с менее общественно опасным последствием закреплять в качестве основного состава, а деяние с более общественно опасным последствием выделять в квалифицированный состав [5, с. 14]. Особенно сильно данная проблема проявляется при имплементации международных норм в Уголовный кодекс РФ (см. напр. гл. 34 УК РФ).

Иногда к усеченным составам, момент окончания которых перенесен на стадию покушения или приготовления, причисляют составы «призывов» и «деликты соучастников» [5, с. 12 – 13], а смежными с усеченными составами объявляются составы «преступной прикосновенности», составы с двойной превенцией [5, с. 16].

Составы «призывов» (например, ст. 205.2 УК РФ) похожи на подстрекательство, хотя таковым в полном смысле слова не являются, поскольку призывом принято считать обращение к неопределенному кругу лиц с целью склонения их к совершению преступления (см., например [8, с. 19]).

«Деликты соучастников» (напр. ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, ч. 1 ст. 209 УК РФ) по их содержанию, характеру деяний (пособничество, создание, руководство, вовлечение и др.) можно отнести к соучастию в большей мере. Отличие от соучастия в обычном понимании в том, что уголовная ответственность за совершение «деликтов соучастников» никак не связана с действиями исполнителя и наступает без ссылки на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Специфика анализируемых составов заключается в том, что их общественная опасность не совсем самостоятельна. Она производна от повышенной общественной опасности некоторых видов преступной деятельности: например, террористической или экстремистской. Из-за значимости указанных видов деятельности, их вредоносности, законодатель полагает необходимым привлекать к уголовной ответственности лиц, которые еще только создают условия для выполнения самих террористических или экстремистских действий, что позволяет, на первый взгляд, расценивать данные составы преступлений как усеченные. Но необходимо помнить, что террористическая и экстремистская деятельность настолько сложна по своей структуре, что можно выделять деятельность организатора, пособника, подстрекателя, лица, призывающего к совершению указанных в законе преступлений, в качестве самостоятельных структурных единиц, самостоятельных преступлений, проходящих в своем развитии обычные стадии. Эта многоплановость позволяет придти к выводу о том, что деяния организаторов, подстрекателей и т. д., хотя и совершаются в большинстве своем на стадии создания условий для дальнейшего совершения преступлений, но все же, следует относить данные составы к формальным. Момент окончания указанных составов преступлений связан с совершением указанного в законе деяния, пусть это деяние является созданием условий для осуществления преступной деятельности в целом. При этом необходимо помнить о ненаказуемости обнаружения умысла и при конструировании составов рассматриваемого вида не устанавливать уголовную ответственность за мысли, произнесенные вслух и не подкрепленные конкретными действиями.

Наряду с усеченными составами выделяются составы «преступной прикосновенности» (напр., ст. 174 УК РФ, ст. 175 УК РФ), специфика которых заключается в том, что лица, их совершающие, создают благоприятные условия для выполнения преступления другими лицами. Эти преступления представляют собой относительно самостоятельную деятельность лиц, роль которых сводится к выполнению функций соучастников, поэтому указанные составы все же являются формальными, а не усеченными. Обоснование в данном случае то же, что и при рассмотрении составов призывов и деликтов соучастников.

Составы с двойной превенцией (напр., ст. 222 – 225 УК РФ), по нашему мнению, также не составляют самостоятельного вида составов преступления. Нельзя согласиться, например, с тем, что момент окончания незаконного приобретения огнестрельного оружия перенесен в область криминогенных детерминант, когда еще никаких стадий совершения конкретного преступления нет [5, с. 16]. Представляется, что, незаконно приобретая огнестрельное оружие, лицо уже нарушает порядок оборота обозначенных предметов, при этом у лица параллельно может наличествовать и умысел на использование оружия при совершении какого-либо преступления. С точки зрения момента окончания и конструкции в целом рассматриваемая группа составов ничем принципиально не отличается от формальных составов, скорее, автор пытается объяснить причину криминализации деяний

данного вида, поскольку нарушение порядка оборота не всяких видов предметов влечет за собой привлечение к уголовной ответственности.

Тем более нельзя сказать, что момент окончания составов «уголовно наказуемых угроз» (напр., ст. 119 УК РФ) находится в стадии обнаружения умысла [5, с. 16]. По нашему мнению, необходимо различать угрозу убийством как составную часть процесса умышленного лишения другого человека жизни и угрозу убийством как способ запугать лицо, воздействовать на его душевное, психическое состояние. В первом случае высказывание угрозы, если смерть наступает от деяния лица их высказавшего, полностью находится в рамках ст. 105 УК РФ. Во втором случае лицо не намеревается причинять вред жизни, и умыслом лица охватывается только воздействие на психику лица, но никак не убийство, из чего можно сделать вывод о том, что рассматриваемые составы различаются и по объектам [7, с. 79]. Поэтому можно сделать вывод о самостоятельности деяния, предусмотренного ст. 119 УК РФ, и охарактеризовать его состав как формальный.

Подводя итоги, предлагаем классификацию составов преступления по моменту их окончания. Подчеркнем еще раз, что разделены по данному основанию могут быть все без исключения преступления, независимо от формы вины. На первом уровне классификации делим составы преступления на матери-

альные (считаются оконченными с момента наступления материальных последствий в виде физического или имущественного вреда) и нематериальные (таких последствий нет). На втором уровне классификации нематериальные составы, в свою очередь, делятся на формальные (момент окончания связан с моментом завершения, выполнения деяния) и усеченные (момент окончания перенесен на более ранние стадии). Смешанные составы выделяем на обоих уровнях классификации.

Таким образом, по моменту окончания к преступлениям с формальным составом относятся:

– преступления, в которых последствия носят нематериальный характер (политический, моральный и т. д.; например, при взяточничестве) [3, с. 137], в том числе преступления, причисляемые к составам опасности (например, поставление в опасность заражения ВИЧ инфекцией),

– преступления, для квалификации которых в качестве оконченных установление материальных последствий не требуется (например, при похищении человека) [3, с. 137].

К преступлениям с усеченным составом относятся преступления, момент окончания которых переносится на более ранние стадии (например, при разбое момент окончания перенесен на начало деяния, что соответствует стадии покушения).

Литература

1. Баймакова Н. Н. Момент окончания преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 21 с.
2. Иванчина С. А. Оконченное преступление: закон, теория, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 25 с.
3. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 353 с.
4. Полупан Г. Ю. Уголовная ответственность за создание опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 21 с.
5. Решетникова Д. В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 22 с.
6. Тедеев К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 27 с.
7. Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово, 2012. 188 с.
8. Шибзухов З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.

Информация об авторе:

Хорошилова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, up010911@mail.ru.

Olga S. Khoroshilova – post-graduate student at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: **Черненко Тамара Геннадиевна** – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии КемГУ.

Tamara G. Chernenko – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 04.03.2015 г.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Т. Г. Черненко

QUALIFICATION OF CRIMES DEPENDING ON THE FORM OF COMPLICITY IN THE CRIME

T. G. Chernenko

Статья посвящена актуальным вопросам квалификации преступлений при различных формах соучастия в преступлении. Цель работы – показать специфику различных форм соучастия в преступлении, отражение этой специфики при квалификации преступлений. Автор отталкивается от отправного положения, что любое соучастие – это деятельность группы лиц, и сущность соучастия заключается в групповом совершении преступления, хотя формы совершения группового преступления, то есть преступления, совершенного несколькими соучастниками, могут быть разными. В статье проведено разграничение группы, не являющейся признаком состава преступления, и группы, являющейся признаком состава преступления (конститутивным или квалифицирующим), охарактеризованы признаки группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, преступного сообщества (преступной организации). Показано влияние на квалификацию преступлений различных форм соучастия в преступлении, высказаны суждения по проблемным вопросам. Работа может быть использована в правоприменительной и научной деятельности, в учебном процессе.

The paper is devoted to topical issues of qualification of crimes in various forms of complicity in a crime. The research aims at showing the specificity of the various forms of complicity in a crime, a reflection of this specificity in the classification of crimes. The author proceeds from a starting position that any complicity is the activity of a group of people, and the nature of complicity implies participation in the group crime, although the forms of committing a group crime (a crime committed by a number of partners) may be different. The author differentiates between the group that is not a sign of a crime, and the group that is a sign of a crime (constitutive or qualifying), and suggests characteristics of a group of individuals, group of people by prior conspiracy, criminal association (criminal organization). The paper shows the impact of various forms of complicity in a crime on the qualification of crimes, some arguments on the issues of concern are made. The work can be used in law enforcement and scientific activities, in the educational process.

Ключевые слова: формы соучастия в преступлении, квалификация преступлений.

Keywords: complicity in a crime, qualification of crimes.

Соучастием в преступлении, в соответствии со статьей 32 УК РФ, признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Из законодательного определения соучастия вытекает, что любое соучастие – это деятельность группы лиц. В области уголовного права понятия «соучастие» и «группа лиц» можно рассматривать как равнозначные. Сущность соучастия заключается в **групповом** совершении преступления, хотя формы совершения группового преступления, то есть преступления, совершенного несколькими соучастниками, могут быть разными. Как верно отметил Л. М. Прокументов, «вводить понятие «форма соучастия» имеет смысл только в том случае, если им будет обозначено нечто практически применимое, в качестве чего и выступает определение формы соучастия **как всех возможных способов** (выделено нами – Т. Ч.) существования в реальности умышленных совместных действий лиц по совершению общего для них преступления» [8, с. 79].

Анализ действующего уголовного законодательства позволяет выделить две основные разновидности соучастия: соучастие без предварительного сговора и соучастие с предварительным сговором, которые могут проявляться в различных формах.

И соучастие с предварительным сговором, и соучастие без предварительного сговора могут выступать как в форме группы, являющейся конститутив-

ным или квалифицирующим признаком состава преступления, так и в форме группы, не являющейся конститутивным или квалифицирующим признаком состава.

Законодатель, придавая определенным формам соучастия значение конститутивных или квалифицирующих признаков, учитывал степень объединенности соучастников, степень опасности соответствующих групповых проявлений соучастия.

Группа, не являющаяся признаком состава преступления, может состоять как из соисполнителей, так и из соучастников, выполняющих в ходе совершения преступления юридически разные роли.

Если преступление совершено группой лиц, состоящей из соисполнителей, и признак группы не отражен в составе преступления, то на квалификации содеянного групповое совершение преступления не отразится, но в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ будет учтено при назначении наказания как обстоятельство, отягчающее наказание.

Группа, не являющаяся признаком состава преступления, может состоять и из соучастников, выполняющих в ходе совершения преступления юридически разные роли, например, роли подстрекателя и исполнителя, пособника и исполнителя.

Каждый из них вносит свой вклад в достижение общего преступного результата. Действия исполнителя и иных соучастников могут быть разделены по

времени и месту их совершения. Эта группа неустойчива, создается, как правило, для совершения какого-либо одного преступления. Действия участников данной группы, кроме исполнителя, квалифицируются по статье Особенной части Уголовного кодекса со ссылкой на статью 33 Общей части УК РФ. Чтобы квалификация была юридически точной, необходимо указать и конкретную часть статьи 33 УК РФ с учетом роли, которую выполнял соучастник в преступлении – организатора, подстрекателя или пособника.

Группа, не являющаяся конститутивным или квалифицирующим признаком состава, более характерна для соучастия с предварительным сговором, однако возможна она и при соучастии без предварительного сговора, например, при замаскированном пособничестве.

Группа, являющаяся признаком состава (конститутивным или квалифицирующим), в соучастии без предварительного сговора выступает в элементарной форме. Законодатель называет ее просто группой и в части 1 статьи 35 УК РФ дает следующее определение: «Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора», то есть до начала выполнения объективной стороны преступления не было договоренности между соучастниками о совместном совершении преступления. Данная группа обычно возникает ситуативно. Анализируемая группа не обладает устойчивостью, преступная связь между соучастниками кратковременна, согласованность действий в процессе совершения преступления незначительна, хотя определенное взаимодействие может иметь место посредством обмена информацией соисполнителями словесно, жестами, мимикой.

Действия соисполнителей квалифицируются по статье Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за совместно совершенное ими преступление, без ссылки на статью 33 Общей части (ст. 34, ч. 2 УК РФ).

В соучастии с предварительным сговором группа как признак состава (конститутивный или квалифицирующий) имеет следующие разновидности: группа в элементарной форме (законодатель называет ее группой лиц по предварительному сговору), организованная группа, преступное сообщество (преступная организация).

Группа в элементарной форме (группа лиц по предварительному сговору) в данном случае, в отличие от аналогичной группы при соучастии без предварительного соглашения, характеризуется наличием предварительной договоренности соучастников (соисполнителей) о совместном совершении преступления (ч. 2 ст. 35 УК РФ). Договоренность является предварительной в том случае, если она состоялась до начала выполнения объективной стороны преступления. При этом не имеет значения период времени, который истек с момента достижения договоренности до момента начала выполнения объективной стороны преступления. Сговор соучастников в первую очередь касается того, какое преступление они намерены совершить. Договориться соисполнители могут и о времени, месте совершения преступления, распределении

функций, которые они будут выполнять в процессе совершения преступления и т. п. Согласованность действий соучастников невысокая. Детали совершения преступления четко не прорабатываются. Действия всех соучастников, образующих преступную группу, объединены временем и местом совершения преступления. Разделение ролей при совершении преступления чисто техническое, не влияющее на квалификацию преступления. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается следующее: «Исходя из смысла части 2 статьи 35 УК РФ уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникло в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершения преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу части 2 статьи 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ».

Группа в элементарной форме не отличается устойчивостью, распадается, как правило, после совершения преступления. Действия членов группы квалифицируются по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса без ссылки на статью 33 УК РФ.

В правоприменительной практике возникают сложности при квалификации групповых преступлений, в которых принимают участие как лица, обладающие всеми признаками субъекта преступления, так и не обладающие таковыми (в силу невинности, недостижения возраста уголовной ответственности). Неоднозначно этот вопрос предлагается решать и в научных кругах (см., например [1; 4; 8, 11]).

В утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» разъяснялось, что действия участника группового изнасилования подлежат квалификации по признаку «изнасилование, совершенное группой лиц» независимо от того, что остальные участники этого деяния не были привлечены к ответственности вследствие их невинности или недостижения установленного уголовным законом возраста. В постановлении же Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» указанное положение уже не содержится и дается верное, на наш взгляд, разъяснение, что изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой в соответствии с поло-

жениями частей 1, 2, 3 статьи 35 УК РФ, то есть групповое изнасилование квалифицируется как таковое только при наличии признаков соучастия.

В абзаце первом пункта 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечалось, что «действия лиц, похитивших чужое имущество путем кражи, грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, следует квалифицировать по соответствующим пунктам статей 158, 161 и 162 УК РФ по признакам «группа лиц по предварительному сговору» или «организованная группа», если в совершении этого преступления совместно участвовали два или более исполнителя, которые в силу статьи 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное», то есть обладали признаками субъекта преступления. Однако постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 указанный абзац был исключен из постановления «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», вследствие чего вновь возникает неоднозначная ситуация по вопросу о возможности квалификации содеянного по признаку группы лиц при наличии одного исполнителя (субъекта преступления). Непоследовательность разъяснений Пленума Верховного Суда по данному вопросу может отразиться на решениях судов по конкретным делам [3].

Объективно «групповое» преступление, при котором только одно из участвующих в нем лиц обладает признаками субъекта преступления, не может квалифицироваться как преступление, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, поскольку для любой формы соучастия требуется наличие, как минимум, двух лиц, обладающих признаками субъекта преступления.

В то же время очевидным является факт, что объективно «групповое» преступление более опасно, чем аналогичное деяние, совершенное одним лицом, в связи с чем на законодательном уровне необходимо решить вопрос о включении соответствующего самостоятельного квалифицирующего признака в составы преступлений, наряду с признаками, характеризующими формы соучастия.

Более опасной формой соучастия по сравнению с группой в элементарной форме является организованная группа. В соответствии с частью 3 статьи 35 Уголовного кодекса Российской Федерации «преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Из законодательного определения организованной группы вытекает, что она характеризуется следующими признаками:

- ее участники заранее объединились в группу, договорились о совместном совершении преступлений (преступления);
- эта группа является устойчивой;
- цель создания группы – совершение одного или нескольких преступлений.

Для организованной группы характерен заранее обдуманный умысел на совершение преступлений.

Между завершившимся процессом создания организованной группы и началом совершения преступлений имеется определенный период времени.

Сговор лиц, входящих в организованную группу, более детальный по сравнению с группой в элементарной форме. Он может касаться места, времени, способа совершения преступлений, плана осуществления преступной деятельности. Организованной группе присуще четкое разделение функций между ее участниками.

Деятельность лиц, объединившихся в организованную группу, направлена чаще всего на совершение ряда преступлений, как правило, однородных. Но возможно объединение и для совершения одного преступления, например, продолжаемого, которое требует тщательной подготовки.

Организованную группу от группы в элементарной форме отличает в первую очередь признак «устойчивость». Указанный признак не раскрывается в законе, но он истолкован в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ посредством перечисления признаков, характеризующих устойчивость. Так, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» отмечено, что «об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений». В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указано, что «организованная группа характеризуется, в частности, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлением преступного умысла. Об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия денег (валюты) или других материальных ценностей».

В научных работах предложены разные критерии устойчивости [1, с. 41; 6, с. 12; 8, с. 95 – 96; 9, с. 14; 10, с. 121], но в большинстве из них отмечаются следующие критерии, позволяющие характеризовать группу как организованную:

- стабильность основного состава участников группы;
- длительный период совместной деятельности;
- высокая степень организованности, иерархическая структура, распределение ролей между участниками группы;
- постоянство форм и методов преступной деятельности.

Действия участников организованной группы независимо от выполняемых функций должны квалифицироваться по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса без ссылки на статью 33 УК.

В настоящее время законодатель вполне оправданно пошел по пути расширения круга составов преступлений, имеющих в качестве квалифицирующего признака совершение преступления организованной группой, что позволяет более дифференцированно подходить к вопросу об ответственности за групповую преступную деятельность, ибо очевидно, что организованная группа лиц – это более опасная форма соучастия по сравнению с группой в элементарной форме, совершающей преступление по предварительному сговору. В связи с этим на законодательном уровне обоснованно предусматривается более строгая уголовная ответственность за преступления, совершенные устойчивыми преступными группами.

Особую опасность представляет такая форма соучастия с предварительным сговором, как преступное сообщество (преступная организация). В части 4 статьи 35 УК РФ говорится: преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Из законодательного определения преступного сообщества можно выделить следующие признаки указанной формы соучастия в преступлении:

- устойчивость (поскольку преступное сообщество представляет собой специфическую разновидность организованных групп);
- структурированность группы или наличие объединения организованных групп, действующих под единым руководством;
- цели создания: совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений; получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Преступное сообщество (преступная организация) отличается от иных видов преступных групп более сложной внутренней структурой. Законодатель называет две формы преступного сообщества (преступной организации): структурированная организованная группа и объединение организованных групп. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» разъяснено, что «под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т. п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированной организованной группой, кроме единого руково-

дства, присущи взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации)».

В указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ приведены и признаки объединения организованных групп, которое «предполагает наличие единого руководства и устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами, совместное планирование и участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, совместное совершение иных действий, связанных с функционированием такого объединения».

Преступное сообщество, как это вытекает из закона, создается для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Думается, что в определении преступного сообщества не следовало бы ограничивать круг преступлений, совершение которых может свидетельствовать о наличии преступного сообщества. Для преступного сообщества характерно то, что оно образуется для осуществления преступной деятельности в течение длительного промежутка времени, для совершения преступлений, которые по степени опасности могут быть различными, то есть наряду с тяжкими и особо тяжкими преступлениями могут совершаться и менее опасные разновидности преступлений. В настоящее же время многие опасные преступления, например, в сфере экономической деятельности, относящиеся к категории преступлений средней тяжести, находятся за рамками действия ст. 210 УК РФ. Слишком узкой является и указанная законодателем цель преступного сообщества – получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. У сообщества могут быть и иные цели. Прав, на наш взгляд, Л. М. Прокументов, который пишет о том, что цель, которую следовало бы выделить применительно к преступному сообществу, – это осуществление преступной деятельности, под которой понимается систематическое совершение преступлений, позволяющее осуществлять воспроизводство преступной среды [8, с. 106].

Уголовный закон предусматривает ответственность за создание преступного сообщества, руководство сообществом или участие в нем (ст. 208, 210, 282-1 УК РФ).

Создание преступного сообщества (ч. 1 ст. 210 УК РФ) считается оконченным преступлением с того момента, когда процесс формирования сообщества завершен, то есть с момента создания в составе организованной группы структурных подразделений или объединения организованных групп и совершения ими действий, свидетельствующих о готовности преступного сообщества реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили ли участники сообщества запланированное преступление. Отвечая за создание преступного сообщества его организаторы. При квалификации не требуется ссылка на часть 3 статьи 33 УК РФ, содеянное в полном объеме охватывается частью первой статьи 210 УК РФ.

Руководство преступным сообществом или входящими в него структурными подразделениями заключается в осуществлении организационных, управленческих функций в отношении преступного сообщества, его структурных подразделений, а также отдельных его участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности преступного сообщества. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, такое руководство может выражаться, в частности, в определении целей, в разработке общих планов деятельности преступного сообщества, в подготовке к совершению конкретных преступлений, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных преступным сообществом и входящими в его структуру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения и сокрытия преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов преступного сообщества, в конспирации и распределении средств, полученных от преступной деятельности). К функциям руководителя преступного сообщества относится также принятие решений и дача указаний участникам преступного сообщества по вопросам, связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем, с вербовкой новых участников, с внедрением членов преступного сообщества в государственные, в том числе правоохранительные, органы [7].

Под участием в преступном сообществе понимается вхождение в состав сообщества, разработка планов по подготовке к совершению одного или нескольких преступлений или непосредственное участие в совершении преступлений, либо выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности преступного сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации, подсылавание жертв преступлений, установление в целях совершения преступных действий контактов с должностными лицами государственных органов, создание условий совершения преступления и т. д.) [7].

В юридической литературе неоднозначно рассматривается вопрос о квалификации преступлений, совершенных членами преступного сообщества. Спорным является вопрос о том, за каждое ли преступление, совершенное преступным сообществом, должен нести ответственность член этого сообщества или только за преступления, в совершении которых он принимал участие. Так, например, В. С. Прохоров отмечал, что «член преступной организации должен нести ответственность за каждое преступление, совершенное организацией, если оно входило в ее цели. Неучастие в том или ином конкретном преступлении

не освобождает члена преступной организации от ответственности, потому что членство само по себе детерминирует преступное проявление со стороны организации» [5, с. 609].

На наш взгляд, такое решение вопроса привело бы к необоснованному расширению границ уголовной ответственности соучастников. Нельзя не согласиться с тем, что «вменение... в равной мере каждому участнику сообщества всей совокупности преступлений, совершенных данным сообществом, неизбежно привело бы к объективному вменению и уравниловке при определении меры наказания виновным» [2, с. 183].

Представим себе следующую ситуацию. Человек вступает в преступное сообщество, при этом он оговаривает условие, что готов участвовать во всех деяниях, которые будут совершаться в рамках сообщества, кроме убийств. Условие принято. Вступивший в сообщество человек не принимал участия в посягательствах на жизнь, осуществляемых другими членами организации. И если мы это лицо привлечем к ответственности за совершение убийства наряду с лицами, которые это убийство осуществляли, что же это будет, как не объективное вменение? Человек при любой разновидности соучастия должен отвечать только за те преступления, которые охватывались его умыслом. Так как участие в преступном сообществе (преступной организации) предусмотрено законодателем в качестве самостоятельного преступления, то действия членов этого сообщества должны квалифицироваться по совокупности преступлений – за участие в сообществе (ч. 2 ст. 210 УК РФ) и за преступления, в подготовке или совершении которых конкретное лицо принимало участие. Эта позиция нашла свое отражение в статье 35 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. В части 5 указанной статьи говорится: «Лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных статьями 208, 209, 210 и 282-1 настоящего кодекса, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом. Другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных статьями 208, 209, 210 и 282-1 настоящего кодекса, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали». Эта позиция законодателя полностью соответствует принципу самостоятельности ответственности соучастников.

Литература

1. Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980.
2. Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959.
3. Иванов Н. Группа и ее интерпретация в решениях Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2014. № 1.
4. Кадников Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
5. Курс советского уголовного права (часть Общая). Л., 1968. Т. 1. С. 609.
6. Мельникова Ю. Б., Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за бандитизм. М., 1995.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // СПС «Консультант Плюс».
8. Прокументов Л. М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск, 2010.
9. Проходов Ю. Н., Шеслер А. В. Организованная группа как форма соучастия в преступлении // Актуальные проблемы правоведения в современный период: сборник статей. Томск, 1998. Ч. 3.
10. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974.
11. Трухин А. Соучастник преступления // Уголовное право. 2006. № 3.

Информация об авторе:

Черненко Тамара Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, 8(3842)58-37-43, chernenkotg@mail.ru.

Tamara G. Chernenko – Doctor of Law, Full Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 02.02.2015 г.

УДК 34

ВНЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ К СУДУ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Т. С. Эттина

EXTRA-PROCESSUAL RECOURSES TO COURT: QUESTIONS OF LEGAL REGULATION

T. S. Etina

В статье исследуется законодательное нововведение-запрет внепроцессуального обращения к суду. Автор анализирует понятие "внепроцессуальное обращение", раскрывает порядок обнародования внепроцессуальных обращений, последствия направления внепроцессуальных обращений в суд и проблемы, возникающие в правоприменительной практике. В контексте исследуемых вопросов обосновывается вывод о необходимости совершенствования законодательства о внепроцессуальных обращениях.

The paper is devoted to the research of , extra-processual recourses to court, which is new for the Russian legislation. The author analyzes the new definition, describes the extra-processual recourses disclosure rules, the consequences of the extra-processual recourses and problems of the law enforcement practice. The author argues that the new field of legislation needs improving.

Ключевые слова: независимость судей, внепроцессуальное обращение, порядок обнародования внепроцессуальных обращений, ответственность за внепроцессуальные обращения.

Keywords: independence of judges, extra-processual recourse, disclosure of extra-processual recourse, liability for extra-processual recourse.

Формирование гражданского общества и построение правового государства настоятельно требуют совершенствования и укрепления сильной, независимой судебной власти. Обеспечение независимости судей – приоритетное направление судебно-правовой политики Российского государства. Подтверждение тому – принятая Постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 федеральная целевая программа "Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы" [9]. Исключение постороннего воздействия на судей при осуществлении ими правосудия определено в целевой программе в качестве важнейшей задачи повышения качества правосудия. Только независимый и беспристрастный суд в состоянии принять законное и объективное решение.

Во исполнение принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений 2 июля 2013 г. принят Федеральный закон № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 166), который вступил в силу 14 июля 2013 г. [15]. Данным законом

внесены изменения в Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. В частности, установлено: информация о внепроцессуальных обращениях подлежит преданию гласности и доведению до сведения участников судебного разбирательства путем ее размещения на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (абз. 3 п. 1 ст. 10 Закона о статусе судей, ч. 4 ст. 8 ГПК РФ, ч. 2.1 ст. 5 АПК РФ, ч. 2 ст. 24.3.1 КоАП РФ, ч. 3 ст. 8.1 УПК РФ). Кроме того, предусматривается, что указанная информация не является основанием для проведения процессуальных действий или принятия процессуаль-

ных решений по делу, а ее наличие само по себе не может рассматриваться в качестве основания для отвода судьи. Само понятие «внепроцессуальное обращение» раскрывается в абз. 2 п. 1 ст. 10 Закона статусе судей, под которым понимается поступившее судье по делу, находящемуся в его производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда, обращение в письменной или устной форме не являющихся участниками судебного разбирательства государственного органа, органа местного самоуправления, иного органа, организации, должностного лица или гражданина в случаях, не предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо обращение в не предусмотренной процессуальным законодательством форме участников судебного разбирательства.

Данный закон по существу закрепил инициативу Высшего Арбитражного Суда, где на официальном сайте в соответствии с приказом от 24 июня 2009 г. № 96 "О размещении на сайтах арбитражных судов РФ обращений по судебным делам" стали размещать непроцессуальные обращения по конкретным делам [2].

В настоящее время практика размещения информации о внепроцессуальных обращениях взята на вооружение и судами общей юрисдикции. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 декабря 2013 г. № 241 утвержден Порядок (регламент) размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о внепроцессуальных обращениях [10]. Порядок регулирует вопросы создания, подготовки и размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о внепроцессуальных обращениях, обеспечения доступа к этой информации в сети Интернет. Настоящий Порядок разработан в целях достижения необходимого уровня общественного контроля за деятельностью судов, повышения авторитета судебной власти и гарантий соблюдения независимости и объективности при вынесении судебных решений (п. 1.5). Нет никакого сомнения в необходимости подобного правового регулирования, однако, к сожалению, оно не в полной мере совпадает с реалиями современной судебной системы и едва ли позволит добиться поставленных целей в полной мере. Для аргументации изложенного вывода обратимся к анализу отдельных положений данного документа. Как следует из п. 2.2, 2.7 регламента, решение о размещении информации о внепроцессуальном обращении по каждому конкретному случаю принимает председатель суда (либо уполномоченное им лицо). Системное толкование вышеуказанных норм позволяет сделать вывод, что и признание поступившего обращения внепроцессуальным также осуществляется председателем суда. Деперсонализация (удаление собственных имен и названий) не допускается, но председатель суда "в праве принять решение" о размещении на официальном сайте суда вместо самого обращения извлечения или краткого сообщения о нем "если оно содержит сведения конфиденциального характера" (п. 2.9). Из документа также следует, что после регистрации обраще-

ние должно быть передано председателю суда и затем в соответствии с его резолюцией письменное обращение подлежит опубликованию не позднее чем через два дня после того, как его получит лицо, ответственное за размещение информации (пп. 3.2, 3.3, 3.11). Сколько времени может держать это обращение у себя председатель – не уточняется. По существу порядок позволяет председателю суда задержать обнародование обращения на неопределенный срок. Система информированности общества о внепроцессуальных обращениях выстроена таким образом, что основным субъектом в этой системе становится председатель суда. Считаем, что подобное законодательное решение идет вразрез обеспечению конституционного принципа независимости судей (ст. 120 Конституции РФ) и не согласуется с правовыми позициями ЕСПЧ. Европейский Суд по правам человека учитывает, что судебская независимость также требует, чтобы судьи были свободны от ненадлежащего влияния не только со стороны несудебных органов, но и в рамках самой судебной системы. В контексте данного понимания внутренней судебской независимости необходимо закрепить коллективное судебское решение вопроса о признании поступивших в суд обращений внепроцессуальными и их последующем обнародовании в сети Интернет. Практика показывает, что письменные обращения поступают, как правило, в адрес председателя суда и направлены на то, чтобы склонить его оказать давление на судью для вынесения решения в пользу заявителя. Обычно такие обращения поступают от уполномоченных по правам человека, уполномоченных по защите прав предпринимателей, губернаторов, глав администраций, депутатов, госорганов, а также от разного рода общественных организаций. Большинство обращений непроцессуального характера, адресованных председателям судов, содержат просьбы из разряда "возьмите под личный контроль рассмотрение дела", "лично вникните в ситуацию", "отнеситесь повнимательнее", "попрошу учесть государственные интересы с целью недопущения опасных социальных проблем" или содействовать решению конкретных вопросов (например, в максимально короткие сроки рассмотреть дело, учесть определенные обстоятельства и факты в дальнейших судебных разбирательствах, о переносе сроков или о приостановлении исполнительного производства), встречаются обращения и с критикой ранее принятых решений.

В этой связи заслуживает внимания практика обнародования внепроцессуальных обращений Уставным судом Санкт-Петербурга. В соответствии с решением Уставного суда Санкт-Петербурга от 16 октября 2013 года № 24-3 (протокол заседания Уставного суда Санкт-Петербурга от 16 октября 2013 г. № 24) при поступлении председателю Уставного суда Санкт-Петербурга, заместителю председателя Уставного суда Санкт-Петербурга, судье Уставного суда Санкт-Петербурга по делам, находящимся на рассмотрении Уставного суда Санкт-Петербурга, обращения в письменной или устной форме не являющихся участниками судебного разбирательства государственного органа, органа местного самоуправления, иного органа, организации, должностного лица или

гражданина в случаях, не предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо обращения в не предусмотренной процессуальным законодательством форме участников судебного разбирательства (далее – обращение), председатель Уставного суда Санкт-Петербурга созывает заседание Уставного суда Санкт-Петербурга. Обращение, поступившее в письменной форме, оглашается в заседании Уставного суда Санкт-Петербурга. Обращение, поступившее в устной форме, доводится до сведения судей Уставного суда Санкт-Петербурга председателем Уставного суда Санкт-Петербурга, заместителем председателя Уставного суда Санкт-Петербурга, судьей Уставного суда Санкт-Петербурга, к которому такое обращение поступило. Решение Уставного суда Санкт-Петербурга о признании обращения внепроцессуальным излагается в протокольной форме. В решении Уставного суда Санкт-Петербурга воспроизводится содержание обращения и сведения о его субъектах. Информация о внепроцессуальных обращениях, включая содержание внепроцессуальных обращений и сведения об их субъектах, размещается в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальном сайте суда [8].

Представляется, что такая система информированности всех судей соответствующего суда о поступивших внепроцессуальных обращениях к председателю, его заместителю или к судье в связи с рассмотрением им конкретного дела не только повышает ответственность судьи, придавшего гласности чей-либо интерес, но и позволит оградить судей от внутренних неблагоприятных факторов, т. е. от факторов, исходящих от самой судебной системы. В последнее время все активнее и не без оснований поднимается проблема оказания влияния на судей со стороны должностных лиц судебной системы [14]. Как показывает практика, внешнее воздействие на судей из несудебных источников, как правило, осуществляется через руководство судов. Это не случайно. Действующая модель отечественной судебной системы, которая закреплена в законодательстве, предполагает очень широкие возможности председателя суда. Специфика российской судебной системы состоит в том, что есть отлаженный законодательный механизм по управлению судебной деятельностью. Во многом он выражается через должности председателей судов. Именно по этой причине, как правило, внепроцессуальные обращения адресованы председателю суда. Редко, кто обращается к конкретному судье, хотя все знают, что дела рассматриваются рядовыми судьями [3].

В свете изложенного заслуживает внимания и другое обстоятельство, связанное с признанием обращения в суд внепроцессуальным. По мысли законодателя, любое внепроцессуальное обращение должно быть отвергнуто и преследуется по закону. Однако, полагаем, что такой однозначный законодательный подход не бесспорен. Для признания обращения внепроцессуальным оно должно иметь характер вмешательства в деятельность суда при отправлении правосудия, либо в результате такого обращения воля судьи в принятии решения по делу становится несвободной. Поэтому коллективное судебское решение данного

вопроса позволит более объективно оценить характер поступившего обращения, его содержания и преследуемой заявителем цели и в конечном итоге исключить отрицательные процессуальные последствия необоснованной квалификации поступившего обращения как внепроцессуального. Так, согласно п. 1.4 Порядка информация о внепроцессуальных обращениях размещается на официальных сайтах федеральных судов общей юрисдикции интернет-портала Государственной автоматизированной системы РФ "Правосудие" в разделе "Внепроцессуальные обращения". Предполагается, что таким образом информация о внепроцессуальных обращениях становится общедоступной (общедоступность информации презюмируется в п. 1.6 Порядка) и с ней может ознакомиться любой желающий, сохраняя анонимность (нет обязанности регистрироваться на официальных сайтах судов) и на бесплатной основе. Если учесть неопределенность самого законодательного термина "внепроцессуальное обращение" и негативный смысл, вложенный в него законодателем, то можно смоделировать ряд возможных неблагоприятных ситуаций. Первая – обращение заинтересованных лиц во внепроцессуальном порядке якобы от имени противоположной стороны процесса с тем, чтобы дискредитировать ее, создать отрицательное о ней мнение, при том, что сторона не давала таких правомочий и не просила об обращении в свою пользу. Такого рода обращения А. В. Юдин называет провокацией внепроцессуального обращения [16]. Вторая возможная ситуация – отнесение обычных заявлений участников процесса к категории внепроцессуальных. И не исключено, что после предания гласности таких заявлений может последовать обращение "внепроцессуального заявителя" с требованием опровергнуть опубликованную информацию. Полагаем, что коллективное обсуждение вопроса о характере поступившего обращения и возможности его размещения в сети Интернет позволит избежать подобные ситуации на практике.

Обратимся к анализу других законодательных положений. Как следует из закона (ч. 3 ст. 16 ГПК РФ, ч. 1.1 ст. 21 АПК РФ), внепроцессуальное обращение само по себе не может рассматриваться в качестве основания для отвода судьи. Напротив, обнародование информации о внепроцессуальном обращении свидетельствует о незаинтересованности судьи в деле. Однако нельзя исключать, что во внепроцессуальном обращении могут содержаться факты, составляющие основания для самоотвода судьи. Так, 24 января 2014 г. в средствах массовой информации и на официальном сайте Администрации Кемеровской области в глобальной сети Интернет появилось обращение губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева в адрес председателя Арбитражного суда Кемеровской области В. М. С. с просьбой дать правовую оценку деятельности Коллегии адвокатов "Регионсервис", а также не допустить тяжких последствий для Кемеровской области в связи с рассмотрением ряда споров в отношении ООО "Угольная компания "Заречная". Как следовало из обращения, учитывая значимость для Кемеровской области обозначенных судебных споров, необходимо устранить все сомнения в объективности и беспристрастности судьи Арбитражного суда Кеме-

ровской области Д-го А. В., на рассмотрении которого находятся четыре основных дела, и который, по информации из открытых источников, является однокурсником адвоката У. С. Ю., представляющего интересы противоположной стороны – ряда иностранных компаний. Данное обращение 6 февраля 2014 г. было также размещено на официальном сайте Арбитражного суда Кемеровской области в глобальной сети Интернет [7]. Судья Арбитражного суда Кемеровской области А. В. Д., с октября 2012 г., рассматривавший один из споров за активы угольной компании "Заречная", взял самоотвод. По мнению судьи Д., в подобной ситуации принятие любого решения по делу могло быть расценено обеими сторонами как необъективное решение, принятое под давлением [4]. Приведенный пример весьма показателен. Если из обращения усматривается попытка оказания незаконного воздействия на судью в какой-либо форме, оно должно квалифицироваться как внепроцессуальное. И самоотвод в данном случае необходим, чтобы освободить процесс от факторов, могущих породить сомнения в рассмотрении дела независимым и беспристрастным судом.

На совещании, посвященном совершенствованию судебной системы, которое состоялось 11 мая 2011 г., Дмитрий Медведев назвал тему внепроцессуальных отношений сложной и резонансной [12]. Сегодня сделаны первые практические шаги ее решения. В частности, практика публикации внепроцессуальных обращений уже взята на вооружение общими судами. Так, на официальных сайтах всех федеральных судов общей юрисдикции Кемеровской области имеется раздел "Внепроцессуальные обращения". Однако всего 5 из 43 общих судов Кемеровской области имеют на сайте информацию о зарегистрированных внепроцессуальных обращениях (исследование официальных сайтов проводилось 19.12.2014 г.). Как расценивать такое незначительное количество зарегистрированных на сайте судов внепроцессуальных обращений? Можно предположить, что на сайте судов выкладывается только часть поступивших внепроцессуальных обращений. Однако, не исключено и другое: после принятия закона количество внепроцессуальных обращений в суды в целом уменьшилось. Лица, ранее направлявшие и потенциально готовые к направлению внепроцессуальных обращений, узнав о вероятности их обнародования, отказываются от направления обращения в суд. Подтверждение тому – конкретные примеры из практики регионов. Так, в адрес Уполномоченного по правам человека в Саратовской области периодически обращаются граждане с жалобами на судей и требуют повлиять на ход судебного процесса. Заявителям разъясняется, что согласно действующему законодательству Уполномоченный по правам человека не является участником судебного процесса, лишен возможности запрашивать для изучения дела, каким-либо образом влиять на судебный процесс и принимаемые судом решения. Несмотря на данные разъяснения, многие граждане по-прежнему просят Уполномоченного обратиться в их интересах к руководству судов Саратовской области во внепроцессуальном порядке в письменной или устной форме. В этой связи Уполномоченный по пра-

вам человека в Саратовской области вынужден был довести до граждан через средства массовой информации сведения о принятии Закона, запрещающего внепроцессуальные обращения к суду [5]. Предполагая количественное уменьшение внепроцессуальных обращений в суды (что несомненно следует оценивать положительно), подтвердить это обстоятельство в то же время не представляется возможным, поскольку статистика по внепроцессуальным обращениям как таковым в судах до сих пор не велась.

Принятые изменения в законодательстве в части установления запрета внепроцессуальных обращений в суд безусловно имеют важное значение для осуществления независимого правосудия. Вместе с тем практика обнародования внепроцессуальных отношений показала и несовершенство самого законодательного определения понятия "внепроцессуальное обращение". Если следовать Закону для внепроцессуального обращения, характерны следующие признаки.

1. Адресантами внепроцессуального обращения являются лица, не являющиеся участниками судебного разбирательства, либо его участники, но обращающиеся в суд в не предусмотренной законом процессуальной форме.

2. Внепроцессуальные обращения (в письменной или устной форме) представляют собой обращения по уже возбужденным делам.

3. Внепроцессуальные обращения подлежат преданию гласности и доведению до сведения участников судебного разбирательства.

4. Внепроцессуальные обращения рассматриваются как форма вмешательства различных субъектов в деятельность судьи по отправлению правосудия, форма проявления неуважения к суду.

Следует согласиться с утверждением В. А. Юдина, что сегодняшнее регулирование внепроцессуальных обращений противоречиво, поскольку внепроцессуальное обращение понимается крайне широко – это любое внепроцессуальное обращение к суду, которое уже по определению "зло" и должно быть отвергнуто [16]. Такой прямолинейный законодательный подход способен дезориентировать практику. Примером может служить дело Фонда "Института Развития свободы информации", рассмотренное Московским районным судом г. Санкт-Петербурга. Заявитель (городская прокуратура) в своем представлении обосновывал необходимость регистрации Фонда в качестве "иностранного агента", поскольку его деятельность носит политический характер. Суд своим решением признал политический характер деятельности Фонда, положив в основу судебного решения 3 документа:

1) акты осмотра Интернет-ресурсов Фонда, составленные сотрудником районной прокуратуры в ходе прокурорской проверки с участием представителя общественности;

2) рапорт сотрудника городской прокуратуры, проводившего осмотр интернет-ресурсов Фонда;

3) распечатки информации с Интернет-сайтов, направленные в суд проректором Университета им. Герцена.

В апелляционной жалобе представитель Фонда ссылаясь на недоказанность политического характера деятельности Фонда, отвергая представленные суду

документы в качестве доказательств. Особый интерес вызывают мотивы исключения представителем из числа доказательств распечаток информации с Интернет-сайтов, представленных в суд проректором Университета им. Герцена. По мнению представителя, распечатки интернет-страниц, представленные суду от лица, не являющегося участником процесса, должны быть квалифицированы судом как внепроцессуальное обращение. Это вытекает из определения данного понятия, которое закреплено в ч. 1 ст. 10 Закона РФ "О статусе судей в РФ" [13].

С подобным обоснованием едва ли можно согласиться. Из письма проректора, адресованного суду, вместе с которым были направлены "для возможного использования в ходе рассмотрения дела" распечатки интернет-страниц, не усматривается попытка оказания незаконного воздействия на судью. К тому же признание указанных материалов в качестве внепроцессуального обращения должно повлечь не только исключение их из числа доказательств, но и предание гласности. Не исключена и постановка вопроса об ответственности адресанта внепроцессуального обращения за вмешательство в деятельность судьи по отправлению правосудия (абз. 1 п. 1 ст. 10 Закона). Полагаем, что по данному делу исключение указанных материалов из числа доказательств необходимо, но не потому, что они носят характер внепроцессуального обращения, а потому, что их использование в качестве доказательств в гражданском процессе противоречит нормам процессуального закона. Так, согласно ч. 1 ст. 57 ГПК РФ, доказательства могут представляться суду только лицами, участвующими в деле. Между тем проректор по учебной работе Университета им. Герцена, как и сам Университет, не является участвующим в деле лицом и соответственно не уполномочен процессуальным законодательством на представление в суд документов в качестве доказательств.

Важное значение имеет вопрос о последствиях внепроцессуального обращения. По мысли законодателя внепроцессуальные обращения подрывают основы правопорядка в стране, их направление в суд есть правонарушение, которое должно влечь за собой юридическую ответственность. Обратимся к отдельным законодательным положениям. Так, в ч. 1 ст. 10 Закона "О статусе судей" содержится общий запрет на вмешательство в деятельность суда. Всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону. Общему запрету вмешательства в деятельность судьи корреспондирует ч. 1 ст. 294 УК РФ, которая предполагает ответствен-

ность за вмешательство в какой-либо форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия. Однако исследователи данной проблематики отмечают высокую латентность воспрепятствования осуществлению правосудия [11, с. 213] и как следствие этого ничтожно малое количество уголовных дел по этой статье. К примеру, по данным судебной статистики в 2009 г. по ч. 1 ст. 294 УК РФ было осуждено 4 человека, в 2010 г. – 2 человека, в 2011 г. – 4 человека, в 2012 г. – 2 человека, в 2013 г. – 3 человека, в 2014 г. – 3 человека [6]. По этой причине вообще не приходится говорить о судебной практике ее применения. Как объяснить складывающуюся ситуацию? Ответ очевиден: доказать, что заявитель умышленно желал воспрепятствовать правосудию, практически невозможно. Если следовать положениям ФЗ № 166, не обеспечено внепроцессуальное обращение и какой-либо специальной разновидностью ответственности. Вышеизложенное дает основание утверждать, что на сегодняшний день привлечение к ответственности адресантов внепроцессуальных обращений в принципе не исключено, однако не является первоочередной целью законодателя. Основная цель законодателя усматривается в повышении уровня доверия граждан к правосудию. По замыслу законодателя только открытость, прозрачность судебной системы может повлиять на доверие граждан к судам. Для этого надо предоставить гражданам больше информации о деятельности суда. Предание гласности информации о внепроцессуальных обращениях через сеть Интернет непосредственно призвано способствовать укреплению авторитета судебной власти, позволит повысить гарантии соблюдения принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений. Вместе с тем специальный законодательный запрет внепроцессуального обращения предопределяет постановку вопроса о введении конкретной ответственности лиц, направивших внепроцессуальные обращения в суд. В этой связи заслуживает поддержки ранее высказанное предложение Председателя ВАС РФ А. А. Иванова о введении административной ответственности для лиц, направивших внепроцессуальные обращения, независимо от мотивов, которыми руководствовался заявитель [1, с. 24].

Выявленные противоречия в правовом регулировании внепроцессуальных обращений позволяют сделать вывод, что законодателю необходимо совершенствовать правовое решение обнародования внепроцессуальных обращений и последствий направления их в суд.

Литература

1. Выступление Председателя ВАС РФ А. А. Иванова (редакционный материал) // Российский судья. 2009. № 1. С. 24.
2. Куликов В. Телефонное право на показ // Российская газета. 2009. 14 апреля.
3. Кузнецова М. Предание гласности // Юридическая газета. 2011. № 21.
4. Лавренков И. Судья ушел от подозрений // Коммерсант.ru. 2014. 15 апреля. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2404872>
5. Официальный портал Правительства Саратовской области. Режим доступа: <http://www.saratov.g/gov.ru/government/organs/ombudsman/enlightenment/detail.php?>
6. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.

7. Официальное заявление коллегии адвокатов Регионсервис в связи с обращением губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева в адрес председателя Арбитражного суда Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.regionsservice.com/news/item/473>

8. Официальный сайт Уставного суда Санкт-Петербурга. Режим доступа: <http://www.spbustavsud.ru/tocourt/out>.

9. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 25.12.2014) "О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы" // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

10. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 декабря 2013 г. № 241 "Об утверждении Порядка размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о внепроцессуальных обращениях" // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

11. Рожнов А. П. Актуальные вопросы применения ст. 294 УК РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. (Серия 5: Юриспруденция). 2012. № 2(17).

12. Совещание по вопросам совершенствования судебной системы. Режим доступа: <http://www.gosbook.ru/node/22976>

13. Суд по делу Института свободы информации. Права человека в России. Режим доступа: <http://www.hro.org/node/21175>

14. Терехин В. А. Обеспечение независимости суда – приоритетное направление судебно-правовой политики // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 6 – 10.

15. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 166-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3458.

16. Юдин А. В. Внепроцессуальные обращения по гражданским делам: понятие, виды, порядок раскрытия и последствия // Закон. 2013. № 10. С. 155 – 164.

Информация об авторе:

Этина Татьяна Степановна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса КемГУ, 8-903-984-44-13, tatjana-et@yandex.ru.

Tatiana S. Etina – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Labour and Environmental Law and Civil Process, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 02.03.2015 г.

УДК 347.9

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНО-РЕВИЗИОННОЙ ФОРМЫ ПРЕДАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО СУДУ

Н. А. Юркевич

FEATURES OF COURT REVISION PROCEDURE OF BRINGING THE ACCUSED TO THE COURT

N. A. Yurkevich

В статье рассматривается опыт организации судебно-реvisionsной формы предания обвиняемого суду как в России, так и за рубежом. Автором делается вывод о наличии существенных преимуществ данной формы предания обвиняемого суду как наиболее эффективного способа контроля за качеством предварительного расследования при наличии разнообразных форм его организации.

The paper discusses the experience of organization of court revision procedure of bringing the accused to trial, both in Russia and abroad. The author concludes there are significant advantages of this form of bringing the accused to the court as the most effective way of monitoring the quality of preliminary investigation.

Ключевые слова: предание суду, судебно-реvisionsный порядок, формы организации порядка предания обвиняемого суду.

Keywords: bringing to trial, court revision procedure, forms of organization of the order of bringing the accused to the court.

Общеизвестно, что в качестве одной из первоочередных мер судебной реформы в Российской Федерации (1992 – 1993 гг.) была поставлена задача упразднения стадии предания суду. Для этого был избран уже проверенный способ: поручить решение вопроса о предании суду обвинительной власти и в частности прокурору. «Концепция исходит из того, что документом предания суду является обвинительный акт

прокурора» [7, с. 93]. Причиной этого послужило то, что стадия предания суду, по мнению авторов судебной реформы, являясь пустой формальностью, забирала много времени у народных заседателей и судей. Так, М. А. Митюков, представлявший соответствующий законопроект в Верховном Совете РФ, охарактеризовал его следующим образом: «Вторая новелла данного законопроекта направлена на исключение

такой стадии уголовного процесса, как предание суду» [11, с. 27].

Между тем судебнo-ревизионная форма предания обвиняемого суду не только успешно функционировала в течение десятилетий в РСФСР, но и широко применяется в мировой практике, имея при этом различные свои модификации. Так, например, осуществление судебнo-ревизионной процедуры предания обвиняемого суду может быть поручено:

а) суду, который при положительном решении этого вопроса будет в дальнейшем рассматривать уголовное дело по существу;

б) другому судебному органу того же звена (другому судебному составу того же суда);

в) нижестоящему суду;

г) суду вышестоящего звена;

д) специальному судебному органу.

Рассмотрим, где и каким образом применяются (применялись) такие возможности.

А) В Советской России (исключая те периоды, когда предание суду осуществлялось органами обвинительной власти) вопрос о достаточности доказательств для рассмотрения дела в судебном разбирательстве рассматривался и разрешался тем самым судьей (или распорядительным заседанием с участием того самого судьи), которому предстояло в дальнейшем (в случае принятия решения о предании суду) рассматривать уголовное дело (подробнее см. работу Н. А. Юркевич [15]).

Подобный порядок известен и другим государствам. Так, в Австрии в случае, когда производство по делу производится в суммарном порядке, единоличному судье суда первой инстанции или участковому судье обвинителем представляется письменное предложение о наказании (являющееся аналогом обвинительного акта). Обвиняемый в этом случае (в отличие от обычного порядка судопроизводства) не имеет возможности подать возражения на такое предложение о наказании. Однако при этом судья по собственной инициативе (обязательно) проверяет обоснованность предложения обвинителя и назначает дело к слушанию, только если посчитает обвинение в достаточной степени обоснованным имеющимися доказательствами [1].

По УПК ФРГ (вторая книга, четвертый раздел) подготовку к судебному разбирательству, так же как и в РФ, осуществляет единолично судья, который проверяет наличие фактических и юридических оснований для рассмотрения дела в судебном заседании. Начинается процедура предания обвиняемого суду с того, что прокурор передает в суд обвинительное заключение вместе с материалами уголовного дела. Председатель суда, в который поступило данное дело, сообщает обвиняемому содержание обвинительного заключения и предлагает ему заявить ходатайства о производстве действий для получения отдельных доказательств до принятия решения о назначении судебного разбирательства или возразить против назначения судебного разбирательства. Согласно параграфу 202 УПК ФРГ судья вправе истребовать дополнительные доказательства, которые, с его точки зрения, будут способствовать лучшему разбирательству дела. Суд выносит решение о назначении судебного разби-

рательства, если по результатам подготовительного производства имеется достаточно обоснованное подозрение лица в совершении преступления, то есть когда в результате тщательного анализа материалов дела формируется уверенность в том, что лицо совершило преступление и будет наказано. Интересной особенностью законодательства ФРГ является использование нескольких органов для решения вопроса о предании суду: это либо единолично судья – по делам, подсудным суду шеффенов или участковому суду; либо трое профессиональных судей – по делам, подсудным большой палате земельного суда; либо сенат в составе пяти профессиональных судей – по делам, подсудным Высшему земельному суду [14, с. 28].

В уголовно-процессуальном законодательстве Италии для дел небольшой тяжести предусмотрен ускоренный порядок их расследования и рассмотрения. Согласно ему претор вправе, допросив обвиняемого, принять решение о возможности слушания дела и тут же приступить к его рассмотрению [2].

В США в случае, если лицо обвиняется в совершении фелонии, производится предварительное слушание дела. При этом в рамках данной категории уголовных дел («фелония») выделяются две подгруппы: фелонии в узком смысле слова и так называемые «глобальные дела». Порядок производства предварительного слушания по этим двум подгруппам значительно различается. Так, в случае, если речь идет о «глобальном деле», предание суду осуществляется Большим жюри. Если же речь идет о фелонии в узком смысле, то произвести предварительное слушание, предъявить обвинение и разрешить вопрос о возможности рассмотрения обвинения в судебном разбирательстве вправе единолично магистрат [12, с. 92 – 99]. Если в ходе предварительного слушания становится очевидным, что дело должно слушаться в упрощенном порядке (а не судом присяжных), то его вправе принять к своему производству и рассмотреть тот судья, который и производил предварительное слушание [5, с. 83].

Б) Вариант, когда решение о предании обвиняемого суду принимается судом в одном судебном составе, а рассмотрение дела осуществляется тем же судом, но в другом судебном составе, либо другим судом того же звена, не столь распространен, как предыдущий. Во всяком случае мы можем указать лишь на рудиментарные его проявления. Например, в уголовном судопроизводстве РСФСР после 1936 г. на некоторое время была достаточно широко распространена практика, когда в распорядительном заседании суда, решающего вопрос о возможности рассмотрения дела в судебном разбирательстве, участвовал один профессиональный судья, а дальнейшее рассмотрение дела осуществлялось коллегией с участием другого профессионального судьи, не участвовавшего в принятии решения о предании суду. Эта практика несколько позже была осуждена как неправильная и фактически ликвидирована [4, с. 7].

Тем не менее и в последующий период, после принятия УПК РСФСР 1960 г., учеными обсуждался вопрос о допустимости рассмотрения дела с участием того судьи, который не принимал участия в принятии

решения о предании обвиняемого суду (например, в случае болезни судьи). При этом высказывались достаточно весомые аргументы о допустимости такого варианта. Хотя данная схема определения органа, имеющего право решать вопрос о достаточности доказательств для рассмотрения дела в судебном разбирательстве, и не получила широкого распространения, автор полагает, что она также принципиально возможна и заслуживает обсуждения с точки зрения оптимальности наряду с другими вариантами.

В) Поручение разрешения вопроса о достаточности доказательств для рассмотрения уголовного дела в судебном разбирательстве суду, нижестоящему по отношению к судебному органу, к компетенции которого отнесено рассмотрение соответствующего дела, – это законодательное решение, которое довольно широко используется в мировой практике.

В качестве примеров здесь можно привести законодательство США и Англии. Так, в Англии магистратские суды осуществляют предварительное рассмотрение по делам, подсудным вышестоящему суду – Суду Короны [4, с. 7]. Относительно США мы уже отметили, что по уголовным делам о фелонии предварительное слушание (составной частью которого является разрешение вопроса о достаточности доказательств обвинения для передачи дела на рассмотрение в суд присяжных) осуществляется нижестоящим судебным органом – магистратом [3, с. 52 – 53].

Г) Наконец, решение о предании суду может осуществляться и судом, вышестоящим по отношению к тому судебному органу, которому подсудно рассмотрение соответствующей категории уголовных дел. Такой способ применялся, в частности, в Российской империи, где он являлся составной частью обычной процедуры производства по уголовным делам [13]. По делам, подлежащим рассмотрению в Окружном Суде с участием присяжных заседателей, предание суду осуществлялось уголовным департаментом Судебной Палаты, являвшейся вышестоящим звеном судебной системы государства по отношению к окружным судам.

Однако указанный порядок не является чем-то особенным, изобретенным исключительно в России и не используемым более нигде. Так, в настоящее время в Австрии применяется аналогичный порядок решения вопроса о достаточности доказательств для передачи дела в судебное разбирательство. В соответствии с УПК Австрии по окончании предварительного следствия его материалы направляются прокурору, который вправе:

- принести судье обвинительный акт;
- возвратить материалы следственному судье для прекращения дела;
- самостоятельно принять решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

В случае принесения прокурором обвинительного акта дело (с возражениями обвиняемого на обвинительный акт) направляется в Высший суд земли, являющийся «судом второй инстанции» (таких судов всего 4). Данный судебный орган в закрытом судебном заседании рассматривает представленные материалы с точки зрения их достаточности для рассмот-

рения дела, а также с точки зрения обоснованности предъявленного обвинения и может принять решение как об утверждении обвинительного акта и назначении дела к слушанию (тогда дело передается в суд «первой инстанции» – суд земли или округа, являющийся нижестоящим по отношению к Высшему суду земли), так и о прекращении дела, исключении отдельных пунктов из обвинения или о временном отклонении обвинительного акта (по существу – о направлении дела на дополнительное расследование) [12].

Положительные и отрицательные последствия, характерные для случаев поручения разрешения вопроса о достаточности доказательств для рассмотрения дела в окончательном производстве судебным органам, широко рассматривались в отечественной юридической литературе.

В целом здесь можно обратить внимание на ряд существенных моментов.

1. Деятельность суда по решению вопроса о достаточности обвинительных доказательств для рассмотрения дела в судебном заседании в основном свободна от тех недостатков, которые характерны для аналогичной деятельности обвинителя. Суд в силу своего положения, незаинтересованности в исходе дела может оценить достаточность доказательств непредвзято и объективно, способен, если установлена в законе надлежащая процедура, учесть при разрешении данного вопроса мнение заинтересованных участников.

2. С другой стороны, в случае, если данный вопрос будет решаться тем же судом (судьей), который впоследствии будет рассматривать уголовное дело по существу, то предварительное изучение им доказательств по делу способно привести к формированию у него определенной позиции и предубеждения по делу еще до его рассмотрения в судебном разбирательстве. Данная опасность, однако, характерна не для любого субъекта, относящегося к судебной ветви власти. Подобной опасности можно избежать, если предварительная оценка достаточности представленных обвинительных доказательств будет осуществляться другими судьями суда, к ведению которого относится соответствующее уголовное дело, а также в случаях, когда она (такая оценка) осуществляется вышестоящим судом. Однако полностью избежать ее не удастся и в этих случаях, поскольку возникает высокая вероятность психологической зависимости судьи от мнения коллег по судебному учреждению, либо, тем более, от мнения судей вышестоящего суда или уже выраженной ими (пусть и предварительной) позиции.

С учетом сказанного оптимальным представляется создание специализированного органа, причем не только для предания обвиняемого суду, но и для осуществления иных видов судебного контроля. Отметим, что у этой идеи имеется немало сторонников среди ученых и практиков. К примеру, за введение фигуры следственного судьи высказался В. М. Лебедев, отмечая, что судебный контроль за расследованием может быть обеспечен и путем поручения этой функции следственному судье [8, с. 72 – 74].

Н. Г. Муратова предлагает передать следственному судье полномочия по осуществлению оперативно-

го контроля за досудебным производством и частично – полномочия по преданию суду [9, с. 4 – 5]. Подобное предложение высказано В. В. Николоком и Ю. В. Деришевым, которые выступают за создание специального судебного органа при судебном ведомстве – следственного судьи для организации судебного контроля за производством предварительного расследования прокурором, органами дознания и предварительного следствия [10, с. 170]. Но наиболее привлекательной представляется позиция О. А. Картохи-

ной, которая предлагает «ввести должность следственного судьи, правомочного принимать решения в ходе предварительного расследования об избрании мер пресечения и иных мер принуждения, а также о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан и отнесенные Законом к компетенции суда. А также наделить такого судью полномочиями по подготовке к судебному разбирательству, в том числе по проведению предварительного слушания» [6, с. 78].

Литература

1. Бутов В. Н. Уголовный процесс Австрии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 200 с.
2. Волынская О. В. Ускоренное производство в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 173 с.
3. Головки Л. В. Реформа уголовного судопроизводства в Англии // Государство и право. 1996. № 8. С. 129 – 135.
4. Громов Н., Ключев Н. Качество работы подготовительных заседаний // Советская юстиция. 1936. № 2.
5. Гуценко К. Ф. Основы уголовного процесса США. М.: Изд-во МГУ, 1994. 88 с.
6. Картохина О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 127 с.
7. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / отв. за вып. Б. А. Золотухин. М.: Республика, 1992. 111 с.
8. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. 384 с.
9. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 599 с.
10. Николок В. В., Деришев Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. 198 с.
11. Стенограмма заседания четвертой сессии Верховного Совета РФ. 1992. Бюллетень № 21. 48 с.
12. Стойко Н. Г., Семухина О. Б. Уголовный процесс в США: учебное пособие. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. 315 с.
13. Стойко Н. Г., Шагинян А. С. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1997. 82 с.
14. Юнусов А. А. Теория и практика эффективной подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 490 с.
15. Юркевич Н. А. Институт предания суду в России от реформы до реформы. Томск.: ТГУ, 2003. 112 с.

Информация об авторе:

Юркевич Николай Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8-903-943-92-82, crim_act@kemsu.ru.

Nikolay A. Yurkevich – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 03.03.2015 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований. Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года;
- в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года;
- в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
- в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение (Приложение 1¹) о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи студентов принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала, при этом *статьи обучающихся печатаются в журнале бесплатно*.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.

¹ Форма экспертного заключения в формате *.pdf* представлена на [сайте издания](#)

3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.
Например:
Ссылка на полный текст документа [6].
Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].
12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с [ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»](#). Под одним номером допустимо указывать только один источник.
13. Сокращения в тексте – по [ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила»](#). Допускается использование аббревиатур.
14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.
Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).
15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.
16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.
17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, оф. 2125
 Телефон: (3842) 58-13-01
 Факс: (3842) 58-44-03
 Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
 Адрес в Интернет: <http://vestnik.kemsu.ru>

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 07.05.2015 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 29.05.2015 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 30,87. Уч.- изд. л. – 26,64.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО Студия Рекламы "РеФорма". 650002, Кемерово, ул. Институтская, 12-16.